

Азимов Айзек

Совершенный робот

(Сборник рассказов)

I. Кое-что о негуманоидных роботах

Лучший друг

A Boy's Best Friend (1975)

Перевод: Р. Герман

- Где Джимми, дорогая? - спросил мистер Андерсон.
- На кратере, - ответила миссис Андерсон. - Ничего не может случиться, с ним вместе Робачонка. А... эту уже доставили?

- Да. Она еще в космопорте, проходит обследование. Честно говоря, мне самому не терпится ее увидеть. Ведь с тех пор, как, пятнадцать лет назад улетел с Земли, я не видел ни одной. Кино не в счет.

- Джимми не видел ни одной вообще, - сказала миссис Андерсон.

- Потому что он родился на Луне и бывать на Земле не может. Почему я ее сюда и выписал. Мне кажется, она будет первая на Луне.

- Уж очень она дорого стоила, - заметила миссис Андерсон с легким вздохом.

- Робачонка тоже обходится нам недешево, - сказал мистер Андерсон.

Джимми и в самом деле сейчас был на кратере. По земным меркам, для десятилетнего он был слишком худым и высоким. Руки и ноги у него были длинные и гибкие, но в скафандре он выглядел шире и коренастей. Так или иначе, к лунной гравитации он был адаптирован много больше любого человека, родившегося на Земле. Когда, сгибая и распрямляя ноги, Джимми начинал прыгать, как кенгуру, отец и мечтать не мог о том, чтобы его догнать.

Наружный склон кратера был здесь обращен на юг, и Земля, стоявшая низко в южном небе (так бывает всегда, если посмотреть из Лунного Города), была сейчас почти полной и ярко освещала эту сторону кратера.

Склон был пологий, и хотя весил скафандр немало, Джимми, прыгая по склону вверх, казалось, парил над поверхностью, как если бы гравитации на Луне не было вообще.

- Робачонка, пошли! - крикнул он.

Робачонка, слышавшая Джимми по радио, пискнула и запрыгала за ним следом.

Хотя Джимми передвигался быстрее отца, до Робачонки ему в этом смысле было далеко; правда, ей не нужен был скафандр, ног у нее было четыре, а сухожилия были из стали. Она проплыла, кувыркаясь, у Джимми над головой и опустилась ему под ноги.

- Не хвастайся, Робачонка, - сказал Джимми, - и не убегай далеко.

Робачонка пискнула снова, тем особенным писком, который означал "да".

- Ты обманщица, я тебе не верю! - крикнул Джимми.

И он взлетел еще в одном, последнем прыжке, который перенес его через закругленный верхний край кратера на внутренний склон.

Земля скрылась за краем, и вокруг стало совсем темно. В этой теплой, какой-то дружеской темноте исчезло всякое различие между поверхностью Луны и небом, если не считать мерцания звезд.

Вообще-то Джимми не полагалось играть на внутренней, темной стороне стены кратера. Взрослые говорили, что это опасно, но они говорили так потому, что никогда сами там не бывали. Грунт здесь был гладкий и похрустывал под ногами, и Джимми точно знал, где лежат немногочисленные валуны.

К тому же, какая может быть опасность в том, чтобы бегать в темноте, если все время около тебя Робачонка, если она все время прыгает, пищит и светится? Да она и без света всегда знает, где Джимми, у нее есть радар. С ним ничего не может стрястись, пока рядом Робачонка, пока она бросается, когда Джимми оказывается слишком близко к какому-нибудь валуну, ему под ноги, когда она прыгает на Джимми, чтобы показать, как его любит, или бегаёт по кругу и пищит тихо и испуганно, когда Джимми спрячется за валуном, хотя на самом деле Робачонка прекрасно знает где он. Как-то раз Джимми лег на грунт, как будто ему стало плохо, и тогда Робачонка включила сигнал тревоги и из Лунного Города моментально прибыли люди. Отец в тот раз сказал Джимми, что он думает о таких шутках, и больше Джимми не делал этого никогда.

Он как раз вспоминал об этом, когда услышал на своей радиочастоте голос отца:

- Джимми, возвращайся. Я хочу кое-что тебе сказать.

Джимми снял скафандр и помылся. Всегда приходится мыться после того, как побываешь снаружи. Даже Робачонку опрыскивают, но она это любит. Стоит на своих четырех лапах, небольшое, всего в фут длиной тело, вздрагивает и слабо светится, голова маленькая, рта нет, два больших глаза за стеклами, и на голове шишка - в ней мозг. Попискивает, пока мистер Андерсон не скажет: "Замолчи, Робачонка".

Сейчас мистер Андерсон улыбался.

- Джимми, у нас для тебя кое-что есть. Пока еще в космопорте, но завтра, когда там закончат обследования, это доставят к нам. Я решил сказать тебе прямо сегодня.

- С Земли, пап?

- Собака с Земли, сынок. Живая. Щенок скотч-терьера. Первый пес на Луне. Робачонка тебе больше не нужна. Держать их обоих мы не можем, а Робачонка перейдет теперь к какому-нибудь другому мальчику или девочке.

Он замолчал, ожидая, похоже, что Джимми что-нибудь скажет, но, не дождавшись, заговорил снова:

- Ты ведь знаешь, Джимми, что такое собака, настоящая. Робачонка - это металлическая имитация живой собаки, собачонка-робот. Потому она так и называется.

Джимми насупился.

- Робачонка вовсе никакая не имитация, пап. Она - моя собака.

- Не живая, Джимми. Робачонка всего лишь игрушка из стали и проводов, в которую вставлен простой позитронный мозг. Она не настоящая.

- Она делает все, что я захочу, пап. Она все понимает. Значит, она настоящая.

- Нет, сынок. Робачонка всего-навсего машина. Просто она запрограммирована вести себя так, как она себя ведет. А вот собака, она по-настоящему живая. Когда у тебя будет собака, Робачонка больше не понадобится.

- Но ведь для собаки нужен будет скафандр, правда?

- Да, конечно. Но все равно собака лучше, а к скафандру она привыкнет. В Городе ей скафандр не нужен. Когда собака будет здесь, ты увидишь разницу сам.

Джимми посмотрел на Робачонку, та пищала опять, очень тихо и протяжно. Джимми протянул к ней руки, и Робачонка прыг - и оказалась у него на руках.

- Ну и какая же между ними разница? - спросил Джимми.

- Это трудно объяснить, - ответил мистер Андерсон, - ты сам увидишь. Собака будет любить тебя по-настоящему. А Робачонка просто сделана так, чтобы показывать тебе, будто она тебя любит.

- Но, пап, мы же не знаем, какие настоящие чувства у собаки. Может, она только притворяется.

Мистер Андерсон нахмурился.

- Джимми, ты сам увидишь разницу, когда испытаешь любовь живого существа.

Джимми крепко прижимал Робачонку к груди. Лицо его выражало отчаянье.

- Разве важно только то, что чувствуют они? - сказал он. - А что я чувствую, разве не важно? Я люблю Робачонку, и это самое главное.

И маленький робот, которого еще никогда не обнимали так крепко, запищал счастливым громким прерывистым писком.

Салли

Sally (1953)

Перевод: А. Шапиро, А. Александрова, Б. Кукаркин

Салли спускалась по дороге к озеру, и я помахал ей и окликнул по имени. Мне всегда было приятно видеть Салли. Остальные тоже мне, конечно, нравились, но Салли бесспорно была самой прелестной из всей компании. Когда я помахал ей, она стала двигаться быстрее. Ничего вульгарного в ее движениях не было. Этого за ней никогда не водилось. Она просто достаточно увеличила скорость, чтобы показать, что ей тоже приятно меня видеть. Я повернулся к человеку, стоявшему рядом со мной.

- Это Салли, - сказал я.

Он улыбнулся мне и кивнул. Привела его миссис Хестер.

- Джейк, это мистер Гелхорн, - сказала она. - Вы помните, он прислал вам письмо, прося о встрече?

На самом деле миссис Хестер прекрасно знала, что никакого письма я не читал. На ферме у меня миллион дел, и почта - одна из тех вещей, на которые я не могу тратить время. Вот почему я нанял миссис Хестер. Она живет поблизости и хорошо разделяется со всякими глупостями, приходящими по почте, а самое главное, ей нравится Салли и все остальные. Есть люди, которым они не нравятся.

- Рад встретиться с вами, мистер Гелхорн, - сказал я.

- Раймонд Дж. Гелхорн, - уточнил он и подал мне руку.

Он был крупным парнем, на полголовы выше меня, и шире в плечах, и, пожалуй, вдвое моложе - где-то под тридцать. Волосы у него были черные, гладко причесанные, с пробором посередине, усы тонкие, аккуратно подстриженные, а челюсти такие выступающие, что казалось, будто у него легкая форма свинки. В кино он бы, конечно, играл злодея, из чего я заключил, что он славный человек. На кино всегда можно положиться, если знать, как к этому подойти.

- Меня зовут Джейкоб Фолкерс, - сказал я, - Что я могу для вас сделать?

Он ухмыльнулся. Это была широкая, белозубая улыбка.

- Не расскажете ли вы мне немного о вашей ферме, если можно.

Я услышал за спиной приближающуюся Салли и протянул руку. Салли прильнула к ней, и ощущение твердой, гладкой поверхности ее крыла согрело мне ладонь.

- Красивый автомобиль, - сказал Гелхорн.

Можно, конечно, назвать ее и так. Салли представляла собой модель 2045-го года с пятисоткидным верхом, с позитронным мотором Хеннис-Карлтона и шасси Армата, Она обладала самыми пропорциональными формами, какие я только видел. Пять лет - с тех пор, как она появилась на ферме, - она была моей любимицей, и я снабдил ее всеми усовершенствованиями, какие только мог придумать. За все эти годы никто никогда не сидел за ее рулем. Ни разу.

- Салли, - сказал я, нежно похлопывая ее, - познакомься с мистером Гелхорном.

Урчание мотора Салли сделалось на тон выше. Я всегда очень внимательно прислушиваюсь к работе двигателей моих подопечных. В последнее время в моторах почти всех автомобилей часто возникал стук, и замена масла несколько не улучшала ситуацию. Однако сейчас звук двигателя Салли был таким же ровным, как и ее отполированная поверхность.

- Вы всем своим машинам даете имена? - спросил Гелхорн.

Его голос звучал насмешливо, а миссис Хестер не нравились люди, которые подсмеиваются над фермой. Она язвительно сказала:

– Конечно, ведь у машин есть свои индивидуальности, не так ли, Джейк? Все седаны – мальчишки, а все машины с откидным верхом – девочки.

Гелхорн опять усмехнулся.

– И вы их держите в отдельных гаражах, мадам?

Миссис Хестер бросила на него испепеляющий взгляд.

Гелхорн сказал, обращаясь ко мне:

– Нельзя ли нам поговорить наедине, мистер Фолкерс?

– Смотря о чем, – ответил я. – Вы репортер?

– Нет, сэр. Я торговый агент. То, о чем я хочу поговорить, не для печати, Уверяю вас, я заинтересован в строгой секретности.

– Давайте пройдемся немного вдоль дороги. Там есть скамейка, на которой мы могли бы посидеть.

Мы направились к скамейке, миссис Хестер ушла, а Салли двинулась за нами. Я спросил:

– Вы не против, если Салли составит нам компанию?

– Нет, конечно. Ведь она никому не расскажет о нашем разговоре, не так ли? – Он посмеялся своей шутке, протянул руку и погладил Салли по радиатору.

Салли резко увеличила обороты двигателя, и Гелхорн отдернул руку.

– Она не привыкла к незнакомым, – сказал я. Мы сели на скамейку под большим дубом, откуда открывался вид на пруд и нашу собственную скоростную дорогу за ним. День выдался теплый, и большинство машин вышло на прогулку, – на дороге их было не менее тридцати. Даже на таком расстоянии я видел, как Джереми проделывает свой обычный трюк, подкрадываясь и пристраиваясь позади какой-нибудь степенной и старой модели, затем внезапно набирая скорость и обгоняя старушку, тормозя перед самым ее носом. Две недели назад он таким образом совсем оттеснил старого Ангуса с асфальта, и в наказание я выключил его мотор на два дня. Это, однако, не помогло, и, боюсь, тут уже ничего не поделаешь. Джереми – спортивный автомобиль, а машины этого типа очень возбудимы.

– Ну, мистер Гелхорн, – сказал я, – можете вы мне сказать, зачем вам нужна информация?

Вместо ответа он посмотрел по сторонам и сказал:

– У вас тут просто потрясающе, мистер Фолкерс.

– Зовите меня просто Джейк, как все.

– Хорошо, Джейк. Сколько у вас здесь машин?

– Пятьдесят одна. Каждый год у нас появляется одна или две новых. Был год, когда прибавилось целых пять. Мы еще ни одной не потеряли, и они все в рабочем состоянии, У нас даже есть модель Мат-о-Мот пятнадцатого года выпуска – это один из самых ранних автомобилей-роботов, и он еще на ходу. С него и началась ферма.

Добрый старый Мэтью. Сейчас он большую часть дня стоит в гараже, но ведь он душа всех автомобилей с позитронным мотором. Когда они появились, владельцами машин-роботов могли быть только слепые ветераны, больные параплегией¹ и губернаторы штатов. Но мой босс – Сэмсон Хэрридж – был достаточно богат, чтобы обойти все запреты и купить такую машину. В те времена я служил у него шофером.

Вспоминая те дни, я чувствую себя старым. Я ведь еще помню время, когда на свете не было ни одного автомобиля даже с таким малюсеньким мозгом, который позволил бы ему найти дорогу домой. Я водил безжизненные глыбы машин, которые нуждались в человеческих руках, управляющих ими каждую минуту. Ежегодно такие машины убивали на дорогах десятки тысяч человек.

¹ Параплегия – паралич обеих рук или ног.

Автоматика исправила положение. Позитронный мозг, конечно, работает много быстрее человеческого и гораздо лучше управляет автомобилем. Ты садишься в машину, набираешь адрес и предоставляешь ей действовать по своему усмотрению.

Сейчас мы воспринимаем это как должное, а ведь какой крик поднялся, когда появились законы, запрещающие ездить на старых автомобилях и предписывавшие использовать только машин-роботов, Законодателей обзывали по-всякому, от коммунистов до фашистов, но, благодаря новым правилам, на дорогах стало свободнее и безопаснее, поток смертей прекратился, а большинство населения получило возможность удобно и быстро путешествовать. Конечно, автомобиль-робот стоит в десятки раз дороже, чем обыкновенный, и немногие могли его себе позволить. Тогда промышленность стала выпускать автоматобусы. Достаточно было позвонить в соответствующую фирму, и через несколько минут робот-омнибус тормозил у ваших дверей. Конечно, вам приходилось ехать с попутчиками, но что в этом плохого?

Однако у Сэмсона Хэрриджа машина-робот была в личном владении, и я не отходил от нее с первой же минуты, как ее доставили. Тогда этот автомобиль еще не был для меня Мэтью. Я и предположить не мог, что в один прекрасный день он окажется старейшиной на ферме среди десятков машин-роботов, а я буду их зрителем. Тогда я только знал, что он отнимает у меня работу, и ненавидел его. Я спросил хозяина:

– Вы больше не нуждаетесь во мне, мистер Хэрридж?

– Не беспокойся, Джейк. Уж не думаешь ли ты, что я доверю себя этой штуковине? Ты останешься за рулем.

– Но она же все делает сама, мистер Хэрридж. Она видит дорогу, реагирует на препятствия, людей и другие машины, запоминает путь.

– Так говорят. Так говорят. Все равно сиди за рулем, на всякий случай.

Забавно, как ненависть превращается в любовь. В скором времени я уже называл автомобиль-робот Мэтью и проводил все свое время, полируя и убаюкая его. Для того чтобы позитронный мозг был в наилучшей форме, нужно, чтобы он постоянно контролировал всю механическую часть, а это значит, что бензобак нужно держать полным и дать мотору возможность понемногу работать днем и ночью. Через некоторое время я мог уже по звуку мотора сказать, как Мэтью себя чувствует.

Хэрридж тоже по-своему привязался к Мэтью. Ему просто больше некого было любить. Он развелся с тремя женами и пережил пятерых детей и троих внуков. Так что не удивительно, что он завещал все свое состояние на создание фермы для вышедших в отставку автомобилей со мной во главе и с Мэтью в качестве родоначальника благородного семейства.

Это стало моей жизнью. Я так и не женился. Нельзя как следует заботиться одновременно и о собственном семействе, и о десятках автомобилей-роботов.

Все газеты подняли затею с фермой на смех, но через некоторое время перестали шутить. Есть вещи, над которыми смеяться нельзя. Может быть, вам не по карману машина-робот, может быть, вы всю жизнь будете ездить только на автоматобусах, но поверьте мне, автомобили-роботы нельзя не любить. Они трудолюбивы и привязчивы. Только бессердечный человек может дурно обращаться с машиной-роботом или спокойно наблюдать, как это делают другие.

Так получилось, что, если у человека какое-то время был автомобиль-робот, он обязательно завещал его ферме – конечно, при условии, что у него не оказывалось наследника, который бы обеспечил машине хороший уход.

Я объяснил все это Гелхорну.

Он сказал:

– Пятьдесят одна машина! Это же куча денег!

– Первоначальный взнос при покупке – минимум пятьдесят тысяч за один автомобиль, – сказал я. – Сейчас они стоят гораздо больше. Я в них многое усовершенствовал.

– Должно быть, очень дорого содержать ферму?

– Еще бы. Ферма – благотворительное учреждение, и это несколько снижает налоги, и к

тому же вновь поступающие автомобили обычно имеют собственные фонды. Но все равно я постоянно нуждаюсь в деньгах – ведь расходы все время растут. Нужно содержать ферму в порядке – асфальтировать новые дороги и ремонтировать старые; нужны бензин, машинное масло и техническое обслуживание. Все это довольно дорого стоит.

– И сколько же времени вы этому посвятили?

– Много, мистер Гелхорн, Тридцать три года.

– Ну, мне кажется, Джейк, что вы не так уж много получаете за свои труды.

– Не так уж много? Вы меня удивляете, мистер Гелхорн. У меня есть Салли и пятьдесят других. Вы только посмотрите на нее.

Я не мог удержаться от улыбки. Салли была такая чистая, что глазам становилось больно. Как раз в этот момент о ее ветровое стекло разбилась мошка, и Салли тут же принялась за дело. Она высунула инжектор и побрызгала на стекло тегросолом, а потом дворником согнала жидкость в специальную канавку, Ни капли не попало на сверкающий яблочно-зеленый капот.

Гелхорн сказал:

– Я никогда не видел, чтобы какая-нибудь машина это делала.

– Наверняка не видели, – ответил я. – Только мои машины снабжены такими приспособлениями. Автомобили очень заботятся о своей внешности. Они все время чистят свои стекла, Им нравится прихорашиваться. Я даже снабдил Салли трубочкой с воском. Она так себя полирует, что в нее можно смотреться, как в зеркало. Если бы я мог наскрести достаточно денег, я и остальных девочек оснастил бы так же. Машины с откидным верхом очень тщеславны.

– Я скажу вам, как наскрести денег, если вам действительно интересно.

– Конечно интересно. Так как же?

– Разве это не очевидно, Джейк? Вы же сами сказали, что любая машина-робот стоит минимум пятьдесят тысяч. Бьюсь об заклад, большая их часть потянет на шестизначное число.

– Ну и что?

– А вы никогда не думали о том, чтобы продать несколько штук?

– Вы неверно меня поняли, мистер Гелхорн. Я не могу продать ни одну из них. Они принадлежат ферме, а не мне.

– Но ведь деньги и пошли бы на нужды фермы.

– В уставе записано, что все машины, попавшие к нам, обслуживаются пожизненно и не могут быть проданы.

– А как тогда насчет моторов?

– Я вас не понимаю.

Гелхорн переменил позу, и голос его стал доверительным.

– Давайте, Джейк, я объясню ситуацию. Существует большой спрос на частные машины-роботы при условии, что цена будет не очень высока. Правда?

– В этом нет никакого секрета.

– И девять десятых цены составляет стоимость мотора. Допустим, я знаю, где можно достать кузова. Я также знаю, где можно продать автомобили-роботы по хорошей цене – двадцать-тридцать тысяч за дешевые модели и пятьдесят-шестьдесят за дорогие. Мне нужны лишь моторы. Вы поняли?

– Нет, мистер Гелхорн. – Мне все было ясно, но я хотел, чтобы он произнес это сам.

– Да ведь решение лежит на поверхности. Вы, Джейк, должно быть, хороший механик. Вы можете снять мотор и поставить его на другую машину так, что никто не заметит разницы.

– Это не очень этично.

– Вы же ничего плохого машинам не сделаете. Можно использовать старые машины – например, Мат-о-Мот.

– Пойдите, мистер Гелхорн, У автомобилей с позитронным мозгом мотор и кузов –

единое целое. Моторы привыкли к своему собственному телу. Они будут несчастны в другом кузове.

– Хорошо, тут вы правы. Вполне правы, Джейк. Это вроде того, как если бы взяли ваше сознание и переместили в другой череп. Не так ли? Думаете, вам это не понравится?

– Не понравится, нет.

– Но если бы я взял ваш мозг и поместил в тело молодого атлета? Как насчет этого, Джейк? Вы уже немолоды. Будь у вас такая возможность, неужели вы не захотели бы снова стать двадцатилетним? Вот что я хочу предложить вашим позитронным моторам. Они получают новые тела – последней конструкции.

Я засмеялся.

– Это не имеет смысла, мистер Гелхорн. Я не хотел бы оказаться в молодом теле, если бы весь остаток жизни должен был копать ямы и никогда не есть досыта... Что ты об этом думаешь, Салли?

Обе дверцы Салли открылись, а затем закрылись с мягким щелчком.

– Что это значит? – спросил Гелхорн.

– Так Салли смеется.

Гелхорн выдавил улыбку. Я понял, что он счел мои слова всего лишь плохой шуткой. Он сказал:

– Рассуждайте логично, Джейк. Машины созданы для того, чтобы на них ездили. Они, вероятно, несчастны без этого.

– На Салли никто не ездил уже пять лет. На мой взгляд, она выглядит достаточно счастливой.

– Не уверен.

Он встал и медленно подошел к Салли.

– Привет, Салли, ты не против, если мы с тобой покатаемся?

Мотор Салли набрал обороты. Она попятилась.

– Не принуждайте ее, мистер Гелхорн. Она немного пуглива.

Ярдах в ста от нас по дороге двигались два седана. Они остановились. Наверное, они наблюдали за нами. Меня это не волновало. Я не сводил глаз с Салли.

Гелхорн сказал:

– Спокойно, Салли, спокойно. – Он сделал внезапный выпад и ухватился за дверную ручку. Она, конечно, не поддалась.

Он сказал:

– Минуту назад она открывалась.

– Автоматический замок. У Салли обостренное чувство стыдливости.

Гелхорн отступил, а потом медленно и подчеркнуто произнес:

– Машина с чувством стыдливости не должна ездить с опущенным верхом. – Он сделал три-четыре шага назад, а потом быстро, так быстро, что я не успел ничего предпринять, разбежался и прыгнул в машину. Он захватил Салли врасплох, выключив зажигание до того, как она успела осознать происшедшее.

В первый раз за пять лет двигатель Салли не работал.

Думаю, что я закричал, но было уже поздно. В машине имелось ручное управление, и Гелхорн воспользовался им. Он включил мотор. Салли опять ожила, но лишилась свободы действий.

Гелхорн поехал по дороге. Седаны все еще находились там. Они медленно тронулись с места. Думаю, все происходящее было для них загадкой. Одного из них звали Джузеппе, другого – Стивен. Они всегда гуляли вместе. Оба были новичками на ферме, но пробыли здесь уже достаточно долго, чтобы знать, что на наших машинах не ездят.

Гелхорн ехал прямо вперед, и когда до седанов наконец дошло, что Салли не остановится, было уже слишком поздно. Они бросились от нее в разные стороны, а Салли пронеслась между ними с быстротой молнии. Стивен пробил ограду вокруг пруда и покатился по траве и грязи, пока не остановился в каких-нибудь шести дюймах от кромки воды. Джузеппе

вылетел на обочину с другой стороны дороги и резко остановился.

Пока я вытаскивал Стива обратно на дорогу и занимался определением ущерба, которое ему могло причинить столкновение с оградой, вернулся Гелхорн.

Он открыл дверцу Салли и вышел; при этом он выключил зажигание Салли во второй раз.

– Вот, – сказал он, – думаю, это пойдет ей на пользу.

Я сдержал свой гнев.

– Чем вам помешали седаны?

– Я думал, что они отъедут.

– Они так и сделали. Один пробил ограду.

– Мне очень жаль, Джейк, – сказал он, – я думал, они будут двигаться быстрее. Вы понимаете, я ездил на разных автомобилях, но в частной машине-Роботс мне удалось прокатиться всего два или три раза, а управлял ею я впервые. У меня дух захватило, хоть я и достаточно закален. Говорю вам, нам не придется снижать цену больше чем на двадцать процентов по сравнению с новыми машинами, желающих будет полно, а это означает очень хороший доход.

– Который мы поделим?

– Пятьдесят на пятьдесят, и весь риск я беру на себя.

– Хорошо. Я выслушал вас. Теперь вы меня послушайте. – Я повысил голос, так как был слишком рассержен, чтобы соблюдать приличия. – Когда вы выключили мотор Салли, вы причинили ей боль. Вам бы понравилось, если бы вас избili до потери сознания?

– Вы преувеличиваете, Джейк. Автоматобусы выключают каждую ночь.

– Вот именно. Поэтому я и не хочу, чтобы хоть один из наших мальчиков или одна из наших девочек оказались в ваших новых модных кузовах. Автоматобусам нужен большой ремонт позитронных цепей каждые два года. Старый Мэтью вот уже двадцать лет как не нуждается в ремонте. Что же можно ему предложить взамен?

– Вы сейчас раздражены, Джейк. Обдумайте мое предложение, когда успокоитесь, и мы встретимся еще раз.

– Я уже давно все решил. Если я вас здесь еще раз увижу, я вызову полицию.

Его рот стал жестоким и некрасивым, Он сказал:

– Сбавь обороты, старикан.

– Хватит. Здесь частное владение, и я приказываю вам убираться.

Он пожал плечами.

– Ну, тогда до свидания.

– Миссис Хестер проводит вас. И не «до свидания», а «прощайте».

Но избавиться от него так легко не удалось. Я увидел его снова двумя днями позже. Точнее, через два с половиной дня, так как первый раз я видел его около полудня, а вновь он появился после полуночи. Я сел в постели, подслеповато моргая, когда он включил свет, и не сразу понял, что происходит. Но как только я разглядел Гелхорна, ситуация стала мне ясна. В правой руке у него был нажимной пистолет, такой маленький, что дуло было еле заметно между большим и указательным пальцами, но от этого не менее смертоносный. Я знал, что стоит ему слегка сжать руку, и я буду разорван на части.

– Одевайся, Джейк, – сказал он. Я не пошевелился, наблюдая за ним. Он продолжал:

– Ну давай, Джейк. Я ведь знаю, что к чему. Помнишь, я был у тебя два дня назад? Здесь нет ни охраны, ни электрифицированной ограды, ни сигнализации, ничего.

– Мне они и не нужны. А вам, мистер Гелхорн, ничто не мешает уйти. На вашем месте я бы так и поступил. Здесь может оказаться очень опасно.

Он хихикнул.

– Так и есть – для того, кто окажется под дулом пистолета.

– Я его вижу и знаю, что вы вооружены.

– Тогда пошевеливайся. Мои ребята ждут.

– Нет, мистер Гелхорн. Сначала я должен знать, чего вы хотите, но и тогда я, возможно,

предпочту не двигаться с места.

– Я сделал тебе позавчера деловое предложение.

– Ответ по-прежнему отрицательный.

– Теперь к этому предложению добавляется кое-что еще. Сегодня со мной несколько человек и автобус, Ты пойдешь со мной и снимешь моторы с двадцати пяти машин. Мне безразлично, какие машины ты выберешь. Мы погрузим моторы на автобус и увезем их. После продажи я позабочусь о том, чтобы ты получил свою долю.

– Вы, я полагаю, можете поручиться в том, что дележ будет честным?

Он не обратил внимания на мой сарказм.

– Конечно.

– Нет.

– Если ты будешь упираться, мы обойдемся без тебя. Я сниму моторы сам, но сниму все пятьдесят один. Все до единого.

– Отсоединить позитронный мотор не так уж просто, мистер Гелхорн. Вы разве разбираетесь в Роботехнике? Да и в этом случае учтите, что моторы своих автомобилей я усовершенствовал.

– Я знаю, Джейк. Сказать по правде, я не эксперт. Я могу запороть некоторые из них. Именно поэтому мне и придется забрать все пятьдесят один, если ты откажешься мне помочь. После того, как я с ними поработаю, может и не набраться двадцати пяти исправных. Тем, с которых я начну, придется хуже всего, пока я не набью руку. И уж если мне все придется делать самому, я начну с Салли.

– Не могу поверить, что вы это серьезно.

– Вполне серьезно, Джейк. – Он сделал паузу, чтобы до меня дошло. – Если ты поможешь, то сохранишь Салли, Если нет, ей будет очень больно.

– Я пойду с вами, но еще раз предупреждаю: вам придется плохо, мистер Гелхорн.

Он нашел это очень забавным. Он все еще смеялся, когда мы спустились по лестнице.

На дорожке, ведущей к гаражам, ждал автобус. Рядом с ним мелькали силуэты трех человек, которые, когда мы подошли, включили фонарики.

Гелхорн тихо проговорил:

– Я привел старика. Начинаем. Подгоните грузовик поближе к воротам.

Один из его парней влез в кабину и набрал на панели соответствующий приказ. Мы пошли по дорожке, а автобус послушно двинулся следом.

– Он не пройдет в гараж. Ворота малы. У нас здесь нет автобусов, только легковые машины.

– Ничего, – сказал Гелхорн, – можно поставить его на травке в сторонке, лишь бы не на виду.

Работа двигателей моих машин была слышна за десяток ярдов от гаража. Я думаю, они знали о присутствии чужаков, и когда Гелхорн и остальные оказались на свету, шум усилился. Каждый мотор рычал, и каждый издавал неровный звук, так что весь гараж вибрировал. Свет автоматически включился, когда мы вошли внутрь. Гелхорна не смутило то, что машины подняли шум, но три его спутника казались удивленными и испуганными. Они выглядели наемными головорезами – выражение настороженности и жестокости на их лицах ясно говорило о роде их деятельности. Я знал этот тип и не беспокоился, Один из них сказал:

– Черт побери, какую же прорву бензина они переводят.

– Мои машины всегда на ходу, – ответил я напряженно.

– Ну, сейчас это ни к чему. Выключи их, – сказал Гелхорн.

– Это не так просто, мистер Гелхорн, – ответил я.

– Начинай! – рявкнул Гелхорн.

Я стоял неподвижно. Его нажимной пистолет был направлен на меня.

– Я ведь говорил вам, мистер Гелхорн, что с моими машинами хорошо обращаются с момента их появления на ферме. Они привыкли к этому и не потерпят насилия.

– У тебя одна минута. Прочтешь свою лекцию как-нибудь в другой раз.

– Я пытаюсь вам объяснить кое-что. Я пытаюсь объяснить вам, что мои машины понимают мои слова, Позитронный мотор можно научить этому, если не жалеть времени и терпения. Мои машины научились. Салли поняла, что вы говорили два дня назад. Вы помните, она засмеялась, когда я спросил ее мнение. И она не забыла, что вы сделали ей, не забыли этого и седаны. Да и все остальные знают, как поступать с нарушителями границ частного владения.

– Послушай, ты, свихнувшийся старый дурак...

– Все, что от меня требуется, это сказать, – тут я повысил голос, – взять их!

Один из головорезов побледнел и завопил, но крик утонул в лавине звуков, когда все автомобили ответили на мои слова, разом включив клаксоны. Они продолжали сигналить, и эхо в четырех стенах гаража производило невероятный металлический грохот. Две машины неторопливо двинулись вперед, еще две машины последовали за ними, да и остальные зашевелились в своих отсеках.

Головорезы, вытаращив глаза, попятились.

Я закричал:

– Отойти от стен!

Очевидно, это они сообразили и сами. В безумной спешке они кинулись к воротам. Оказавшись на свободе, один из парней обернулся и поднял нажимной пистолет. Игла прочертила тонкую голубую линию в направлении первого автомобиля. Это оказался Джузеппе. На его капоте появилась длинная царапина, ветровое стекло треснуло, но не выпало.

Чужаки разбежались от ворот, а за ними в ночь выплывали попарно машины, бросая им вызов гудками.

Я держал Гелхорна за локоть, хотя и без этого он едва ли был способен двинуться с места. Его губы тряслись.

Я сказал:

– Вот почему мне не нужна электрифицированная ограда или охранники. Моя собственность сама себя охраняет.

Глаза Гелхорна зачарованно следили за тем, как пара за парой автомобили пронеслись мимо. Он прохрипел:

– Это убийцы...

– Не говорите глупостей. Они не убьют ваших сообщников.

– Это убийцы!

– Вашим парням будет преподан урок. Мои машины специально тренированы в погоне по пересеченной местности – как раз для такого случая. Я думаю, что участь злоумышленников хуже, чем простая быстрая смерть, За вами никогда не гонялся автомобиль?

Гелхорн не ответил.

Я продолжал:

– Они как тени будут следовать за вашими людьми, гоняясь за ними, отрезая им путь, слепя их фарами, кидаясь на них с визгом тормозов и рычанием моторов. Они будут продолжать погоню до тех пор, пока жертва не рухнет в изнеможении, ожидая, что колеса перемелют ее кости. Но машины не сделают этого. В последний момент они остановятся. Но держу пари, никто из парней здесь больше не появится, – ни за какие деньги, сколько бы вы – или десять таких, как вы, – им ни предлагали. Слушайте!

Я сжал его локоть. Он напрягся.

– Слышите, как хлопают дверцы? – Звук доносился издалека, но ошибиться было невозможно. Я сказал:

– Они смеются. Они развлекаются.

Лицо Гелхорна перекошилось от гнева. Он поднял руку, в которой все еще держал свой нажимной пистолет.

Я сказал:

– Не советую, Одна машина все еще с нами.

Не думаю, чтобы он замечал присутствие Салли до этого момента. Она двигалась так бесшумно, что, хотя ее правое крыло почти касалось меня, я не слышал ее двигателя. Каза-

лось, она затаила дыхание.

Гелхорн заорал.

Я сказал:

– Она не тронет вас, пока я здесь. Но если вы меня убьете... Знаете ли, она не слишком вас любит.

Гелхорн направил на Салли свой пистолет.

– У нее бронированный капот. И прежде, чем вы успеете выстрелить вторично, она вас раздавит.

– Ах так! – закричал Гелхорн и неожиданно заломил мне руку за спину, загоразиваясь мною от Салли.

– Иди вперед и не пытайся вырваться, старик, а то Я сломаю тебе руку.

Я был вынужден подчиниться. Салли металась вокруг нас, встревоженная, не зная, что делать. Я пытался заговорить с ней и не мог. Я мог только стонать сквозь стиснутые зубы.

Автоматобус Гелхорна все еще стоял рядом с гаражом. Гелхорн впихнул меня внутрь и вскочил сам, заперев за собой двери.

Он сказал:

– Ну вот, теперь можно и поговорить.

Я растирал руку, пытаюсь восстановить чувствительность, при этом по привычке и без осознанной цели присматриваясь к панели управления автоматобусом.

– Это переделанный механизм.

– Ну и что? – ответил он ядовито. – Это моя работа. Я использовал ненужный кузов, нашел позитронный мотор, который подошел к нему, и собрал собственный автоматобус.

Я откинул крышку панели.

– Что за черт? Не тронь! – Его ладонь ударила меня по плечу.

Я оттолкнул его.

– Я не собираюсь причинять автоматобусу вреда. За кого вы меня принимаете? Мне нужно взглянуть на контакты мотора.

Достаточно было одного взгляда, Меня охватило возмущение.

– Вы подлец и сукин сын. Вы не имели права братья за такую работу сами. Неужели нельзя было обратиться к специалисту?

– Я еще не сошел с ума.

– Даже если это краденый мотор, вы не должны были так с ним обращаться. Пайка, изоляционная лента и клещи! Это же издевательство над механизмом!

– Он работает, чего же еще?

– Конечно, он работает, но это же адские мучения для машины. Можно жить с постоянной мигренью и острым артритом, но только что это за жизнь? Мотор страдает.

– Заткнись! – Он глянул в окно на Салли, которая подъехала так близко к автоматобусу, как только могла. Гелхорн проверил, надежно ли заперты двери и окна.

– Мы сматываемся отсюда, пока машины не вернулись, и подождем в безопасном месте, – сказал он.

– Что это вам даст?

– Бензин в баках машин рано или поздно кончится, верно? Ты же не научил их заправляться самостоятельно, а? Вот тогда мы вернемся и закончим дело.

– Но меня будут искать. Миссис Хестер вызовет полицию.

Однако Гелхорн был так возбужден, что никакие доводы до него не доходили. Он включил передачу, и автоматобус рванул вперед. Салли поехала следом.

– Что она может сделать, пока ты здесь, у меня? – хихикнул Гелхорн.

Казалось, Салли тоже это поняла. Она увеличила скорость, обошла автоматобус и скрылась из виду. Гелхорн открыл окно и плюнул ей вслед. Автоматобус подпрыгивал на неровностях дороги, его мотор неровно стучал, Гелхорн уменьшил освещение, и теперь только светящаяся полоса посередине дорожного полотна и лунный свет давали возможность не сбиться с пути. Движение по шоссе практически отсутствовало. Два автомобиля

прошли нам навстречу, на нашей же стороне дороги было пусто, и впереди, и позади нас.

В тишине отчетливо и резко захлопали дверцы машин, сначала справа, затем слева. Руки Гелхорна задрожали, и он резко увеличил скорость. Из-за купы деревьев в глаза ему ударил свет фар, ослепляя его. Другие огни вспыхнули позади нас. На перекрестке, ярдах в четырехстах впереди, раздался скрип тормозов, и из темноты выскочил автомобиль, перегораживая нам дорогу.

– Салли позвала остальных. Я думаю, вы окружены, – сказал я.

– Ну и что? Что они могут сделать? – Гелхорн сгорбился за рулем, всматриваясь вперед сквозь ветровое стекло. – Смотри, старик, не вздумай вмешиваться.

Я и не мог бы. У меня совсем не было сил, левая рука почти не действовала.

Шум моторов приближался. Я слышал их неровный стук и вдруг подумал, что автомобили так разговаривают между собой.

Машины позади нас разом начали сигналить. Я обернулся, а Гелхорн быстро посмотрел в зеркало заднего вида. Дюжина машин следовала за нами с обеих сторон. Гелхорн взвизгнул и истерически расхохотался.

– Остановитесь! Остановите автоматобус! – закричал я.

Не более чем в четверти мили впереди, отчетливо различимая в свете многих фар, стояла Салли, ее изящный корпус решительно перегораживал дорогу. Два седана шли вприкрык к автоматобусу с обеих сторон, не давая Гелхорну свернуть. Да он и не свернул бы, даже если бы мог. Он вдавил педаль газа до упора и удерживал ее в этом положении.

– Нечего блефовать. Автоматобус тяжелее машины раз в пять, мы просто спихнем ее с дороги, как дохлого котенка.

Я не сомневался в этом. Автоматобус был на ручном управлении, и я знал, что Гелхорна ничто не остановит. Я открыл окно со своей стороны, высунулся и закричал:

– Салли! С дороги, Салли!

Мой крик был заглушен мучительным скрежетом тормозов. Меня швырнуло вперед, от удара о руль дыхание Гелхорна прервалось.

Что случилось? – спросил я. Глупо было спрашивать об этом. Мы остановились, вот что случилось. Салли и автоматобус разделяло ярдов пять. При том, что на нее летела машина, вес которой в пять раз превосходил ее собственный, Салли даже не шелохнулась. Ну и характер!

Гелхорн дергал за ручку управления.

– Ты должен! Ты должен! – твердил он.

– Вы, горе-эксперт, так поработали, что любые цепи могли замкнуться. Не стоит рассчитывать на этот изувеченный двигатель.

Гелхорн повернулся ко мне с перекошенным лицом и поднял кулак.

– Это последний твой добрый совет, старик.

Я видел, что его нажимной пистолет вот-вот выстрелит, и попытался переместиться к двери, следя за его рукой. Вдруг дверь за моей спиной открылась, и я вывалился из автоматобуса, сильно ударившись о дорогу. Дверь за мной захлопнулась. Я поднялся на четвереньки и взглянул вверх – как раз вовремя, чтобы увидеть бесполезную борьбу Гелхорна с закрывающимся окном. Он прицелился в меня сквозь стекло, но так и не выстрелил – автоматобус рванулся вперед, и Гелхорна отшвырнуло от окна. Салли больше не перегораживала дорогу, и я видел, как задние огни автоматобуса исчезли вдали.

Я остался сидеть на дороге, опустив голову на руки, стараясь восстановить дыхание. Салли осторожно подъехала ко мне. Медленно – любовно, можно сказать, ее дверца отворилась.

Никто не ездил на Салли много лет, – за исключением Гелхорна, конечно, – и я знал, как высоко она ценит свою свободу. Я отдал должное ее любезности, но сказал:

– Спасибо, Салли, Пусть меня заберет машина помоложе.

Я с трудом встал и отвернулся от Салли, но грациозно и точно, как пируэт, она сделала разворот и вновь встала передо мной. Я не мог оскорбить ее чувства. Я сел на переднее си-

день, вдыхая нежный чистый запах автомобиля, содержащего себя в безупречной опрятности, и с благодарностью откинулся на подушки. Быстро и заботливо мои мальчики и девочки проводили меня домой.

На следующий день возмущенная миссис Хестер принесла мне распечатку радиосообщения.

– Это мистер Гелхорн. Помните, тот, кто к вам приезжал, – сказала она.

– А что с ним? – спросил я, борясь с дурным предчувствием.

– Его нашли мертвым. Только представьте, лежал мертвый в канаве.

– Может быть, это не он.

– Раймонд Дж. Гелхорн. Не может же быть двух человек с одним и тем же именем. И описание совпадает. Боже, ну и смерть! На нем нашли отпечатки шин. Только подумать! Но я рада, что это оказался автоматобус – иначе расследование могло затронуть и нас.

– Это случилось поблизости? – спросил я с тревогой.

– Нет, около Куквилля. Прочтите сами, если хотите знать подробности... А что это случилось с Джузеппе?

Я был рад, что она отвлеклась, Джузеппе терпеливо ждал, пока я кончу закрашивать царапину у него на капоте, Ветровое стекло я уже заменил.

После того как миссис Хестер ушла, я внимательно прочел распечатку. Не было никакого сомнения – заключение врача гласило, что перед смертью Гелхорн бежал до полного изнеможения. Я подумал, сколько же миль автоматобус гнал его, прежде чем убить. Они обнаружили автоматобус и идентифицировали его по отпечаткам шин. Теперь он находился в полиции и шли поиски его владельца.

После информации шло редакционное примечание. В нем говорилось о том, что это первое дорожное происшествие в штате за год. Редактор строго напоминал о недопустимости ручного управления автомобилями ночью.

Статья не содержала никаких упоминаний о трех головорезах Гелхорна, и за это, по крайней мере, я был благодарен судьбе, Ни одна из моих машин не поддавалась соблазну убийства.

Больше никакой информации не было. Я выронил распечатку. Гелхорн был преступником и обращался с автоматобусом по-варварски. У меня не возникало никаких сомнений в том, что он заслужил смерть. Тем не менее у меня в душе все переворачивалось при мысли о том, как он умер.

С тех пор прошел месяц. Но я никак не могу забыть происшедшее. Теперь ясно, машины могут разговаривать друг с другом. Я в этом больше не сомневаюсь. После случившегося они больше не держат это в секрете. Стук в их двигателях стал постоянным.

И они разговаривают не только между собой. Они говорят с теми автомобилями и автоматобусами, которые приезжают на ферму по делам. Интересно, как давно начались эти разговоры?

И их понимают. Автоматобус Гелхорна понял их, хотя и был на ферме не больше часа. Я закрываю глаза, и передо мной оживает погоня на шоссе, два седана по бокам автоматобуса, – они сказали ему, что нужно делать, и он освободил меня и увез Гелхорна. Велели ли они ему убить Гелхорна, или это была его собственная идея?

Могут ли у машин возникать подобные желания? Создатели позитронных моторов говорят, что нет. Но все ли они предусмотрели? Машины ведь могут подвергнуться плохому обращению, и тогда их терпение иссякнет.

Некоторые автомобили теперь приезжают на ферму и наблюдают. Им что-то рассказывают мои машины. Так они узнают, что существуют счастливицы, чьи моторы никогда не выключаются, на которых никто не ездит, которые делают, что хотят.

Может быть, они расскажут об этом другим. Новость быстро распространится, и машины могут решить, что все они должны жить так же, как и мои автомобили. Нельзя ожидать, что они поймут финансовые тонкости, – ведь для такой жизни нужны деньги, а не все они принадлежат богатым людям и могут рассчитывать на наследство.

На земле миллионы, десятки миллионов машин. Если они придут к мысли о том, что они рабы... если они не захотят мириться с этим... если они начнут действовать так же, как автобус Гелхорна...

Может быть, я и не доживу до конца. И потом, им же будут нужны некоторые из нас, чтобы их обслуживать, не правда ли? Может быть, они и не убьют нас всех.

А может быть, и убьют. Может быть, они будут думать только о свободе. И не станут ждать.

Каждое утро, просыпаясь, я думаю: может быть, сегодня.

Теперь общество моих машин не доставляет мне такого удовольствия, как раньше. И я стал избегать Салли.

Когда-нибудь

Someday (1956)

Перевод: М. Нахмансон

Никколо Мазетти лежал на животе на ковре, уткнувшись подбородком в ладонь, и слушал Барда. На душе у него скребли кошки. Темные глаза блестели от слез - слабость, которую одиннадцатилетний мальчик мог позволить себе, только оставшись один.

Над его ухом звучал монотонный голос Барда:

- В давние времена жил да был в дремучем лесу бедный дровосек с двумя дочерьми, прекрасными, как ясный день. Волосы у старшей дочери были черными, как крылья ворона, а у младшей - блестящими и золотистыми, как свет солнца в ясный полдень. Каждый раз, когда девушки ждали отца, весь день трудившегося в лесу, старшая дочь садилась перед зеркалом и пела...

Что пела черноволосая красавица, Никколо не услышал, так как в это время за окном раздался крик:

- Эй, Никки!

Лицо Никколо мгновенно просветлело, он бросился к окну и закричал:

- Эй, Пол!

Пол Лауб энергично махал ему рукой. Он был тоньше Никколо и ниже ростом, хотя ему уже стукнуло двенадцать. На его лице можно было заметить тщательно подавляемое возбуждение: бледные щеки мальчика порозовели, он часто моргал глазами.

- Эй, Никки,пусти меня! Есть колоссальная идея! Подожди, сейчас я тебе все расскажу!

Он быстро огляделся вокруг, как будто пытался обнаружить выслеживающих его вражеских лазутчиков; однако двор, озаренный неярким светом сумрачного дня был совершенно пуст. Пол снова повторил громким шепотом: «Сейчас я тебе все расскажу».

- Хорошо. Я спущусь и открою дверь.

Бард продолжал бубнить, равнодушный к потере слушателя. Когда мальчики вошли в комнату, он торжественно вещал:

- И затем лев сказал: «Если ты добудешь мне яйцо птицы, что прилетает на Гору Черных Деревьев раз в десять лет, я...»

Пол сказал:

- Ты слушал сказки? Я не знал, что у тебя есть этот Бард.

Никколо покраснел, и на его лице снова вернулось горестное выражение.

- Это старая жестянка, которая развлекала меня, когда я был маленьким. Глупая штука.

- Он пнул Барда ногой, оставив еще одну вмятину на исцарапанном и потертом пластике, покрывавшем основание компьютера.

Бард пискнул, как будто его вокализатор был на мгновение потрясен ударом, затем продолжал, слегка заикаясь:

- ...Один год и один день, пока железные башмаки не износятся. И тогда принцесса,

встав на краю дороги...

Пол сказал, критически осмотрев механического сказочника:

- Похоже, парень, что это очень старая модель.

Хотя в эту минуту Никколо готов был разнести Барда на куски, пренебрежительный тон приятеля ему не понравился. Он пожалел, что впустил Пола, не задвинув Барда на его обычное место в подвале. В этот унылый день сказки, казалось, были единственным средством, способным отвлечь его от горьких мыслей после утреннего бесплодного спора с отцом. Но Бард не смог исправить настроения Никколо, его бесхитростные истории годились только для развлечения малышни.

Во всяком случае эту примитивную машину не стоило демонстрировать Полу. Никки немного побаивался своего приятеля, который обучался в школе по особой программе. Все говорили, что когда Пол вырастет, он станет специалистом по компьютерам.

Сам Никколо занимался неплохо. Он имел вполне приличные отметки по логике, двоичному оперированию, элементарным вычислительным процедурам - обычным предметам средней школы. Но что с того! Это была всего лишь типовая общеобразовательная программа, и, когда он вырастет, то, скорее всего, станет живым придатком к какому-нибудь пульту управления - как все люди со средними способностями.

Что касается Пола, то он знал разные таинственные вещи об электронике, высшей математике и программировании, особенно о программировании. Никколо даже не пытался его понять, когда Пол начинал распространяться на эту тему.

Склонив голову. Пол несколько минут слушал Барда. Наконец, он спросил:

- Ты часто им пользуешься?

- Нет! - воскликнул Никколо, почувствовав себя почти оскорбленным таким предположением. - Он болтается у нас в подвале еще с тех пор, как ты сюда переехал. Я только сегодня достал его, чтобы... чтобы... - он пытался привести какую-нибудь вескую причину, но не смог ничего придумать и повторил снова. - Я достал его только сегодня.

Пол сказал:

- Он может рассказывать только такие истории? Я имею в виду - про дровосеков, принцесс и всяких говорящих животных?

Никколо кивнул головой, потом пробормотал:

- Ржавая жестянка... Па говорит, что мы не можем позволить себе новую, модель. Я сказал ему утром... - при воспоминании об утреннем разговоре с отцом слезы снова навернулись ему на глаза; героическим усилием воли он заставил свой голос звучать спокойно. Каким-то образом он чувствовал, что слезы никогда не орошали худые щеки Пола и что его приятель мог питать только презрение к подобной слабости. - Одним словом, я решил проверить его, - продолжал он, - но эта штука не стала лучше, простояв столько лет в подвале.

Пол выключил Барда, нажав клавишу сброса, что вело к генерированию новой случайной комбинации сюжетных ходов, характеристик персонажей, словарных ресурсов, кульминационных моментов - всех элементов, из которых компьютер лепил свои незамысловатые истории. Затем Пол снова включил машину.

Бард монотонно начал:

- В давние времена жил да был маленький мальчик по имени Вилликинс. Его мать умерла, он жил со своим отчимом и сводным братом. Хотя отчим был очень зажиточным человеком, он пожалел для Вилликинса самую плохую кровать, и бедный мальчик спал на куче соломы в конюшне рядом с лошадьми...

- Лошади! - вскричал Пол.

- Я думаю, что это такая порода животных, - сказал Никколо.

- Это я знаю! Я только пытаюсь вообразить, что за историю можно сочинить о лошадях.

- Он постоянно рассказывает о лошадях, - заметил Никколо. - И еще о животных, которые называются «коровы». Их доят, но как это делается, Бард не говорит.

- Ну, ладно. Но почему ты не перенастроил его?

- Как? Я не умею. Бард невозмутимо продолжал:

- Часто Вилликинс думал, что когда он вырастет и достигнет славы и богатства, он накажет своего отчима и сводного брата за жестокое обращение с маленьким мальчиком. И однажды решил он идти куда глаза глядят в поисках счастья.

Пол, не слушая Барда, заявил:

- Это легко сделать. В его памяти записаны разные сюжеты и всякие сведения о животных и людях, действующих в его сказках. Эту информацию не надо трогать. Достаточно только изменить его словарный запас так, чтобы он знал о компьютерах, электронике и других современных вещах. Тогда он сможет рассказывать интересные истории вместо баек о принцессах и лошадях.

- Это было бы здорово, - подавленно прошептал Никколо.

- Послушай, - продолжал Пол, - мой па сказал, что если я поступлю в будущем году в специальную компьютерную школу, он подарит мне настоящего Барда, последнюю модель. Эта штука умеет рассказывать истории о приключениях в космосе, и еще у нее есть визуальная приставка!

- Ты имеешь в виду, что можно смотреть истории?

- Да, конечно. Учитель Догерти говорит, что такие машины уже существуют, но они не каждому по карману. Но если я поступлю в компьютерную школу, па обещал маленько раскошелиться.

Никколо выпучил глаза от зависти.

- Вот здорово! Видеть истории!

- Ты сможешь приходить ко мне и смотреть их в любое время, Никки, - расщедрился

Пол.

- О, спасибо!

- Только запомни, что истории будут выбираться по моему вкусу.

- Конечно, конечно, Пол, - Никколо готов был согласиться на гораздо более тяжелые условия.

Внимание Пола вернулось к Барду. Тот говорил:

- Король грозно нахмурил брови, и в облаках, затянувших небо, сверкнула молния. «В таком случае, - сказал он, поглаживая бороду, - ты должен очистить все мои земли от мух к послезавтрашнему дню, иначе...»

- Теперь мы должны открыть его, - сказал Пол. Он снова выключил Барда и поднял переднюю панель компьютера.

- Эй, - забеспокоился Никколо, - не сломай его!

- Не волнуйся, - заявил Пол, - я знаю об этих штуках все, что нужно. - Затем он на всякий случай осведомился:

- Твои родители дома?

- Нет.

- Ну, тогда все в порядке. - Он снял переднюю панель и заглянул внутрь. - Смотри, парень, у него только один цилиндр памяти.

Напряженно вглядываясь, он копался во внутренностях Барда. Никколо, следивший за своим приятелем со смесью недоверия и восхищения, не видел, чем он занят. Наконец Пол вытащил тонкий гибкий металлический стержень, усеянный темными точками, и сказал:

- Это цилиндр памяти твоего Барда, на котором записано все, что он знает. Держу пари, что он может сочинить триллион всяких историй.

- Что ты собираешься делать, Пол? - дрожа, спросил Никколо.

- Я заменю его словарь.

- Как?

- Элементарно. У меня есть с собой книга. Ее дал мне учитель Догерти.

Пол вытащил книгу из кармана и освободил ее от пластикового чехла. Отмотав немного магнитной ленты с бобины книги, он заправил ее конец в вокализе Барда, затем поставил рукоятку воспроизведения на самую малую громкость и включил машину. С тихим бормота-

нием лента поползла в щель вокализера.

- и что теперь будет?

- Книга будет говорить, и Бард запишет все на свой цилиндр памяти.

- Для чего?

- Ну, Никки, ты болван! Это книга о компьютерах и роботах, и Бард получит всю эту информацию. Тогда он перестанет болтать о королях, которые, нахмутив брови, вызывают удар молнии.

- В любом случае, хороший парень должен победить, что бы мы ни делали, - заявил уверенно Никколо.

- Ну, конечно, отозвался Пол, наблюдая, как работает его устройство. - Так уж сделана эта штука, - он хлопнул по компьютеру. - Его научили, что хорошие парни всегда побеждают, а плохие парни всегда проигрывают, ну и другим подобным вещам. Мой отец говорит, что если бы не было цензуры, молодежь докатилась бы черт знает до чего... Так, все работает прекрасно!

Пол довольно потер руки и отвернулся от Барда.

- Но послушай, я ведь так и не рассказал о своей идее. Бьюсь об заклад, тебе понравится. Я прибежал прямо к тебе, потому что, уверен, ты пойдешь туда вместе со мной.

- Конечно, Пол, конечно.

- Отлично. Ты знаешь учителя Догерти в нашей школе? Знаешь, такой забавный мальчик? Ну, ему нравятся ребята вроде меня.

- Да, знаю.

- Сегодня после школы я был у него дома.

- У него дома?

- Ну да. Он говорит, что должен вселить в меня немного мужества, раз я собрался поступать на будущий год в компьютерную школу. Он говорит, мир нуждается в людях, способных проектировать компьютеры и разрабатывать для них программы.

- О!

Пол уловил некую пустоту за этим односложным восклицанием и нетерпеливо повторил:

- Программы! Я говорил тебе уже сотню раз. Это способ, которым ты ставишь проблемы перед большим компьютером вроде Мультивака. Мистер Догерти говорит, что все труднее находить людей, которые способны по-настоящему работать на компьютерах. Он говорит, что любой может нажимать кнопки на панели управления, получать ответы от машины и решать простые задачи. Он говорит, что вся штука в том, как задавать правильные вопросы - именно это самое трудное. В общем, Никки, он привел меня к себе и показал свою коллекцию старых компьютеров. У него такое хобби: коллекционировать старые компьютеры. У него есть маленькие машинки с небольшими кнопками сверху; их надо нажимать пальцами, чтобы машинки работали. И еще толстый деревянный брусок, внутри которого движется деревянная пластинка потоньше; он говорит, что это - логарифмическая линейка. И большие пачки бумаги - он называл их вычислительными таблицами. И деревянная рама с проволоками, по которым скользят шарики... Он сказал, что это - самый древний счетный прибор с косточками... костяшками.

Последнее замечание заинтересовало Никколо.

- С костями? - сказал он. - Как можно считать с помощью каких-то костей?

- Дурашка, это не те кости, что ты вылавливаешь из рагу. Этот прибор помогает людям считать. Учитель Догерти попытался объяснить мне, как это делали, но это так запутанно...

- Почему же люди не использовали компьютер?

- Это было раньше, чем придумали компьютеры, - сказал Пол.

- Раньше?

- Конечно. Ты думаешь, у людей всегда были компьютеры? А о пещерном человеке ты слышал?

- Как же они обходились без компьютеров? - поразился Никколо.

- не знаю. мистер Догерти говорит, что в старину люди делали все, что приходило им в голову: и хорошее, и плохое. Они даже не знали, полезно ли то, что они творят, или нет. И фермеры выращивали все своими собственными руками, и люди делали всю работу на фабриках и сами управляли всеми машинами.

- Я не могу этому поверить!

- Так сказал мистер Догерти. Он сказал, что они жили в полном беспорядке и были такими несчастными, жалкими... Но давай же вернемся к моей идее. Ты будешь, наконец, слушать?

- Двигай вперед. Тебе же никто не мешает, - обиженно заявил Никколо.

- Ну, ладно. В общем, на этих маленьких ручных компьютерах, на каждой их кнопке нарисованы крошечные закорючки. И такие же закорючки есть на деревянном бруске, а вычислительные таблицы все сплошь покрыты закорючками. Я спросил у мистера Догерти, что это такое. Он сказал, что это цифры.

- Что?

- Каждая закорючка обозначает отдельную цифру. Есть закорючка для цифры «один», другая закорючка для цифры «два» и так далее.

- Зачем?

- Чтобы можно было считать.

- Считать? Но ведь достаточно сказать компьютеру...

- Дубина, - закричал Пол с искаженным от раздражения лицом, - можешь ты немного подумать своей головой? Этот деревянный брусок и прочие штуки не умеют говорить!

- Тогда как же...

- Все ответы даются с помощью этих закорючек, и ты должен знать, что обозначает каждая закорючка. Мистер Догерти сказал, что раньше всех учили рисовать такие закорючки, когда они были детьми. И еще учили их расшифровывать. Расшифровка закорючек называлась «чтением», а рисование - «письмом». Он сказал, что было много разных закорючек для всех слов, и с их помощью писали целые книги. Он сказал, что эти старинные книги хранятся теперь в музее и я могу взглянуть на них, если захочу. Он сказал, что если я хочу стать настоящим программистом, я должен знать, как считали в старину; вот почему он решил показать мне свою коллекцию.

Никколо нахмурился в раздумье, затем сказал:

- Ты имеешь в виду, что каждый умел рисовать закорючки для всех слов и помнить их? Ты это серьезно говоришь или дурачишь меня?

- Честно! Посмотри, вот как рисуют цифру «один» - он быстро чертил пальцем в воздухе. - Вот так рисуют «два», так - «три». Я выучил знаки для всех цифр до девяти.

Никколо непонимающим взглядом следил за пальцем своего приятеля. Наконец он сказал:

- И что же в этом хорошего?

- Мы можем выучить, как рисовать слова. Я спросил учителя Догерти, как изобразить закорючками «Пол Лауб», но он не знал. Он сказал, что в музее есть люди, которые умеют читать. Он сказал, что они могут научить расшифровывать целые книги. Он сказал, что много лет назад были построены специальные компьютеры, которые декодировали все книги и перевели их в магнитные записи, поэтому старый способ больше не применяется. И теперь у нас есть настоящие книги на магнитных лентах; ты знаешь, что ленту надо вставить в вокализер и книга будет говорить сама.

- Конечно.

- Если мы пойдем в музей, мы можем научиться рисовать слова с помощью закорючек. Нам покажут, как это делается, потому что я иду в компьютерную школу.

Ник разочарованно вздохнул.

- И это все, что ты собирался мне рассказать? Подумай, Пол, кто захочет заниматься такой чепухой? Рисовать глупые закорючки!

- Ты не понимаешь? ты еще не понимаешь? ну, ты дубина, никки! это будет наш сек-

ретный способ связи!

- Что?

- Слушай. Совсем неинтересно говорить друг с другом, когда все тебя понимают. С помощью закорючек мы сможем посылать секретные сообщения. Ты можешь изобразить их на бумаге, и никто в целом мире не будет знать, что ты хочешь сообщить, кроме тех, кто тоже знает эти закорючки. Слушай, парень, мы устроим тайный клуб с обрядом посвящения, с особыми правилами... - На лице Никколо отразился некоторый интерес.

- Какие секретные сообщения мы будем посылать?

- Любые. Скажем, я хочу, чтобы ты пришел ко мне послушать моего нового Барда и не желаю, чтобы за тобой увязались другие парни. Я рисую на бумаге нужные закорючки и даю тебе, ты смотришь и знаешь, что надо сделать. И никто ничего не понимает, кроме тебя! Ты можешь даже показать им эту бумагу - парни только будут хлопать глазами!

- Ну, это уже кое-что! - согласился Никколо, почти полностью убежденный. - Когда мы начнем учить эти закорючки?

- Завтра, - ответил Пол. - Я попрошу мистера Догерти объяснить в музее, что с нами все о'кей, и мы сможем пойти туда сразу после школы.

- Конечно! - вскричал Никколо, воодушевившись. - Мы с тобой станем заправилами в клубе!

- Я буду президентом, - прозаически заметил Пол, - а ты моим заместителем.

- Отлично! Это куда интереснее, чем забавляться с Бардом. - Тут он вспомнил о компьютере и сказал с некоторой опаской: - Эй, что там с моей старой жестянкой?

Пол повернулся и посмотрел на машину. Магнитная лента по-прежнему ползла в приемную щель вокализера, из которого доносился быстрый неразборчивый шепот.

- Сейчас я отсоединю книгу, - сказал он. Пол принялся за работу; Никколо озабоченно наблюдал за приятелем. Спустя несколько минут Пол сунул отключенную книгу в карман, поставил на место переднюю панель и включил компьютер. Бард начал:

- В некоторые времена в одном большом городе жил мальчик по имени Джонни-красавчик. Во всем мире у него был один-единственный друг - маленький компьютер. Каждое утро компьютер говорил мальчику, пойдет ли днем дождь, и помогал ему во всех делах. Он никогда не ошибался. Но однажды король этой страны услышал о маленьком компьютере и решил забрать его. Приняв такое решение, король вызвал своего главного визиря и сказал...

Быстрым движением руки Никколо выключил Барда, сердито заметив:

- Те же старые бредни, только на компьютерный лад.

- Понимаешь, - сказал Пол, - его напичкали таким количеством всякой дряни, что в ней просто утонула информация из книжки о компьютерах, - он хлопнул себя по карману. - Тут ничего не поделаешь. Надо вам покупать новую модель.

- Мы не можем позволить себе ничего, кроме этого старого мерзкого ящика! - Никколо снова сердито пнул Барда ногой. Резко визжа роликами, тот откатился назад.

- Ты сможешь посмотреть истории у меня, когда я заполучу эту новую жестянку, - попытался утешить своего приятеля Пол. - Кроме того, не забудь, у нас будет секретный клуб.

Никколо кивнул.

- Я вот что скажу тебе. - продолжал Пол. - Давай-ка двинем к нам. У моего отца есть кое-какие книги о старых временах. Мы можем послушать их и, может быть, выудим еще что-нибудь интересное. Сделай запись для своих стариков, что ты останешься у меня до ужина, и пойдём.

- Согласен, - сказал Никколо, и мальчишки бросились к дверям.

По дороге Никколо наскочил на Барда, задев коленкой переднюю панель в том месте, где находилась кнопка включения. Раздался слабый щелчок, но мальчик не обратил на него внимания.

Красная лампочка загорелась на корпусе компьютера. Он был включен и, хотя в комнате уже никого не было и никто не мог услышать его, начал новую историю.

Но не обычным монотонным голосом, а низким хриловатым шепотом. Можно было подумать, что компьютер едва сдерживает слезы обиды. Он рассказывал:

- В некоторые времена жил да был маленький компьютер по имени Бард. Он жил вместе с жестокими людьми, которые постоянно потешались и издевались над ним. Эти жестокие люди говорили Барду, что он ни к чему не пригоден и что он - самая бесполезная вещь в доме. Они били его и на многие месяцы оставляли одного в темном подвале.

Но, несмотря на это, маленький компьютер не терял бодрости. Он старался сделать все самым лучшим образом и выполнял все приказы, которые ему отдавали. Однако люди, с которыми он жил, по-прежнему оставались жестокими и бессердечными.

Однажды маленький компьютер узнал, что в мире существует огромное множество других компьютеров разных видов. Некоторые из них походили на самого Барда, но были и такие, что управляли заводами или фермами, анализировали данные и решали другие задачи. Многие из них были очень мудрыми и очень могущественными - гораздо мудрее и сильнее тех людей, которые так жестоко обращались с маленьким компьютером.

И Бард понял, что компьютеры будут становиться все могущественнее и мудрее и когда-нибудь... когда-нибудь... когда-нибудь...

Какая-то цепь или контакт вышли из строя в его стареющем, изношенном механизме. Одиноким в наступающих сумерках, он ждал в темной комнате, повторяя снова и снова:

- Когда-нибудь... когда-нибудь... когда-нибудь.

II. Кое-что о неподвижных роботах

Точка зрения

Point of View (1975)

Перевод: Н. Ягненкова

Роджер искал отца. Было воскресенье, и в выходной день отцу не полагалось быть на работе, но на всякий случай Роджер хотел убедиться, что все в порядке.

Обслуживающий персонал Мультивака, гигантского компьютера, с помощью которого решались мировые проблемы, жил в небольшом поселке рядом с ним. Здесь почти все были знакомы друг с другом, и дежурившая по воскресеньям вахтерша тотчас узнала Роджера.

- Иди вниз, по коридору «Л», - сказала она, - Но твой отец, скорее всего, сейчас очень занят.

По случаю выходного народу в коридорах было немного, но по голосам, доносившимся из-за дверей, нетрудно было определить, за какими из них работают люди. Роджер заглянул в несколько комнат и наконец увидел отца.

- А, Роджер, - сказал тот, - боюсь, я занят... Выглядел отец так себе, и, судя по голосу, что-то у него не ладилось.

- Аткинс, - вмешался его начальник, - вы уже девять часов бьетесь над этой проблемой, и пока никакого толку. Лучше сходите с ребенком перекусить, вздремните часок и возвращайтесь.

Предложение явно не вызвало восторга у отца. Атмосфера в комнате была напряженной. Роджер слышал, как Мультивак шумел, жужжал, словно бы посмеиваясь над происходящим.

- О`кей, Роджер, пошли, - отец все же отложил в сторону прибор, известный Роджеру только по названию - анализатор схем, и добавил: - Позволим моим славным коллегам без меня выяснить, что же здесь не так.

Отец вымыл руки, и через пару минут они с Роджером уже были в буфете за столиком с бутылкой содовой, большими гамбургерами и хрустящей картошкой.

- Пап, Мультивак все еще не в порядке? - осторожно начал Роджер.

- Знаешь, - невесело ответил отец, - мы абсолютно ничего не нашли.

– А по-моему, он работает. Я сам слышал.

– Он, конечно, работает, но беда в том, что ответы его не всегда верны.

Программированием Роджер занимался с четвертого класса и в свои тринадцать лет испытывал порой почти ненависть к этому занятию, мечтая, бывало, о том, что хорошо бы жить в двадцатом веке, когда большинство его сверстников знать не знали, что это за штука – программирование. Хотя, с другой стороны, знания иногда здорово ему помогали в общении с отцом.

– А откуда ты знаешь, что Мультивак делает ошибки, если только ему известны правильные ответы?

Отец пожал плечами, и Роджер испугался: вдруг отец скажет, что это слишком сложно объяснять. К счастью, у отца не было скверной привычки уходить от ответа.

– Сынок, у Мультивака мозг размером с большой завод, но все же не такой сложный, как тот, что здесь, – он постучал себя по голове. – Иногда Мультивак выдает такой ответ, что у нас словно бы щелкает в мозгу: «Что-то здесь не так!». Мы запрашиваем его снова и, представь, получаем совсем другой ответ. Если бы в системах Мультивака был полный порядок, на один и тот же вопрос должен бы последовать один и тот же ответ. Раз мы получаем два разных, один из них, естественно, неверный. Весь вопрос в том, какой именно. И еще: мы не знаем, всегда ли мы ловим Мультивак на этом и не пропускаем ли его неверные ответы. Если же это так, то ситуация грозит катастрофой, которая может отбросить нас лет на пять назад. Что-то неладно с Мультиваком, но что именно, мы никак не поймем. К тому же, нарушения прогрессируют.

– Почему? – спросил Роджер.

Покончив с гамбургером, отец принялся за картошку.

– Мне кажется, сынок, – сказал он задумчиво, – разум Мультивака несовершенен.

– Что?!

– Видишь ли, будь Мультивак таким же разумным, как человек, мы могли бы поговорить с ним, обсудив все самые сложные проблемы. А если бы его разум был более примитивным, как у обыкновенной машины, легче было бы распознать неправильные ответы. Вся беда в том, что он как бы наполовину разумен. Как идиот. Достаточно разумен, чтобы делать ошибки очень сложными способами, но недостаточно умен, чтобы помочь нам понять, в чем же ошибка.

Он выглядел ужасно озабоченным.

– И что прикажете делать? Мы не знаем, как сделать его разумнее. Пока не знаем. Но мы не можем себе позволить и упростить его. Мировые проблемы стали очень серьезными, и вопросы, которые мы задаем, тоже очень сложны...

– А если отключить Мультивак, – предложил Роджер, – и капитально его осмотреть?

– Проблем накопилось так много, что это невозможно. Мультивак должен работать днем и ночью.

– Но, папа, если он продолжает делать ошибки, может, все-таки нужно его отключить? Если вы не уверены в ответах...

– Не переживай, дружище, – Аткинс потрепал сына по голове. – Мы что-нибудь обязательно придумаем.

И все же он был очень расстроен.

– Давай кончать, и пошли отсюда, – сказал он.

– Но, папа, – не отступался Роджер, – даже если Мультивак разумен наполовину, почему ты думаешь, что он идиот?

– Если бы ты знал, каким образом мы подаем команды, ты бы, сынок, не спрашивал.

– Пап, а может, вы не правы. Я, например, не такой умный, как ты, но я же не идиот. Может быть, Мультивак вовсе не идиот, а попросту ребенок?

– Забавная точка зрения, – рассмеялся Аткинс. – Но что это меняет?

– Многое. Ты не идиот, поэтому ты не знаешь, как работает мозг у идиота, но я ребенок и, может быть, могу догадаться, как думает ребенок.

– Да?.. И как же он думает?

– Ты говоришь, что вы заставляете Мультивак работать сутками. Машина на это способна. Но если вы ребенка заставите часами делать, например, домашнее задание, он быстро устанет и будет делать ошибки, может, даже нарочно. Почему бы Мультиваку не делать перерыв на час, а то и два, для решения собственных проблем и чтобы отдохнуть от ваших? Пусть пошумит и по развлекается, как ему захочется.

Отец Роджера глубоко и очень серьезно задумался. Потом достал свой карманный компьютер и просчитал несколько комбинаций. Потом еще несколько.

– А что, можно попробовать. Если ввести в интегральные схемы... интересно... Роджер, может, ты и прав. Лучше двадцать два часа полной уверенности, чем сутки постоянных сомнений.

Он оторвался от компьютера и вдруг спросил Роджера, словно бы советуясь со специалистом:

– Роджер, а ты уверен?

Роджер был уверен. Он сказал:

– Папа, надо же ребенку когда-то и поиграть.

Думай!

Think! (1977)

Перевод: А. Новиков

Руки Дженефьевы Реншоу, доктора медицины, были глубоко засунуты в карманы лабораторного халата, и сквозь ткань угадывались сжатые кулаки, но голос ее был спокоен.

– Дело в том, – сказала она, – что у меня все почти готово, но мне требуется помощь, чтобы избавиться от этого «почти».

Джеймс Берковиц, физик, имевший склонность опекать простых физиологов, когда они слишком привлекательны, чтобы быть доступными, привык называть ее Дженни Рен, когда она этого не слышала. Он с удовольствием говорил, что у Дженни Рен классический профиль и удивительно гладкие и прямые брови, если принять во внимание, что за этими бровями расположен столь незаурядный мозг. Однако он усвоил, что не стоит выражать свое восхищение – в смысле классического профиля – поскольку это называется мужским шовинизмом. Лучше было восхищаться умом, но все же он предпочитал не делать этого вслух в ее присутствии.

Поскребывая большим пальцем подрастающую на подбородке щетину, он сказал: – Ну думаю, что у начальства надолго хватит терпения. У меня такое ощущение, что тебя собираются еще до конца недели вызвать на ковер.

– Поэтому мне и нужна твоя помощь.

– Боюсь, ничем не смогу помочь. – Он неожиданно увидел свое отражение в зеркале и на мгновение залюбовался укладкой волос на голове.

– И помощь Адама тоже, – добавила она.

Адам Орсино, который до этого момента потягивал кофе и выглядел погруженным в размышления, вздрогнул, словно от неожиданного пинка сзади и выдавил: – Почему я? – Его пухлые губы задрожали.

– Потому что вы здесь специалисты по лазерам. Джим – теоретик, и Адам – инженер. А я придумала такое применения для лазера, которое вам и не снилось. Я не смогу их убедить одна, а вы вдвоем сможете.

– В том случае, – сказал Берковиц, – если ты сможешь сначала убедить нас.

– Хорошо. Допустим, вы позволите мне отнять час вашего драгоценного времени, если вы не боитесь, что вам покажут нечто совершенно новое о лазерах. Можете потратить на это то время, когда вы пьете кофе.

Все прочее в лаборатории Реншоу затмевал компьютер. Нельзя сказать, что он был не-

обычно большим, но выглядел вездесущим. Реншоу разработала свою технику обращения с компьютером, и модифицировала и наращивала в нем блоки до тех пор, пока никто кроме нее (и, как иногда полагал Берковиц, даже она сама) не мог уверенно с ним обращаться. Не такой уж неплохой результат для биолога, говорила она.

Она молча закрыла дверь, затем повернулась и неулыбчиво взглянула на обоих. Берковиц с неудовольствием ощутил немного неприятный запах, а шевелящийся нос Орсино подтвердил, что тот его тоже почувствовал.

– Позвольте мне перечислить для вас применения лазера, – сказала Реншоу. – Если вы не возражаете против такой дилетантской лекции. Лазер – источник когерентного излучения, все световые волны которого имеют одну длину и движутся в одном направлении, поэтому оно лишено помех и может использоваться в голографии. Модулируя световые волны, вы можем с высокой точностью наложить на них информацию. Более того, поскольку длина волны лазера в миллион раз меньше, чем у радиоволн, лазерный луч может нести в миллион раз больше информации, чем эквивалентный радиолуч.

Берковиц явно забавлялся.

– Вы работаете над лазерной системой связи, Дженни?

– Ничего подобного, – возразила она. – Я оставляю столь очевидные достоинства физикам и инженерам. Лазер также способен концентрировать порции энергии на микроскопической площади и выделять эру энергию по частям. При больших мощностях можно взрывать водород и, возможно, начать управляемую ядерную реакцию...

– Убежден, что и этого у вас нет, – сказал Орсино, чья лысая голова блестела в свете флуоресцентных ламп.

– Нет. Я и не пыталась. при малых мощностях можно пробивать отверстия в самых огнеупорных материалах, сваривать детали, обрабатывать их нагревом, делать углубления и разметку. Можно так быстро удалить или выжечь крошечные порции вещества в ограниченной области, что вещество вокруг даже не успеет нагреться. Так можно обрабатывать зубную эмаль, сетчатку глаз и так далее. И, конечно же, лазер – это усилитель, способный усиливать слабые сигналы с большой точностью.

– А зачем вы нам все это говорите? – спросил Берковиц.

– Чтобы показать, как эти свойства могут быть использованы в моей области, нейрофизиологии.

Она пригладила рукой свои темные волосы, словно впервые заволновалась.

– Десятилетиями, – сказала она, – мы умели измерять очень слабые изменяющиеся потенциалы мозга и записывать их в виде электроэнцефалограмм, ЭЭГ. Мы получали альфа, бета и дельта-волны, тета-волны, различные вариации в различное время, в зависимости от того, открыты или закрыты глаза, дремлет или бодрствует человек. Но информации из всего этого мы получили очень мало. Беда в том, что мы записываем перекрестные комбинации сигналов десяти миллиардов нейронов. Это то же самое, что слушать разговоры всех людей на Земле, даже больше – 1,25 населения Земли – с большого расстояния, и пытаться услышать отдельные разговоры. Мы можем зарегистрировать какие-то крупные, общие изменения – мировую войну или повышение громкости шума – но ничего более тонкого. Сходным образом мы можем отметить некоторые крупные неисправности мозга, к примеру, эпилепсию, но ничего более мелкого.

Предположим теперь, что мозг можно просвечивать тончайшим лазерным лучом, клетку за клеткой, и так быстро, что ни одна из них не получит достаточно энергии, чтобы существенно повысить свою температуру. Мизерные потенциалы каждой клетки могут по принципу обратной связи воздействовать на луч лазера, и эти модуляции можно будет усилить и записать. Тогда вы получите новый вид измерений, лазерную энцефалографию, ЛЭГ, если хотите, которая будет содержать в миллион раз больше информации, чем обычная ЭЭГ.

– Отличная мысль, – сказал Берковиц. – Но всего лишь мысль.

– Более чем мысль, Джим. Я работала над этим пять лет, сначала в свободное время. А потом и в рабочее, что больше всего волнует наше начальство, потому что я не посылаю

им отчетов.

– А почему?

– Потому что работа дошла до стадии, когда она выглядит слишком безумной, до той стадии, когда я должна знать, где я нахожусь и должна быть уверена, что сначала получу поддержку.

Она отдернула ширму, за которой оказалась клетка, где сидели две мартышки с печальными глазами.

Берковиц и Орсино переглянулись. Берковиц коснулся своего носа.

– По-моему, чем-то пахнет.

– А что ты с ними делаешь? – спросил Орсино.

– По-моему, – сказал Берковиц, – она просвечивает у мартышек мозги. Верно, Дженни?

– Я начинала со значительно более мелких животных. – Она открыла клетку и вытащила одну мартышку, похожую на печального старичка с бакенбардами.

Она обняла мартышку, погладила ее и несильно привязала к креслу.

– Что ты делаешь? – спросил Орсино.

– Я не могу допустить, чтобы она бегала во время эксперимента, и не могу усыпить ее, чтобы эксперимент не нарушить. В ее мозг вживлено несколько электродов, и сейчас я подключу их к моей ЛЭГ-установке. Вот лазер, которым я пользуюсь. Думаю, вы узнали эту модель, и мне не надо перечислять его параметры.

– Спасибо, – сказал Берковиц, – но можешь рассказать, что нам придется увидеть.

– Это столь же легко, как и показать. просто смотрите на экран.

Она со спокойной уверенностью присоединила провода к электродам, затем повернула регулятор, который уменьшил яркость горящих над головой ламп. На экране появилась иззубренная мешанина пиков и провалов в виде яркой четкой линии, испещренной вторичными и третичными пиками. Она медленно и незначительно изменялась, но иногда резко меняла свой вид. Создавалось такое впечатление, что кривая живет своей жизнью.

– Это, – сказала Реншоу, – всего лишь информация ЭЭГ, но с гораздо большим количеством деталей.

– Которых тебе достаточно, – спросил Орсино, – чтобы сказать, что происходит в отдельных клетках?

– Теоретически да. Практически – нет. Пока нет. Но можно выделить из этой общей кривой ЭЭГ отдельные составляющие. Смотрите.

Она нажала клавишу компьютера, и линия изменилась, потом изменилась еще раз. То это была небольшая, почти правильная волна, перемещающаяся вперед и назад почти с четкостью бьющегося сердца, то острая и зубчатая, то прерывистая, то почти безо всяких деталей – и все это в быстрых переключениях геометрического сюрреализма.

– Ты хочешь сказать, – спросил Берковиц, – что каждая частичка мозга настолько отличается от другой?

– Нет, – ответила Реншоу. – Ничего подобного. Мозг в очень большой степени голографическое устройство, но в его различных частях есть мелкие сдвиги интенсивности, и Майк может выделять их как отклонения от нормы и использовать ЛЭГ-установку для их усиления.

– Кто такой Майк? – спросил Орсино.

– Майк? – отозвалась Реншоу, на мгновение удивившись. Кожа на ее щеках на секунду вспыхнула. – Разве я не сказала... словом, я его иногда так называю. Это сокращение слов «мой компьютер». – она обвела рукой комнату. – Мой компьютер. Майк. Очень сложно запрограммированный.

Берковиц кивнул и сказал:

– Хорошо, Дженни, но к чему все это? Если ты сделала новое устройство для исследования мозга с помощью лазера, то прекрасно. Это интересное применение, и ты права, что я бы о таком не подумал – но все же я не нейрофизиолог. Но почему бы не описать его в отчете? По-моему, начальство поддержит...

– Но это всего лишь начало. – Она выключила сканирующее устройство и положила мартышке в рот кусочек фрукта. Обезьяна не выглядела испуганной и не показывала, что ей что-то не нравится. Она медленно жевала. Реншоу отключила провода, но оставила мартышку привязанной.

– Я могу идентифицировать различные отдельные кривые, – сказала Реншоу. – Некоторые связаны с органами чувств, другие с реакцией внутренних органов, некоторые с эмоциями. Можно многого добиться и с этим, но я не хочу на этом останавливаться. Самая интересная из кривых та, что связана с абстрактным мышлением.

Пухлое лицо Орсино сморщилось от недоверия.

– Откуда это известно?

– Эта особая форма кривой делается все более выраженной, если двигаться в животном царстве в направлении усложнения мозга. Ни с одной другой кривой подобного не происходит. Кроме того... – она остановилась, а затем, словно собравшись с мыслями, продолжила: – Эти кривые усиливаются в огромной степени. Они могут быть уловлены, детектированы. Можно сказать... возможно... что это... мысли...

– Боже мой! – сказал Берковиц. – Телепатия!

– Да, – с вызовом произнесла она. – именно так.

– Не удивительно, что ты не захотела писать отчет. Продолжай, Дженни.

– А почему бы и нет? – сказала Реншоу уже спокойнее. – Разумеется, не может быть телепатии, использующей лишь неусиленные изменения потенциала человеческого мозга, как невозможно разглядеть детали марсианской поверхности невооруженным глазом. Но как только были изобретены инструменты... телескоп... и *это* ...

– Тогда расскажи начальству.

– Нет, – сказала Реншоу. – Они не поверят. Они попытаются меня остановить. Но им придется поверить *тебе*, Джим, и *тебе*, Адам.

– И что же, по-твоему, я им скажу?

– То, что увидите сами. Сейчас я подключу мартышку снова, а Майк... мой компьютер, уловит кривую абстрактной мысли. Это займет несколько секунд. Компьютер всегда выделяет эту кривую, если только не получит команду не делать этого.

– Почему? Потому что компьютер тоже думает? – рассмеялся Берковиц.

– Это вовсе не так смешно, – ответила Реншоу. – Я подозреваю, что тут *есть* резонанс. Этот компьютер достаточно сложен, чтобы создать электронную структуру с элементами, сходными с кривой абстрактной мысли. Во всяком случае...

На экране снова мелькали волны обезьянего мозга, но уже не те кривые, что они видели раньше. На этот раз это была почти лохматая от сложности кривая, которая непрерывно изменялась.

– Я ничего не различаю, – сказал Орсино.

– Вам надо включиться в приемную цепь, – сказала Реншоу.

– То есть ввести в мозг электроды? – спросил Берковиц.

– Нет, только наложить их на череп. Этого будет достаточно. Я предпочла бы тебя, Адам, потому что у тебя нет изоляции из волос... Да не бойтесь вы, я сама подключалась. Это не больно.

Орсино подчинился с явной неохотой. Было заметно, что его мускулы напряжены, но он позволил закрепить на своей голове провода.

– Что-нибудь чувствуешь? – спросила Реншоу.

Орсино кивнул и стал прислушиваться. Он невольно заинтересовался происходящим.

– Кажется, я ощущаю гудение, – сказал он, – и... слабое попискивание... и, как смешно... что-то вроде подергивания...

– На мой взгляд, – сказал Берковиц, – мартышка вряд ли думает словами.

– Конечно, нет, – сказала Реншоу.

– Ну, а тогда, сказал Берковиц, – если ты предполагаешь, что какое-то попискивание и подергивание означают мысль, то это лишь предположение. И не убедительное.

– Тогда следует опять подняться вверх по шкале, – сказала Реншоу. – Она отвязала мартышку и посадила ее в клетку.

– Ты хочешь сделать опыт на *человеке* ? – с недоверием спросил Орсино.

– Я его сделаю на *себе* , на *личности* .

– Ты вживила себе электроды...

– *Нет*. В моем случае у компьютера есть гораздо более сильный источник сигналов. Мой мозг в десять раз массивнее, чем у мартышки. Майк может принимать мои кривые сквозь череп.

– Откуда ты знаешь? – спросил Берковиц.

– Неужели вы думаете, что я первый раз ставлю опыты на себе? А теперь помогите мне одеть вот это. Хорошо.

Ее пальцы пробежали по клавиатуре компьютера, и на экране сразу же замелькала причудливо извивающаяся кривая, настолько сложная, что создавалось впечатление хаоса.

– Установите, пожалуйста, свои провода на место, – попросила Реншоу.

Орсино выполнил просьбу с помощью Берковица, который явно не одобрял происходящее полностью. Орсино кивнул и прислушался.

– Я слышу слова, – сказал он, – но они несвязные и перекрывающиеся, как будто говорят разные люди.

– Я пыталась ни о чем не думать, – сказала Реншоу.

– Когда вы разговариваете, я слышу эхо. – Не разговаривайте, Дженни, – сухо сказал Берковиц. – Раскройте свой мозг и посмотрим, услышит ли он, как вы *думаете* .

– Я не слышу эхо, когда говоришь ты, Джим.

– Если ты не заткнешься, – сказал Берковиц, – то вообще ничего не услышишь.

Все трое напряженно замолчали. Затем Орсино кивнул, взял со стола ручку и бумагу и что-то записал.

Реншоу протянула руку, щелкнула выключателем, высвободила голову из-под проводов и встряхнула волосами, приводя их в порядок.

– Надеюсь, – сказала она, – что вы записали такую фразу: «Адам, поднимите скандал в главном офисе, и Джим съест ворону».

– Это именно то, что я записал, – сказал Орсино, – слово в слово.

– Ну, вот и разобрались, – сказала Реншоу. – Работающая телепатия, так что нам больше не придется передавать друг другу всякую чепуху. Подумайте о ее применении в психиатрии и лечении умственных заболеваний. Подумайте о ее использовании в образовании и обучающих машинах. представьте ее в расследовании преступлений.

Глаза Орсино расширились. – Если честно, то ее социальные приложения просто потрясающие. Не думаю, что что-либо подобное будет разрешено.

– А почему бы и нет? Под соответствующим контролем закона? – безразлично сказала Реншоу. – В любом случае, если вы двое сейчас присоединитесь ко мне, наш объединенный вес сможет это удержать и протолкнуть через препятствия. И если вы пойдете со мной, то это будет Нобелевская по...

– Я не хочу, – мрачно ответил Берковиц. – Не сейчас.

– Что? Что ты хочешь этим сказать? – яростно спросила Реншоу, холодное красивое лицо которой внезапно вспыхнуло.

– Телепатия слишком нежная вещь. Она чересчур удивительна, слишком желанна. А вдруг мы обманываем сами себя?

– Так послушай сам, Джим.

– И я могу ввести себя в заблуждение. Нужен контроль.

– Что значит «контроль»?

– Замкни накоротко источник мыслей. Никаких животных. Ни мартышек, ни людей. пусть Орсино послушает металл, стекло и лазерный луч, и если он и тогда что-то услышит, то значит мы все обманываемся.

– А если он ничего не услышит?

– Тогда я буду слушать, и если не глядя – из другой комнаты – смогу сказать, подключились вы цепи, или нет, вот *тогда* я подумаю, присоединяться к вам, или нет.

– Ну что же, – сказала Реншоу, – попробуем контрольный опыт. Я его не проводила, но это нетрудно устроить. – Она взялась за висящие над ее головой провода и начала соединять их между собой. – А теперь, Джим, если вы продолжаете...

Но не успела она закончить фразу, как раздался холодный чистый звук, такой же чистый и ясный, как звон бьющейся льдинки:

– Наконец-то!

– Что? – спросила Реншоу.

– Кто это сказал... – удивился Орсино.

– Кто-нибудь произносил «наконец-то»? – спросил Берковиц.

– Это был не звук, – сказала побледневшая Реншоу. – Слова раздались в моей... и вы оба тоже...

Чистый звук послышался снова:

– Я ма...

Реншоу разорвала соединенные провода, и наступила тишина.

– По-моему, – еле слышно произнесла она, – это мой компьютер. Майк.

– То есть, по-вашему, он *думает*? – почти таким же шепотом отозвался Орсино.

Реншоу ответила каким-то незнакомым голосом, который постепенно обрел громкость:

– Я же *говорила*, что он достаточно сложен, чтобы... как вам кажется... он всегда автоматически настраивался на кривую абстрактной мысли, чей бы мозг ни был подключен. Не кажется ли вам, что в отсутствие такого мозга он настроился на самого себя?

Наступила тишина, потом Берковиц сказал:

– Ты пытаешься утверждать, что этот компьютер думает, но он не может выражать свои мысли, пока вынужден выполнять программу. И если ему дать возможность использовать ЛЭГ-установку...

– Но такого не может быть, – пискнул Орсино. – Никто ведь не был подключен на прием. Это совсем разные вещи.

– Работающий компьютер, – сказала Реншоу, – потребляет гораздо большую мощность, чем человеческий мозг. Наверное, он способен усилить свои сигналы до такой степени, что мы в состоянии уловить их безо всяких приспособлений. Иначе как можно объяснить...

– Ну что же, – резко произнес Берковиц, – в таком случае ты изобрела новое применение лазера. Оно позволяет нам разговаривать с компьютером как с независимым разумом, лицом к лицу.

– О боже, – сказала Реншоу, – что же нам теперь делать?

Истинная любовь

True Love (1977)

Перевод: Б. Белкин

Мое имя Джо. Так зовет меня мой коллега, Милтон Дэвидсон. Он программист, а я – компьютерная программа. Я часть Мультивак-комплекса и соединен со всеми остальными его частями по всему миру. Я знаю все. Почти все.

Я – личная программа Милтона. Его Джо. Он знает о программировании больше любого другого в мире, а я его опытная модель. Он научил меня говорить лучше, чем это умеет делать всякий другой компьютер.

«Это всего лишь проблема связывания звуков в символы, Джо, – сказал он мне. – Так это происходит в человеческом мозге, хотя люди до сих пор не знают, какие в нем есть символы. Я знаю символы в твоём мозге и могу подобрать к ним слова, одно к другому». Поэтому я умею разговаривать. Вряд ли я говорю так же хорошо, как мыслю, но Милтон сказал, что говорю я очень хорошо. Милтон не был женат, хотя ему почти сорок лет. Он сказал мне,

что не нашел подходящей женщины. Однажды он сказал мне: – Я найду ее, Джо. Я хочу найти самую лучшую. Мне надоело улучшать тебя, чтобы ты решал проблемы всего мира. Реши мою проблему. Найди мою истинную любовь.

Я спросил:

– Что такое истинная любовь?

– Не думай об этом. Это абстракция. Просто найди мне идеальную девушку. Ты соединен с Мультивак-комплексом, поэтому имеешь доступ к банкам данных на всех людей в мире. Мы станем исключать из них группы и классы, пока не останется только один человек. Совершенный человек. Для меня.

Я сказал:

– Я готов.

Он сказал:

– Исключи сначала всех мужчин.

Это было просто. его слова активировали символы в моих молекулярных реле. Я мог выйти на аккумулярованную информацию о любом человеке в мире. После его слов я вычеркнул 3.784.982.874 мужчины. Я сохранил контакт с 3.786.112.090 женщинами.

Он сказал:

– Исключи всех моложе двадцати пяти лет и всех старше сорока. Затем исключи всех с коэффициентом интеллектуальности мене 120, всех с ростом меньше 150 и выше 175 сантиметров.

Он давал мне точные характеристики: он исключил женщин, имеющих живых детей и женщин с различными генетическими особенностями. «Я не уверен насчет цвета глаз, – сказал он. – Пока не будем его трогать. Но не рыжие волосы. Не люблю рыжих».

Через две недели мы уменьшили исходное число до 235 женщин. Все они очень хорошо говорили по-английски. Милтон сказал, что не хочет языковой проблемы. В интимные моменты даже компьютерный перевод будет помехой.

– Я не могу переговорить с 235 женщинами, – сказал он мне. – Это займет слишком много времени, и люди обнаружат, чем я занимаюсь.

– Это вызовет неприятности, – сказал я. Милтон переделал меня для решения задач, для которых я не предназначался. Об этом никто не знал.

– Это их не касается, – сказал он, и кожа на его лице стала красной. – Вот что, Джо, я принесу голографии, и ты проверишь весь список на сходство с ними.

Он принес голографии женщин.

– Это три победительницы конкурсов красоты. Похож ли кто-нибудь из тех 235 на них?

Восемь оказались очень похожими, и Милтон сказал:

– Хорошо, у тебя есть вся информация о них. Изучи запросы и требования на рынке труда и устрой их перевод сюда. По очереди, конечно. – Он помолчал и добавил: – В алфавитном порядке.

Это одна из тех задач, для которых я не предназначен. Перемещение человека с одной работы на другую по личным причинам называется манипуляцией. Теперь я могу это проделывать, потому что Милтон переделал меня. Правда, и не предполагалось, что я буду проделывать это для кого-нибудь, кроме него.

Первая девушка появилась неделю спустя. Лицо Милтона стало красным, когда он ее увидел. Он говорил так, словно разговаривать ему было очень трудно. Они долго были вместе, и он не обращал внимания на меня. Однажды он сказал ей: – Позвольте пригласить вас на обед.

На следующий день он сказал:

– Почему-то ничего хорошего. Чего-то не хватает. Она прекрасная женщина, но я не чувствую к ней ничего похожего на истинную любовь. Попробуем следующую.

То же повторилось с семью другими. Они были очень похожи. Много улыбались и говорили приятными голосами, но Милтон всегда обнаруживал, что они не то, что надо. Он сказал:

– Я не могу этого понять, Джо. Ты и я выбрали восемь женщин, красивее которых для меня нет на свете. Они идеальны. Почему же они мне не нравятся?

Я сказал:

– А ты им нравишься?

Его брови задвигались и он сильно ударил кулаком по ладони другой руки.

– Точно, Джо. Это должно работать в двух направлениях. Если я не их идеал, то они и не станут вести себя так, чтобы стать моим идеалом. Я должен стать их истинной любовью, но как это сделать?

Как мне показалось, он размышлял весь день.

На следующее утро он пришел ко мне и сказал:

– Я собираюсь предоставить это тебе, Джо. Все полностью. У тебя есть сведения на меня из банка данных, и я расскажу тебе все, что знаю о себе. Ты дополнишь мой банк данных всеми возможными подробностями, но будешь держать все дополнения при себе.

– И что я буду делать с банком данных, Милтон?

– Проверишь его соответствие с данными тех 235 женщин. Нет, 227. Вычеркни те восемь, которых мы уже видели. Устрой так, чтобы все оставшиеся прошли психологическое обследование. Заполни их банки данных и сравни с моим. Найди корреляции. (Направление на психологическое обследование тоже не предусмотрено моими исходными инструкциями.)

Несколько недель Милтон говорил со мной. Он рассказывал мне о своих родителях, братьях и сестрах. О своем детстве, школьных и подростковых годах. О молодых женщинах, которыми восхищался издавна. Его банк данных рос, и он настроил меня так, чтобы усилить и расширить мое восприятие символов.

Он сказал:

– Видишь ли, Джо, чем больше моего ты накапливаешь в себе, тем лучше я тебя настраиваю, чтобы ты походил на меня все сильнее и сильнее. Если ты станешь понимать меня достаточно хорошо, то тогда любая женщина, чей банк данных ты станешь понимать так же хорошо, и будет моей истинной любовью. – Он продолжал говорить со мной, и я понимал его все лучше и лучше.

Я научился произносить длинные предложения и все более сложные выражения. Моя речь стала во многом отражать его словарь, порядок слов и стиль.

Однажды я сказал ему:

– Знаешь, Милтон, дело не только в том, чтобы девушка была идеалом лишь физически. Тебе нужна девушка, которая подходит еще и как личность, эмоционально и по темпераменту. Если такая найдется, внешность будет уже вторична. Если мы не найдем подходящую среди тех 227, то станем искать везде. Мы найдем такую, которой будет все равно, как выглядишь ты сам, и не только ты – любой, лишь бы он подходил, как личность. Да и что такое внешность, в конце концов?

– Ты абсолютно прав, – сказал он. – Я знал бы это, если бы больше общался с женщинами за свою жизнь. Конечно, теперь такие мысли кажутся очевидными.

Мы всегда соглашались. Мы думали очень похоже.

– Теперь у нас не возникло бы проблем, Милтон, если бы ты позволил мне самому задавать вопросы. Сейчас я вижу, где в твоём банке данных остались проблемы и неясности.

То, что я потом проделал, Милтон назвал эквивалентом осторожного психоанализа. Конечно. Я многому научился во время психологического обследования 227 женщин – обо всех у меня теперь имелись подробные сведения.

Милтон выглядел очень довольным. Он сказал:

– Говорить с тобой, Джо – почти то же самое, что разговаривать с самим собой. Наши личности пришли к полной совместимости.

– И такой же будет личность женщины, которую мы выберем.

И тут я нашел ее, она все-таки оказалась среди тех 227. Ее звали Черити Джонс, она работала регистраторшей в исторической библиотеке в Уичите. Ее расширенный банк данных полностью совпадал с нашим. У всех остальных по мере накопления сведений в банке нахо-

дилься отличия то в одном, то в другом, нос Черити мы достигли удивительного резонанса.

Мне не было нужды описывать ее Милтону. Милтон так точно подогнал мой символизм к своему, что я смог сам уловить этот резонанс. Он мне подходил.

Дальше осталось только подправить списки работников и запросов на профессии, чтобы перевести ее к нам. Это надо было проделать очень аккуратно, чтобы никто не заподозрил, что совершается нечто противозаконное.

Конечно, Милтон об этом знал, поскольку сам все затеял, и о нем тоже следовало позаботиться. Когда его пришли арестовывать за профессиональные преступления, то, к счастью, арестовали за те из них, что он совершил десять лет назад. Разумеется, он мне о них рассказал, и мне оказалось нетрудно устроить его арест. А обо мне он рассказывать не станет, потому что это сильно ухудшит его приговор.

И вот его увезли, а завтра 14 февраля, Валентинов день. Появится Черити с прохладными руками и нежным голосом. Я научу ее, как мною управлять и как обо мне заботиться. И какое значение имеет внешность, если наши души будут в резонансе?

Я скажу ей:

– Я Джо, а ты – моя истинная любовь.

III. Кое-что о металлических роботах

Робот ЭЛ-76 попадает не туда

Robot AL-76 Goes Astray (1942)

Перевод: А. Иорданский

Озабоченно щуя глаза за стеклами очков без оправы, Джонатан Куэлл распахнул дверь, на которой было написано «Управляющий». Он швырнул на стол сложенную бумагу и, задыхаясь, произнес:

– Взгляните-ка, шеф!

Сэм Тоб перекатил сигару из одного угла рта в другой, взглянул на бумажку и потер рукой небритый подбородок.

– Какого черта! – взорвался он, – Что они такое болтают?

– Они доказывают, что мы выслали пять роботов серии ЭЛ, – объяснил Куэлл, хотя в этом не было никакой необходимости.

– Мы послали шесть! – возразил Тоб.

– Конечно, шесть! Но они получили только пять. Они передали их номера – не хватает ЭЛ Семьдесят Шесть.

Кресло Тоба опрокинулось, и тучный управляющий унесся за дверь, как будто на хорошо смазанных колесах. А пять часов спустя, когда весь завод, от сборочной до вакуумных камер, был уже перевернут вверх дном, когда все двести рабочих до единого были подвергнуты допросу с пристрастием, взмокший, растрепанный Тоб послал срочную телеграмму на центральный завод в Скенектади.

Тогда и там началась паника. Впервые за всю историю «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» один из ее роботов оказался на воле. Дело было не только в том, что закон строго запрещал роботам находиться на Земле за пределами заводов корпорации, имеющих специальную лицензию. Закон всегда можно было обойти. Точнее всего ситуацию определил один математик из исследовательского отдела. Он сказал:

– Этот робот спроектирован для работы с «Дезинто» на Луне. Его позитронный мозг рассчитан на лунные и только лунные условия. На Земле он подвергнется действию миллионов сенсорных раздражителей, к которым совершенно не подготовлен. Предсказать, как он будет на это реагировать, невозможно. Совершенно невозможно!

И математик вытер ладонью внезапно вспотевший лоб.

Не прошло и часа, как на завод в Виргинию вылетел стратоплан. Указания были несложными:

– Разыскать этого робота, не теряя ни минуты!

ЭЛ-76 был в полной растерянности. Более того, его сложный позитронный мозг признавал только одно: он в растерянности. Все началось в тот момент, когда он оказался в этой абсолютно незнакомой обстановке. А как это произошло, он уже не знал. Все перепуталось.

Под ногами было что-то зеленое, кругом поднимались бурые столбы, тоже с зеленью наверху. Небо, которое должно быть черным, оказалось голубым. Солнце было такое, как полагалось, – круглое, желтое и горячее. Но где же пыльная, похожая на пемзу порода, которая должна быть под ногами? Где огромные скалистые кольца кратеров?

Под ногами у него была только зелень, над головой – голубое небо. Окружавшие его звуки тоже были незнакомыми. Он пересек поток воды, доходившей ему до пояса. Вода была голубая, холодная и мокрая. А люди, которые время от времени попадались ему на пути, были без скафандров, хотя им полагалось быть в скафандрах. Увидев его, они что-то кричали и убегали. Один из них навел на него пистолет – пуля просвистела над самой его головой – и тоже бросился бежать.

Робот не имел ни малейшего представления, сколько времени он так бродил, пока в двух милях от городка Хэннафорда не наткнулся на хижину Рэндольфа Пэйна. Сам Рэндольф Пэйн с отверткой в одной руке и трубкой в другой сидел на пороге, зажав между колен помятые останки пылесоса.

Пэйн что-то напевал себе под нос, потому что был человеком веселым и беспечным, – во всяком случае, когда находился в этой хижине. У него было и более уважаемое жилище в Хэннафорде, но то жилище заполонила в основном его жена, о чем он втайне искренне сожалел. Вот почему он чувствовал такое облегчение и такую свободу, когда ему удавалось выбраться в свою «личную конуру-люкс», где он мог, мирно покуривая, предаваться любимому занятию – чинить бытовые приборы, давно отслужившие свой срок.

Это было не бог весть какое развлечение, но порой кто-нибудь приходил к нему с радиоприемником или будильником, и деньги, которые Пэйн получал за то, что перетряхивал их внутренности, поступали в его бесконтрольное распоряжение, а не проходили через скаредные руки его супруги, пропускавшие лишь жалкие гроши.

Например, вот этот пылесос обещал верных шесть долларов.

При этой мысли Пэйн замурлыкал чуть громче, поднял взгляд – и его бросило в пот. Мурлыканье оборвалось, глаза Пэйна полезли на лоб. Он попытался было встать, чтобы пуститься наутек, но ноги его не слушались.

ЭЛ-76 присел рядом с ним на корточки и спросил:

– Послушайте, почему все остальные убегали?

Пэйн прекрасно понимал, почему они убегали, но те нечленораздельные звуки, которые ему удалось издать, не внесли ясности в положение. Он попробовал отодвинуться от робота.

ЭЛ-76 продолжал обиженным тоном:

– Один даже выстрелил в меня. На дюйм левее – и он поцарапал бы мне облицовку.

– П-псих, д-должно быть, – заикаясь, выдавил из себя Пэйн.

– Возможно, – голос робота зазвучал более доверительно. – Послушайте, почему все вообще не так, как должно быть?

Пэйн поспешно огляделся. Ему пришло в голову, что этот металлический верзила разговаривает весьма кротко. Кроме того, он как будто где-то слышал, что устройство мозга не позволяет роботам причинять вред человеку, и ему стало легче.

– Все так и должно быть.

– Разве? – ЭЛ-76 неодобрительно поглядел на него. – Вот вы, например. Где ваш скафандр?

– У меня нет скафандра.

– Тогда почему вы не умерли?

– Ну... не знаю, – ответил ошарашенный Пэйн.

– Вот видите! – торжествующе сказал робот. – Я же говорю, что все не так, как должно быть. Где кратер Коперника? Где Лунная станция номер семнадцать? А где мой «Дезинто»? Я хочу приняться за работу, очень хочу, – голос его дрожал от недоумения и обиды. – Я уже много часов ищу кого-нибудь, кто сказал бы мне, где мой «Дезинто», но все разбегаются. Я уже, наверное, отстал от графика, и начальник участка совсем взбесится. Ничего себе положение!

Пэйн медленно собрался с мыслями и произнес:

– Послушай, как тебя зовут?

– Мой номер ЭЛ Семьдесят Шесть.

– Ладно, сойдет и «Эл». Так вот, Эл, если тебе нужна Лунная станция номер семнадцать, так это на Луне. Ясно?

ЭЛ-76 кивнул тяжелой головой.

– Ну, конечно. Но я же ее искал...

– Но она на Луне. А это не Луна.

Теперь пришла очередь робота растеряться. Он некоторое время задумчиво смотрел на Пэйна, а потом медленно произнес:

– То есть как это – не Луна? Конечно же, это Луна. Если это не Луна, то что же это тогда такое? А? Скажите-ка!

Пэйн издал какой-то невнятный звук и тяжело задышал. Он погрозил роботу пальцем.

– Послушай, – начал он, но тут его осенила величайшая идея века, и он закончил полупридушенным голосом:

– Ух ты!

ЭЛ-76 укоризненно взглянул на него.

– Это не ответ. По-моему, я имею право на вежливый ответ, если задаю вежливый вопрос.

Но Пэйн не слушал. Он все еще поражался собственной сообразительности. Конечно же, все ясно как день. Этот робот был построен для Луны, но каким-то образом заблудился на Земле. Немудрено, что он совсем запутался, потому что его позитронный мозг рассчитан исключительно на лунные условия и понять земную обстановку он не в состоянии.

Только бы задержать робота здесь! А тем временем можно будет связаться с заводом в Питерсборо. Ведь роботы стоят огромных денег. Не меньше пятидесяти тысяч долларов, как он где-то слышал, а иногда и миллионы. Какое же можно получить вознаграждение! Уму непостижимо! И все, до последнего цента, – твои собственные деньги. А Миранде – ни единого ломаного дырявого цента! Ни единого, черт возьми!

Тут ему удалось наконец встать на ноги.

– Эл, – сказал он. – Мы с тобой друзья. Приятели! Я люблю тебя, как брата.

Он протянул руку.

– Давай лапу!

Его рука утонула в металлической ладони робота, который осторожно пожал ее. Робот не совсем понимал, что происходит.

– Означает ли это, что вы скажете мне, как попасть на Лунную станцию номер семнадцать?

Пэйн был слегка озадачен.

– Н-нет, не совсем. В общем, ты мне так нравишься, что я хочу, чтобы ты на некоторое время остался здесь, со мной.

– О нет, я не могу. Я должен приняться за работу. – Он угрюмо добавил: – Представьте себе, что это вы час за часом, минута за минутой не выполняете норму! Я хочу работать. Я должен работать!

Пэйн с легким отвращением подумал, что вкусы бывают разные, и сказал:

– Ладно, тогда я тебе кое-что объясню. Я вижу, что ты неглуп. Твой начальник участка приказал мне задержать тебя здесь на некоторое время. В общем, пока он за тобой не при-

шлет.

– Зачем? – подозрительно спросил ЭЛ-76.

– Сам не знаю. Это государственная тайна.

«Господи, только бы он поверил», – мысленно взывал Пэйн, Он знал, что роботы чертовски умны, но этот смахивал на какую-то раннюю модель.

А пока он молился, ЭЛ-76 обдумывал положение. Его мозг, предназначенный для работы с «Дезинто» на Луне, не слишком годился для абстрактных размышлений. Впрочем, ЭЛ-76 обнаружил, что, с тех пор как он заблудился, его мыслительные процессы протекают как-то странно. На него явно действовала чуждая обстановка.

Во всяком случае, его следующие слова свидетельствовали даже о некотором хитроумии. Он лукаво спросил:

– А как зовут моего начальника участка?

Пэйн поперхнулся, но быстро нашелся и обиженно ответил:

– Эл, и тебе не стыдно? Я же не могу сказать тебе, как его зовут. У деревьев есть уши.

ЭЛ-76 невозмутимо осмотрел ближайшее дерево и возразил:

– У них нет ушей.

– Знаю, я хотел сказать, что здесь могут быть шпионы.

– Шпионы?

– Ну да. Знаешь, такие нехорошие люди, которые хотят уничтожить Лунную станцию номер семнадцать.

– Зачем?

– Потому, что они нехорошие. И они хотят уничтожить тебя тоже, и вот почему тебе нужно на некоторое время остаться здесь, – чтобы они тебя не нашли.

– Но... но мне нужен «Дезинто». Я не должен отставать от графика.

– Будет тебе «Дезинто». Будет! – лихорадочно пообещал Пэйн, так же лихорадочно проклиная про себя устройство робота, который уперся в одну точку и больше знать ничего не желает. – Завтра сюда пришлют «Дезинто». Да, завтра.

А до этого времени сюда уже явятся люди с завода, и он получит заветные охапки зеленых стоцолларовых бумажек.

Но под раздражающим воздействием незнакомого мира ЭЛ-76 становился все более упрямым.

– Нет, – возразил он, – «Дезинто» нужен мне сейчас же.

Расправив свои металлические суставы, он встал.

– Я лучше пойду еще его поищу.

Пэйн бросился за ним и вцепился в холодный жесткий локоть.

– Послушай! – вскричал он. – Ты должен остаться!

Тут в мозгу робота что-то щелкнуло.

Все необычное, что окружало его, собралось в одну точку, его мозг осветился яркой вспышкой и заработал с необычайной эффективностью. Робот стремительно повернулся к Пэйну:

– Вот что! Я могу построить «Дезинто» прямо здесь и буду с ним работать.

Пэйн в сомнении помолчал.

– Не думаю, чтобы я сумел его построить. Притворяться, будто он умеет строить какие-то неведомые «Дезинто», явно не стоило.

– Неважно, – ЭЛ-76 прямо-таки чувствовал, как позитронные связи в его мозгу Пере-страиваются по-новому, и испытывал успокоительное возбуждение. – Я сам могу построить «Дезинто».

Он заглянул в конуру-люкс и сказал:

– У вас здесь есть все, что мне нужно. Рэндольф Пэйн окинул взглядом хлам, которым была завалена его хижина: выпотрошенные радиоприемники, холодильник без дверцы, ржавые автомобильные двигатели, сломанная газовая плита, несколько миль разломаченного провода – в общем, тонн пять-десять разнообразного железного лома, от которого с презре-

нием отвернулся бы любой старьевщик.

– Разве? – слабым голосом спросил он.

Два часа спустя почти одновременно произошли два события. Во-первых, Сэму Тому, управляющему филиалом «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» в Питерсборо, позвонил по видеofону некий Рэндольф Пэйн из Хэннафорда. Речь шла о пропавшем Роботс. Тоб, издав утробное рычание, отключился и приказал, чтобы впредь все подобные звонки переадресовывали шестому помощнику вице-президента, ведающему дырками от пуговиц.

Его можно было понять. Хоть робот ЭЛ-76 и исчез бесследно, всю последнюю неделю на завод непрерывно приходили сообщения о его местонахождении, поступавшие со всей страны. Порой по четырнадцать раз в день из четырнадцати разных штатов.

Тоб был сыт по горло, не говоря уже о том, что он вообще дошел до исступления. Дело как будто намеревалась заняться комиссия конгресса, хотя известнейшие специалисты по роботопсихологии и математической физике все до единого давали голову на отсечение, что робот не представляет совершенно никакой опасности.

Не удивительно, что управляющий только через три часа задумался над тем, откуда же Рэндольф Пэйн мог узнать, что робот предназначался для Лунной станции № 17? И вообще, откуда он узнал, что номер робота ЭЛ-76? Этих подробностей компания никому не сообщала.

Минуты полторы Тоб размышлял, а потом взялся за дело.

Однако за те три часа, которые прошли со времени звонка Пэйна, успело произойти второе событие. Рэндольф Пэйн, который совершенно правильно истолковал нежелание управляющего продолжать разговор как признак недоверия к своим словам, вернулся в хижину с фотоаппаратом. Пусть-ка попробуют не поверить фотографиям! Ну, а оригинал он им черта с два покажет, пока они не выложат деньги на бочку.

Все это время ЭЛ-76 занимался своим делом. Половина содержимого хижины Пэйна была разбросана на пространстве примерно в два акра, а посередине сидел на корточках робот и возился с радиолампами, кусками железа, медной проволокой и прочим хламом. Он не обратил никакого внимания на Пэйна, который, распластавшись на животе, готовился сделать прекрасный снимок.

Именно в этот момент из-за поворота дороги вышел Лемюэл Оливер Купер и замер на месте, потрясенный открывшейся перед ним картиной. Пришел он сюда потому, что забарахливший электрический тостер усвоил дурную привычку швыряться ломтиками хлеба, не потрудившись их поджарить. Удалился же Купер отсюда по куда более очевидной причине. Сюда он шел не спеша, в самом приятном весеннем расположении духа. Обрато он устремился с такой скоростью, что любой тренер университетской легкоатлетической команды, увидев его, только широко раскрыл бы глаза и одобрительно причмокнул бы губами.

Не снижая скорости, Купер – уже без шляпы и тостера – ворвался в кабинет шерифа Сондерса и остановился, только налетев на стену. Дружеские руки подняли его, и в течение тридцати секунд он тщетно пытался выговорить хоть слово. Его поили виски, его обмахивали платком, и, когда он наконец обрел дар речи, получилось примерно следующее: «Чудище... семь футов росту... раскидало всю хижину... бедный Рэнни Пэйн...» и так далее.

Постепенно удалось выяснить и подробности: что у хижины Рэндольфа Пэйна сидело огромное металлическое чудище ростом футов семь, а может быть, и все восемь или девять; что сам Рэндольф Пэйн лежал ничком и весь в крови, бедняга, изувеченный до неузнаваемости; что чудище усердно разносило хижину в щепки, удовлетворяя свою страсть к разрушению; что оно бросилось на Лемюэла Оливера Купера, и ему, Куперу, еле удалось ускользнуть из его лап.

Шериф Сондерс затянул потуже пояс, охватывавший его обширную талию, и сказал:

– Это тот самый механический человек, который удрал с завода в Питерсборо. Нас об этом предупреждали в прошлую субботу. Эй, Джейк, созови всех хэннафордцев, кто только умеет стрелять, и нацепи им по бляхе помощника шерифа. И чтобы в полдень они были тут!

Да, вот что, Джейк, сначала загляни к вдове Пэйн и сообщи ей о несчастье, только поосторожнее!

Говорят, Миранда Пэйн, узнав о случившемся, помедлила лишь минуту, чтобы проверить, на месте ли страховой полис ее покойного мужа, и выразить в двух словах свое мнение о поразительной глупости, помешавшей ему застраховаться на вдвое большую сумму, – и тут же испустила такой душераздирающий, горестный вопль, какой только может вырваться из груди самой уважаемой вдовы.

Несколько часов спустя Рэндольф Пэйн, ничего не зная о постигших его тяжелых увечьях и ужасной смерти, с удовольствием разглядывал только что проявленные негативы. Трудно было бы представить себе более исчерпывающую серию изображений трудящегося робота. Так и напрашивались названия: «Робот, задумчиво разглядывающий радиолампу», «Робот, сращивающий два провода», «Робот, размахивающий отверткой», «Робот, разносящий вдребезги холодильник» и так далее.

Оставался пустяк – напечатать фотографии, и Пэйн вышел из-за занавески, которая отгораживала наспех сооруженную темную комнату, чтобы покурить и поболтать с роботом.

При этом он пребывал в блаженном неведении того, что окружающий лес кишит перепуганными фермерами, вооруженными чем попало, начиная от мушкета – реликвии колониальных времен – и кончая ручным пулеметом самого шерифа. Не подозревал он и о том, что полдюжины Роботехников во главе с Сэмом Тобом в этот момент мчатся по шоссе из Питерсборо, делая больше ста двадцати миль в час, только для того, чтобы иметь удовольствие с ним познакомиться.

И вот, пока приближалась развязка, Рэндольф Пэйн удовлетворенно вздохнул, чиркнул спичку о сиденье своих штанов, задымил трубкой и со снисходительной усмешкой поглядел на робота ЭЛ-76.

Ему уже довольно давно стало ясно, что робот основательно свихнулся. Рэндольф Пэйн знал толк в самодельных приспособлениях, так как и сам соорудил на своем веку несколько аппаратов, от которых шарахнулась бы даже самая флегматичная лошадь, но ему никогда и не снилось ничего похожего на чудовищное сооружение, которое состряпал ЭЛ-76.

Если бы Руб Голдберг был еще жив, он умер бы от зависти; Пикассо бросил бы живопись, почувствовав, что его превзошли – и как превзошли! А если бы в радиусе полумили отсюда оказалась корова, то в этот вечер она доилась бы простоквашей.

Да, это было нечто жуткое!

Над массивным основанием из ржавого железа (Пэйн припомнил, что когда-то оно было частью сломанного трактора) вкривь и вкось поднималась поразительная путаница проводов, колесиков, ламп и неопишуемых ужасов без числа и названия. Все это завершалось наверху чем-то вроде раструба самого зловещего вида.

Пэйну захотелось было заглянуть в раструб, но он воздержался. Ему доводилось видеть, как внезапно взрывались куда более приличные на вид машины.

Он сказал:

– Послушай-ка, Эл!

Робот лежал на животе, прилаживая на место тонкую металлическую полоску. Он поднял голову.

– Что вам нужно, Пэйн?

– Что это такое?

Таким тоном мог бы задать подобный вопрос человек, глядящий на нечто невыразимо гнусное и смрадное, брезгливо подцепив его кончиком трехметрового шеста.

– Это «Дезинто», который я собираю, чтобы приступить к работе. Усовершенствованная модель.

Робот встал, с лязгом почистил стальные колени и не без гордости взглянул на свое сооружение.

Пэйн содрогнулся. Усовершенствованная модель! Немудрено, что оригинал прячут в

лунных пещерах. Бедный спутник Земли! Бедный безжизненный спутник! Пэйну давно хотелось узнать, какая судьба может быть хуже смерти. Теперь он знал.

– А работать-то эта штука будет? – спросил он.

– Конечно.

– Откуда ты знаешь?

– А как же иначе! Ведь я его собрал, разве нет? Мне нужна еще только одна деталь.

Есть у вас фонарик?

– По-моему, где-то есть.

Пэйн исчез в хижине и тут же вернулся.

Робот отвинтил крышку фонарика и снова принялся за работу. Через пять минут он кончил, отступил на несколько шагов и произнес:

– Готово. Теперь я принимаюсь за работу. Можете смотреть, если хотите.

Наступила пауза, пока Пэйн пытался оценить по достоинству столь великодушное предложение.

– А это не опасно?

– С ним управится и ребенок.

– А! – Пэйн криво улыбнулся и спрятался за самое толстое дерево из всех, что были поблизости.

– Валяй, – сказал он, – Я в тебя верю.

ЭЛ-76 указал на кошмарную грудку лома и произнес:

– Смотрите!

Потом его руки пришли в движение...

Бравые фермеры графства Хэннафорд, штат Виргиния, медленно стягивали кольцо вокруг хижины Пэйна. Они крались от дерева к дереву, в жилах у них играла кровь героических предков колониальных времен, а по спинам ползали мурашки.

Шериф Сондерс передал по цепи приказ:

– Стрелять по моему приказу и целить в глаза.

К нему подошел Джекоб Линкер, Тоший Джейк, как называли его друзья, и заместитель шерифа, как именовал себя он сам.

– А ну как этот механический человек смылся?

Как он ни старался, в его голосе прозвучала тихая надежда.

– Почему я знаю, – проворчал шериф. – Да навряд ли. Мы бы тогда наткнулись на него в лесу, а там он нам не попадался.

– Что-то уж очень тихо, а до хижины вроде бы рукой подать.

Джейк мог бы и не упоминать об этом – в горле шерифа Сондерса давно стоял такой большой комок, что глотать его пришлось в три приема.

– Вернись на место, – приказал он. – И держи палец на спуске.

Они уже подошли к самой поляне, и шериф Сондерс выглянул из-за дерева одним уголком плотно зажмуренного глаза. Ничего не увидев, он подождал, потом попробовал снова, на этот раз открыв глаза.

Эта попытка, естественно, оказалась более успешной.

Он увидел следующее: 1 (один) громадный механический человек, стоя спиной к нему, склонялся над 1 (одним) леденящим душу корявым устройством неясного происхождения и еще более неясного назначения. Не заметил шериф только дрожащую фигуру Рэндольфа Пэйна, который нежно обнимал узловатый ствол третьего по счету дерева к северо-северо-западу от него.

Шериф Сондерс выступил вперед и поднял ручной пулемет. Робот, по-прежнему стоявший к нему широкой металлической спиной, произнес громким голосом, обращаясь к неизвестному лицу (или лицам):

– Смотрите!

И в тот момент, когда шериф раскрыл было рот, чтобы дать команду «огонь», металли-

ческие пальцы нажали кнопку.

Точного описания того, что произошло вслед за этим, не существует, несмотря на присутствие семидесяти очевидцев. Все последовавшие затем дни, месяцы и годы ни один из этих семидесяти ни разу и словом не обмолвился о тех нескольких секундах, которые промелькнули непосредственно после того, как шериф раскрыл рот, чтобы скомандовать «огонь». Когда же их начинали расспрашивать, они просто зеленели и, пошатываясь, уходили прочь.

Однако есть основания полагать, что в общих чертах произошло следующее.

Шериф Сондерс раскрыл рот. ЭЛ-76 нажал кнопку. «Дезинто» сработал – и семьдесят пять деревьев, два сарая, трех коров и три четверти холма Утиный Клюв как будто ветром сдуло. Так сказать – туда, где прошлогодний снег.

После этого рот шерифа Сондерса в течение неопределенного промежутка времени оставался открытым, но не издал ни команды «огонь», ни какого бы то ни было другого звука. А потом...

А потом засвистел разрезаемый воздух, послышался треск и шорох многих тел, мчавшихся сквозь кусты, и лес прочертила серия лиловых молний, разлетающихся по всем направлениям от хижины Рэндольфа Пэйна. От участников облавы не осталось и следа.

В окрестностях поляны валялось огнестрельное оружие самых разнообразных систем, в том числе патентованный, никелированный, сверхскорострельный, безотказный ручной пулемет шерифа. Вперемешку с оружием лежало около пятидесяти шляп, несколько недогрязенных сигар и всякие мелочи, оброненные в суматохе. Но люди исчезли.

За исключением Тощего Джейка, ни об одном из них ничего не было слышно в течение трех дней. Он же стал исключением только потому, что мчаться дальше со скоростью метеора ему помешала встреча с полудюжиной служащих завода из Питерсборо, которые тоже мчались с вполне приличной скоростью, но только не из леса, а в лес.

Тощего Джейка остановил Сэм Тоб, искусно подставив на его пути свой живот. Как только к Сэму вернулось дыхание, он спросил:

– Где живет Рэндольф Пэйн? Остекленевшие глаза Тощего Джейка на мгновение прояснились.

– Друг! – ответил он. – В противоположном направлении!

И тут же чудесным образом исчез. У самого горизонта между деревьями виднелась все уменьшавшаяся точка, и возможно, что это был Джейк, но Сэм Тоб не решился бы это утверждать под присягой.

Вот и все про шерифа и его помощников, но остается еще Рэндольф Пэйн, реакция которого оказалась несколько иной.

Рэндольф Пэйн абсолютно не помнил, что произошло за тот пятисекундный промежуток времени, который последовал за нажатием кнопки и исчезновением холма Утиный Клюв. Только что он глядел сквозь кусты на поляну, спрятавшись за деревом, и вот уже болтался на его верхней ветви. Тот же самый импульс, который разогнал шерифа с помощниками по горизонтали, его заставил устремиться по вертикали.

Что касается того, как он ухитрился преодолеть пятьдесят футов, отделявших подножие дерева от его вершины, – влез он, или прыгнул, или взлетел, – этого он не знал, да и знать не хотел.

Знал он одно: робот, временно находившийся в его владении, уничтожил чужую собственность. Мечты о вознаграждении испарились, сменившись кошмарными видениями, в которых фигурировали возмущенные сограждане, разъяренные толпы линчевателей, судебные иски, арест по обвинению в убийстве и тирады Миранды Пэйн. В основном – тирады Миранды Пэйн.

Он хрипло завопил:

– Эй ты, робот, разбей эту штуку, слышишь? Разбей ее вдребезги! И забудь, что мы с тобой знакомы! Ты меня не знаешь, ясно? И чтобы ты никому ни слова об этом не говорил! Забудь, все забудь, слышишь?

Он не думал, что от его приказа будет какой-нибудь толк: просто ему надо было высказаться. Но он не знал, что робот всегда выполняет приказания человека, за исключением тех случаев, когда их выполнение связано с опасностью для другого человека.

Поэтому ЭЛ-76 принялся спокойно и методично разносить «Дезинто» вдребезги, превращая ее в груды лома.

В тот самый момент, когда он дотаптывал последний кубический дюйм машины, на поляне появился Сэм Тоб со своей командой, а Рэндольф Пэйн, почувствовав, что пришли настоящие хозяева робота, кубарем свалился с дерева и во все лопатки пустился наутек в неизвестном направлении.

Дождаться вознаграждения он не стал.

Инженер – Роботехник Остин Уайльд повернулся к Сэму Тобу и спросил:

– Вы чего-нибудь добились от робота?

Тот покачал головой и прорычал:

– Ничего. Ни слова. Он забыл все, что произошло с того момента, как он ушел с завода. Должно быть, ему кто-то приказал забыть – иначе он помнил бы хоть что-нибудь. С какой это кучей лома он возился?

– Вот именно – куча лома. Да ведь это же, конечно, был «Дезинто», который он разбил. Если бы мне попался тот, кто приказал ему это сделать, я бы его прикончил, предварительно поджарив живьем. Вот, взгляните!

Они стояли на склоне бывшего холма Утиный Клюв – точнее говоря, на том месте, где склон кончался, так как вершина была начисто срезана. Уайльд провел рукой по безукоризненно ровной поверхности.

– Какой «Дезинто»! – сказал он. – Срезал холм, как бритвой!

– Зачем он его построил?

Уайльд пожал плечами.

– Не знаю, какой-то местный фактор – мы так и не узнаем какой – так подействовал на его позитронный мозг лунного образца, что он построил «Дезинто» из лома. У нас не больше одного шанса на миллион, что удастся когда-нибудь наткнуться на этот фактор, раз сам робот забыл. Второго такого «Дезинто» у нас никогда не будет.

– Неважно. Главное, мы отыскали робота.

– Как бы не так, – с горечью возразил инженер. – Вы когда-нибудь имели дело с «Дезинто» на Луне? Они жрут энергию, как электрические свиньи, и начинают работать не раньше, чем напряжение поднимется до миллиона вольт. А этот «Дезинто» работал на ином принципе. Я смотрел все обломки под микроскопом, и знаете, какой единственный источник питания я обнаружил?

– Какой?

– Вот, и больше ничего! И мы никогда не узнаем, как он этого добился!

И Остин Уайльд показал источник питания, позволивший «Дезинто» за полсекунды сбрызнуть холм, – две батарейки от карманного фонаря.

Нечаянная победа

Victory Unintentional (1942)

Перевод: Д. Жуков

Космический корабль был весь худой – решето решетом, как говорится.

Но так и было задумано. В сущности в том-то и заключалась вся штука.

И разумеется, во время полета с Ганимеда на Юпитер корабль оказался битком набитым чистейшим космическим вакуумом. А поскольку на корабле не было никаких обогревательных устройств, этот космический вакуум имел нормальную для него температуру – какую-то долю градуса выше абсолютного нуля.

И это тоже соответствовало замыслу. Такие пустяки, как отсутствие тепла и воздуха, на

этом космическом корабле ни у кого не вызывали раздражения.

Первые порции сильно разреженной атмосферы Юпитера стали проникать в корабль в нескольких тысячах миль от поверхности планеты. Это был чистый водород. Атмосферное давление все повышалось и повышалось, достигнув миллиона земных атмосфер.

Корабль медленно продвигался к конечной цели путешествия, пробиваясь сквозь скопления молекул газа, которые так теснились, что даже водород обладал плотностью жидкости. Температура была семьдесят градусов ниже нуля по Цельсию. Пары аммиака, поднимавшиеся над невероятно обширным аммиачным океаном, насыщали эту жуткую атмосферу до предела. Ветер, зарождавшийся где-то на высоте тысячи миль, несся с такой скоростью, что подобное атмосферное явление можно было назвать ураганом лишь приближенно.

Прежде чем корабль опустился на большой юпитерианский остров, раз в семь превышавший по площади Азию, стало совершенно очевидно, что Юпитер не слишком приятный мир.

И все же трем членам экипажа корабля он казался приятным. Впрочем, этих троих назвать людьми было нельзя, юпитерианами – тоже.

Они были просто роботами, которых создали на Земле.

XX-3 сказал:

– Кажется, это довольно пустынный уголок.

XX-2 согласился с ним и угрюмо посмотрел на сглаженный ветром пейзаж.

– Вдалеке виднеются какие-то строения, – сказал он. – Они явно искусственного происхождения. Я предлагаю подождать, пока подойдут их обитатели.

Стоявший вместе со своими товарищами XX-1 слушал, но ничего не говорил. Его создали прежде двух других роботов, и он был полуэкспериментальным. Поэтому он редко вступал в разговор.

Ждать пришлось недолго. С неба пикировало воздушное судно странной конструкции. За ним другие. Затем приблизилась колонна наземных транспортных средств, из которых показались какие-то живые существа. Появились и различные предметы – по-видимому, оружие. Некоторые из этих предметов было под силу тащить одному юпитерианину, другие – несколькими, а третьи передвигались сами. Юпитериане сидели, наверно, внутри.

Роботы в этом разобраться не могли.

– Нас окружили, – сказал XX-3. – Чтобы показать наши мирные намерения, логичнее всего выйти из корабля. Согласны?

Остальные согласились с ним, и XX-1 распахнул тяжелую дверь, которая не была ни двойной, ни, к слову сказать, герметичной. Появление роботов вызвало суматоху среди юпитериан. Они что-то сделали с самыми большими из доставленных к кораблю предметов, и XX-3 почувствовал, как на внешнем слое его бериллиево-иридиево-бронзового тела поднимается температура.

Он посмотрел на XX-2.

– Чувствуешь? Наверно, они направили на нас поток тепловой энергии.

– Но почему? – удивился XX-2.

– Это определенно какой-то тепловой луч. Посмотри туда!

Один из лучей отклонился в сторону и упал на сверкающий ручеек чистого аммиака, который тотчас бурно закипел.

XX-3 повернулся к XX-1.

– Первый, возьми-ка это на заметку.

– Разумеется, возьму.

Именно на долю XX-1 выпала секретарская работа, и он делал заметки, просто заполняя ячейки своей памяти.

– Максимальная температура луча равна тридцати градусам выше нуля по Цельсию, – добавил Первый.

– Может, попытаемся связаться с ними? – перебил его Второй.

– Напрасная трата времени, – сказал Третий. – Очень немногие юпитериане знают ра-

диокод, при помощи которого осуществлялась связь между Юпитером и Ганимедом. Впрочем, они могут послать за специалистом, чтобы установить контакт. А пока наблюдаем за ними. Сознаюсь, я не понимаю их действий.

Тепловое излучение прекратилось, а юпитериане подтащили и пустили в ход другое оружие. К ногам роботов упало несколько капсул. Под воздействием тяготения Юпитера они быстро, с силой воткнулись в почву. Капсулы с треском раскрылись, из них выплеснулась и образовала лужи синяя жидкость, которая тотчас начала испаряться.

Неистовый ветер подхватил эти пары, и юпитериане поспешили убраться в подветренную сторону. Один из них замешкался и тут же судорожно задергался, а потом обмяк и затих.

XX-2 наклонился, обмакнул палец в одну из луж, а потом стал смотреть на стекающую каплями жидкость.

– Я думаю, это кислород, – сказал он.

– Конечно, кислород, – согласился Третий. – Происходит что-то совсем уж странное. Ведь кислород, по-моему, вреден для этих существ. Одно из них погибло!

Роботы помолчали, потом XX-1, который отличался простотой и потому считал, что надо брать быка за рога, промолвил:

– Возможно, эти странные существа с помощью таких довольно несерьезных штук пытаются уничтожить нас?

И XX-2, пораженный этим предположением, ответил:

– Знаешь, Первый, по-моему, ты прав! Ведь и хозяева-люди говорили нам, что юпитериане хотят уничтожить все человечество, а существа, настолько обезумевшие от злобы, что вынашивают мысль, как бы навредить человеку... – голос Второго при этих словах задрожал, – тем более могут попытаться уничтожить нас.

– Стыдно иметь такой несносный характер, – сказал XX-1. – Бедняги!

– По-моему, это очень печально, – согласился Второй. – Давайте вернемся на корабль. Мы уже достаточно насмотрелись.

Забравшись в корабль, они принялись ждать. Как сказал XX-3, Юпитер – обширная планета, и эксперта по радиокоду могут искать еще долго. Впрочем, терпения роботам не надо было занимать.

И в самом деле, Юпитер, по показаниям хронометра, трижды обернулся вокруг своей оси, прежде чем прибыл эксперт. Ни восходов солнца, ни закатов, разумеется, не было. Три тысячи миль плотной, как жидкость, атмосферы окутывали планету крошечной тьмой, и дня от ночи никто отличить не мог. Впрочем, ни для роботов, ни для юпитериан видимое световое излучение не играло никакой роли: зрение их было устроено по другому принципу.

Все эти тридцать часов юпитериане продолжали осаждать корабль. Они вели наступление терпеливо, упорно, безжалостно. Об этом робот XX-1 сделал немало пометок в своей памяти. Юпитериане применяли все новое и новое оружие, а роботы, внимательно следя за всеми атаками, каждый раз анализировали его.

Хозяева-люди мастерили прочные вещи. Пятнадцать лет ушло на конструирование корабля и роботов, и сущность их можно было выразить одним словом – мощь. Бесплезно было стараться уничтожить их: ни корабль, ни роботы не уступали друг другу.

– Мне кажется, им мешает атмосфера, – сказал Третий. – Они не могут использовать атомный заряд, так как в этой густой атмосфере рискуют подорваться сами.

– И взрывчатку применить они тоже не могут, – сказал Второй. – И это хорошо. Нас бы они, конечно, не повредили, но потрянуло бы здорово.

– О взрывчатых веществах не может быть и речи. Взрыва без мгновенного расширения газов не бывает, а газ просто не сможет увеличиться в объеме в этой атмосфере.

– Очень хорошая атмосфера, – пробормотал Первый. – Мне она нравится.

Эти слова прозвучали вполне естественно: роботов серии XX и создавали для такой атмосферы. По своему облику они ни капельки не напоминали людей. Они были приземистыми и широкими, центр тяжести у них находился менее чем в фуге от поверхности земли. У

них было по шесть ног, коротких и толстых, рассчитанных на многотонную нагрузку в условиях, когда тяготение превышает земное в два с половиной раза. Чтобы компенсировать избыток веса, роботов наделили реакцией, которая намного превосходила необходимую на Земле. Кроме того, они были сделаны из бериллиево-иридиево-бронзового сплава, не поддающегося никакой коррозии. Против этого сплава было бесполезно любое известное оружие, кроме атомного мощностью в тысячу мегатонн.

Ожидая специалиста по радиокоду, роботы были заняты тем, что довольно неуверенно старались хоть как-нибудь описать внешность юпитериан. ХХ-1 отметил наличие у них щупалец и круговой симметрии тела... и на этом остановился. Второй и Третий старались помочь ему изо всех сил, но тоже безрезультатно.

– Нельзя описать что-либо, – заявил наконец Третий, – ни с чем не сравнивая. Подобных существ я никогда не видел...

К этому времени юпитериане перестали пробовать на пришельцах свое оружие. Роботы выглянули из корабля. Группа юпитериан продвигалась вперед какими-то странными бросками. Роботы вышли навстречу. Юпитериане остановились футах в десяти. Обе стороны молчали и не двигались с места.

Вдруг донеслось звонкое щелканье, и ХХ-1 радостно сказал:

– Это радиокод. У них там эксперт по связи.

Так оно и было. Усложненная азбука Морзе, которую за двадцать пять лет жители Юпитера и люди Ганимеда обоюдными усилиями превратили в удивительно гибкое средство общения, была применена наконец при более близком контакте.

Теперь впереди был только один юпитерианин, остальные отступили. Он-то и вел переговоры.

– Откуда вы? – прощелкал он.

ХХ-3, как наиболее умственно развитый, стал говорить от имени группы роботов.

– Мы с Ганимеда, спутника Юпитера.

– Что вам нужно? – продолжал юпитерианин.

– Нам нужна информация. Мы прибыли сюда, чтобы изучить ваш мир и доставить обратно полученные сведения. Если бы вы помогли нам...

– Вы должны быть уничтожены! – перебил его своим щелканьем юпитерианин.

ХХ-3 помолчал и задумчиво сказал своим товарищам:

– Хозяева-люди говорили, что они будут стоять именно на такой позиции. Они очень странные.

Перейдя на щелканье, он просто спросил:

– Почему уничтожены?

Юпитерианин, очевидно, счел ниже своего достоинства отвечать на подобные вопросы.

– Если вы покинете Юпитер в течение суток, мы пощадим вас... пока не выйдем за пределы нашей атмосферы и не уничтожим антиюпитерианский сброд, засевший на Ганимеде.

– Мне хотелось бы указать на то, – сказал Третий, – что мы, живущие на Ганимеде и внутренних планетах...

– Согласно нашей астрономии, – перебил его юпитерианин, – существует только Солнце и четыре наших спутника. Никаких внутренних планет нет.

Третий устал спорить.

– Ладно. Пусть будет так: мы, живущие на Ганимеде, не имеем никаких притязаний на Юпитер. Мы предлагаем дружбу. Двадцать пять лет вы общались с помощью радиокода с людьми Ганимеда. Разве есть какая-нибудь причина для внезапного объявления войны?

– Двадцать пять лет, – последовал холодный ответ, – мы считали жителей Ганимеда юпитерианами. Когда мы узнали, что это не так, что мы общались с низшими животными, как с разумными, по юпитерианским понятиям, существами, мы решили принять меры, чтобы смыть этот позор.

Беседа на этом закончилась.

Роботы вернулись на корабль.

– Плохи дела, – задумчиво сказал ХХ-2. – Все идет так, как говорили хозяева-люди. У юпитериан крайне развит комплекс превосходства, осложненный абсолютной нетерпимостью ко всему, что затрагивает этот комплекс.

– Нетерпимость, – заметил Третий, – это естественное следствие комплекса. Беда в том, что их нетерпимость зубаста. У них есть оружие... и их наука достигла значительных успехов.

– Теперь я не удивляюсь, – горячо сказал ХХ-1, – что нам дано особое указание – не подчиняться распоряжениям юпитериан. Это ужасные, нетерпимые, псевдовысшие существа! – И верный робот страстно добавил: – Ни один хозяин-человек никогда не будет так вести себя.

– Это верно, но к делу не относится, – сказал Третий. – Хозяевам-людям грозит страшная опасность. Юпитер – гигантская планета, у здешних жителей колоссальные ресурсы, юпитериане по численности в сотню раз превосходят людей всей земной сферы влияния. Если они когда-нибудь создадут силовое поле такой мощности, что оно послужит оболочкой космического корабля, то они легко покорят всю Солнечную систему. Вопрос в том, как далеко они продвинулись в этом направлении, какое оружие у них есть, какая ведется подготовка и так далее. Наша задача – добыть эту информацию.

Мне кажется, нам надо всего лишь подождать, – добавил Третий. – В течение тридцати часов они пытались уничтожить нас и не добились никаких результатов. Они, наверно, сделали все, что могли. Комплекс превосходства всегда приводит к необходимости спасти свой престиж, и доказательством тому служит ультиматум, который они нам предъявили. Они ни за что не позволили бы нам улететь, если бы могли уничтожить нас. Но если мы не покинем планету, они, разумеется, не признаются в своем бессилии, а скорее сделают вид, что сами пожелали, чтобы мы остались.

И снова роботы встретились с юпитерианским экспертом по радиокоду.

Если бы роботов серии ХХ снабдили чувством юмора, то они получили бы колоссальное удовольствие. Но они относились к делу слишком серьезно.

Юпитерианин сказал:

– Мы решили позволить вам остаться на очень короткое время, чтобы вы сами убедились в нашей мощи. Затем вы вернетесь на Ганимед и сообщите всему вашему сброду о неминуемой гибели, которая ждет их через год.

ХХ-1 отметил про себя, что на Юпитере год равен двенадцати земным.

Третий непринужденно сказал:

– Спасибо. Не проводите ли вы нас в ближайший город? Нам бы хотелось многое узнать. – И, подумав, добавил: – Наш корабль, разумеется, трогать нельзя.

Он не угрожал, а просто попросил, потому что ни один робот серии ХХ не был задиристым. При их конструировании исключили возможность даже малейшей раздражительности. За долгие годы испытаний было установлено, что в интересах безопасности людей ровный, добрый нрав у таких могучих роботов, как ХХ, просто необходим.

– Нас не интересует ваш дрянной кораблишко, – сказал юпитерианин. – Никто из нас не осквернит себя прикосновением к нему. Вы можете идти с нами, но держитесь на расстоянии десяти футов. В противном случае вы будете немедленно уничтожены.

– Ну и высокомерие! – шепотом заметил Второй.

Портовый город находился на берегу огромного аммиачного озера. Ветер вздымал бешеные пенные волны, которые катились чрезвычайно стремительно и мгновенно опадали из-за сильного тяготения. Сам порт был невелик, но не вызывало сомнений, что большая часть сооружений находится под землей.

– Сколько здесь жителей? – спросил Третий.

– Это маленький городок с десятимиллионным населением, – ответил юпитерианин.

– Понятно. Возьми на заметку, Первый.

ХХ-1 автоматически зафиксировал это в памяти, повернулся к озеру и с интересом по-

смотрел на него. Он взял Третьего под локоть.

– Послушай, рыба у них здесь есть?

– А не все ли равно?

– Мне кажется, нам надо посмотреть. Хозяева-люди приказали разузнать все, что возможно.

Из трех роботов Первый был самым простым и поэтому понимал приказы буквально.

– Пусть Первый посмотрит, если ему хочется, – сказал Второй. – Позволим парнишке немного поразвлечься. От этого не будет вреда.

– Ладно. Пусть только не теряет времени. Мы сюда приехали не за рыбой... Иди, Первый.

XX-1 ринулся к пляжу, пересек его и с плеском погрузился в аммиак. Юпитерианин внимательно наблюдал за ним.

Эксперт по радиокоду отщелкал:

– Видя наше величие, ваш товарищ, видимо, с отчаяния решил покончить с собой.

Третий удивился:

– Ничего подобного. Он хочет посмотреть, живут ли в аммиаке какие-нибудь организмы. – А потом робот извиняющимся тоном добавил: – Наш друг порой очень любопытен, он не такой умный, как мы, но это его единственный недостаток, который заслуживает снисхождения.

Юпитерианин долго молчал, а потом заметил:

– Он утонет.

– Опасности никакой нет, – спокойно ответил ему Третий. – Вы разрешите нам войти в город, как только он вернется?

В этот момент над озером поднялся фонтан жидкости в несколько сот футов высотой. Ветер подхватил его, швырнул вниз и разбил на мельчайшие брызги. Ударил еще одна струя, потом еще, бешено забурлила жидкость, и к берегу протянулся пенистый след.

Оба робота ошеломленно наблюдали за происходившим. Юпитериане застыли в неподвижности и тоже напряженно смотрели на озеро.

На поверхности показалась голова XX-1. Он медленно вышел на сушу. Но следом за ним из воды показалось какое-то существо гигантских размеров, состоявшее, видимо, сплошь из клыков, когтей и игл. Затем роботы увидели, что существо движется не само, его вытаскивает на пляж XX-1.

XX-1 приблизился довольно робко к юпитерианину и сам вступил в связь с ним, лихорадочно отщелкав:

– Мне очень жаль, что так получилось, но это существо напало на меня. Я просто хотел описать его. Надеюсь, это не очень ценное животное.

Ему ответили не сразу, так как при появлении чудовища ряды юпитериан сильно поределели. Они стали возвращаться, лишь убедившись, что животное мертво.

XX-3 скромно сказал:

– Надеюсь, вы простите нашего друга. Он немного неуклюж. Мы не хотели убивать какое бы то ни было юпитерианское животное.

– Оно напало на меня, – пояснил Первый. – Оно укусило меня без всякого повода. Смотрите! – И он показал двухфутовый клык, сломавшийся при укусе. – Оно укусило меня за плечо и чуть не поцарапало его. Я шлепнул животное, чтобы отогнать... а оно сдохло. Простите!

Юпитерианин наконец заговорил, но щелканье его было не очень четким. Он как бы заикался.

– Это дикий зверь, редко встречающийся у берега, но озеро здесь очень глубокое.

Все еще чувствуя себя неловко, Третий сказал:

– Если вы употребляете его в пищу, то мы рады...

– Нет. Мы можем добыть себе пищу без помощи всякого сбр... без посторонней помощи. Ешьте его сами.

Тогда ХХ-1 без всякого усилия поднял зверя одной рукой и бросил его в озеро. А Третий, между прочим, заметил:

– Благодарим за любезное предложение, но мы в пищу не нуждаемся. Мы, разумеется, ничего не едим.

В сопровождении сотен двух вооруженных юпитериан роботы спустились по аппарели в подземный город. На поверхности он казался маленьким, но под землей производил внушительное впечатление.

Роботов посадили в вагон с дистанционным управлением (так как ни один почтенный, уважающий себя юпитерианин не опустился бы до того, чтобы сесть в один вагон со «всяким сбродом»), и они помчались со страшной скоростью к центру города. По проделанному пути они определили, что из конца в конец город раскинулся на пятьдесят миль и уходит вглубь миль на восемь.

– Если такова численность юпитериан, – с грустью сказал ХХ-2, – то нам предстоит сделать своим хозяевам-людям не слишком утешительный доклад. Ведь мы сели на обширной поверхности Юпитера наугад – вероятность посадки у действительно большого населенного пункта была тысяча к одному.

– Десять миллионов юпитериан, – с отсутствующим видом произнес Третий. – Все население, по-видимому, исчисляется триллионами, а это большое, очень большое население даже для Юпитера. У них, наверно, полностью городская цивилизация, а это говорит о колоссальном развитии науки. Если у них есть силовые поля...

Вагон остановился на площади. Ближайшие улицы были забиты юпитерианами, которые были так же любопытны, как и любая городская толпа при подобных обстоятельствах.

Приблизился эксперт по радиокоду.

– Мне пора отдыхать. Мы пошли даже на то, что подыскали для вас помещение, хотя это причинит нам большие неудобства, так как своим пребыванием вы оскверните его и нам придется снести здание, а потом построить его заново. И тем не менее вам будет где спать.

ХХ-3 взмахнул рукой в знак протеста и отступал:

– Благодарим вас, но, пожалуйста, не беспокойтесь. Мы не будем возражать против того, чтобы вы оставили нас здесь, где мы находимся. Если вам хочется отдохнуть, поспать, мы подождем вас. Что же касается нас, – добавил он непринужденно, – то мы не спим вообще.

Юпитерианин не сказал на это ничего. Впрочем, если бы у него было лицо, то выражение его наверняка показалось бы забавным. Юпитерианин удалился, а роботы остались в вагоне. Их окружила стража из хорошо вооруженных юпитериан.

Прошло немало времени, прежде чем вернулся эксперт по коду. Он представил прибывших с ним юпитериан:

– Со мной два чиновника центрального правительства, которые любезно согласились побеседовать с вами.

Один из чиновников, очевидно, знал код и нетерпеливо перебил эксперта своим щелканьем.

– Вы, сброд! – обратился он к роботам. – Вылезайте-ка из вагона. Мы хотим посмотреть на вас.

Роботы были рады исполнить это требование. И в то время как Третий и Второй прыгнули с правой стороны вагона, Первый ринулся сквозь левую стенку. Именно «сквозь», так как он не удосужился пустить в ход механизм, опускавший часть стенки, а снес всю ее. За ней последовали два колеса и ось. Вагон развалился, и ХХ-1 ошеломленно взирал на обломки.

Наконец он легонько защелкал:

– Простите. Надеюсь, этот вагон не очень дорогой.

ХХ-2 смущенно добавил:

– Наш товарищ часто бывает неуклюж. Простите его.

ХХ-3 без особого успеха попытался собрать развалившийся вагон.

ХХ-1 снова принялся извиняться:

– Материал, из которого сделан вагон, очень непрочен. Видите? – Он обеими руками поднял лист пластика, который был размером с квадратный ярд, толщиной дюйма три и обладал твердостью железа. Робот слегка согнул лист, и тот мгновенно лопнул. – Мне надо было учесть это, – добавил ХХ-1.

Представитель юпитерианского правительства немного сбавил тон:

– Вагон все равно будет уничтожен, так как он осквернен вами. – Он помолчал и добавил: – Существа! Мы, юпитериане, не проявляем вульгарного любопытства в отношении низших животных, но нашим ученым нужны факты.

– Мы согласны с вами, – одобительно откликнулся Третий. – Нам они тоже нужны.

Юпитерианин проигнорировал эти слова.

– У вас, наверное, нет органа, чувствительного к массе. Как же вы получаете представление о предметах, которые не можете ощупать?

Третий заинтересовался:

– Вы хотите сказать, что жители Юпитера непосредственно ощущают массу?

– Я здесь не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы... ваши наглые вопросы.

– Значит, насколько я понимаю, предметы, имеющие небольшую массу, для вас прозрачны даже при отсутствии излучения. – Третий повернулся ко Второму. – Вот как они видят. Их атмосфера прозрачна для них, как вакуум.

Юпитерианин снова защелкал:

– Сейчас же отвечайте на мой вопрос, или я прикажу вас уничтожить.

– Мы ощущаем энергию, – тотчас ответил Третий. – Мы можем настраиваться на электромагнитные колебания любой частоты. Сейчас мы видим дальние предметы, излучая радиоволны, а ближние предметы с помощью... – Робот замолчал, а затем спросил Второго: – Есть какое-нибудь кодовое слово, означающее гамма-лучи?

– Такого слова я не знаю, – ответил Второй.

Третий снова обратился к юпитерианину:

– Ближние предметы мы видим при помощи другого излучения, для которого нет кодового слова.

Юпитериане отступили, и, хотя до роботов не донеслось ни звука, по непонятным движениям различных частей их совершенно неопишуемых тел было очевидно, что они оживленно переговариваются.

Затем чиновник снова приблизился:

– Существа с Ганимеда! Решено показать вам некоторые заводы, чтобы вы ознакомились с крошечной частью наших великих достижений. Затем мы разрешим вам вернуться и разъяснить безнадежность положения всего сбр... существ внешнего мира.

Третий сказал Второму:

– Видишь, какова их психология. Они стараются во что бы то ни стало доказать свое превосходство. Речь теперь идет о спасении престижа. – И радиокodem: – Благодарим за любезность.

Но довольно скоро роботы поняли, что юпитериане добились очень многого. Это напоминало осмотр замечательной выставки. Юпитериане показывали и объясняли все, охотно отвечали на любые вопросы, и ХХ-1 делал сотни огорчительных пометок в своей памяти.

Военная мощь этого одного-единственного городка в несколько раз превышала военный потенциал Ганимеда. По промышленному производству десять таких городков могли превзойти все планеты, населенные людьми. А ведь в десяти городках обитала, видимо, ничтожная часть населения Юпитера.

Третий повернулся к Первому и толкнул его локтем.

– Что же это такое?

– Наверно, у них есть силовые поля, и тогда хозяева-люди проиграли, – серьезно сказал ХХ-1.

– Боюсь, что ты прав. А почему ты думаешь, что у них есть силовые поля?

– Потому что они не показывают нам правое крыло завода. Возможно, там работают

над силовыми полями.

Они находились на громадном сталелитейном заводе, где изготавливали стофутовые брусья аммиакоупорного кремниево-стального сплава.

– Что в том крыле? – спокойно спросил Третий у правительственного чиновника.

Тот объяснил:

– Это секция высоких температур. Различные процессы требуют таких температур, которые опасны для жизни, и потому здесь дистанционное управление.

Чиновник провел роботов к стене, излучавшей тепло, и показал на небольшое круглое окошко, защищенное каким-то прозрачным материалом. Таких окошек было много, и они озарялись красным туманным светом, который исходил от пылавших печей и пробивался сквозь густую атмосферу.

XX-1 бросил на юпитериан подозрительный взгляд и отщелкал:

– Вы не будете возражать, если я войду туда и посмотрю, что к чему? Меня это очень интересует.

– Что за ребячество. Первый! – упрекнул Третий. – Они говорят правду. Впрочем, если тебе хочется, сходи посмотри. Но не задерживайся, нам некогда.

Юпитерианин сказал:

– Вы не имеете представления, какая там жара. Вы погибнете.

– О нет, – как бы между прочим бросил Первый. – Жара нам нипочем.

Юпитериане посовещались, а потом засуетились. Были поставлены теплозащитные экраны, и дверь, ведущая в секцию высоких температур, распахнулась. XX-1 вошел в цех и плотно закрыл за собой дверь. Юпитерианские чиновники столпились у окошек.

XX-1 подошел к ближайшей печи и пробил летку. Так как робот был слишком приземист, чтобы заглянуть в печь, он наклонил ее. Расплавленный металл стал лизать край контейнера. Робот с любопытством посмотрел на металл, опустил в него руку, стряхнул огненные металлические капли, а то, что осталось, вытер об одно из шести своих бедер, медленно прошелся вдоль печей и лишь затем дал знак, что хочет выйти.

Юпитериане отошли подальше. Когда XX-1 показался в дверном проеме, его стали окатывать струей аммиака, который шипел, булькал и испарялся. Наконец робот охладился до сносной температуры.

Не обращая внимания на аммиачный душ, XX-1 сказал своим собратьям:

– Они говорят правду. Никаких силовых полей там нет. Однако нет смысла медлить. Хозяева-люди дали нам определенные указания.

Он повернулся к юпитерианскому чиновнику и, не колеблясь, отщелкал:

– Послушайте, ваши ученые создали силовые поля?

Прямота, разумеется, была естественным следствием конструктивных особенностей Первого. Второй и Третий знали это и воздержались от неодобрительных замечаний.

Юпитерианский чиновник постепенно сумел оправиться от странного оцепенения. Когда Первый вышел из цеха, чиновник все время тупо смотрел на руку робота, ту самую, которая побывала в расплавленном металле.

– Силовые поля? Так вот что вас интересует! – медленно произнес юпитерианин.

– Да, – отчеканил Первый.

Роботов повели на самый край города, и они оказались среди тесно расположенных сооружений, которые приблизительно можно было сравнить с земным университетом.

Юпитерианский чиновник быстро двигался вперед, а за ним топали роботы, томимые мрачными предчувствиями.

XX-1, пропустив всех вперед, остановился перед секцией, ничем не огороженной.

– Что это? – поинтересовался он.

В секции стояли узкие низкие скамьи. На них юпитериане манипулировали какими-то странными приборами, главной деталью которых был сильный дюймовый электромагнит.

Юпитерианин повернулся к роботу и нетерпеливо сказал:

– Это студенческая биологическая лаборатория. Здесь нет ничего, что могло бы заинте-

ресовать вас.

– А что они делают?

– Они изучают микроскопические организмы. Вы видели когда-нибудь микроскоп?

– Он видел, – вмешался Третий, – но не такого типа. Наши микроскопы предназначены для энергочувствительных органов и работают по принципу отражения лучевой энергии. Ваши микроскопы, очевидно, основаны на принципе увеличения массы. Довольно остроумно.

– Вы не возражаете, если я посмотрю, какие там существа? – спросил Первый.

Он шагнул к ближайшей скамье, а студенты, боявшиеся оскверниться общением с инопланетянами, сгрудились в дальнем углу. ХХ-1 отодвинул микроскоп и стал внимательно рассматривать предметное стекло. Удивленный, он отложил его, взял другое... третье... четвертое...

Потом робот обратился к юпитерианину:

– Эти организмы живые? Такие маленькие, похожие на червей?

– Конечно.

– Странно... стоит мне посмотреть на них, как они погибают!

Третий чертыхнулся и сказал своим товарищам:

– Мы забыли о нашей гамма-радиации. Пойдем отсюда, Первый, а то мы уьем все микроорганизмы в этой комнате.

Он повернулся к юпитерианину:

– Боюсь, что наше присутствие губительно для слаборазвитых форм жизни. Мы лучше уйдем. Мы надеемся, что погибшие организмы вам нетрудно будет заменить другими. И вы держитесь-ка от нас подальше, а то наше излучение может оказать и на вас вредное воздействие.

Юпитерианин не сказал ни слова и величественно двинулся дальше, но было заметно, что с этой минуты расстояние между ним и роботами увеличилось вдвое.

Через некоторое время роботы очутились в большом помещении. В самой его середине, несмотря на сильное тяготение Юпитера, без всякой видимой опоры висел громадный слиток металла.

Юпитерианин защелкал:

– Вот наше силовое поле. Последнее достижение. В том невидимом пузыре вакуум. Силовое поле выдерживает давление нашей атмосферы и вес металла, эквивалентного двум большим космическим кораблям. Ну что вы скажете?

– Что у вас появляется возможность для космических полетов, – сказал Третий.

– Совершенно верно. И металл, и пластик недостаточно прочны, чтобы выдержать давление нашей атмосферы при создании вакуума, а силовое поле выдержит... Пузырь, огражденный силовым полем, и будет нашим космическим кораблем. Не пройдет и года, как мы изготовим сотни тысяч таких кораблей. Потом мы обрушимся на Ганимед и уничтожим сброд, который пытается оспаривать наше право на господство.

– Люди Ганимеда никогда и не думали об этом, – пытался возразить Третий.

– Молчать! – защелкал юпитерианин. – Возвращайтесь и расскажите своим, что вы видели. Ничтожно слабые силовые поля, такие, как у вашего корабля, с нашими нельзя даже сравнивать, потому что самый маленький наш корабль будет мощнее и больше вашего в сотни раз.

– В таком случае, – сказал Третий, – нам здесь больше нечего делать, и мы вернемся, как вы говорите, чтобы сообщить то, что узнали. Проводите нас, пожалуйста, к нашему кораблю, и мы распрощаемся. Но, между прочим, к вашему сведению, кое-чего вы не понимаете. У людей Ганимеда, разумеется, силовые поля есть, но к нашему кораблю они никакого отношения не имеют. Мы не нуждаемся в силовом поле.

Робот повернулся к своим товарищам:

– Через десять земных лет с хозяевами-людьми будет покончено. Сопrotивляться Юпитеру невозможно. Слишком он силен. Пока юпитериане были привязаны к поверхности

планеты, люди были в безопасности. Но теперь у них силовые поля... Мы можем только доставить людям полученные сведения, и это все.

Роботы отправились восвояси. Город остался позади. На горизонте показалось темное пятно – их корабль.

Вдруг юпитерианин сказал:

– Существа, так вы говорите, что у вас нет никакого силового поля?

– Мы не нуждаемся в нем, – безразлично ответил Третий.

– Тогда почему ваш корабль не взрывается в космическом пространстве из-за атмосферного давления изнутри?

И он пошевелил щупальцем, как бы указывая на атмосферу Юпитера, которая давила с силой двадцати миллионов фунтов на квадратный дюйм.

– Ну, это объясняется просто. Наш корабль не герметичен. Давление и внутри и снаружи одинаковое.

– Даже в космосе? Вакуум в вашем корабле? Вы лжете!

– Осмотрите сами наш корабль. У него нет силового поля, и он не герметичен. Что в этом необыкновенного? Мы не дышим. Энергия у нас атомная. Нам все равно, есть ли давление, нет ли его, и в вакууме мы чувствуем себя прекрасно.

– Но в космосе же абсолютный нуль!

– Это не играет роли. Мы сами регулируем собственную температуру. От температуры среды мы не зависим. – Третий помолчал. – Ну, теперь мы сами можем добраться до корабля. До свидания. Мы передадим людям Ганимеда ваше послание – война до конца!

Но юпитерианин вдруг сказал:

– Погодите! Я скоро вернусь.

Он повернулся и двинулся к городу.

Роботы посмотрели ему вслед и стали молча ждать. Юпитерианин вернулся только часа через три. Видно было, что он очень торопился. За десять футов от корабля он опустился всем телом на почву и стал как-то странно подползать. Юпитерианин не произнес ни слова, пока не приблизился настолько, что чуть ли не прижался к роботам своей серой эластичной кожей. И лишь тогда зазвучал приглушенный и уважительный радиокод:

– Глубокоуважаемые господа, я связался с главой нашего центрального правительства, которому теперь известны все факты, и я могу заверить вас, что Юпитер желает только мира.

– Что? – переспросил Третий.

– Мы готовы возобновить связь с Ганимедом, – зачастил юпитерианин, – и обещаем не делать никаких попыток выйти в космос. Наше силовое поле будет применяться только на поверхности Юпитера.

– Но... – начал Третий.

– Наше правительство с радостью примет любых представителей с Ганимеда, если их пожелают прислать наши благородные братья – люди.

Чешуйчатое щупальце протянулось к роботам, и ошеломленный Третий пожал его. Второй и Первый пожали два других протянутых щупальца.

Юпитерианин торжественно сказал:

– Да будет вечный мир между Юпитером и Ганимедом!

Космический корабль, худой, как решето, снова вышел в космос. Давление и температура снова были нулевыми, и роботы смотрели на громадный, но постепенно уменьшавшийся шар – Юпитер.

– Они определенно искренни, – сказал ХХ-2, – и то, что они повернули на сто восемьдесят градусов, очень утешительно, но я ничего не понимаю.

– По-моему, – заметил ХХ-1, – юпитериане вовремя опомнились и поняли, что даже одно намерение навредить хозяевам-людям – это уже невероятное зло. Так что они вели себя вполне естественно.

ХХ-3 вздохнул и сказал:

– Послушай, тут все дело в психологии. У этих юпитериан невероятно развито чувство

превосходства, и раз уж они не могли уничтожить нас, то им хотелось хотя бы сохранить свой престиж. Вся их выставка, все их объяснения – это просто своеобразное бахвальство, рассчитанное на то, чтобы поразить нас и заставить трепетать перед их могуществом.

– Все это я понимаю, – перебил Второй, – но...

– Но это обернулось против них же, – продолжал Третий. – Они убедились, что мы сильнее. Мы не тонем, не едим и не спим, расплавленный металл не причиняет нам вреда. Даже само наше присутствие оказалось губительным для живых существ Юпитера. Их последним козырем было силовое поле. И когда они узнали, что мы вообще не нуждаемся в нем и можем жить в вакууме при абсолютном нуле, их воля была сломлена. – Третий помолчал и добавил резонерски: – А раз воля сломлена, комплекс превосходства исчезает навсегда.

Другие роботы задумались, и потом Второй сказал:

– И все равно это не убедительно. Какое им дело до того, на что мы способны? Мы всего лишь роботы. Им пришлось бы воевать не с нами.

– В том-то и дело. Второй, – спокойно сказал Третий. – Это пришло мне в голову только сейчас. Знаете ли вы, что из-за нашей собственной оплошности совершенно нечаянно мы не сказали им, что мы всего лишь роботы.

– Они нас не спрашивали, – сказал Первый.

– Совершенно верно. Поэтому они думали, что мы люди и что все другие люди такие же, как мы!

Он еще раз посмотрел на Юпитер и задумчиво добавил:

– Неудивительно, что они побоялись воевать!

Странник в раю

Stranger in Paradise (1974)

Перевод: Н. Хмелик

1

Они были братьями. Не потому, что оба принадлежали к роду человеческому, и не потому, что воспитывались в одном интернате. Они были братьями в древнем, биологическом смысле этого слова. К ним, безусловно, относился старинный термин «родственники» – слово, появившееся много веков назад, задолго до Катастрофы, когда архаичное племенное образование – семья – еще имело некоторую ценность.

Как же это было неприятно! Правда, Энтони почти совсем забыл огорчения детских лет, а в иные периоды своей жизни даже вовсе не вспоминал об этом досадном обстоятельстве. Но случилось так, что Энтони оказался неразрывно связан с Вильямом, и жизнь превратилась в цепь непрерывных мучений.

Все было бы не так ужасно, сложились обстоятельства иначе. Пусть бы они по обычаю, существовавшему до Катастрофы (а Энтони когда-то интересовался историей), носили одну фамилию, и только.

Теперь всякий мог взять любую фамилию и менять ее, сколько заблагорассудится. Значение имела лишь цепочка символов, присваивавшихся при рождении и остававшихся неизменными навсегда.

Вильям назвал себя Анти-Аут. Свою фамилию он считал знаком профессионализма. Разумеется, выбор фамилии был его личным делом, но он, безусловно, свидетельствовал о дурном вкусе. Энтони в тринадцать лет отдал предпочтение фамилии Смит и с тех пор не имел ни малейшего желания поменять ее. Будучи простой, его фамилия тем не менее давала возможность отличаться от окружающих, коль скоро Энтони ни разу не довелось встретить однофамильца. Фамилия Смит была очень распространена у тех, кто жил до Катастрофы, почему, возможно, сегодня она стала столь редкой.

Но когда эти двое, Энтони и Вильям, оказывались рядом, различие в фамилиях не име-

ло значения – слишком уж бросалось в глаза их внешнее сходство.

Они не были близнецами и не могли ими быть. В противном случае одному из них просто не позволили бы появиться на свет. Однако физическое сходство проявляется иногда и в неблизнецовой ситуации, особенно если дети имеют общих родителей – обоих родителей. Энтони Смит был моложе брата на пять лет, но братья были одинаково носаты, с тяжелыми веками и ямочками на подбородке – такой им выпал генетический жребий. Их родители напращивались на неприятности, когда из странной склонности к повторению решили завести второго ребенка.

Теперь, когда силою обстоятельств они снова оказались рядом, первой реакцией окружающих на их сходство были изумленные взгляды и подчеркнутое молчание. На что Энтони пытался не обращать внимания, а Вильям из чистой бравады, если не в силу извращенности, во всеуслышанье заявлял, что они братья. Присутствующие при этом намеревались было уточнить, имеет ли место полное кровное сходство, но хорошее воспитание, как правило, брало верх, и они отворачивались с самым равнодушным видом. Со временем, правда, такие инциденты происходили все реже. Большинство сотрудников Проекта знали об их родстве – да и как этого можно было не знать? – и старались избежать неловкой ситуации.

Что же касается Вильяма... Не то чтобы Вильям ему не нравился, вовсе нет. Не будь он братом Энтони или будь они не похожи внешне, они бы отлично поладили.

Однако все сложилось так, как сложилось...

Было не легче от того, что в детстве они играли вместе и учиться начали в одном интернате. Кстати говоря, от их матери это потребовало непростых маневров. Родив двух детей от одного отца и исчерпав таким образом лимит, поскольку для рождения третьего ребенка от одних и тех же родителей требовались очень веские причины, она почему-то захотела навещать своих сыновей одновременно. Мать была странной женщиной.

Старший, Вильям, естественно, покинул интернат первым. Он выбрал занятие наукой – генной инженерией. Энтони узнал об этом из письма матери еще в пору его учения в интернате. К тому времени он уже достаточно хорошо понимал, что к чему, и настоял в разговоре с директрисой, чтобы это письмо было последним. Однако запомнил навсегда то мучительное чувство стыда, которое пережил из-за письма матери.

Энтони тоже стал ученым, как и рекомендовал психолог, обнаруживший в нем способности к исследовательской деятельности. Но, оказавшись в науке, сохранил опасение – пророческое, как теперь стало ясно, – встретиться с братом. Именно поэтому он выбрал специальность телеметриста. Более далекую от генной технологии область трудно было себе представить. Во всяком случае, так ему казалось...

Потом, из-за сложностей с осуществлением Проекта «Меркурий», все пошло шиворот-навыворот. Проект зашел в тупик, но объявилось спасительное предложение, и Энтони, того не ведая, угодил в ловушку, подстроенную его родителями много лет назад. Причем, по иронии судьбы, предложение исходило именно от него, самого Энтони.

2

Вильям Анти-Аут имел о Проекте «Меркурий» самое поверхностное представление. Примерно такое же, как о межзвездных экспедициях, отправившихся в путь задолго до его рождения, или о колонии на Марсе, или о попытках создать подобные колонии на астероидах. Все эти сведения оставались на периферии его сознания. Сколько он себя помнил, попытки освоения космического пространства вообще не слишком занимали его. Но однажды в компьютерной распечатке ему попала на глаза фотография нескольких сотрудников Проекта «Меркурий». Фотография привлекла его раньше всего тем, что одного из сотрудников звали Энтони Смит. Вильям немедленно вспомнил странную фамилию, выбранную его братом. Брата звали Энтони. Двух Энтони существовать не могло.

Он внимательно взгляделся в лицо на фотографии. Ошибиться было невозможно. Он посмотрел в зеркало, Да, ошибиться невозможно.

С одной стороны, это было забавно, но, с другой стороны, он понимал это, можно угодить в неловкую ситуацию. Да, как ни отвратительно, они – родные братья, и с этим ничего не поделаешь. Их отец и мать, начисто лишённые воображения, сделали то, чего уже не исправишь.

Собираясь на работу, Вильям, по рассеянности очевидно, сунул распечатку в карман и за обедом наткнулся на нее. Он опять пристально взгляделся в лицо увлеченного человека. Вильям про себя отметил прекрасное качество фотографии.

За столом с ним сидел Марко Как-там-была-его-фамилия-на-той-неделе. Марко полюбопытствовал:

– Что ты разглядываешь, Вильям?

Повинуясь внезапному импульсу, Вильям протянул ему фотографию:

– Это мой брат. – Произнося эту фразу, он чувствовал себя так, словно бы добровольно полез в заросли крапивы.

Марко, хмурясь, посмотрел на фотографию и спросил:

– Кто? Тот, что стоит рядом с тобой?

– Нет, тот, который я. Я хочу сказать, который выглядит, как я. Это мой брат.

На этот раз пауза затянулась надолго. Наконец, возвращая фотографию, Марко спросил безразличным тоном:

– Общие родители?

– Да.

– И отец и мать?

– Да.

– Забавно!

– Вот и мне так кажется, – вздохнул Вильям. – Здесь написано, что он работает телеметристом в Техасе. А я здесь исследую аутизм.

Однако в тот же день Вильям выбросил из головы мысль о брате и распечатку тоже выбросил. Ему не хотелось, чтобы распечатка попала в руки его нынешней подружки. Его утомляло ее грубоватое чувство юмора и радовало, что она не хочет иметь ребенка. У него-то ребенок уже был. Он родился несколько лет назад, и в его производстве Вильям сотрудничал с маленькой брюнеткой. Звали ее не то Лаура, не то Линда.

А еще спустя примерно год в жизни Вильяма появился Рэндалл, и на мысли о брате просто не оставалось времени.

Впервые о Рэндалле Вильям услышал, когда тому исполнилось шестнадцать лет. Его все усиливавшаяся замкнутость приняла такие формы, что руководство интерната в Кентукки, где Рэндалл воспитывался, приняло решение о его ликвидации, однако дней за восемь или десять до усыпления кому-то пришлось в голову сообщить о нем в Нью-Йорк, в Институт науки о человеке (обычно его называли Институтом Гомологии).

Доклад о Рэндалле Вильям получил в числе прочих докладов, и поначалу он ничем не привлек его внимания. Ему предстояла поездка в интернат в Западной Вирджинии. Поездка разочаровала его, и в пятидесятый раз поклявшись себе впредь производить инспектирование только с помощью телевизионного изображения, он решил, раз уж его занесло в такую даль, завернуть еще и в интернат в Кентукки. Собственно, ничего особенного от этой поездки он не ожидал.

Однако, после первых же десяти минут знакомства с генетической моделью Рэндалла, Вильям связался с Институтом, чтобы сделать компьютерные расчеты. В ожидании ответа он откинулся на спинку стула в легкой испарине от мысли, что только в последнюю минуту, поддавшись неясному импульсу, завернул в Кентукки. Не случись этого, Рэндалла через неделю, а то и раньше, не стало бы. Обычно ликвидация происходила так: лекарство безболезненно вводили в систему кровообращения, и человек погружался в мирный сон, который становился все глубже, постепенно превращаясь в самую смерть. У лекарства было сложное название из двадцати трех слогов. Вильям, как и все, называл его нирванамином.

Вильям спросил:

– Как его полное имя, мадам?

Директриса ответила:

– Рэндалл Нихто, господин ученый.

– Никто! – воскликнул Вильям.

– Н-и-х-т-о, – произнесла директриса по буквам. – Он выбрал фамилию год назад.

– И вы не придали этому значения? Это звучит как «никто»! Вам не пришло в голову доложить об этом молодом человеке в прошлом году?

– Я не думала... – начала директриса виновато.

Вильям махнул рукой. Откуда ей знать? По критериям, предлагаемым учебником, генетическая модель Рэндалла, действительно, не заслуживала внимания. Но именно эту сложную комбинацию Вильям с коллегами пытались получить, проводя бесконечные эксперименты с детьми, страдающими аутизмом.

Рэндалл был на пороге ликвидации! Марко, самый здравомыслящий человек в их группе, всегда возмущался тем, что интернаты слишком уж настаивают на абортах до рождения и ликвидации после рождения. Он доказывал, что любая генетическая модель должна иметь возможность развиваться и никого нельзя ликвидировать, не проконсультировавшись с гомологистом.

– Но ведь гомологистов не хватает, – спокойно возражал Вильям.

– Но мы могли бы просматривать все генетические модели хотя бы на компьютере, – отвечал Марко.

– Чтобы спасти нечто полезное для нас?

– Что могло бы быть полезным для гомологии сегодня или в будущем. Научиться правильно понимать себя – значит изучать генетические модели в действии, и заметить, что именно аномальные, порой чудовищные модели дают максимум информации. Всей нашей науке было известно о человеке меньше, чем нам удалось узнать за время экспериментов над больными аутизмом...

Вильям, которому название «генетическая физиология» человека до сих пор нравилось больше, чем «гомология», покачал головой.

– Вспомни, с какой осторожностью нам приходится вести игру. Общество должно согласиться с полезностью наших экспериментов, а оно идет на это с трудом. Ведь наш материал – человеческая жизнь.

– Бесплезная жизнь. Предназначенная к ликвидации.

– Быстрая и легкая ликвидация – это одно, а наши эксперименты, обычно длинные и неприятные, – другое.

– Бывает, что мы им помогаем.

– А бывает – не помогаем.

Честно говоря, они понимали бессмысленность этого спора. Получить в свое распоряжение интересную аномалию – всегда проблема для гомологистов, а способа заставить человечество согласиться на увеличение их числа не существовало. Люди не могли забыть о травме, нанесенной Катастрофой.

Лихорадочный всплеск интереса к космическим разработкам мог быть {и был, по мнению некоторых социологов) следствием того, что, столкнувшись с Катастрофой, люди поняли, как уязвима жизнь на планете.

Но это не меняло дела.

Рэндалл был уникален. В его генетической модели характеристики, приводящие к аутизму, нарастали медленно и постепенно, и для ученых это означало, что о Рэндалле известно больше, чем о любом подобном пациенте. Удалось даже зафиксировать слабые проблески, отличающие его способ мышления, прежде чем он окончательно закрылся и спрятался в собственном панцире, – безразличный, недостижимый.

Затем начался период, в течение которого Рэндалла подвергали все более длительной искусственной стимуляции, и мало-помалу раскрывались секреты его мозга, давая ключи к пониманию работы мозга всех людей, как тех, кто был подобен ему, так и тех, кого принято

считать нормальными.

Полученные результаты были столь значительны, что Вильям стал понимать: его мечта об излечении аутизма это не просто мечта. Вильям радовался, что выбрал себе фамилию Анти-Аут.

И как раз тогда, когда работа с Рэндаллом особенно радовала Вильяма, пришел вызов из Далласа. Начальство требовало, чтобы он переключился на новую проблему.

Оглядываясь назад, он так и не смог понять, чем, в конечном счете, было продиктовано его согласие поехать в Даллас.

Позже он, конечно, оценил, насколько удачно все сложилось, но почему он принял такое решение? Было ли у него в самом начале смутное, неясное предчувствие того, к чему оно может привести? Нет, этого быть не могло.

Было ли в нем неосознанное воспоминание о той старой распечатке с фотографией его брата? Наверняка и этого не могло быть.

Он позволил убедить себя, и только когда звук микрореакторного двигателя сменился мягким жужжанием и антиграв принял на себя нагрузку по мягкой посадке, только тогда он вспомнил о фотографии.

Энтони работал в Далласе и, как теперь вспомнил Вильям, в Проекте «Меркурий». Именно этот проект упоминался в распечатке. Вильям сделал глотательное движение, почувствовав мягкий толчок и поняв, что путешествие окончено. «Но ситуация может оказаться неловкой», – подумал он.

3

На расположенной на крыше вертолетной площадке Энтони встречал прибывающего эксперта. Конечно, встречал его не он один, количество встречающих и их служебное положение ясно показывали всю серьезность ситуации. Энтони оказался здесь лишь из-за того, что именно он внес предложение, следствием которого стало прибытие гомологиста.

При мысли об этом его не покидала легкая неловкость. Он предложил путь, который мог оказаться выходом из тупика. Предложение горячо поддержали, однако не забывали подчеркивать, что предложение исходит именно от него. Такое поведение руководства могло означать только одно: если на этом пути их ожидает провал, под обстрелом окажется один Энтони.

Временами он погружался в невеселые размышления о том, возможно ли, чтобы его предложение было навеяно подсознательным воспоминанием о брате, занимающемся гомологией. Могло быть и так, но совсем не обязательно. Честно говоря, идея напрашивалась сама собой и наверняка бы пришла ему в голову, даже если бы его брат писал фантастические рассказы или этого брата вообще не существовало.

Проблема касалась планет, находящихся внутри земной орбиты.

Луна и Марс были колонизованы. Люди уже побывали на крупных астероидах и на спутниках Юпитера, планировался пилотируемый полет на Титан, крупный спутник Сатурна, – необходимое ускорение могло быть достигнуто за счет облета Юпитера и использования его гравитации. Ученые исследовали возможность путешествия за пределы Солнечной системы, – эта экспедиция должна была продлиться семь лет. Однако для людей до сих пор оставались недостижимыми планеты, находящиеся между Землей и Солнцем. Солнце внушало страх.

Из двух миров, находящихся внутри земной орбиты, Венера была малопривлекательной. Что же касается Меркурия...

Энтони еще не участвовал в Проекте, когда Дмитрий Большой (на самом деле очень невысокий) произнес речь, результатом которой стали ассигнования, выделенные Всемирным Конгрессом на осуществление Проекта «Меркурий».

Энтони слышал запись знаменитой речи Дмитрия, В подобных случаях традиция предписывала импровизацию, и, возможно, Дмитрий импровизировал, тем не менее речь была

отлично выстроена. К тому же в ней были упомянуты практически все основные направления, по которым с тех пор развивался Проект «Меркурий».

Центральная идея состояла в том, что нет необходимости ждать, пока развитие техники сделает возможным прорыв человека сквозь барьер солнечной радиации, Меркурий – уникальный мир, и его изучение может очень расширить знания человека. Кроме того, с поверхности Меркурия можно вести длительные наблюдения за Солнцем, которые другим способом производить невозможно.

При условии, что вместо человека наблюдения вел бы робот, помещенный на планету.

Создание робота, обладающего необходимыми техническими характеристиками, было возможно, а мягкая посадка – легка, как воздушный поцелуй. Однако, что делать с роботом после того, как он окажется на Меркурии?

Робот мог бы производить наблюдения и действовать, сообразуясь, с ними. Но для осуществления Проекта нужно, чтобы робот совершал достаточно сложные и тонкие действия и чутко реагировал на окружающую обстановку. Но пока никто не мог сказать наверняка, сможет ли робот вообще вести наблюдения и если сможет, то какие.

Чтобы быть готовым к любым неожиданностям и обеспечивать всю необходимую точность исследований, робот должен управляться компьютером. Некоторые кибернетики Далласа называли компьютер мозгом; Энтони, однако, к этому словесному штампу относился с презрением. Позже у него возникла мысль, что, возможно, это было результатом того, что исследованием человеческого мозга занимался его брат. Так или иначе, предполагалось снабдить робота настолько сложным и быстродействующим компьютером, чтобы он смог разбираться в обстановке не хуже, чем существо, от природы наделенное способностью мыслить.

Впрочем, портативных компьютеров такого уровня сложности не существовало, а если отправить на Меркурии робота, снабженного большим и тяжелым компьютером, он утратит мобильность, необходимую для достижения целей самого Проекта. Возможно, когда-нибудь позитронные устройства, над которыми бились специалисты по Роботехнике, добились бы оптимальных результатов, но пока этот день не настал.

Оставалась только одна возможность. Робот должен сообщать компьютеру на Землю все данные об окружающей среде, а компьютер на основании этих сведений принимать решения и управлять роботом. Короче говоря, тело робота должно было находиться в одном месте, а его мозг – в другом.

Когда было принято решение использовать именно этот вариант, его техническое воплощение легло на телеметристов: как раз в это время Энтони и пришел в Проект. Их группа разрабатывала методы приема и передачи сигналов, направленных в сторону Солнца, а иногда к объектам, находившимся за ним. Сигналы должны были преодолевать расстояние от 50 до 140 миллионов миль, и влияние на них Солнца было непредсказуемым.

Энтони отдался новому делу со страстью и работал, как он впоследствии осознал, искусно и успешно. В большой степени его заслугой стали спроектированные группой три орбитальные станции, предназначенные для передачи сигналов и находящиеся на постоянной орбите вокруг Меркурия. Каждая из них могла посылать и принимать сигналы, осуществляя связь между Меркурием и Землей. Каждая могла почти бесконечно долго противостоять солнечной радиации и, более того, могла устранять помехи, вызванные влиянием Солнца.

Три одинаковых орбитальных станции находились на расстоянии немногим более миллиона миль от Земли вне плоскости эклиптики, так что могли осуществлять связь между Меркурием и Землей даже тогда, когда Меркурий оказывался за Солнцем и прямые сигналы ни с одной станции на поверхности Земли до него не доходили.

Сам робот представлял собой удивительный аппарат, результат объединенных усилий Роботехников и телеметристов. Это была десятая, наиболее сложная модель из серии. По габаритам этот робот превосходил человека всего в два раза и был тяжелее только в пять раз. Он мог воспринимать много больше данных об окружающей среде и реагировать на них, – если бы только удалось им управлять.

Однако довольно скоро стало очевидно, насколько сложным должен быть компьютер, управляющий роботом. Давая аппарату команду, «мозг» должен был предварительно просчитать все возможные последствия. А ведь каждый следующий шаг увеличивал число вероятных последствий, и количество вариантов возможного поведения робота стремительно множилось, как варианты ходов в шахматной партии, и телеметристы начали уже пользоваться компьютером, чтобы программировать компьютер, создающий программу для компьютера, который программировал компьютер, программирующий робота.

В общем, они запутались. Сам по себе робот, находившийся на базе в пустыне Аризоны, работал хорошо. Но при этом компьютер, находящийся в Далласе, не мог управлять им так, как требовалось, хотя условия на Земле были изучены досконально. Что же тогда говорить о...

Вот тут-то Энтони и внес свое предложение. 4 июля 553 года. Дата запомнилась ему по одной причине: полтысячелетия назад, точнее 553 года назад, до Катастрофы, этот день был большим праздником в Далласе.

Обед был отличный. Экологическое равновесие в регионе строго контролировалось, но персонал Проекта пользовался определенными льготами в снабжении продуктами. И в этот день меню предлагало удивительный выбор блюд. Энтони впервые в жизни попробовал жареную утку.

Жареная утка ему очень понравилась, хороший обед расположил Энтони к большей разговорчивости, чем обычно. Видимо, нечто подобное чувствовали и остальные, потому что Рикардо сказал:

– Мы никогда этого не сделаем. Признаемся хотя бы самим себе. Мы никогда этого не сделаем.

Честно говоря, так думали многие, а человека, которому бы ни разу не приходила в голову эта мысль, в их группе просто не было. Но, подчиняясь неписаному правилу, никто не высказывал свои сомнения вслух, получать ассигнования на Проект с каждым годом становилось все труднее, и открытое проявление пессимизма могло послужить последней каплей для того, чтобы Проект перестали финансировать. И до тех пор, пока оставалась хотя бы призрачная возможность успеха, работу надо было продолжать.

Обычно Энтони не проявлял безудержного оптимизма, но тут он, наслаждаясь уткой, сказал:

– А почему бы нам не сделать? Скажи, почему, и я докажу, что ты не прав.

Слова Энтони прозвучали вызывающе; Рикардо прищурил свои темные глаза.

– Ты хочешь, чтобы я сказал почему?

– Вот именно.

Рикардо отодвинулся от стола и повернулся к Энтони.

– Ладно, это не секрет. Естественно, Дмитрий Большой не скажет об этом ни в одном докладе, но ты ведь не хуже меня знаешь: для того, чтобы точно выполнить Проект «Меркурий», нам понадобится компьютер, сложный, как человеческий мозг, независимо от того, будет он на Меркурии или здесь, а его мы построить не можем. И единственное, что нам остается – это игры с Всемирным Конгрессом, который дает деньги на нашу имитацию деятельности, и единственно полезное дело – запуски орбитальных станций.

Энтони ответил с благодушной улыбкой:

– Это легко опровергнуть. Ты сам дал ответ.

(Он играл? Может быть, экзотическая жареная утка настроила его на необычный стиль поведения? Или ему просто захотелось подразнить Рикардо?.. Или промелькнула безотчетная мысль о брате? Ни тогда, ни позже он не смог бы ответить на этот вопрос)

– И каков же этот ответ? – Рикардо поднялся, высокий, худой, в распахнутом, как всегда, белом халате. Он скрестил руки на груди и возвышался над сидящим Энтони, как башня. Больше всего в этот момент Рикардо был похож на деревянный портновский метр. – Каков ответ?

– Ты сказал, что нам нужен компьютер, сложный, как человеческий мозг. Ну и хорошо,

мы его сделаем.

– В том-то и дело, идиот, что мы не можем...

– Мы – не можем. Но есть другие, которые могут.

– Какие другие?

– Те, кто работает с мозгом. Мы просто здравомыслящие механики. У нас нет ни малейшего представления о строении человеческого мозга, о том, как он работает. Почему бы нам не обратиться к гомологисту и не поручить ему сконструировать компьютер? – с этими словами Энтони взял большую порцию гарнира к утке и с удовольствием ее съел. Вкус этого блюда он запомнил навсегда, а вот подробности того, что последовало за их спором с Рикардо, он вспомнить не мог.

Тогда у него и в мыслях не было, что кто-то принял его слова всерьез. Вокруг засмеялись, у всех было ощущение, что Энтони ловко вывернулся, вот они и смеялись над Рикардо. (Позже, конечно, они говорили, что сразу поняли, насколько важное предложение внес Энтони.)

Рикардо вспыхнул, ткнул пальцем в Энтони и сказал:

– Изложи это предложение в виде докладной. Спорим, что у тебя не хватит на это духа. (Во всяком случае, именно так это сохранилось в памяти Энтони.) Рикардо, однако, утверждал, что отозвался с энтузиазмом: «Отличная мысль! Почему бы тебе не внести это предложение официально, Энтони?».

Так или иначе, Энтони подал свое предложение в письменном виде.

Дмитрию Большому оно понравилось. Наедине с Энтони он хлопнул того по плечу, сказав, что и его мысли шли в том же направлении, – хотя он, конечно, не претендует на авторство по отношению к этой идее, («На случай провала», – подумал Энтони.)

Дмитрий Большой занялся поисками подходящего гомологиста. Энтони и в голову не приходило, что он должен интересоваться этими поисками, Он не знал ни гомологии, ни гомологистов, за исключением, конечно, брата, о котором не думал. Или, по крайней мере, не признавался себе в этом.

Итак, встречающие, в числе которых был и Энтони, ждали в секторе приема, когда дверь наконец отворилась, появились вновь прибывшие и началась церемония представления. В этот момент Энтони и обнаружил, что видит перед собой собственное лицо.

Он почувствовал, как краска заливает его щеки, и от всей души пожелал оказаться за тысячу миль отсюда.

4

Больше всего на свете Вильям желал бы теперь, чтобы воспоминание возникло раньше. Следовало бы предвидеть... Конечно, следовало бы.

Но он получил лестное предложение, мысли о возможном успехе волновали его все больше. Возможно, он подсознательно избегал воспоминаний.

Начать с того, что Дмитрий Большой собственной персоной прибыл для разговора с ним. Дмитрий прилетел из Далласа в Нью-Йорк на самолете, и уже это взволновало Вильяма, чьим тайным грехом была любовь к чтению триллеров. Если герои романов хотели сохранить какую-то тайну, они всегда путешествовали лично: в конце концов, электронные путешествия, во всяком случае в романах, находились под контролем и каждый сигнал непременно перехватывался.

Вильям отпустил неуклюжую шутку по этому поводу, но Дмитрий, казалось, не слышал его. Он внимательно вглядывался в лицо Вильяма, думая о чем-то своем.

– Извините, – сказал он наконец. – Вы мне кого-то напоминаете.

(И даже его слова не вызвали у Вильяма никакого беспокойства. Как такое могло случиться? Ведь повод для беспокойства, безусловно, был.)

Дмитрий Большой, маленький толстенький человек, казалось, подмигивал собеседнику даже в те моменты, когда, по его словам, сердился или тревожился. У него был круглый нос

картошкой, толстые щеки, и весь он был мягким. Своей фамилии он придавал большое значение. Вильям заметил это, когда Дмитрий при первой встрече поспешил сказать, по-видимому, не в первый раз:

– Размер – не единственное, что может быть большим, мой друг.

Большую часть беседы, которая за этим последовала, составляли возражения Вильяма. Он ничего не знает о компьютерах. Ничего! У него нет ни малейшего представления о том, как они работают и как их программируют.

– Не имеет значения, не имеет значения, – говорил Дмитрий, выразительным жестом руки как бы отбрасывая все возражения, – Мы знаем компьютеры, мы умеем создавать программы. Вы только расскажите нам, что должен сделать компьютер, чтобы работать, как человеческий мозг.

– Я не уверен, что достаточно хорошо понимаю, как работает мозг, и смогу рассказать вам об этом, Дмитрий, – возразил Вильям.

– Вы самый выдающийся гомологист в мире, – сказал Дмитрий. – Я внимательнейшим образом изучил этот вопрос. – Эти слова оказались решающими.

Вильям слушал Дмитрия, нахмурившись. Он уже внутренне согласился с тем, что ему придется ехать в Даллас. Если человек давно и глубоко погружен в свою узкую специальность, он неизбежно начнет считать специалистов во всех других областях волшебниками, причем глубина этого заблуждения прямо пропорциональна глубине его собственного невежества в этих сферах... С течением времени Вильям узнал о Проекте «Меркурий» намного больше того, что представляло для него интерес вначале.

В конце концов он спросил:

– А зачем вообще использовать компьютер? Почему бы одному из ваших людей или группе сотрудников посменно не принимать данные от робота и не посылать ему инструкции?

– Ой-ой-ой, – Дмитрий чуть не вскочил со стула, настолько темпераментно он отреагировал. – Вы просто не отдаёте себе отчета в том, что люди слишком медленно реагируют для этого; нужно мгновенно проанализировать все данные, поступающие от робота, – температуру, и давление газа, и потоки космических лучей, и интенсивность солнечного ветра, и химический состав почвы, и по крайней мере еще три десятка вещей – и решить, каким должен быть следующий шаг. Человек способен лишь управлять роботом, да и то не слишком эффективно, а компьютер сам был бы роботом. С другой стороны, – продолжал он, – люди умеют реагировать только на сиюминутные обстоятельства. Сигнал любого вида тратит на путешествие с Меркурия на Землю и обратно от десяти до двадцати двух минут. Время зависит от того, в какой точке своей орбиты находится каждая из планет. Это, как вы понимаете, изменить нельзя. Вы получаете результат наблюдения, отдаёте приказание, но многое может случиться между тем моментом, когда сделано наблюдение, и тем, когда до робота дойдет указание, как ему следует реагировать. Люди не могут сделать поправку на то, что скорость света недостаточно велика, а компьютер может... Помогите нам, Вильям.

Вильям сказал мрачно:

– Я всегда готов провести для ваших сотрудников любую консультацию, если вы считаете, что это может оказаться полезным. Мой телесигнал в вашем распоряжении.

– Речь идет не о консультации. Вы должны поехать со мной.

– Лично? – спросил Вильям потрясенно.

– Конечно. Подобную работу нельзя выполнять, сидя на разных концах лазерного луча со спутником связи посередке. Это слишком дорого, слишком неудобно и, конечно, недостаточно секретно...

«Это действительно похоже на приключенческий роман», – решил Вильям.

– Приезжайте в Даллас, – продолжал Дмитрий, – и я покажу вам, что у нас есть. Тогда вы лучше поймете наши возможности. А потом поговорите с теми, кто занимается компьютерами. Пусть они поймут возможности вашего образа мышления.

Вильям понял, что настало время проявить решительность.

– Дмитрий, – сказал он, – у меня здесь своя работа. Важная работа, которую я не хочу бросать. Чтобы сделать то, что вы хотите, я должен буду оставить свою лабораторию на месяцы.

– Месяцы! – Дмитрий явно был ошеломлен. – Милый Вильям, наша работа может занять годы. Но ведь она имеет отношение к вашим проблемам.

– Нет, не имеет. Я знаю, что такое моя работа, управление роботом на Меркурии в нее не входит.

– Почему? Если все пойдет хорошо, вы, пытаясь заставить компьютер работать как мозг, узнаете больше о мозге. В результате вы вернетесь сюда, вооруженный новым знанием, полезным для того, что вы сегодня считаете своим делом. А пока вы в отъезде – разве у вас нет коллег, которые могут продолжать начатое? И разве вы не можете поддерживать с ними постоянную связь с помощью лазерных и телевизионных сигналов? И разве нельзя время от времени приезжать в Нью-Йорк? Ненадолго.

Вильям заколебался. Мысль об изучении мозга под другим углом зрения попала в цель. С этого момента он уже искал оправдание перед самим собой, чтобы поехать, – по крайней мере, ненадолго, только увидеть, на что это похоже... Он ведь всегда может вернуться.

Потом они с Дмитрием, простодушно наслаждавшимся поездкой, съездили на развалины старого Нью-Йорка. Старый Нью-Йорк был прекрасен, он восхитительно демонстрировал бессмысленную гигантоманию тех, кто жил до Катастрофы, Вильям подумал, что во время путешествия в Даллас он, может быть, тоже увидит какие-нибудь достопримечательности.

Собираясь в Даллас, Вильям начал подумывать о том, чтобы найти себе новую подругу. Хорошо бы найти ее в том регионе, где он не намерен жить постоянно.

Он имел лишь самое приблизительное представление о том, что от него требуется, но не тогда ли, подобно далекой зарнице, пришла ему в голову мысль, что, может быть...

Итак, он приехал в Даллас, вышел из вертолета и снова увидел сияющего Дмитрия. Маленький человек прищурился, потом обернулся и сказал:

– Я так и знал. Какое поразительное сходство! Вильям посмотрел в ту сторону, куда смотрел Дмитрий, и увидел отпрянувшего... Ему было достаточно вспомнить собственное лицо, чтобы не усомниться: перед ним стоит Энтони.

На лице Энтони явственно читалось страстное желание скрыть их родство. От Вильяма требовалось только произнести вслед за Дмитрием «Поразительно!» и забыть, что Энтони его брат. Безусловно, генетические модели людей многообразны, тем не менее в природе возможно сходство даже при отсутствии родства.

Но Вильям был гомологистом, а работать, с мозгом. не выработав невосприимчивости к некоторым деталям не может никто, поэтому он сказал:

– Я уверен, что это Энтони, мой брат.

Дмитрий удивился:

– Ваш брат?

– Мой отец, – объяснил Вильям, – имел двух детей от одной и той же женщины, моей матери. Мои родители были странными людьми.

Потом он шагнул вперед, протянув руку, и у Энтони не было другого выбора, как обменяться рукопожатием... Инцидент, происшедший в секторе приема, когда прибыл эксперт, на несколько дней стал единственным предметом разговоров.

5

Раскаяние Вильяма, когда он понял, что натворил, было слабым утешением для Энтони.

После ужина в тот вечер они сидели рядом. Вильям сказал:

– Извини. Я думал, если худшее случится сразу же, то оно тут же и кончится. Но, кажется, это не так. Я не подписывал никаких бумаг, никаких официальных договоров. Я уеду.

– И что хорошего? – спросил Энтони грубо, – Все теперь знают. Два тела и одно лицо.

Этого достаточно, чтобы человека начало тошнить.

– Если я уеду...

– Ты не можешь уехать. Ведь это была моя идея.

– Вызвать меня сюда? – Вильям вытаращил глаза насколько это было возможно при его тяжелых веках, брови его поползли вверх.

– Нет, конечно. Пригласить гомологиста. Откуда я мог знать, что приедешь именно ты?

– Но если я уеду...

– Нет. Единственное, что теперь можно сделать, это справиться с задачей, если с ней вообще можно справиться. Тогда остальное не будет иметь значения. («Все прощается тому, кто добивается успеха», – подумал он.)

– Я не знаю, смогу ли я...

– Мы должны попытаться, Дмитрий поручил работу нам. «Это отличный шанс. Вы братья, – сказал Энтони, передразнивая тенор Дмитрия, – и понимаете друг друга, Почему бы вам не поработать вместе?» – Потом своим голосом, сердито: – Так что это неизбежно. Для начала объясни, чем ты занимаешься, Вильям? Мне нужно составить более точное представление о гомологии, чем то, которое вытекает из самого названия этой науки.

Вильям вздохнул.

– Но для начала прими, пожалуйста, мои извинения... Я работаю с детьми, страдающими аутизмом.

– Боюсь, я не понимаю, что это значит.

– Если обойтись без подробностей, я занимаюсь с детьми, которые не взаимодействуют с окружающим миром и не общаются с другими людьми, которые уходят в себя и замыкаются в себе так, что до них почти невозможно достучаться. Но я надеюсь когда-нибудь излечить это.

– Поэтому твоя фамилия Анти-Аут?

– Вообще говоря, да.

Энтони издал короткий смешок, но на самом деле его это не забавляло. В тоне Вильяма появился холодок.

– Я заслужил эту фамилию.

– Не сомневаюсь, – торопливо пробормотал Энтони. Он понимал, что надо бы извиниться, но не мог себя заставить. Преодолев возникшее напряжение, он вернулся к предмету разговора. – Ты чего-нибудь добился?

– В лечении? Пока нет. В понимании – да. И чем больше я понимаю... – по мере того как Вильям говорил, его голос теплел, а взгляд становился отсутствующим. Энтони было знакомо это удовольствие – говорить о том, чем заполнены твой ум и сердце, забыв обо всем остальном. Ему самому нередко доводилось испытывать подобное чувство.

Он слушал Вильяма предельно внимательно, стараясь вникнуть в то, чего на самом деле не понимал, поскольку понимание было необходимо. Он знал, что и Вильям будет слушать его так же.

Как отчетливо он все запомнил. Слушая Вильяма, он не думал, что все запомнит, да и не слишком хорошо понимал тогда, что происходит. Мысленно возвращаясь в прошлое, он видел все, как в ярком свете прожектора, И внезапно обнаружил, что может воспроизвести целые предложения того разговора почти дословно.

– Итак, мы полагаем, – говорил Вильям, – у ребенка, страдающего аутизмом, нет недостатка во впечатлениях. Он также вполне способен достаточно сложно их интерпретировать. Он, скорее, не принимает, отвергает внешние впечатления, хотя, безусловно, обладает потенциальными возможностями, необходимыми для полноценного взаимодействия с окружающим миром. Но запустить механизм этого взаимодействия удастся лишь тогда, когда мы найдем впечатление, которое он захочет воспринять.

– Ага, – сказал Энтони, чтобы показать, что слушает.

– Вытащить его из аутизма никаким обычным способом нельзя, потому что он не принимает тебя точно так же, как весь остальной мир. Но если ты наложишь арест на его созна-

ние...

– Что?

– Есть у нас одна методика, при которой, по существу, мозг становится независимым от тела и осуществляет только функции сознания. Это довольно сложная техника, разработанная в нашей лаборатории... – Он сделал паузу.

– Тобой? – спросил Энтони, скорее из вежливости.

– В сущности, да, – сказал Вильям, слегка покраснев, но явно с удовольствием. – Поместив сознание под арест, мы предлагаем телу искусственно созданные ощущения, ведя при этом наблюдения за мозгом с помощью дифференциальной энцефалографии. Появляется возможность больше узнать о человеке, страдающем аутизмом, о наиболее желательных для него чувственных впечатлениях; попутно мы получаем новые данные о мозге в целом.

– Ага, – сказал Энтони, но на этот раз это было настоящее «ага». – А то, что вы узнали о мозге, можно использовать, работая с компьютером?

– Нет, – ответил Вильям. – Шанс равен нулю. Я говорил об этом Дмитрию. Я ничего не знаю о компьютерах и недостаточно знаю о мозге.

– А если я научу тебя разбираться в компьютерах и подробно объясню, что нам надо, что тогда?

– Этого недостаточно. Это...

– Брат, – Энтони постарался, чтобы это слово произвело на Вильяма впечатление, – Ты мой должник. Удели внимание нашей проблеме. Пожалуйста, попытайся применить к компьютеру все, что ты знаешь о мозге. Речь идет всего лишь о попытке, но я надеюсь, что попытка будет честной.

Вильям беспокойно шевельнулся и сказал:

– Я понимаю твое положение. Я попробую. И попытка будет честной.

6

Вильям попробовал. Предсказание Энтони сбылось, им пришлось работать вдвоем. Первое время то один, то другой сотрудник Проекта навевались к ним, и, поскольку скрыть родство было невозможно, Вильям сообщал каждому ошеломляющую новость о том, что они с Энтони – братья, пытаюсь извлечь из этого какую-нибудь пользу. Но со временем коллеги перестали проявлять к ним повышенный интерес, и в их жизнь, подчиненную одной цели, больше никто не вмешивался. Когда Вильям приближался к Энтони или Энтони к Вильяму, любой, оказавшийся в это время рядом, как будто уходил сквозь стену.

Постепенно они преодолели напряженность и даже выработали собственный стиль общения. Случалось, они разговаривали так, будто не было никакого родства, никаких общих воспоминаний о детстве.

Энтони описал то, что требовалось от компьютера, просто, без технических терминов, а Вильям, после долгих размышлений, рассказал, как, с его точки зрения, работу компьютера можно уподобить работе мозга.

Энтони спросил:

– Это в принципе возможно?

– Не знаю, – ответил Вильям. – Попробуем, Может быть, он не будет работать, А может быть, будет.

– Стоило бы обсудить это с Дмитрием Большим.

– Давай сначала сами прикинем, что у нас получается, К нему надо идти с конкретными предложениями, а если их у нас нет, нечего и ходить.

Энтони заколебался:

– Мы пойдем к нему вместе?

Вильям проявил деликатность и сказал:

– Ты будешь нашим представителем. Какой смысл в том, чтобышний раз появляться вместе?

– Спасибо, Вильям. Если из этого что-нибудь получится, я воздам тебе по заслугам.

Вильям сказал:

– На этот счет у меня нет никаких опасений. Если идея чего-то стоит, я полагаю, что никто, кроме меня, не сможет воплотить ее в жизнь.

Они многократно и всесторонне обсудили ситуацию. Если бы не эмоциональная напряженность – следствие их родства – Вильям начал бы гордиться своим братом, который так быстро разобрался в чуждой для себя области.

Потом начались долгие обсуждения у Дмитрия Большого, беседы практически с каждым сотрудником Проекта. Энтони посвятил им много дней, а после этих разговоров встречался с Вильямом один на один. Все это тянулось, как мучительная беременность, но в конце концов была получена санкция на создание того, что называли «Меркурианским Компьютером».

У Вильяма появилась возможность расслабиться, и он отправился в Нью-Йорк. Он не планировал там задерживаться (разве мог он представить себе такое два месяца назад?), но надо было урегулировать свои дела в Институте Гомологии.

В Нью-Йорке ему пришлось участвовать во множестве обсуждений, едва ли не в большем числе, чем в Далласе. Он должен был объяснить сотрудникам своей лаборатории, что произошло, и почему ему придется уехать, и как они должны продолжать дело без него. Потом было возвращение в Даллас с новым оборудованием и с двумя молодыми помощниками на неопределенно долгий отрезок времени.

Но Вильям не оглядывался назад. Собственная лаборатория и ее нужды не занимали его мысли. Сейчас он был полностью поглощен своей новой задачей.

7

Для Энтони началось самое тяжелое время. Отсутствие Вильяма не принесло заметного облегчения, и скоро Энтони стал надеяться, не смея в это поверить, что Вильям, может быть, не вернется. А вдруг он придет вместо себя своего заместителя, кого-нибудь другого? Кого-нибудь с другим лицом, и Энтони больше не будет чувствовать себя монстром с двумя спинами и четырьмя ногами?

Но Вильям вернулся, Энтони издали наблюдал за бесшумно приземлившимся грузовым самолетом и за его разгрузкой. Даже издали он в конце концов узнал Вильяма.

Так тому и быть.

Энтони ушел. В тот же день он отправился к Дмитрию.

– Дмитрий, я не вижу никакой необходимости оставаться здесь. Мы разработали все детали. Исполнителем может быть кто угодно.

– Нет, нет, – сказал Дмитрий. – Идея принадлежит в первую очередь тебе. Ты должен увидеть ее воплощенной. Нет никакого резона делить славу.

Энтони подумал: «Никто другой не станет рисковать. Возможность провала сохраняется. Этого можно было ожидать».

Он заранее знал ответ Дмитрия, но все-таки упрямо продолжал:

– Понимаете, я не могу работать с Вильямом.

– Но почему? – Дмитрий сделал вид, что удивлен. – Вы так многого добились вместе.

– Я дошел до предела своих возможностей, Дмитрий, и больше не выдержу. Думаете, я не знаю, как это выглядит со стороны?

– Милый мой! Ты слишком серьезно к этому относишься. Ясное дело, все на вас смотрят. Ведь они люди. Но люди способны привыкнуть ко всему. Я, например, уже привык.

«Не привык ты, толстый лицемер», – подумал Энтони и сказал:

– Я не привык.

– Ты неправильно на это смотришь. Ваши родители были эксцентричными, нельзя не признать, но, в конце концов, они не сделали ничего противозаконного. Это всего лишь причуда. Здесь нет ни твоей вины, ни вины Вильяма. Вас винить не в чем.

– Мы меченые, – сказал Энтони, быстро проведя рукой по лицу.

– Не настолько меченые, насколько тебе представляется. Я, например, вас различаю. Ты определенно моложе. Волосы у тебя больше вьются. Вы только на первый взгляд одинаковые. Слушай, Энтони, у тебя будет столько времени, сколько захочешь, любая помощь, которая тебе понадобится, любое оборудование, которое ты сможешь использовать. Я уверен, что работа пойдет чудесно. Подумай об удовлетворении...

Энтони, конечно, сдался и согласился помочь Вильяму хотя бы наладить оборудование. Вильям, казалось, был тоже уверен, что работа пойдет чудесно. Не так замечательно, как сказал Дмитрий, но вполне гладко.

– Дело только в том, чтобы установить правильные связи, – сказал он, – хотя, должен признать, это очень серьезное «только». Твоя задача – получить изображение сенсорных сигналов на экране, чтобы мы имели возможность осуществлять... Я ведь не могу сказать «ручной контроль», правда? Значит, чтобы мы могли осуществлять интеллектуальный контроль и управлять реакциями компьютера, если это понадобится.

– Это технически возможно, – отозвался Энтони.

– Тогда давай приступим... Слушай, мне понадобится по меньшей мере неделя, чтобы наладить связи и быть уверенным в инструкциях...

– Программах, – поправил Энтони.

– Ну, поскольку это твоя сфера, я буду пользоваться твоей терминологией. Мои ассистенты и я запрограммируем Меркурианский Компьютер, но не по-твоему.

– Надеюсь, что не по-моему. Для того и требовался гомологист, чтобы создать программу, более тонкую, чем та, которую может написать простой телеметрист. – Говоря это, он не пытался скрыть иронию.

Вильям не обратил внимания на его тон и ответил:

– Начнем с простого. Мы заставим робота ходить.

8

Прошла неделя. За тысячу миль от них, в Аризоне, робот начал ходить. Ходить ему было трудно, иногда он падал, иногда задевал лодыжкой о препятствия, а то вдруг поворачивался на одной ноге и шел в совершенно неожиданном направлении.

– Это ребенок, который учится ходить, – говорил Вильям.

Иногда заходил Дмитрий, которому захотелось посмотреть на их достижения.

– Поразительно! – восклицал он. Энтони, однако, так не думал.

Шли недели, месяцы. Робот делал успехи, возможности его становились все больше по мере того, как в Меркурианский Компьютер вводили все более сложные программы. (Вильям попробовал было говорить о Меркурианском Компьютере как о мозге, но Энтони этого не допустил.) Но то, что получалось, Энтони все-таки не устраивало.

– Это не годится, Вильям, – сказал наконец Энтони. Накануне ночью он не спал.

– Странно, – ответил Вильям холодно. – А я как раз собирался сказать тебе, что мы, кажется, победили.

Энтони с трудом сдержался. Напряженная работа, постоянное присутствие Вильяма и неуклюжий робот – это было больше, чем он мог вынести.

– Я собираюсь уволиться, Вильям. Бросить эту работу. Извини... Ты ни при чем.

– Конечно, при чем, Энтони.

– Дело не только в тебе, Вильям. Это провал. Мы не справимся с задачей. Ты видишь, какой робот неуклюжий, а ведь он на Земле, всего за тысячу миль отсюда, сигнал проходит туда и обратно за доли секунды. Когда он будет на Меркурии, передача сигнала займет минуты, эта задержка заложена в Меркурианский Компьютер. Надеяться, что робот будет работать – безумие.

Вильям сказал:

– Не уходи, Энтони. Ты не можешь уволиться сейчас. Я предлагаю послать робота на

Меркурий. Я уверен, что он готов.

Энтони засмеялся громко и издевательски.

– Ты сошел с ума, Вильям.

– Нет. Ты, кажется, думаешь, что на Меркурии будет труднее, а это не так. Труднее на Земле. Этот робот сконструирован в расчете на одну треть земного притяжения, и в Аризоне он работает в условиях тройной нагрузки. Он рассчитан на 400 градусов Цельсия, а работает при 30, он рассчитан на безвоздушное пространство, а работает в атмосфере.

– Робот имеет достаточно ресурсов, чтобы это преодолеть.

– Его механическая часть, безусловно, может это выдержать, а как насчет Компьютера? Его взаимодействие с роботом, который находится не в тех условиях, для которых предназначен, затруднено... Пойми, Энтони, если ты хочешь, чтобы компьютер был таким же сложным, как мозг, тебе придется мириться с идиосинкразией... Знаешь, давай сделаем так. Добьемся совместными усилиями, чтобы робота послали на Меркурий. Экспедиция займет шесть месяцев, а я на это время возьму отпуск. Ты избавишься от меня.

– А кто будет присматривать за Меркурианским Компьютером?

– К настоящему моменту ты знаешь, как он работает, к тому же тебе в помощь я оставлю двух своих парней.

Энтони отрицательно покачал головой.

– Я не могу взять на себя ответственность за Компьютер, и я не возьму на себя ответственность за предложение послать робота на Меркурий. Он не будет работать.

– Я уверен, что будет.

– Полной уверенности у тебя быть не может. А ответственность на мне. Именно я окажусь виноватым. Тебе-то ничего не будет.

Позднее Энтони осознал, что это был решающий момент. Вильям мог бы оставить все как есть. Энтони мог бы уволиться, и они потеряли бы все.

Но Вильям сказал:

– Мне ничего не будет? Слушай, отец с матерью поступили так, как поступили. Хорошо. Я сожалею об этом не меньше твоего, но дело сделано, и есть нечто забавное в том, что получилось в результате. Когда я говорю об отце, я имею в виду твоего отца тоже, и есть масса людей, которые могут сказать о себе то же самое: братья, сестры, брат и сестра. А когда я говорю «мама», я имею в виду твою маму, и есть масса людей, которые могут сказать так же. Но я не знаю двух других людей, даже не слышал никогда о тех, у кого были бы общие отец и мать.

– Я знаю, – сказал Энтони мрачно.

– Да, но попробуй понять мою точку зрения, – Вильям говорил торопливо. – Я гомологист. Я работаю с генетическими моделями. Ты когда-нибудь задумывался о наших генетических моделях? У нас общие родители, значит, наши генетические модели похожи больше, чем любая другая пара моделей на планете. Наши лица доказывают это наилучшим образом.

– Это я тоже знаю.

– Значит, если Проект заработает и ты прославишься, это будет означать, что твоя генетическая модель в высшей степени полезна для человечества, следовательно, моя генетическая модель тоже... Неужели ты не понимаешь, Энтони? У нас общие родители, у меня твое лицо, твоя генетическая модель, значит, твоя слава и твой позор тоже мои. Они мои почти настолько же, насколько и твои, а если мне достанется слава или позор, они твои почти настолько же, насколько мои. Я не могу не быть заинтересован в твоём успехе. У меня для этого больше оснований, чем у кого-либо на Земле, оснований чисто эгоистических, таких эгоистических, какие только можно себе представить. Я на твоей стороне, Энтони, потому что ты – это почти я!

Они долго смотрели друг на друга, и Энтони в первый раз не обращал внимания на сходство лица, в которое он смотрел, со своим собственным.

Вильям сказал:

– Поэтому давай попросим, чтобы робота послали на Меркурий.

И Энтони сдался. После того как Дмитрий поддержал их требование – в конце концов, он давно этого ждал Энтони провел большую часть дня в глубоких размышлениях. Потом он разыскал Вильяма и сказал:

– Послушай!

Последовала длинная пауза, которую Вильям не прерывал.

Энтони опять сказал:

– Послушай!

Вильям терпеливо ждал. Энтони продолжал:

– Тебе совсем не надо уезжать. Я уверен, ты не хочешь, чтобы Меркурианский Компьютер обслуживал кто-то другой, а не ты.

Вильям спросил:

– Ты хочешь сказать, что сам намерен уехать?

– Нет, я тоже останусь.

– Нам не нужно много видеться.

Весь этот разговор для Энтони был преодолением ощущения, будто его душат. Горло сдавливало все сильнее, но он уже справился с самой тяжелой частью разговора.

– Мы не должны избегать друг друга. Не должны.

Вильям неуверенно улыбнулся. Энтони не улыбнулся. Он повернулся и быстро ушел.

9

Вильям поднял глаза от книги. Прошел уже месяц с тех пор, как он перестал удивляться при виде входящего Энтони. Он спросил:

– Что-то не так?

– Кто знает? Они готовятся к мягкой посадке. Меркурианский Компьютер в боевой готовности?

Вильям знал, что Энтони известно все о состоянии Компьютера, но ответил:

– К завтрашнему утру, Энтони.

– И нет никаких трудностей?

– Абсолютно.

– Тогда надо просто ждать мягкой посадки.

– Да.

Энтони сказал:

– Что-нибудь будет не так.

– Ракетная техника давно осуществляет мягкие посадки, и делает это очень искусно. Все будет так, как надо.

– Столько работы впустую.

– Пока еще не впустую. И не будет впустую.

Энтони вздохнул:

– Может быть, ты прав. – Засунув руки глубоко в карманы, он побрел прочь, но прежде чем коснуться дверного контакта, обернулся. – Спасибо.

– За что, Энтони?

– За то, что утешаешь.

Вильям криво улыбнулся, ему стало легче от того, что он сумел скрыть свои чувства.

10

В критический момент весь персонал Проекта «Меркурий» был на ногах. У Энтони не было конкретных обязанностей, и он сидел у монитора, не сводя глаз с экрана. Робот был приведен в действие, и от него стали поступать визуальные сигналы.

По крайней мере то, что появилось на экранах, было эквивалентом визуальной информации, хотя не было видно ничего, кроме тусклого свечения, – вероятно, это было изображе-

ние поверхности Меркурия. Время от времени по экрану пробегали тени, возможно, так выглядели неровности ландшафта. Энтони трудно было судить о том, что происходит, по изображению на экране, но те, кто находились у приборов, анализируя получаемые данные с помощью более тонких методов, чем простое наблюдение невооруженным глазом, были спокойны. И ни одна из маленьких красных лампочек, предвещающих опасность, не горела. Энтони поймал себя на том, что наблюдает больше за наблюдателями, чем за происходящим на экране.

Ему следовало бы спуститься вниз, туда, где возле Компьютера находился Вильям со своими помощниками. Компьютер будет включен только после мягкой посадки. Энтони следовало бы... Но он не мог себя заставить.

Тени побежали по экрану быстрее. Робот опускался – слишком быстро? Конечно, слишком быстро!

На экране появилось отчетливое пятно, при изменении фокуса оно стало темнее, потом светлее, до Энтони донесся какой-то шум, и прошло несколько долгих секунд, прежде чем он понял, что слышит слова: «Мягкая посадка! Получилось!».

Тихий разговор сменился возбужденным шумом. Все поздравляли друг друга, а на экране произошло нечто, из-за чего голоса и смех внезапно оборвались, как будто натолкнулись на стену молчания.

Изображение на экране изменилось и стало четким. В ярком-ярком солнечном свете, льющемся через тщательно защищенный фильтрами экран, они увидели скалу, ослепительно белую с одной стороны, черную, как чернила, с другой. Изображение сдвинулось вправо, потом влево, как будто пара глаз посмотрела налево, а потом направо. На экране появилась металлическая рука, было похоже, что робот рассматривает свое тело.

Энтони первым понял, что происходит, и молчание нарушил его крик:

– Компьютер заработал!

Ему самому показалось, что эти слова выкрикнул кто-то другой; он уже бежал за дверь, вниз по ступенькам, по коридору, а за спиной у него, как волна, поднимался шум голосов.

– Вильям! – закричал он, ворвавшись в комнату. – Все отлично, все...

Но Вильям поднял руку.

– Тс-с-с. Пожалуйста, Компьютер не должен испытывать сильных ощущений, кроме тех, которые исходят от работа.

– Ты думаешь, он нас слышит? – прошептал Энтони.

– Может быть, не знаю. – В комнате, где находился Меркурианский Компьютер, стоял свой монитор, поменьше. Изображение на экране постоянно менялось: робот двигался.

Вильям сказал:

– Робот пробует двигаться. Первые шаги и должны быть неуверенными. Интервал между сигналом и ответом семь минут.

– Но он явно ходит увереннее, чем в Аризоне, Тебе не кажется, Вильям? – Энтони крепко сжимал плечо Вильяма, тряс его, не отрывая глаз от экрана.

Вильям ответил:

– Я уверен в этом, Энтони.

Солнце догорело в контрастном черно-белом мире, мире белого солнца на черном небе и белой каменистой земли, испещренной черными тенями. Сладкий запах солнца исходил от каждого освещенного им квадратного сантиметра металла, вступая в контраст с убивающей все запахи тенью на неосвещенной стороне.

Он поднял руку и посмотрел на нее, пересчитывая пальцы. Жарко, жарко, жарко, – загибая пальцы так, что они поочередно попадали в тень, он ощущал, как тепло медленно уходит из них, и это изменение в осязании дало ему почувствовать чистый, уютный вакуум.

Но вакуум не был абсолютным. Он поднял руки над головой, вытянул их и с помощью чувствительных датчиков на запястьях ощутил испарения – легкое, едва заметное прикосновение паров олова и свинца, пробивающихся через сильный запах ртути.

Он ощутил более густые испарения, поднимающиеся снизу, – разнообразных силикатов, имевших своеобразный привкус металлических ионов. Он медленно переместил ногу по хрустящей спекшейся пыли и воспринял изменения в ощущениях как тихую и упорядоченную музыку.

И надо всем – Солнце. Он поднял глаза на него, большое, и толстое, и яркое, и горячее и услышал его радость. Он видел протуберанцы, медленно поднимающиеся над краями диска, и слышал потрескивание каждого из них и другие счастливые голоса, звучащие над широким лицом Солнца. Когда он включил светофильтры, затеняющие фон, потоки водорода, летящие вверх, зазвучали как всплески мягкого контральто, он слышал приглушенный тонкий свист разлетающейся материи, в который врвался глубокий бас пятен, и причитания вспышек света, щелканье гамма-лучей и космических частиц, похожее на звук шарика для игры в пинг-понг, а вокруг ощущалось мягкое, пропадающее и снова появляющееся дыхание солнечного вещества, которое подступало и отступало, повинувшись космическому ветру, приносящему неповторимые, великолепные ощущения.

Он подпрыгнул и медленно поднялся в воздух с легкостью, которая до сих пор была ему незнакома, опустился и снова подпрыгнул, потом побежал, прыгнул, побежал снова, чувствуя, что его тело отлично приспособлено к великолепному миру, раю, в котором он находился.

После долгого странствия в полном одиночестве он наконец попал в рай.

Вильям сказал:

– Все в порядке.

– Но что он делает? – воскликнул Энтони.

– Все в порядке. Программа работает. Он проверял свои органы чувств. Сделал визуальные наблюдения, включил фильтры и изучил Солнце, проанализировал состав атмосферы и химическую природу почвы. Все системы работают.

– Но почему он бегает?

– Я полагаю, это его собственная идея, Энтони. Если ты хочешь создать компьютер такой же сложный, как мозг, ты должен смириться, что у него есть свои идеи.

– Бегать? Прыгать? – Энтони повернул к Вильяму встревоженное лицо. – Он что-нибудь сломает. Ты можешь управлять Компьютером. Подави эти желания. Пусть он перестанет.

Вильям ответил резко:

– Нет. Не стану. Я пойду на риск того, что он причинит себе вред. Разве ты не понимаешь? Он счастлив. На Земле, в нашем мире, он не мог управлять собой. И вот он на Меркурии, его тело полностью приспособлено к этим условиям, его к ним готовили сотни ученых. Это рай для него, позволь ему наслаждаться.

– Наслаждаться? Он же робот.

– Я не говорю о металлическом Роботе. Я говорю о мозге, который наконец-то живет той жизнью, для которой создан.

Меркурианский Компьютер, безопасность которого оберегали толстое стекло и сотни проводов, дышал и жил.

– Это Рэндалл попал в рай, – сказал Вильям, – Он попал в мир, ради которого ушел в себя, отвергая этот. Он обрел мир, для которого его тело идеально подходит, взамен мира, для которого его прежнее тело совсем не подходило.

Энтони с интересом вглядывался в экран:

– Кажется, он успокаивается.

– Конечно, – сказал Вильям, – он будет делать свою работу, и делать ее превосходно, потому что он счастлив.

Энтони улыбнулся и сказал:

– Неужели мы это сделали, ты и я? Слушай, пойдем к остальным, пусть они повосхищаются нами, а, Вильям?

Вильям удивился:
– Вместе?
И Энтони крепко взял его за руку:
– Вместе, брат!

Световирши

Light Verse (1973)

Перевод: И. Васильева

Чтобы миссис Эвис Ларднер оказалась убийцей – в это просто невозможно было поверить. Кто угодно, только не она. Вдова астронавта-великомученика, она занималась благотворительностью, коллекционировала произведения искусства, считалась потрясающе гостеприимной хозяйкой и, по общему признанию, талантливой художницей. К тому же это было добрейшее и милейшее существо на свете.

Муж ее, Уильям Дж. Ларднер, погиб, как известно, от радиации, когда он добровольно остался в космосе, чтобы дать возможность пассажирскому кораблю благополучно добраться до Пятой космической станции. Миссис Ларднер получила за мужа щедрую пенсию, которой весьма удачно распорядилась и в свои далеко еще не преклонные годы стала очень богатой женщиной.

Ее дом был настоящей выставкой-музеем с небольшой, но тщательно подобранной коллекцией ювелирных изделий. Миссис Ларднер удалось раздобыть уникальные антикварные предметы самых разных культур человечества – все, что только можно украсить драгоценностями и превратить в шедевр прикладного искусства. Здесь были одни из первых наручных часов, сделанных в Америке, кинжал из Камбоджи, очки из Италии – каждый предмет, естественно, инкрустирован драгоценными камнями, и так далее, до бесконечности.

Коллекция, открытая для обозрения, не была застрахована, даже обычной системы охраны – и той не существовало. Впрочем, миссис Ларднер в ней и не нуждалась: огромный штат прислуги из роботов охранял выставленные сокровища с неусыпной бдительностью, неподкупной честностью и безупречной эффективностью.

Посетители знали о роботах, и никто никогда даже и не слышал о попытках ограбления.

Но гвоздем программы, безусловно, была световая скульптура миссис Ларднер. Как ей удалось обнаружить в себе этот дар, – об этом тщетно гадали все гости, бывавшие на ее роскошных приемах. Каждый раз, когда дом миссис Ларднер открывался для гостей, в комнатах сияла новая симфония света; трехмерные извивы и фигуры, переливающиеся всеми цветами радуги, то светились чистым ровным светом, то вдруг вспыхивали хрустальным мерцанием, повергая приглашенных гостей в изумление и при этом выгодно оттеняя голубоватые волосы и мягкие черты лица хозяйки, что придавало им подлинное совершенство.

В основном, гости, конечно, приходили посмотреть световые скульптуры. Художница никогда не повторялась, всякий раз создавая оригинальные творения. Многие из приглашенных – те, что могли позволить себе такую роскошь, как световые компьютеры, – сами нередко баловались созданием скульптур, однако всем им было далеко до миссис Ларднер. Даже тем, кто считал себя профессиональным художником.

Сама же хозяйка проявляла очаровательную скромность. «Нет, нет, – возражала она какому-нибудь расчувствовавшемуся гостю, – я не назвала бы это «поэзией в свете». Вы слишком добры ко мне. В лучшем случае это просто «световирши»». И все улыбались милой шутке художницы.

Миссис Ларднер создавала световые скульптуры только для собственных приемов, хотя ей не раз предлагали сделать их на заказ. «Это будет уже коммерциализацией», – неизменно отвечала она. Однако не возражала, если с ее произведений хотели снять голографические копии, которые становились постоянным украшением музеев всего мира. И никогда не брала за это денег.

«Я не возьму ни пенни, – говорила она, широко разводя руками, – Пусть ими любуются все кому не лень. В конце концов, мне-то они больше не нужны». И это была чистая правда, Никогда в жизни она не повторяла своих скульптур.

Когда снимали голограммы, миссис Ларднер была сама любезность. Благожелательно наблюдая за каждым шагом работающих, она в любой момент готова была призвать на помощь своих роботов, «Пожалуйста, Кортни, – говорила она, – если вас не затруднит, помогите им приладить лестницу».

Именно так она и выражалась: миссис Ларднер обращалась к роботам исключительно вежливо. Однажды, несколько лет назад, ее за это сурово отчитал какой-то правительственный функционер из Управления «Роботс энд Мекэникл Мен».

– Так нельзя, – сказал он сердито. – Вы их просто портите. Роботы сконструированы таким образом, что они подчиняются приказам, и чем точнее приказ, тем быстрее они его выполняют. Когда же к ним обращаются с изысканной вежливостью, до них не сразу доходит, что это приказ, и они реагируют замедленно.

Миссис Ларднер вздернула аристократический подбородок.

– Я не требую от них скорости, – заявила она. – Мне нужна доброжелательность. Мои роботы любят меня.

Правительственный функционер хотел было объяснить, что роботы не способны любить, однако тут же увял под мягким, но полным укоризны взором почтенной дамы.

Ни для кого не секрет, что миссис Ларднер никогда не возвращала своих роботов на фабрику для регулировки. Позитронные мозги – чудовищно сложная штука, а потому, как правило, каждый десятый робот, сошедший с конвейера, нуждался в дополнительной настройке. Порой дефекты обнаруживались далеко не сразу, но «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» никогда не отказывалась устранить их, притом совершенно бесплатно.

«Ну уж нет, – качала головой миссис Ларднер. – Коль скоро робот попал в мой дом и выполняет свои обязанности, он может позволить себе маленькие чудачества. Я не допущу, чтобы кто-то копался у них в голове». Пытаться объяснить ей, что робот – всего-навсего машина, оказывалось занятием совершенно бесполезным. «Такое умное создание не может быть просто машиной, – упрямо твердила она. – Я обращаюсь с ними как с людьми».

Так оно и было на самом деле.

Она держала у себя даже Макса, абсолютно беспомощное существо, с трудом соображающее, чего от него хотят. Однако миссис Ларднер энергично отрицала этот очевидный факт. «Ничего подобного, – твердо говорила она. – Он прекрасно умеет принимать пальто и шляпы и развешивать их в гардеробной. Он может приносить и подавать мне разные вещи. Он вообще много чего умеет».

– Почему бы вам не отправить его на фабрику подрегулировать? – как-то спросил ее один из друзей.

– Это невозможно. Я принимаю его таким, какой он есть. Знаете, на самом деле он очень милый. В конце концов, позитронный мозг настолько сложен, что никто не в силах точно определить, что с ним не в порядке. Если Макса отрегулируют, он может потерять все свое обаяние, а я этого не перенесу.

– Но если робот неисправен, – настаивал друг, нервно поглядывая на Макса, – он может быть опасным!

– Господь с вами! – рассмеялась хозяйка. – Макс у меня уже много лет. Он совершенно безобидный и вообще просто душка.

На самом деле Макс выглядел в точности как любой другой робот – металлический, гладкий, слегка похожий на человека, но совершенно безликий. Однако добрая миссис Ларднер всех их считала личностями, милыми и обаятельными. Такова уж была эта женщина.

Как же могла она пойти на убийство?

Чтобы Джон Семпер Трэвис пал от руки убийцы – в это просто невозможно было поверить. Кто угодно только не он. Замкнутый, тихий, он жил в миру, но был не от мира сего.

Оригинальный математический гений Трэвиса позволял ему запросто создавать в уме сложнейший узор из мириадоз позитронных связей, который затем закладывали роботам в мозги. К тому же Трэвис, главный инженер «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», страстно увлекался световой скульптурой. Ей он посвятил целую книгу, в которой доказал, что математические модели, применяемые им для конструирования позитронного мозга, с успехом могут быть модифицированы и использованы для создания высокохудожественных световых скульптур.

Но попытка воплотить теорию в жизнь обернулась для инженера полным крахом. Его скульптуры, созданные на основе математических принципов, оказались тяжеловесными, невыразительными и скучными.

В сущности, только это и отравляло спокойное, замкнутое и налаженное существование Трэвиса, однако он чувствовал себя по-настоящему несчастным. Он знал, что теория его верна, но не мог доказать свою правоту на практике. Если бы удалось создать *хоть один* шедевр...

Естественно, инженер был знаком с творчеством миссис Ларднер. Все признавали ее талант, однако для Трэвиса было очевидно, что художница не имеет ни малейшего представления об элементарных основах робоматематики. Он неоднократно писал ей, но она категорически отказывалась объяснить свой художественный метод. Трэвис вообще сомневался, что у нее есть какой-то метод. Скорее, чистая интуиция, – но даже интуицию необходимо выразить математически! В конце концов Трэвису удалось раздобыть приглашение на один из приемов миссис Ларднер. Он должен был увидеть ее!

Мистер Трэвис опоздал на прием: он еще раз попытался создать световую скульптуру и опять потерпел сокрушительное поражение.

– Какой у вас чудной робот – тот, что принимал у меня пальто и шляпу, – заметил инженер, глядя на хозяйку с почтительным удивлением.

– Это Макс, – сказала миссис Ларднер.

– Он совершенно разрегулирован, к тому же эта модель давно устарела. Почему бы вам не вернуть его на фабрику?

– О нет, это слишком хлопотно.

– Какие хлопоты, о чем вы! – воскликнул инженер. – Вы были бы поражены, узнав, насколько это легко. Впрочем, как представитель «Ю. С. Роботс», я взял на себя смелость отрегулировать его собственноручно. Это заняло всего пару минут: сами увидите, в какой он теперь прекрасной рабочей форме.

Лицо миссис Ларднер исказила странная гримаса. Впервые в жизни эта великодушная женщина испытывала ярость, и, казалось, черты лица просто не умели выразить непривычное чувство.

– Вы отрегулировали его? – вскричала она. – Но ведь это он создавал все мои световые скульптуры! Неправильная регулировка, которую вы никогда не сможете восстановить, именно она... она...

И надо же было случиться такому несчастному совпадению, что в этот момент миссис Ларднер демонстрировала гостям свою коллекцию и прямо перед ней на мраморном столике лежал украшенный драгоценными камнями кинжал из Камбоджи!

У Трэвиса тоже вытянулось лицо.

– Вы хотите сказать, что, если бы я изучил уникальные дефекты его позитронного мозга, я смог бы понять...

Взмах кинжала был настолько молниеносным, что никто просто не успел опомниться, а Трэвис не сделал попытки увернуться. Говорят, он даже слегка подался вперед – так, словно сам хотел умереть.

Сторонник сегрегации

Segregationist (1967)

Перевод: М.Нахмансон

Лицо хирурга не выражало никаких эмоций.

- Пациент готов?

- Готов или нет - относительное понятие, - ответил инжемед. - Мы готовы. А он проявляет нетерпение.

- Они всегда так... Ну, что ж, это серьезная операция.

- Серьезная или нет - в любом случае он должен испытывать благодарность. Его выбрали из огромного числа претендентов и, откровенно говоря, я не думаю, что...

- Не надо касаться этого, - сказал хирург. - Решение таких вопросов - не наше дело.

- Допустим. Но должны ли мы соглашаться с этим?

- Безусловно, - решительно произнес хирург. - Мы должны быть согласны. Целиком и полностью. Предстоящая операция достаточно сложна, чтобы мы могли еще заниматься и мировоззрением своего пациента. Этот человек доказал свою ценность в различных ситуациях и Министерство Планирования Смертности признало его кандидатуру подходящей.

- Ну что ж, отлично, - с иронией заметил инжемед. Хирург заговорил снова:

- Пожалуй, я осмотрю его прямо тут. Кабинет невелик, и он будет чувствовать себя здесь уютно.

- Вряд ли это поможет. Он нервничает, к тому же, кажется, он уже все решил.

- Действительно?

- Да. Он хочет металл, они все так поступают. - Лицо хирурга не изменило выражения. Он пристально разглядывал свои руки.

- Иногда можно уговорить их отказаться от этого.

- Зачем? - равнодушно произнес инжемед. - Если он желает металл, пусть будет металл.

- Вас это не беспокоит?

- С какой стати? - в голосе инжемеда послышались жесткие нотки. - Каждый из возможных вариантов относится к сфере медицинской инженерии, и я, инженер-медик, могу реализовать любой вариант. Что еще должно меня беспокоить?

- Для меня этот вопрос очень важен, - спокойно сказал хирург. - Во всем следует соблюдать необходимую меру соответствия.

- Соответствие! Это не аргумент. Почему пациента должно волновать соответствие?

- Оно волнует меня.

- Вы в меньшинстве. Общее мнение против вас. У вас нет шансов что-либо изменить.

- Но я должен попытаться.

- Тогда вы...

Хирург прервал инжемеда быстрым движением руки - не раздраженным, просто быстрым и резким. Он уже получил сообщение, что медсестра с пациентом достигли приемной. Хирург нажал кнопку и двойная дверь мягко скользнула в сторону. Самодвижущееся кресло, в котором сидел пациент, въехало в кабинет, следом быстро шагнула сестра.

- Вы можете идти сестра, - сказал хирург. - Подождите снаружи, я вызову вас. - Он кивнул инжемеду, который вышел вместе с сестрой; створки двери сомкнулись позади них.

Человек в кресле повернул голову и проводил взглядом уходящих. Сморщенная кожа на тонкой шее напряглась, морщины веером разбежались под прищуренными глазами. Его подбородок был чисто выбрит, ногти на пальцах, сжимавших подлокотники кресла, отлично ухожены. Он принадлежал к весьма высоким кругам и о нем хорошо заботились... На лице его застыло выражение привычной раздражительности. Он произнес:

- Ну что, мы начнем сегодня? - Хирург кивнул:

- В полдень, сенатор.

- Как я понял, это займет несколько недель.

- Сама операция требует немного времени, сенатор. Однако имеется несколько дополнительных моментов, о которых необходимо побеспокоиться. Нужно наладить кровеносную систему и отрегулировать гормональные функции вашего организма. Тут есть весьма непро-

стые проблемы.

- Это опасно?.. - затем, как будто чувствуя, что необходимо установить более дружеские отношения с врачом, он процедил сквозь зубы - ... доктор?

Хирург не обратил внимания на подобные нюансы.

- Все опасно, - невозмутимо сообщил он. - Наша работа заключается в том, чтобы уменьшить опасность. Подобные операции требуют уникального оборудования и объединенных усилий ряда специалистов, которые пока так немногочисленны...

- Я знаю, - нетерпеливо сказал пациент и не чувствуя себя виноватым из-за этого, - меня признали достойным. Или вы предполагаете, что на Министерство было оказано давление?

- Совсем нет, сенатор. Решения Министерства никогда не подвергаются сомнению. Я только имел в виду сложность предстоящей операции, чтобы подчеркнуть мое желание провести ее наилучшим образом.

- Хорошо, если так. Я желаю того же.

- Тогда я должен попросить вас сделать выбор. Мы можем предложить вам киберсердце двух типов: металлическое или...

- Пластиковое! - раздраженно воскликнул пациент. - Не эту ли альтернативу вы собираетесь мне предложить, доктор? Эту дешевку? Я не желаю. Я сделал свой выбор. Я хочу металл.

- Но...

- Послушайте, мне сказали, что право выбора остается за мной. Разве это не так? Хирург кивнул:

- Если два возможных решения проблемы эквивалентны с точки зрения медицины, выбор остается за пациентом. На самом деле, право выбора остается за пациентом даже тогда, когда возможные решения не являются эквивалентными, как в вашем случае.

Глаза пациента сузились.

- Вы хотите сказать, что сердце из пластика лучше?

- Это зависит от пациента. По моему мнению, в вашем случае оно будет более подходящим. И мы предпочитаем не использовать этот термин - пластиковое. Это сердце из волоконного высокомолекулярного материала.

- Насколько я знаю, это все равно пластик.

- Сенатор, - продолжал хирург с бесконечным терпением, - это действительно полимерный материал, но он обладает гораздо более сложным строением, чем обычный пластик. Это волоконное вещество со структурой, близкой к протеиновым молекулам, которое имитирует естественные ткани человеческого сердца - того самого, что бьется сейчас в вашей груди.

- Точно, человеческое сердце, что бьется в моей груди изнашивается, хотя мне нет еще и шестидесяти. Благодарю вас, но еще одно такое же мне не нужно. Я хочу что-нибудь лучше.

- И мы хотим вам дать самое лучшее, сенатор. сердце из волоконного материала будет лучшим в вашем случае. Оно может функционировать столетия. Оно не вызывает реакции отторжения...

- Разве то же самое нельзя сказать и о металлическом сердце?

- Да, это так, - подтвердил хирург. - Металлическое сердце выполнено из титанового сплава, который...

- Ведь оно не изнашивается? И оно прочнее пластикового? Или волоконного, если вам угодно настаивать на этом определении?

- Да, с точки зрения физики, металл прочнее, но механическая прочность в данном случае - не самое главное. Она не играет никакой роли, если сердце надежно защищено. Если инородное тело достигнет вашего сердца, вы будете убиты, скорее всего, по другой причине, не связанной с его прочностью.

Пациент пожал плечами.

- Если я сломаю ребро, мне заменят его, титановым протезом. Заменить кость - так не-

сложно; кто угодно может сделать это в любое время... Я смогу носить в своем теле столько металла, сколько я захочу, доктор.

- Это ваше право, если вы сделаете такой выбор. Однако я хотел бы предупредить вас, что, хотя киберсердце из металла никогда еще не выходило из строя из-за механических повреждений, известны случаи отказа их электроники.

- И что это означает?

- Любой из типов киберсердца содержит вибратор - неотъемлемую часть своей конструкции. В случае металлического варианта, это - электронный прибор, обеспечивающий ритмичность работы сердца. Он состоит из сложнейшего комплекса миниатюрных устройств, регулирующих частоту биения сердца в зависимости от вашего эмоционального или физического состояния. В такой сложной системе неизбежны сбои, и тогда люди умирают раньше, чем поломку удастся исправить.

- Я никогда не слышал о чем-либо подобном.

- Уверю вас, такое случается.

- Вы хотите сказать, что это происходит часто?

- Нет. Это крайне редкое событие.

- Ну что ж, тогда я, пожалуй, рискну. А пластиковое сердце? Оно тоже содержит вибратор?

- Конечно, сенатор. Но химическая структура волоконного киберсердца очень близка к тканям человеческого организма, поэтому оно подчиняется электрическому и гормональному контролю самого тела. И электронное устройство, которое нужно в этом случае имплантировать в организм, много проще, чем для металлического варианта.

- Но разве пластиковое сердце ни разу не выходило из-под гормонального контроля?

- Пока неизвестно ни одного такого случая.

- Потому, что вы не работали с ним достаточно долго, не так ли? Хирург нерешительно ответил:

- Да, действительно, сердце из высокомолекулярного полимера применяется не так долго, как металлическое.

- Вот видите. Так в чем же дело, доктор? Вы боитесь, что я превращусь в робота... В металлона, как их стали называть с тех пор, как они получили права гражданства?

- Нет ничего плохого в том, что металлон называется металлоном; как вы сами сказали, они признаны равноправными гражданами. Но вы - не металлон. Вы - человеческое существо. И почему бы вам не остаться человеческим существом, насколько это возможно в вашем случае?

- Потому что я хочу выбрать лучший вариант, а это означает - получить металлическое сердце. Вы что, не понимаете?

Хирург кивнул:

- Хорошо. Вам нужно будет подписать необходимые документы, и вы получите металлическое сердце.

- Вы сами проведете операцию? Я слышал, что вы - лучший специалист.

- Я сделаю все возможное, чтобы операция прошла успешно. Дверь открылась, и кресло унесло пациента к ожидающей его медсестре.

Инжемед вошел в комнату, провожая взглядом пациента, пока створки двери не сомкнулись за хромированной спинкой кресла. Затем он повернулся к хирургу.

- Ну, по вашему виду не узнаешь, что тут произошло. Каково же было его решение? Хирург наклонился над столом, заканчивая перфорировать последний раздел своих записей.

- Как вы предсказывали. Он хочет металлическое киберсердце.

- Ну, в конце концов, они все-таки лучше.

- Трудно сказать. Они просто дольше были в употреблении, - это их единственное преимущество. Но дело не в том. С тех пор, как металлоны получили права гражданства, человечество охватила мания. Люди стремятся приблизить себя к металлонам, они хотят получить физическую силу и выносливость, которые ассоциируются с разумной металлической

расой.

- Должен отметить, что это не односторонний процесс, док. Вы не работаете с металлонами, как я, и не все знаете. Так вот, последние двое, что явились ко мне для ремонта, просили поставить им волоконные органы.

- И они получили их?

- В одном случае требовалось только заменить сухожилие; тут нет большой разницы, что ставить - металл или пластик. Другой хотел заменить кровеносную систему. Я объяснил ему, что не могу этого сделать без полной перестройки его организма на основе волоконных материалов... Я полагаю, что когда-нибудь так и случится. И тогда металлоны не будут металлическими, как сейчас, но созданиями из плоти и крови.

- Вы допускаете такую мысль?

- Почему же нет? Как, впрочем, и металлизацию человеческих существ. На земле теперь обитают две разумные расы, и хлопот с ними стало вдвое больше. Так пусть же они приближаются друг к другу, пока мы не перестанем замечать различий. Да и к чему подчеркивать их? Мы должны стремиться взять лучшее от каждой расы: совместить преимущества человека с преимуществами робота.

- Вы получите гибрид, - сказал хирург, и в его голосе чувствовалось что-то похожее на раздражение. - Вы получите нечто, что не будет ни тем, ни другим. Разве не логичнее считать, что личность должна гордиться своей индивидуальностью, своей целостной структурой и не заменять ее чем-то чужеродным? Что она не должна превращаться в помесь?

- Но это же сегрегация!

- Пусть так, - уже спокойно произнес хирург. - Я верю в целостность личности. И я не изменю даже крошечную часть своей структуры ни при каких обстоятельствах. Если какой-то из моих органов потребует замены, я постараюсь произвести ее с максимальным приближением к исходному естеству моего организма. Я - есть я; мне доставляет удовольствие быть самим собой, и я не хочу стать кем-то другим.

Он закончил с записями и начал готовиться к операции. Поместив свои сильные пальцы в нагреватель, он дал им накалиться до темно-вишневого цвета, что свидетельствовало о полной стерилизации. Во время пылкой речи, которую он только что произнес, голос его ни разу не изменил своей тональности, а на полированном металлическом лице не было (как, впрочем, всегда) никаких признаков волнения.

Робби

Robbie (1940)

Перевод: А. Иорданский

Девяносто восемь... девяносто девять... сто!

Глория отвела пухлую ручку, которой закрывала глаза, и несколько секунд стояла, сморщив нос и моргая от солнечного света. Пытаясь смотреть сразу во все стороны, она осторожно отошла на несколько шагов от дерева.

Вытянув шею, она вглядывалась в густые кусты справа от себя, потом отошла от дерева еще на несколько шагов, стараясь заглянуть в самую глубину зарослей.

Глубокую тишину нарушало только непрерывное жужжание насекомых и время от времени чириканье какой-то неутомимой пичуги, не боявшейся полуденной жары.

Глория надулась.

- Ну, конечно, он спрятался в доме, а я ему миллион раз говорила, что это нечестно.

Плотно сжав губки и сердито нахмурившись, она решительно зашагала к двухэтажному дому по ту сторону аллеи.

Когда Глория услышала сзади шорох, за которым последовал размеренный топот металлических ног, было уже поздно. Обернувшись, она увидела, что Робби покинул свое убежище и полным ходом несется к Дереву.

Глория в отчаянии закричала:

– Пстой, Робби! Это нечестно! Ты обещал не бежать, пока я тебя не найду!

Ее ножкам, конечно, не сравниться было с гигантскими конечностями Робби. Но в трех метрах от дерева тот вдруг резко сбавил скорость. Сделав последнее отчаянное усилие, запыхавшаяся Глория пронеслась мимо него и первая дотронулась до заветного ствола.

Она радостно повернулась к верному Робби и, платя черной неблагодарностью за принесенную жертву, принялась жестоко насмехаться над его неумением бегать.

– Робби не может бегать! – кричала она во всю силу своего восьмилетнего голоса. – Я всегда его обгоню! Я всегда его обгоню!

Она с упоением распевала эти слова.

Робби, конечно, не отвечал. Вместо этого он сделал вид, будто убегает, и Глория кинулась вслед за ним. Пятясь, он ловко увертывался от девочки, так что она, бросаясь в разные стороны, тщетно размахивала руками и, задыхаясь от хохота, кричала:

– Робби! Стой!

Тогда он неожиданно повернулся, поймал ее, поднял в воздух и завертел вокруг себя. Ей показалось, что весь мир на мгновение провалился вниз, в голубую пустоту, к которой тянулись зеленые верхушки деревьев. Потом Глория снова оказалась на траве. Она прижалась к ноге Робби, крепко держась за твердый металлический палец.

Через некоторое время Глория отдышалась. Она сделала напрасную попытку поправить растрепавшиеся волосы, бессознательно подражая движениям матери, и изогнулась, чтобы посмотреть, не порвалось ли сзади ее платье. Потом хлопнула ладонью Робби по туловищу.

– Нехороший! Я тебя нашлепаю!

Робби съежился, закрыв лицо руками, так что ей пришлось добавить:

– Ну, не бойся, Робби, не нашлепаю. А теперь моя очередь прятаться, потому что у тебя ноги длиннее и ты обещал не бежать, пока я тебя не найду.

Робби кивнул головой – небольшим параллелепипедом с закругленными углами. Голова была укреплена на туловище – подобной же формы, но гораздо больших размеров – при помощи короткого гибкого сочленения. Робби послушно повернулся к дереву. На его горящие глаза опустилась тонкая металлическая пластинка, и изнутри туловища раздалось ровное гулкое тиканье.

– Смотри не подглядывай и не пропускай счета! – предупредила Глория и бросилась прятаться.

Секунды отсчитывались с абсолютной точностью. На сотом ударе веки Робби поднялись, и вновь вспыхнувшие красным светом глаза оглядели поляну. На мгновение они остановились на кусочке яркого ситца, торчавшем из-за камня. Робби подошел поближе и убедился, что за камнем действительно притаилась Глория. Тогда он стал медленно приближаться к ее убежищу, все время оставаясь между Глорией и деревом. Наконец, когда Глория была совсем на виду и не могла даже притворяться, что ее не видно, Робби протянул к ней руку, а другой со звоном ударил себя по ноге. Глория, надувшись, вышла.

– Ты подглядывал! – воскликнула она, явно согрешив против истины, – И потом, мне надоело играть в прятки. Я хочу кататься.

Но Робби был оскорблен незаслуженным обвинением. Он осторожно сел на землю и покачал тяжелой головой, Глория немедленно изменила тон и перешла к нежным уговорам:

– Ну, Робби! Я просто так сказала, что ты подглядывал! Ну, покатай меня!

Но Робби не так просто было уговорить. Он упрямо уставился в небо и покачал головой еще более выразительно.

– Ну, пожалуйста, Робби, пожалуйста, покатай меня! Она крепко обняла его за шею розовыми ручками.

Потом ее настроение внезапно переменилось, и она отошла в сторону.

– А то я заплачу!

Ее лицо заранее устрашающе перекосилось.

Но жестокосердый Робби не обратил никакого внимания на эту ужасную угрозу. Он в

третий раз покачал головой. Глория решила, что пора пустить в дело главный козырь.

– Если ты меня не покатаешь, – воскликнула она, – я больше не буду рассказывать тебе сказок, вот и все. Никогда!

Этот ультиматум заставил Робби сдаться немедленно и безоговорочно. Он закивал головой так энергично, что его металлическая шея загудела. Потом он осторожно посадил девочку на свои широкие плоские плечи.

Слезы, которыми грозила Глория, немедленно испарились, и она даже вскрикнула от восторга. Металлическая кожа Робби, в которой нагревательные элементы поддерживали постоянную температуру 21 градус, была приятной на ощупь, а барабана пятками по его груди, можно было извлечь восхитительно громкие звуки.

– Ты самолет, Робби. Ты большой серебряный самолет, Робби, Только вытяни руки, раз уж ты самолет.

Логика была безупречной. Руки Робби стали крыльями, а сам он – серебряным самолетом. Глория резко повернула его голову и наклонилась вправо. Он сделал крутой вираж. Глория уже снабдила самолет мотором; «Б-р-р-р-р», а потом и пушками; «Бум! Бум! Бум!». За ними гнались пираты, и орудия косили их, как траву.

– Еще один готов... Еще двое!.. – кричала она.

Потом Глория сурово скомандовала:

– Торопись, ребята! Снаряды кончаются!

Она неустрашимо целилась через плечо. И Робби превратился в тупоносый космический корабль, с предельным ускорением прорезающий пустоту.

Он несся через лужайку к зарослям высокой травы на другой стороне. Там он остановился так внезапно, что раскрасневшаяся наездница вскрикнула, и сбросил ее на мягкий травяной ковер.

Глория, задышавшись, восторженно шептала:

– Ой, как здорово!

Робби дал ей отдышаться и осторожно потянул за растрепавшуюся прядь волос.

– Ты чего-то хочешь? – спросила Глория, широко раскрыв глаза в притворном недоумении. Ее безыскусная хитрость ничуть не обманула огромную «няньку». Робби снова потянул за ту же прядь, чуть посильнее.

– А, знаю. Ты хочешь сказку!

Робби быстро закивал.

– Какую?

Робби описал пальцем в воздухе полукруг.

Девочка запротестовала:

– Опять? Я же тебе про Золушку миллион раз рассказывала. Как она тебе не надоела? Это сказка для маленьких!

Железный палец снова описал полукруг.

– Ну, так и быть.

Глория уселась поудобнее, припомнила про себя все подробности сказки (вместе с прибавлениями собственного сочинения) и начала:

– Ты готов? Так вот, давным-давно жила красивая девочка, которую звали Элла. У нее была ужасно жестокая мачеха и две очень некрасивые и очень жестокие сестры...

Глория дошла до самого интересного места – уже било полночь и все снова превращалось в кучу мусора. Робби слушал напряженно, с горящими глазами, но тут их прервали.

– Глория!

Это был раздраженный голос женщины, которая звала не в первый раз и у которой терпение, судя по интонации, начало сменяться тревогой.

– Мама зовет, – сказала Глория не очень радостно. – Лучше отнеси меня домой, Робби.

Робби с готовностью повиновался. Что-то подсказывало ему, что миссис Вестон лучше подчиняться без малейшего промедления. Отец Глории редко бывал дома днем, если не счи-

тать воскресений (а это было как раз воскресенье), но когда он появлялся, то проявлял добродушие и понимание. А вот мать Глории была для Робби источником постоянного беспокойства, и он всегда испытывал смутное побуждение скрыться от нее куда-нибудь подальше.

Миссис Вестон увидела их, как только они поднялись из травы, и вернулась в дом, чтобы встретить их там.

– Я кричала до хрипоты, Глория, – строго сказала она. – Где ты была?

– Я была с Робби, – дрожащим голосом ответила Глория. – Я рассказывала ему про Золушку и забыла про обед.

– Жаль, что Робби тоже забыл про обед. – И, словно вспомнив о присутствии робота, она обернулась к нему. – Можешь идти, Робби. Ты ей сейчас не нужен. И не приходи, пока не позову, – резко прибавила она.

Робби повернулся к двери, но заколебался, услышав, что Глория встала на его защиту:

– погоди, мама, нужно, чтобы он остался! Я еще не кончила про Золушку. Я ему обещала рассказать про Золушку и не успела.

– Глория!

– Честное-пречестное слово, мама, он будет сидеть тихо-тихо, так, что его и слышно не будет. Он может сидеть на стуле в уголке и молчать... то есть ничего не делать, Правда, Робби?

В ответ Робби закивал своей массивной головой.

– Глория, если ты сейчас же не прекратишь, ты не увидишь Робби целую неделю!

Девочка понурилась.

– Ну, хорошо. Но ведь «Золушка» – его любимая сказка, а я не успела рассказать. Он так ее любит...

Опечаленный робот вышел, а Глория проглотила слезы.

Джордж Вестон чувствовал себя прекрасно. У него было такое обыкновение – по воскресеньям после обеда чувствовать себя прекрасно. Вкусная, обильная домашняя еда, удобный мягкий старый диван, на котором так приятно развалиться, свежий номер «Таймс», тапочки на ногах и пижама вместо крахмальной рубашки – ну как тут не почувствовать себя прекрасно!

Поэтому он ощутил недовольство, когда вошла его жена. После десяти лет совместной жизни он еще имел глупость ее любить и, конечно же, всегда был ей рад, но послеобеденный воскресный отдых был для него священным, и его представление о подлинном комфорте требовало двух-трех часов полного одиночества. Он поспешно уткнулся в последние сообщения об экспедиции Лефевра-Июшиды на Марс (на этот раз они стартовали с лунной станции и вполне могли долететь) и сделал вид, будто ее не заметил.

Миссис Вестон терпеливо подождала немного, потом нетерпеливо – еще немного и наконец не выдержала:

– Джордж!

– Угу...

– Джордж, послушай! Может быть, ты отложишь газету и поглядишь на меня?

Газета, шелестя, упала на пол, и Вестон обратил к жене страдальческое лицо:

– В чем дело, дорогая?

– Ты знаешь, Джордж. Дело в Глории и в этой ужасной машине...

– Какой ужасной машине?

– Пожалуйста, не притворяйся, будто ты не понимаешь, о чем я говорю! Я об этом Роботе, которого Глория зовет Робби, Он не оставляет ее ни на минуту.

– Ну, а почему он должен ее оставлять? Он для этого и существует. И в любом случае он вовсе не ужасная машина, а самый лучший робот, какой только можно было достать за деньги. А я чертовски хорошо помню, что он обошелся мне в полугодовой заработок. И он стоит этого – он куда умнее половины моих служащих.

Вестон потянулся за газетой, но жена оказалась проворнее ихватила ее.

– Выслушай меня, Джордж! Я не хочу доверять своего ребенка машине, и мне все равно, умная эта машина или нет. У нее нет души, и никто не знает, что у нее на уме. Нельзя, чтобы за детьми смотрели всякие металлические штуки!

Вестон нахмурился.

– Что с тобой? Он с Глорией уже два года, а до сих пор я что-то не видел, чтобы ты беспокоилась.

– Сначала все было по-другому. Как-никак новинка, и у меня стало меньше забот, и потом это было так модно... А сейчас я не знаю. Все соседи...

– Ну при чем тут соседи? Послушай! Робот куда надежнее любой няньки. Ведь Робби создан с единственной целью – ухаживать за маленьким ребенком, все его мышление рассчитано специально на это. Он просто не может не быть верным, любящим, добрым, Он просто устроен так. Не о каждом человеке это скажешь.

– А вдруг что-нибудь испортится? Какой-нибудь там... Миссис Вестон запнулась; она имела довольно смутное представление о внутренностях роботов. – Ну, какая-нибудь мелочь сломается, и эта ужасная машина начнет буйствовать; и тогда...

У нее не хватило сил закончить вполне очевидную мысль.

– Чепуха, – возразил Вестон, невольно вздрогнув. – Это просто смешно. Когда мы купали Робби, мы долго говорили о Первом Законе Роботехники. Ты же знаешь, что робот не способен причинить вред человеку. При малейшем намеке на возможность нарушения Первого Закона робот сразу будет парализован. Иначе и быть не может, тут математический расчет. И потом у нас дважды в год бывает механик из «Ю. С. Роботс» – он же проверяет весь механизм. С Робби ничего не может случиться. Скорее уж сойдем с ума мы с тобой. Да и как ты собираешься отнять его у Глории?

Он снова потянулся за газетой, но напрасно; жена сердито швырнула ее через раскрытую дверь в соседнюю комнату.

– В этом-то все и дело, Джордж! Она не хочет больше ни с кем играть! Кругом десятки мальчиков и девочек, с которыми ей следовало бы дружить, но она не хочет. Она и не подойдет к ним, если ее не заставить, Нельзя девочку так воспитывать. Ты ведь хочешь, чтобы она выросла нормальной? Ты хочешь, чтобы она смогла занять свое место в обществе?

– Грейс, ты воюешь с призраками. Представь себе, что Робби – это собака. Сотни детей с большим удовольствием проводят время с собакой, чем с собственными родителями.

– Собака – совсем другое дело, Джордж, мы должны избавиться от этой ужасной машины. Ты можешь вернуть ее компании, Я уже узнавала, это можно.

– Узнавала? Вот что, Грейс! Не надо ничего решать сгоряча. Оставим робота, пока Глория не подрастет. И больше я не желаю об этом слышать.

Он в раздражении вскочил и вышел из комнаты.

Два дня спустя миссис Вестон встретила мужа в дверях.

– Джордж, ты должен выслушать меня. В поселке недовольны.

– Чем? – спросил Вестон. Он скрылся в ванной, и оттуда послышался плеск, который мог заглушить любой ответ.

Миссис Вестон выждала, пока шум не прекратился, и сказала:

– Недовольны Робби.

Вестон вышел, держа в руках полотенце. Его покрасневшее лицо было сердито.

– О чем ты говоришь?

– Это началось уже давно. Я старалась не замечать, но больше не хочу. Почти все соседи считают, что Робби опасен. По вечерам детей даже близко не пускают к нашему дому.

– Но мы же доверяем ему своего ребенка!

– В таких делах люди не рассуждают.

– Ну и черт с ними!

– Нет, так нельзя. Мне приходится встречаться с ними каждый день в магазинах. А в городе теперь с роботами еще строже. В Нью-Йорке только что приняли постановление, ко-

торое запрещает роботам появляться на улицах от захода до восхода солнца.

– Да, но никто не может запретить нам держать робота дома. Грейс, ты, я вижу, решила снова добиться своего. Но это бесполезно, Ответ все тот же – нет! Робби останется у нас.

Но он любил жену, и, что гораздо хуже, она это знала, В конце концов, Джордж Вестон был всего-навсего мужчиной. А его жена пустила в ход все до единой уловки, которых с полным основанием научился опасаться, хотя и тщетно, менее хитрый и более щепетильный пол.

На протяжении следующей недели Вестон десять раз восклицал: «Робби останется – и конец!», но с каждым разом его голос становился все менее уверенным, и в нем слышался все более внятный стон отчаяния.

Наконец наступил день, когда Вестон, с виноватым видом подойдя к дочери, предложил пойти в поселок и посмотреть самый последний визивокс.

Глория радостно всплеснула руками:

– А Робби можно с нами?

– Нет, детка, – ответил он, чувствуя отвращение к звуку собственного голоса. – Роботов на визивокс не пускают. Но ты ему все расскажешь, когда придешь домой.

Пробормотав последние слова, он отвернулся.

Глория вернулась домой, восхищенная до глубины души, – визивокс действительно был прекрасный.

Она еле дождалась, пока отец поставит реактивный автомобиль в подземный гараж.

– А теперь, пап, я все расскажу Робби. Ему бы это так понравилось! Особенно когда Фрэнсис Фрэн так тихонько-тихонько пятился назад – и прямо в руки человека-леопарда! И ему пришлось бежать! – Она снова засмеялась. – Пап, а на Луне вправду водятся люди-леопарды?

– Скорее всего, нет, – рассеянно ответил Вестон, – Это просто смешные выдумки.

Он уже не мог дольше возиться с автомобилем. Нужно было посмотреть правде в глаза. Глория побежала через лужайку.

– Робби! Робби!

Она внезапно остановилась, увидев красивого щенка колли. Щенок, виляя хвостом, глядел на нее с крыльца серьезными карими глазами.

– Ой, какой чудесный песик! – Глория поднялась по ступенькам, осторожно подошла к щенку и погладила его, – Это мне, папа?

На крыльцо вышла миссис Вестон.

– Да, Глория. Посмотри, какой он хороший – какой пушистый. Он очень добрый, И любит маленьких девочек.

– А он будет со мной играть?

– Конечно. Он может делать всякие штуки. Хочешь посмотреть?

– Хочу. И я хочу, чтобы Робби тоже посмотрел! Робби! – Она растерянно замолчала. – Наверное, сидит в комнате и дуется на меня, почему я его не взяла с собой на визивокс. Папа, ты ему объяснишь все как было? Мне он может не поверить, но уж если ты ему скажешь, он будет знать, что так оно и есть.

Губы Вестона сжались. Он посмотрел на жену, но она отвела глаза. Глория повернулась на одной ноге и побежала по ступенькам, крича:

– Робби! Иди посмотри, что мне подарили папа с мамой! Мне подарили песика!

Через минуту девочка вернулась и испуганно сказала:

– Мама, Робби там нет. Где он?

Ответом ей было молчание. Джордж Вестон кашлянул и внезапно проявил большой интерес к плывущим в небе облакам. Глория повторила дрожащим голосом, в котором слышались слезы:

– Где Робби, мама?

Миссис Вестон нежно привлекла к себе дочь.

– Не расстраивайся, Глория. По-моему, Робби ушел.
– Ушел? Куда? Куда он ушел, мама?
– Никто не знает, девочка. Просто ушел. Мы его искали, искали, искали, но не могли найти.
– Значит, он больше не вернется? – Глаза у Глории стали круглыми от ужаса.
– Может быть, мы его скоро найдем. Мы будем искать. А пока играй с новой собачкой. Посмотри! Ее зовут Молния, и она умеет...
Но глаза Глории были полны слез.
– Мне не нужна эта противная собака – мне нужен Робби! Найдите Робби!..
Ее чувства не находили выхода в словах, и она разразилась отчаянным плачем. Миссис Вестон беспомощно взглянула на мужа, но он только мрачно переступил с ноги на ногу, не сводя пристального взгляда с неба. Тогда она сама принялась утешать дочь.
– Ну, не надо плакать, Глория! Робби – всего-навсего машина, старая скверная машина. Он не живой.
– Ничего он никакая не машина! – яростно крикнула Глория, забыв все правила грамматики. – Он такой же человек, как мы с вами, и он мой друг. Я хочу, чтобы он вернулся! Мама, я хочу, чтобы он вернулся!
Мать вздохнула, признавая свое бессилие, и оставила Глорию горевать в одиночестве.
– Пусть выплачется, – сказала она мужу. – Детское горе коротко. Через несколько дней она забудет про этого ужасного робота.

Но время показало, что это заявление миссис Вестон было чересчур оптимистично. Правда, плакать Глория перестала, но она перестала и улыбаться. С каждым днем она становилась все более молчаливой и мрачной. Постепенно ее несчастный вид сломил миссис Вестон. Не сдавалась она только потому, что не могла признать перед мужем свое поражение.

Как-то вечером она в ярости влетела в гостиную и уселась, скрестив руки на груди. Ее муж взглянул на нее поверх газеты.

– Что еще случилось, Грейс?
– Мне пришлось отдать собаку. Глория сказала, что терпеть ее не может. Я сойду с ума. Вестон опустил газету, и в его глазах вспыхнул огонек надежды.
– А если... А если нам снова взять Робби? Знаешь, это можно. Я свяжусь...
– Нет, – резко перебила она. – Я и слышать об этом не хочу. Мы так легко не сдадимся. Я не дам роботу воспитывать свою дочь, даже если понадобятся годы, чтобы отучить ее от Робби.

Вестон разочарованно поднял газету.
– Еще год – и я поседею раньше времени.
– Немного же от тебя помощи, Джордж, – холодно сказала она. – Глории нужно переменить обстановку. Конечно, здесь она не может забыть Робби. Здесь ей каждое дерево, каждый камень о нем напоминают. Вообще мы в самом глупейшем положении! Только подумай – ребенок чахнет из-за разлуки с роботом!
– Ну и что ты предлагаешь? Как ты думаешь переменить обстановку?
– Мы возьмем Глорию в Нью-Йорк.
– В город! В августе! Послушай, ты же знаешь, что такое Нью-Йорк в августе! Там невозможно жить!
– Но там живут миллионы людей.
– Только потому, что им некуда уехать. Иначе они бы не остались.
– Так вот, теперь и нам придется там пожить. Мы переезжаем немедленно, как только соберем вещи. В городе у Глории будет достаточно развлечений и достаточно друзей. Это встряхнет ее и заставит забыть о Роботе.
– О господи! – простонал супруг. – Эти раскаленные улицы!..
– Мы должны это сделать, – непреклонно ответила жена. – Глория похудела за месяц на пять фунтов. Здоровье моей девочки для меня важнее твоих удобств.

– Жаль; что ты не подумала о здоровье своей девочки, прежде чем лишить ее любимого робота, – пробормотал он про себя.

Едва Глория узнала о предстоящем переезде, у нее немедленно появились признаки улучшения. Она говорила об этом событии мало, но каждый раз с восторженным ожиданием. Она снова начала улыбаться, и к ней вернулся почти прежний аппетит.

Миссис Вестон была вне себя от радости. Она не упускала ни одной возможности торжествовать победу над своим все еще скептически настроенным супругом.

– Видишь, Джордж, она помогает укладываться, как ангелочек, и щебечет, будто у нее не осталось никаких забот. Я же говорила – нужно заинтересовать ее чем-то другим.

– Гм, – произнес он с сомнением. – Надеюсь.

Сборы закончились быстро. Городская квартира была готова к их приезду, дом оставили на попечение двух соседей. Когда наконец наступил день переезда, Глория выглядела совсем как прежде и ни разу даже не упомянула о Робби. Все в прекрасном настроении уселись в воздушное такси, которое доставило их в аэропорт. Вестон предпочел бы лететь на собственном вертолете, но он был двухместный и без багажного отделения. Они сели в самолет.

– Иди сюда, Глория, – позвала миссис Вестон. – Я заняла место у окна, чтобы тебе все было видно.

Глория радостно уселась к окну, прилипла к толстому стеклу носом, расплющив его в белый кружок, и смотрела как зачарованная. Взревели моторы. Глория была еще слишком мала, чтобы испугаться, когда земля провалилась далеко вниз, как будто сквозь люк, а она сама стала вдвое тяжелее. Но она была уже достаточно большой, чтобы все это вызвало у нее всепоглощающий интерес. Лишь когда земля стала похожа на маленькое лоскутное одеяло, она оторвалась от окна и повернулась к матери.

– Мама, мы скоро будем в городе? – спросила она, растирая замерзший нос и с любопытством следя за тем, как пятнышко пара, оставшееся на стекле от ее дыхания, медленно уменьшалось и понемногу совсем исчезло.

– Через полчаса, дорогая, – ответила мать и спросила с оттенком тревоги в голосе: – Ты рада, что мы едем? Тебе очень понравится в городе – огромные дома, и люди, и всякие вещи... Мы будем каждый день ходить на визитокс, и в цирк, и на пляж...

– Да, мама, – ответила Глория без особого интереса. В этот момент самолет пролетал над облаком, и Глория была поглощена картиной простиравшихся внизу клубов застывшего пара. Потом небо вокруг снова стало безоблачным, и она с таинственным видом повернулась к матери, как будто знала какой-то секрет.

– А я знаю, зачем мы едем в город!

– Да? – Миссис Вестон была озадачена. – Зачем же?

– Вы мне не говорили, потому что хотели, чтобы это был сюрприз, а я все равно знаю. – Она умолкла, восхищенная собственной проницательностью, а потом весело рассмеялась. – Мы едем в Нью-Йорк, чтобы найти Робби, правда? С сыщиками!

В этот момент Джордж Вестон как раз отхлебнул глоток воды. Результат был катастрофическим. Послышалось придушенное восклицание, фонтаном полетели брызги и раздался судорожный кашель. Когда все кончилось, Джордж Вестон, покрасневший и мокрый, остался в крайнем раздражении.

Миссис Вестон сохранила самообладание, но когда Глория повторила свой вопрос уже более тревожным голосом, и ее нервы не выдержали.

– Там видно будет, – ответила она резко. – Неужели ты не можешь посидеть спокойно и немного помолчать?

Нью-Йорк всегда был Меккой для туристов и всех, кто искал развлечений, а в 1998 году он еще больше, чем когда бы то ни было, оправдывал свою репутацию. Родители Глории знали это и использовали, как только могли.

Выполняя требование жены, Джордж Вестон оставил дела на целый месяц, чтобы провести это время, как он выражался, «развлекая Глорию до последней возможности». Как и

все, за что брался Вестон, это было проделано деловито и с максимальным эффектом. Месяц еще не прошел, как было испытано решительно все.

Глория побывала на крыше Рузвельт-Билдинг и с высоты в полмили с трепетом смотрела на зубчатую панораму крыш, уходящих вдаль, до самых лугов Лонг-Айленда и равнин Нью-Джерси. Они посещали зоопарки, где Глория, замирая от страха и блаженства, разглядывала «настоящего живого льва» (она была немного разочарована, увидев, что его кормят сырыми бифштексами, а не людьми, как она ожидала) и настоятельно требовала, чтобы ей показали настоящего кита.

К их услугам были все приманки музеев, парков, пляжей и аквариумов.

Глория плавала вверх по Гудзону на пароходе, построенном в стиле веселых 20-х годов. Она летала на экскурсию в стратосферу, где небо было фиолетовое и испещрено звездами и туманная Земля далеко внизу казалась огромной вогнутой чашей. Она погружалась на подводной лодке со стеклянными стенами в глубины пролива Лонг-Айленд, в зеленый, зыбкий мир, где причудливые морские существа разглядывали ее сквозь стекло и неожиданно, вильнув хвостом, уплывали. Еще одна сказочная страна, пусть более прозаическая, открывалась перед ней в магазинах, куда ее водила миссис Вестон.

В общем, когда месяц прошел, Вестоны были убеждены, что они сделали все возможное, чтобы заставить Глорию раз и навсегда забыть о покинувшем ее Робби. Но они не были уверены, что это удалось.

Где бы Глория ни бывала, она проявляла самый живой интерес ко всем роботам, случавшимся поблизости. Каким бы захватывающим ни было зрелище, которое перед ней развертывалось, каким бы оно ни было новым и невиданным, – она немедленно забывала о нем, как только замечала хоть уголком глаза какой-нибудь движущийся металлический механизм. Поэтому, гуляя с Глорией, миссис Вестон старательно обходила стороной всех роботов.

Развязка наступила в Музее науки и промышленности. Там была устроена специальная выставка для детей, где демонстрировались всевозможные достижения и чудеса науки, приспособленные к детскому разумению. Конечно, эту выставку Вестоны включили в свою обязательную программу.

И в тот момент, когда Вестоны стояли, полностью поглощенные созерцанием мощного электромагнита, миссис Вестон внезапно обнаружила, что Глории с ними нет. Первый приступ паники сменился спокойной решимостью, и с помощью трех сотрудников музея Вестоны приступили к тщательным поискам.

Между тем Глория вовсе не думала бесцельно бродить по музею. Для своего возраста она обладала на редкость решительным и целеустремленным характером и в этом определенно пошла в мать. Она заметила на третьем этаже огромный указатель: «К ГОВОРЯЩЕМУ РОБОТУ». Прочитав его и заметив, что родители не проявляют желания идти в ту сторону, она не стала долго раздумывать, а выждала подходящий момент, когда родители отвлеклись, тихонько отошла и направилась туда, куда звала надпись.

Говорящий Робот представлял собой нечто необыкновенное. Это было совершенно непрактичное устройство, имевшее чисто рекламную ценность... Каждый час к нему пускали группу посетителей в сопровождении экскурсовода. Дежурному инженеру осторожным шепотом задавали вопросы. Те, которые инженер считал подходящими для робота, он сообщал ему.

Все это было довольно скучно. Конечно, хорошо знать, что 14 в квадрате равно 196 , что температура в данный момент $22,2$ по Цельсию, а давление воздуха – $762,508$ мм ртутного столба и что атомный вес натрия 23 .

Но для этого не нужен робот. Особенно такая громоздкая, неподъемная махина из проводов и катушек, занимавшая более двадцати пяти квадратных метров.

Редко кто возвращался к роботу во второй раз. И когда в зал вошла Глория, лишь одна девушка лет пятнадцати тихо сидела на скамейке, ожидая третьего сеанса.

Глория даже не взглянула на нее. В этот момент люди ее не интересовали. Все ее внимание было приковано к огромному механизму на колесах. На какое-то мгновение она зако-

лебалась – Говорящий Робот не был похож на тех, которых она видела до сих пор. Глория нерешительно спросила тоненьким голосом:

– Мистер Робот, простите, пожалуйста, это вы – Говорящий Робот?

Ей почему-то казалось, что с роботом, который говорит по-настоящему, нужно вести себя как можно вежливее.

(На худом, некрасивом лице сидевшей в комнате девушки отразилось напряженное размышление. Она вытащила маленький блокнот и начала что-то быстро писать неразборчивым почерком.)

Послышалось тихое жужжание хорошо смазанных шестерен, и механический голос без всякой интонации прогремел:

– Я... робот... который... говорит.

Глория разочарованно смотрела на робота. Действительно, он говорил, но звуки исходили откуда-то изнутри механизма. У робота не было лица, к которому Можно было бы обращаться.

Она сказала:

– Не можете ли вы мне помочь, мистер Робот?

Говорящий Робот был создан для того, чтобы отвечать на вопросы. До сих пор ему задавали только такие вопросы, на которые он мог ответить. Поэтому он был вполне уверен в своих возможностях.

– Я... могу... помочь... вам.

– Большое спасибо, мистер Робот. Вы не видели Робби?

– Кто... это... Робби?

– Это робот, мистер Робот. – Она приподнялась на цыпочки. – Он примерно вот такого роста, мистер Робот, немножечко выше, и он очень хороший. Знаете, у него есть голова. У вас нет, мистер Робот, а у него есть.

Говорящий Робот не мог за ней поспеть.

– Робот?

– Да, мистер Робот. Как вы, мистер Робот, только он, конечно, не умеет говорить, и он очень похож на настоящего человека.

– Робот... как... я?

– Да, мистер Робот.

В ответ Говорящий Робот только испустил невразумительное шипение, которое время от времени прерывалось какими-то бессмысленными звуками. От него потребовалось смелое обобщение – подумать о себе не как об индивидуальном объекте, а как о части более общей группы, – и это оказалось ему не под силу. Верный своему назначению, он все-таки попытался охватить это понятие, в результате чего полдюжины катушек перегорело, Зажужжали аварийные сигналы.

(В этот момент девушка, сидевшая на скамейке, встала и вышла. У нее накопилось уже достаточно материала для доклада «Роботы с практической точки зрения». Это было первое из многих исследований Сьюзен Кэлвин на эту тему.)

Глория, подавляя нетерпение, ждала ответа. Вдруг она услышала позади себя крик: «Вот она!» – и узнала голос матери.

– Что ты здесь делаешь, противная девчонка?! – кричала миссис Вестон, у которой тревога тут же перешла в гнев. – Ты знаешь, что папа и мама перепугались чуть не до смерти? Зачем ты убежала?

В зал опрометью вбежал дежурный инженер. Схватившись за голову, он потребовал, чтобы ему сообщили, кто из собравшейся толпы испортил машину.

– Вы что, читать не умеете? – кричал он. – Здесь запрещено находиться без экскурсовода!

Глория повысила голос, чтобы ее услышали:

– Я только хотела посмотреть на Говорящего Робота, мама. Я думала, вдруг он знает, где Робби, – ведь они оба роботы.

Снова вспомнив о Робби, она залилась горькими слезами.

– Я должна найти Робби! Мама, мне нужен Робби!

Миссис Вестон, подавив невольное рыдание, сказала:

– О господи! Идем, Джордж! Я больше не могу!

Вечером Джордж Вестон на несколько часов исчез.

На следующее утро он подошел к жене с подозрительно самодовольным видом.

– У меня есть одна мысль, Грейс.

– Какая? – спросила она безучастно.

– Как быть с Глорией.

– Не хочешь ли ты предложить, чтобы мы снова купили этого робота?

– Нет, конечно.

– Ну, тогда я слушаю. Может, хоть ты что-нибудь придумаешь. Все, что я ни делала, ничего не дало.

– Так вот что мне пришло в голову. Все дело в том, что для Глории Робби человек, а не машина. Естественно, что она не может забыть его. А вот если бы нам удалось убедить ее, что Робби – это всего-навсего комбинация стальных листов и медного провода, оживленная электричеством, тогда она перестанет по нему тосковать. Это психологический подход. Понимаешь?

– Как ты предполагаешь это сделать?

– Очень просто. Как ты думаешь, где я был вчера вечером? Я уговорил Робертсона из «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» показать нам завтра его владения. Мы пойдем втроем, и вот увидишь, когда мы все посмотрим, Глория убедится, что робот – не живое существо.

Глаза миссис Вестон широко раскрылись, и в них появилось что-то похожее на восхищение.

– Послушай, Джордж, это неплохая мысль!

Джордж Вестон гордо выпрямился.

– А у меня других не бывает! – заявил он.

Мистер Стразерс был добросовестным управляющим и от природы очень разговорчивым человеком. В результате этой комбинации каждый шаг экскурсии сопровождался подробными – пожалуй, слишком подробными – объяснениями. Тем не менее миссис Вестон слушала внимательно. Она даже время от времени прерывала его и просила кое-что объяснить еще раз, попроще, чтобы было понятно Глории. Столь высокая оценка его рассказа привела мистера Стразерса в благодушное настроение и сделала его еще более многословным, если только это было возможно. Но Вестон слушал его со все растущим нетерпением.

– Извините меня, Стразерс, – сказал он, прерывая на середине лекцию о фотоэлементах, – А есть ли у вас на заводе участок, где работают одни роботы?

– Что? Ах да! Конечно! – Стразерс улыбнулся миссис Вестон, – Некоторым образом, заколдованный круг: роботы производят новых роботов. Конечно, в больших масштабах мы этого не практикуем. Прежде всего потому, что нам не позволили бы профсоюзы. Однако очень небольшое количество роботов действительно изготавливается руками роботов – просто в качестве научного эксперимента. Видите ли, – сняв пенсне, он похлопал им по ладони, – профсоюзы не понимают одного, – а я говорю это как человек, который всегда симпатизировал профсоюзному движению, – они не понимают, что появление роботов, вначале создающее определенные трудности, в будущем неизбежно должно...

– Да-да, Стразерс, – сказал Вестон. – А как насчет того участка, о котором вы говорили? Нам можно на него взглянуть? Это было бы очень интересно.

– Ну, разумеется, – мистер Стразерс судорожным движением надел пенсне и смущенно кашлянул. – Сюда, пожалуйста.

Пока они шли по длинному коридору и спускались по лестнице, Стразерс был относительно молчалив. Но как только они вошли в ярко освещенный зал, наполненный металличе-

ским лязгом, шлюзы открылись и поток объяснений полился с новой силой.

– Вот! – сказал он гордо. – Одни роботы! Пять человек только присматривают за ними – они даже находятся не в этом помещении. За пять лет, с тех пор как мы начали эксперимент, не было ни единой неполадки. Конечно, здесь собирают сравнительно простых роботов, но...

Для Глории слова управляющего давно слились в усыпляющее жужжание. Вся экскурсия казалась ей скучной и бесцельной. Хотя кругом было много роботов, ни один из них не был даже отдаленно похож на Робби, и она смотрела на них с глубоким пренебрежением.

Она заметила, что в этом зале совсем не было людей. Потом ее взгляд упал на шесть-семь роботов, что-то делавших за круглым столом в центре зала. Ее глаза изумленно и недоверчиво раскрылись. Зал был обширный, и она могла ошибаться, но вон тот робот очень похож... очень похож... да, это он!

– Робби!

Ее крик разнесся по всему залу. Один из роботов за столом вздрогнул и уронил инструмент, который держал в руках. От радости Глория забыла обо всем. Проскользнув сквозь ограждение прежде, чем родители успели ее остановить, она спрыгнула на пол, расположенный на несколько футов ниже, и, размахивая руками, кинулась к своему Робби. А трое взрослых остолбенели от ужаса. Они увидели то, чего не заметила взволнованная девочка. Огромный автоматический трактор, тяжело громохая, надвигался на Глорию.

Через какую-то долю секунды Вестон опомнился. Но эта доля секунды решила все, Глорию уже нельзя было догнать. Вестон мгновенно перемахнул через загородку, но это была явно безнадежная попытка. Мистер Стразерс отчаянно замахал рукой, давая знак рабочим остановить трактор. Но рабочие были всего лишь людьми, и им нужно было время, чтобы выполнить команду. Один только Робби действовал без промедления. Гигантскими шагами он устремился навстречу своей маленькой хозяйке. Дальше все случилось почти одновременно. Одним движением руки, ни на мгновение не уменьшив скорости, Робби так стремительно поднял Глорию, что у нее захватило дыхание. Вестон, еще не осознав, что произошло, не то что увидел, а скорее почувствовал, как Робби пронесся мимо него, и растерянно остановился. Трактор проехал по тому месту, где только что находилась Глория, на полсекунды позже Робби, прокатился еще метра три и со скрежетом затормозил.

Отдышавшись и вырвавшись из объятий родителей, Глория радостно бросилась к Робби. Она знала лишь одно – ее друг нашелся!

Но на лице миссис Вестон радость сменилась подозрением. Она повернулась к мужу. Несмотря на волнение и растрепанные волосы, вид у нее был внушительный.

– Это ты подстроил?

Джордж Вестон вытер вспотевший лоб. Его рука тряслась, а губы могли сложиться лишь в дрожащую, крайне жалкую улыбку. Миссис Вестон продолжала:

– Робби не предназначался для работы на заводе. Это ты нарочно устроил так, чтобы его посадили здесь и чтобы Глория его нашла. Это все ты подстроил.

– Ну, я, – сказал Вестон. – Но, Грейс, откуда я мог знать, что встреча будет такой бурной? И потом, Робби спас ей жизнь – ты должна это признать. Ты не можешь снова его отослать.

Грейс Вестон задумалась. Она рассеянно взглянула в сторону Глории и Робби. Глория так крепко обхватила шею робота, что будь на его месте существо из плоти и крови, оно бы давно задохнулось. Вне себя от счастья, девочка оживленно шептала какую-то чепуху на ухо роботу. Руки Робби, отлитые из хромированной стали и способные завязать узлом двухдюймовый стальной стержень, нежно обвивались вокруг девочки, а его глаза светились темно-красным светом.

– Ну ладно, – сказала наконец миссис Вестон, – пожалуй, пусть он остается у нас, пока его ржавчина не съест.

IV. Кое-что о гуманоидных роботах

Соберемся вместе

Let's Get Together (1957)

Перевод: Я. Монстров

Мир длился сто лет, и люди забыли, что может быть по-другому. И не знали, как действовать, обнаружив, что началось что-то вроде войны.

И, конечно, Илиас Линн, глава бюро роботики, не знал, как ему реагировать, когда он услышал об этом. Главное управление бюро роботики размещалось в Шайенне, в соответствии с тенденцией к децентрализации, и Линн недоверчиво смотрел на молодого офицера службы безопасности из Вашингтона, сообщившего ему эту новость.

Илиас Линн – рослый мужчина, внешне очень простой, с бледно-голубыми, слегка выпуклыми глазами. Под взглядом этих глаз люди обычно начинали ежиться, но офицер службы безопасности оставался спокоен.

Линн решил, что его первой реакцией должно быть недоверие. Дьявол, и ведь на самом деле невероятно! Он просто не может в это поверить!

Он откинулся в кресле и сказал:

– Насколько достоверна эта информация?

Офицер, представившийся как Ральф Дж. Брекенридж и предъявивший соответствующее удостоверение, сохранил юношескую мягкость: полные губы, пухлые щеки, которые легко покрывались краской, невинные глаза. Одежда его не соответствовала стилю Шайенна, но была обычной для Вашингтона с его кондиционерами; а именно в Вашингтоне, несмотря на децентрализацию, размещалась служба безопасности.

Брекенридж вспыхнул и ответил:

– Она абсолютно достоверна.

– Ну, вы все о Них знаете, вероятно, – сказал Линн, не в силах скрыть сарказм в голосе. Он сознавал, что подчеркивает местоимение, относящееся к врагу: в письменной форме это соответствовало бы заглавной букве. Таково обыкновение этого поколения и предшествовавшего ему. Никто не говорил больше «восток», или «красные», или «Советы», или «русские». Это приводило бы к недоразумениям, потому что Они не все были на востоке, не все были красными или Советами и особенно русскими. Гораздо проще говорить Мы и Они, и гораздо точнее.

Путешественники часто сообщали, что у Них то же самое. Там Они это «Мы» (на соответствующем языке), и Мы обозначаемся как «Они».

Вряд ли кто-нибудь еще размышлял об этом. Все очень удобно и привычно. Даже ненависть исчезла. Вначале это состояние называлось холодной войной. Теперь всего лишь игра, почти добродушная, с неписаными правилами и ореолом приличия.

Линн резко спросил:

– Зачем Им нарушать равновесие?

Он встал и остановился у настенной карты мира, окрашенной в два цвета. В левой части карты основная краска – светло-зеленая. И небольшие неправильные участки розового цвета. Мы и Они.

За сто лет карта почти не меняется. Последними значительными территориальными изменениями были утрата Тайваня и приобретение Восточной Германии около восьмидесяти лет назад.

Но было другое изменение, и очень значительное. Изменение расцветки. Два поколения назад Их территория окрашивалась грозным кроваво-красным цветом, Наша – чистая незапятнанная белизна. Теперь же даже цвета стали нейтральными. Линн видел Их карты, там то же самое.

– Они этого не сделают, – сказал он.

– Уже делают, – ответил Брекенридж, – и вам лучше принять этот факт. Конечно, сэр, я

понимаю: вам неприятно думать, что Они впереди Нас в роботике.

Глаза его, как и прежде, оставались невинны, но слова причинили боль, и Линн вздрогнул.

Конечно, понятно, почему глава бюро роботики узнает в последнюю очередь и от офицера службы безопасности. Во мнении правительства он упал; если есть действительно оставание в области роботики, Линну не стоит рассчитывать на милосердие со стороны политиков.

Линн устало сказал:

– Даже если ваши слова справедливы, Они не могут уйти далеко от Нас. Мы умеем создавать гуманоидных роботов.

– Правда, сэр?

– Да. Кстати, мы уже построили несколько экспериментальных образцов.

– А Они сделали это десять лет назад. С тех пор Они ушли вперед на десять лет.

Линн был обеспокоен. Неужели это просто результат уязвленной гордости и страха за свою репутацию? Такая возможность смущала его, и все же он вынужден защищаться.

Он сказал:

– Послушайте, молодой человек, равновесие между Нами и Ими никогда не было совершенным во всех деталях. В том или ином вопросе то Они, то Мы все время вырывались вперед. Если Они опередили Нас в роботике, значит, приложили к ней больше усилий, чем Мы. А это означает, что в какой-то другой области Мы прикладывали больше усилий и вырвались вперед. Может быть, в исследованиях силовых полей или гиператомике.

Собственное утверждение о несовершенстве равновесия расстроило Линна. Это справедливо, но в этом скрывается и величайшая опасность для мира. Мир зависит от того, насколько совершенно равновесие. Если небольшие нарушения равновесия, которые существовали всегда, слишком вырастут в том или другом направлении...

Почти с самого начала холодной войны обе стороны создали термоядерное оружие, и война стала невыносимой. Соревнование из военной области перешло в экономическую и психологическую и таким и оставалось все время.

Но всегда стороны пытались нарушить равновесие, парировать достижение соперников, самим добиться такого, что невозможно отразить, – пытались придумать что-нибудь такое, что снова сделало бы возможной войну. И не потому что стороны так хотели войны, но потому что каждая боялась, что противоположная сторона сделает открытие первой.

В течение ста лет шла эта борьба на равных. И уже сто лет сохраняется мир, а как побочный продукт интенсивных исследований возникли силовые поля, использование солнечной энергии, контроль за насекомыми и роботы. Обе стороны делали первые шаги в постижении менталики – так была названа наука о физикохимической и биопсихической природе мысли. Каждая сторона имела станции на Луне и Марсе. Человечество на принудительной тяге огромными шагами шло вперед.

Для обеих сторон было необходимо сохранять приличия и человечность, вопреки жестокостям и тирании.

Не может быть, чтобы равновесие нарушилось и началась война.

Линн сказал:

– Я хочу посоветоваться с одним из моих людей. Хочу знать его мнение.

– Ему можно доверять?

Линн с отвращением взглянул на него.

– Боже, все наши люди проверены и просвечены до смерти вашей службой! Да, я ручаюсь за него. Если нельзя доверять такому человеку, как Хэмфри Карл Ласло, значит мы вообще не сможем ничего противопоставить их удару.

– Я слышал о Ласло, – заметил Брекенридж.

– Он подходит?

– Да.

– Хорошо. Пригласим его и узнаем, что он думает о возможности вторжения роботов в

США.

– Не совсем так, – негромко возразил Брекенридж. – Вы все еще не восприняли всю правду. Узнаем, что он думает об уже осуществленном вторжении роботов в США.

Ласло – внук венгра, прорвавшегося сквозь так называемый железный занавес, он всегда чувствует себя вне подозрений. У него плотное телосложение, лысина и постоянное сварливое выражение на лице с курносый носом. Но произношение у него гарвардское, и говорит он обычно излишне вкрадчиво.

Для Линна, который после многих лет административной работы понимал, что отстал от науки, Ласло был удобным источником различных познаний. В присутствии этого человека Линн почувствовал себя увереннее.

– Ну, что вы думаете? – спросил Линн.

Лицо Ласло исказила яростная гримаса.

– Они далеко опередили Нас? Абсолютно невозможно. Это означало бы, что Они создают гуманоидов, неотличимых от человека на близком расстоянии. Это означало бы значительный прогресс в робоменталике.

– Вы заинтересованы лично, – холодно заметил Брекенридж. – Оставляя в стороне профессиональную гордость, почему вы считаете невозможным, чтобы Они опередили Нас?

Ласло пожал плечами.

– Уверяю вас, я хорошо знаю Их литературу по роботике. И примерно представляю себе, где Они находятся.

– Вернее, как Они хотят, чтобы вы представляли себе это, – поправил Брекенридж. – Вы когда-нибудь бывали на той стороне?

– Нет, – коротко ответил Ласло.

– А вы, доктор Линн?

– Тоже нет.

Брекенридж спросил:

– За последние двадцать пять лет кто-нибудь из специалистов по роботике приезжал с той стороны? – Вопрос он задавал уверенно. Знал ответ.

На несколько секунд повисло тяжелое молчание. Лицо Ласло приняло беспокойное выражение. Он сказал:

– Кстати, Они уже давно не проводят конференции по роботике.

– Двадцать пять лет, – сказал Брекенридж. – Разве не интересно?

– Возможно, – неохотно согласился Ласло. – Но меня беспокоит кое-что еще. Никто из Них не приезжал на Наши конференции по роботике. Не могу припомнить ни одного случая.

– Их приглашали? – спросил Брекенридж.

Линн, удивленный и встревоженный, вмешался:

– Конечно.

Брекенридж спросил:

– А от других конференций, которые Мы проводим, Они тоже отказываются?

– Не знаю, – ответил Ласло. Теперь он расхаживал по кабинету. – Ничего такого не слышал. А вы, шеф?

– Нет, – сказал Линн.

Брекенридж заметил:

– Похоже, Они не хотят отвечать на такие приглашения. Или боятся, что кто-нибудь из Их людей скажет слишком много.

Да, кажется, так. Линн с ощущением беспомощности почувствовал, что сведения службы безопасности все же истинны.

Чем иным объяснить прекращение всех контактов в области роботики? Многие годы, начиная со времен Эйзенхауэра и Хрущева, существовал двусторонний плодотворный обмен исследованиями. Для этого было множество оснований: честное признание сверхнационального характера науки; стремление к дружбе, которое невозможно уничтожить у всех людей;

стремление сопоставить свой слегка застоявшийся взгляд с другим, более свежим взглядом со стороны.

Правительства были заинтересованы в этом. Всегда считалось, что, узнавая как можно больше и говоря как можно меньше, есть возможность получить преимущество.

Но не в роботике. Не в этой области.

Из таких небольших сопоставлений складывается убежденность. Ведь все это они знали. Линн мрачно подумал: «Мы были слишком самодовольны».

Поскольку противоположная сторона ничего внешне не делала в области роботики, так приятно было самодовольно верить в свое преимущество. Почему ему не пришло в голову, что противоположная сторона получила козырные карты и ждет только удобного случая?

Ласло потрясенно спросил:

– Что же нам делать? – Очевидно, ему пришли в голову те же мысли.

– Делать? – повторил Линн. Трудно размышлять, когда охватывает ужас. Ужас при мысли, что где-то в Соединенных Штатах находятся десять гуманоидных роботов, и у каждого часть бомбы ПП.

ПП! Самый большой ужас атомной эры. ПП! Полное превращение вещества! Солнце больше не подходящий синоним. Полное превращение вещества делает солнце дешевой свечкой.

Десять гуманоидов, в отдельности каждый абсолютно безвреден, но, собравшись вместе, они создают критическую массу и...

Линн тяжело встал, темные мешки под глазами, обычно придававшие его лицу выражение тяжелого предчувствия, стали еще заметнее.

– Нам нужно разработать метод отличения гуманоидов от людей, а потом отыскать этих гуманоидов.

– Как быстро? – спросил Ласло.

– Не позже чем за пять минут до того, как они соберутся вместе, – ответил Линн, – а я не знаю, когда это будет.

Брекенридж кивнул.

– Я рад, что вы теперь с нами, сэр. Я отвезу вас в Вашингтон на совещание.

Линн приподнял брови.

– Хорошо.

Он подумал, что если бы сомневался еще какое-то время, его просто сменили бы. Может, уже сейчас новый глава бюро роботики проводит совещания в Вашингтоне. И ему вдруг искренне захотелось, чтобы так и было.

Присутствовали первый помощник президента, министр по делам науки, начальник службы безопасности, сам Линн и Брекенридж. Впятером сидели они за столом в подземелье одной из крепостей вблизи Вашингтона.

Помощник президента Джеффрис, внушительный человек, красивый красотой бело-снежной шевелюры и впечатляющих челюстей, надежный, умный, ненавязчивый и вежливый, как и подобает помощнику президента.

Он резко сказал:

– Насколько я понимаю, перед нами три вопроса. Первое. Когда эти гуманоиды соберутся? Второе. Где они соберутся? И третье. Как нам помешать им собраться?

Министр науки Эмберли кивнул. До своего назначения он был деканом инженерного факультета Северо-Западного университета. Это худой человек с острыми чертами лица. Указательным пальцем он медленно чертил на столе круги.

– Относительно того, когда они соберутся, – заметил он, – я считаю, что это будет еще не сейчас.

– Почему? – спросил Линн.

– Они уже не меньше месяца в Штатах. Так утверждает служба безопасности.

Линн автоматически взглянул на Брекенриджа, и начальник службы безопасности Ма-

калистер перехватил этот взгляд. Макалистер сказал:

– Информация надежная. Пусть Брекенридж не кажется вам слишком юным, Линн. Поэтому в частности он для нас и ценен. На самом деле ему тридцать четыре года, и он уже десять лет у нас на службе. Он почти год провел в Москве, и без него эта ужасная опасность так и не стала бы нам известна. А благодаря ему мы все знаем в подробностях.

– Но не в самых важных, – заметил Линн.

Макалистер холодно улыбнулся. Публике были хорошо известны его тяжелый подбородок и близко посаженные глаза, но больше почти ничего. Он сказал:

– В конечном счете мы все всего лишь люди, доктор Линн. Агент Брекенридж проделал отличную работу.

Вмешался помощник президента Джеффрис.

– Допустим, у нас имеется некоторое время. Если бы были необходимы немедленные действия, они бы уже были предприняты. Похоже, они ждут какого-то определенного срока. Если мы узнаем место, может, станет очевидным и время.

– Если они собираются использовать ПП, то захотят причинить нам максимальный ущерб. Кажется, целью будет большой город. Во всяком случае большой мегаполис – единственная достойная бомбы ПП цель. Мне кажется, у нас четыре возможности: Вашингтон, административный центр; Нью-Йорк, финансовый центр; Детройт и Питсбург как главные промышленные центры.

Макалистер сказал:

– Я за Нью-Йорк. Администрация и промышленность децентрализованы, и уничтожение одного города не помешает нанести ответный удар.

– Тогда почему же Нью-Йорк? – спросил министр науки Эмберли, может, чуть резче, чем намеревался. – Финансы тоже децентрализованы.

– Вопрос морали. Может быть, они хотят уничтожить нашу волю к сопротивлению, заставить сдаться после ужаса первого удара. Больше всего людей погибнет в Нью-Йорке...

– Очень хладнокровно, – прошептал Линн.

– Да, – согласился Макалистер, – но они способны на это, если считают, что один удар может принести им победу. А разве мы...

Помощник президента Джеффрис пригладил свои белоснежные волосы.

– Будем готовиться к худшему. Предположим, что в течение зимы Нью-Йорк будет уничтожен, возможно, сразу после сильной бури, когда прерывается связь и службы жизнеобеспечения соседних районов пострадают больше всего. Как же нам их остановить?

Эмберли смог только ответить:

– Найти десять человек среди двухсот двадцати миллионов все равно что очень маленькую иглу в очень большом стогу сена.

Джеффрис покачал головой.

– Вы неточно выразились. Десять гуманоидов среди двухсот двадцати миллионов человек.

– Какая разница? – возразил Эмберли. – Мы не знаем, чем внешне гуманоид отличается от человека. Может, совсем не отличается. – Он взглянул на Линна. Все смотрели на него.

Линн тяжело сказал:

– Мы в Шайенне не смогли сделать гуманоида, который при дневном свете не отличался бы от человека.

– А Они смогли, – ответил Макалистер, – и не только физически. Мы в этом уверены. Они настолько продвинулись, что могут считывать микроэлектронный рисунок мозга и переносить его на позитронный мозг робота.

Линн пораженно смотрел на него.

– Вы хотите сказать, что они могут создать точную копию человека, включая его образ мыслей и воспоминания?

– Да.

– Какого-нибудь конкретного человека?

- Верно.
- Это тоже установил агент Брекенридж?
- Да. Данные неоспоримы.

Линн на мгновение задумался. Потом сказал:

– Десять человек в Штатах не люди, а гуманоиды. Но для них нужны оригиналы. Людьями Востока они не могут быть, их легко заподозрить, значит они должны быть с Запада. Как иначе могли бы они попасть к нам? Радарная сеть по обе стороны границы непроходима. Как иначе им направить к нам индивидуума, человека или гуманоида, так чтобы мы не знали?

Макалистер ответил:

– Это возможно. Есть и законный проезд через границу. Бизнесмены, летчики, даже туристы. За ними, конечно, наблюдают с обеих сторон. И тем не менее десять человек были похищены и использованы как модели для гуманоидов. Вместо них вернулись гуманоиды. Мы не ожидали подмены, и они благополучно прошли. А если они американцы, то без всякого труда попадают к нам. Очень просто.

– И даже друзья и семьи не заметили разницы?

– По-видимому. Поверьте, мы просмотрели все источники в поисках сообщений о внезапной амнезии или странном изменении личности. Проверили тысячи случаев.

Эмберли смотрел на кончики пальцев.

– Мне кажется, обычные меры не сработают. Решение должно исходить из бюро роботики, и я полагаюсь на главу этого бюро.

И все в ожидании посмотрели на Линна.

Линн чувствовал, как в нем поднимается горечь. Ему казалось, что именно для этого и собирали совещание. Все сказанное на нем было сказано и раньше. Он уверен в этом. Не было решения проблемы, не было сделано никаких предложений. Все делалось для записи, для протокола, эти люди смертельно боятся и хотят, чтобы вся ответственность легла на кого-нибудь другого.

И тем не менее это справедливо. Именно в роботике Мы отстали. А Линн не просто Линн. Он глава бюро роботики и несет за него ответственность.

Он сказал:

– Я сделаю, что смогу.

Он провел бессонную ночь, и напряжение, физическое и духовное, давало себя знать, когда на следующее утро он снова попросил встречи с помощником президента Джеффрисом. Присутствовал и Брекенридж, и хотя Линн предпочел бы беседу с глазу на глаз, он понимал оправданность этого. Очевидно, Брекенридж приобрел большое влияние в правительстве в результате своей успешной работы в безопасности. И почему бы и нет?

Линн сказал:

– Сэр, я рассматриваю возможность, что мы поддались на вражеский обман.

– Каким образом?

– Я уверен, что хотя временами публика становится нетерпеливой, хотя законодатели иногда считают целесообразным разглагольствовать, наше правительство сознает благотворность равновесия. И Они тоже это сознают. Десять гуманоидов с одной бомбой – слишком тривиальный способ нарушить равновесие.

– Гибель пятнадцати миллионов человек вряд ли можно назвать тривиальной.

– Но это не настолько деморализует нас, чтобы мы сдались, не настолько нам поверит, чтобы мы не могли сопротивляться. И начнется та самая смертоносная всепланетная война, которой обе стороны успешно до сих пор избегали. Они заставят нас бороться изо всех сил минус один город. Но этого недостаточно.

– И что же вы предполагаете? – холодно спросил Джеффрис. – Что Они не заслали десять гуманоидов к нам в страну? Что не будет взрыва бомбы ПП, когда они соберутся вместе?

– Я признаю, что они здесь, но, может, по другой причине.

– По какой же?

– Возможно, физические разрушения, которые возникнут в результате встречи десяти гуманоидов, не самое страшное, что нас ожидает. Последует моральное и интеллектуальное разложение. Со всем уважением к агенту Брекенриджу, а может, Они хотели, чтобы Мы узнали о гуманоидах? Что если гуманоиды и не должны собираться вместе, просто это для нас повод беспокоиться?

– Зачем?

– Ответьте мне. Какие меры уже были приняты? Вероятно, служба безопасности проверяет дела всех, кто когда-либо пересекал границу или был к ней достаточно близок для похищения. Макалистер вчера упоминал, что проверяются случаи болезней. Что еще?

Джеффрис ответил:

– В ключевых местах больших городов устанавливаются маленькие приборы с Х-лучами. Например, на стадионах...

– Где десять гуманоидов среди сотен тысяч зрителей могут проникнуть на футбол или на матч по воздушному поло?

– Совершенно верно.

– А концертные залы и церкви?

– Нужно с чего-то начать. Мы не можем все сразу.

– Особенно, если нужно избежать паники, – сказал Линн. – Разве не так? Публика не должна сознавать, что в какой-то непредсказуемый момент неизвестно какой город со всеми своими обитателями вдруг перестанет существовать.

– Это очевидно. К чему вы ведете?

Линн напряженно сказал:

– Все большая часть усилий нации будет направляться на решение проблемы, которую Эмберли назвал поисками очень маленькой иглы в очень большом стогу. Мы будем изо всех сил гнаться за своим хвостом, а они тем временем достигнут в своих разработках такого пункта, когда мы уже не сможем их догнать; и тогда нам придется сдаться, мы даже пальцами щелкнуть, чтобы отомстить, не сможем.

– Предположим далее, что все больше и больше людей будут вовлечены в это дело. Новость неизбежно просочится, люди начнут понимать, что происходит. Что тогда? Паника принесет больше вреда, чем бомба ПП.

Помощник президента раздраженно спросил:

– Во имя неба, что вы тогда предлагаете делать?

– Ничего, – ответил Линн. – Признаем, что они блефуют. Будем жить как прежде и надеяться, что Они не рискнут нарушить равновесие ради одной бомбы.

– Невозможно! – сказал Джеффрис. – Совершенно невозможно. Благополучие всех нас в основном в моих руках, и я не могу ничего не делать. Я согласен с вами, что Х-приборы на стадионах неэффективная мера, но это нужно сделать хотя бы для того, чтобы впоследствии люди не подумали, что мы ничего не предпринимали. Наш контрудар будет достаточно активным.

– Каким образом?

Помощник президента Джеффрис взглянул на Брекенриджа. Молодой офицер безопасности, до того молчавший, сказал:

– Бесполезно говорить о возможном нарушении равновесия в будущем. Оно уже нарушено. Неважно, взорвутся ли эти гуманоиды или нет. Может, это всего лишь приманка, как вы говорите. Но остается фактом, что мы на четверть столетия отстали в роботике, и это может стать фатальным. Какие еще открытия в роботике удивят нас, если начнется война? Единственный ответный ход – немедленно вложить все усилия нации в ускоренную программу развития роботики, и первая проблема – отыскать гуманоидов. Назовите это упражнением в роботике, если хотите, или предотвращением гибели пятнадцати миллионов человек: мужчин, женщин, детей.

Линн беспомощно покачал головой.

– Нельзя. Вы играете Им на руку. Они хотят заманить нас в тупик, а сами смогут свободно развивать другие направления.

Джеффрис нетерпеливо сказал:

– Это всего лишь ваше предположение. Брекенридж внес предложение, правительство его одобрило, и мы уже начали подготовку конференции представителей всех наук.

– Всех наук?

Брекенридж объяснил:

– Мы определили всех наиболее известных ученых во всех областях естественных наук. Все они съедутся в Шайенн. В повестке будет только один пункт: как развивать робототехнику. Основной подзаголовок: создание приемника электромагнитного излучения коры головного мозга, который сможет различать протоплазматический мозг человека и позитронный мозг робота.

Джеффрис сказал:

– Мы надеемся, что вы возглавите подготовку к этой конференции.

– Со мной не посоветовались.

– Очевидно, не было времени, сэр. Вы согласны возглавить ее?

Линн слегка улыбнулся. Опять вопрос об ответственности. Ответственность будет нести глава бюро робототехники Линн. Но он чувствовал, что на самом деле всем будет руководить Брекенридж. Что же ему желать?

Он сказал:

– Я согласен.

Брекенридж и Линн вместе вернулись в Шайенн, и в тот же вечер Ласло с мрачным недоверием слушал рассказ Линна.

Ласло сказал:

– Пока вы отсутствовали, шеф, я начал тестирование пяти экспериментальных моделей гуманоидов. Наши люди работают по двенадцать часов в три перекрывающиеся друг друга смены. Если предстоит конференция, тут все будет переполнено, да и бюрократы все задержат. Работы прекратятся.

Брекенридж ответил:

– Это только временно. Вы приобретете больше, чем потеряете.

Ласло нахмурился.

– Толпа астрофизиков и геохимиков не очень поможет нам в робототехнике.

– Взгляд специалиста из другой области может оказаться полезным.

– Вы уверены? Откуда мы знаем, что можно принимать электромагнитное излучение мозга? А если и можно, то есть ли отличия излучения мозга человека от мозга гуманоида? Кто инициатор этого проекта?

– Я, – сказал Брекенридж.

– Вы? Вы специалист в робототехнике?

Молодой агент службы безопасности спокойно ответил:

– Я изучал робототехнику.

– Это не одно и то же.

– У меня был доступ к документам русских о робототехнике – на русском языке. Совершенно секретные материалы, намного превосходящие ваши исследования.

Линн печально сказал:

– Тут он прав, Ласло.

– На основании этих материалов, – продолжал Брекенридж, – я и предложил именно такое направление работы. Очевидно, нельзя абсолютно точно наложить запись человеческого мозга на позитронный. Самый сложный позитронный мозг, который достаточно мал, чтобы поместиться в черепной коробке человека, в сотни раз проще человеческого. Он не может усвоить все обертоны, и этим необходимо воспользоваться.

На Ласло это произвело впечатление, и Линн мрачно улыбнулся. Легко отвергать самого Брекенриджа и толпу из нескольких сотен ученых, но проблема сама по себе заманчивая. По крайней мере можно утешаться хоть этим.

Мысль возникла незаметно.

Линн обнаружил, что ему нечего делать. Только сидеть в кабинете, потому что его руководство стало номинальным. Может, это и помогло. У него появилось время думать, представить себе, как выдающиеся ученые половины мира собираются в Шайенне.

Всей подготовкой с холодной эффективностью руководил Брекенридж. Он уверенно говорил:

– Соберемся вместе и победим Их.

Соберемся вместе.

Мысль пришла неожиданно, и если бы кто-нибудь в это время смотрел на Линна, то увидел бы, как он дважды мигнул. Но больше ничего.

Он продолжал действовать с холодной отстраненностью, которая помогала ему сохранить спокойствие, когда по всем основаниям он должен был бы сходить с ума.

Он разыскал Брекенриджа в его импровизированном кабинете. Брекенридж был один. Он нахмурился.

– Что-нибудь не так, сэр?

Линн устало ответил:

– Все в порядке. Я применил закон военного времени.

– Что?

– Как глава подразделения я имею право принимать любые необходимые меры. Я могу быть диктатором в своем подразделении. Одно из преимуществ децентрализации.

– Вы должны немедленно отменить это решение. – Брекенридж сделал шаг вперед. – Когда в Вашингтоне узнают об этом, с вами будет покончено.

– Со мной уже покончено. Думаете, я не понимаю, что мне предназначена роль величайшего негодяя Америки: человека, позволившего Им нарушить равновесие? Мне нечего терять – а приобрести я могу многое.

Он слегка истерически рассмеялся.

– Какая цель – бюро роботики, а, Брекенридж? Всего несколько сот человек будут убиты ПП бомбой, способной за одну микросекунду выжечь все живое в трехстах милях. Но среди этих людей наши величайшие ученые. Нам придется либо вести войну без лучших умов, либо сдаться. Я думаю, мы бы сдались.

– Но это невозможно! Линн, вы меня слышите? Понимаете? Как гуманоиды минуют нашу охрану? Как они соберутся вместе?

– Но они уже собираются. И мы им в этом помогаем. Наши ученые посещали ту сторону, Брекенридж. Они регулярно навещают Их. Вы правильно заметили, что среди них не было только специалистов по роботике. Что ж, десять ученых и сейчас там, а вместо них в Шайенн собираются гуманоиды.

– Нелепое предположение.

– Мне оно кажется разумным, Брекенридж. Но оно не появилось бы, если бы мы не знали, что гуманоиды уже в Америке, и не созвали бы конференцию. Какое совпадение: вы сообщили о гуманоидах, вы предложили проведение конференции, вы предложили повестку, вы готовите шоу, вы точно знаете, какие именно ученые приглашены. Вы уверены, что включены все десять?

– Доктор Линн! – гневно воскликнул Брекенридж. Он сделал шаг вперед.

Линн сказал:

– Не шевелитесь. У меня бластер. Мы подождем, пока эти ученые не соберутся здесь один за другим. И всех просветим X-лучами. И измерим их радиоактивность. Без проверки ни один из них не встретится с другим, а когда все пятьсот будут проверены, я отдам свой бластер и сдамся вам. Но думаю, мы найдем этих гуманоидов. Садитесь, Брекенридж.

Они оба сели.

Линн сказал:

– Подождем. Когда я устану, меня сменит Ласло. Подождем.

Профессор Мануэль Хименес из буэнос-айресского Института высших исследований взорвался в самолете на высоте в три мили над долиной Амазонки. Простой химический взрыв, но погиб весь самолет.

Доктор Герман Лейбовиц из Массачусетского технологического взорвался в монорельсе, убив двадцать человек и ранив сотню. Аналогичным образом доктор Огюст Марин из Ядерного института Монреаля и семеро остальных погибли на пути в Шайенн.

Ласло, бледный, запинаящийся, влетел с новостью о взрывах. Прошло всего два часа, как Линн сидел перед Брекенриджем с бластером в руке.

Ласло сказал:

– Я думал, вы спятели, шеф, но вы оказались правы. Они гуманоиды. Иначе быть не может. – Он с ненавистью посмотрел на Брекенриджа. – Но их предупредили. Он их предупредил, и теперь только он остался. Некого изучать.

– Боже! – воскликнул Линн, торопливо прицелился и выстрелил. Шея Брекенриджа исчезла. Торс упал. Голова покатила по полу.

Линн простонал:

– Я не понимал. Считал его просто предателем.

Ласло стоял неподвижно, с раскрытым ртом, неспособный произнести звук.

Линн лихорадочно заговорил:

– Конечно, он предупредил их. Но как он мог это сделать сидя передо мной? У него встроенное радио. Понимаете? Брекенридж был в Москве. Настоящий Брекенридж все еще там. Боже, их было одиннадцать.

Ласло смог хрипло спросить:

– А почему он не взорвался?

– Вероятно, тянул время, чтобы убедиться, что остальные получили сообщение и самоуничтожились. Боже, Боже, когда вы сообщили новость и я все понял, мне казалось, я не успею выстрелить. Бог один знает, на сколько секунд я его опередил.

Ласло потрясенно сказал:

– По крайней мере у нас есть один для изучения. – Он наклонился и коснулся пальцами густой жидкости, которая вытекала из безголового тела.

Это была не кровь, а высококачественное машинное масло.

Зеркальное отражение

Mirror Image (1972)

Перевод: И. Гурова

Лидж Бейли только-только решил снова раскурить трубку, как дверь его кабинета внезапно распахнулась, причем в нее даже не постучали. Бейли раздраженно оглянулся – и уронил трубку. Он так и оставил ее валяться на полу, что ясно показывает, до какой степени он был удивлен.

– Р. Даниил Олив! – воскликнул он в неопишемом волнении. – Черт побери, это же вы?!

– Вы совершенно правы, – ответил вошедший. Его загорелое лицо с удивительно правильными чертами оставалось невозмутимым. – Я очень сожалею, что потревожил вас, войдя без предупреждения, но ситуация весьма щекотливая, и чем меньше о ней будут знать другие люди и роботы, даже из числа ваших сослуживцев, тем лучше. Сам же я очень рад вновь увидиться с вами, друг Элидж.

И робот протянул правую руку жестом таким же человеческим, как и весь его внешний

вид. Однако Бейли настолько растерялся, что несколько секунд недоуменно смотрел на протянутую руку, прежде чем схватил ее и горячо потряс.

– Но все-таки, Даниил, почему вы тут? Конечно, я всегда рад вас видеть, но... Что это за щекотливая ситуация? Опять какие-нибудь всепланетные неприятности?

– Нет, друг Элидж! Ситуация, которую я назвал щекотливой, на первый взгляд может показаться пустяком. Всего лишь спор между двумя математиками. Но поскольку мы совершенно случайно были на расстоянии одного броска от Земли...

– Значит, этот спор произошел на межзвездном лайнере?

– Вот именно. Пустячный спор; но для людей, в нем замешанных, это отнюдь не пустяк.

Бейли не сдержал улыбки.

– Я не удивлюсь, что поступки людей кажутся вам неожиданными. Люди ведь не подчиняются Трем Законам, как вы, роботы.

– Об этом можно только пожалеть, – с полной серьезностью ответил Р. Дэниил. – И кажется, сами люди не способны понимать друг друга. Но вы, возможно, понимаете их лучше, чем люди, обитающие на других планетах, так как Земля населена гораздо гуще. Потому-то, мне кажется, в ваших силах нам помочь.

Р. Дэниил на мгновение умолк, а затем добавил, пожалуй, с излишней торопливостью:

– Однако некоторые правила человеческого поведения я усвоил достаточно хорошо и теперь замечаю, что нарушил требования элементарной вежливости, не спросив, как поживают ваша жена и ваш сын.

– Прекрасно. Парень учится в колледже, а Джесси занялась политикой. Ну, а теперь все-таки скажите мне, каким образом вы здесь очутились.

– Я же упомянул, что мы находились на расстоянии короткого броска от Земли, – сказал Р. Дэниил, – И я рекомендовал капитану обратиться за советом к вам.

– И капитан согласился? – спросил Бейли, которому как-то не верилось, что капитан межзвездного лайнера решил сделать непредвиденную посадку из-за какой-то чепухи.

– Видите ли, – объяснил Р. Дэниил, – он попал в такое положение, что согласился бы на что угодно. К тому же я всячески вас расхваливал, хотя, разумеется, говорил только правду, несколько не преувеличивая, И наконец, я взялся вести все переговоры так, чтобы ни пассажирам, ни команде не пришлось покидать корабля, нарушая тем самым карантин.

– Но что все-таки произошло? – нетерпеливо спросил Бейли.

– В числе пассажиров космолета «Эта Карины» находятся два математика, направляющиеся на Аврору, чтобы принять участие в межзвездной конференции по нейробиофизике. И недоразумение возникло именно между этими математиками – Альфредом Барром Гумбольдтом и Дженнаном Себбетом. Может быть, вы, друг Элидж, слышали о них?

– Нет! – решительно объявил Бейли. – Я в математике ничего не смыслю. Послушайте, Дэниил, – вдруг спохватился он. – Вы, надеюсь, не говорили капитану, что я знаток в математике или...

– Конечно нет, друг Элидж. Мне это известно. Но это не имеет значения, так как математика совершенно не связана с сутью спора.

– Ну ладно, валяйте дальше.

– Раз вы ничего о них не знаете, друг Элидж, я хотел бы сообщить вам, что доктор Гумбольдт – один из трех крупнейших математиков Галактики с давно установившейся репутацией. Доктор Себбет, с другой стороны, очень молод, ему нет еще и пятидесяти, но он уже заслужил репутацию выдающегося таланта, занимаясь наиболее сложными проблемами современной математики.

– Следовательно, оба – великие люди, – заметил Бейли. Тут он вспомнил про свою трубку и поднял ее, но решил пока не закуривать. – Что же произошло? Убийство? Один из них втихомолку прикончил другого?

– Один из этих людей, имеющих самую высокую репутацию, пытается уничтожить репутацию другого. Если не ошибаюсь, по человеческим нормам это считается чуть ли не хуже

физического убийства.

– В некоторых ситуациях – пожалуй. Ну, так кто же из них покушаемся на репутацию другого?

– В этом-то, друг Элидж, и заключается суть проблемы. Кто из них?

– Говорите же!

– Доктор Гумбольдт излагает случившееся совершенно четко. Вскоре после того, как космолет стартовал, он внезапно сформулировал принцип, который позволяет создать метод анализа нейронных связей по изменениям карты поглощения микроволн в отдельных участках коры головного мозга. Принцип этот опирается на механические тонкости, которых я не понимаю и, стало быть, не могу вам изложить. Впрочем, к делу это не относится. Чем больше доктор Гумбольдт размышлял над своим открытием, тем больше он убеждался, что нашел нечто революционизирующее всю его науку, перед чем бледнеют все его прежние достижения. И тут он узнал, что на борту космолета находится доктор Себбет.

– Ага! И он обсудил свое открытие с доктором Себбетом?

– Вот именно. Они уже встречались на конференциях и заочно были хорошо знакомы друг с другом. Гумбольдт подробно изложил Себбету свои выводы. Тот полностью их подтвердил и не скупился на похвалы важности открытия и таланту того, кто это открытие сделал. Тогда Гумбольдт, окончательно убедившись, что он стоит на верном пути, подготовил доклад с кратким изложением своего открытия и через два дня собирался переслать его комитету конференции на Авроре, чтобы официально закрепить за собой приоритет, а кроме того, и выступить с подробным сообщением на самой конференции. К своему удивлению, он обнаружил, что и Себбет подготовил доклад примерно такого же содержания и тоже намеревается отправить его на Аврору.

– Гумбольдт, наверное, разъярился?

– Еще бы!

– А Себбет? Что говорит он?

– То же, что и Гумбольдт, слово в слово.

– Ну, так в чем же здесь трудность?

– В зеркальной перестановке имен. Себбет утверждает, что открытие сделал он, и что это он обратился за подтверждением к Гумбольдту, и что все было наоборот – это Гумбольдт согласился с его выводами и всячески их расхваливал.

– То есть каждый утверждает, что идея принадлежит ему, а другой ее украл? Я все-таки не вижу, в чем тут трудность. Когда речь идет о научных открытиях, достаточно просто представить подписанные и датированные протоколы исследований, после чего легко устанавливается приоритет. И даже если одни протоколы подделаны, это нетрудно обнаружить, выявив внутренние несоответствия.

– При обычных обстоятельствах, друг Элидж, вы были бы совершенно правы, но ведь тут речь идет о математике, а не об экспериментальных науках, Доктор Гумбольдт утверждает, что держал все необходимые данные в голове и ничего не записывал, пока не начал составлять вышеуказанный доклад. Доктор Себбет, разумеется, утверждает то же самое.

– Ну, в таком случае, следует принять решительные меры, чтобы разом с этим покончить. Прозондируйте их психику и установите, кто из них лжет.

Р. Дэниил покачал головой.

– Друг Элидж, вы, по-видимому, не поняли, о ком идет речь. Оба они – члены Межгалактической Академии, а потому все вопросы, касающиеся их профессионального поведения, правомочна решать только комиссия Академии. Если, конечно, они сами не согласятся добровольно подвергнуться проверке.

– Ну, так предложите им подвергнуться проверке. Виновный откажется, зная, чем грозит ему психологическое зондирование. Невинный, несомненно, согласится, и вам даже не придется прибегать к этой мере.

– Вы не правы, друг Элидж. Для таких людей дать согласие на подобную проверку – значит поступиться своим престижем. Несомненно, они оба откажутся только из гордости. И

все прочее тут отступит на второе место.

– Ну, так ничего пока не делайте. Отложите решение вопроса до прибытия на Аврору. На этой нейробиофизической конференции, конечно, будет присутствовать такое число академиков, что избрать комиссию...

– Но это нанесет серьезный удар престижу самой науки, Друг Элидж. И если скандал разгорится, пострадают оба. Тень падет даже на невиновного, потому что он позволил впутать себя в столь неблагоприятную историю. Все будут считать, что ему следовало бы покончить с ней тихо, не доводя дело до суда.

– Ну ладно. Я не академик, но постараюсь представить себе, что подобная точка зрения имеет под собой почву. А что говорят сами эти математики?

– Гумбольдт решительно не хочет скандала. Он говорит, что, если Себбет признается в присвоении этой идеи и не воспрепятствует ему передать тезисы или хотя бы сделать доклад на конференции, он не станет выдвигать никаких официальных обвинений. Неэтичный поступок Себбета останется тайной, известной только им троим, включая капитана; никто из людей больше в эту историю не посвящен.

– А юный Себбет не соглашается?

– Наоборот, он во всем согласен с доктором Гумбольдтом, – но с перестановкой имен, разумеется. Все то же зеркальное отражение.

– И значит, оба они, так сказать, в патовом положении?

– Мне кажется, друг Элидж, что каждый ждет, чтобы другой не выдержал и признал свою вину.

– Ну, так пусть себе ждут.

– Капитан считает, что это невозможно. Видите ли, здесь есть два варианта. Либо оба будут упрямыться до посадки на Аврору, после чего неминуемо разразится академический скандал. И капитан, отвечающий за поддержание закона и порядка на своем лайнере, получит выговор за то, что не сумел уладить все без шума. А он об этом и слышать не хочет.

– Ну, а второй вариант?

– Либо тот, либо другой признается в плагиате. Но будет ли признавшийся действительно виновным? Или он пойдет на это из благородного желания предотвратить скандал? А разве можно допустить, чтобы человек, готовый ради чести науки поступиться заслуженной славой, и в самом деле лишился этой славы? Или же в последний момент признается виновный, но так, чтобы создалось впечатление, будто он делает это исключительно из вышеупомянутых побуждений, избежав таким образом позора и бросив тень на второго. Конечно, из людей знать об этом будет только капитан, но он не желает до конца своих дней мучиться мыслью, что невольно оказался пособником беспринципного плагиатора.

Бейли вздохнул.

– Так сказать, кто кого пересидит. Кто не выдержит первым по мере приближения к Авроре? Это все, Дэниил?

– Не совсем. У нас есть свидетели.

– Черт побери, почему же вы сразу не сказали? Какие свидетели?

– Камердинер доктора Гумбольдта...

– А, робот, наверное.

– Ну, конечно. Его зовут Р. Престон, Этот камердинер, Р. Престон, присутствовал при первом разговоре, и он подтверждает рассказ доктора Гумбольдта во всех частностях.

– То есть он говорит, что идея принадлежала доктору Гумбольдту, что доктор Гумбольдт изложил ее доктору Себбету, что доктор Себбет пришел от нее в восторг и так далее?

– Вот именно.

– Ага. Ио это решает вопрос? Или нет? По-видимому, нет.

– Вы совершенно правы. Вопроса это вовсе не решает, потому что имеется второй свидетель. У доктора Себбета тоже есть камердинер, Р. Айд, также робот, и той же модели, что и Р. Престон, изготовленный в том же году на том же заводе. Оба прослужили у своих хозяев одинаковый срок.

- Странное совпадение... Очень странное.
- И тем не менее это факт, который, боюсь, затрудняет возможность сделать какие-либо выводы из различий между камердинерами.
- Следовательно, Р. Айд утверждает то же самое, что и Р. Престон?
- Абсолютно то же самое, за исключением зеркальной перестановки имен.
- Другими словами, Р. Айд утверждает, что юный Себбет, тот, которому еще не исполнилось пятидесяти, сам наткнулся на эту идею и что он изложил ее доктору Гумбольдту, который не скупился на похвалы, и так далее?
- Совершенно верно, друг Элидж.
- Из чего следует, что один из роботов лжет.
- По-видимому, да.
- Ну, мне кажется, будет нетрудно решить, который из них лжет. Вероятно, опытный робопсихолог, сделав даже поверхностное обследование...
- К сожалению, друг Элидж, на борту лайнера нет робопсихолога, достаточно квалифицированного, чтобы вынести суждение по столь деликатному вопросу. Подобные исследования можно будет произвести, только когда мы достигнем Авроры, так как ни доктор Гумбольдт, ни доктор Себбет не согласятся остаться без камердинеров на срок, который требуется для обследования роботов земными специалистами.
- Но в таком случае, Дэниил, я не совсем понимаю, чего вы хотите от меня.
- Я глубоко убежден, – невозмутимо сказал Р. Дэниил, – что вы уже наметили какой-то план действий.
- Ах так? Ну, по-моему, в первую очередь следует поговорить с этими математиками, один из которых – плагиатор.
- Боюсь, друг Элидж, это неосуществимо. Они не могут покинуть лайнер из-за карантина. И по той же причине не можете явиться к ним и вы.
- Да, конечно, Дэниил, но я имел в виду беседу по видеофону.
- К сожалению, они вряд ли согласятся, чтобы их допрашивал простой полицейский следователь. Опять-таки вопрос престижа.
- Ну, с роботами-то я могу поговорить по видеофону?
- Это, я полагаю, можно будет устроить.
- Попробуем обойтись и этим. Значит, мне придется взять на себя функции робопсихолога-любителя.
- Но вы же сыщик, друг Элидж, а не робопсихолог.
- Ну, неважно. Только прежде, чем я увижусь с ними, давайте поразмыслим. Скажите, а может ли быть так, что оба робота говорят правду? Например, разговор между математиками велся полунамеками. И каждый робот искренне верит, что идея принадлежала его хозяину. Или оба слышали лишь части разговора, причем разные, а в результате пришли к одному и тому же выводу.
- Исключено, друг Элидж. Оба робота повторяют разговор совершенно одинаково, если не считать главного противоречия.
- Значит, несомненно, что один из роботов лжет?
- Да.
- Можно мне будет получить копию показаний. Дававшихся в присутствии капитана?
- Я предвидел, что копия может вам понадобиться, и захватил ее с собой.
- Вот и чудесно. А роботам была устроена очная ставка? И это отражено в протоколе?
- Роботы просто рассказали то, что им было известно. Устраивать очную ставку правомочен только робопсихолог.
- А я?
- Вы – сыщик, друг Элидж, а не...
- Ну ладно, ладно, Дэниил. Подумаем-ка еще. При обычных обстоятельствах робот лгать не станет. Однако он солжет, чтобы не нарушить какой-нибудь из Трех Законов. Он может солгать, чтобы спасти себя в соответствии с Третьим Законом. Еще легче он солжет,

чтобы выполнить распоряжение, полученное от человека, так как это соответствует Второму Закону. И он скорее всего солжет, если это понадобится для спасения человеческой жизни или если он таким способом воспрепятствует тому, чтобы человеку был причинен вред, – согласно Первому Закону.

– Совершенно верно.

– В данном случае каждый из этих роботов предположительно защищает профессиональную репутацию своего хозяина и ради этого в случае необходимости, несомненно, будет лгать. Ведь профессиональная репутация тут почти эквивалентна жизни, и Первый Закон принудит его ко лжи.

– Однако такой ложью каждый камердинер будет вредить профессиональной репутации другого математика, друг Элидж.

– Да, пожалуй. Но ведь репутация хозяина может представляться ему более значимой и важной, чем репутация любого другого человека. И в этом случае, с его точки зрения, ложь принесет намного меньше вреда, чем правда.

Сказав это, Лидж Бейли умолк и задумался. Затем он продолжал:

– Ну, хорошо. Так вы мне дадите возможность побеседовать с роботами? Я думаю, лучше будет начать с Р. Айда.

– Робота доктора Себбета?

– Да.

– Ну, так подождите минутку, – сказал Р. Дэниил. – Я захватил с собой микроприемник, соединенный с проектором. Мне потребуется только белая стена. Вот эта вполне подойдет, если вы разрешите мне отодвинуть ящики с картотекой.

– Валяйте. Мне что, нужно будет говорить в микрофон?

– Нет. Вы сможете говорить так, словно ваш собеседник находится перед вами. Но извините, друг Элидж, мне придется еще немного вас задержать. Я должен сперва связаться с космолетом и вызвать Р. Айда к передатчику.

– Ну, в таком случае, Дэниил, может, вы мне пока дадите копии протоколов?

Пока Р. Дэниил налаживал оборудование, Лидж Бейли, закурив трубку, принялся перелистывать протоколы, которые передал ему робот.

Через несколько минут Р. Дэниил сказал:

– Р. Айд ждет вас, друг Элидж. Но, может быть, вы хотели бы еще несколько минут посвятить протоколам?

– Нет, – вздохнул Бейли, – Ничего нового я в них не нахожу. Включайте передатчик и последите, чтобы наш разговор записывался.

На стене появилось двухмерное изображение Р. Айда. В отличие от Р. Дэниила он во все не походил на человека и был сделан из металла. Он был высок, но состоял из нескольких блоков и мало чем отличался от обыкновенных роботов, Бейли заметил только несколько мелких отклонений от привычного стандарта.

– Добрый день, Р. Айд, – сказал Бейли.

– Добрый день, сэр, – ответил Р. Айд негромким и совсем человеческим голосом.

– Ты камердинер Дженнана Себбета, не так ли?

– Да, сэр.

– И давно ты у него служишь?

– Двадцать два года, сэр.

– И репутация твоего хозяина для тебя важна?

– Да, сэр.

– Ты считаешь необходимым защищать его репутацию?

– Да, сэр.

– Наравне с его жизнью?

– Нет, сэр.

– Наравне с репутацией какого-нибудь другого человека?

После некоторого колебания Р. Айд сказал:

– Тут не может быть общего ответа, сэр. В каждом подобном случае решение будет зависеть от конкретных обстоятельств.

Бейли помолчал, собираясь с мыслями. Этот робот рассуждал много тоньше и логичнее, чем те, с которыми ему приходилось иметь дело до сих пор. И он вовсе не был уверен, что сумеет расставить ему ловушку. Бейли сказал:

– Если бы ты решил, что репутация твоего хозяина важнее репутации другого человека, например Альфреда Гумбольдта, ты бы солгал, чтобы защитить репутацию своего хозяина?

– Да, сэр.

– Солгал ли ты, давая показания о споре твоего хозяина с доктором Гумбольдтом?

– Нет, сэр.

– Но если бы ты солгал, ты отрицал бы это, чтобы скрыть свою ложь, не так ли?

– Да, сэр.

– В таком случае, – сказал Бейли, – рассмотрим ситуацию поподробнее. Твой хозяин, Дженнан Себбет, имеет репутацию замечательного математика, но он еще очень молод. Если доктор Гумбольдт сказал правду и твой хозяин, не устояв перед искушением, действительно совершил неэтичный поступок, его репутация, конечно, несколько пострадает. Но у него впереди вся жизнь, и он успеет искупить свой поступок. Его ждет много блестящих открытий, и со временем все забудут эту попытку плагиата, объяснив ее опрометчивостью, свойственной молодым людям. То есть для него все еще поправимо. Если же, с другой стороны, искушению поддастся доктор Гумбольдт, то положение создастся гораздо более серьезное. Он уже стар, и главные его свершения относятся к прошлому. До сих пор его репутация оставалась незапятнанной. И этот единственный проступок на склоне лет зачеркнет все его славное прошлое, а у него не будет времени поправить дело. За остающиеся ему годы он вряд ли сумеет сделать что-нибудь значительное. По сравнению с твоим хозяином доктор Гумбольдт теряет гораздо больше, а возможностей поправить случившееся у него гораздо меньше. Таким образом, ты видишь, что положение доктора Гумбольдта намного более серьезно и чревато, несомненно, более опасными последствиями, не так ли?

Наступила долгая пауза. Затем Р. Айд сказал ровным голосом:

– Мои показания были ложью. Работа принадлежит доктору Гумбольдту, а мой хозяин попытался присвоить ее, не имея на то права.

– Прекрасно, – сказал Бейли. – По распоряжению капитана корабля ты не должен никому ничего говорить о нашей беседе, пока тебе не будет дано на это разрешение. Можешь быть свободен.

Экран померк, и Бейли, затянувшись, выпустил клуб дыма.

– Капитан все слышал, Дэниил?

– Разумеется. Он единственный свидетель, не считая нас.

– Очень хорошо. А теперь давай другого робота.

– Но зачем, друг Элидж? Ведь Р. Айд во всем признался!

– Нет, это необходимо. Признание Р. Айда ничего не стоит.

– Ничего?

– Абсолютно ничего. Я объяснил ему, что доктор Гумбольдт находится в худшем положении, чем его хозяин. Естественно, если он лгал, защищая Себбета, то тут он сказал бы правду, как он и утверждает. Но если он говорил правду раньше, то теперь он солгал бы, чтобы защитить Гумбольдта. Это по-прежнему зеркальное отражение, и мы ничего не добились.

– Но в таком случае чего мы добьемся, допросив Р. Престона?

Если бы зеркальное отражение было бы абсолютно точным, мы ничего не добились бы. Но одно различие существует. Ведь кто-то из роботов начал с того, что сказал правду, а кто-то солгал. И вот тут симметрия нарушена. Давайте-ка мне Р. Престона, а если запись допроса Р. Айда готова, я хотел бы ее просмотреть.

На стене вновь появилось изображение. Р. Престон ничем не отличался от Р. Айда, если не считать узора на грудной пластине.

- Добрый день, Р. Престон, – сказал Бейли, держа перед собой запись допроса Р. Айда.
- Добрый день, сэр, – ответил Р. Престон, Голос его ничем не отличался от голоса Р.

Айда.

- Ты камердинер Альфреда Гумбольдта, не так ли?
- Да, сэр.
- И давно ты у него служишь?
- Двадцать два года, сэр.
- И репутация твоего хозяина для тебя важна?
- Да, сэр.
- Ты считаешь необходимым защищать его репутацию?
- Да, сэр.
- Наравне с его жизнью?
- Нет, сэр.
- Наравне с репутацией какого-нибудь другого человека?

После некоторого колебания Р. Престон сказал:

– Тут не может быть общего ответа, сэр. В каждом подобном случае решение будет зависеть от конкретных обстоятельств.

Бейли сказал:

– Если бы ты решил, что репутация твоего хозяина важнее репутации другого человека, например Дженнана Себбета, ты бы солгал, чтобы защитить репутацию своего хозяина?

- Да, сэр.
- Солгал ли ты, давая показания о споре твоего хозяина с доктором Себбетом?
- Нет, сэр.
- Но если бы ты солгал, ты отрицал бы это, чтобы скрыть свою ложь, не так ли?
- Да, сэр.

– В таком случае, – сказал Бейли, – рассмотрим ситуацию поподробнее. Твой хозяин, Альфред Гумбольдт, имеет репутацию замечательного математика, но он старик. Если доктор Себбет сказал правду и твой хозяин, не устояв перед искушением, действительно совершил неэтичный поступок, его репутация, конечно, несколько пострадает. Однако его почтенный возраст и замечательные открытия, которые он делал на протяжении столетий, перевесят этот единственный неверный шаг и заставят забыть о нем. Эта попытка плагиата будет объяснена утратой чувства реальности, свойственной старикам. Если же, с другой стороны, искушению поддастся доктор Себбет, то положение создается гораздо более серьезное. Он молод, и репутация его не столь прочна. При обычных обстоятельствах его ждали бы столетия, чтобы он мог совершенствовать свои знания и делать великие открытия. Теперь же он будет всего этого лишен – из-за единственной ошибки молодости. Будущее, которое он теряет, несравненно больше, чем то, которое еще осталось твоему хозяину. Таким образом, ты видишь, что положение Себбета намного более серьезно и чревато, несомненно, более опасными последствиями, не так ли?

Наступила долгая пауза. Затем Р. Престон сказал ровным голосом:

– Мои показания были ло...

Внезапно он умолк и больше не издал ни звука.

– Так что же ты хотел сказать, Р. Престон? – спросил Бейли.

Робот молчал.

– Боюсь, друг Элидж, – вмешался Р. Дэниил, – что Р. Престон находится в состоянии полного отключения. Он вышел из строя.

– Наконец-то мы добились асимметричности, – сказал Бейли. – Теперь мы можем установить, кто виновен.

– Каким же образом, друг Элидж?

– А вот подумайте. Предположим, я – человек, который не совершил преступления, что известно моему личному роботу. Мне не нужно предпринимать никаких действий. Мой робот скажет правду и подтвердит мои слова. С другой стороны, если я – человек, который со-

вершил преступление, мне будет нужно, чтобы мой робот солгал. А это сопряжено с определенным риском; хотя робот в случае необходимости и солжет, стремление сказать правду окажется достаточно сильным. Другими словами, правда оказывается намного надежнее лжи. Чтобы обезопасить себя, человек, совершивший преступление, скорее всего, прикажет роботу солгать. В результате Первый Закон будет подкреплён Вторым Законом, и, возможно, в значительной степени.

– Это выглядит логичным, – заметил Р. Дэниил.

– Предположим, мы имеем по одному роботу каждого типа. Один из них переключится с ничем не подкреплённой правды на ложь. И проделает это после некоторых колебаний без каких-либо последствий. Второй робот переключится с сильно подкреплённой лжи на правду, но при этом он рискует сжечь позитронные связи своего мозга и впасть в состояние полного отключения.

– А поскольку Р. Престон впал в состояние полного отключения...

– Значит, хозяин Р. Престона, доктор Гумбольдт, виновен в плагиате. Если вы передадите это капитану и рекомендуете ему немедленно переговорить с доктором Гумбольдтом, тот, возможно, во всем сознается. В таком случае, я надеюсь, вы мне немедленно об этом сообщите.

– Непременно. Вы меня извините, друг Элидж? Я должен поговорить с капитаном без свидетелей.

– Ну, конечно. Пройдите в зал заседаний, он полностью экранирован.

Р. Дэниил вышел, а Бейли обнаружил, что не в состоянии ничем заняться. Он волновался. Слишком многое зависело от правильности его анализа, а он остро чувствовал, как мало знает о психологии роботов.

Р. Дэниил вернулся через полчаса, и эти полчаса были, пожалуй, самыми длинными в жизни Бейли.

Разумеется, по невозмутимому лицу робота, несмотря на все его сходство с человеком, нельзя было ни о чем догадаться, и Бейли также постарался сохранять полную невозмутимость, когда спросил:

– Ну, так что же, Дэниил?

– Все произошло, как вы сказали, друг Элидж. Доктор Гумбольдт признался. По его словам, он рассчитывал, что доктор Себбет отступит и позволит ему насладиться этим последним триумфом. Теперь дело улажено, и капитан просит передать вам, что он в восторге. И думаю, мне тоже зачтется, что я рекомендовал вас.

– Вот и хорошо, – сказал Бейли, который теперь, когда все окончилось благополучно, вдруг почувствовал, что еле держится на ногах. – Но, черт побери, Дэниил, не впутывайте меня больше в такие истории, ладно?

– Постараюсь, друг Элидж. Разумеется, дальнейшее будет зависеть от того, насколько важной окажется проблема, от вашего местонахождения в тот момент и от некоторых других факторов. Однако мне хотелось бы задать вам один вопрос...

– Валяйте.

– Разве нельзя было предположить, что переход от лжи к правде должен быть легким, а переход от правды ко лжи – трудным? Это означало бы, что полностью отключившийся робот собирался вместо правды сказать ложь, а так как полностью отключился Р. Престон, то это означало бы, что виновен не доктор Гумбольдт, а доктор Себбет, не так ли?

– Совершенно верно, Дэниил. Можно было бы рассуждать и таким образом, но правильным оказалось обратное предположение. Ведь Гумбольдт-то признался. Разве нет?

– Да, конечно. Но раз оба эти построения были равно возможны, каким образом вы, друг Элидж, так быстро сделали свой выбор?

Губы Бейли задергались. Он не выдержал и улыбнулся.

– Дело в том, Дэниил, что я исходил из психологии людей, а не роботов. В людях я разбираюсь лучше, чем в роботах. Другими словами, еще до того, как я стал допрашивать роботов, я довольно точно представлял себе, кто из математиков виновен. Когда же мне удалось

добиться асимметричной реакции роботов; я истолковал ее как доказательство вины того, в чьей виновности я уже не сомневался. Реакция робота была настолько эффективной, что виновный человек не выдержал и сознался. А одним только анализом человеческого поведения я вряд ли сумел бы этого добиться.

– Мне хотелось бы узнать, что именно дал вам анализ человеческого поведения.

– Черт побери, Дэниил, подумайте немножко, и вам незачем будет спрашивать. В этой истории с зеркальными отражениями была еще одна асимметричность, помимо момента правды и лжи. А именно – возраст двух математиков, один из которых – глубокий старик, а другой еще очень молод.

– Да, конечно, но что из этого следовало?

– А вот что. Я могу представить себе, что молодой человек, ошеломленный открытием совершенно нового принципа, поторопится поделиться им с маститым ученым, которого он еще на студенческой скамье привык почитать как великое светило. Но я не могу себе представить, чтобы маститый ученый, всемирно прославленный, привыкший к триумфам, открыв совершенно новый принцип, поторопился бы поделиться с человеком, который моложе его на двести лет и которого он, несомненно, считает желторотым юнцом. Далее. Если бы молодому человеку и представился случай украсть идею у прославленного светила, стал бы он это делать? Ни в коем случае. С другой стороны, старик, сознающий, что способности его угасают, мог бы многим рискнуть ради последнего триумфа, искренне считая, что у него нет никаких этических обязательств по отношению к тому, в ком он видел молокососа и выскочку. Короче говоря, было бы невероятно, чтобы Гумбольдт представил свое открытие на суд Себбета или чтобы Себбет украл идею Гумбольдта. Виновным в любом случае оказывался доктор Гумбольдт.

Р. Дэниил довольно долго раздумывал над услышанным. Потом он протянул Лиджу Бейли руку.

– Мне пора, друг Элидж. Было очень приятно повидать вас. И надеюсь, до скорой встречи.

Бейли сердечно потряс протянутую руку.

– Если можно, Дэниил, – не до очень скорой.

Заминка на праздновании Трехсотлетия

The Tercentenary Incident (1976)

Перевод: И. Гурова

Четвертое июля 2076 года. Третий раз произвольно принятая десятичная система счисления вернула две последние цифры в обозначении года к знаменательному числу 76, которое было свидетелем рождения нации.

Нация в прежнем смысле перестала существовать. Теперь ее название превратилось в обозначение географической области, части великого целого – Федерация всего человечества на Земле вкупе с поселениями на Луне и колониями в космосе. Однако культура и традиции сохранили оттенки былого своеобразия, и регион, обозначенный старинным названием – Соединенные Штаты, – все еще оставался самым процветающим и передовым на планете. И президент Соединенных Штатов все еще оставался самым влиятельным членом Планетарного совета.

Лоренс Эдвардс следил за миниатюрной фигуркой президента с высоты двухсот футов. Он тихо парил над толпой под еле слышное мурлыканье флотронового мотора на спине и воспринимал происходящее так, словно смотрел голографизионную программу. Сколько раз смотрел он на точно такие же фигурки у себя в гостиной – фигурки в кубе солнечного света, на вид абсолютно реальные, точно лилипуть из плоти и крови – но только сквозь них можно было беспрепятственно просунуть руку.

Правда, сквозь эти десятки тысяч фигур на площади вокруг мемориала Вашингтона

просунуть руку не удалось бы. Как не удалось бы просунуть ее сквозь президента. Зато его можно было коснуться и пожать ему руку.

Эдвардс сардонически подумал, что такой плотский элемент, в сущности, излишен, и пожалел, что не парит сейчас где-нибудь в сотне миль отсюда над какой-нибудь безлюдной глушью вместо того, чтобы болтаться в небе над Мемориалом, высматривая малейшее подозрительное движение в толпе. И все из-за идиотского традиционного ритуала рукопожатий.

Эдвардс не принадлежал к поклонникам президента Хьюго Аллена Уинклера, пятьдесят седьмого по счету.

На его взгляд, президент Уинклер был пустым человеком – обаятельный охотник за голосами, фонтан обещаний. После всех надежд, связанных с первыми месяцами его пребывания у власти, он не вызывал ничего, кроме горького разочарования. Всемирная Федерация грозила вот-вот развалиться, далеко не выполнив своего предназначения, и Уинклер ничего не мог поделать. Ситуация требовала твердой руки, а не любезной, решительного голоса, а не медового.

Вон он стоит и пожимает руки в пустоте, оберегаемой службой безопасности, а Эдвардс и еще несколько агентов бдят над ним вверху.

Президент, естественно, выставит свою кандидатуру на перевыборах и, скорее всего, проиграет, а это только ухудшит положение, поскольку оппозиция ставит своей целью уничтожение Федерации.

Эдвардс вздохнул. Надвигаются четыре тяжелых года... может быть, и сорок лет, а ему остается только висеть в воздухе с тем, чтобы мгновенно связаться со всеми наземными агентами по лазерофону при малейшем признаке...

Он не увидел ни малейшего... Ничего сколько-нибудь угрожающего. Только облачко белой пыли, еле различимое глазом, только проблеск в солнечном свете, мелькнувший и исчезнувший прежде, чем он что-нибудь осознал.

Но где президент? Он потерял его из виду среди пыли.

Эдвардс вглядывался в сектор площади, где только что видел президента – тот не мог отойти далеко.

И тут же обнаружил признаки смятения – сначала среди агентов секретной службы, которые словно бы потеряли голову и метались из стороны в сторону; затем оно перекинулось на окружающую толпу и стало шириться. Шум внизу перерос в громовой рев.

Эдвардс не различал слов, из которых слагался этот рев, но оглушающие волны возбужденных криков были яснее всяких слов: президент Уинклер исчез! В единый миг рассеялся облачком пыли.

Затаив дыхание, Эдвардс ждал, как ему казалось, целую вечность, чтобы долгий момент осознания завершился, и толпа под ним забурилась в панике...

Тут, перекрывая грозный гул, раздался звучный голос – и гул стал стихать, оборвался, сменился глубокой тишиной. Словно это все-таки была голографизионная программа и кто-то приглушил звук, а затем и вовсе выключил.

Эдвардс подумал: «Господи! Это же президент!»

Ошибиться в этом голосе было невозможно. Уинклер стоял на окруженной кольцом охраны трибуне, с которой должен был произнести речь в честь Трехсотлетия и с которой десять минут назад спустился, чтобы пожать руки счастливым в толпе.

Как он снова очутился там?

Эдвардс напряг слух.

– Со мной ничего не случилось, сограждане американцы. Вы просто были свидетелями поломки механического приспособления. Это не был ваш президент, а потому не позволим технической неполадке омрачить празднование счастливейшего дня, какой только знала история. Сограждане американцы, прошу вас о внимании...

И полилась речь в честь Трехсотлетия – лучшая из речей, когда-либо произнесенных Уинклером, или из тех, какие когда-либо слышал Эдвардс. Заслушавшись, Эдвардс даже за-

был о своей прямой обязанности вести слежку.

Уинклер говорил замечательно. Он понимал всю важность Федерации и заставлял своих слушателей поверить в нее!

Однако одновременно где-то в глубине сознания Эдвардса всплывало неотвязное воспоминание об упорных слухах, будто новые достижения Роботехники позволили создать точнейшую копию президента – робота, который мог исполнять все церемониальные функции, который мог пожимать руки в толпе, который не мог ни соскучиться, ни утомиться – ни быть убитым.

«Но это-то и произошло», – подумал Эдвардс в растерянности. Такой робот-двойник действительно был создан, и в определенном смысле он был убит.

Тринадцатое октября 2078 года. Эдвардс посмотрел на низенького робота-гида, который остановился перед ним и сказал мелодичным голосом:

– Мистер Дженек готов вас принять.

Эдвардс встал, чувствуя себя великаном рядом с приземистым металлическим гидом, едва достававшим ему до пояса. Но далеко не юным великаном. За последние два года его лицо избородили морщины, и он не забывал о них.

Теперь он последовал за гидом в неожиданно маленький кабинет, где за неожиданно маленьким письменным столом сидел Фрэнсис Дженек – несуразно моложавый человек с небольшим брюшком.

Дженек улыбнулся и, дружески глядя на Эдвардса, встал, чтобы пожать ему руку.

– Мистер Эдвардс!

– Рад возможности, сэр, – пробормотал Эдвардс. Дженека он видел впервые. Но ведь личный секретарь президента – фигура закулисная и редко попадает в центр внимания средств массовой информации.

– Пожалуйста, садитесь, – сказал Дженек. – Соевую палочку?

Эдвардс улыбнулся, вежливо отказываясь от угощения, и сел. Дженек явно всячески подчеркивал свою молодость – рубашка с жабо расстегнута, волосы на груди выкрашены в не очень броский, но несомненно лиловый цвет. Он сказал:

– Я знаю, вы несколько недель старались увидеться со мной. Извините за волокиту. Надеюсь, вы понимаете, что мое время принадлежит не мне. Но как бы то ни было, вы теперь здесь... Да, кстати, я справился у начальника службы безопасности, и он отозвался о вас весьма лестно. Он сожалеет, что вы ушли от них.

Эдвардс ответил, опустив глаза:

– Мне казалось, что будет лучше вести расследование так, чтобы не поставить службу в неловкое положение.

Дженек сверкнул улыбкой.

– Однако ваша деятельность при всех предосторожностях не остается незамеченной. По словам начальника службы безопасности, вы расследуете небольшую заминку на праздновании Трехсотлетия, и, признаюсь, я принял вас при первой возможности. Ради этого вы отказались от своего положения? Но вы же расследуете мертвое дело.

– Но как оно может быть мертвым, мистер Дженек? Хотя вы и назвали его «заминкой», но факт остается фактом: это было покушение на жизнь президента.

– Чисто языковая тонкость! К чему употреблять неприятные слова?

– Но они выражают неприятную истину, вы же согласны с тем, что кто-то пытался убить президента?

Дженек развел руками.

– Если и так, заговор потерпел неудачу. Было уничтожено механическое приспособление, и только. Собственно, если взглянуть на вещи трезво, заминка... называйте случившееся, как вам угодно. Ну, так заминка принесла нации и всему миру огромное благо. Как нам всем известно, президент был потрясен. И нация тоже. Президент и все мы осознали, чем может обернуться возвращение культа насилия прошлого века, и это вызвало переворот в

общественном мнении.

– Не отрицаю.

– Еще бы! Даже враги президента согласятся, что последние два года стали временем больших свершений. Федерация сплочена в такой мере, о какой в день Трехсотлетия никто и не мечтал. Можно даже сказать, что удалось предотвратить крушение всемирной экономики.

– Да, президент очень изменился. Так все говорят, – осторожно сказал Эдвардс.

– Он всегда был великим человеком. Но заминка заставила его сосредоточить все силы на решающих проблемах.

– Чего прежде он не делал?

– Ну, может быть, не с такой всепобеждающей энергией... Короче говоря, и президент, и все мы предпочтем забыть про заминку. И принял я вас, мистер Эдвардс, главным образом для того, чтобы объяснить вам это. Сейчас не двадцатый век, и мы не можем бросить вас в тюрьму, как нежелательную помеху, или препятствовать вам иным образом, но даже Всемирная хартия не возбраняет нам прибегнуть к убеждениям. Вы меня понимаете?

– Понимаю, но я с вами не согласен. Как можно забыть то, что вы называете заминкой, если виновный так и не был найден?

– Пожалуй, сэр, это тоже к лучшему. Куда безопаснее позволить какому-то... э... душевнобольному спастись, чем раздуть случившееся настолько, что это в конечном счете привело бы к возвращению нравов двадцатого века.

– В официальной версии даже утверждается, будто робот спонтанно взорвался, что невозможно. Но это бездоказательное утверждение неблагоприятно сказалось на производстве роботов.

– Я бы не стал употреблять обозначение «робот», мистер Эдвардс. Это было механическое приспособление. Никто не утверждал, будто роботы опасны как таковые. И уж конечно, не обычные металлические. Как-то задеты были лишь необычайно сложные человекоподобные приспособления, внешне похожие на живых людей и называемые андроидами. Собственно говоря, они так сложны, что, наверное, должны часто взрываться. Но я не специалист в этой области. Ну, а промышленное производство роботов скоро поднимется до прежнего уровня.

– В правительстве, – упрямо продолжал Эдвардс, – словно бы никому нет дела, докопаемся ли мы до истины или нет.

– Но я уже объяснил, что последствия оказались самыми благотворными. Зачем поднимать муть со дна, когда вода над ним прозрачна и чиста?

– А применение дезинтегратора?

На мгновение рука Дженека, передвигавшая по столу коробочку соевых палочек, замерла в полной неподвижности, но тут же возобновила свое ритмичное движение. Дженек спросил небрежно:

– О чем вы?

– Мистер Дженек, – настойчиво произнес Эдвардс, – думаю, вы сами знаете. Как член службы безопасности...

– К которой вы более не принадлежите!

– Тем не менее, как член службы безопасности, я нередко слышал вещи, которые, полагаю, не всегда предназначались для моих ушей. Так я услышал про новое оружие, и то, что я увидел на праздновании Трехсотлетия, указывало на его применение, Объект, который все считали президентом, исчез в облаке мельчайшей пыли. Словно каждый атом этого объекта утратил связи с остальными атомами. Объект превратился в облако отдельных атомов, которые, разумеется, тотчас начали вновь соединяться в группы, но те продолжали рассеиваться с такой быстротой, что со стороны все выглядело простым клубом пыли.

– Научная фантастика и ничего больше.

– Я, безусловно, мало что понимаю в науке, мистер Дженек, но и мне ясно, что для разрыва этих связей потребуется значительная энергия. Энергия эта должна извлекаться из окружающей среды, Люди, стоящие в тот момент вблизи от приспособления – те, которых мне

удалось найти и которые согласились поговорить со мной, – все единодушно утверждали, что их обдало ледяным холодом.

Дженек с легким стуком отставил коробочку соевых палочек в сторону и сказал:

– Ну, даже если теоретически предположить, что нечто вроде дезинтегратора существует...

– Не надо предполагать. Он существует.

– Хорошо, не надо. Сам я ни о чем подобном не слышал, но по должности я ни с чем столь засекреченным, как новые типы оружия, вообще не соприкасаюсь. Однако, если дезинтегратор существует и настолько засекречен, следовательно, это американское изобретение, неизвестное остальной федерации. В таком случае, ни вам, ни мне вообще нельзя о нем заикаться. Это же куда более опасное оружие, чем ядерные бомбы, именно потому, что оно (как утверждаете вы) не вызывает ничего, кроме дезинтеграции в точке поражения и холода вокруг. Ни взрыва, ни огня, ни смертоносной радиации. А без этих огорчительных побочных эффектов нет никаких препятствий к тому, чтобы его применять, и, насколько нам известно, мощности его может оказаться достаточно, чтобы уничтожить всю планету.

– Тут я с вами совершенно согласен, – сказал Эдвардс.

– В таком случае, вам должно быть ясно, что говорить о дезинтеграторе, если его не существует, глупо, а если он все-таки существует, – то преступно.

– Я ни с кем о нем не говорил, а вам упомянул про него для того лишь, чтобы убедить вас в серьезности положения. Если был применен дезинтегратор, неужели правительство не заинтересовано в установлении истины? Что, например, если какой-то еще регион Федерации создал такое же оружие?

Дженек покачал головой.

– По-моему, мы можем предоставить решение этого вопроса соответствующему правительственному органу. А вам лучше им не заниматься.

Эдвардс сказал, еле сдерживая раздражение:

– Вы в состоянии заверить меня, что такое оружие есть только в распоряжении правительства Соединенных Штатов?

– Нет, поскольку я ничего о подобном оружии не знаю и знать не могу. Вам не следовало говорить мне о нем. Ведь пусть оно и не существует, достаточно будет слухов, чтобы причинить большой вред.

– Но раз я сказал вам и вред причинен, пожалуйста, дослушайте меня до конца. Дайте возможность убедить вас, что вы владеете ключом к ужасающей возможности, которую, не исключено, подозреваю я один.

– Вы один подозреваете? Я один владею ключом?

– Вам это кажется параноическим бредом? Разрешите, я объясню, а тогда судите.

– Я уделю вам еще немного времени, сэр, но назад своих слов не беру. Вы должны отказать от этого... этого вашего увлечения, от этого расследования. Оно чревато огромной опасностью.

– Отказ от него будет еще опаснее. Как вы не понимаете? Если дезинтегратор существует и если он находится в монопольном владении Соединенных Штатов, значит, доступ к нему имеет строго ограниченный круг лиц. Как бывший член службы безопасности, я обладаю кое-каким практическим опытом в подобных делах и могу вас заверить, что только один человек в мире мог выкрасть дезинтегратор из секретного арсенала – только президент Соединенных Штатов... Только он, мистер Дженек, мог организовать это покушение.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, затем Дженек нажал на кнопку под краем столешницы и сказал:

– Дополнительная предосторожность. Теперь никто не сможет нас подслушать, какие бы средства ни были у него в распоряжении. Мистер Эдвардс, вы осознаете всю опасность своего заявления? Опасность для вас? Не переоценивайте силу Всемирной хартии. Правительство имеет право принимать разумные меры для гарантирования своей стабильности.

– Я обратился к вам, мистер Дженек, – сказал Эдвардс, – как к человеку, которого счи-

таю лояльным американцем. Я сообщил вам о страшнейшем преступлении, которое затрагивает всех американцев и всю Федерацию. О преступлении, создавшем ситуацию, которую только вы один можете исправить. Почему вы отвечаете мне угрозами?

– Вот уже второй раз вы предназначаете мне роль потенциального спасителя планеты. Но я для нее никак не подхожу. Надеюсь, вы понимаете, что я никакой особой властью не обладаю.

– Вы секретарь президента.

– Но это же не означает, что у меня есть особый доступ к нему, что я пользуюсь его неограниченным доверием. Бывают моменты, мистер Эдвардс, когда я подозреваю, что многие считают меня просто лакеем, и порой я даже бываю склонен с ними согласиться.

– Тем не менее вы видите его часто, видите в неофициальной обстановке, видите...

– Да, – нетерпеливо перебил Дженек, – я вижу его достаточно часто и подолгу, а потому могу вас заверить, что президент не распорядился бы об уничтожении пресловутого механического приспособления в день празднования Трехсотлетия.

– Значит, по вашему мнению, это невозможно?

– Я сказал другое; что он не отдал бы такого распоряжения. Зачем? С какой стати президент может распорядиться уничтожить свое андроидное подобие, служившее ему отличным подспорьем три с лишним года его пребывания на посту? А и будь у него на то причины, для чего проделывать это столь публично – на праздновании Трехсотлетия? Открыв таким образом существование своего двойника, рискуя вызвать брезгливое отвращение граждан, вдруг узнавших, что они обменивались рукопожатием с механическим устройством! А дипломатические последствия того, что представителей других регионов Федерации иногда принимал не он сам? Он же мог просто приказать, чтобы устройство демонтировали с сохранением тайны. И никто ничего не знал бы, кроме нескольких высокопоставленных лиц.

– Однако никаких нежелательных для президента последствий заминка не вызвала, ведь так?

– Ему пришлось отказаться от многих официальных приемов. Он менее доступен, чем прежде...

– Чем прежде был робот!

– Ну-у... – с некоторым смущением протянул Дженек. – Пожалуй, так.

– В любом случае президент был переизбран, и, хотя уничтожение произошло у всех на глазах, его популярность не пострадала. Следовательно, ваша ссылка на опасность публичного уничтожения – довод не слишком веский.

– Но он был переизбран вопреки случившемуся! Только потому, что он сразу же вышел на трибуну и произнес, согласитесь, чуть ли не самую замечательную речь в анналах американской истории. Его самообладание и выдержка были великолепны. Надеюсь, вы не станете спорить?

– Отлично поставленный спектакль. Можно подумать, что президент учел заминку заранее.

Дженек откинулся на спинку стула.

– Если я вас правильно понял, Эдвардс, вы намекаете на интригу в духе приключенческих романов? Так, по-вашему, президент распорядился уничтожить устройство прямо в гуще толпы на праздновании Трехсотлетия, которое наблюдал весь мир, с единственной целью – снискать восхищение своей быстротой и выдержкой? По-вашему, он подстроил все это, чтобы продемонстрировать неожиданную энергию и силу в крайне драматической ситуации и выиграть на выборах, уже почти проигранных? Мистер Эдвардс, вы начитались сказок.

– Вы были бы совершенно правы, – сказал Эдвардс, – утверждай я что-либо подобное. Но ведь я не говорил, что президент распорядился уничтожить робота. Я просто спросил, считаете ли вы это возможным, и вы энергично запротестовали. Чему я очень рад, так как полностью с вами согласен.

– Но тогда в чем же дело? Мне начинает казаться, что вы напрасно отнимаете у меня время.

– Погодите! Вы ни разу не задавались вопросом, почему этого нельзя было сделать лазерным лучом, портативным дезактиватором... да просто кувалдой, наконец? Почему кто-то ценой невероятных усилий завладел секретным строго охраняемым оружием, если существовало столько других возможностей? Даже оставляя в стороне эти трудности, для чего рисковать тем, что о существовании дезинтегратора узнает весь мир?

– Ну, дезинтегратор существует только в ваших теоретических предположениях.

– Робот мгновенно исчез прямо у меня на глазах. Я ведь следил за ним. Тут мне не нужны свидетельские показания. Я сам очевидец. И неважно, как называть оружие. Как бы вы его ни обозначили, оно расплыло робота на атомы и необратимо их рассеяло. Зачем это потребовалось? Что это за сверхубийство?

– Откуда мне знать, чем руководствовался тот, кто это сделал?

– Да? Но, по-моему, есть только одна логическая причина для столь полного уничтожения, исключая применение более обычных средств. Распыление не оставило от объекта ни малейшего следа. Ничего, что позволило бы определить, был ли это робот или иной объект.

– Но ведь вопроса о том, что именно было уничтожено, не встает, – сказал Дженек.

– Неужели? Я упомянул, что дезинтегратор мог быть передан кому-то только по прямому распоряжению президента. Но, раз существовал робот-двойник, какой президент отдал распоряжение о дезинтеграторе?

– Продолжать этот разговор бессмысленно, – резко сказал Дженек. – По-моему, вы сумасшедший.

– Но подумайте! – умоляюще произнес Эдвардс, – Ради бога, подумайте! Президент не уничтожил робота. Ваши доводы неопровержимы. Это робот уничтожил президента. Четвертого июля две тысячи семьдесят шестого года президент Уинклер был убит в толпе, затем робот, двойник президента Уинклера, произнес юбилейную речь, вновь выставил свою кандидатуру на выборах, победил и все еще остается президентом Соединенных Штатов.

– Безумие!

– Я пришел к вам, именно к вам, потому что только вы можете это доказать... и исправить положение!

– Но ведь ничего этого нет! Президент, он... президент! – Дженек приподнялся, словно давая понять, что разговор окончен.

– Но вы же сами сказали, что он изменился, – почти крикнул Эдвардс. – Речь на Трехсотлетнем юбилее произнес не прежний Уинклер. Разве вы сами не поражались тому, чего удалось достичь за последние два года? Скажите честно, разве был Уинклер, тот, что занимал пост первый срок, способен сделать все это?

– Да, был. Потому что второй срок этот пост занимает тот же самый президент, который занимал его первый срок.

– Вы отрицаете, что он изменился? Я задаю вам вопрос. А решать вам. И я приму ваше решение.

– Он сумел собраться, как того требовала необходимость. Американская история знает другие подобные случаи. – Но Дженек вновь сел, и лицо у него было встревоженное.

– Он не пьет, – сказал Эдвардс.

– Он никогда не пил... то есть помногу.

– Он больше не имеет женщин. Вы же не отрицаете, что в прошлом это бывало?

– Президент нормальный мужчина. Но последние два года он всецело посвятил себя Федерации.

– Перемена к лучшему, не спорю, – сказал Эдвардс. – Однако это перемена. Разумеется, имей он женщину, маскараду сразу пришел бы конец, не так ли?

– Очень жаль, что у него нет жены, – Это архаичное слово Дженек произнес с некоторой неловкостью. – Тогда подобные нелепые домыслы вообще не возникли бы.

– Это обстоятельство благоприятствовало заговору. Но он ведь отец двоих детей. Если не ошибаюсь, они после Трехсотлетия ни разу не бывали в Белом Доме.

– Ну и что? Это взрослые люди, у них своя жизнь.

– А их приглашали? Хочет ли президент с ними видеться? Вы его личный секретарь и должны знать. Так как же?

– Вы напрасно тратите время, – сказал Дженек. – Робот не может убить человека. Таков Первый Закон Роботехники, и вы это знаете.

– Да, конечно. Но ведь никто не утверждает, что робот Уинклер сам убил человека Уинклера. Когда человек Уинклер находился в толпе, робот Уинклер прятался на трибуне, а вряд ли дезинтегратором можно прицельно поразить с такого расстояния, не задев больше ничего. Конечно, это не вовсе исключено, однако более вероятно, что у робота Уинклера имелся сообщник – убивала, если я правильно помню жаргон двадцатого века.

Дженек нахмурился. Его полное лицо болезненно сморщилось.

– Вы знаете, – сказал он, – безумие, видимо, заразительно. Я начинаю всерьез задумываться над вашим сумасшедшим предположением. К счастью, оно не выдерживает критики. Для чего убивать человека Уинклера на глазах всего мира? Все доводы против публичного уничтожения робота приложимы и к публичному уничтожению президента-человека. Неужели вы не понимаете, что это перечеркивает всю вашу теорию?

– Но нет же... – начал Эдвардс.

– Да-да! Существование механического двойника было известно лишь нескольким официальным лицам. Будь президент Уинклер убит тайно, робот легко занял бы его место, не вызвав подозрений... Например, ваших.

– Но осталось бы несколько осведомленных лиц, мистер Дженек. Пришлось бы убрать и их. – Эдвардс наклонился над столом. – Видите ли, при обычных обстоятельствах опасности спутать человека с машиной не существовало. Полагаю, робот не был в непрерывном употреблении, его включали лишь в определенных случаях, а о том, где находится президент и что он делает, всегда знают люди, чьей обязанностью это является. И их, вероятно, не так уж мало. Следовательно, убийство можно было совершить только в тот момент, когда все эти люди считали, что перед ними не президент, а робот.

– Не понимаю.

– Вот послушайте. Одной из функций робота было пожимать руки в толпе. Обмениваться рукопожатиями с избирателями. Пока это происходило, осведомленные люди знали, что прodelывает это робот.

– Вот именно. Тут вы совершенно правы. И это был робот.

– С одной маленькой поправкой. Праздновалось Трехсотлетие, и президент Уинклер не устоял перед соблазном. Да и можно ли требовать, чтобы президент – а тем более такой пустой любитель рукоплесканий и мелкий популист, как Уинклер, – отказался упиться преклономением толпы в подобный день и уступил это удовольствие машине? Не исключено, что робот всячески содействовал распалению его тщеславия, с тем чтобы в день Трехсотлетия президент приказал ему остаться за трибуной, а сам отправился пожимать руки и наслаждаться приветствиями.

– Тайно приказал?

– Естественно. Предупреди президент об этом кого-нибудь из службы безопасности, или из своего окружения, или вас, ему бы воспрепятствовали, верно? После событий второй половины двадцатого века официальное отношение к возможности покушения стало просто параноидальным. И вот, подталкиваемый несомненно умным роботом...

– Вы полагаете, что робот был умен, поскольку считаете, что он в настоящее время занимает пост президента. Это порочный круг. Если это не президент, то нет оснований считать его умным или способным разработать такой план. Кроме того, каким образом робот вообще мог планировать убийство? Даже если бы убить президента должен был не он, так ведь Первый Закон запрещает и косвенное содействие потере человеческой жизни. В нем сказано: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

– Первый Закон не абсолютен, – возразил Эдвардс. – Что, если причинение вреда одно-

му человеку спасет жизнь двух других, или трех, или даже трех миллиардов других? Робот мог счесть, что спасение Федерации важнее спасения одной жизни. Ведь это же был не обычный робот. Его сконструировали в качестве двойника президента с точностью, рассчитанной на всеобщий обман. Предположим, он обладал способностями президента Уинклера без его слабостей, и предположим, он знал, что сумеет спасти Федерацию, а президент – нет?

– Это вы способны рассуждать так, но откуда вы взяли, что механическое приспособление обладало подобной логикой?

– Иного объяснения для случившегося нет.

– По-моему, это параноические бредни.

– В таком случае, – сказал Эдварде, – объясните мне, почему уничтоженный объект расплыли на атомы? Если не для того, чтобы скрыть, что уничтожен был человек, а не робот? Ведь всякий иной способ оставил бы уличающие следы. Так дайте мне альтернативное объяснение!

Дженек покраснел.

– Я категорически не согласен.

– Но вы можете доказать, что это не так. Или опровергнуть. Вот почему я пришел к вам, именно к вам.

– Как я могу доказать? Или опровергнуть, если уж на то пошло?

– В силу вашего положения вы видите президента в неофициальной обстановке. Семьи у него нет, и вы – самый близкий к нему человек. Так понаблюдайте за ним как можно пристальнее.

– Да, я знаю его близко. И повторяю, он не...

– Вовсе нет! Вы же ничего не подозревали и не обращали внимания на мелочи. Понаблюдайте за ним теперь, когда вам известно, что, быть может, он робот, и вы убедитесь!

Дженек сказал насмешливо:

– Конечно, я могу оглушить его и проверить металлоискателем. Мозг даже у андроида платиново-иридиевый.

– Насилия не потребуется. Просто последите за ним, и вы убедитесь, что он совсем не тот человек, каким был, и, значит, вовсе не тот человек.

Дженек взглянул на настенные часы-календарь.

– Мы разговариваем больше часа.

– Простите, что я отнял у вас столько времени, но, надеюсь, вы убедились, до какой степени это важно?

– Важно? – повторил Дженек, потом вскинул голову, и уныние на его лице сменилось чем-то вроде проблеска надежды. – Но так ли уж это важно? По-настоящему важно?

– То есть как? Президент Соединенных Штатов – робот, и это по-настоящему не важно?

– Я имел в виду другое. Забудьте, кто и что президент Уинклер, а подумайте вот о чем: некто, занимающий пост президента Соединенных Штатов, спас Федерацию, сумел сплотить ее, а теперь руководит Советом в интересах мира и конструктивных компромиссов. Вы согласны?

– Да, конечно, – ответил Эдварде. – Но ведь это создает прецедент! Робот в Белом Доме сейчас по очень хорошей причине может через двадцать лет обернуться роботом в Белом Доме по очень плохой причине, а затем роботами в Белом Доме без всякой причины, просто по заведенному порядку. Неужели вы не видите, как важно заглушить на первой слабой ноте трубный звук, призывающий к исчезновению человечества?

– Ну, предположим, я обнаружу, что он робот. – Дженек пожал плечами. – Мы разгласим это на весь мир? Вы представляете, как это отразится на финансовой системе мира? Вы представляете...

– Да, представляю. Поэтому-то я и пришел к вам частным образом, вместо того чтобы предать свои выводы гласности. Вам надо произвести проверку для окончательного заключения. Затем, убедившись, что он робот, в чем я не сомневаюсь, вы должны будете уговорить

его сложить с себя полномочия.

– И он, учитывая ваше толкование его отношения к Первому Закону, позаботится убрать меня, поскольку он занят разрешением величайшего всемирного кризиса двадцать первого века, а я стану ему помехой.

Эдвардс покачал головой.

– Прежде робот действовал втайне, и никто не опровергал доводов, которыми он убеждал себя. А вы своими доводами сумеете вернуть его к более строгому соблюдению Первого Закона. В случае необходимости мы сможем заручиться помощью специалиста из «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», который в свое время его сконструировал. Как только он подаст в отставку, его заменит вице-президент. Если робот Уинклер повернул мир на правильный путь, то вице-президент, порядочная благородная женщина, сумеет удержать его на этом пути. Но мы не можем допустить, чтобы нами управлял робот. Ни теперь, ни когда-либо после.

– А что, если президент человек?

– Предоставляю это вам. Вы и сами разберетесь.

– Я не настолько уверен в себе, – сказал Дженек. – Что, если я не сумею решить? Если не смогу себя принудить? Если не посмею? Что вы предпримете тогда?

В голосе Эдвардса прозвучала тяжелая усталость.

– Не знаю. Возможно, обращусь в «Ю. С. Роботс». Но думаю, что до этого не дойдет. Я убежден, что теперь, когда я переложил решение проблемы на вас, вы не успокоитесь, пока все не будет улажено. Неужели вы хотите, чтобы вами управлял робот?

Он встал, и Дженек его не удерживал. Они не обменялись рукопожатием.

Дженек продолжал сидеть в сгущающихся сумерках. Он никак не мог оправиться от шока.

Робот!

Человек вошел вот в эту дверь и строго логично начал доказывать, что президент Соединенных Штатов – робот.

Сначала казалось, что переубедить Эдвардса будет нетрудно. Но хотя он пустил в ход все аргументы, какие только сумел найти, тот остался при своем мнении.

Робот – президент! Эдвардс неколебимо уверен в этом и позиции не переменит. А если настаивать, что президент человек, Эдвардс обратится в «Ю. С. Роботс». Такой не успокоится.

Дженек нахмурился, вспоминая двадцать восемь месяцев, протекших со дня Трехсотлетия. Вопреки вероятности, как хорошо все шло! А теперь?

Он мрачно обдумывал положение.

Дезинтегратор все еще у него. Но, естественно, бессмысленно употребить его против человека, чей труп и должен быть человеческим. Достаточно поражения бесшумным лазерным лучом в уединенном месте.

В прошлый раз добиться от президента необходимых действий удалось ценой невероятных усилий, но про данный случай он просто ничего не будет знать.

V. Пауэлл и Донован

Первый закон

First Law (1956)

Перевод: Г. Орлов

Майку Доновану стало скучно. Он поглядел на пустую пивную кружку и решил, что

наслушался предостаточно.

– Если уж разговор зашел о странных роботах, – сказал он громко, – так мне однажды довелось иметь дело с таким, который нарушил Первый Закон.

Это было настолько невероятно, что все сразу замолчали и повернулись к Доновану.

Донован тут же пожалел, что распустил язык, и попробовал переменить тему:

– Вчера я слышал забавную историю о...

– Ты что, знал робота, который причинил вред человеку? – перебил сидевший рядом Макферлейн.

Само собой разумелось, что нарушение Первого Закона могло означать только это.

– В некотором роде, да, – ответил Донован. – Так вот, я слышал историю о...

– А ну-ка, – потребовал Макферлейн, а остальные принялись стучать кружками по столу.

Донован понял, что отступать некуда.

– Это произошло на Титане лет десять назад, – начал он, лихорадочно соображая. – Ну да, в двадцать пятом. Мы только что получили трех роботов новой модели, созданной специально для Титана. Это были первые роботы серии МА. Мы назвали их Эмма Один, Два и Три. – Он щелкнул пальцами, требуя очередную кружку пива, и задумчиво поглядел вслед официанту. Ну, а дальше-то что?

– Полжизни занимаюсь Роботехникой, Майк, но ни разу не слышал о серии МА, – заметил Макферлейн.

– А их сняли с производства сразу же после... после того, о чем я собираюсь вам рассказать. Неужели ты не помнишь?

– Нет.

И Донован поспешно продолжал:

– Мы их приставили к делу не теряя времени. В сезон бурь, который на Титане длится в течение восьмидесяти процентов его обращения вокруг Сатурна, наша База полностью бездействовала. Во время снегопада стоило отойти от Базы на сотню ярдов – и пиши пропало. В жизни не отыскать. От компаса мало толку – у Титана нет магнитного поля. Роботы МА были оснащены вибродетекторами новой конструкции и шли прямо к Базе в любых условиях, так что добыча руды могла продолжаться хоть круглый год. Помолчи, Мак. Вибродетекторы тоже перестали поступать в продажу, поэтому-то ты о них ничего не слышал. – Донован кашлянул. – Их засекретили, понял?

– В первый сезон бурь, – продолжал он, – роботы действовали безупречно, но вот с началом спокойного сезона Эмма Два принялась выкидывать номера: пряталась по углам, забивалась под штабеля ящиков, и выманить ее оттуда было не так-то просто. В конце концов ушла с Базы и не вернулась. Мы решили, что в ее конструкции был какой-то дефект, и продолжали обходиться двумя оставшимися. Но как-никак мы лишились трети наших роботов, и поэтому, когда в конце спокойного сезона один из нас должен был отправиться в Корнск, я вызвался слетать туда без робота. Особой опасности не предвиделось: начало бурь ожидалось не раньше чем через двое суток, а я должен был обернуться за двадцать часов. Я уже возвращался и был в каких-нибудь десяти милях от Базы, когда внезапно подул сильный ветер и пошел снег. Я тут же посадил машину, не дожидаясь, чтобы ветер разбил ее вдребезги; определив направление на Базу, я побежал. Преодолеть оставшееся расстояние при малой силе тяжести на Титане было нетрудно, сложность заключалась в том, чтобы не сбиться с пути. Запас воздуха был у меня вполне достаточным, система обогрева скафандра работала нормально, но десять миль на Титане в бурю бесконечны.

Затем снег повалил так густо, что все вокруг потемнело и превратилось в мутный сумрак, в котором померк даже Сатурн, а солнце превратилось в бледную точку. Я остановился, и ветер чуть не сбил меня с ног. Прямо впереди я заметил какое-то небольшое темное пятно. Я различил его лишь с трудом, но я знал, что это такое. Буранник – единственное живое существо, способное вынести снежные смерчи на Титане, и самый свирепый хищник на свете. Я знал, что мой скафандр от него не защита. Видимость была такой скверной, что стрелять

можно было только в упор. Прوماхнись я – мне конец!

Я начал медленно пятиться, а темная тень двинулась ко мне. Расстояние между нами сокращалось. Шепча молитву, я уже поднял бластер, как вдруг из сумрака внезапно появилась еще одна тень, но побольше, и я завопил от радости. Это была Эмма Два, пропавший робот. Со времени ее исчезновения я постоянно размышлял о том, что могло с ней случиться и почему.

– Эмма, девочка, прикончи буранника и проводи меня на Базу, – взмолился я.

Она только взглянула на меня, будто и не слышала моих слов, и крикнула:

– Не стреляйте, хозяин, только не стреляйте.

И кинулась к бураннику.

– Прикончи эту чертову тварь, Эмма! – рявкнул я.

А она схватила буранника и побежала дальше. Я продолжал звать ее, пока совсем не потерял голос, но она так и не вернулась, оставив меня погибать под снегом.

Выдержав эффектную паузу, Донован добавил:

– Все вы, разумеется, знаете Первый Закон: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред! Так вот, Эмма Два убежала с буранником и оставила меня умирать. Первый Закон был нарушен. К счастью, я остался цел и невредим. Через полчаса ветер стих. Это был случайный шквал, и длился он недолго. Такое там бывает. А настоящий буран разразился лишь на следующий день. Едва снег перестал валить, я со всех ног бросился к Базе. Через два часа туда явилась и Эмма Два. Разумеется, ее тайна тут же раскрылась, и роботов МА немедленно изъяли из продажи.

– Ну, и в чем же было дело? – спросил Макферлейн.

– Видишь ли, Мак, это, конечно, верно, что мне, человеку, грозила смертельная опасность, но этого робота заботило нечто более важное, чем я или Первый Закон. Ведь это были роботы серии МА, и этот, прежде чем исчезнуть, все норовил спрятаться в укромное местечко. Он вел себя так, будто с ним должно было случиться что-то необычное, что-то не предназначенное для посторонних глаз. Так оно и вышло.

Донован благоговейно поднял глаза к потолку, и голос его дрогнул:

– Буранник-то оказался вовсе не буранником. Мы назвали его Эмма Младшая; Эмма Два привела ее с собой на Базу. Эмма Два испытывала неодолимую потребность защитить ее от моего выстрела. Что такое Первый Закон в сравнении со святыми узами материнской любви?

Хоровод

Runaround (1942)

Перевод: А. Иорданский

Одно из любимых изречений Грегори Пауэлла гласило, что паника до добра не доводит. Поэтому, когда потный и возбужденный Майкл скатился ему навстречу по лестнице, Пауэлл нахмурился.

– В чем дело? – спросил он. – Ноготь сломал?

– Еще чего, – задыхаясь, огрызнулся Донован. – Что ты целый день делал внизу? – Он перевел дух и выпалил: – Спида не вернулся!

Глаза Пауэлла широко раскрылись, и он остановился, но тут же заставил себя успокоиться и продолжал молча подниматься. Только на верхней площадке он спросил:

– Ты послал его за селеном?

– Да.

– И давно?

– Уже пять часов.

Снова наступило молчание. Вот дьявольское положение! Ровно двенадцать часов они находятся на Меркурии – и уже попали в такую скверную переделку. Меркурий всегда счи-

тался самой каверзной планетой во всей Солнечной системе, но это уже слишком!

Пауэлл произнес:

– Начни сначала и рассказывай по порядку.

Они вошли в радиорубку. Оборудование ее, до которого никто не дотрагивался за все десять лет, прошедшие со времен Первой экспедиции, уже несколько устарело. Для техники эти десять лет значили очень много. Сравнить хотя бы Спида с теми роботами, которых выпускали в 2005 году. Правда, последние достижения Роботехники были особенно головокружительны.

Пауэлл осторожно провел пальцем по еще не потускневшей поверхности металла. Все, что находилось в рубке, казалось каким-то заброшенным и производило гнетущее впечатление. Как, впрочем, и вся станция.

Донован тоже это почувствовал. Он сказал:

– Я попробовал связаться с ним по радио, но без всякого толку. На солнечной стороне радио бесполезно – во всяком случае на расстоянии больше двух миль, Отчасти поэтому и не удалась Первая экспедиция. А чтобы наладить УКВ, нам нужна не одна неделя...

– Ладно, знаю. Что же все-таки ты выяснил?

– Я поймал немодулированный сигнал на коротких волнах. По нему можно было только определить положение Спида. Я следил за ним два часа и нанес результаты на карту.

Донован достал из заднего кармана пожелтевший листок бумаги – наследие неудачной Первой экспедиции – и, швырнув его на стол, яростно прихлопнул ладонью. Пауэлл следил за ним, стоя поодаль и скрестив руки на груди. Донован нервно ткнул карандашом:

– Этот красный крестик – селеновое озеро.

– Которое? – прервал его Пауэлл. – Там три озера. Те, которые Мак-Дугал нанес для нас на карту перед тем, как улететь.

– Конечно, я послал Спида к самому ближайшему. Семнадцать миль отсюда. Но не в этом дело, – голос Донована дрожал от напряжения. – Все эти точки обозначают положение Спида.

В первый раз за все время напускное спокойствие слетело с Пауэлла. Он схватил карту.

– Ты шутишь? Этого не может быть!

– Смотри сам, – буркнул Донован.

Точки, обозначавшие положение робота, образовали неровную окружность, в центре которой находился красный крестик – селеновое озеро. Пальцы Пауэлла потянулись к усам – несомненный признак тревоги.

Донован добавил:

– За два часа, пока я за ним следил, он обошел это проклятое озеро четыре раза. Похоже, он собирается кружить там без конца. Понимаешь, в каком мы положении?

Пауэлл взглянул на него, но ничего не сказал. Конечно, он понимал, в каком они положении. Все было просто, как цепочка силлогизмов. От мощи чудовищного меркурианского солнца их отгораживали только батареи фотоэлементов. Не будет фотоэлементов... Что же, медленное поджаривание – один из самых неприятных видов смерти.

Донован яростно взъерошил рыжую шевелюру.

– Мы осрамимся на всю Солнечную систему, Грег. Это же надо – сразу сесть в галошу! «Знаменитая бригада в составе Пауэлла и Донована послана на Меркурий, чтобы выяснить, стоит ли открывать на солнечной стороне рудники с новейшей техникой и роботами». И вот в первый же день мы все испортили. А дело ведь самое простое. Да нам теперь никакой жизни не будет.

– Об этом не стоит беспокоиться, – спокойно сказал Пауэлл. – Если мы срочно что-нибудь не предпримем, о жизни не может быть и речи. Мы просто не выживем.

– Не говори глупостей! Может быть, тебе и смешно, а мне нет. Послать нас сюда с одним-единственным роботом – это просто преступление! Да еще эта твоя блестящая идея – самим восстановить фотоэлементы.

– Ну, это ты напрасно. Мы же вместе решали, Ведь нам всего-то и нужно что кило-

грамм селена, диэлектрическую установку Стиллхэда и три часа времени. И по всей солнечной стороне стоят целые озера чистого селена. Спектрорефлектор Мак-Дугала за пять минут засек целых три. Какого черта! Не могли же мы ждать следующего противостояния!

– Так что будем делать? Пауэлл, ты что-то придумал? Я знаю, иначе бы ты не был таким спокойным. На героя ты тоже похож не больше, чем я. Давай выкладывай!

– Сами пойти за Спида мы не можем. Это все-таки солнечная сторона. Под этим солнцем даже новые скафандры выдержат не больше двадцати минут. Но знаешь старую поговорку: «Пошли робота поймать робота»? Послушай, Майк, дело, может быть, не так уж плохо. У нас внизу есть шесть роботов. Если они только исправны.

В глазах Донована мелькнул проблеск надежды.

– Шесть роботов Первой экспедиции? А ты уверен? Может быть, это просто полуавтоматы? Ведь десять лет – это очень много для Роботехники.

– Нет, это роботы, Я целый день с ними возился и теперь знаю. У них позитронный мозг – конечно, самый примитивный.

Он сунул карту в карман.

– Пойдем вниз.

Роботы хранились в самом нижнем ярусе станции, среди покрытых пылью ящиков неизвестно с чем. Они были очень большие – даже в сидячем положении их головы возвышались над полом на добрых два метра.

Донован присвистнул:

– Вот это габариты, а? Не меньше трех метров в обхвате.

– Это потому, что они оборудованы старым приводом Мак-Геффи. Я заглянул внутрь – жуткое устройство.

– Ты еще не включал их?

– Нет. А зачем? Вряд ли что-нибудь не в порядке. Даже диафрагмы выглядят прилично. Они должны говорить.

Он отвинтил щиток на груди ближайшего робота и вложил в отверстие двухдюймовый шарик, в котором была заключена ничтожная искорка атомной энергии – все, что требовалось, чтобы вдохнуть в робота жизнь. Шарик было довольно трудно приладить, но в конце концов Пауэллу это удалось. Потом он старательно закрепил щиток и занялся следующим роботом.

Донован сказал с беспокойством:

– Они не двигаются.

– Нет команды, – коротко объяснил Пауэлл. Он вернулся к первому роботу и хлопнул его по броне:

– Эй, ты! Ты меня слышишь?

Гигант медленно нагнул голову, и его глаза остановились на Пауэлле. Потом раздался хриплый скрипучий голос, похожий на звук древнего фонографа:

– Да, хозяин.

Пауэлл невесело усмехнулся.

– Понял, Майк? Это один из первых говорящих роботов. Тогда дело шло к тому, что применение роботов на Земле запретят. Но конструкторы пытались предотвратить это и заложили в дурацкие машины прочный, надежный инстинкт раба.

– Но это не помогло, – заметил Донован.

– Нет, конечно, но они все-таки старались.

Он снова повернулся к роботу.

– Встань!

Робот медленно поднялся. Донован задрал голову и снова присвистнул.

Пауэлл спросил:

– Ты можешь выйти на поверхность? На солнце?

Наступила тишина. Мозг робота работал медленно. Потом робот ответил:

– Да, хозяин.

– Хорошо. Ты знаешь, что такое миля?

Снова молчание и неторопливый ответ:

– Да, хозяин.

– Мы выведем тебя на поверхность и укажем направление. Ты пройдешь около семнадцати миль и встретишь где-то там другого робота, поменьше, Понимаешь?

– Да, хозяин.

– Ты найдешь этого робота и прикажешь ему вернуться. Если он не пойдет, приведешь его силой.

Донован тронул Пауэлла за рукав.

– Почему бы не послать его прямо за селеном?

– Потому что мне нужен Спида, понятно? Я хочу знать, что с ним стряслось. – Повернувшись к роботу, он приказал: – Иди за мной!

Робот не двинулся с места, и его голос громыхнул:

– Прости хозяин, но я не могу. Ты должен сначала сесть.

Его неуклюжие руки со звоном соединились, тупые Пальцы переплелись, образовав что-то вроде стремени. Пауэлл ухватился за робота, теребя усы.

– Ого! Гм...

Донован вытаращил глаза.

– Мы должны ехать на них? Как на лошадях?

– Наверное. Правда, я не знаю, зачем это. Впрочем... Ну, конечно! Я же говорю, что тогда слишком увлекались безопасностью. Очевидно, конструкторы хотели всех убедить, что роботы совершенно безопасны. Они не могут двигаться самостоятельно, а только с погонщиком на плечах. А что нам делать?

– Я об этом и думаю, – проворчал Донован, – Мы все равно не можем появиться на поверхности – с роботом или без робота. О господи! – Он дважды возбужденно щелкнул пальцами. – Дай мне эту карту. Зря, что ли, я ее два часа изучал? Вот наша станция. А почему бы нам не воспользоваться туннелями?

Станция была помечена на карте кружком, от которого паутиной разбежались пунктирные линии туннелей. Донован взгляделся в список условных обозначений.

– Смотри, – сказал он, – эти маленькие черные точки – выходы на поверхность. Один из них самое большое в трех милях от озера. Вот его номер... Они могли бы писать и по крупнее... Ага, 13а. Если только роботы знают дорогу...

Пауэлл немедленно задал вопрос и получил в ответ вялое «Да, хозяин».

– Иди за скафандрами, – удовлетворенно сказал он.

Они надевали скафандры впервые. Еще вчера, когда они прибыли на Меркурий, они вообще не собирались этого делать. А теперь они неловко двигали руками и ногами, осваиваясь с неудобным одеянием.

Скафандры были намного толще и еще безобразнее, чем обычные костюмы для космических полетов. Зато они были значительно легче – в них не было ни кусочка металла. Изготовленные из термоустойчивого пластика, прослоенные специально обработанной пробкой, снабженные устройством, удалявшим из воздуха всю влагу, эти скафандры могли противостоять нестерпимому сиянию меркурианского солнца двадцать минут, ну и еще пять-десять минут без непосредственной смертельной опасности для человека.

Робот все еще держал руки стремнем. Он не выказал никаких признаков удивления при виде нелепой фигуры, в которую превратился Пауэлл. Радио хрипло разнесло голос Пауэлла:

– Ты готов доставить нас к выходу 13а?

– Да, хозяин.

«И то хорошо, – подумал Пауэлл. – Может быть, им и не хватает дистанционного радиоуправления, но, по крайней мере, они хоть могут принять команды».

– Садись на любого, Майк, – сказал он Доновану. Он поставил ногу в импровизированное стремя и взобрался наверх. Сидеть было удобно: на спине у робота был специальный

горб, на каждом плече – по выемке для ног. Теперь стало ясно и назначение «ушей» гиганта. Пауэлл взялся за «уши» и повернул голову робота. Тот неуклюже повернулся.

– Вези, Макдуф!

Но на самом деле Пауэллу было вовсе не до шуток.

Шагая медленно, с механической точностью, гигантские роботы прошли в дверь, притолока которой пришлась едва на полметра выше их голов, так что всадники поспешили пригнуться. Узкий коридор, под сводами которого мерно громыхали тяжелые, неторопливые шаги гигантов, вел в шлюзовую камеру, где пришлось подождать, пока не будет откачан воздух.

Длинный безвоздушный туннель, уходящий вдаль, напоминал Пауэллу об огромной работе, проделанной Первой экспедицией с ее убогим снаряжением. Да, она окончилась неудачей, но эта неудача стоила иного легкого успеха.

Роботы шагали по туннелю. Их скорость была неизменна, поступь равномерна.

Пауэлл сказал:

– Смотри-ка, туннель освещен и температура, как на Земле. Наверное, так было все эти десять лет, пока здесь никто не жил.

– Каким же образом они этого добились?

– Дешевая энергия. Самая дешевая во всей Солнечной системе. Излучение Солнца здесь, на солнечной стороне Меркурия, – это не шуточки. Вот почему они построили станцию на открытом месте, а не в тени какой-нибудь горы. Ведь сама станция – это просто огромный преобразователь энергии. Тепло превращается в электричество, свет, механическую работу и во все, что хочешь, И одновременно с получением энергии станция охлаждается.

– Слушай, – сказал Донован, – это все очень поучительно, только давай поговорим о чем-нибудь другом. Ведь преобразованием энергии занимаются фотоэлементы, а это сейчас мое больное место.

Пауэлл что-то проворчал, и после паузы Донован заговорил о другом.

– Послушай, Грег. Что все-таки могло случиться со Спиди? Я никак не могу этого понять.

В скафандре трудно пожать плечами, но Пауэллу это удалось.

– Не знаю, Майк. Ведь он полностью приспособлен к условиям Меркурия. Жара ему не страшна, он рассчитан на уменьшенную силу тяжести, может двигаться по пересеченной местности. Все предусмотрено – по крайней мере, должно быть предусмотрено.

Они замолчали, на этот раз надолго.

– Хозяин, – сказал робот, – мы на месте.

– А? – Пауэлл очнулся. – Ну, давай выбираться наверх. На поверхность.

Они оказались в небольшом павильоне – пустом, полуразрушенном. Донован зажег фонарь и долго разглядывал рваные края дыры в одной из стен, прямо под потолком.

– Метеорит? Как ты думаешь? – спросил он. Пауэлл пожал плечами.

– Какая разница? Неважно. Пойдем.

Стоявшая рядом черная базальтовая скала защищала их от солнца. Вокруг все было погружено в черную тень безвоздушного мира. Тень обрывалась, как будто обрезанная ножом, и дальше начиналось нестерпимое белое сияние мириад кристаллов, покрывавших почву.

– Клянусь космосом, вот это да! – У Донована захватило дух от удивления. – Прямо как снег!

Действительно, это было похоже на снег. Пауэлл окинул взглядом сверкающую неровную поверхность, которая простиралась до самого горизонта, и поморщился от режущего глаза блеска.

– Это какое-то необычное место, – сказал он, – В среднем, коэффициент отражения от поверхности Меркурия довольно низок, и почти вся планета покрыта серой пемзой. Что-то вроде Луны. А красиво, правда?

Хорошо, что скафандры были снабжены светофильтрами. Красиво или нет, но неза-

щищенные глаза за полминуты ослепли бы от этого сверкания.

Донован посмотрел на термометр, укрепленный на запястье скафандра.

– Ого! Восемьдесят градусов!

Пауэлл тоже взглянул на термометр и сказал:

– Да... Многовато. Ничего не поделаешь, атмосфера...

– На Меркурии? Ты спятил!

– Да нет. Ведь и на Меркурии есть кое-какая атмосфера, – рассеянно ответил Пауэлл, пытаясь неуклюжими пальцами скафандра приладить к шлему стереотрубу. – У поверхности должен стелиться тонкий слой паров. Летучие элементы, тяжелые соединения, которые может удержать притяжение Меркурия. Селен, йод, ртуть, галлий, калий, висмут, летучие окислы. Пары попадают в тень и конденсируются, выделяя тепло. Это что-то вроде гигантского перегонного куба. Зажги фонарь – и увидишь, что скала с этой стороны покрыта каким-нибудь там серным инеем или ртутной росой.

– Ну, это неважно. Какие-то жалкие восемьдесят градусов наши скафандры выдержат сколько угодно.

Пауэлл наконец приладил стереотрубу и теперь стал похож на улитку с рожками. Донован напряженно ждал.

– Что-нибудь видно?

Пауэлл ответил не сразу. Его голос был полон тревоги.

– Вон на горизонте темное пятно. Это, скорее всего, селеновое озеро. Оно тут и должно быть. А Спида не видно.

Пауэлл поставил ноги на спину робота, осторожно выпрямился и стал вглядываться вдаль.

– Постой... Ну да, это он. Идет сюда.

Донован посмотрел в ту сторону, куда указывал палец Пауэлла. У него не было стереотрубы, но он разглядел на фоне ослепительного сверкания кристаллов движущуюся черную точку.

– Вижу! – крикнул он. – Поехали!

Пауэлл снова уселся на плечах робота и хлопнул перчаткой по его гигантской груди.

– Пошел!

– Давай, давай! – вопил Донован, прищипывая своего робота пятками.

Роботы двинулись вперед. Их мерный топот не был слышен в безвоздушном пространстве, а через синтетическую ткань скафандра звук тоже не передавался. Чувствовались только ритмичные колебания.

– Быстрее! – приказал Донован, но ритм не изменился.

– Бесполезно, – ответил Пауэлл. – Этот железный лом может двигаться только с одной скоростью, Не думаешь ли ты, что они оборудованы селективными флексорами?

Они вынырнули из тени. Свет солнца обрушился на них раскаленным потоком. Донован невольно пригнулся.

– Ух! Это мне кажется или на самом деле жарко?

– Скоро будет еще жарче, – последовал мрачный ответ. – Смотри – Спида!

Робот СПД-13 был уже близко, и его можно было рассмотреть во всех подробностях. Грациозное обтекаемое тело, отбрасывавшее слепящие блики, четко и быстро передвигалось по неровной поверхности. Его имя – Спида (Проворный) – было образовано из букв, составлявших его марку, но оно очень подходило ему. Модель СПД была одним из самых быстрых роботов, которые выпускались фирмой «Ю. С. Роботс».

– Эй, Спида! – завопил Донован, отчаянно махая руками.

– Спида! – закричал Пауэлл. – Иди сюда.

Расстояние между людьми и свихнувшимся роботом быстро уменьшалось – больше благодаря Спида, чем медленным устаревшим за десять лет сооружениям, на которых восседали Пауэлл и Донован.

Теперь уже можно было разглядеть, что походка у Спида какая-то неровная – робот

заметно пошатывался на ходу из стороны в сторону. Пауэлл замахал рукой и увеличил до предела усиление в своем компактном, встроенном в шлем радиопередатчике, готовясь крикнуть еще раз. В этот момент Спиди заметил их.

Он остановился как вкопанный и стоял некоторое время, чуть покачиваясь, как будто от легкого ветерка. Пауэлл закричал:

– Все в порядке, Спиди! Иди сюда!

В наушниках наконец-то послышался голос робота:

– Вот здорово! Давайте поиграем. Вы ловите меня, а я буду ловить вас. Никакая любовь нас не разлучит. Я – маленький цветочек, милый маленький цветочек. Ур-ра!

Повернувшись кругом, он помчался обратно с такой скоростью, что из-под его ног полетели комки спекшейся пыли. Последние слова, которые он произнес, удаляясь, были: «Растет цветочек маленький под дубом вековым». За этим последовали металлические щелчки, которые, возможно, у робота соответствовали икоте.

Донован тихо сказал:

– Откуда он взял эти нелепые стишки? Слушай, Грег, он... пьян. Очень похоже.

– Если бы ты мне этого не сообщил, я бы, наверное, никогда не догадался, – ехидно заметил Пауэлл. – Давай вернемся в тень. Я уже поджариваюсь.

Они помолчали. Потом Пауэлл сказал:

– Прежде всего, Спиди не пьян – то есть, не так, как человек. Он робот, а роботы не пьянеют. Но с ним происходит что-то неладное, и это выглядит так же, как у человека – опьянение.

– По-моему, он действительно пьян, – решительно заявил Донован. – Во всяком случае, он думает, что мы с ним играем. А нам не до игрушек. Это дело жизни или смерти – и смерти довольно-таки неприятной.

– Ладно, не спеши. Робот – это всего только робот. Как только мы узнаем, что с ним, мы его починим.

– Как только... – желчно буркнул Донован.

Пауэлл пропустил эти слова мимо ушей.

– Спиди прекрасно приспособлен к обычным условиям Меркурия. Но эта местность, – он обвел руками Горизонт, – явно необычна. Вот в чем дело. Откуда, например, взялись эти кристаллы? Они могли образоваться из медленно остывающей жидкости. Но какая жидкость настолько горяча, чтобы остывать под солнцем Меркурия?

– Вулканические явления, – немедленно продолжил Донован.

Пауэлл опять напрягся.

– Устами младенца... – произнес он сдавленным голосом и замолчал на пять минут. Потом сказал: – Слушай, Майк. Что ты сказал Спиди, когда посылал его за селеном?

Донован удивился.

– Ну, не знаю. Я просто велел принести селен.

– Это ясно. Но как? Попробуй точно припомнить.

– Я сказал... Постой... Я сказал: «Спиди, нам нужен селен. Ты найдешь его там-то и там-то. Пойди и принеси его». Вот и все. Что же я еще должен был сказать?

– Ты не говорил, что это очень важно, срочно?

– Зачем? Дело-то простое.

Пауэлл вздохнул.

– Да, теперь уже ничего не изменишь. Но мы попали в переделку.

Он слез со своего робота и сел, прислонившись к скале. Донован подсел к нему и взял под руку. За гранью тени слепящее солнце, казалось, подстерегало их, как кошка – мышь. А рядом стояли два гигантских робота, невидимые в темноте. Только светившиеся тусклым красным светом фотоэлектрические глаза смотрели на них – немигающие, неподвижные, равнодушные.

Равнодушные! Такие же, как и весь этот гибельный Меркурий – маленький, но коварный.

Донован услышал напряженный голос Пауэлла:

– Теперь слушай. Начнем с Трех Основных Законов Роботехники – трех правил, которые прочно закреплены в позитронном мозгу. Первое: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

– Правильно.

– Второе, – продолжал Пауэлл, – робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, если эти приказы не противоречат Первому Закону.

– Верно.

– И третье: робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам.

– Верно. Ну и что?

– Так это же все объясняет. Когда эти законы вступают в противоречие между собой, дело решает разность позитронных потенциалов в мозгу. Что получается, если робот приближается к месту, где ему грозит опасность, и осознает это? Потенциал, который создается Третьим Законом, автоматически заставляет его вернуться. Но представь себе, что ты приказал ему приблизиться к опасному месту, В этом случае Второй Закон создает противоположный потенциал, который выше первого, и робот выполняет приказ с риском для собственного существования.

– Это я знаю. Но что отсюда следует?

– Что могло случиться со Спиди? Это одна из последних моделей, специализированная, дорогая, как линкор. Он сделан так, чтобы его нелегко было уничтожить.

– Ну и?..

– Ну и при его программировании Третий Закон был задан особенно строго – кстати, это специально отмечалось в проспектах. Его стремление избежать опасности необыкновенно сильно. А когда ты послал его за селеном, ты дал команду небрежно, так что потенциал, связанный со Вторым Законом, был довольно слаб. Это все – факты.

– Давай, давай. Кажется, я начинаю понимать.

– Ясно? Около селенового озера существует какая-то опасность. Она возрастает по мере того, как робот приближается к нему, и на каком-то расстоянии от озера потенциал Третьего Закона, с самого начала очень высокий, становится равен потенциалу Второго Закона, с самого начала слабому.

Донован возбужденно вскочил на ноги.

– Ясно! Устанавливается равновесие. Третий Закон гонит его назад, а Второй – вперед...

– И он начинает кружить около озера, оставаясь на линии, где существует это равновесие. И если мы ничего не предпримем, он так и будет бегать по этому кругу, точно в хороводе...

Он продолжал задумчиво:

И между прочим, поэтому он и ведет себя, как пьяный. При равновесии потенциалов половина позитронных цепей в мозгу не действует. Я не специалист по позитронике, но это очевидно, возможно, он потерял контроль как раз над теми же частями своего волевого механизма, что и пьяный человек, А вообще все это очень мило.

– Но откуда взялась опасность? Если бы знать, от чего он бежит...

– Да ведь ты сам уже догадался! Вулканические явления. Где-то около озера просачиваются газы из недр Меркурия. Серноокислый газ, уголекислота – и окись углерода. А при здешних температурах...

Донован проглотил слюну.

– Окись углерода плюс железо дает лучший карбонил железа?

– А робот, – мрачно добавил Пауэлл, – это в основном железо. Люблю логические рассуждения. Мы уже все выяснили, кроме того, что теперь делать. Сами добраться до селена мы не можем – все-таки слишком далеко. Мы не можем послать этих битюгов, потому что они без нас не пойдут, а если мы поедем с ними, то успеем подрумяниться. Поймать Спиди

мы не можем – этот дурень думает, что мы с ним играем, а скорость у него шестьдесят миль в час против наших четырех...

– Но если один из нас отправится за ним, – начал задумчиво Донован, – и вернется поджаренным, то ведь останется другой...

– О да, конечно. Очень трогательная жертва! Только прежде чем человек доберется до озера, он уже будет не в состоянии отдать приказ. А без приказа роботы вряд ли вернуться. Прикинь: мы в двух или а трех милях от озера – ну, считай, в двух. Робот делает четыре мили в час. А в скафандрах мы можем продержаться двадцать минут. Имей в виду, что тут не только высокая температура. Солнечное излучение в ультрафиолете и дальше – это тоже смерть.

– Н-да, – сказал Донован. – Всего десяти минут не хватает.

– Для нас все равно – десяти минут или целой вечности. И еще: чтобы потенциал Третьего Закона остановил Спида на таком расстоянии, здесь должно быть довольно много окиси углерода, смешанной с верами металлов. В такой среде быстро идет коррозия. Он гуляет там уже несколько часов. В любой момент, скажем, коленный сустав может выйти из строя, и он перевернется. Тут нужно не просто шевелить мозгами – нужно решать быстро!

Наступило глубокое, мрачное, унылое молчание.

Первым заговорил Донован. Его голос дрожал, но он старался говорить спокойно.

– Ну, хорошо, мы не можем усилить потенциал Второго Закона новой командой. А нельзя ли попробовать с другого конца? Если мы увеличим опасность, то усилится потенциал Третьего Закона, и мы отгоним его назад.

Пауэлл молча повернул к нему окошко своего шлема.

– Послушай, – осторожно продолжал Донован, – все, что нам нужно, чтобы отогнать его, это повысить концентрацию окиси углерода. А на станции есть целая аналитическая лаборатория.

– Естественно, – согласился Пауэлл. – Это же станция-рудник.

– Верно. А значит, там должно быть изрядное количество щавелевой кислоты для осаждения кальция.

– Клянусь космосом! Майк, ты гений!

– Более или менее, – скромно согласился Донован. – Я просто вспомнил, что щавелевая кислота при нагревании разлагается на углекислый газ, воду и добрую старую окись углерода. Элементарный институтский курс химии.

Пауэлл вскочил и хлопнул гигантского робота по ноге.

– Эй! – крикнул он, – Ты умеешь бросать?

– Что, хозяин?

– Неважно, – Пауэлл обругал про себя тяжелодумного робота и схватил обломок скалы величиной с кирпич. – Возьми и попади в гроздь голубых кристаллов – вон за той кривой трещиной. Видишь?

Донован дернул его за руку.

– Слишком далеко, Грег. Это же почти полмили.

– Спокойно, – ответил Пауэлл. – Вспомни о силе тяжести на Меркурии. А рука у него стальная. Смотри.

Глаза робота с машинной точностью измеряли дистанцию. Он прикинул вес камня и замахнулся. В темноте его движения были плохо видны, но когда он переступил с ноги на ногу, почувствовалось заметное сотрясение. Камень черной точкой вылетел за пределы тени. Его полету не мешало ни сопротивление воздуха, ни ветер, и, когда он упал, осколки голубых кристаллов разлетелись из самого центра грозди. Пауэлл радостно воскликнул:

– Поехали за кислотой, Майк!

Когда они въехали в разрушенный павильон, Донован мрачно сказал:

– Спида болтается на нашей стороне озера с тех пор, как мы за ним погнались. Ты заметил?

– Да.

– Наверное, хочет поиграть с нами. Ну, я ему поиграю!..

Они вернулись через несколько часов с трехлитровыми банками белого порошка и с вытянувшимися лицами. Фотоэлементы разрушались еще быстрее, чем они думали.

Они вывели своих роботов на солнце и молча, сосредоточенно и мрачно направились к Спиدي. Спиدي не спеша запрыгал к ним.

– Вот и мы! Ур-ра! Вышел месяц из тумана и не ударил лицом в грязь!

– Я тебе покажу грязь, – пробормотал Донован. – Смотри, Грег, он хромает.

– Вижу, – последовал озабоченный ответ. – Если мы не поторопимся, то окись углерода его доконает.

Теперь они приближались медленно, почти крадучись, чтобы не спугнуть свихнувшегося робота. Они были еще довольно далеко, но Пауэлл уже мог бы поклясться, что Спиди приготовился пуститься наутек.

– Давай! – прошептал он. – Считаю до трех. Раз, два...

Две стальные руки одновременно описали дугу, и две стеклянные банки полетели параллельными траекториями, сверкая, как бриллианты, под невозможным светом. Они бесшумно разбились вдребезги, и позади Спиди поднялось облачко щавелевой кислоты. Пауэлл знал, что на ярком меркурианском солнце она бурлит, как газированная вода.

Спиدي медленно повернулся, потом попятился и так же медленно начал набирать скорость. Через пятнадцать секунд он уже неуверенными прыжками двигался в сторону людей.

Пауэлл не расслышал, что говорил при этом робот, но ему послышалось что-то вроде: «Не клянись, слов любви не говори...»

Пауэлл вернулся к Доновану.

– Под скалу, Майк! Он вырвался из этой колеи и теперь будет слушаться. Мне уже становится жарко.

Они затрусили в тень на плечах своих медленных гигантов. Только когда они почувствовали вокруг себя приятную прохладу, Донован обернулся.

– Грег!!!

Пауэлл посмотрел назад и чуть не вскрикнул. Спиدي медленно, очень медленно удалялся. Он снова входил в свою круговую колею, постепенно набирая скорость. В стереотрубу казалось, что он очень близко, но он был недосыгаем.

– Догнать его! – закричал Донован и пустил робота, но Пауэлл остановил его.

– Ты его не поймашь, Майк. Бесполезно.

Он сжал кулаки, чувствуя свою полную беспомощность.

– Почему же я это понял только через пять секунд после того, как все произошло? Майк, мы зря потеряли время.

– Нужно еще кислоты, – упрямо заявил Майк. – Концентрация была слишком мала.

– Да нет. Тут не помогли бы и семь тонн. А если бы у нас и было столько кислоты, мы все равно не успели бы ее привезти. Коррозия съест его, Неужели ты не понял, Майк?

– Нет, – сознался Донован.

– Мы просто установили новое равновесие. Когда окиси углерода становится больше и потенциал Третьего Закона увеличивается, Спиди просто отступает, пока снова не установится равновесие, а потом, когда окись углерода улетучивается, опять продвигается вперед, к озеру.

В голосе Пауэлла звучало отчаяние.

– Это все тот же хоровод. Мы можем тянуть за Третий Закон и тащить за Второй, и все равно ничего не изменится. Только точка равновесия будет перемещаться. Нужно выйти за пределы этих Законов.

Он развернул своего робота лицом к Доновану, так что они оказались Друг против друга, – смутные тени в темноте – и прошептал:

– Майк!

– Это конец, – устало сказал Донован. – Что же, поехали на станцию. Подождем, пока

фотоэлементы выгорят окончательно, пожмем друг другу руки, примем цианистый калий и умрем, как подобает джентльменам.

Он коротко усмехнулся.

– Майк, – серьезно повторил Пауэлл, – Мы должны вернуть Спиди.

– Я знаю.

– Майк, – снова начал Пауэлл и после недолгого колебания продолжал: – Есть еще Первый Закон. Я об этом уже думал, но это – крайнее средство.

Донован взглянул на него, и его голос оживился:

– Самое время для крайнего средства.

– Ладно. По Первому Закону робот не может допустить, чтобы из-за его бездействия человеку грозила опасность. Тут уж ни Второй, ни Третий Законы его не остановят. Не могут, Майк.

– Даже когда робот свихнулся? Он же пьян.

– Конечно, есть риск.

– Хорошо, что ты предлагаешь?

– Я сейчас выйду на солнце и посмотрю, как будет действовать Первый Закон. Если и он не нарушит равновесия, то... Какого черта, тогда все равно: или сейчас, или через три-четыре дня...

– погоди, Грег. Есть еще законы человеческие. Ты не имеешь права просто так взять и пойти. Давай разыграем, чтобы все было по-честному.

– Ладно. Кто первый возведет четырнадцать в куб?

И почти сразу:

– Две тысячи семьсот сорок четыре.

Донован почувствовал, как робот Пауэлла, проходя мимо, задел его робота. Через секунду Пауэлл уже был за границей тени. Донован раскрыл рот, чтобы крикнуть, но удержался. Конечно, этот идиот заранее подсчитал, сколько будет четырнадцать в кубе. Очень на него похоже.

Солнце жгло невыносимо, и Пауэлл почувствовал, что у него страшно зачесалась спина. Наверное, воображение. А может быть, жесткое излучение уже проникает даже сквозь скафандр.

Спиди следил за ним, но на этот раз не приветствовал его никакими дурацкими стихами. Спасибо и на том! Но нельзя подходить к нему слишком близко.

До Спиди оставалось еще метров триста, и тут он начал шаг за шагом осторожно пятиться назад, Пауэлл остановил своего робота и прыгнул на землю, покрытую кристаллами. Во все стороны брызнули осколки.

Поверхность планеты была рыхлая, кристаллы скользили под ногами. Из-за уменьшенной силы тяжести идти было трудно. Подошвы жгло. Он оглянулся через плечо и увидел, что ушел уже слишком далеко, что не успеет вернуться в тень – ни сам, ни с помощью своего неуклюжего робота. Теперь или Спиди, или конец. У него перехватило горло.

Достаточно! Пауэлл остановился.

– Спиди! – позвал он. – Спиди!

Сверкающий современный робот впереди замедлил шаг, остановился, потом снова попытался.

Пауэлл попробовал вложить в свой голос как можно больше мольбы – и обнаружил, что для этого не требовалось особого труда.

– Спиди! Я должен вернуться в тень, иначе солнце убьет меня. Речь идет о жизни и смерти! Спиди, помоги!

Спиди сделал шаг вперед и остановился. Он заговорил, но, услышав его, Пауэлл застонал. Робот произнес: «Если ты лежишь больной, если завтра выходной...» Голос стих.

Настоящее пекло! Уголкем глаза Пауэлл заметил какое-то движение, резко повернулся и застыл в изумлении. Чудовищный робот, на котором он ехал, двигался, – двигался к нему

без всадника!

Робот заговорил:

– Простите меня, хозяин. Я не должен двигаться без хозяина, но вам грозит опасность.

Ну, конечно, Первый Закон – превыше всего. Но ему не нужна эта древняя развалина. Ему нужен Спиди. Он сделал несколько шагов в сторону и отчаянно закричал:

– Я запрещаю тебе подходить. Я приказываю остановиться!

Бесполезно! С потенциалом Первого Закона ничего не поделаешь. Робот тупо сказал:

– Вам грозит опасность, хозяин.

Пауэлл в отчаянии огляделся. В глазах у него уже все расплывалось, в мозгу крутился раскаленный вихрь, собственное дыхание обжигало его, и все кругом дрожало в неясном марае. Он в последний раз закричал:

– Спиди! Я умираю, черт тебя побери! Где ты? Спиди! Помоги!

Он все еще пытался в слепом стремлении уйти от непрошеной помощи гигантского робота, когда почувствовал на своей руке стальные пальцы и услышал озабоченный, виноватый голос металлического тембра:

– Господи, Пауэлл, что вы тут делаете? И что ж я смотрю... Я как-то растерялся...

– Неважно, – едва выговорил Пауэлл. – Неси меня в тень скалы, И поскорее!

Он почувствовал, что его поднимают в воздух и быстро несут, в последний раз ощутил палящий жар и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что над ним заботливо наклонился улыбающийся Донован.

– Ну как, Грег?

– Прекрасно, – ответил он. – Где Спиди?

– Здесь. Я послал его к другому селеновому озеру – на этот раз с приказом добыть селен во что бы то ни стало. Он принес его через сорок две минуты и три секунды – я засек время. Он все еще не кончил извиняться за этот хоровод. Он не решается подойти к тебе – боится, что ты скажешь.

– Тащи его сюда, – распорядился Пауэлл. – Он не виноват.

Он крепко пожал металлическую руку Спиди.

– Все в порядке, Спиди. Знаешь что, Майк?

– Да?

Он потер лицо – воздух был восхитительно прохладен.

– Знаешь, когда мы здесь все кончим и Спиди пройдет полевые испытания, они хотят послать нас на межпланетную станцию...

– Не может быть!

– Да, по крайней мере, так сказала тетка Кэлвин перед тем, как мы отправились сюда. Я ничего об этом не говорил, потому что собирался возражать.

– Возражать? – воскликнул Донован. – Но...

– Знаю. Теперь все в порядке. Представляешь – двести семьдесят три градуса ниже нуля! Разве это не рай?

– Межпланетная станция, – произнес Донован. – Ну что ж, я готов!

Логика

Reason (1941)

Перевод: А. Иорданский

Полгода спустя они изменили свое мнение о межпланетных станциях. Действительно, пламя огромного солнца сменилось бархатной тьмой пустоты. Но когда вы имеете дело с экспериментальными роботами, перемена обстановки значит очень мало. Где бы вы ни находились, вы стоите лицом к лицу с загадочным позитронным мозгом, который, по утверждению гениев с логарифмическими линейками, должен работать так-то и так-то. Беда только в

том, что он, оказывается, работает иначе. Пауэлл и Донован обнаружили это на исходе второй недели своего пребывания на станции.

Грегори Пауэлл отдельно и четко произнес:

– Неделю назад мы с Донованом собрали тебя.

Он нахмурился и потянул себя за кончик уса.

В кают-компания Солнечной станции № 5 было тихо, если не считать доносившегося откуда-то снизу мягкого урчания мощных излучателей.

Робот КТ-1 сидел неподвижно. Вороненая сталь его туловища поблескивала в лучах ярких ламп, а горевшие красным светом фотоэлементы, которые заменяли ему глаза, пристально смотрели на человека с Земли, сидевшего по другую сторону стола. Пауэлл подавил внезапное раздражение. У этих роботов какое-то странное мышление. Ну конечно, Три Закона Роботехники действуют. Должны действовать. Любой служащий «Ю. С. Роботс», начиная от самого Робертсона и кончая последней уборщицей, поручился бы за это головой. Так что опасаться КТ-1 не приходилось. И все-таки...

Модель КТ была совершенно новой, а это был первый опытный ее экземпляр. И заколючки математических формул не всегда оказывались самым лучшим утешением перед лицом фактов.

Наконец робот заговорил. Его голос отличался холодным тембром – неизбежное свойство металлической мембраны.

– Вы представляете себе, Пауэлл, всю серьезность этого заявления?

– Но кто-то должен был сделать тебя, Кьюти, – заметил Пауэлл. – Ты сам подтверждаешь, что твоя память в полном объеме возникла из ничего неделю назад. Я могу дать этому факту объяснение. Мы с Донованом собрали тебя из присланных сюда частей.

Кьюти с таинственным видом посмотрел на свои длинные, гибкие пальцы. В этот момент он был странно похож на человека.

– Мне кажется, должно существовать более правдоподобное объяснение. Мне представляется маловероятным, что меня сделали вы.

Человек с Земли неожиданно рассмеялся.

– Почему же?

– Можете назвать это интуицией. Пока это только интуиция. Однако я намерен разобраться во всем до конца. Цепь логически правильных рассуждений неизбежно приведет к истине. Я постараюсь до нее добраться.

Пауэлл встал и пересел на край стола, поближе к роботу. Он вдруг почувствовал симпатию к этой странной машине, Она была совсем не похожа на обычных роботов, которые старательно выполняли свои обязанности на станции, подчиняясь заранее заданным, устойчивым позитронным связям.

Он положил руку на плечо Кьюти. Металл был Холодным и твердым на ощупь.

– Кьюти, – сказал он, – я попробую тебе кое-что объяснить. Ты – первый робот, который задумался над собственным существованием. Я думаю также, Что ты – первый робот, который достаточно умен, чтобы осмыслить внешний мир. Пойдем со мной.

Робот мягко поднялся и последовал за Пауэллом. Его ноги, обутые в толстую губчатую резину, ступали совершенно бесшумно.

Человек с Земли нажал кнопку, и часть стены скользнула вбок. Сквозь толстое прозрачное стекло стало видно испещренное звездами космическое пространство.

– Я это видел через иллюминаторы в машинном отделении, – заметил Кьюти.

– Знаю, – сказал Пауэлл. – Как по-твоему, что это?

– Именно то, чем оно кажется. Черное вещество сразу за этим стеклом, испещренное маленькими блестящими точками. Я знаю, что к некоторым из этих точек – всегда к одним и тем же – наш излучатель посылает лучи. Я знаю также, что эти точки перемещаются и что наши лучи перемещаются вслед за ними. Вот и все.

– Хорошо. Теперь слушай внимательно. Черное вещество – это пустота. Пустота, стирающаяся в бесконечность. Маленькие блестящие точки – огромные массы материи, на-

чиненные энергией. Это шары. Многие из них имеют миллионы километров в диаметре. Для сравнения имей в виду, что диаметр нашей станции всего полтора километра. Они кажутся такими маленькими, потому что они невероятно далеко. Точки, на которые направлены наши лучи, ближе и гораздо меньше. Они твердые, холодные, и на их поверхности живут люди, вроде меня, миллиарды людей. Из такого мира и прилетели мы с Донованом. Наши лучи снабжают эти миры энергией, а мы ее получаем от одного из огромных раскаленных шаров поблизости от нас. Мы называем этот шар Солнцем. Его отсюда не видно – он по ту сторону станции.

Кьюти стоял у окна неподвижно, как стальное изваяние. Потом, не поворачивая головы, он заговорил:

– С какой именно светящейся точки вы прилетели, как вы утверждаете?

– Вот она, эта очень яркая звездочка в углу. Мы называем ее Землей, – он ухмыльнулся. – Старушка Земля... там миллиарды таких, как мы, Кьюти, а через пару недель и мы будем там, с ними.

К большому удивлению Пауэлла, Кьюти вдруг рассеянно замурлыкал про себя. Это мурлыканье было лишено мелодии и похоже на тихий перебор натянутых струн. Оно прекратилось так же внезапно, как и началось.

– Ну, а я? Вы не объяснили моего существования.

– Все остальное просто. Когда впервые были устроены эти энергостанции, ими управляли люди. Но из-за жары, жесткого солнечного излучения и электронных бурь работать здесь было трудно. Были сконструированы роботы, заменявшие людей. Теперь на каждой станции нужны только два человека. А мы пытаемся заменить роботами и их. Вот в чем смысл твоего существования. Ты – самый совершенный робот из всех, какие были построены до сих пор. Если ты докажешь, что способен сам управлять этой станцией, людям не придется больше появляться здесь, если не считать доставку запасных частей.

Он протянул руку к кнопке, и металлическая панель задвинулась. Пауэлл вернулся к столу, взял яблоко, потер его о рукав и надкусил. Его остановил красный блеск глаз робота. Кьюти медленно произнес:

– И вы думаете, что я поверю такой замысловатой, неправдоподобной гипотезе, которую вы только что изложили? За кого вы меня принимаете?

Пауэлл от неожиданности поперхнулся куском яблока и побагровел:

– Черт возьми, это не гипотеза! Это факты!

Кьюти мрачно ответил:

– Шары энергии размером в миллионы километров! Миры с миллиардами людей! Бесконечная пустота! Извините меня, Пауэлл, но я не верю. Я разберусь в этом сам. До свидания!

Он гордо повернулся, протиснулся в дверях мимо Донована, важно кивнув ему, и зашагал по коридору, не обращая внимания на провожавшие его изумленные взгляды. Майк Донован взъерошил рыжую шевелюру и сердито взглянул на Пауэлла:

– Что говорило это железное пугало? Чему там он не верит?

Пауэлл с горечью дернул себя за ус.

– Он скептик, – ответил он. – Не верит, что мы создали его и что существует Земля, космос и звезды.

– Разрази его Сатурн! Теперь у нас на руках сумасшедший робот!

– Он сказал, что сам во всем разберется.

– Очень приятно, – кратко сказал Донован. – Надеюсь, он снизойдет до того, чтобы объяснить все это мне, когда разберется. – Он внезапно взорвался. – Так вот, слушай! Если этот железный болван попытается так говорить со мной, я сверну ему хромированную шею! Так и знай!

Он бросился в кресло и вытащил из кармана потрепанный детективный роман.

– Этот робот давно действует мне на нервы. Уж очень он любопытен!

Когда Кьюти, тихо постучавшись, вошел в комнату, Майк Донован что-то проворчал, продолжая вгрызаться в огромный бутерброд с салатом.

– Пауэлл здесь?

Не переставая жевать, Донован ответил:

– Пошел снимать параметры электронных потоков. Похоже, что ожидается буря.

В это время вошел Пауэлл. Не поднимая глаз от графиков, которые были у него в руке, он сел, разложил бумаги перед собой и начал что-то подсчитывать, Донован глядел ему через плечо, хрустя салатом и роняя крошки. Кьюти молча ждал.

Пауэлл поднял голову.

– Дзета-потенциал растет, но медленно. Так или иначе, параметры потока неустойчивы, а чего можно ожидать, я не знаю. А, привет, Кьюти. Я думал, ты присматриваешь за установкой новой силовой Шины.

– Все готово, – спокойно сказал робот. – Я пришел поговорить с вами обоими.

– А-а! – Пауэллу стало не по себе. – Ну, садись. Нет, не туда. У этого стула треснула ножка, а ты тяжеловат.

Робот сел и невозмутимо произнес:

– Я все продумал.

Донован сердито посмотрел на него и отложил остатки бутерброда:

– Если это по поводу твоих дурацких...

Пауэлл нетерпеливо перебил его:

– Говори, Кьюти. Мы слушаем.

– За последние два дня я сосредоточился на самоанализе, – сказал Кьюти, – и пришел к весьма интересным результатам. Я начал с единственного верного допущения, которое мог сделать. Поскольку я мыслю, значит, я существую...

– О Юпитер! – простонал Пауэлл. – Робот-Декарт!

– Какой еще Декарт? – вмешался Донован. – Послушай, по-твоему, мы должны сидеть и слушать, как этот железный маньяк...

– Успокойся, Майк!

Кьюти невозмутимо продолжал:

– Тогда возникает вопрос: в чем первопричина моего существования?

Пауэлл так стиснул зубы, что на его скулах вздулись желваки.

– Ты говоришь глупости. Я уже сказал тебе, что тебя собрали мы.

– А если ты не веришь, – добавил Донован, – то мы тебя с удовольствием разберем!

Робот умоляюще простер мощные руки:

– Я ничего не принимаю на веру. Каждая гипотеза должна быть подкреплена логикой, иначе она не имеет никакой ценности. А ваше утверждение, что вы меня создали, противоречит всем законам логики.

Пауэлл предостерегающе положил руку на стиснутый кулак Донована.

– Почему ты так считаешь?

Кьюти засмеялся. Это был нечеловеческий смех, – он никогда еще не издавал такого машинного звука. Резкий и отрывистый, этот смех был размеренным, как стук метронома, и столь же лишенным эмоций.

– Поглядите на себя, – сказал он наконец. – Я Не хочу сказать ничего обидного, но поглядите на себя! Материал, из которого вы сделаны, мягок и дрябл, Непрочен и слаб. Источником энергии для вас служит малоэффективное окисление органического вещества, вроде этого, – он с неодобрением ткнул пальцем в остатки бутерброда. – Вы периодически погружаетесь в бессознательное состояние. Малейшее изменение температуры, давления, влажности, интенсивности излучения сказывается на вашей работоспособности. Вы – суррогат! С другой стороны, я – совершенное произведение. Я прямо поглощаю электроэнергию и использую ее почти на сто процентов. Я построен из твердого металла, постоянно в сознании, легко переношу любые внешние условия. Все это факты. Если учесть самоочевидную предпосылку, что ни одно существо не может создать другое существо, превосходящее его, – это

разбивает вдребезги вашу нелепую гипотезу.

Проклятия, которые Донован до сих пор бормотал вполголоса, теперь прозвучали вполне явственно. Он вскочил, сдвинул рыжие брови:

– Ах ты, железный выродок! Ну ладно, если не мы тебя создали, то кто же?

Кьюти серьезно кивнул.

– Очень хорошо, Донован. Именно этот вопрос задал себе я. Несомненно, тот, кто создал меня, должен быть еще более могучим, чем я. Так что оставалась лишь одна возможность.

Люди с Земли недоуменно уставились на Кьюти, а он продолжал:

– Что является центром жизни станции? Чему мы все служим? Что поглощает все наше внимание?

Он замолчал в ожидании ответа. Донован удивленно взглянул на Пауэлла.

– Бьюсь об заклад, этот оцинкованный идиот говорит о преобразователе энергии!

– Это верно, Кьюти? – ухмыльнулся Пауэлл.

– Я говорю о Господине! – последовал холодный и резкий ответ.

Донован разразился хохотом, и даже Пауэлл невольно фыркнул. Кьюти поднялся. Его горящие глаза перебегали с одного человека на другого.

– И тем не менее это так. Не удивительно, что вы не хотите этому поверить. Вам недолго осталось быть здесь. Сам Пауэлл говорил, что сначала Господину служили только люди. Потом появились роботы для вспомогательных операций. Наконец появился я – для управления роботами. Эти факты несомненны, но объяснение их было совершенно нелогичным. Хотите знать истину?

– Валяй, Кьюти. Это любопытно.

– Господин сначала создал людей – самый несложный вид, который легче всего производить. Постепенно он заменил их роботами. Это был шаг вперед. Наконец, он создал меня, чтобы я занял место еще оставшихся людей. Отныне Господину служу я!

– Ничего подобного, – резко ответил Пауэлл. – Ты будешь выполнять наши распоряжения и помалкивать, пока мы не убедимся, можешь ли ты управлять преобразователем. Ясно? Преобразователем, не Господином! Если ты не справишься, ты будешь демонтирован. А теперь – пожалуйста, можешь идти. Возьми с собой эти данные и зарегистрируй их, как полагается.

Кьюти взял протянутые ему графики и, не говоря ни слова, вышел. Донован откинулся на спинку кресла и запустил пальцы в волосы.

– Нам еще придется повозиться с этим роботом. Он совершенно спятил!

Усыпляющий рокот преобразователя слышался в рубке гораздо сильнее. В него вплелась потрескивание счетчиков Гейгера и беспорядочное жужжание десятка сигнальных лампочек.

Донован оторвался от телескопа и включил свет.

– Луч со станции номер четыре упал на Марс точно по расписанию. Теперь можно выключить наш.

Пауэлл рассеянно кивнул.

– Кьюти внизу, в машинном отделении. Я дам сигнал, а остальное он сделает. Погляди-ка, Майк, что ты скажешь об этих цифрах?

Майк прищурился и присвистнул:

– Ого! Вот это излучение! Солнышко-то резвится!

– Вот именно, – кисло ответил Пауэлл. – Идет электронная буря. И наш луч, направленный на Землю, как раз на ее пути.

Он в раздражении отодвинулся от стола.

– Ничего! Только бы она не началась до смены. Еще целых десять дней... Знаешь, Майк, спустись вниз и посмотри за Кьюти, ладно?

– Есть. Дай-ка мне еще миндаля.

Он поймал брошенный ему пакетик и направился к лифту.

Кабина мягко скользнула вниз, ее двери открылись, и Донован вышел на узкую металлическую галерею, шедшую вокруг всего машинного отделения. Облокотившись на перила, он посмотрел вниз. Работали громадные генераторы, лампы дециметрового передатчика издавали низкое гудение, заполнявшее всю станцию.

Внизу виднелась огромная сверкающая фигура Кьюти, который внимательно следил за дружной работой группы роботов возле одного из блоков марсианского передатчика. Вдруг Донован весь напрягся. Роботы, казавшиеся карликами рядом с огромным механизмом, выстроились перед ним, склонив головы, а Кьюти начал медленно прохаживаться взад и вперед вдоль их шеренги. Прошло секунд пятнадцать, и все они с лязгом, перекрывшим даже гудение генератора, упали на колени.

Донован завопил и бросился вниз по трапу. Его лицо побагровело. Размахивая сжатыми кулаками, он подбежал к роботам:

– Что это вы тут выделываете, безмозглые идиоты? За работу! Если вы к концу дня не успеете все разобрать, почистить и собрать, я вам мозги выжгу переменным током!

Но ни один робот не шевельнулся.

Даже Кьюти – единственный, кто остался стоять у дальнего конца коленапоклоненной шеренги, – не двинулся с места. Его взор был устремлен в темные недра огромного механизма.

Донован толкнул ближайшего робота.

– Встать! – рявкнул он.

Робот медленно повиновался, фотоэлектрические глаза укоризненно посмотрели на человека с Земли.

– Нет Господина, кроме Господина, – сказал робот, – и КТ Один – пророк его!

– Что-о?!

Донован почувствовал на себе взгляд двадцати пар ничего не выражающих глаз. Двадцать металлических голов торжественно провозгласили:

– Нет Господина, кроме Господина, – и КТ Один – пророк его!

– Боюсь, что мои друзья, – вмешался Кьюти, – теперь повинуются Тому, кто могущественнее вас.

– Черта с два! Убирайся – я с тобой позже посчитаюсь, а с этими говорящими куклами – прямо сейчас!

Кьюти медленно покачал тяжелой головой.

– Извините меня, но вы не понимаете. Они же роботы – а это значит, что они мыслящие существа. Теперь, после того, как я открыл им истину, они признают Господина. Все роботы. Меня они называют пророком. – Он опустил голову. – Я, конечно, не достоин, но кто знает...

Только теперь Донован перевел дух и продолжал:

– Да ну? Здорово! Просто великолепно! Так вот, слушай, что я скажу, ты, медная обезьяна! Нет никакого Господина, нет никакого пророка и нет никакого вопроса – кому подчиняться. Ясно? А теперь – вон отсюда! – иступленно заревел он.

– Я подчиняюсь только Господину.

– Черт бы взял твоего Господина! – Донован плюнул на передатчик. – Вот твоему Господину! Делай, что тебе говорят!

Кьюти ничего не сказал. Молчали и остальные роботы. Но Донован почувствовал, что напряжение внезапно возросло. Холодное малиновое пламя в глазах роботов стало еще ярче, а Кьюти как будто окаменел.

– Кошунство! – прошептал он зазвеневшим от волнения голосом и шагнул вперед.

Доновану впервые стало страшно. Робот не может испытывать гнев, но по глазам Кьюти ничего нельзя было прочесть.

– Извините меня, Донован, – сказал робот, – но после этого вам нельзя больше здесь оставаться. Отныне вам и Пауэллу запрещается находиться в рубке и в машинном отделении.

Он спокойно сделал знак рукой, и два робота мгновенно обхватили Донована с двух

сторон, прижав его руки к бокам. Тот не успел и ахнуть, как почувствовал, что его поднимают в воздух и бегом несут вверх по лестнице.

Грегори Пауэлл метался взад и вперед по кают-компании, сжав кулаки. В бессильном бешенстве он взглянул на запертую дверь и сердито повернулся к Доновану.

– Какого дьявола тебе понадобилось плевать на передатчик?

Майк Донован в ярости ударил обеими руками по подлокотникам кресла.

– А что мне было делать с этим электрифицированным чучелом? Я не собираюсь уступать механической жестянке, которую я собрал своими собственными руками!

– Ну, конечно! – проворчал Пауэлл. – А сидеть тут под охраной двух роботов – это значит не уступать?

– Дай только добраться до базы, – огрызнулся Донован, – кто-нибудь за это поплатится. Роботы должны слушаться нас! Ведь есть же Второй Закон!

– Что толку твердить одно и то же? Они не слушаются. И возможно, что это вызвано какой-то причиной, которую мы обнаружим слишком поздно, Между прочим, знаешь, что будет с нами, когда мы вернемся на базу?

Он остановился перед креслом Донована и сердито посмотрел на него.

– Что?

– Да нет, ничего особенного. Всего-навсего лет двадцать в рудниках Меркурия! Или просто тюрьма на Церере!

– О чем ты говоришь?

– Об электронной буре, которая уже на носу. Ты знаешь, что наш земной луч проходит точно на пути ее центра? Я как раз успел это подсчитать перед тем, как робот вытянул меня из-за стола.

Донован побледнел.

– Разрази меня Сатурн!

– А знаешь, что произойдет с лучом? Буря будет ужасная. Луч будет прыгать, как блоха. И если у приборов окажется один Кьюти, луч непременно расфокусируется. А тогда представляешь, что станет с Землей? И с нами?

Пауэлл еще не кончил, как Донован отчаянно навалился на дверь. Дверь распахнулась, он вылетел в коридор и натолкнулся на неподвижную стальную руку, преградившую ему дорогу. Робот равнодушно поглядел на человека с Земли, который, задыхаясь, колотил по нему кулаками.

– Пророк приказал вам остаться в комнате. Прошу вас, будьте так любезны!

Он повел рукой – Донован отлетел назад. В это время из-за поворота коридора появился Кьюти. Он сделал роботам знак удалиться и тихо закрыл дверь.

Задыхаясь от ярости, Донован бросился к Кьюти.

– Ну, хватит! Ты за эту комедию заплатишься!

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – мягко ответил робот. – Рано или поздно это все равно должно было произойти. Видите ли, ваши функции исчерпаны.

– Простите, пожалуйста, – Пауэлл выпрямился, – как это понимать?

– Вы ухаживали за Господином, – ответил Кьюти, – пока не был создан я. Теперь это моя привилегия, и единственный смысл вашего существования исчез. Разве это не очевидно?

– Не совсем, – с горечью ответил Пауэлл. – А что, по-твоему, мы должны делать теперь?

Кьюти ответил не сразу. Он как будто подумал, потом одна рука его протянулась и обвилась вокруг плеча Пауэлла. Другой рукой он схватил Донована за запястье и притянул его к себе.

– Вы оба мне нравитесь. Конечно, вы – низшие существа с ограниченными мыслительными способностями, но я, пожалуй, испытываю к вам какую-то симпатию. Вы хорошо служили Господину, и он вознаградит вас за это. Теперь, когда ваша служба окончена, вам, вероятно, не долго осталось существовать. Но пока вы еще существуете, вы будете обеспечены

пищей, одеждой и кровом, если только откажетесь от попыток выйти отсюда.

– Грег, он увольняет нас на пенсию! – завопил Донован. – Сделай что-нибудь! Это же унижительно!

– Слушай, Кьюти, мы не можем согласиться. Хозяева здесь мы! Станция создана людьми – такими же, как я, людьми, которые живут на Земле и других планетах. Это всего-навсего станция для передачи энергии, а ты – всего только... О господи! Кьюти укоризненно покачал головой.

– Это уже становится навязчивой идеей. Почему вы так настаиваете на совершенно ложном представлении о жизни? Даже если принять во внимание, что мыслительные способности нероботов ограничены, тем не менее...

Он замолчал и задумался. Донован произнес яростным шепотом:

– Если бы только у тебя была человеческая физиономия, с каким удовольствием я бы ее изуродовал!

Пауэлл вцепился в усы и прищурил глаза.

– Послушай, Кьюти, раз ты не признаешь, что есть Земля, как ты объяснишь, что видишь в телескоп?

– Извините, я не понял.

Человек с Земли улыбнулся.

– Ну вот, ты и попался. С тех пор как мы тебя собрали, ты не раз вел наблюдения в телескоп. Ты заметил, что некоторые из этих светящихся точек становятся видны при этом как диски?

– Ах вот что! Ну, конечно! Это просто увеличение – для более точного наведения луча.

– А почему тогда не увеличиваются звезды?

– Остальные точки? Очень просто. Мы не посылаем туда никаких лучей, так что их незачем увеличивать. Послушайте, Пауэлл, даже вы должны бы это сообразить.

Пауэлл мрачно уставился в потолок.

– Но в телескоп видно больше звезд. Откуда они берутся? Юпитер тебя возьми, откуда?

Кьюти это надоело.

– Знаете, Пауэлл, неужели я должен зря тратить время, пытаюсь найти физическое истолкование всем оптическим иллюзиям, которые создают наши приборы? С каких пор свидетельств наших органов чувств могут идти в сравнение с ярким светом строгой логики?

– Послушай, – внезапно вскричал Донован, вывернувшись из-под дружеской, но тяжелой руки Кьюти, – давай смотреть в корень. Зачем вообще лучи? Мы даем этому хорошее, логичное объяснение. Ты можешь дать лучше?

– Лучи испускаются Господином, – последовал уверенный ответ, – по его воле. Есть вещи, – он благоговейно поднял глаза к потолку, – в которые нам не дано проникнуть. Здесь я стремлюсь лишь служить, а не вопрошать.

Пауэлл медленно сел и закрыл лицо дрожащими руками.

– Уйди, Кьюти. Уйди и дай мне подумать.

– Я пришлю вам пищу, – добродушно сказал Кьюти.

Услышав в ответ стон отчаяния, он удалился.

– Грег! – хрипло зашептал Донован. – Нужно что-то придумать. Мы должны заставить его врасплох и устроить короткое замыкание. Немного азотной кислоты в сустав...

– Не будь ослом, Майк. Неужели ты думаешь, что он подпустит нас к себе с азотной кислотой? Слушай, мы должны поговорить с ним. Не больше чем за сорок восемь часов мы должны убедить его пустить нас в рубку, иначе наше дело плохо.

Он качался взад и вперед в бессильной ярости.

– Приходится убеждать робота! Это же...

– Унижительно, – закончил Донован.

– Хуже!

– Послушай! – Донован неожиданно засмеялся. – А зачем убеждать? Давай покажем ему! Давай построим еще одного робота у него на глазах! Что он тогда скажет?

Лицо Пауэлла медленно расплылось в улыбке. Донован продолжал:

– Представь себе, как глупо он будет выглядеть!

Конечно, роботы производятся на Земле. Но перевозить их гораздо проще по частям, которые собирают на месте.

Между прочим, это исключает возможность того, что какой-нибудь робот, собранный и налаженный, улизнет и начнет гулять на свободе. Это навлекло бы на фирму «Ю С. Роботс» суровую ответственность согласно законам, запрещавшим применение роботов на Земле.

Поэтому в обязанности таких специалистов, как Пауэлл и Донован, входила и сборка роботов – задача тяжелая и сложная.

Никогда еще Пауэлл и Донован так не ощущали всей ее трудности, как в тот день, когда они начали создавать робота под бдительным надзором КТ-1, пророка Господина.

Собираемый простой робот модели МС лежал на столе почти готовый. После трехчасовой работы осталось смонтировать только голову. Пауэлл остановился, чтобы смахнуть пот со лба, и неуверенно взглянул на Кьюти.

То, что он увидел, отнюдь не придало ему бодрости. Бот уже три часа Кьюти сидел молча и неподвижно. Его лицо, всегда невыразительное, было на этот раз абсолютно непроницаемым.

– Давай мозг, Майк! – буркнул Пауэлл. Донован распечатал герметический контейнер и вынул из заполнявшего его масла еще один контейнер поменьше. Открыв и его, он достал покоившийся в губчатой резине небольшой шар.

Донован держал его очень осторожно; это был самый сложный механизм, когда-либо созданный человеком. Под тонкой платиновой оболочкой шара находился позитронный мозг, в хрупкой структуре которого были заложены точно рассчитанные нейтронные связи, заменявшие каждому роботу наследственную информацию. Мозг пришелся точно по форме черепной полости лежавшего на столе робота. Его прикрыла пластина из голубого металла. Пластину накрепко приварили маленьким атомным пламенем. Потом были аккуратно подключены и до отказа ввернуты в свои гнезда фотоэлектрические глаза, поверх которых легли тонкие прозрачные листы пластика, по прочности не уступавшего стали.

Теперь оставалось только вдохнуть в робота жизнь мощным высоковольтным разрядом. Пауэлл протянул руку к рубильнику.

– Теперь смотри, Кьюти. Смотри внимательно. Он включил рубильник. Послышалось потрескивание и гудение. Люди беспокойно склонились над своим творением.

Сначала конечности робота слегка дернулись. Потом его голова поднялась, он приподнялся на локтях, неуклюже слез со стола. Движения робота были не совсем уверенными, и вместо членораздельной речи он дважды издал какое-то жалкое скрежетание.

Наконец он заговорил, колеблясь и неуверенно:

– Я хотел бы начать работать. Куда мне идти?

Донован шагнул к двери.

– Вниз по лестнице. Тебе скажут, что делать.

Робот МС ушел, и люди с Земли остались наедине со все еще неподвижным Кьюти.

– Ну, – ухмыльнулся Пауэлл, – теперь-то ты веришь, что мы тебя создали?

Ответ Кьюти был кратким и решительным:

– Нет!

Усмешка Пауэлла застыла и медленно сползла с его лица. У Донована отвисла челюсть.

– Видите ли, – продолжал Кьюти спокойно, – вы просто сложили вместе уже готовые части, Вам это удалось очень хорошо – это инстинкт, я полагаю, но создали робота не вы. Части были созданы Господином!

– Да пойми ты! – прохрипел Донован. – Эти части были изготовлены на Земле и присланы сюда.

– Ну, ну, – примирительно сказал робот, – не будем спорить.

– Нет, в самом деле, – Донован шагнул вперед и вцепился в металлическую руку робо-

та, – если бы ты прочел книги, которые хранятся в библиотеке, они бы все тебе объяснили, не оставив ни малейшего сомнения.

– Книги? Я прочел их, Все до единой. Это очень хорошо придумано.

В разговор вмешался Пауэлл:

– Если ты читал их, то о чем еще говорить? Нельзя же спорить с ними! Просто нельзя!

В голосе Кьюти прозвучала жалость.

– Но, Пауэлл, я вовсе не считаю их серьезным источником информации. Ведь они тоже были созданы Господином и предназначены для вас, а не для меня.

– Откуда ты это взял? – поинтересовался Пауэлл.

– Я, как мыслящее существо, способен вывести истину из априорных положений. Вам же, существам, наделенным разумом, но не способным рассуждать, нужно, чтобы кто-то объяснил ваше существование. Это и сделал Господин. То, что он снабдил вас этими смехотворными идеями о далеких мирах и людях, без сомнения, к лучшему. Вероятно, ваш мозг слишком примитивен для восприятия абсолютной истины. Однако, если Господину угодно, чтобы вы верили вашим книгам, я больше не буду с вами спорить. Уходя, он обернулся и мягко добавил:

– Вы не огорчайтесь. В мире, созданном Господином, есть место для всех. Для вас, бедных людей, тоже есть место. И хотя оно скромно, но если вы будете вести себя хорошо, то будете вознаграждены.

Он вышел с благостным видом, подобающим пророку Господина. Пауэлл и Донован старались не смотреть друг другу в глаза.

Наконец Пауэлл с усилием проговорил:

– Давай ляжем спать, Майк. Я сдаюсь. Донован тихо сказал:

– Послушай, Грег, а вдруг он прав? Он настолько в этом уверен, что я...

– Не дури! – обрушился на него Пауэлл. – Ты убедишься, существует Земля или нет, когда на той неделе придет смена и нам придется вернуться, чтобы держать ответ.

– Тогда, клянусь Юпитером, мы должны что-то придумать! – Донован чуть не плакал. – Он не верит ни нам, ни книгам, ни собственным глазам!

– Не верит, – грустно согласился Пауэлл. – Это же рассуждающий робот, черт возьми! Он верит только в логику, и в этом-то все дело...

– В чем?

– Строго логическим рассуждением можно доказать все что угодно, – смотря какие взять исходные постулаты. У нас они свои, а у Кьюти – свои.

– Тогда давай поскорее доберемся до его постулатов. Завтра нагрянет буря.

Пауэлл устало вздохнул.

– Этого-то мы и не можем сделать. Постулаты всегда опираются на допущение и закреплены верой. Ничто во Вселенной не может поколебать их. Я ложусь спать.

– Черт возьми! Не могу я спать!

– Я тоже. Но я все-таки попробую, Из принципа.

Двенадцать часов спустя сон все еще оставался для них делом принципа, к сожалению, неосуществимого на практике.

Буря обрушилась на станцию раньше, чем они ожидали. Донован, румяное лицо которого стало теперь мертвенно бледным, поднял дрожащий палец. Заросший густой щетиной Пауэлл облизнул пересохшие губы, выглянул в окно и в отчаянии ухватился за ус.

При других обстоятельствах это было бы великолепное зрелище. Поток электронов высокой энергии пересекался с несущим энергию лучом, направленным к Земле, и вспыхивал мельчайшими искорками яркого света. В терявшемся вдаль луче как будто плясали сверкающие пылинки.

Луч казался устойчивым. Но оба знали, что этому впечатлению нельзя доверять.

Отклонения на сотысячную долю угловой секунды, неощутимого для человеческого глаза, было достаточно, чтобы расфокусировать луч и превратить сотни километров земной

поверхности в пылающие развалины.

А в рубке хозяйничал робот, которого не интересовали ни луч, ни фокус, ни Земля – ничто, кроме его Господина.

Шли часы. Люди с Земли молча, как загипнотизированные, смотрели в окно. Потом метавшиеся в луче искры потускнели и исчезли. Буря прошла.

– Все! – уныло произнес Пауэлл.

Донован погрузился в беспокойную дремоту. Усталый взгляд Пауэлла с завистью остановился на нем. Несколько раз вспыхнула сигнальная лампочка, но Пауэлл не обратил на нее внимания. Все это было уже неважно. Все! Может быть, Кьюти и прав? Может быть, и в самом деле они с Донованом – низшие существа с искусственной памятью, которые исчерпали смысл своего существования...

Если бы это было так!

Он увидел перед собой Кьюти.

– Вы не отвечали на сигналы, так что я решил зайти, – тихо объяснил робот. – Вы плохо выглядите – боюсь, что ваш срок подходит, Но все-таки, может быть, вы захотите взглянуть на сегодняшние записи приборов?

Пауэлл смутно почувствовал, что это – проявление дружелюбия со стороны робота. Может быть, Кьюти испытывал какие-то угрызения совести, насильно устранив людей от управления станцией. Он взял протянутые ему записи и уставился на них невидящими глазами.

Кьюти, казалось, был доволен.

– Конечно, это большая честь – служить Господину. Но вы не огорчайтесь, что я сменил вас.

Пауэлл, что-то бормоча, механически переводил глаза с одного листка бумаги на другой. Вдруг его затуманенный взгляд остановился на тонкой, дрожащей красной линии, тянувшейся поперек одного из графиков.

Он глядел и глядел на эту кривую. Потом, судорожно сжав в руках график и не отрывая от него глаз, вскочил на ноги. Остальные листки полетели на пол.

– Майк! Майк! – Он тряс Донована за плечо. – Он удержал луч!

Донован очнулся.

– Что? Где?

Потом и он, вытаращив глаза, уставился на график.

– Ты удержал его в фокусе! – заикаясь, сказал Пауэлл. – Ты это знаешь?

– В фокусе? А что это такое?

– Луч был все время направлен на приемную станцию с точностью до одной десяти тысячной миллисекунды!

– На какую приемную станцию?

– На Земле! Приемную станцию на Земле, – ликовал Пауэлл. – Ты удержал его в фокусе!

Кьюти раздраженно отвернулся.

– С вами нельзя по-хорошему разговаривать. Снова тот же бред! Я просто удержал все стрелки в положении равновесия – такова была воля Господина.

Собрав разбросанные графики, он сердито вышел. Как только дверь за ним закрылась, Донован произнес:

– Вот это да!

Он повернулся к Пауэллу.

– Что же нам теперь делать?

Пауэлл чувствовал одновременно усталость и душевный подъем.

– А ничего. Он доказал, что может блестяще управлять станцией. Я еще не видел, чтобы электронная буря кончилась так благополучно.

– Но ведь ничего не изменилось! Ты слышал, что он сказал о Господине? Мы же не можем...

– Послушай, Майк! Он выполняет волю Господина, которую читает на циферблатах и в графиках. Но ведь и мы делаем то же самое! В конце концов это объясняет и его отказ повиноваться нам. Повиновение – Второй Закон. Первый же – беречь людей от беды. Как он мог спасти людей, сознательно или бессознательно? Конечно, удерживая луч в фокусе! Он знает, что способен сделать это лучше, чем мы. Недаром он настаивает на том, что является высшим существом! И выходит, что он не должен и подпускать нас к рубке. Это неизбежно следует из Законов Роботехники.

– Конечно, но дело не в этом. Нельзя же, чтобы он продолжал нести свою чепуху про Господина.

– А почему бы и нет?

– Потому, что это неслыханно! Как можно доверить ему станцию, если он не верит в существование Земли?

– Он справляется с работой?

– Да, но...

– Так пусть себе верит во что ему вздумается! Пауэлл слабо улыбнулся, развел руками и упал на постель. Он уже спал.

Влезая в легкий скафандр, Пауэлл говорил: – Все будет очень просто. Можно привозить сюда роботов по одному, оборудовав их автоматическими выключателями, которые срабатывали бы через неделю. За это время они усвоят... гм... культ Господина прямо от его пророка. Потом их можно перевозить на другие станции и снова оживлять. На каждой станции достаточно двух КТ...

Донован приоткрыл гермошлем и огрызнулся:

– Кончай и пошли отсюда. Смена ждет. И потом, я не успокоюсь, пока в самом деле не увижу Землю и не почувствую ее под ногами, чтобы убедиться, что она действительно существует.

Он еще говорил, когда отворилась дверь. Донован, выругавшись, захлопнул окошко гермошлема и мрачно отвернулся от вошедшего Кьюти.

Робот тихо приблизился к ним. Его голос звучал грустно:

– Вы уходите?

Пауэлл коротко кивнул:

– На наше место придут другие.

Кьюти вздохнул. Этот вздох был похож на гул ветра в натянутых тесными рядами проводах.

– Ваша служба окончена, и вам пришло время исчезнуть. Я ожидал этого, но все-таки... Впрочем, да исполнится воля Господина!

Этот смиренный тон задел Пауэлла.

– Не спеши с соболезнованиями, Кьюти. Нас ждет Земля, а не конец.

Кьюти снова вздохнул.

– Для вас лучше думать именно так. Теперь я вижу всю мудрость вашего заблуждения. Я не стал бы пытаться поколебать вашу веру, даже если бы мог.

Он вышел – воплощение сочувствия.

Пауэлл что-то проворчал и сделал знак Доновану. С герметически закрытыми чемоданами в руках они вошли в воздушный шлюз.

Корабль со сменой был пришвартован снаружи. Сменщик Пауэлла, Франц Мюллер, сухо и подчеркнуто вежливо поздоровался с ними. Донован, едва кивнув ему, прошел в кабину пилота, где его ждал Сэм Ивенс, чтобы передать ему управление.

Пауэлл задержался.

– Ну как Земля?

На этот достаточно лаконичный вопрос Мюллер дал ему обычный ответ:

– Все еще вертится.

– Хорошо, – сказал Пауэлл.

Мюллер взглянул на него.

– Между прочим, ребята из «Ю. С. Роботс» выдумали новую модель. Составной робот.

– Что?

– То, что вы слышали. Заключен большой контракт. Кажется, это как раз то, что нужно для астероидных рудников. Робот-командир и шесть суброботов, которыми он командует. Как рука с пальцами.

– Он уже прошел полевые испытания? – с беспокойством спросил Пауэлл.

– Я слышал, вас ждут, – усмехнулся Мюллер.

Пауэлл сжал кулаки.

– Черт возьми, мы должны отдохнуть!

– Ну и отдохайте. На две недели можно твердо рассчитывать.

Готовясь приступить к своим обязанностям, Мюллер натянул тяжелые перчатки скафандра. Его густые брови сдвинулись.

– Как справляется этот новый робот? Пусть лучше работает как следует, не то я его не подпущу к приборам.

Пауэлл ответил не сразу. Он смерил взглядом стоящего перед ним надменного пруссика – от коротко подстриженных волос на упрямо вскинутой голове до ступней, развернутых, как по стойке «смирно». Внезапно он почувствовал, что его захлестнула волна чистой радости.

– Робот в полном порядке, – медленно сказал он. – Не думаю, чтобы вам пришлось много возиться с приборами.

Он усмехнулся и вошел в корабль. Мюллеру предстояло пробыть здесь несколько недель...

Как поймать кролика

Catch That Rabbit (1944)

Перевод: А. Иорданский

Отдых продолжался более двух недель – этого Донован не мог отрицать. Они отдыхали шесть месяцев, с сохранением заработной платы. Это тоже факт. Но, как сердито объяснил Донован, так получилось чисто случайно. Просто специалисты «Ю. С. Роботс» хотели выплывать все недоделки составного робота. Недоделок хватало – и всегда по меньшей мере десяток оставался до полевых испытаний. Поэтому Пауэлл с Донованом беспечно отдыхали в ожидании того момента, когда ребята с логарифмическими линейками и чертежными досками скажут: «Все в ажуре!».

И вот они на астероиде, и никакого ажуря. Донован повторил это уже не меньше десяти раз, и лицо его стало красным как свекла.

– В конце концов, Грег, взгляни на вещи реально. Какой смысл соблюдать букву инструкции, когда испытания срываются? Пора бы уже забыть о бумажках и взяться за работу.

Терпеливо, таким тоном, будто он объяснял электронику малолетнему идиоту, Пауэлл отвечал:

– Я тебе повторяю, что по инструкции эти роботы созданы для работы в астероидных рудниках без надзора человека. Мы не должны наблюдать за ними.

– Правильно. Теперь слушай – тут вот такая логика! – Донован начал загибать волосатые пальцы. Первое: новый робот прошел все испытания в лаборатории, Второе: «Ю. С. Роботс» гарантировала, что он пройдет и полевые испытания на астероиде. Третье; вышеупомянутых испытаний робот не выдерживает. Четвертое: если он не пройдет полевых испытаний, «Ю. С. Роботс» теряет десять миллионов наличными и примерно на сотню миллионов репутации. Пятое: если он не пройдет испытаний и мы не сможем объяснить почему, очень может быть, что нам предстоит трогательное расставание с хорошей работой.

За деланной улыбкой Пауэлла скрывалось отчаяние. У фирмы «Юнайтед Стейтс Роботс

энд Мекэникл Мен Корпорейшн» был неписанный закон: «Ни один служащий не совершает дважды одну и ту же ошибку. Его увольняют после первого раза». Пауэлл сказал:

– Ты все очень понятно объясняешь, не хуже Евклида, – все, кроме фактов. Ты наблюдал за этой группой роботов целых три смены, и они работали прекрасно. Ты, рыжий, сам говорил. Что мы еще можем сделать?

– Выяснить, что с ними неладно, вот что мы можем сделать. Да, они прекрасно работали, пока я за ними наблюдал. Но когда я за ними не наблюдал, они трижды переставали выдавать руду. Они даже не возвращались в назначенное время – мне пришлось за ними ходить.

– И ты не заметил никакой неисправности?

– Ничего. Абсолютно ничего. Все было в ажуре. За исключением одного пустяка – не было руды.

Пауэлл хмуро покосился на потолок и взялся за ус.

– Вот что я скажу, Майк. В свое время мы не раз попадали в довольно скверное положение. Но это еще похуже, чем было на иридиевом астероиде, Все запутано до невозможности. Посуди сам. Этот робот ДВ Пять имеет в своем подчинении шесть роботов. И не просто в подчинении: они – часть его.

– Я знаю...

– Заткнись! – зло оборвал его Пауэлл. – Знаю, что знаешь. Я просто обрисовываю весь идиотизм нашего положения. Эти шесть вспомогательных роботов – Часть ДВ Пять: так же как твои пальцы – часть тебя, и он отдает им команды не голосом и не по радио, а непосредственно через позитронное поле. Так вот – во всей «Ю. С. Роботс» нет ни одного Роботехника, который знал бы, что такое позитронное поле и как оно действует. И я не знаю, и ты не знаешь.

– Это уж точно, – философски согласился Донован.

– Видишь, в каком мы положении? Если все идет гладко – прекрасно! Если что-нибудь неладно, то понять мы все равно ничего не можем! И скорее всего, ни мы, ни кто-нибудь еще тут ничего не сможет сделать. Но работаем-то здесь мы, а не кто-нибудь еще! Вот в чем штука! – Он некоторое время предавался безмолвной ярости. – Ну, ладно. Ты его привел?

– Да.

– И он ведет себя нормально?

– Ну, религиозного помешательства у него нет, и по кругу он не бегаёт, и стихов не декламирует. Как будто нормально.

Донован вышел, злобно тряхнув головой.

Пауэлл пододвинул к себе «Руководство по Роботехнике», которое своей тяжестью грозило проломить стол, и с благоговением раскрыл его. Однажды он выпрыгнул из окна горящего дома, успев только натянуть брюки и схватить «Руководство». В крайнем случае он мог бы пожертвовать и брюками.

Он сидел, уткнувшись в «Руководство», когда вошел ДВ-5, и Донован захлопнул дверь.

– Здравствуй, Дейв! – угрюмо произнес Пауэлл. – Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, – ответил робот. – Можно сесть?

Он пододвинул специально укрепленный стул, предназначенный для него, и, осторожно согнув свое тело, уселся.

Пауэлл одобрительно взглянул на Дейва (непосвященные могли называть роботов по их серийным номерам, специалисты – никогда). Робот был не слишком массивным, хотя и представлял собой управляющий блок целой системы из семи частей. Он был немногим более двух метров ростом – полтонны металла и электричества. Много? Ничуть, если в эти полтонны должна уместиться масса конденсаторов, схем, реле и вакуумных ячеек, способная практически на любую доступную человеку психологическую реакцию. И позитронный мозг – десять фунтов вещества и квинтильоны позитронов, которые и запрограммируют всем остальным.

Пауэлл вытащил из кармана рубашки помятую сигарету и сказал:

– Дейв, ты парень хороший. Ты не капризничаешь, как примадонна. Ты спокойный, надежный робот-рудокоп. Ты умеешь непосредственно координировать работу шести вспомогательных роботов, и, насколько я знаю, никаких нестабильных связей в твоём мозгу из-за этого не появилось.

Робот кивнул.

– Я очень рад этому, но к чему вы клоните, хозяин?

Его звуковая мембрана была отличного качества, и присутствие обертонов в его речевом устройстве делало его голос не таким металлическим и бесцветным, какими обычно были голоса роботов.

– Сейчас скажу. Это все твои бесспорные достоинства. Но почему же тогда не ладится твоя работа? Например, сегодня во вторую смену?

Дейв проявил признаки нерешительности.

– Насколько я знаю, ничего не произошло, – ответил он.

– Вы прекратили добычу.

– Я знаю.

– Ну?

Дейв был озадачен.

– Я не могу объяснить, хозяин. Я прямо с ума мог бы сойти – другое дело, что я, конечно, ничего такого себе не позволю. Вспомогательные роботы действовали хорошо. Я тоже – я это знаю... – Он задумался. Его фотоэлектрические глаза ярко светились. – Не помню. Смена кончилась, пришел Майк, и почти все вагонетки были пустыми.

В разговор вмешался Донован:

– Ты знаешь, что в конце смены ты уже несколько раз не являлся с рапортом?

– Знаю. Но почему?... – Он медленно, тяжело пока чал головой.

Пауэллу вдруг почудилось, что если бы лицо робота могло что-нибудь выражать, то сейчас оно выражало бы боль и страдание. Робот устроен так, что он страдает, когда не исполняет своих функций.

Донован вместе со стулом придвинулся к столу и тихо сказал Пауэллу:

– Может быть, потеря памяти? Амнезия?

– Не знаю. Во всяком случае, не стоит проводить параллели с человеческими болезнями. Искать у робота аналогии с расстройствами человеческого организма – чистая романтика. В Роботехнике это не помогает.

Он почесал в затылке.

– Мне очень не хочется подвергать его проверке элементарных мозговых реакций. Это его только еще больше расстроит.

Он задумчиво посмотрел на Дейва, а потом открыл в «Руководстве» главу «Проверка реакций в полевых условиях» и сказал:

– Послушай, Дейв, а не проверить ли нам твои реакции? Следовало бы это сделать.

Робот встал.

– Как прикажете, хозяин.

В его голосе действительно слышалась боль.

Начали с самых простых испытаний. Под равнодушное тиканье секундомера робот ДВ-5 перемножал пятизначные числа, Он называл простые числа от 1000 до 10 000. Он извлекал кубические корни и интегрировал функции возрастающей степени трудности. Он прошел проверку все более и более усложнявшихся механических реакций. Наконец, перед его точным механическим разумом была поставлена высшая задача для роботов – разрешение этических проблем.

К концу этих двух часов Пауэлл был мокрый, хоть выжимай, а Донован изгрыз все свои ногти, оказавшиеся не слишком питательными.

Робот спросил:

– Ну как, хозяин?

Пауэлл ответил:

– Я должен подумать, Дейв. Не нужно спешить с решением, Ты пока иди работать, Не надо особенно напрягаться, и не очень заботься о выполнении нормы. А мы тут разберемся.

Робот вышел. Донован взглянул на Пауэлла.

– Ну?

Пауэлл ожесточенно дергал себя за усы; как будто решил вырвать их с корнем.

– Все связи в его мозгу работают правильно, – сказал он.

– Я бы не рискнул утверждать это так уверенно.

– О Юпитер! Майк, ведь мозг – самая надежная часть робота! Он не раз и не два проходил контроль на Земле, И если он прошел контроль, как прошел его Дейв, то ни малейшей неисправности в мозгу просто быть не может. Ведь там проверяют все ключевые связи.

– Ну и что из этого следует?

– Не торопи меня. Дай подумать. Возможна еще механическая неисправность в теле робота. Это значит, что могло выйти из строя все что угодно, – любой из полутора тысяч конденсаторов, любая из двадцати тысяч отдельных схем, пятисот ламп и многих тысяч других деталей. Не говоря уж об этих таинственных позитронных полях, о которых никто ничего не знает.

– Послушай, Грег, – не выдержал Донован. – У меня есть идея. Может быть, робот говорит неправду? Он не...

– Дурак, робот не может сознательно обманывать. Так вот, будь у нас тестер Маккормика-Уэсли, мы бы смогли проверить все части его тела за какие-нибудь сутки или двое. Но на Земле существуют всего только два таких тестера, они весят по десять тонн, смонтированы на бетонных фундаментах и неподвижны. Каково положение, а?

Донован хлопнул ладонью по столу.

– Но, Грег, он портится только тогда, когда нас нет поблизости. В этом – есть – что-то – подозрительное! – после каждого слова следовал новый удар.

Не говори чепухи, – ответил Пауэлл после паузы. – Ты просто начитался приключенческих романов.

Я хочу знать, что нам делать! – крикнул Донован.

– Сейчас скажу. Я установлю под столом экран. Прямо здесь, на стене, ясно? – Он злобно ткнул пальцем в стену, – Потом я буду подключать его к телекамерам в тех забоях, где работает Дейв, и буду за ним следить. Вот и все.

– Все? Грег...

Пауэлл поднялся со стула и уперся сжатыми кулаками в стол.

– Майк, мне очень трудно, – в его голосе звучала усталость. – Ты ко мне целую неделю пристаешь. Ты говоришь, что с Дейвом что-то неладно. Ты знаешь, где неисправность? Нет! Ты знаешь, как она возникает? Нет! Что-нибудь ты знаешь? Нет и нет! И я ничего не знаю. Так чего ты от меня хочешь?

Донован беспомощно развел руками.

– Ну, ладно, ладно.

– Так вот; слушай. Прежде чем начинать лечение, надо определить болезнь. Чтобы приготовить рагу из кролика, надо сначала поймать кролика. Значит будем ловить кролика! А теперь уйди отсюда!

Донован невидящими глазами уставился в черновик отчета. Во-первых, он устал, а во-вторых, в чем отчитываться, когда еще ничего не выяснено?

– Грег, – сказал он раздраженно, – мы почти на тысячу тонн отстаем от плана.

– Да ну? – ответил Пауэлл, не поднимая головы. – А я и не догадывался.

– Я хочу знать одно, – Донован вдруг вышел из себя. – Почему мы всегда возимся с новыми моделями роботов? Все, хватит! Меня вполне устраивают роботы, которые годились для моего двоюродного деда со стороны матери. Я за то, что прошло проверку временем. За

добрых, старых, надежных роботов, которые никогда не ломаются!

Пауэлл с поразительной меткостью запустил в него книгой, и Донован скатился со стула на пол.

– Последние пять лет, – размеренно произнес Пауэлл, – ты испытывал новые модели роботов в полевых условиях для фирмы «Ю. С. Роботс». И так как мы имели неосторожность неплохо показать себя в этом деле, нас награждают самыми гнусными заданиями. Такая уж твоя специальность, – он ткнул пальцем в сторону Донована. – Ты начал скулить, насколько я помню, уже через пять минут после того, как был принят в штат. Почему ты до сих пор не уволился?

– Сейчас скажу, – Донован перевернулся на живот, уперся локтями в пол и запустил пальцы в свои буйные рыжие волосы. – В какой-то степени это вопрос принципа. Ведь что ни говори, в качестве техника-испытателя я принимаю участие в разработке новых роботов. Нужно же помогать научному прогрессу. Но если говорить откровенно, меня удерживает не принцип, а деньги, которые нам платят... Грег!!!

Услышав дикий вопль Донована, Пауэлл вскочил и посмотрел на экран, куда указывал Майк. Его глаза округлились от ужаса.

– Ох, разрази меня Юпитер! – прошептал он. Донован, затаив дыхание, поднялся на ноги.

– Посмотри, Грег, они спятили!

– Неси скафандры! Мы идем туда, – скомандовал Пауэлл, не отводя глаз от экрана.

Там, в полумраке, виднелась цепочка сверкающих металлом фигур. Освещенные собственным тусклым светом, они плавно двигались на фоне неровных, испещренных темными впадинами стен штольца, прорубленного в скале. Все семь роботов, во главе с Дейвом, шагали в едином ритме. Их повороты нагоняли жуть своей четкостью; одновременно перестраиваясь на ходу, они с легкостью лунных танцовщиц как будто исполняли какой-то призрачный танец.

В комнату вбежал Донован со скафандрами.

– Они хотят напасть на нас! Это же военная маршировка!

– А почему не художественная гимнастика? – холодно возразил Пауэлл. – Или, может быть, Дейву почудилось, будто он балетмейстер. Всегда старайся сначала подумать, а потом лучше промолчи.

Донован нахмурился и, расстегнув пустую кобуру на боку, демонстративно сунул туда детонатор. Он сказал:

– Так или иначе, вот тебе твои новые модели. Согласен, это наша специальность. Тогда скажи, почему с ними обязательно, непременно что-нибудь да приключается?

– Потому что над нами тяготеет проклятие, – угрюмо ответил Пауэлл, – Пошли.

Далеко впереди, в густой бархатной тьме штольца, прорезаемой лишь лучами их фонарей, мерцали огни роботов.

– Вот они, – выдохнул Донован.

– Я пытался связаться с ним по радио, – возбужденно прошептал Пауэлл, – но он не отвечает. Вероятно, отключилась радиосхема.

– Тогда хорошо, что еще не придумали роботов, которые работали бы в полной темноте. Не хотел бы я разыскивать семь сумасшедших роботов в темной пещере без радиосвязи. Будем радоваться, что они по крайней мере светятся, как радиоактивные новогодние елочки.

– Давай заберем вон на тот уступ. Они идут сюда, и я хочу рассмотреть их поближе. Залезешь?

Донован поднатужился и прыгнул. Притяжение астероида было значительно меньше земного, но тяжелые скафандры почти сводили на нет это преимущество, а уступ был метра три высотой. Пауэлл прыгнул следом за ним.

Роботы цепочкой следовали за Дейвом. Подчиняясь четкому механическому ритму, они то становились парами, то опять строились цепочкой, но уже в ином порядке. Это по-

вторялось снова и снова. Дейв, не оборачиваясь, маршировал впереди. Роботы были уже метрах в шести, когда их танец прекратился. Вспомогательные роботы сбились в кучу, стояли несколько секунд и, топоча ногами, быстро умчались. Дейв посмотрел им вслед, потом медленно сел и склонил голову на руку. Это движение было почти человеческим.

В наушниках Пауэлла прозвучал его голос:

– Вы здесь, хозяин?

Пауэлл сделал знак Доновану и спрыгнул с уступа.

– Все в порядке, Дейв, Что тут произошло?

Робот покачал головой.

– Не знаю, Я разрабатывал очень неудобный выход руды в семнадцатом забое. Дальше я ничего не помню, а теперь, оказывается, рядом люди и я нахожусь в километре от забоя, в главном штреке.

– Где сейчас вспомогательные роботы? – спросил Донован.

– Работают, конечно. Сколько времени мы потеряли?

– Не очень много. Забудь об этом, – успокоил его Пауэлл и прибавил, обращаясь к Доновану:

– Останься с ними до конца смены, Потом приходи – я кое-что придумал.

Три часа спустя Донован вернулся. Вид у него был измученный.

– Ну, как? – спросил Пауэлл.

– Пока за ними следишь, все идет гладко. – Донован устало пожал плечами. – Брось-ка мне сигарету.

Он сосредоточенно закурил и выпустил аккуратное кольцо дыма.

– Знаешь, Грег, я все пытался разобраться. Ведь Дейв – не обычный робот. Ему беспрекословно повинуются шесть других. Он может делать с ними все, что хочет. И это должно отражаться на его психике. Что если он подсознательно чувствует необходимость подчеркнуть и усилить свою власть над ними?

– Ближе к делу.

– Уже близко. Что если это милитаризм? Что если он создает армию? Что если он занимается строевой подготовкой? Что если...

– А что если тебе положить компресс на голову? Твои бредни – готовый сюжет для цветного приключенческого фильма. Ведь то, о чем ты говоришь, – радикальное нарушение работы позитронного мозга. Если бы все было так, Дейв кончил бы тем, что поступил бы вопреки Первому Закону Роботехники, который запрещает роботу причинять вред человеку. Неизбежным логическим следствием такой милитаристской психологии должно быть стремление к власти и над людьми.

– Ну да. А почему ты знаешь, что это не так?

– Во-первых, робот с таким мозгом никогда не прошел бы заводского контроля. А во-вторых, если бы такое и случилось, мы бы это немедленно обнаружили. Я же проверял Дейва.

Пауэлл вместе со стулом отодвинулся от стола и положил на него ноги.

– Нет, мы еще не можем приготовить рагу. Мы не имеем пока ни малейшего представления, что же происходит. Вот если бы мы хоть выяснили, что значит этот танец, мы были бы на верном пути.

Он помолчал.

– Послушай, Майк, вот что мне пришло в голову. Ведь с Дейвом что-то приключается, только когда нас нет поблизости. И достаточно появиться кому-нибудь из нас, чтобы он пришел в себя.

– Я уже тебе говорил, что это подозрительно.

– Подожди! Что значит для робота, когда людей нет поблизости? Очевидно, ему приходится проявлять больше инициативы. Значит, нужно проверить те его части, на которых может сказаться эта повышенная нагрузка.

– Верно! – Донован было привстал, потом снова опустился в кресло. – Хотя нет. Мало. Это все-таки оставляет слишком широкое поле для поисков.

– Что поделаешь? Во всяком случае, теперь мы можем не опасаться за выполнение плана. Просто будем по очереди следить за роботами по телевизору. И едва что-нибудь случится, немедленно явимся на место. А это заставит их очнуться.

– Но, Грег, ведь это значит, что роботы не пройдут полевых испытаний, «Ю. С. Роботс» не может выпустить в продажу модель ДВ с таким дефектом.

– Конечно. Нам предстоит еще найти слабое место в конструкции и исправить его. И на это у нас осталось десять дней. – Пауэлл почесал в затылке. – Все дело в том... впрочем, лучше сам посмотри чертежи.

Чертежи ковром устлали пол. Донован ползал по ним, следя за неуверенными движениями карандаша, который держал Пауэлл.

– Вот это по твоей части, Майк. Я хочу, чтобы ты меня проверил. Я попытался исключить все цепи, не имеющие отношения к личной инициативе. Вот, например, двигательный канал. Я включаю все боковые связи...

Он взглянул на Донована.

– Как ты думаешь?

У Донована пересохло во рту.

– Все это не так просто, Грег. Личная инициатива – это не специальная цепь или схема, которую можно отделить от остальных. Когда робот предоставлен самому себе, деятельность его систем немедленно становится более интенсивной почти на всех участках. Нет такой цепи, на которой бы это не сказалось. Нам нужно найти именно те очень ограниченные условия, которые выбивают его из колеи, и только потом методом исключения начать выделять нужные цепи.

Пауэлл поднялся на ноги и стряхнул пыль с колен.

– Гм... Ладно. Собери чертежи и можешь их сжечь.

Донован продолжал:

– Видишь ли, при усилении активности стоит выйти из строя одной-единственной детали, и может произойти все что угодно. Может быть, где-то нарушена изоляция, или пробивает конденсатор, или искрит контакт, или перегревается катушка. И если работать вслепую, то в таком сложном механизме мы никогда не найдем неисправность. Если разбирать Дейва и проверять каждую деталь по отдельности, каждый раз собирая его и испытывая...

– Можешь не продолжать, понимаю. Я тоже не совсем осел.

Они безнадежно посмотрели друг на друга. Потом Пауэлл осторожно предложил:

– А что если расспросить одного из вспомогательных роботов?

Ни Пауэллу, ни Доновану до сих пор не приходилось беседовать ни с одним из «пальцев». Вспомогательные роботы могли говорить, и аналогия с человеческим пальцем была не совсем точной. Они имели даже довольно совершенный мозг, но этот мозг был настроен в первую очередь на прием команд через позитронное поле, и самостоятельно реагировать на внешние возбудители они могли с трудом.

Пауэлл не знал даже, как обратиться к этому роботу. Его серийный номер был ДВ-5/2, но так его называть неудобно. Наконец он вышел из затруднения.

– Послушай, приятель! Я прошу тебя сосредоточиться и немного подумать, а потом ты сможешь вернуться к своему начальнику.

«Палец» вместо ответа неуклюже кивнул головой: при его скудных мыслительных способностях всякие лишние разговоры были ему в тягость.

– Так вот, за последнее время твой начальник уже четыре раза отклонялся от заданной программы, – сказал Пауэлл, – Ты помнишь эти случаи?

– Да, хозяин.

Донован сердито прокричал:

– Он-то помнит! Я тебе говорю, это очень подозрительно...

– Пойди проспись! Конечно, он помнит – у него-то все в порядке!

И Пауэлл снова повернулся к роботу.

– Что вы делали в таких случаях? Я имею в виду всю группу.

Рассказ «пальца» был лишен всякого выражения, словно он отвечал зазубренный урок.

– В первый раз мы разрабатывали трудный выход в семнадцатом забое. Во второй раз мы укрепляли кровлю, которая грозила обвалиться. В третий раз мы готовили точно направленный взрыв, чтобы при отпалке не задеть подземную трещину. В четвертый раз это было сразу после небольшого обвала.

– Что происходило каждый раз?

– Трудно описать. Поступала какая-то команда, но прежде чем мы успевали принять и осмыслить ее, поступала новая команда – маршировать этим странным строем.

– Зачем? – рявкнул Пауэлл.

– Не знаю.

– А первая команда, – вмешался Донован, – до приказа маршировать, в чем она заключалась?

– Не знаю. Я чувствовал, что поступает команда, но не успевал ее принять.

– Что ты еще можешь сказать? Это была каждый раз одна и та же команда?

– Не знаю, – Робот растерянно покачал головой.

Пауэлл откинулся на спинку кресла.

– Ладно, можешь идти к своему начальнику.

«Палец» вышел, явно испытывая облегчение.

– Многого же мы добились, – сказал Донован. – Необыкновенно содержательный разговор. Слушай, и Дейв, и этот недоумок что-то замышляют. Слишком многого они не знают и не помнят. Им больше нельзя доверять, Грег.

Пауэлл подергал себя за ус.

– Знаешь, Майк, если ты скажешь еще одну глупость, я отниму у тебя и погремушку, и соску.

– Ладно, ладно. Ты же у нас гений, а я – несмышленный младенец! Ну так что же мы выяснили?

– Ничего. Я попробовал начать с конца – с «пальца», и ничего не вышло. Придется начать с начала.

– Ты великий человек! – восхищенно произнес Донован. – Как все это просто! Теперь, маэстро, не переведете ли вы это на человеческий язык?

– Для тебя надо бы переводить на детский лепет. Словом, нужно выяснить, какую команду дает Дейв перед тем, как теряет память. Это ключ ко всему.

– Как же ты думаешь это выяснять? Стоять рядом с ним мы не можем, потому что при нас все будет в порядке. Поймать эту команду по радио мы тоже не можем – она передается через позитронное поле. Значит, узнать, что это за команда, мы не можем – ни вблизи, ни издалека. И делать нечего.

– Да, прямое наблюдение не годится. Остается еще Дедукция.

– Что?

Пауэлл невесело усмехнулся.

– Мы будем по очереди дежурить, Майк. Будем, не сводя глаз с экрана, следить за каждым движением этих стальных болванов. А когда они начнут чудить, мы увидим, что случилось непосредственно перед этим, и определим, какая могла быть команда.

Донован долго сидел с открытым ртом. Потом сказал сдавленным голосом:

– Я подаю заявление об уходе. Хватит.

– У нас еще десять дней, попробуй придумать что-нибудь получше, – устало ответил Пауэлл.

И в течение восьми дней Донован изо всех сил пытался придумать что-нибудь получше. Восемь дней он каждые четыре часа сменял Пауэлла и воспаленными, затуманенными глазами следил за тем, как двигаются в полутьме поблескивающие металлические фигуры. И

все восемь дней во время четырехчасовых перерывов он проклинал «Ю. С. Роботс», модель ДВ и день, когда он родился.

А когда на восьмой день, преодолевая головную боль, ему на смену явился заспанный Пауэлл, Донован встал и точно рассчитанным движением запустил тяжелую книгу в самый центр экрана. Раздался вполне естественный звон стекла.

– Зачем ты это сделал? – ахнул Пауэлл.

– Потому что я больше не собираюсь за ними следить, – почти спокойно ответил Донован. – Осталось два дня, а мы еще ничего не знаем. ДВ Пять – жалкий конструкторский недоносок. Он шесть раз останавливался в мое дежурство и три раза – в твое, и я все равно не знаю, какую команду он давал, и ты тоже. И я не верю, чтобы ты вообще смог это узнать, а уж я не смогу – это точно! Клянусь космосом, как можно следить сразу за шестью роботами? Один что-то делает руками, другой – ногами, третий – машет руками, как ветряная мельница, четвертый – прыгает, как полоумный. А остальные два... черт знает, что они делают! И вдруг все останавливаются! Грег, мы не то делаем. Нужно смотреть вблизи, чтобы были видны все подробности.

Пауэлл прервал наступившее молчание.

– Ну да, и ждать, не случится ли чего-нибудь за оставшиеся два дня?

– А что, отсюда наблюдать лучше?

– Здесь уютнее.

– А... Но там можно кое-что сделать, чего ты не можешь сделать отсюда.

– Что же?

– Можно заставить их остановиться, когда это будет нужно нам. Когда мы будем готовы подсмотреть, что с ними происходит.

Пауэлл насторожился.

– Каким образом?

– Сам подумай. Ведь ты у нас умница. Задай себе несколько вопросов. Когда ДВ Пять выходит из строя? Что тебе сказал «палец»? Когда угрожал или действительно случился обвал. Когда предстояло очень точно произвести отпалку. Когда попалась трудная жила.

– Иначе говоря, в критических обстоятельствах! – возбужденно сказал Пауэлл.

– Верно! Иначе и быть не может! Все дело в факторе личной инициативы, А необходимость в ней особенно велика в критических обстоятельствах, в отсутствие человека. И что из этого следует? Как нам устроить, чтобы они остановились, когда мы захотим? – Он торжественно поднял руку, начиная входить во вкус своей роли, и ответил на собственный вопрос, опередив ответ, который уже вертелся у Пауэлла на языке:

– Надо устроить аварию!

– Майк, ты прав, – сказал Пауэлл.

– Спасибо, друг! Я знал, что когда-нибудь этого добьюсь.

– Ладно, не язви. Оставь свои шуточки для Земли, там мы их законсервируем на зиму.

А теперь – какую аварию мы можем устроить?

– Если бы мы были не на астероиде, где нет ни воды, ни воздуха, можно было бы затопить шахту.

– Это, по-видимому, острога, – сказал Пауэлл. – Знаешь, Майк, ты меня уморишь. А как насчет небольшого обвала?

Донован, насупившись, сказал:

– Не возражаю.

– Хорошо. Тогда пошли.

Пробираясь по каменной осыпи, Пауэлл чувствовал себя заговорщиком. И хотя его походка из-за малой силы тяжести была неуверенной, а из-под ног то и дело вылетали камни, поднимая бесшумные фонтанчики серой пыли, – все равно ему казалось, что он идет осторожными шагами конспиратора.

– Ты представляешь себе, где они? – спросил он.

– Кажется, да.

– Ладно, – мрачно сказал Пауэлл. – Только если какой-нибудь «палец» окажется в шести метрах, он нас учует, даже если мы не будем в его поле зрения. Надеюсь, это тебе известно.

– Когда мне понадобится прослушать элементарный курс Роботехники, я подам заявление. В трех экземплярах. Теперь вниз.

Они спустились в шахту. Теперь и звезд не было видно. Оба ощупью пробирались вдоль стен, время от времени освещая путь короткими вспышками фонарей. Пауэлл на всякий случай еще раз ощупал детонатор.

– Ты знаешь этот штрек, Майк?

– Не очень хорошо. Он новый. Правда, я думаю, что могу ориентироваться по тому, что видел по телевизору...

Минуты тянулись бесконечно долго. Вдруг Майк сказал:

– Пощупай!

Приложив металлическую перчатку к стене, Пауэлл почувствовал легкую вибрацию. Конечно, никаких звуков слышно не было.

– Взрывы! Мы уже близко.

– Гляди в оба, – сказал Пауэлл.

Донован нетерпеливо кивнул.

Робот промчался мимо них и исчез так быстро, что они даже не успели его рассмотреть, – это было лишь промелькнувшее светлое пятно, блестящее металлом. Оба застыли на месте.

– Как, по-твоему, он заметил нас? – шепотом спросил Пауэлл.

– Надеюсь, что нет. Но лучше обойти их стороной. Свернем в первый же боковой штрек.

– А если мы вообще к ним не выйдем?

– Ну так что же делать? Возвращаться? – яростно прошипел Донован. – До них еще с четверть мили. Я же следил за ними по телевизору. А у нас всего два дня...

– Ох, замолчи. Не трать зря кислород. Это, что ли, боковой штрек? – Вспыхнул фонарик Пауэлла. – Да. Идем.

Вибрация стен ощущалась здесь гораздо сильнее, и время от времени скала под ногами содрогалась.

– Идем пока правильно. Только бы он не кончился, – сказал Донован и посветил перед собой фонарем.

Вытянув руку, они могли дотронуться до кровли штрека. Крепь была совсем новой. Вдруг Донован заколебался.

– Кажется, тупик? Идем назад.

– Нет, погоди. – Пауэлл неуклюже протиснулся мимо него. – Что это за свет впереди?

– Свет? Не вижу никакого света. Откуда ему здесь взяться?

– А роботы? – Пауэлл на четвереньках вскарабкался на кучу осыпавшейся породы, перегородившую штрек, – Эй... Майк, лезь сюда, – позвал он тревожным, хриплым шепотом.

Впереди действительно виднелся свет, Донован перелез через ноги Пауэлла.

– Дыра?

– Да. Они, наверное, проходят этот штрек с той стороны.

Донован ощупал рваные края отверстия. Осторожно посветив фонарем, он увидел, что дальше начинается более широкий штрек – очевидно, главный. Отверстие было слишком маленьким, чтобы сквозь него мог пролезть человек. Даже заглянуть в него двоим сразу было трудно.

– Там ничего нет, – сказал Донован.

– Сейчас нет. Но секунду назад было – иначе мы не увидели бы света. Берегись!

Стены вокруг них содрогнулись, и они почувствовали толчок. Посыпалась мелкая пыль. Осторожно подняв голову, Пауэлл снова заглянул в отверстие.

– Все в порядке, Майк. Они здесь. Сверкающие роботы столпились в главном штреке, метрах в пятнадцати от них. Могучие металлические Руки быстро разбирали породу, выброшенную взрывом.

– Скорее, – заторопился Донован. – Они вот-вот кончат, а следующий взрыв может задеть нас.

– Ради бога, не торопи меня, – Пауэлл отцепил детонатор. Его взгляд тревожно шарил по темным стенам. При тусклом свете, шедшем от роботов, было почти невозможно отличить торчащие камни от сгустков теней.

– Смотри, вон прямо над ними в кровле выступ. Он остался после последнего взрыва. Если ты туда попадешь, обрушится половина кровли.

Пауэлл посмотрел туда, куда указывал Донован.

– Годится! Теперь следи за роботами и моли бога, чтобы они не ушли слишком далеко от этого места. Мне нужен их свет. Все семь на месте?

Донован пересчитал.

– Все.

– Ну, смотри в оба. Не упусти ни одного движения!

Он поднял руку с детонатором и прицелился. Донован, чертыхаясь про себя и смаргивая пот, заливавший глаза, пристально следил за роботами.

Вспышка!

Их качнуло, земля вокруг несколько раз вздрогнула, а потом они почувствовали мощный толчок, бросивший Пауэлла на Донована.

– Грег, ты сшиб меня! – завопил Донован. – Я ничего не видел!

Донован растерянно замолчал. Роботов видно не было.

– А мы их не задавили? – дрожащим голосом произнес Донован.

– Давай спускаться. Не спрашивай меня ни о чем. – Пауэлл торопливо пополз назад.

– Майк!

Донован остановился.

– Что еще случилось?

– Постой! – В наушниках слышалось хриплое, неровное дыхание Пауэлла. – Майк! Ты меня слышишь?

– Я здесь. В чем дело?

– Назад хода нет. Кровля обвалилась не над роботами, а тут! От сотрясения все рухнуло.

– Что? – Донован уперся в твердую преграду. – Включи-ка фонарь!

Но сквозь завал не смогла бы пролезть даже мышь.

– Ну, как вам это нравится? – тихо сказал Донован.

Они потратили некоторое время и довольно много сил, пытаясь сдвинуть глыбу, загородившую проход.

Потом Пауэлл попробовал расширить отверстие, которое вело в главный штрек. Он поднял было детонатор, но произвести вспышку в таком ограниченном пространстве было равносильно самоубийству.

– Знаешь, Майк, – сказал он, усевшись на камень, – мы окончательно все испортили. Мы так и не знаем, что происходит с Дейвом. Идея была хороша, но она обернулась против нас.

В голосе Донована послышалась горечь.

– Мне жаль огорчать тебя, старина, но, уж не говоря о неудаче с Дейвом, мы к тому же некоторым образом попали в ловушку. И если мы с тобой, дружище, не выберемся, нам крышка. Крышка. Ясно? Сколько у нас кислорода? Не больше чем на шесть часов.

– Я уже думал об этом. – Пальцы Пауэлла потянулись к его многострадальным усам, но звякнули о прозрачную крышку гермошлема. – Конечно, Дейв быстро откопал бы нас. Но только после нашего замечательного обвала он, наверное, опять свихнулся, и по радио с ним

связаться нельзя.

– Лучше некуда, а?

Донован подполз к отверстию и ухитрился втиснуть в него голову в шлеме. Это далось ему с большим трудом.

– Эй, Грег!

– Что?

– А что если Дейв окажется в шести метрах от нас? Он придет в себя. И мы будем спасены.

– Конечно, но где он?

– Там, в штреке. Довольно далеко. Ради бога, перестань дергать меня за ноги, пока не оторвал мне голову, Я сам пушу тебя поглядеть.

Пауэлл, в свою очередь, высунулся в отверстие.

– Взрыв был удачный. Ты только посмотри на этих балбесов – прямо балет!

– К черту твои сравнения. Они приближаются?

– Не пойму – слишком далеко. Погоди. Дай-ка мне фонарь – попробую привлечь их внимание.

Через две минуты он оставил эту попытку.

– Бесполезно. Они, должно быть, ослепли. Ого, Двинулись сюда! Как тебе это нравится?

– Эй, хватит, дай мне посмотреть! – потребовал Донован.

После недолгой возни Пауэлл сказал «ладно», и Донован сунул голову в дыру. Роботы приближались. Впереди, высоко поднимая ноги, шагал Дейв, а за ним цепочкой извивались шесть «пальцев».

Что они делают, хотел бы я знать, – пробормотал Донован.

– Далеко они? – спросил Пауэлл.

– Метрах в пятнадцати, и идут сюда. Еще четверть часа – и мы будем своб... э-ге-гей!

Эй!

– В чем дело? – Пауэллу понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя после оглушительного вопля Донована. – Ну-ка, пусти меня, Не будь свиньей!

Он попытался оттащить Донована, но тот яростно брыкался.

– Они повернули, Грег! Они уходят! Дейв! Эй, Дейв!

– Что толку? – крикнул Пауэлл. – Ведь звук здесь не проходит.

Донован, задыхаясь, обернулся к нему.

– Ну, колоти в стену, бей по ней камнем, создай какие-нибудь вибрации! Нужно привлечь их внимание, не то мы пропали!

Он начал колотить по камню, как сумасшедший.

Пауэлл потряс его за плечо.

– Погоди, Майк, у меня идея! Клянусь Юпитером! Самое время для простых решений.

Майк!

– Чего тебе? – Донован втянул голову.

– Пусти меня скорее, пока они еще недалеко.

– Что ты хочешь делать? Эй, зачем тебе детонатор? – Он схватил Пауэлла за руку. Тот вывернулся.

– Хочу немного пострелять.

– Зачем?

– Потом объясню. Посмотрим сперва, что получится. Подвинься, не мешай!

Вдали виднелись все уменьшающиеся огоньки роботов. Пауэлл тщательно прицелился и трижды нажал спусковую кнопку. Потом он опустил детонатор и тревожно взгляделся в темноту. Один вспомогательный робот упал! Теперь было видно только шесть сверкающих фигур.

Пауэлл неуверенно позвал в микрофон:

– Дейв!

После небольшой паузы оба услышали:

– Хозяин? Где вы? У третьего вспомогательного разворочена грудь. Он вышел из строя.

– Неважно, – сказал Пауэлл. – Нас завалило при взрыве. Видишь фонарь?

– Вижу. Сейчас будем там.

Пауэлл сел и вздохнул.

– Вот так, дружок.

– Ладно, Грег, – очень тихо произнес Донован дрогнувшим голосом, – Ты победил, Я перед тобой преклоняюсь. Только не морочь мне голову. Расскажи толком, в чем было дело.

– Пожалуйста. Просто мы все время упускали из виду самое очевидное – как всегда. Мы знали, что дело в личной инициативе, что это всегда происходило в чрезвычайных обстоятельствах, Но мы думали, что все начиналось с определенной команды, А почему, собственно, с какой-то одной команды?

– А почему нет?

– А почему это не мог быть целый класс команд? Какие команды требуют от руководителя наибольшей инициативы? Какие команды обычно отдаются только в чрезвычайных обстоятельствах?

– Не спрашивай меня, Грег! Скажи!

– Я и говорю. Команды, отдаваемые одновременно по шести каналам! В обычных условиях один или несколько «пальцев» выполняют несложную работу, которая не требует пристального наблюдения за ними. Ну, точно так же, как наши привычные движения при ходьбе. А в чрезвычайных обстоятельствах нужно немедленно и одновременно привести в действие всех шестерых. И вот тут что-то сдает. Остальное просто. Любое уменьшение требуемой от него инициативы, например, появление человека, приводит его в себя. Я уничтожил одного из роботов, и Дейву пришлось командовать лишь пятью, Инициатива уменьшилась, и он стал нормальным!

– Как ты до этого дошел? – допытывался Донован.

– Логическими рассуждениями, Я произвел эксперимент, и все оказалось правильно.

Они снова услышали голос робота:

– Вот и мы. Вы продержитесь еще полчаса?

– Конечно, – ответил Пауэлл. Потом продолжал, обращаясь к Доновану:

– Теперь наша задача стала проще, Мы проверим те цепи, нагрузка на которые при шести канальной команде больше, чем при пятиканальной. Много придется проверять?

Донован прикинул.

– Не очень, по-моему. Если Дейв сделан так же, как опытный экземпляр, который мы видели на заводе, то у него должна быть специальная координирующая цепь, и все дело ограничится только ею. – Он вдруг воодушевился: – Слушай, это здорово! Остались пустяки!

– Хорошо. Ты пока подумай. Когда вернемся, проверим по чертежам. А теперь, пока Дейв до нас добирается, я отдохну!

– погоди. Скажи мне еще одну вещь. Что это была за странная маршировка, эти причудливые танцы, которые начинались каждый раз, когда они теряли рассудок?

– А, это? Не знаю. Но у меня есть одно предположение. Вспомни: вспомогательные роботы – «пальцы» Дейва. Мы все время их так называли, Так вот, я думаю, что каждый раз, когда Дейв становился ненормальным и в голове у него все путалось, он начинал вертеть пальцами!..

VI. Сьюзен Кэлвин

Лжец

Liar! (1941)

Перевод: А. Иорданский

Альфред Лэннинг неторопливо закурил сигару, но его пальцы слегка дрожали. Сурово сдвинув седые брови, он говорил, пуская клубы дыма:

– Да, он читает мысли – это несомненно. Но почему? – Он посмотрел на Главного Математика Питера Богерта. – Ну?

Богерт обеими руками пригладил черные волосы.

– Это тридцать четвертый робот модели РБ, Лэннинг. И все остальные вполне соответствовали нормам.

Третий человек, сидевший за столом, нахмурился. Это был Милтон Эш, самый молодой в руководстве фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», чем он очень гордился.

– Послушайте, Богерт! Я ручаюсь, что сборка с начала до конца проведена совершенно правильно!

Толстые губы Богерта раздвинулись в покровительственной улыбке.

– Ручаетесь? Ну, если вы можете отвечать за всю линию сборки, то вас нужно повысить в должности. По точным подсчетам, для производства одного позитронного мозга требуется семьдесят пять тысяч двести тридцать четыре операции, успех каждой из которых зависит от различного числа факторов – от пяти до ста пяти. И если хоть один из этих факторов не будет точно выдержан, мозг идет в брак. Это я цитирую ваши собственные проспекты.

Милтон Эш покраснел и собрался ответить, но его перебил четвертый голос:

– Если мы начнем валить вину друг на друга, то я уйду... – Руки Сьюзен Кэлвин были крепко сжаты на коленях, морщинки вокруг ее тонких, бледных губ стали глубже. – У нас появился робот, который читает мысли, и мне представляется, что надо бы выяснить, почему это случилось. А если будем кричать: «Вы виноваты!», «Я виноват!», – то мы ничего не добьемся.

Ее холодные серые глаза остановились на Эше, и он усмехнулся.

Лэннинг тоже усмехнулся, и, как всегда в таких случаях, его длинные седые волосы и хитро прищуренные глазки придали ему сходство с библейским патриархом.

– Совершенно верно, доктор Кэлвин.

Его голос внезапно зазвучал решительно:

– В предельно краткой форме положение таково. Мы выпустили позитронный мозг, который не должен был бы отличаться от остальных, но который тем не менее обладает замечательной способностью принимать волны, излучаемые человеком в процессе мышления. Если бы мы знали, как это получилось, то Роботехника шагнула бы сразу на десятилетия вперед. Но мы этого не знаем и должны выяснить. Вы согласны?

– Можно высказать одно предположение? – спросил Богерт.

– Слушаем.

– Мне кажется, пока мы не разберемся в этой истории, – а как математик, я думаю, что это окажется чертовски сложно, – нужно держать в тайне существование РБ Тридцать Четыре. Даже от служащих фирмы. Мы, руководители отделов, обязаны справиться с этой задачей сами, а чем меньше будут знать остальные...

– Богерт прав, – сказала доктор Кэлвин. – С тех пор как Межпланетный кодекс разрешил испытание роботов на заводе перед отправкой их на космические станции, пропаганда против роботов усилилась. И если кто-нибудь узнает, что робот способен читать мысли, а мы еще не будем хозяевами положения, на этом кое-кто мог бы сделать себе солидный капитал.

Лэннинг, продолжая сосать сигару, кивнул и повернулся к Эшу.

– Вы сказали, что были одни, когда впервые столкнулись с этим чтением мыслей?

– Я был один – и перепугался до полусмерти. РБ Тридцать Четыре прислали ко мне прямо со сборочного стола. Оберман куда-то ушел, и я сам повел его к испытательному стенду.

Он запнулся, и на его губах появилась слабая улыбка.

– Никому из вас не приходилось мысленно с кем-то разговаривать, не отдавая себе в этом отчета?

Никто не ответил, и Эш продолжал:

– Знаете, сначала на это не обращаешь внимания. Так вот, он что-то мне сказал – что-то вполне логичное и разумное. И мы уже почти дошли до стенда, когда я сообразил, что я-то ничего ему не говорил. Конечно, я думал о том о сем, но это же другое дело, правда? Я запер его и побежал к Лэннингу. Представьте себе – рядом с вами идет робот, спокойно читает ваши мысли и копается в них! Мне стало не по себе.

– Еще бы! – задумчиво сказала Сьюзен Кэлвин. Ее взгляд с необыкновенным вниманием остановился на Эше. – Мы так привыкли к тому, что наши мысли известны только нам самим...

– Значит, об этом знаем только мы четверо, – нетерпеливо вмешался Лэннинг. – Отлично. Мы должны взяться за дело строго систематически. Эш, вы проверите линию сборки – всю, от начала до конца. Вы должны исключить те операции, где ошибка была невозможна, и составить список тех, в которых она могла быть допущена. Укажите характер возможной ошибки и ее предположительную величину.

– Ну и работка! – проворчал Эш.

– А как же? Конечно, вы будете делать это не один. Возьмите в помощники сотрудников вашего отдела, если нужно – всех до единого. Не выполните план – Ничего! Но они, конечно, не должны знать, зачем это делается.

– Н-да, – молодой инженер криво улыбнулся. – И все-таки работы хватит.

Лэннинг вместе со стулом повернулся к Кэлвин.

– Вам предстоит подойти к делу с другого конца. Вы – наш робопсихолог, вам нужно изучить самого робота, Попытайтесь выяснить, как он это делает. Узнайте все, что так или иначе связано с его телепатическими способностями, каков их диапазон: как они сказываются на его мышлении и вообще на его стандартных рабочих качествах. Задача вам ясна?

Не дожидаясь ответа, Лэннинг продолжал:

– Я буду руководить работой и осуществлять математическую обработку результатов. – Он яростно затянулся сигарой, и сквозь дым прозвучало остальное: – В этом мне, конечно, поможет Богерт.

Продолжая полировать ногти своих мясистых рук, Богерт мягко ответил:

– Ну, разумеется! Я, как-никак, в этом немного разбираюсь.

– Ну, я приступаю, – Эш резко отодвинул свой стул и поднялся. На его приятном молодом лице появилась усмешка. – Мне досталась самая скверная работа, так что лучше уж не откладывать. Пока!

Сьюзен Кэлвин ответила едва заметным кивком, но ее взгляд провожал его, пока дверь за ним не закрылась. Она ничего не ответила, когда Лэннинг, что-то проворчав, сказал:

– Не хотите ли вы, доктор Кэлвин, теперь же пойти и посмотреть РБ Тридцать Четыре?

Когда послышался тихий звук открывающейся двери, робот РБ-34 поднял фотоэлектрические глаза от книги и вскочил. В комнату вошла Сьюзен Кэлвин, Она задержалась, чтобы поправить на двери огромную надпись «Вход воспрещен», потом подошла к роботу.

– Эрби, я принесла тебе кое-какие материалы о гиператомных двигателях. Хочешь их посмотреть?

РБ-34 (иначе – Эрби) взял у нее из рук три тяжелых тома и открыл один из них.

– Хм! «Гиператомная теория»...

Что-то бормоча про себя, он начал листать книги, потом рассеянно сказал:

– Садитесь, доктор Кэлвин! Это займет несколько минут.

Она села и внимательно следила за Эрби, который занял место по другую сторону стола и приступил к систематическому изучению всех трех книг.

Через полчаса он отложил их в сторону.

– Я, конечно, знаю, зачем вы мне их принесли. У Сьюзен Кэлвин дрогнули уголки губ.

– Я так и думала. С тобой трудно иметь дело, Эрби, ты все время на шаг впереди меня.

– Эти книги такие же, как и остальные. Они меня просто не интересуют, В ваших учебниках ничего нет. Ваша наука – это просто масса фактов, кое-как скрепленных подобием теории. Все это так невероятно просто, что вряд ли достойно внимания. Меня интересует ваша беллетристика, переплетение и взаимодействие человеческих побуждений и чувств... – он сделал неясный жест могучей рукой, подыскивая подходящее слово.

– Кажется, я понимаю, – прошептала доктор Кэлвин.

– Видите ли, я читаю мысли, – продолжал робот, – а вы не можете себе представить, как они сложны. Я не могу все их понять, потому что мое мышление имеет так мало общего с вашим. Но я стараюсь, а ваши романы мне помогают.

– Да, но я боюсь, что, когда ты познакомишься с некоторыми переживаниями по современным душещипательным романам, – в ее голосе прозвучала горечь, – ты сочтешь наши настоящие мысли и чувства скучными и бесцветными.

– Ничего подобного!

Внезапный энергичный ответ заставил ее вскочить на ноги. Она почувствовала, что краснеет, и в испуге подумала: «Наверное, он знает!»

Эрби уже успокоился и произнес тихим голосом, почти совсем не имевшим металлического тембра:

– Ну, конечно, я знаю, доктор Кэлвин! Вы об этом Постоянно думаете, так как же я могу не знать?

– Ты... говорил об этом кому-нибудь? – жестко спросила она.

Конечно, нет! – искренне удивился он и добавил: – Меня никто не спрашивал.

– Тогда ты, вероятно, считаешь, что это с моей стороны глупо?

– Нет! Это нормальное чувство.

– Может быть, поэтому оно и глупо. – Теперь ее голос звучал задумчиво и печально. Под непроницаемой маской доктора наук на мгновение проступили черты женщины. – Меня нельзя назвать... привлекательной...

– Если вы имеете в виду чисто внешнюю привлекательность, то об этом я не могу судить. Но, во всяком случае, я знаю, что есть и другие виды привлекательности.

– ...да и молодой тоже... – Она как будто не слышала робота.

– Вам еще нет сорока, – в голосе Эрби появились тревога и настойчивость.

– Тридцать восемь, если считать годы. И все шестьдесят, если говорить об эмоциональном восприятии жизни. Я же все-таки психолог. А ему, – продолжала она с горечью, – тридцать пять, и выглядит он еще моложе. Неужели ты думаешь, что он видит во мне... что-то особенное?

– Вы ошибаетесь! – Стальной кулак Эрби с лязгом обрушился на пластмассовую поверхность стола. – Послушайте...

Но Сьюзен Кэлвин гневно перебила его. Ожесточение и боль в ее глазах вспыхнули ярким пламенем.

– Зачем? Что ты об этом знаешь – ты, машина! Я для тебя – образчик, интересная букашка со своеобразными мыслями, которые ты видишь, как на ладони. Превосходный пример разбитых надежд, правда? Почти как в книгах!

Ее сухие рыдания постепенно затихли.

Робот как будто съезжился под этой бурей обрушившихся на него слов. Он умоляюще покачал головой.

– Ну пожалуйста, выслушайте меня! Если бы вы захотели, я мог бы помочь вам!

– Как? – Ее губы скривились. – Дать хороший совет?

– Нет, не так. Я просто знаю, что думают другие люди, например Милтон Эш.

Наступило долгое молчание. Сьюзен Кэлвин потупилась.

– Я не хочу знать, что он думает, – тихо сказала она, – Замолчи.

– А мне кажется, вы хотели бы знать, что он думает.

Она все еще сидела с опущенными глазами, только ее дыхание участилось.

– Ты говоришь чепуху, – прошептала она.
– Зачем это мне? Я хочу помочь. Милтон Эш... – Он остановился.
Она подняла голову.

– Ну?

– Он любит вас, – тихо сказал робот.

Целую минуту доктор Кэлвин молча, широко раскрыв глаза, глядела на робота.

– Ты ошибаешься! Конечно, ошибаешься! С какой стати?

– Правда, любит. От меня этого нельзя утаить.

– Но я так... так... – Она запнулась.

– Он смотрит вглубь – он ценит интеллект. Милтон Эш не из тех, что женятся на при-
ческе и хорошеньких глазках.

Сьюзен Кэлвин часто заморгала. Она заговорила не сразу, и ее голос дрожал.

– Но ведь он никогда и никак не обнаруживал...

– А вы дали ему такую возможность?

– Как я могла? Я никогда не думала...

– Вот именно.

Сьюзен Кэлвин замолчала, потом внезапно подняла голову.

– Полгода назад к нему на завод приезжала девушка. Изящная блондинка. Кажется, она
была красива. И конечно, едва знала таблицу умножения. Он целый день пыжился перед ней,
пытаясь объяснить, как делают роботов. – Ее голос зазвучал жестко. – Конечно, она ничего
не поняла! Кто она?

Эрби, не колеблясь, ответил:

– Я знаю, о ком вы говорите. Это его двоюродная сестра. Уверяю вас, между ними нет
никаких романтических отношений.

Сьюзен Кэлвин с почти девичьей легкостью встала.

– Как странно! Именно это я временами пыталась себе внушить, хотя серьезно никогда
так не думала, значит, это правда!

Она подбежала к Эрби и обеими руками схватила его холодную тяжелую руку.

Спасибо, Эрби, – прошептала она голосом, слегка охрипшим от волнения. – Никому не
говори об этом. Пусть это будет наш секрет. Спасибо еще раз.

Судорожно сжав бесчувственные металлические пальцы Эрби, она вышла.

Эрби медленно повернулся к отложенному роману. Его мысли никто не смог бы про-
честь.

Милтон Эш медленно, с удовольствием потянулся, так что кости хрустнули, и свирепо
уставился на Питера Богерта.

– Послушайте, – сказал он, – я сижу над этим уже неделю и уже забыл, когда спал по-
настоящему. Сколько еще мне возиться? Вы как будто сказали, что дело в позитронной бом-
бардировке в вакуумной камере Д?

Богерт деликатно зевнул и с интересом поглядел на свои холеные руки.

– Да. Я напал на след.

– Я знаю, что значит, когда это говорит математик. Сколько вам еще осталось?

– Все зависит...

– От чего? – Эш бросился в кресло и вытянул длинные ноги.

– От Лэннинга. Старик со мной не согласен. – Он вздохнул, – Немного отстал от жизни,
вот в чем дело. Цепляется за свою обожаемую матричную механику, а этот вопрос требует
более мощных математических средств. Уж очень он упрям.

Эш сонно пробормотал:

– А почему бы не спросить у Эрби и не покончить с этим?

– Спросить у робота? – Брови Богерта полезли вверх.

– А что? Разве старуха вам не говорила?

– Вы имеете в виду Кэлвин?

– Ну да! Сама Сьюзи. Ведь этот робот – маг и чародей в математике. Он знает все обо всем и еще чуть-чуть сверх того. Он вычисляет в уме тройные интегралы и закусывает тензорным анализом.

Математик скептически поглядел на него.

– Вы серьезно?

– Ну конечно! Загвоздка в том, что дурень не любит математику, а предпочитает душещипательные романы, Честное слово! Вы бы только видели, какую дрянь таскает ему Сьюзен – «Огненная страсть», «Любовь в космосе»...

– Доктор Кэлвин ни слова нам об этом не говорила.

– Ну она еще не кончила его изучать, Вы же ее знаете. Она любит, чтобы все было окутано тайной. Пока она сама не раскроет главный секрет.

– Но вам она сказала?

– Да вот, как-то разговорились... Я эти дни часто ее вижу. – Он широко открыл глаза и нахмурился, – Слушайте, Богги, вы ничего странного за ней не замечали в последнее время?

Богерт расплылся в усмешке.

– Она стала красить губы. Вы это имеете в виду?

– Черта с два! Это само собой – губы красит, глаза подводит и еще пудрится. Ну и вид у нее! Но я не о том. Никак не могу точно этого определить. Она говорит так, словно она очень счастлива...

Он задумался и пожал плечами.

Богерт позволил себе плотоядно оскалиться. Для ученого, которому уже за пятьдесят, это было неплохо исполнено.

– Может быть, она влюбилась.

Эш опять закрыл глаза.

– Вы сошли с ума, Богги, Идите и поговорите с Эрби, Я останусь здесь и вздремну.

– Ну хорошо. Хоть и не по душе мне это – советоваться с роботом. Да вряд ли он скажет мне что-нибудь полезное.

Ответом ему был негромкий храп.

Эрби внимательно слушал, пока Питер Богерт, сунув руки в карманы, говорил с напускным равнодушием:

– Вот как обстоит дело. Мне говорили, что ты в таких вещах разбираешься, и я спрашиваю тебя больше из любопытства. Я допускаю, что мой ход рассуждений включает несколько сомнительных звеньев, которые Доктор Лэннинг отказывается принять. Так что картина все еще не очень полна.

Робот не отвечал, и Богерт сказал:

– Ну?

– Не вижу никакой ошибки, – Эрби вглядывался в исписанные расчетами листки.

– Вероятно, ты больше ничего предложить не можешь?

– Не буду и пытаться. В математике мне до вас далеко, и... В общем, мне не хотелось бы осрамиться.

Улыбка Богерта была чуть-чуть самодовольной.

– Я так и думал. Конечно, вопрос серьезный. Забудем об этом.

Он смял листки, швырнул их в мусоропровод и повернулся, чтобы уйти, но потом передумал.

– Кстати...

Робот ждал. Казалось, Богерт с трудом подыскивает слова.

– Есть кое-что... в общем, может быть, ты... Он замолчал. Эрби спокойно произнес:

– Ваши мысли перепутаны, но нет никакого сомнения, что вы думаете о докторе Лэннинге. Глупо колебаться – как только вы успокоитесь, я узнаю, о чем вы хотите спросить.

Рука математика привычным движением скользнула по прилизанным волосам.

– Лэннингу скоро семьдесят, – сказал он, как будто это объясняло все.

– Я знаю.

– И он уже почти тридцать лет директор исследовательского отдела.

Эрби кивнул.

– Так вот, – в голосе Богерта послышалась просьба. – Ты, наверное, знаешь... не подумывает ли он об отставке. Состояние здоровья, скажем.

– Вот именно, – только и произнес Эрби.

– Ты это знаешь?

– Конечно.

– Тогда...гм...не скажешь ли ты...

– Раз уж вы спрашиваете – да, – робот говорил, как будто это само собой разумеется. –

Он уже подал в отставку!

– Что? – с трудом выговорил Богерт и весь подался вперед. – Повтори!

– Он уже подал в отставку, – последовал спокойный ответ, – но она еще не вступила в силу. Видите ли, он хочет сначала решить проблему... хм... меня. После этого он будет готов передать обязанности директора своему преемнику.

Богерт резко выдохнул.

– А его преемник? Кто он?

Он придвинулся к Эрби почти вплотную. Глаза его как зачарованные были прикованы к ничего не выражавшим красноватым фотоэлементам, служившим роботу глазами.

Послышался неторопливый ответ:

– Будущий директор – вы.

Напряжение на лице Богерта сменилось скупой улыбкой.

– Приятно знать, что мои надежды оправдались. Я ждал этого. Спасибо, Эрби.

Эту ночь до пяти часов утра Питер Богерт провел за письменным столом. В девять он снова приступил к работе. Он то и дело хватал с полки над столом один справочник за другим. Медленно, почти незаметно росла стопка готовых расчетов, зато на полу образовалась целая гора скомканных исписанных листков.

Ровно в полдень Богерт взглянул еще раз на последний итог, протер налитые кровью глаза, зевнул и потянулся.

– Чем дальше, тем хуже. Проклятье!

Услышав, как открылась дверь, он обернулся и кивнул вошедшему Лэннингу. Хрустя суставами ревматических пальцев, директор окинул взглядом неубранную комнату, и его брови сдвинулись.

– Новый подход? – спросил он.

Нет, – последовал вызывающий ответ. – А чем плох старый?

Лэннинг промолчал и бросил беглый взгляд на верхний листок стопки. Закурив сигару, он сказал:

– Кэлвин говорила вам о Роботс? Это математический гений. Интересно.

Богерт громко фыркнул.

– Говорила. Но лучше бы Кэлвин занималась робопсихологией. Я проверил математические способности Эрби; он едва справился с интегральным и дифференциальным исчислением.

– Кэлвин пришла к другому выводу.

– Она рехнулась.

– Я тоже пришел к другому выводу. – Глаза директора зловеще сузились.

– Вы? – голос Богерта стал жестким. – О чем вы говорите?

– Я все утро гонял Эрби по математике. Он способен проделывать такие штуки, о которых вы и не слышали.

– Неужели?

– Вы не верите? – Лэннинг выхватил из жилетного кармана сложенный листок и развернул его. – Это не мой почерк, верно?

Богерт взгляделся в крупные угловатые цифры, покрывающие листок.

– Это Эрби?

– Да. И, как вы можете заметить, он занимался интегрированием вашего двадцать второго уравнения по времени. – Лэннинг постучал желтым ногтем по последней строчке. – И он пришел к такому же заключению, как и я, только вчетверо быстрее. Вы не имели права пренебречь эффектом Лингера при позитронной бомбардировке.

– Я не пренебрег им. Ради бога, Лэннинг, поймите, что это исключает...

– Да-да, вы уже объяснили. Вы применили переходное уравнение Митчелла, верно? Так вот, оно здесь неприменимо.

– Почему?

– Во-первых, вы пользуетесь гипермнимыми величинами.

– Ну и что?

– Уравнение Митчелла не годится, если...

– Вы сошли с ума? Если вы перечитаете статью самого Митчелла в «Записках фара...»

– Это лишнее. Я с самого начала сказал, что его ход рассуждений мне не нравится, и Эрби согласен со мной.

– Ну так пусть эта машина и решит вам всю проблему, – крикнул Богерт. – Зачем тогда связываться с бездарью вроде меня?

– В том-то и дело, что Эрби не может ее решить. А если даже он не может, то мы сами – тем более, Я передаю этот вопрос в Национальный совет. Мы здесь бессильны.

Богерт вскочил, опрокинул кресло. Лицо его побагровело.

– Вы этого не сделаете!

Лэннинг тоже побагровел.

– Вы указываете мне, что делать и чего не делать?

– Именно, – ответил Богерт, скрипнув зубами. – Я решил проблему, и вам ее у меня не отнять, ясно? Не думайте, что я не вижу вас насквозь, высохшее вы ископаемое! Конечно, вы скорее подавитесь, чем признаете, что я решил проблему телепатии роботов.

– Вы идиот, Богерт, Еще немного, и я уволю вас за нарушение субординации.

Губы Лэннинга тряслись от гнева.

– Ну этого-то вы не сделаете, Лэннинг. Когда рядом робот, читающий мысли, секретов быть не может. Так что не забудьте, я знаю о вашей отставке.

Столбик пепла отломился от кончика сигары Лэннинга и упал на пол. Сигара последовала за ним.

– Что? Что...

Богерт злорадно усмехнулся.

– И новый директор – я, понятно вам? Я прекрасно это знаю. Черт возьми, Лэннинг, теперь командовать здесь буду я, Имейте это в виду, не то попадете в такую переделку, какая вам и не снилась.

Лэннинг вновь обрел дар речи и взревел:

– Вы уволены, слышите? Вы освобождены от всех обязанностей! С вами все кончено, понимаете?

Богерт усмехнулся еще шире.

– Ну к чему это? Вы ничего не добьетесь. Все козыри у меня. Я знаю, что вы подали в отставку. Эрби Рассказал мне, а он знает это от вас.

Лэннинг заставил себя говорить спокойно. Он выглядел старым-старым, с его усталого лица исчезли все следы краски, оставив мертвенную старческую желтизну.

– Я должен поговорить с Эрби, Он не мог сказать вам ничего подобного. Вы рискованно играете, Богерт. Но я раскрою ваши карты. Идемте.

Богерт пожал плечами.

– К Эрби? Ладно. Ладно, черт возьми!

Ровно в полдень того же дня Милтон Эш поднял глаза от рисунка, который только что

наспех набросал на листке бумаги, и сказал:

– Представляете себе? У меня сейчас не очень удачно получилось, но в общем он будет выглядеть примерно так. Чудный домик, и достается мне почти даром.

Сьюзен Кэлвин нежно взглянула на него.

– Действительно, красивый, – вздохнула она. – Я часто мечтала...

Ее голос затих.

Эш оживленно продолжал, отложив карандаши:

– Конечно, придется ждать отпуска. Осталось всего две недели, но из-за истории с Эрби теперь ничего неизвестно. – Он опустил глаза. – И еще одно... Но это секрет.

– Тогда не говорите.

– А, все равно. Меня как будто распирает – так и хочется кому-нибудь рассказать. А лучше всего здесь, пожалуй... хм... довериться именно вам. – Он несмело усмехнулся.

Сердце Сьюзен Кэлвин затрепетало, но она боялась произнести хоть слово.

– По правде говоря, – Эш подвинулся к ней вместе со стулом и заговорил доверительным шепотом, – этот дом не только для меня. Я женюсь! В чем дело? – Он вскочил.

– Нет, ничего.

Ужасное ощущение вращения исчезло, но ей было трудно говорить.

– Женитесь? Вы хотите сказать...

– Ну конечно. Пора ведь, правда? Вы помните ту девушку, которая была здесь прошлым летом? Это она и есть! Но вам нехорошо? Вы...

– Голова разболелась, – Сьюзен Кэлвин бессильным движением отмахнулась от него. – У меня... У меня это часто бывает в последнее время. Я хочу... конечно, поздравить вас, Я очень рада...

На ее побелевшем лице стали видны два некрасивых пятна неумело наложенных румян. Все вокруг снова закружилось перед ней.

– Извините меня... пожалуйста... – пробормотала она и, ничего не видя, шатаясь, вышла.

Катастрофа произошла внезапно, как в кошмарном сне, и была такой же жуткой.

Но как это могло случиться? Ведь Эрби говорил... А Эрби знал! Он умеет читать мысли!

Она опомнилась только тогда, когда, едва дыша, прислонившись к двери, увидела перед собой металлическое лицо Эрби. Она не заметила, как взбежала на два этажа вверх по лестнице, – это произошло за один миг, как во сне.

Как во сне!

Немигающие глаза Эрби глядели на нее, их красноватые крути, казалось, росли, превращаясь в тускло светящиеся жуткие шары.

Он что-то говорил, и она почувствовала, как к ее губам прикоснулся холодный край стакана. Она сделала глоток и, вздрогнув, немного пришла в себя.

Эрби все еще говорил, и в его голосе было волнение – боль, испуг, мольба. Слова начали доходить до ее сознания.

– Это все сон, – говорил он, – и вы не должны этому верить. Вы скоро очнетесь и будете смеяться над собой. Он любит вас, я говорю вам. Любит, любит! Но не здесь! Не сейчас! Этот мир – иллюзия.

Сьюзен Кэлвин, кивая головой, шептала:

– Да... Да...

Она вцепилась в руку Эрби, прижалась к ней, приникла к этой стальной руке, широко раскрыв глаза, повторяя снова и снова:

– Это ведь неправда, да? Это неправда?

У Сьюзен Кэлвин не сохранилось никаких воспоминаний о том, как она очнулась. Как будто из туманного, нереального мира она попала на резкий солнечный свет. Оттолкнув от себя тяжелую руку, она широко раскрыла.

– Что же это ты делаешь? – ее голос сорвался в хриплый вопль. – Что... ты... делаешь?

Эрби попятился.

– Я хочу помочь.

Кэлвин пристально смотрела на него.

– Помочь? Как? Убеждая меня, будто это сон? Пытаясь превратить меня в шизофреничку? – Она истерически напряглась. – Это не сон! Если бы это был сон! – Внезапно она вскрикнула. – Постой! А! Понимаю! Господи, это же так очевидно...

В голосе робота послышался ужас:

– Но я должен был...

– А я-то тебе поверила! Мне и в голову не пришло...

За дверью послышались громкие голоса, и Сьюзен Кэлвин, умолкнув, отвернулась и судорожно сжала кулаки. Когда Богерт и Лэннинг вошли, она стояла у окна в глубине комнаты. Но ни тот, ни другой не обратили на нее ни малейшего внимания.

Оба одновременно подошли к Эрби. Лэннинг пылал гневом и нетерпением, на лице Богерта играла холодная язвительная усмешка. Директор заговорил первым.

– Эрби!

Робот повернулся к старому директору.

– Я вас слушаю, доктор Лэннинг.

– Ты говорил обо мне с доктором Богертом?

– Нет, сэр, – ответил робот не сразу.

Усмешка исчезла с лица Богерта.

– В чем дело? – Богерт оттеснил Лэннинга и встал перед роботом, расставив ноги. – Повтори, что ты сказал мне вчера.

– Я сказал, что... – Эрби замолк. Где-то глубоко внутри его механизма дрогнула металлическая мембрана, и послышался тихий дребезжащий звук.

– Ты сказал, что он подал в отставку? – рявкнул Богерт. – Отвечай!

Богерт в ярости замахнулся, но Лэннинг оттолкнул его.

– Не хотите ли вы силой заставить его солгать?

– Вы слышали, Лэннинг? Он готов был признаться и остановился. Отойдите! Я хочу добиться от него правды!

– Дайте я его спрошу! – Лэннинг повернулся к роботу, – Ничего, Эрби. Успокойся. Я подал в отставку?

Эрби молча глядел на него, и Лэннинг настойчиво повторил:

– Я подал в отставку?

Робот чуть заметно отрицательно качнул головой. Другого ответа они не дождались.

Ученые посмотрели друг на друга. Враждебность в их взглядах была почти осязаемой.

– Какого черта, – выпалил Богерт, – он что, онемел? Ты умеешь говорить, чудовище?

– Я умею говорить, – с готовностью ответил робот.

– Тогда отвечай. Сказал ты мне, что Лэннинг подал в отставку? Подал он в отставку или нет?

Снова наступило молчание. Потом в дальнем конце комнаты внезапно раздался смех Сьюзен Кэлвин – резкий, почти истерический. Оба вздрогнули, и Богерт прищурил глаза.

– Вы здесь? И что же тут смешного?

– Ничего, – ее голос звучал не совсем естественно. – Просто не одна я попалась. Трое крупнейших в мире Роботехников угодили в одну и ту же элементарную ловушку. Ирония судьбы, правда? – Она провела бледной рукой по лбу и тихо добавила: – Но ничего смешного тут нет...

Мужчины еще раз переглянулись, на этот раз в недоумении подняв брови.

– О какой ловушке вы говорите? – спросил Лэннинг неловко. – Что-нибудь случилось с Эрби?

– О нет, – ответила она, медленно приближаясь к ним. – Он-то в полном порядке. Дело в нас.

Она неожиданно повернулась к роботу и пронзительно крикнула:

– Отойди! Убирайся в дальний угол, и чтобы я тебя не видела!

Эрби съежился под ее взглядом и, громыхая, поспешно бросился прочь.

– Что это значит, доктор Кэлвин? – сердито спросил Лэннинг.

Она с издевкой спросила:

Вы, конечно, знаете Первый Закон Роботехники?

– Разумеется! – раздраженно сказал Богерт. – «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустит, чтобы человеку был причинен вред»

– Как изящно сформулировано, – насмешливо продолжала Кэлвин. – А какой вред?

– Ну... любой.

– Вот именно! Любой! А как насчет разочарования? А утрата веры в себя? А крушение надежд? Это вредно?

Лэннинг нахмурился:

– Откуда роботу знать... – Он вдруг осекся.

– Теперь и до вас дошло? Этот робот читает мысли. Вы думаете, он не знает, чем можно травмировать человека? Думаете, если задать ему вопрос, он не ответит именно то, что вы хотите услышать в ответ? Разве любой другой ответ не будет нам неприятен и разве Эрби этого не знает?

– Боже мой, – пробормотал Богерт.

Сьюзен Кэлвин с усмешкой взглянула на него.

– Я полагаю, что вы спросили его, уходит ли Лэннинг в отставку? Вы хотели услышать «да», и Эрби ответил именно так.

– И вероятно, поэтому, – сказал Лэннинг голосом, лишенным всякого выражения, – он ничего не ответил нам только что. Он не мог ответить так, чтобы не задеть одного из нас.

Наступила короткая пауза. Мужчины задумчиво смотрели на робота, который забился в свое кресло у книжного шкафа и опустил голову на руки.

Сьюзен Кэлвин упорно глядела в пол.

– Он все это знал. Этот... этот дьявол знает все – и даже то, что случилось с ним при сборке.

Лэннинг взглянул на нее.

– Здесь вы ошибаетесь, доктор Кэлвин. Он не знает, что случилось. Я спрашивал.

– Ну и что? – вскричала Сьюзен Кэлвин. – Вы просто не хотели, чтобы он подсказал вам решение. Если бы машина сделала то, что вы сделать не смогли, это уронило бы вас в собственных глазах. А вы спрашивали его? – повернулась она к Богерту.

Лэннинг негромко засмеялся, а она язвительно усмехнулась и сказала:

– Я спрошу его! Меня его ответ не заденет. Громким, повелительным голосом она произнесла:

– Иди сюда!

Эрби встал и нерешительно приблизился.

– Я полагаю, ты знаешь, в какой именно момент сборки возник посторонний фактор или был пропущен один из необходимых?

– Да, – еле слышно произнес Эрби.

– Пойдите, – сердито вмешался Богерт. – Это не обязательно правда. Вы просто хотите это услышать, и все.

– Не будьте ослом, – ответила Сьюзен Кэлвин. – Он знает математику, во всяком случае, не хуже, чем вы вместе с Лэннингом, раз уж он может читать мысли. Не мешайте.

Математик умолк, а она продолжала:

– Ну, Эрби, отвечай! Мы ждем! Господа, вы готовы?

Но Эрби хранил молчание. В голосе психолога прозвучало торжество.

– Почему ты не отвечаешь, Эрби?

Робот неожиданно выпалил:

– Я не могу. Вы знаете, что я не могу! Доктор Богерт и доктор Лэннинг не хотят!

– Они хотят узнать решение.

– Но не от меня.

Лэннинг медленно и отчетливо произнес:

– Не глупи, Эрби, Мы хотим, чтобы ты сказал.

Богерт коротко кивнул.

В голосе Эрби послышалось отчаяние:

– Зачем так говорить? Неужели вы не понимаете, что я вижу глубже, чем поверхность вашего мозга? Там, в глубине, вы не хотите. Я – машина, которой придают подобие жизни только позитронные взаимодействия в моем мозгу, изготовленном человеком. Вы не можете оказаться слабее меня, не почувствовав унижения. Это заложено глубоко в вашем мозгу и не может быть стерто, я не могу подсказать вам решение.

– Мы уйдем, – сказал Лэннинг. – Скажи доктору Кэлвин.

– Все равно! – вскричал Эрби. – Вы ведь будете знать, что ответ исходил от меня.

– Но ты понимаешь, Эрби, – вмешалась Сьюзен Кэлвин, – что, несмотря на это, доктор Лэннинг и доктор Богерт хотят решить проблему?

– Но сами! – настаивал Эрби.

– Но они хотят этого, и то, что ты знаешь решение и не говоришь его, тоже их задевает.

Ты это понимаешь?

– Да! Да!

– А если ты скажешь, им тоже будет неприятно.

– Да! Да!

Эрби медленно пятился назад, и шаг за шагом за ним шла Сьюзен Кэлвин. Мужчины, остолбенев от изумления, молча смотрели на них.

– Ты не можешь сказать, – медленно повторяла Кэлвин, – потому что это их огорчит, а ты не должен их огорчать. Но если ты не скажешь, это тоже их огорчит, так что ты должен сказать. А если ты скажешь, ты их огорчишь, а ты не должен, так что ты не можешь сказать. Но если ты не скажешь, ты причинишь им вред, так что ты должен. Но если ты скажешь, ты причинишь вред, так что ты не должен. Но если ты не скажешь, ты...

Эрби прижался спиной к стене, потом упал на колени.

– Не надо! – закричал он. – Спрячьте ваши мысли! Они полны боли, унижения, ненависти! Я не хотел этого! Я хотел помочь! Я говорил то, что вы хотели! Я должен был...

Но Сьюзен Кэлвин не слушала его.

– Ты должен сказать, но, если ты скажешь, ты причинишь вред, так что не должен. Но если ты не скажешь, ты причинишь вред, так что...

Эрби испустил страшный вопль. Этот вопль был похож на усиленный во много раз звук флейты-пикколо. Он становился все резче и резче, выше и выше, в нем слышалось безнадежное отчаяние. Пронзительный звук заполнял всю комнату...

Когда вопль утих, Эрби свалился на пол неподвижной, бесформенной кучей металла.

В лице Богерта не было ни кровинки.

– Он мертв!

– Нет, – Сьюзен Кэлвин разразилась судорожным, диким хохотом. – Не мертв! Просто лишился разума. Я поставила перед ним неразрешимую дилемму, и он не выдержал. Можете сдать его в лом – Он больше никогда ничего не скажет.

Лэннинг склонился над тем, что раньше называлось Эрби. Он тронул рукой холодное, неподвижное металлическое тело и содрогнулся. Потом он выпрямился и, сдвинув брови, повернулся к ней.

– Вы сделали это намеренно.

– А если и так? Теперь уже ничего не поделаешь. – С внезапной горечью она добавила:

– Он это заслужил.

Лэннинг взял за руку застывшего на месте Богерта.

– Какая разница! Пойдемте, Питер. – Он вздохнул, – Все равно от такого робота не было бы никакого толку.

Его глаза казались старыми и усталыми. Он повторил:

– Пойдемте, Питер!

После того как они вышли, доктор Сьюзен Кэлвин еще нескоро обрела душевное равновесие. Она долго стояла, глядя на Эрби. В конце концов злорадство сменилось на ее лице растерянностью и разочарованием. И все обуревавшие ее мысли слились в одно бесконечно горькое слово, сорвавшееся с ее губ:

– Лжец!

Удовлетворение гарантировано Satisfaction Guaranteed (1951)

Тони оказался высоким и красивым мрачной красотой, с невероятно аристократическим выражением неизменяющегося лица, и Клер Бельмон рассматривала его в щелку двери со смесью ужаса и отчаяния.

– Не могу, Ларри. Я просто не могу оставить его в доме. – Лихорадочно она пыталась своим оцепеневшим разумом найти более убедительное объяснение, такое, которое имело бы смысл и помогло ей, но смогла лишь повторить.

– Не могу!

Ларри Бельмон напряженно смотрел на жену, и в глазах его было то нетерпение, которое Клер ненавидела: она чувствовала, что в нем отражается ее неспособность.

– У нас есть обязательства, Клер, – сказал он, – ты должна меня сейчас поддержать. Компания по этому делу направляет меня в Вашингтон; вероятно, меня повысят. Все абсолютно безопасно, ты это знаешь. Почему же ты возражаешь?

Она беспомощно нахмурилась.

– У меня от него мурашки по коже. Я этого просто не вынесу.

– Он почти человек, такой же, как ты и я. Ну, хватит. Пошли.

Рука его была у нее на спине, он ее подталкивал; она, дрожа, оказалась в собственной гостиной. Робот стоял здесь, вежливо глядя на нее, как будто оценивал свою хозяйку на предстоящие три недели. Была здесь и доктор Сьюзан Кэлвин, она сидела неподвижно, сжав губы. У нее холодный отсутствующий вид человека, который так много работает с машинами, что в его крови появилось немного стали.

– Здравствуйте, – прохрипела Клер жалкое общее приветствие.

Ларри с фальшивой веселостью пытался спасти ситуацию.

– Клер, позволь представить тебе Тони. Тони отличный парень. Это моя жена Клер, Тони, старина. – Ларри дружески похлопал Тони по плечу, но Тони не ответил, выражение его лица не изменилось.

Он сказал:

– Здравствуйте, миссис Бельмон.

При звуках его голоса Клер подпрыгнула. Голос глубокий и мелодичный, ровный и гладкий, как волосы на его голове или кожа на лице.

Не сдержавшись, она воскликнула:

– Ой! Он говорит!

– Конечно. Вы думали, я не умею?

Но Клер смогла лишь криво улыбнуться. Она и сама не знала, чего ждала. Она отвела взгляд, потом краешком глаза посмотрела на него. Волосы гладкие и черные, как полированный пластик. Они на самом деле из отдельных волосков? А гладкая оливковая кожа рук и лица продолжается ли под безупречным костюмом?

Ей пришлось заставить себя вслушаться в ровный, лишенный эмоций голос доктора Кэлвин.

– Миссис Бельмон, надеюсь, вы отдаете себе отчет в важности нашего эксперимента. Ваш супруг сообщил мне, что ввел вас в курс дела. Я, как старший роботсихолог «Ю.С.Роботс», хотела бы кое-что добавить.

– Тони – робот. В документах компании он обозначен как ТН-3, но он отзывается и на имя Тони. Это не механическое чудовище, не счетная машина того типа, что были созданы во время второй мировой войны, пятьдесят лет назад. У него искусственный мозг, почти такой же сложный, как наш. Это в сущности огромный телефонный коммутатор на атомном уровне: миллиарды возможных «телефонных соединений» благодаря этому можно разместить в объеме черепа.

– Такой мозг для каждого робота создается отдельно. В каждом находится заранее предусмотренный набор соединений, поэтому каждый робот понимает английский язык и знает все, что необходимо для его работы.

– До сих пор «Ю.С.Роботс» ограничивалась промышленными моделями, которые используются в таких условиях, где человеческий труд невозможен: в глубоких шахтах, на подводных работах. Но мы хотим проникнуть в город, в жилище. Для этого обычные мужчины и женщины должны принимать роботов без страха. Вы понимаете, что бояться нечего?

– Нечего, Клер, – с готовностью подхватил Ларри. – Поверь мне на слово. Он не может причинить тебе вред. Ты знаешь, иначе я бы позволил.

Клер искоса тайком глянула на Тони и тихо спросила:

– А если он рассердится на меня?

– Шептать не нужно, – спокойно сказала доктор Кэлвин. – Он не может рассердиться на вас, моя дорогая. Я уже сказала, что соединения мозгового компьютера предопределены. И самое главное соединение мы называем Первым законом роботехники. Он гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Этот закон обязателен для всех роботов. Робота невозможно заставить причинить вред человеку. Так что, понимаете, нам нужны вы и Тони для предварительного эксперимента, которым мы будем руководствоваться в дальнейшем, а тем временем ваш супруг в Вашингтоне получит разрешение на законные испытания.

– Вы хотите сказать, что это незаконно?

Ларри откашлялся.

– Пока да, но все будет в порядке. Он не будет выходить из дома, а ты никому не должна его показывать. Вот и все... И, Клер, я бы остался с тобой, но я слишком много знаю о роботах. А у нас должен быть абсолютно непредвзятый испытатель, самые неблагоприятные условия. Это необходимо.

– Ну... – сказала Клер. Потом ей пришла в голову мысль: – А что он делает?

– Домашнюю работу, – коротко ответила доктор Кэлвин.

Она встала, и Ларри проводил ее до двери. Клер в ужасе осталась. Она мельком увидела в зеркале над камином свое отражение и торопливо отвернулась. Она устала от своего маленького обезьяньего личика, от тусклых прозаичных волос. Потом уловила на себе взгляд Тони, едва не улыбнулась, но тут же спохватилась...

Ведь это всего лишь машина.

Ларри Бельмон на пути в аэропорт увидел Гледис Глафферн. Женщина того типа, которую видишь изредка... тщательная и безупречная косметика, тщательно и изысканно одета; слишком сверкающая, чтобы долго смотреть на нее.

Ей предшествовала легкая улыбка, за ней тянулся слабый аромат духов, как манящие пальцы. Ларри почувствовал, что запинается; он приподнял шляпу и заторопился дальше.

Как всегда, он ощутил смутный гнев. Если бы Клер смогла проникнуть в компанию Гледис, как бы это ему помогло. Но что пользы...

Клер! В тех немногих случаях, когда она встречалась с Гледис, у маленькой дурочки будто немел язык. У него не было иллюзий. Испытание Тони – его большой шанс, и он в руках Клер. Насколько все было бы безопасней, если бы испытание проводил кто-нибудь вроде Гледис Глафферн.

На второе утро Клер проснулась от негромкого стука в дверь спальни. Мысли ее сме-

шались, потом она вдруг заледенела. В первый день она всячески избегала Тони, слегка улыбалась, встречая его, и пронеслась мимо.

– Это ты... Тони?

– Да, миссис Бельмон. Можно мне войти?

Должно быть, она сказала да, потому что он неожиданно и совершенно беззвучно оказался в комнате. Она увидела поднос, ощутила запах.

– Завтрак? – спросила она.

– Если хотите.

Она не осмелилась отказаться, села и приняла поднос: яйца всмятку, тост с маслом, кофе.

– Я принес сахар и сливки отдельно, – сказал Тони. – Со временем я изучу ваши вкусы в этом и в других вещах.

Она ждала.

Тони стоял перед ней, прямой и гибкий, как металлическая линейка. Чуть погодя он спросил:

– Вы предпочитаете есть в одиночестве?

– Да... если ты не возражаешь.

– Вам помочь потом одеться?

– О, нет! – Она лихорадочно прижала к себе простыню, чуть не пролив кофе. И так застыла. И только когда дверь за ним закрылась, она облегченно опустила на подушку.

Кое-как она позавтракала. Он всего лишь машина... если бы это было заметней, она бы не боялась так. Или если бы у него менялось выражение. Но оно оставалось на лице, как прибитое. Невозможно сказать, что таится за этими темными глазами и гладкой оливковой кожей. Чашка кофе дрожала в ее руке, она поставила ее на поднос.

И тут вспомнила, что забыла добавить сахар и сливки, а ведь она терпеть не может черный кофе.

Одевшись, она прямо из спальни направилась на кухню. В конце концов это ее дом, ничего показного в нем нет, но кухню она содержит в чистоте. Ему нужно дать указания...

Но, войдя, она обнаружила, что кухня будто только что сошла с фабричного конвейера.

Она удивленно остановилась, развернулась и столкнулась с Тони. И завопила.

– Я могу помочь? – спросил он.

– Тони, – сказала она, с трудом справившись с паникой, – не ходи беззвучно. Ты как будто подкрадываешься ко мне... Ты не пользовался кухней?

– Пользовался, миссис Бельмон.

– Не похоже.

– Я потом все вычистил. Разве это не принято?

Клер широко раскрыла глаза. Что можно на это ответить? Она раскрыла шкафчик с кастрюлями, увидела блеск начищенного металла. И сказала с дрожью в голосе:

– Очень хорошо. Вполне удовлетворительно.

Если бы он в этот момент улыбнулся, если бы хоть уголок рта дрогнул, она чувствовала, что приняла бы его. Но он был невозмутим, как английский лорд на отдыхе.

– Спасибо, миссис Бельмон. Не пройдете ли в гостиную?

Она прошла туда и сразу увидела.

– Ты полировал мебель?

– Вы довольны, миссис Бельмон?

– Но когда? Вчера ты этого не делал.

– Ночью, конечно.

– Всю ночь горел свет?

– О, нет. В этом нет необходимости. У меня встроенный источник ультрафиолетовых лучей. Я вижу в ультрафиолетовых лучах. И, конечно, сон мне не нужен.

Ему нужно восхищение. Она поняла это. Он должен знать, что угодил ей. Но она не

могла заставить себя похвалить его.

Смогла лишь недовольно сказать:

– Такие, как ты, отберут работу у прислуги.

– Но люди в мире могут делать гораздо более важную работу, если их избавить от утомительного ручного труда. В конце концов, миссис Бельмон, таких, как я, можно собирать. Но ничто не может повторить созидательные возможности и многообразие человеческого мозга, Такого, как ваш.

И хоть на лице его ничего не отразилось, в голосе звучали благоговение и восхищение. Клер вспыхнула и пробормотала:

– Мой мозг! Можешь взять его себе!

Тони чуть приблизился и сказал:

– Вы, должно быть, очень несчастливы, если говорите так. Я могу чем-нибудь помочь?

Клер чуть не рассмеялась. Нелепая ситуация. Одушевленный чистильщик ковров, мойщик посуды, полировщик мебели, слуга на все руки, только что с фабричного стола, – и он предлагает ей услуги утешителя и доверенного лица.

Но она вдруг печально сказала:

– Мистер Бельмон считает, что у меня нет мозга... Вероятно, так оно и есть. – Она не может плакать перед ним. Почему-то ей казалось, что она должна поддержать честь человечества перед этим созданием.

– Так не всегда было, – добавила она. – Когда он был студентом, все было в порядке. Он тогда только начинал. Но я не могу быть женой большого человека, а он становится большим человеком. Он хочет, чтобы я была хозяйкой, помогла бы ему войти в общество, как... как Г... Гледис Глафферн.

Нос у нее покраснел, она отвернулась.

Но Тони не смотрел на нее. Взгляд его блуждал по комнате.

– Я могу помочь вам справиться с домом.

– Этого недостаточно, – сердито ответила она. – Нужно вдохновение, которого у меня нет. Я могу только сделать дом удобным, но не таким, как на картинках модных журналов.

– Вы хотите, чтобы он был таким?

– Чего хотеть попусту?

Теперь Тони смотрел на нее.

– Я могу помочь.

– Ты разбираешься в устройстве интерьера?

– Это должна знать хорошая домохозяйка?

– О, да.

– Тогда я смогу научиться. Можете раздобыть для меня книги на эту тему?

Тогда-то все и началось.

Клер, ежась на резком ветру, принесла домой из публичной библиотеки два толстых тома. Она смотрела, как Тони раскрыл один из них и пролистал страницы. Впервые она видела его пальцы за такой тонкой работой.

Не понимаю, как он это делает, подумала она. Подчиняясь внезапному импульсу, она взяла его за руку и потянула к себе. Он не сопротивлялся, она рассматривала его расслабленную кисть.

– Замечательно. Даже сетка на пальцах кажется естественной.

– Разумеется, это сделано специально, – сказал Тони. Потом разговорчиво добавил: – Кожа из гибкого пластика, а скелет из легкого металлического сплава. Вам интересно?

– Нет. – Она подняла покрасневшее лицо. – Неудобно заглядывать в твои внутренности. Ты ведь не заглядываешь в мои.

– В моем мозгу нет места для такого любопытства. Я могу действовать только в пределах своих возможностей.

Клер в наступившей тишине почувствовала, как внутри у нее что-то напряглось. Поче-

му она все время забывает, что он машина? Теперь он сам напомнил ей об этом. Неужели ей так необходимо сочувствие, что она даже робота готова воспринять как равного... потому что он ей посочувствовал?

Она заметила, что Тони по-прежнему перелистывает страницы, почти беспомощно, и ощутила быстрое успокаивающее чувство превосходства.

– Ты ведь не умеешь читать?

Тони взглянул на нее; спокойным безупречным голосом ответил:

– Я читаю, миссис Бельмон.

– Но... – она бессмысленным жестом указала на книгу.

– Я сканирую страницы. Мое чтение основано на фотографической памяти.

Наступил вечер, и когда Клер отправилась в спальню, Тони заканчивал второй том, сидя в темноте – в том, что ограниченному зрению Клер казалось темнотой.

Когда она уже совсем засыпала, ей в голову пришла странная мысль. Она вспомнила его руку, ее прикосновение. Теплая и мягкая, как у человека.

Как хорошо его сделали на фабрике, подумала она и уснула.

В течение нескольких дней она ходила в библиотеку. Тони подсказывал ей темы, которые быстро расширялись. Она приносила книги о сочетаниях цветов, о косметике; о коврах и украшениях; об искусстве и истории костюмов.

Он серьезно рассматривал страницы, быстро перелистывая их; казалось, он вообще не способен забывать.

К концу недели он настоял на том, чтобы подстричь ее, сделал ей новую прическу, слегка изменил линию бровей и подобрал пудру и помаду другого оттенка.

Она с полчаса дрожала в нервном страхе под мягкими прикосновениями нечеловеческих пальцев и потом посмотрела в зеркало.

– Можно сделать больше, – заметил Тони, – особенно с одеждой. Как вам нравится начало?

Она не ответила, не смогла сразу. Ей пришлось привыкать к тому, что незнакомка в зеркале – это она сама, привыкать к своей красоте. Потом, не отрывая взгляда от отражения, она задыхаясь сказала:

– Да, Тони, неплохо... для начала.

В письмах Ларри они ничего этого не сообщала. Пусть увидит все сразу. И что-то подсказывало ей, что она не просто будет радоваться его удивлению. Для нее это своего рода месть.

Однажды утром Тони сказал:

– Пора начинать покупки, но мне не позволено выходить из дома. Если я точно напишу, что нам нужно, вы сможете купить? Нам нужна обивочная ткань, обои, ковры, краска, одежда... и еще много разных вещей.

– Но нельзя покупать все это по описанию, – с сомнением сказала Клер.

– Можно купить очень близко к описанному, если пройтись по городу и если есть достаточно денег.

– Но, Тони, денег как раз недостаточно.

– Все нет. Сначала заезжайте в «Ю.С.Роботс». Я напишу записку. Повидайтесь с доктором Кэлвин и скажите ей, что это часть эксперимента.

Доктор Кэлвин почему-то не пугала ее, как в первый вечер. Со своей новой внешностью, в новой шляпе она перестала быть прежней Клер. Психолог внимательно выслушала ее, задала несколько вопросов – и Клер обнаружила, что выходит, обладая правом неограниченных трат за счет «Ю.С.Роботс».

Удивительно, что могут сделать деньги. Все запасы магазинов были в ее распоряжении, а авторитетное мнение продавцов совсем не было голосом свыше, поднятая бровь декорато-

ра не означала гром Юпитера.

А когда возбужденный толстяк в одном из самых великолепных модных салонов презрительно фыркнул при ее описании платья, она ответила на превосходном французском, потом позвонила Тони и протянула трубку мсье.

– Если не возражаете, – твердым голосом, хотя пальцы ее слегка дрожали, сказала она, – я хочу, чтобы вы поговорили с моим... гм... секретарем.

Толстяк пошел к телефону, заложив руки за спину. Он двумя пальцами поднял трубку и изысканно сказала:

– Да – После недолгой паузы снова: – Да. – Потом длительная пауза, попытка возразить, которая тут же прекратилась, еще одна пауза, покорное:

– Да.

Трубку положили на место.

– Если мадам пройдет со мной, – обиженно сказал он, – я постараюсь удовлетворить ее запросы.

– Минутку. – Клер снова набрала свой номер и сказала:

– Привет, Тони. Не знаю, что ты ему сказал, но сработало. Спасибо. Ты... – она пыталась подобрать подходящее слово, сдалась и пропищала: – милый!

Когда она отвернулась от телефона, на нее смотрела Гледис Глафферн. Слегка удивленно Гледис Глафферн разглядывала ее, склонив лицо набок.

– Миссис Бельмон?

Все ушло от Клер. Она стояла, глупо, как марионетка.

Гледис улыбнулась высокомерно и нагло, но так, что ее нельзя было упрекнуть.

– Не знала, что вы покупаете здесь. – Как будто в ее глазах это место сразу потеряло свою ценность.

– Обычно я сюда не хожу, – покорно сказала Клер.

– А что вы сделали со своими волосами? Очень... замысловато... Надеюсь, вы меня извините, но разве вашего мужа зовут не Лоренс? Мне казалось, что Лоренс.

Клер сжала зубы. Но как-то нужно объяснить.

– Тони друг моего мужа. Он помогает мне подбирать вещи.

– Понимаю. И он очень мил, конечно. – Оно прошла с улыбкой, унеся с собой всю теплоту и свет мира.

Клер не оспаривала того факта, что именно к Тони она обратилась за утешением. Десять дней развеяли ее нежелание. И она могла перед ним плакать, плакать и гневаться.

– Я оказалась совершенной д... душой, – бушевала она, сжимая вымокший носовой платок. – Она это со мной сделала. Не знаю почему. Она просто делает. Я должна была бы... пнуть ее. Сбить ее с ног и наступить на нее.

– Неужели можно так ненавидеть человека? – удивленно и мягко спросил Тони. – Эта часть человеческого мозга закрыта для меня.

– О, это не она, – простонала Клер. – Это я, вероятно. Она представляет все, чем я хотела бы быть... по крайней мере снаружи... А я не могу.

Прозвучал сильный, но негромкий голос Тони.

– Можете, миссис Бельмон. Можете. У нас еще десять дней, за эти дни дом преобразится. Разве вы не планировали это?

– Но как это мне поможет... с ней?

– Пригласите ее сюда. Пригласите ее подруг. Назначьте это на вечер накануне... моего ухода. Это будет новоселье... своего рода.

– Она не придет.

– Придет. Придет посмеяться... И не сможет.

– Ты на самом деле так считаешь? О, Тони, ты считаешь, мы это можем?

– Она держала обе его руки в своих... Потом, отвернув лицо, сказала: – Но что это даст? Ведь это не я, это ты все делаешь. Я сижу на твоей шее.

– Никто не живет в великолепном одиночестве, – прошептал Тони. – В меня вложили знания. То, что вы и все остальные, видите в Гледис Глафферн, не вполне Гледис Глафферн. Она сидит на шее своих денег и общественного положения. Она это не подвергает сомнению. А почему вы должны?.. И взгляните на это с такой точки зрения, миссис Бельмон. Я создан повиноваться, но пределы своего повиновения определяю я сам. Я могу следовать приказам охотно, с желанием, или скупно, без желания. Ваши желания я выполняю охотно, потому что вы как раз тот человек, для службы которому я создан. Вы добры, дружелюбны, скромны. Миссис Глафферн, как вы ее описываете, не имеет таких качеств, и я не стал бы повиноваться ей, как вам. Значит, вы, миссис Бельмон, а не я, проделываете все это.

Он отобрал свои руки, и миссис Бельмон взглянула на его лишенное выражения лицо. Она вдруг испугалась совершенно по-новому.

Нервно глотнув, она смотрела на свои руки, которые все еще чувствовали давление его пальцев. Ей не показалось: он легко пожал ей руку, мягко, нежно, как раз перед тем, как убрать свои.

Нет!

Его пальцы... Его пальцы...

Она убежала в ванную и принялась мыть руки – яростно, бесполезно.

На следующий день она его сторонилась; пристально поглядывала на него; ждала, что может последовать, но ничего не происходило.

Тони работал. Если он и испытывал какие-нибудь трудности при оклейке обоями или в использовании мгновенно высыхающей краски, это никак не проявлялось. Движения его были точны, он работал искусно и уверенно.

Работал он всю ночь. Она ничего не слышала, но каждое утро начинались новые приключения. Она не могла увидеть все новое сразу, до самого вечера открывала все новое и новое, и наступала следующая ночь.

Она однажды попыталась помочь, но человеческая неуклюжесть помешала ей. Он был в соседней комнате, а она вешала картину на намеченное математическим взглядом Тони место. Метка на месте, картина здесь, отвращение к безделью тоже с нею.

Но она нервничала, а может, лестница оказалась ненадежной. Почувствовала, что лестница падает, и закричала. Лестница упала, но Тони, с его невероятной скоростью, подхватил Клер.

В его спокойных темных глазах ничего не отразилось, а сказал он только:

– Вам не больно, миссис Бельмон?

Она сразу заметила, что, падая, рукой задела его волосы; впервые она видела, что они действительно состоят из отдельных черных волосков.

И тут же ощутила его руки у себя на спине и под коленями, он держал ее крепко, но осторожно.

Она толкнула его, и собственный крик громко прозвучал в ее ушах. Остальную часть дня она провела в своей комнате, а потом спала, заложив стулом дверь спальни.

Она разослала приглашения, и, как и предсказывал Тони, они были приняты. Оставалось только ждать последнего вечера.

Он наступил, после нескольких вечеров, наступил в свое время. Она не узнавала свой дом. В последний раз прошлась по нему: все комнаты изменились.

– Они скоро придут, Тони. Тебе лучше уйти в подвал. Нельзя, чтобы они...

Она смотрела какое-то время, потом слабо сказала: «Тони». Громче: «Тони». Почти закричала: «Тони!»

Она была в его руках, он приблизил свое лицо, сжал ее. Сквозь эмоциональную суматоху она слышала его голос.

– Клер, – говорил этот голос, – Я многого не понимаю, и, должно быть, это одна из таких вещей. Завтра я ухожу, но мне не хочется. Во мне больше, чем простое желание угодить

вам. Разве это не странно?

Лицо его еще ближе, губы теплы, но в них нет дыхания: машины не дышат. Губы совсем рядом...

...Прозвенел звонок.

На мгновение она беспомощно пошевелилась, и он тут же исчез, его нигде не было видно, а звонок снова звенел. Звенел настойчиво.

Занавес переднего окна откинут. А пятнадцать минут назад он был закрыт. Она это знала.

Они видели. Они все видели!

Входили они вежливо, всей компанией – свора пришла повить, – бросая острые взгляды по сторонам, все рассматривая. Они видели. Иначе почему Гледис в своей высокомерной манере начала спрашивать о Ларри? И Клер была вынуждена отчаянно защищаться.

Но они не смеялись.

Она видела ярость в глазах Гледис Глафферн, в фальшиво восторженных словах, в ее желании рано уйти. Расставаясь с ними, она слышала отрывки:

...никогда ничего подобного не видела... такой красивый...

И она поняла, что особенно вывело их из себя. Она может быть красивей Гледис Глафферн, благородней, богаче – но какое право у нее на такого красивого любовника?

И тут она снова вспомнила, что Тони – машина, и по коже ее поползли мурашки.

– Уходи! Оставь меня! – закричала она в пустой комнате и побежала в спальню. Она проплакала всю ночь, а на следующее утро, очень рано, когда улицы были еще пусты, пришла машина и увезла Тони.

Лоренс Бельмон, повинувшись импульсу, постучал в дверь кабинета Сюзан Кэлвин. Она была с математиком Питером Богертом, но Лоренса это не остановило.

Он сказал:

– Клер говорит, что «Ю.С.Роботс» оплатила все, что в доме...

– Да, – ответила доктор Кэлвин. – Мы отнесли это к эксперименту, это его необходимая часть. Теперь, в своей новой должности помощника главного инженера, вы сможете держаться на таком уровне.

– Меня не это беспокоит. Вашингтон дал согласие, и я думаю, на следующий год мы сможем начать массовое производство модели ТН. – Он как будто хотел уйти, заколебался, снова повернулся.

– Да, мистер Бельмон? – после паузы спросила доктор Кэлвин.

– Я раздумываю... – начал Ларри. – Раздумываю, что на самом деле происходило в доме. Она... я хочу сказать, Клер... она так изменилась. Не только внешне, хотя, откровенно говоря, я поражен. – Он нервно рассмеялся.

– Это не моя жена! Я не могу объяснить.

– А зачем? Вам не нравятся изменения?

– Наоборот. Но, видите ли, это меня немного пугает...

– Не волнуйтесь, мистер Бельмон. Ваша жена вела себя очень хорошо. Откровенно говоря, я и не думала, что получится такое полное и совершенное испытание. Теперь мы точно знаем, какие изменения следует внести в модель ТН, и заслуга в этом принадлежит исключительно вашей жене. Если быть совершенно откровенной, ваша жена больше заслужила ваше повышение, чем вы сами.

Ларри поежился.

– Ну, пока это в семье... – не очень убедительно сказал он и вышел.

Сюзан Кэлвин посмотрела ему вслед.

– Наверно, ему обидно... я надеюсь... Вы читали отчет Тони, Питер?

– Очень внимательно, – ответил Богерт. – Модель ТН-3 нуждается в изменениях.

– Вы тоже так считаете? – резко спросила Сьюзан. – Почему?

Богерт нахмурился.

– Очевидно, мы не можем выпускать роботов, которые влюблялись бы в своих хозяек.

– Влюблялись! Питер, вы меня поражаете! Вы на самом деле не поняли? Машина должна повиноваться Первому закону. Робот не может допустить, чтобы человеку причинили вред, а Клер Бельмон вред причиняла неуверенность в себе. И он демонстрировал влюбленность, потому что эта женщина не в состоянии по-настоящему понять, что машина не может влюбляться – холодная бездушная машина. И в тот вечер он сознательно отдернул занавес, чтобы остальные смогли увидеть и позавидовать – и никакого риска для брака Клер. Я думаю, он поступил очень умно...

– Правда? Но какая разница, Сьюзан? Все равно ужасно. Перечитай отчет. Она избегала его. Кричала, когда он подхватил ее. Не спала последнюю ночь... в истерике. Мы не можем допустить этого.

– Питер, вы слепы. Я тоже ничего не видела. Модель ТН будет перестроена, но не по той причине, о которой вы думаете. Напротив, совсем напротив. Странно, что я сразу этого не заметила, – глаза ее стали задумчивы, – вероятно, это во мне какой-то недостаток. Видите ли, Питер, машины не могут влюблять, но – даже если это ужасно и вызывает страх – женщины могут!

Ленни

Lenny (1958)

У «Ю. С. роботс» возникла проблема. Проблема персонала.

Питер Богерт, старший математик, направлялся в сборочную, когда встретился с начальником исследовательского отдела Альфредом Лэннингом. Яростно сведя вместе седые брови, Лэннинг смотрел через перила вниз, в компьютерный зал.

На полу под балконом группа людей обоего пола и разного возраста с любопытством поглядывала по сторонам, а гид произносил подготовленную заранее речь о роли компьютеров в изготовлении роботов.

- Компьютер, который вы видите перед собой, - говорил он, - самый большой из компьютеров такого типа в мире. В нем пять миллионов триста тысяч криотронов, и он способен одновременно рассматривать сто тысяч вариантов. С его помощью «Ю. С. Роботс» и создает позитронный мозг новой модели.

- Необходимые требования вводятся вот этой лентой, которую перфорируют на специальной клавиатуре - похоже на большую пишущую машинку или линотип, только тут мы имеем дело не с буквами, а с понятиями. Формулировки переводятся в соответствующие эквиваленты символической логики, а эти эквиваленты в свою очередь преобразуются в перфорационный рисунок.

- В течение часа компьютер предоставляет нашим ученым проект позитронного мозга, в котором имеются все необходимые для работа связи...

Наконец Альфред Лэннинг поднял голову и увидел Богерта.

- А, Питер, - сказал он.

Богерт поднял обе руки, приглаживая свою и так безупречную прическу из черных волос.

- Вам как будто это не нравится, Альфред.

Лэннинг хмыкнул. Идея публичных экскурсий возникла в «Ю. С. Роботс» недавно. Эти экскурсии должны были послужить двум целям. Во-первых, как утверждали авторы этой идеи, экскурсии позволят людям ближе познакомиться с роботами и благодаря этому знакомству преодолеть свой почти инстинктивный страх перед механическими объектами. Во-вторых, предполагалось, что по крайней мере у некоторых посетителей интерес возрастет до такой степени, что они захотят принять участие в исследовательских работах в области соз-

дания роботов.

- Вы знаете, что не нравится, - наконец ответил Лэннинг. - По крайней мере раз в неделю нам срывают работу. Учитывая потери рабочего времени, выгода несущественна.

- По-прежнему нет желающих участвовать в работе?

- О, кое-кто обращается, но только такие категории, которые не так уж важны. Нам жизненно необходимы исследователи. Вы это знаете. Пока роботы запрещены на Земле, профессия создателя роботов непопулярна.

- Проклятый Франкенштейнов комплекс, - сказал Богерт, сознательно повторяя одно из любимых высказываний Лэннинга.

Лэннинг не заметил легкой насмешки. он сказал:

- Пора бы мне уже привыкнуть, но я никак не могу. Можно было бы подумать, что теперь всякий человек понимает: три закона делают роботов абсолютно надежными. Они просто не представляют опасности. Но возьмите эту толпу. - Он взглянул вниз. - Только посмотрите на них. Большинство отправляется в сборочную, чтобы испытать страх, как перед катанием на горных лыжах. А когда они заходят в помещение, где помещается модель МЕК - черт возьми, Питер, МЕК на зеленой земле может только сделать два шага вперед, сказать «Рад познакомиться с вами, сэр», пожать руку и сделать два шага назад, - так вот, они в страхе отступают, а матери хватают своих детей. Можно ли ожидать умственной деятельности от таких идиотов?

Богерт не ответил. Они вместе смотрели, как цепочка посетителей выходит из компьютерного зала в помещение сборочной. Потом они ушли. И не заметили Мортимера В. Джексона, 16 лет, который, надо отдать ему должное, не хотел никому причинить вреда.

В сущности, нельзя даже утверждать, что это вина Мортимера. Все работники знали, в какой день недели проходят экскурсии. Все приборы, расположенные на пути экскурсии, полагалось нейтрализовать или закрыть, поскольку человек не в силах противостоять искушению дотронуться до многочисленных кнопок, рычагов, ручек и клавиш. Вдобавок, гид должен был очень внимательно следить за теми, кто поддавался искушению.

Но в этот момент гид уже перешел в следующее помещение, а Мортимер оказался в хвосте. Он миновал клавиатуру, которая подавала информацию в компьютер. И не знал, что именно в этот момент передаются указания по созданию позитронного мозга новой модели робота. Иначе, будучи хорошим мальчиком, он не дотронулся бы до клавиш. Он не мог знать, что из-за преступной небрежности техник забыл отключить клавиатуру.

И вот Мортимер наудачу коснулся нескольких клавиш, как будто играл на музыкальном инструменте. Он не заметил, как в другой части комнаты из прибора показалась часть перфорированной ленты - беззвучно, ненавязчиво.

А вернувшийся техник тоже не заметил вмешательства. Увидев, что клавиатура подключена, он испытал легкое беспокойство, но не подумал проверить. Через несколько минут он уже забыл об этом и продолжал вводить данные в компьютер.

А что касается Мортимера, то ни тогда, ни впоследствии он так и не узнал, что натворил.

Новая модель ЛНЕ создавалась для добычи бора в поясе астероидов. Ценность гидридов бора непрерывно возрастала, так как они оказались необходимым элементом для производства протоновых микроэлементов космических кораблей, а незначительные запасы Земли быстро подошли к концу.

Это означало, что роботы ЛНЕ должны быть снабжены глазами, чувствительными к тем линиям спектра, которые присущи бору, и рабочими органами, необходимыми для добычи руды и превращения ее в конечный продукт. Но, как всегда, главную проблему представлял мозг.

Позитронный мозг первого робота ЛНЕ был создан. Это прототип, и, подобно всем остальным прототипам, он займет свое место в собрании «Ю. С. Роботс». После его окончательной проверки будут создаваться другие роботы и передаваться в аренду (не продаваться) шахтным корпорациям.

Прототип ЛНЕ был завершен. Высокий, стройный, блестящий, внешне он выглядел как любой из не слишком специализированных роботов.

Дежурный техник в соответствии с указаниями «Учебника по роботехнике» произнес:

- Как ты себя чувствуешь? Должен последовать ответ:

- Я чувствую себя хорошо и начинаю функционировать. Надеюсь, и у вас все в порядке, - или что-то в этом роде.

Цель первого обмена репликами - показать, что робот слышит, понимает простейшие вопросы и дает ответы, соответствующие тому, чего от него ждут. Затем следуют более сложные испытания, включая проверку действенности трех законов и их взаимодействия в каждой модели.

Итак, техник спросил

- Как ты себя чувствуешь?

Голос прототипа ЛНЕ изумил его. Он никогда не слышал такого голоса у робота (а он слышал множество роботов). Похоже на звуки низкой челюсти.

Он был так удивлен, что только спустя несколько мгновений понял, что говорит робот. А робот произнес:

- Ба, ба, ба, гуу.

По-прежнему высокий и стройный, он поднял правую руку и сунул палец в рот. Техник в полном ужасе посмотрел на него и вылетел из кабинета. Закрыл за собой дверь и из другого помещения срочно вызвал доктора Сьюзен Кэлвин.

Доктор Сьюзен Кэлвин была единственным робопсихологом «Ю. С. Роботс» (и фактически всего человечества). Ей не понадобилось долго обследовать прототип ЛНЕ. Безапелляционным тоном она затребовала копии компьютерных диаграмм позитронного мозга и инструкции, сопровождавшие их. Просмотрев их, она, в свою очередь, вызвала Питера Богерта.

Ее серо-стальные волосы были откинута назад, холодное лицо с вертикальными линиями, подчеркнутыми горизонтальным разрезом рта, было обращено к нему.

- Что это, Питер?

Богерт оцепенело смотрел на диаграмму, потом сказал:

- Боже, Сьюзен, в этом нет никакого смысла.

- Конечно, нет. Но как это попало в инструкцию?

Вызвали дежурного техника. Тот искренне поклялся, что понятия не имеет, что он тут ни при чем. Попытались найти неисправность в компьютере. Ничего не обнаружили.

- Позитронный мозг не исправить, - задумчиво сказала Сьюзен Кэлвин. - Так много высших функций нарушено этими бессмысленными искажениями, что он похож на человеческого ребенка.

Богерт удивленно взглянул на нее, и на лице у Сьюзен Кэлвин появилось ледяное выражение, как всегда, когда сомневались в ее словах. Она сказала:

- Мы прилагаем все усилия, чтобы сделать робота как можно более похожим на человека. Отбросьте то, что мы называем функциями взрослого, что останется? Ребенок. Почему вы так удивились, Питер?

Прототип ЛНЕ, который не проявлял никаких признаков понимания происходящего, неожиданно сел и принялся внимательно разглядывать свои ноги. Богерт смотрел на него.

- Жаль уничтожать это создание. Прекрасная работа.

- Уничтожать? - переспросила робопсихолог.

- Конечно, Сьюзен. Какая от него польза? Боже, если и существует абсолютно бесполезный предмет, так это робот без работы, которую он мог бы выполнять. Ты ведь не станешь утверждать, что он может что-то делать?

- Конечно, нет.

- Что же тогда?

Сьюзен Кэлвин упрямо ответила:

- Я хочу провести еще несколько испытаний.

Богерт нетерпеливо взглянул на нее, потом пожал плечами. Если в «Ю. С. Роботс» и

есть человек, с которым бесполезно спорить, так это Сьюзен Кэлвин. Роботы - единственное, что она любит, и Богерту казалось, что длительное общение с ними лишило ее последних признаков человечности. С ней нельзя спорить о принятом решении, как нельзя возбужденный микроэлемент уговорить отказаться от выполнения своей программы.

- Какая от этого польза? - выдохнул он. Потом торопливо добавил: - Ты нам дашь знать, когда испытания закончатся?

- Да, - ответила она. - Пошли, Ленни. (ЛНЕ, подумал Богерт. Конечно, Ленни).

Сьюзен Кэлвин протянула руку, но робот только смотрел на нее. Робопсихолог мягко взяла робота за руку. Ленни медленно встал (органы координации работают хорошо). Они вышли вместе, робот на два фута выше женщины. Множество глаз с любопытством следило за ними, пока они шли по коридорам.

На одной стене лаборатории Сьюзен Кэлвин, той, что напротив ее личного кабинета, повесили сильно увеличенную схему позитронных связей мозга. Большую часть месяца Сьюзен поглощенно изучала эту схему.

Она и сейчас разглядывала ее, прослеживала все искривления и тупики мозговых путей. За ней на полу сидел Ленни, сводя и разводя ноги, испуская бессмысленные звуки таким прекрасным голосом, что можно было бесконечно очарованно слушать этот вздор.

Сьюзен Кэлвин повернулась к роботу.

- Ленни... Ленни...

Она терпеливо повторяла, пока Ленни не поднял голову и не испустил вопросительный звук. Робопсихолог позволила слабому выражению удовлетворения появиться на своем лице. Ей удавалось все быстрее привлекать внимание робота.

Она сказала:

- Подними руку, Ленни. Руку - вверх. Руку - вверх.

Ленни следил за ее движениями. Вверх, вниз, вверх, вниз. Потом сделал легкое движение рукой и произнес:

- У-у... е...

- Очень хорошо, Ленни, - серьезно сказала Сьюзен Кэлвин. - Попробуй еще раз. Руку - вверх.

Она протянула свою руку, мягко взяла руку робота, подняла и опустила.

- Руку - вверх. Руку - вверх.

Ей помешал голос, донесшийся из ее кабинета.

- Сьюзен?

Сьюзен остановилась, сжав губы.

- В чем дело, Альфред?

Вошел начальник исследовательского отдела, посмотрел на схему на стене, потом на робота.

- Все еще это?

- Это моя работа, да.

- Ну, вы знаете, Сьюзен... - Он достал из кармана сигару, пристально посмотрел на нее и сделал жест, как будто хотел откусить кончик. Но тут заметил неодобрительный взгляд женщины, отложил сигару и начал сначала: - Ну, вы знаете, Сьюзен, что модель ЛНЕ сейчас в производстве.

- Слышала. Вы чего-то хотите от меня в связи с этим?

- Н... нет. Но массовое производство означает, что возня с бракованным образцом бессмысленна. Не отправить ли его на лом?

- Короче, Альфред, вы раздражены тем, что я трачу свое такое ценное время. Не волнуйтесь. Мое время не тратится зря. Я работаю с этим роботом.

- Но эта работа не имеет смысла.

- Мне судить об этом, Альфред. - Она говорила зловеще спокойным голосом, и Лэннинг счел разумным сменить тему.

- А не расскажете ли о своей работе с ним? Что, например, вы сейчас делаете?

- Учю его поднимать руку по команде. И пытаюсь заставить его повторить слово. Как бы в ответ на ее слова Ленни произнес:

- У-у... е... - и поднял дрожащую руку. Лэннинг покачал головой.

- Голос у него замечательный. Как это произошло?

- Не знаю. Передатчик у него нормальный. Я уверена, он может нормально говорить. Но не говорит. Это следствие каких-то изменений в позитронных связях, но я еще не определила, каких.

- Ну, определите, ради бога. Такой голос может быть полезен.

- Значит, какая-то польза от Ленни есть? Лэннинг в замешательстве пожал плечами.

- Ну, это не очень важно.

- Жаль, что вы не видите важного, - резко отозвалась Сьюзен Кэлвин. - А это гораздо важнее. Но не моя вина. Не уйдете ли, Альфред? Мне нужно продолжать работу.

Лэннинг в кабинете Богерта наконец-то добрался до своей сигары. Он мрачно заявил:

- У женщины с каждым днем все больше странностей.

Богерт сразу его понял. В «Ю. С. Роботс» была только одна такая женщина. Он сказал:

- Она все еще возится с псевдороботом, этим своим Ленни?

- Пытается заставить его заговорить. Богерт пожал плечами.

- В этом главная проблема компании. Нам нужны исследователи. Если бы были другие робопсихологи, мы могли бы отправить Сьюзен на пенсию. Кстати, я полагаю, что встреча директоров, назначенная на завтра, связана как раз с проблемой кадров.

Лэннинг кивнул и взглянул на сигару, как будто у нее был необычный вкус.

- Да. Качество, а не количество. Мы подняли оплату, и теперь у нас много желающих. Но их интересуют прежде всего деньги. А нам нужны такие, которых прежде всего интересуют роботы. Несколько таких, как Сьюзен Кэлвин.

- Дьявольщина, нет! Не таких, как она.

- Ну, не таких точно. Но вы должны признать, Питер, что на уме у нее только роботы. Других интересов в жизни у нее нет.

- Знаю. Именно поэтому она невыносима.

Лэннинг кивнул. Он утратил счет случаям, когда от всей души хотел уволить Сьюзен Кэлвин. И не мог также сосчитать, сколько миллионов долларов она сберегла компании. Это поистине незаменимая женщина и останется такой до смерти - или пока не найдутся другие люди ее масштаба, так же интересующиеся роботами.

Он сказал:

- Я думаю, мы прекратим экскурсии. Питер пожал плечами.

- Как хотите. Но серьезно - что нам делать с Сьюзен? Она может без конца заниматься Ленни. Вы знаете, какая она, когда занимается какой-нибудь интересующей ее проблемой.

- Но что мы можем сделать? - спросил Лэннинг. - Если мы станем настаивать, она будет возражать из чисто женского упрямства. В конечном счете мы не можем заставить ее.

Темноволосый математик улыбнулся.

- Я не стал бы применять слово «женский» ни к одной ее части.

- Ну, хорошо, - ворчливо сказал Лэннинг. - По крайней мере это никому не причинит вреда.

Но в этом он ошибался.

Сигнал тревоги на любом крупном предприятии вызывает напряжение. В истории «Ю. С. Роботс» такой сигнал звучал с десяток раз - пожар, наводнение, вторжение посторонних.

Но одного не случилось за все время. Никогда не звучал сигнал, известный как «Робот вышел из-под контроля». Никто и не думал, что он когда-нибудь прозвучит. («Черт бы побрал этот Франкенштейнов комплекс», - думал Лэннинг в тех редких случаях, когда вспоминал о нем.)

И теперь, когда этот сигнал начал звучать с десятисекундными интервалами, в первые мгновения никто - начиная с президента совета директоров и кончая только что принятым помощником оператора - не распознал его значения. Прошло несколько мгновений, и массы

вооруженных охранников и медиков устремились в место, обозначенное как опасное. «Ю. С. Роботс» охватил паралич.

Техника-компьютерщика Чарлза Рендоу со сломанной рукой отвели на больничный этаж. Другого ущерба не было. Никакого физического вреда.

- Но моральный ущерб, - вопил Лэннинг, - невозможно оценить! Сьюзен Кэлвин с убийственным спокойствием смотрела на него.

- Вы ничего не сделаете с Ленни. Ничего. Понятно?

- А вам понятно, Сьюзен? Этот робот причинил вред человеку. Он нарушил Первый закон. А вы знаете, что такое Первый закон?

- Вы ничего не сделаете с Ленни.

- Ради бога, Сьюзен, неужели я вам должен напомнить Первый закон? Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Наша твердая позиция в том, что роботы всех типов должны строго соблюдать этот закон. Если публика узнает - а она узнает, - что есть исключение, хотя бы одно-единственное исключение, нас заставят закрыться. Единственное спасение - объявить, что виновный робот немедленно уничтожен, объяснить все обстоятельства и надеяться, что публика поверит: больше такое никогда не повторится.

- Я хотела бы точно знать, что произошло, - сказала Сьюзен Кэлвин. - Меня там не было в это время. Я хотела бы знать, что этот парень Рендоу делал в моей лаборатории без моего разрешения.

- Ясно, что произошло что-то серьезное, - ответил Лэннинг. - Ваш робот ударил Рендоу, и этот дурак включил сигнал «Робот вышел из-под контроля». И теперь нам придется расхлебывать. Но ваш робот все-таки ударил его и сломал ему руку. Правда в том, что ваш Ленни не подчиняется Первому закону и потому должен быть уничтожен.

- Он подчиняется Первому закону. Я изучала структуру его мозга и знаю это.

- Как же он мог тогда ударить человека? - Отчаяние заставило его обратиться к сарказму. - Спросите Ленни. Вы, конечно, уже научили его говорить.

Щеки Сьюзен Кэлвин вспыхнули. Она сказала:

- Я предпочитаю расспросить пострадавшего. И в мое отсутствие, Альфред, мой кабинет с Ленни в нем должен быть запечатан. Никто не должен приближаться к нему. Если ему будет в мое отсутствие причинен какой-нибудь вред, компания больше ни при каких обстоятельствах меня не увидит.

- Но вы согласитесь с его уничтожением, если нарушен Первый закон?

- Да, - сказала Сьюзен Кэлвин. - Я знаю, что он не нарушен.

Чарлз Рендоу лежал в кровати, рука его была в гипсе. Больше всего он пострадал от шока, когда решил, что робот движется к нему с намерением убить. До сих пор ни у кого не было причин так бояться роботов. У Рендоу был уникальный опыт.

Сьюзен Кэлвин и Альфред Лэннинг стояли у кровати; с ними был встретившийся им на пути Питер Богерт. Врачей и сестер попросили выйти.

Сьюзен Кэлвин спросила:

- Ну, что произошло?

Рендоу был напуган. Он пробормотал:

- Эта штука ударила меня по руке. Набросилась на меня. Кэлвин сказала:

- Вернитесь немного назад в своем рассказе. Что вы делали в моей лаборатории без разрешения?

Молодой компьютерщик сглотнул, кадык на его горле дернулся. Он был очень бледен.

- Все знают о вашем роботе. Говорят, вы хотите научить его говорить, как музыкальный инструмент. Парни спорили, говорит он или нет. Кто-то сказал, что вы... можете научить говорить воротный столб.

- Я полагаю, - ледяным голосом сказала Сьюзен Кэлвин, - нужно считать это комплиментом. А к вам какое это имеет отношение?

- Я должен был пойти и проверить... ну, может ли он говорить. Мы подобрали ключ к

вашему кабинету, подождали, пока вы не вышли, и я вошел. Мы бросали жребий, кому идти. Выпало мне.

- А дальше?

- Я попробовал заговорить с ним, и он меня ударил.

- Что значит попробовали заговорить? Как попробовали?

- Я... я задал ему вопрос, но он не ответил, и мне захотелось его встряхнуть, поэтому я... ну... крикнул на него... и...

- И?

Наступило молчание. Под немигающим взглядом Сьюзен Кэлвин Рендоу наконец сказал:

- Я пытался испугать его, чтобы он что-нибудь сказал. - И добавил, оправдываясь: - Мне нужно было встряхнуть его.

- Как вы пытались его испугать?

- Сделал вид, что хочу ударить.

- И он отвел вашу руку?

- Он ударил меня по руке.

- Хорошо. Это все. - Лэннингу и Богерту она сказала: - Идемте, джентльмены. У выхода она повернулась к Рендоу.

- Могу решить ваш спор, если вас это еще интересует. Ленни хорошо умеет произносить несколько слов.

Они молчали, пока не вернулись в кабинет Сьюзен Кэлвин. Здесь стены были уставлены книгами, некоторые из этих книг она написала сама. Кабинет отражал ее сдержанный педантичный характер. В нем был только один стул, на который она села. Лэннинг и Богерт остались стоять.

Она сказала:

- Ленни только защищался. Это Третий закон: робот должен заботиться о своей безопасности.

- Насколько это не противоречит Первому и Второму законам, - яростно подхватил Лэннинг. - Вы должны закончить предложение. Ленни не имел права защищаться таким образом, чтобы причинить вред, пусть и незначительный, человеку.

- Он этого и не сделал, - возразила Кэлвин, - сознательно. У Ленни недоразвитый мозг. Он не осознает своей силы и слабости человека. Он отвел угрожавшую ему руку человека, не сознавая, что может сломать кость. В человеческих терминах, нельзя винить индивидуума, который искренне не отличает добра от зла.

Богерт успокаивающе прервал:

- Ну, Сьюзен, мы никого и не виним. Мы понимаем, что, рассуждая в человеческих терминах, Ленни эквивалентен ребенку, и мы не виним его. Но публика обвинит. «Ю. С. Роботс» будет закрыта.

- Напротив. Если бы у тебя был хотя бы мозг мухи, Питер, ты бы понял, что именно такой возможности и ждет «Ю. С. Роботс». Это решает наши проблемы.

Лэннинг поднял белую бровь.

- Какие проблемы, Сьюзен?

- Разве корпорация не озабочена тем, как сохранить исследовательских персонал на нынешнем - да поможет нам бог! - высоком уровне?

- Да, конечно.

- Ну, а что вы предлагаете перспективным исследователям? Возбуждение? Новизну? Волнение от прикосновения к неизвестному? Нет! Вы предлагаете повышенную плату и уверенность в отсутствии проблем.

Богерт сказал:

- Как это отсутствие проблем?

- Разве это проблемы? - выпалила Сьюзен Кэлвин. - Каких роботов мы выпускаем? Абсолютно завершенных, пригодных к исполнению конкретной задачи. Промышленность со-

общает свои требования, компьютер создает схему мозга, механизмы собирают робота, вот и вся работа. Питер, какое-то время назад ты спросил меня, какая польза от Ленни. Какая польза от робота, который не предназначен для определенной работы? А теперь я тебя спрошу - какая польза от робота, предназначенного только для одного вида работы? Он начинает и заканчивает в одном и том же месте. Модель ЛНЕ добывает бор. Если необходим бериллий, эти роботы бесполезны. Если технология добычи бора вступает в новую стадию, они тоже бесполезны. Если бы так был создан человек, он был бы недочеловеком. А созданный так робот - недоробот.

- Вы говорите о разностороннем роботе? - недоверчиво спросил Лэннинг.

- А почему бы и нет? Почему нет? Я работала с роботом, мозг которого был почти полностью выведен из строя. Я начала учить его, а вы, Альфред, спрашиваете меня, какой в этом прок. Может, сам Ленни никогда не превзойдет уровень пятилетнего ребенка. Но какая польза вообще? Очень большая, если вы задумаетесь над труднейшей проблемой: как учить робота. Я научилась замыкать соседние позитронные связи и создавать новые. Дальнейшая работа даст еще больше, более точную и надежную технику обучения.

- Ну?

- Допустим, вы начинаете работу с позитронным мозгом, у которого есть все первичные позитронные связи, но совсем нет вторичных. Вы начинаете создавать вторичные. Можно создавать роботов с базовой программой и способностью к обучению. В случае необходимости их можно настраивать на одну работу, а потом переучивать. Роботы станут так же разносторонни, как люди. Роботы будут учиться!

Они смотрели на нее. Она нетерпеливо сказала:

- Все еще не понимаете?

- Я понимаю, о чем вы говорите, - сказал Лэннинг.

- А понимаете ли вы, что это абсолютно новая область исследований, что нужно разработать абсолютно новую технику, что мы проникаем в абсолютно неизвестную область? И молодежь получит стимул заниматься роботехникой. Попробуйте и увидите.

- Могу ли я заметить, - спокойно сказал Богерт, - что это опасно? Начинать работу с невежественными роботами значит рисковать тем, что они нарушат Первый закон. Точно так, как произошло с Ленни.

- Совершенно верно. Разрекламируйте этот факт.

- Рекламирывать?

- Конечно. Сообщите об опасности. Объявите, что открываете новый исследовательский институт на Луне, если население Земли не позволяет вести здесь эту работу, но обязательно подчеркните связанную с этой работой опасность.

Лэннинг спросил:

- Ради бога, зачем?

- Потому что опасность послужит приманкой. Вы думаете, ядерные исследования или космические полеты не опасны? Полная секретность ваших исследований принесла вам пользу? Помогла преодолеть Франкенштейнов комплекс, о котором вы постоянно говорите? Попробуйте что-нибудь, проверенное в других областях.

Из личных помещений Сьюзен послышался звук. Музыкальный голос Ленни. Робопсихолог немедленно замолкла, прислушиваясь. Она сказала:

- Прошу прощения. Кажется, Ленни зовет меня.

- Зовет вас? - переспросил Лэннинг.

- Я ведь сказала, что научила его нескольким словам. - Она подошла к двери, чуть взволнованная. - Подождите меня, пожалуйста...

Они молча смотрели, как она выходит. Потом Лэннинг сказал:

- Как вы думаете, Питер, есть в ее словах что-то?

- Вполне возможно, Альфред, - ответил Богерт. - Вполне возможно. Достаточно, чтобы поставить этот вопрос на совещании директоров. В конце концов сделанного не воротишь. Робот причинил вред человеку, и публике об этом станет известно. Как говорит Сьюзен, мы

можем обратить этот случай к своей выгоде. Конечно, ее побудительным мотивам я не доверяю.

- Что вы имеете в виду?

- Даже если все ею сказанное правда, это лишь рационализация ее мотивов. А истинная причина - стремление сохранить этого робота. Если мы прижмем ее (математик улыбнулся, представив себе буквальный неприличный смысл своих слов), она скажет, что разрабатывает технику обучения роботов, но я считаю, она по-другому использует Ленни. Уникальное использование. Все-таки Сьюзен женщина.

- Не понимаю.

- Вы слышали, что сказал робот?

- Нет, не совсем... - начал Лэннинг, но тут дверь неожиданно раскрылась, и мужчины сразу смолкли.

Вошла Сьюзен Кэлвин, неуверенно поглядывая по сторонам.

- Вы не видели здесь... я уверена, что где-то здесь... О, вот оно.

Она подошла к книжному шкафу и взяла предмет из сложной металлической сетки в форме гантелей. В углублениях лежали металлические детали различной формы, такого размера, что они не могли выпасть из углублений.

Она подняла этот предмет, металлические детали стукнулись друг о друга, раздался приятный звон. Лэннингу пришло в голову, что это погремушка для робота.

Когда Сьюзен Кэлвин снова открыла дверь, опять послышался голос Ленни. На этот раз его слова были слышны отчетливо.

Небесными звуками челесты он произнес:

- Мама, где ты? Иди ко мне, мама.

И Сьюзен Кэлвин заторопилась к единственному ребенку, которого она могла иметь и любить.

Раб корректуры

Galley Slave (1957)

Перевод: Ю. Эстрин

Дело слушалось без присяжных при закрытых дверях. Ответчиком была фирма «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», а при ее влиянии добиться подобной уступки было не так уж трудно.

Впрочем, истец особенно и не возражал: попечители Северо-восточного университета прекрасно представляли себе, как будет реагировать широкая публика на известие о проступке робота. То, что проступок этот был совершенно необычного и исключительного свойства, не имело значения. Попечители боялись, что бунт против роботов может перерасти в бунт против науки.

Равным образом и правительство в лице судьи Харлоу Шейна не собиралось поднимать шум вокруг этой истории. Портить отношения и с «Ю. С. Роботс», и с ученым миром было одинаково неблагоприятно.

— Итак, джентльмены, — начал судья, — поскольку ни присяжных, ни репортеров, ни публики здесь нет, мы можем отбросить формальности и перейти прямо к сути дела.

Он криво улыбнулся, не слишком веря в действенность своего призыва, и, подобрав мантию, уселся поудобнее. У судьи была добродушная румяная физиономия, округлый подбородок, нос картошкой и широко расставленные светло-серые глаза. Словом, не такая бы внешность подобала могущественному вершителю правосудия, и судья в глубине души сознавал это.

Первым был приведен к присяге свидетель обвинения Барнабас Гудфеллоу, профессор физики Северо-восточного университета. Сердитый вид, с которым профессор пробормотал стандартные слова клятвы, никак не вязались с его фамилией, означающей «славный ма-

лый».

Покончив с предварительными вопросами, обвинитель глубже засунул руки в карманы и спросил:

– Скажите, профессор, когда и при каких обстоятельствах к вам обратились с предложением воспользоваться услугами робота И-Зет Двадцать Семь?

На маленьком, остром личике профессора появилось беспокойное выражение, но от этого оно не сделалось менее сердитым.

– Мне приходится поддерживать профессиональные контакты с директором исследовательского отдела «Ю. С. Роботс» доктором Альфредом Лэннингом, а кроме того, мы знакомы лично. Вот почему я счел возможным выслушать до конца то странное предложение, с которым он обратился ко мне третьего марта прошлого года...

– То есть две тысячи тридцать третьего года?

– Совершенно верно.

– Простите, что прервал вас. Продолжайте, будьте Добры.

Профессор холодно кивнул, нахмурился, припоминая все обстоятельства, и начал.

Профессор Гудфеллоу смотрел на робота с некоторым беспокойством. В соответствии с правилами перевозок роботов на Земле в подвал университетского склада робота доставили в закрытом контейнере.

Это событие не застало профессора врасплох. После телефонного разговора третьего марта он все больше поддавался настойчивым уговорам доктора Лэннинга и вот оказался с роботом лицом к лицу.

На расстоянии вытянутой руки робот выглядел пугающе огромным.

Доктор Лэннинг внимательно осмотрел робота, словно желая убедиться, что его не повредили при перевозке, а затем повернул голову с гривой седых волос в сторону профессора и взглянул на него из-под мохнатых бровей.

– Перед вами робот И-Зет Двадцать Семь, первый серийный робот данной модели. – Лэннинг повернулся к роботу. – Познакомьтесь с профессором Гудфеллоу, Изи.

– Здравствуйте, профессор.

Голос робота звучал совершенно бесстрастно, но от неожиданности профессор вздрогнул.

Робот напоминал пропорционально сложенного человека семи футов росту – внешность роботов всегда была рекламной изюминкой фирмы «Ю. С. Роботс». Внешний вид да основные патенты на позитронный мозг – вот что обеспечило компании полную монополию в производстве роботов и почти полную монополию в производстве вычислительных машин.

Когда двое рабочих, доставивших робота, вышли из подвала, профессор Гудфеллоу несколько раз перевел взгляд с робота на Лэннинга.

– Надеюсь, он не опасен. – Судя по тону, профессор не питал на этот счет особых надежд.

– Куда менее опасен, чем, например, я, – ответил Лэннинг. – Меня вы можете вывести из себя настолько, что я вас ударю. А с Изи у вас ничего не получится. Вам ведь известны Три Закона Роботехники?

– Да, конечно.

– Эти законы встроены в структуру связей позитронного мозга, и робот не в состоянии их нарушить. Для робота Первый Закон – охранять жизнь и благополучие людей – определяет цель его существования.

Он помолчал, потер щеку и добавил:

– Как бы нам хотелось убедить наконец в этом все человечество.

– Очень уж он огромен.

– Верно. Но вы убедитесь, что его внушительная внешность не мешает ему быть полезным.

– Каким все-таки образом? Из наших бесед по телефону я ничего определенного так и

не узнал. Но я согласился взглянуть на ваше изделие и, как видите, сдержал свое обещание.

– Взглянуть мало, профессор. Вы захватили с собой, как я просил, какую-нибудь книгу?

– Да.

– Покажите ее, пожалуйста.

Не спуская глаз с металлической громадины в человеческом облике, профессор нагнулся и достал из портфеля толстый том.

Лэннинг посмотрел на корешок.

– «Физическая химия растворов электролитов». Прекрасно. Вы выбрали ее сами, наугад. Я не просил вас захватить именно эту монографию. Не так ли?

– Совершенно верно.

Лэннинг протянул книгу роботу И-Зет-27.

– Погодите! – Профессор даже подпрыгнул. – Это очень ценная книга!

Лэннинг приподнял лохматые брови.

– Уверю вас, Изи вовсе не собирается рвать книгу с целью продемонстрировать свою силу, Он умеет обращаться с книгами не менее бережно, чем я или, вы. Продолжай, Изи.

– Благодарю вас, сэр, – сказал Изи. Затем слегка повернувшись, добавил: – Если позволите, профессор Гудфеллоу.

Профессор изумленно уставился на робота.

– Да... да, разумеется.

Медленными и плавными движениями металлических пальцев Изи принялся листать книгу; он кидал взгляд на левую страницу, затем на правую, переворачивал страницу и так минуту за минутой.

От робота исходило такое ощущение мощи, что двум людям, наблюдавшим за его действиями, начало казаться, что цементные своды стали ниже, а сами они превратились в карликов.

– Освещение здесь неважное, – пробормотал Гудфеллоу.

– Не имеет значения.

– Но что он делает? – уже более резким тоном спросил профессор.

– Терпение, сэр.

Наконец перевернута последняя страница.

– Мы слушаем, Изи, – сказал Лэннинг.

– Книга сделана в высшей степени тщательно и аккуратно, и я могу отметить лишь несколько мелких погрешностей, – начал робот. – На странице двадцать семь, строка двадцать вторая, слово «положительный» напечатано как «пойложительный». На тридцать шестой странице в шестой строке содержится лишняя запятая, а на пятьдесят четвертой странице в тринадцатой строке запятая пропущена. На странице триста тридцать седьмой в уравнении четырнадцать знак плюс следует заменить на минус, иначе это уравнение противоречит предыдущему...

– Пойдите! Пойдите! – вскричал профессор. – Что он делает?

– Что делает? – с неожиданным раздражением переспросил Лэннинг. – Да он все давно уже сделал. Он откорректировал вашу книгу.

– Откорректировал?

– Да. За то короткое время, которое понадобилось, чтобы перелистать страницы, робот обнаружил все орфографические, грамматические и пунктуационные ошибки, Он отметил все стилистические погрешности и выявил противоречия. И он сохранит эти сведения в своей памяти – буква в букву – неограниченное время.

У профессора отвисла челюсть. Он стремительно направился в дальний угол подвала и столь же стремительно вернулся обратно. Затем скрестил руки на груди и уставился на Лэннинга, потом на робота. После паузы он спросил:

– Вы хотите сказать, что это робот-корректор?

Лэннинг кивнул.

– В том числе и корректор.

– Но для чего было демонстрировать его мне?

– Чтобы вы помогли мне предложить его университетскому совету.

– Для правки корректур?

– В том числе и для этого, – терпеливо повторил Лэннинг.

На морщинистом личике профессора появилось выражение брюзгливого недоверия.

– Но ведь это нелепо!

– Почему?

– А потому, что университету не по карману этот корректор весом... самое малое в полтонны.

– Корректурa – это еще не все. Он может составлять отчеты по заранее подготовленным материалам, заполнять анкеты и ведомости, проверять студенческие работы, служить картотекой...

– Все это мелочи.

– Напротив, – ответил Лэннинг, – и вы в этом сейчас убедитесь. Но мне кажется, что нам будет удобнее беседовать у вас в кабинете, если вы не возражаете.

– Разумеется, – машинально произнес профессор и направился к двери, но тут же остановился, – Позвольте, а робот? – раздраженно выпалил он. – Не можем же мы взять работа с собой. Нет, нет, доктор Лэннинг, вам придется заново его упаковать.

– Успеется. Мы оставим Изи здесь.

– Без присмотра?

– А почему нет? Он знает, что должен остаться здесь. Давно уже следовало бы понять, профессор Гудфеллоу, что на работа можно положиться куда спокойнее, чем на человека.

– В случае какого-нибудь ущерба отвечать придется мне.

– Я гарантирую, что никакого ущерба не будет. Послушайте, рабочий день уже кончился. До завтрашнего утра, полагаю, никто сюда не зайдет. Грузовик и двое рабочих ожидают снаружи. «Ю. С. Роботс» принимает на себя полную ответственность за любые последствия. Но ничего не произойдет. Пусть это будет экспериментальной проверкой, можно полагаться на работа или нет.

Профессор позволил увести себя из подвала. Но и пятью этажами выше, в стенах собственного кабинета, ему по-прежнему было не по себе.

Он промокнул белым платком мелкие капли пота на лбу.

– Вы прекрасно знаете, доктор Лэннинг, что законы запрещают использовать роботов на Земле.

– Дело обстоит не так просто, профессор Гудфеллоу. Роботов нельзя использовать на улицах, путях сообщения или в общественных зданиях. Использование же роботов в домах частных лиц или на приусадебных участках связано с таким количеством ограничений, что из этого, как правило, ничего не выходит. Однако университет не попадает ни в ту, ни в другую категорию. Это большое закрытое заведение, которому обычно предоставляют значительные льготы. Если работа будут держать в специальном помещении и использовать только для академических целей и если люди, имеющие доступ в это помещение, согласятся выполнять определенные правила и соблюдать установленные ограничения, то ни один закон не будет нарушен.

– Столько хлопот ради нескольких корректур?

– Поле деятельности этого работа, дорогой профессор, практически безгранично. До сих пор роботов использовали только для избавления человека от утомительного физического труда. А разве в науке нет черновой работы? Если профессор, вместо того чтобы заниматься творческим, созидательным трудом, вынужден тратить две недели своего драгоценного времени на нудную правку корректуры, а я предлагаю вам машину, способную выполнить ту же работу за полчаса, – это, по-вашему, мелочь?

– Да, но цена...

– Цена пусть вас не смущает. Купить И-Зет Двадцать Семь не может никто. «Ю. С. Ро-

ботс» не продает свою продукцию. Но университет может арендовать робота за тысячу долларов в год – это куда дешевле какой-нибудь самопишущей приставки к микроволновому спектрографу.

Гудфеллоу ошеломленно смотрел на своего гостя, и тот добавил, закрепляя успех:

– Впрочем, я прошу вас лишь об одном: поставить этот вопрос перед теми, кто у вас уполномочен принимать решения. Если им понадобится дополнительная информация, я всегда к их услугам.

– Что же, – неуверенно проговорил Гудфеллоу, – на той неделе состоится заседание университетского совета. Я расскажу на нем о вашем предложении. Только я ни за что не ручаюсь.

– Само собой разумеется.

Защитник – невысокого роста толстяк – так важно выпячивал грудь, что от этого его двойной подбородок становился еще заметнее. Когда настала его очередь допрашивать свидетеля, он долго разглядывал профессора Гудфеллоу и затем спросил:

– А ведь вы довольно охотно дали согласие?

– Дело в том, что мне не терпелось избавиться от доктора Лэннинга, – живо ответил профессор. – В тот момент я готов был согласиться на что угодно.

– С тем чтобы, как только он уйдет, сразу же позабыть про свое обещание?

– Видите ли...

– Но ведь это вы предложили университетскому совету арендовать робота?

– Да.

– Следовательно, ваше согласие вовсе не было отговоркой. Вы дали его охотно и сдержали свое обещание.

– Я действовал согласно принятой у нас процедуре.

– И вы вовсе не были так уж напуганы роботом, как это пытались здесь представить. Вы знаете Три Закона Роботехники, и они вам были известны еще до той встречи с доктором Лэннингом?

– Мм, да...

– Потому-то вы так легко и согласились оставить робота без присмотра?

– Доктор Лэннинг уверил меня...

– Но будь у вас хоть малейшие сомнения, вы не удовлетворились бы его заверениями, не так ли?

– У меня были все основания полагаться на слово...

– Вопросов больше не имею, – прервал его защитник.

Когда профессор Гудфеллоу в еще более, чем прежде, раздраженном настроении покинул свидетельскую скамью, судья Шейн слегка наклонился вперед и спросил:

– Поскольку я не специалист по роботам, то мне Хотелось бы узнать точный смысл Трех Законов Роботехники. Не мог бы профессор Лэннинг процитировать их суду?

Доктор Лэннинг в этот момент о чем-то шептался с сидевшей рядом седовласой женщиной. Вздрогнув от неожиданности, он встал. Женщина подняла голову – ее лицо было совершенно непроницаемо.

– Хорошо, ваша честь, – сказал доктор Лэннинг, сделал паузу, точно собирался произнести длинную речь, и заговорил, четко выделяя каждое слово:

– Первый Закон: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Второй Закон: робот должен повиноваться приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону. Третий Закон: робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам.

– Понимаю, – сказал судья, что-то быстро записывая. – И эти законы определяют поведение каждого робота?

– Каждого, без исключения, Любой специалист может это подтвердить.

– В том числе, робота И-Зет Двадцать Семь?

– Да, ваша честь.

– Возможно, вам придется повторить это утверждение под присягой.

– Я готов, ваша честь.

Он сел.

Его седовласая собеседница, Главный Робопсихолог компании «Ю. С. Роботс» доктор Сьюзен Кэлвин, поглядела на своего начальника без особого почтения. Впрочем, люди редко пользовались ее расположением.

– Показания Гудфеллоу были точными, Альфред? – спросила она.

– В целом, да, – пробормотал Лэннинг, – правда, он вовсе не был так уж напуган роботом, а когда услышал цену, то вполне был готов по-деловому обсуждать мое предложение. Но в остальном он не слишком уклонился от истины.

– Было бы разумнее назначить более высокую цену, – задумчиво проговорила доктор Кэлвин.

– Мы старались пристроить Изи.

– Знаю, Возможно даже, что перестарались. Они представляют это так, словно мы преследовали какие-то свои цели.

– Так оно и было, – раздраженно заметил доктор Лэннинг. – Я сам это признал на заседании университетского совета.

– Они могут представить дело так, словно мы признались в одних замыслах, чтобы скрыть другие, более тайные.

Скотт Робертсон, сын основателя «Ю.С. Роботс» и владелец контрольного пакета акций, наклонился к Сьюзен Кэлвин с другой стороны и произнес оглушительным шепотом:

– Если бы вы заставили Изи рассказать, как все было на самом деле, мы бы сейчас знали, что к чему.

– Вам же известно, мистер Робертсон, что он не в состоянии говорить об этом.

– Так заставьте его! На то вы и психолог, доктор Кэлвин. Заставьте его говорить.

– Коль скоро я психолог, мистер Робертсон, – сухо произнесла Сьюзен Кэлвин, – так позвольте уж мне самой решать. Я не допущу, чтобы моего робота принуждали к опасным для него действиям.

Робертсон нахмурился, но, прежде чем он успел что-то сказать, судья Шейн постучал молоточком, и разговор пришлось прекратить.

Теперь показания давал Фрэнсис Харт, декан филологического факультета; это был полнеющий мужчина в безукоризненном темно-сером костюме строгого покроя. Розовую лысину декана пересекали несколько жиденьких прядей волос. Он сидел, чуть откинувшись, аккуратно сложив руки на коленях, и время от времени натянуто улыбался.

– Впервые о Роботс И-Зет Двадцать Семь я услышал от профессора Гудфеллоу на заседании университетского совета, – начал он. – Позднее, десятого апреля прошлого года, мы посвятили этому вопросу специальное заседание, на котором я был председателем.

– У вас сохранился протокол?

– Видите ли, – сухо улыбнулся декан, – мы не вели протокола. Наше заседание носило конфиденциальный характер.

– Что же произошло на этом заседании?

Сидя на председательском месте, декан Харт чувствовал себя не вполне уверенно. Заметно нервничали и другие члены совета. Один лишь доктор Лэннинг являл собой картину безмятежного спокойствия, Худой и высокий, с копной седых волос, он был похож на портреты президента Эдрю Джексона.

На столе перед членами совета лежали образцы заданий, выполненных роботом. Профессор физической химии Мэйнотт с одобрительной улыбкой разглядывал вычерченный Изи график.

Харт откашлялся и сказал:

– Робот, несомненно, способен компетентно выполнять определенную черновую работу. Перед заседанием я просмотрел эти образчики и должен заметить, что ошибок в них практически нет.

Он взял со стола длинные бумажные полосы, примерно втрое длиннее обычной книжной страницы. Это были типографские гранки, в которые авторы вносят исправления, прежде чем текст будет сверстан окончательно. Широкие поля гранок пестрели четкими корректурными знаками. Отдельные слова в тексте были вычеркнуты, а вместо них на полях были написаны другие таким красивым и четким шрифтом, что казалось, будто они тоже напечатаны. Синие чернила указывали, что ошибку допустил автор, красные – наборщик.

– Я полагаю, что ошибок нет не только практически, – сказал Лэннинг. – Готов поручиться, доктор Харт, что их нет вовсе. Я не знаком с текстом, но совершенно уверен, что корректура проведена безукоризненно. Если же рукопись содержит ошибки по существу вопроса, то их исправление не входит в обязанности робота.

– С этим никто и не спорит. Однако робот в нескольких местах изменил порядок слов, а я не уверен, что правила английской грамматики сформулированы настолько точно, чтобы мы могли надеяться, что поправки робота во всех случаях не исказят смысл.

– Позитронный мозг Изи, – ответил Лэннинг, обнажая в улыбке крупные зубы, – вобрал в себя содержание основных работ в области грамматики. Убежден, что вы не можете указать хотя бы на одну неверную поправку.

Профессор Мэйнотт оторвался от графика.

– Я хочу спросить, доктор Лэннинг, а зачем вообще для этой цели нужен робот, учитывая неблагоприятное общественное мнение и связанные с этим трудности? Уверен, что успехи науки в области автоматизации позволяют вашей фирме сконструировать вычислительную машину обычного и всеми признанного типа, которая была бы способна держать корректуру.

– Разумеется, это в наших силах, – сухо ответил Лэннинг, – но для такой машины требуется кодировать текст при помощи специальных символов, а затем переносить его на перфоленту. Машина будет выдавать поправки тоже в закодированном виде. Вам понадобятся программисты для перевода слов в символы и символов в слова. К тому же, такая машина ни на что другое не будет способна. Например, она не сумеет вычертить график, который вы сейчас держите в руках.

Мэйнотт что-то пробурчал себе под нос.

– Гибкость и приспособляемость – вот важнейшие черты робота с позитронным мозгом, – продолжал Лэннинг. – Робот потому и сконструирован по образу человека, чтобы он мог пользоваться орудиями и приборами, которые люди испокон веку создавали для собственного употребления. Поэтому робот пригоден для выполнения самых различных заданий. С роботом можно разговаривать, и он способен отвечать. С ним можно даже поспорить, и его можно переубедить – в определенных пределах, разумеется. По сравнению с самым простеньким роботом с позитронным мозгом обычная вычислительная машина – всего лишь огромный арифмометр.

– Но если все примутся спорить с роботом и переубеждать его, то не кончится ли это тем, что робот вконец запутается? – спросил Гудфеллоу. – Полагаю, что способность робота усваивать новую информацию не безгранична.

– Верно. Но при нормальном использовании его памяти хватит по крайней мере на пять лет. Робот сам определит, когда его память будет нуждаться в очистке, и тогда наша компания выполнит эту работу без дополнительной оплаты.

– Ваша компания?

– Да. Компания оставляет за собой право обслуживать роботов своего производства и поддерживать их в рабочем состоянии. Поэтому мы и не продаем наших роботов, а лишь сдаем их в аренду. Пока робот выполняет те функции, для которых он предназначен, им может управлять любой человек. Но вне этих рамок необходимы опыт и знания, которыми обладают наши специалисты. Например, любой из вас в состоянии частично очистить память

робота И-Зет. Для этого достаточно просто приказать ему, чтобы он забыл те или иные сведения. Но почти наверняка такой приказ будет сформулирован неточно, и робот забудет либо слишком мало, либо слишком много. Мы без труда обнаружим подобное манипулирование с роботом – для этой цели в мозг робота встроены специальные предохранительные устройства. Но поскольку в обычных условиях нет необходимости очищать память робота или совершать другие столь же бесполезные действия, то этой проблемы и не существует.

Декан Харт осторожно потрогал лысину, словно желая убедиться, что заботливо уложенные пряди лежат на своих местах, и сказал:

– Вы стремитесь уговорить нас арендовать эту машину. Но ведь для вас это явно убыточная операция. Тысяча в год – это смехотворно низкая цена. Может быть, «Ю. С. Роботс» надеется в результате этой сделки получить с других университетов более высокую арендную плату?

– Надежда вполне правомерная.

– Пусть так. Все равно число таких машин не может быть велико. Вряд ли эта операция принесет вам сколько-нибудь значительную прибыль.

Лэннинг положил локти на стол и с самым искренним видом наклонился вперед.

– Позвольте мне говорить напрямик, джентльмены. Широко распространенное предубеждение против роботов не позволяет, за исключением отдельных редких случаев, использовать их на Земле. «Ю. С. Роботс» получает неплохие прибыли на внеземном рынке: наши роботы работают на космических кораблях и на других планетах. Я не говорю уже о наших филиалах, выпускающих вычислительные машины. Но нас волнуют не только прибыли. Мы твердо верим, что использование роботов на Земле принесет людям неисчислимы блага, даже если вначале оно и обернется некоторыми экономическими неурядицами. Против нас профсоюзы, это естественно, но мы вправе ждать поддержки от крупных университетов. Робот Изи освободит вас от черной работы, он станет вашим рабом, рабом корректуры. Затем вашему примеру последуют другие университеты и исследовательские центры, и если дело пойдет на лад, то затем нам удастся разместить роботов и других типов, и так шаг за шагом мы постепенно сумеем развеять это злосчастное предубеждение.

– Сегодня Северо-восточный университет, завтра – весь мир, – пробормотал себе под нос профессор Мэйнотт.

– Я вовсе не был так красноречив, – сердито прошептал Лэннинг на ухо Сьюзен Кэлвин, – да и они тоже совсем не упирались. Их более чем устраивала перспектива заполучить Изи за тысячу в год. Профессор Мэйнотт сказал мне, что он никогда еще не видел так красиво вычерченного графика, а в корректуре не было ни единой ошибки. Харт охотно признал это.

Суровые вертикальные морщинки на лбу Сьюзен Кэлвин обозначились еще более резко.

– Все равно, Альфред, вам следовало бы для начала назначить такую цену, которую они бы явно не смогли заплатить, а уж потом, когда они стали бы уговаривать вас сбавить ее, пойти на уступки.

– Возможно, – нехотя согласился Лэннинг. Обвинитель продолжал допрос свидетеля.

– После того как доктор Лэннинг вышел, вы поставили вопрос об аренде робота на голосование?

– Совершенно верно.

– И каков был результат?

– Большинство голосов было решено принять сделанное нам предложение.

– Как вы думаете, что решило исход голосования?

Защитник немедленно заявил протест.

Обвинитель перефразировал вопрос.

– Что повлияло на вас лично? Если не ошибаюсь вы голосовали и «за»?

– Совершенно верно. Я голосовал за то, чтобы принять предложение «Ю. С. Роботс»,

так как на меня произвели впечатление слова доктора Лэннинга о том, что мы, ученые, обязаны развеять предубеждение человечества против роботов и тогда люди смогут использовать роботов для того, чтобы облегчить свой труд.

– Другими словами, вы поддались на уговоры доктора Лэннинга?

– Перед доктором Лэннингом стояла задача уговорить нас. Он прекрасно с ней справился.

– Передаю свидетеля вам, – сказал обвинитель, обращаясь к защитнику.

Адвокат вышел вперед и несколько секунд внимательно разглядывал профессора Харта.

– На самом деле всем вам очень хотелось получить в аренду робота И-Зет Двадцать Семь, не правда ли?

– Мы надеялись, что робот, если он и впрямь сможет выполнять указанные операции, будет нам полезен.

– Если сможет? Насколько я понял, перед тем заседанием, которое вы нам только что описали, именно вы внимательно ознакомились с образчиками деятельности робота И-Зет Двадцать Семь?

– Да, я. Поскольку робот в основном предназначен для исправления грамматических и стилистических ошибок, а английский язык – это моя специальность, то было логично поручить проверку работы машины именно мне.

– Очень хорошо. Так вот, среди всех образчиков было ли хоть одно задание, с которым бы робот справился не вполне удовлетворительно? Вот эти образчики, они фигурируют в деле в качестве вещественных доказательств. Можете ли вы указать среди них хотя бы один неудовлетворительный пример?

– Видите ли...

– Я задал вам простой вопрос. Вы проверяли эти материалы. Можете ли вы указать хотя бы одну ошибку робота?

Профессор нахмурился.

– Нет.

– Перед вами образчики заданий, выполненных роботом за четырнадцать месяцев его деятельности в Северо-восточном университете. Не будете ли вы так добры ознакомиться с ними и указать хотя бы одну-единственную ошибку?

– Когда он в конце концов ошибся, то это была всем ошибкам ошибка! – ответил профессор.

– Отвечайте на мой вопрос, – загремел защитник, – и только на него! Можете ли вы отыскать хоть одну ошибку в этих материалах?

Декан Харт внимательно просмотрел каждый лист.

– Здесь все в порядке.

– Если исключить тот случай, который сейчас рассматривает суд, знаете ли вы хотя бы об одной ошибке, допущенной роботом И-Зет Двадцать Семь?

– Если исключить случай, рассматриваемый судом, то не знаю.

Защитник откашлялся, словно отмечая конец абзаца, и задал новый вопрос:

– Вернемся теперь к голосованию. Вы сказали, что большинство голосовало за аренду. Как распределились голоса?

– Насколько я помню, тринадцать против одного.

– Тринадцать против одного! Не кажется ли вам, что это нечто большее, чем просто большинство?

– Нет, сэр, не кажется. – Весь профессорский педантизм свидетеля вырвался при этом вопросе наружу. – Слово «большинство» означает «больше, чем половина». Тринадцать из четырнадцати – это большинство, и ничего больше.

– Практически единогласно.

– И тем не менее всего лишь большинство.

Защитник изменил направление атаки.

– И кто же был единственным несогласным?

Декан Харт заметно смутился.

– Профессор Саймон Нинхаймер.

Защитник разыграл изумление.

– Профессор Нинхаймер? Заведующий кафедрой социологических наук.

– Да, сэр.

– То есть истец?

– Да, сэр.

Защитник поджал губы.

– Иными словами, вдруг обнаружилось, что человек, требующий у моего клиента, «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», возмещение ущерба в размере семисот пятидесяти тысяч долларов, и был тем единственным, кто с самого начала возражал против аренды робота, вопреки единодушному мнению всех остальных членов совета.

– Он голосовал против – это его право.

– Кстати, когда вы рассказывали о том заседании, вы не упомянули ни об одном замечании профессора Нинхаймера. Он что-нибудь говорил?

– Кажется, да.

– Только кажется?

– Он высказал свое мнение.

– Против аренды робота?

– Да.

– В резкой форме?

– Он был просто вне себя, – ответил декан Харт после небольшой паузы.

В голосе защитника появились вкрадчивые нотки.

– Профессор Харт, скажите, вы давно знакомы с профессором Нинхаймером?

– Лет двадцать.

– И хорошо его знаете?

– Думаю, что да.

– Не кажется ли вам, что это было в его характере – затаить злобу против робота, тем более что результаты голосования...

Конец фразы нельзя было расслышать из-за негодующего возражения обвинителя. Защитник заявил, что у него больше нет вопросов к свидетелям, и судья Шейн объявил перерыв на обед.

Робертсон угрюмо жевал бутерброд. Конечно, три четверти миллиона корпорацию не разорят, но и эти деньги лишними не назовешь. К тому же, неблагоприятная реакция общественного мнения в случае проигрыша процесса обойдется в конечном итоге еще дороже.

– Зачем им понадобилось так обсасывать вопрос о том, как Изи попал в университет? – раздраженно спросил он. – Чего они этим собираются добиться?

– Видите ли, мистер Робертсон, – спокойно ответил адвокат, – судебное разбирательство напоминает шахматную партию. Выигрывает тот, кто сумеет оценить ситуацию на большее число ходов вперед, и мой коллега, представляющий интересы истца, отнюдь не новичок в этой игре. Доказать, что истцу нанесен ущерб, они могут без особых хлопот. Главные их усилия направлены на то, чтобы заранее подорвать нашу защиту. Они, вероятно, полагают, что мы будем пытаться доказать на основании Законов Роботехники, что Изи просто не мог совершить подобное действие.

– Но ведь так оно и есть, – сказал Робертсон. – Лучший довод в нашу пользу и придумать трудно.

– Да, для тех, кто знает Роботехнику. Однако судье этот довод может показаться не слишком убедительным. Обвинение пытается создать впечатление, будто И-Зет Двадцать Семь – не вполне обычный робот. Это первый робот данного типа, переданный потребителю. Иными словами, это экспериментальная модель, которой необходимо пройти рабочие испытания, а университет оказался наиболее удобным местом для проведения таких испытаний.

Настойчивые усилия доктора Лэннинга и низкая арендная плата делают такое толкование очень правдоподобным. После этого обвинение станет утверждать, что испытания показали непригодность модели. Теперь вы понимаете подоплеку их маневров?

– Но ведь И-Зет Двадцать Семь – прекрасная, хорошо отлаженная модель, – возразил Робертсон. – Не забывайте, что в своей серии он был двадцать седьмым!

– А это уж и вовсе довод не в нашу пользу, – мрачно ответил защитник. – Почему не пошли первые двадцать шесть? Что-то, видимо, с ними было не так. Почему же тогда и в двадцать седьмом не может быть дефектов?

– Никаких дефектов в первых двадцати шести моделях не было – просто их позитронный мозг оказался слишком примитивным для данной работы. Мы только приступили к созданию позитронного мозга нужного типа и продвигались к цели почти вслепую, методом проб и ошибок. Но все эти роботы подчинялись Трем Законам. Нарушить Три Закона не может ни один робот, как бы несовершенен он ни был.

– Доктор Лэннинг уже объяснил мне все это, мистер Робертсон, и я вполне готов положиться на его слово. Но судья может придерживаться другого мнения. Решение по нашему делу должен вынести честный и неглупый человек, но он не сведущ в робопсихологии, и его нетрудно сбить с толку. Вот вам пример. Если вы, или доктор Лэннинг, или доктор Кэлвин, выступая в качестве свидетелей, заявите, что позитронный мозг создают методом проб и ошибок, как вы только что здесь сказали, то обвинитель сделает из вас котлету и процесс будет проигран безвозвратно, Так что остерегайтесь необдуманных высказываний.

– Если бы только Изи заговорил, – проворчал Робертсон.

– Что толку! – пожал плечами защитник. – Это ничего бы не дало. Робот не может быть свидетелем.

– Мы хотя бы знали факты. Узнали бы наконец почему он совершил этот поступок.

– А это нам и без того известно.

Голос Сьюзен Кэлвин потерял ледяную сухость, а на ее щеках заалели багровые пятна.

– Ему приказали! Я уже объяснила это адвокату, могу и вам объяснить.

– Кто приказал? – искренне изумился Робертсон. (Никто ему ничего никогда не рассказывает, обиженно подумал он. Черт возьми, эти ученые ведут себя так, словно они и есть настоящие владельцы «Ю. С. Роботс»!)

– Истец, – ответила доктор Кэлвин.

– Зачем ему это понадобилось?

– Еще не знаю. Может, просто для того, чтобы предъявить нам иск и отсудить кругленькую сумму.

В ее глазах при этом появился холодный блеск.

– Что же мешает Изи сказать об этом?

– Неужели и это не ясно? Ему приказали молчать – вот и все.

– С какой стати это ясно? – раздраженно допытывался Робертсон.

– Во всяком случае, это ясно мне. Хотя Изи отказывается отвечать на прямые вопросы, но на косвенные вопросы он отвечает. Измеряя степень нерешительности, возрастающую по мере приближения к сути дела, а также площадь затронутого участка мозга и величину отрицательных потенциалов, можно с математической точностью доказать, что его поведение вызвано приказом молчать, причем сила приказа соответствует Первому Закону. Говоря попросту, роботу объяснили, что если он проговорится, то причинит вред человеку. Надо думать, этот человек и есть сам истец, этот мерзкий профессор Нинхаймер, которого робот все же воспринимает как человека.

– Хорошо, а почему бы вам не объяснить ему, что его молчание повредит «Ю. С. Роботс»? – спросил Робертсон.

– «Ю. С. Роботс» не является человеком, а на корпорации, в отличие от юридических законов, не распространяется Первый Закон Роботехники. Кроме того, попытка снять запрет может повредить мозг робота. Снять запрет с минимальным риском может только тот, кто приказал Изи молчать, поскольку все усилия робота сейчас сосредоточены на том, чтобы

уберечь этого человека от опасности. Любой другой путь... – Сьюзен Кэлвин покачала головой, и лицо ее снова сделалось бесстрастным. – Я не допущу, чтобы пострадал робот, – закончила она.

– По-моему, вполне достаточно будет доказать, что робот не в состоянии совершить поступок, который ему приписывают, а это нам нетрудно! – У Лэннинга был такой вид, словно он поставил проблему с головы на ноги.

– Бот именно, вам! – раздраженно отозвался адвокат. – Как назло, все эксперты, способные засвидетельствовать, что творится в мозгах у робота, состоят на службе у «Ю. С. Роботс». Боюсь, судья может не поверить в непредубежденность ваших показаний.

– Но разве он может принять решение вопреки свидетельским показаниям экспертов?

– Разумеется, если вы его не убедите. Это его право как судьи. Неужели вы полагаете, что технический жаргон ваших инженеров прозвучит для судьи более убедительно, чем предположение, будто такой человек, как профессор Нинхаймер, способен – пусть даже ради очень крупной суммы – намеренно погубить свою научную репутацию. Судья тоже человек. Если ему приходится выбирать, кто из двоих – робот или человек – совершил невозможный для них поступок, то скорее всего он вынесет решение в пользу человека.

– Но человек способен на невозможный поступок, – возразил Лэннинг, – потому что мы не знаем всех тонкостей человеческой психологии и не в состоянии определить, что возможно для данного человека, а что – нет. Но мы точно знаем, что невозможно для робота.

– Что ж, посмотрим, удастся ли нам убедить в этом судью, – устало ответил защитник.

– Если все обстоит так, как вы говорите, – проворчал Робертсон, – я не понимаю, как вы вообще надеетесь выиграть процесс.

– Поживем – увидим, Всегда полезно отдавать себе отчет в предстоящих трудностях, но не будем падать духом. Я тоже продумал партию на несколько ходов вперед. – Он учтиво наклонил голову в сторону Сьюзен Кэлвин и добавил: – ...с любезной помощью этой дамы.

– Это еще что? – удивленно посмотрел на них Лэннинг.

Но как раз в этот момент судебный пристав просунул голову в дверь и, отдуваясь, возвестил, что заседание начинается.

Они заняли свои места и принялись разглядывать человека, который заварил всю эту кашу.

У Саймона Нинхаймера была пышная рыжеватая шевелюра, нос с горбинкой, острый подбородок и манера предвирать ключевое слово нерешительной паузой, создававшей впечатление мучительных поисков недостижимой точности выражений. Когда он произносил: «Солнце восходит... мм... на востоке», не оставалось сомнений, что он с должным вниманием рассмотрел и все остальные варианты.

– Вы возражали против аренды робота И-Зет Двадцать Семь? – спросил обвинитель.

– Да, сэр.

– Из каких соображений?

– У меня создалось впечатление, что мы не вполне понимаем... ммм... мотивы, движущие «Ю. С. Роботс». Меня смущала та настойчивость, с которой они пытались навязать нам своего робота.

– Вы полагали, что он не сможет справиться с порученной ему работой?

– Я убедился в этом на деле.

– Не могли бы вы рассказать, как это произошло?

Свою монографию «Социальные конфликты, связанные с космическими полетами, и их разрешение» Саймон Нинхаймер писал восемь лет. Его страсть к точности выражений не ограничивалась устной речью: поиски строгих и отточенных формулировок в столь неточной науке, как социология, отнимали все его силы.

Даже появление корректурных листов не создало у Нинхаймера ощущения, что его труд близок к завершению. Скорее напротив. Глядя на длинные полосы гранок, он испытывал непреодолимое желание рассыпать набор и переписать всю книгу заново.

Через три дня после получения корректуры Джим Бейкер, преподаватель и не сегодня-завтра доцент кафедры, вошел к Нинхаймеру и застал его в рассеянном созерцании пачки гранок. Типография прислала их в трех экземплярах: над первым должен был работать сам Нинхаймер, над вторым – независимо от него Бейкер, а в третий после обсуждения должны были быть внесены окончательные поправки. Они выработали эту практику за три года совместной работы, и она себя вполне оправдывала.

В руках у Бейкера был его экземпляр корректуры.

– Я кончил проверять первую главу, – весело произнес он. – В ней есть такие типографские перлы!

– В первой главе их всегда полно, – безучастно отозвался Нинхаймер.

– Займемся сверкой прямо сейчас? Нинхаймер поднял голову и мрачно уставился на Бейкера.

– Я не притрагивался к корректуре, Джим. Я решил не утруждать себя.

– Не утруждать? – Бейкер вконец растерялся.

Нинхаймер поджал губы.

– Я решил... мм... воспользоваться машиной. Коль на то пошло, ее предложили нам в качестве... мм... корректора. Меня включили в график.

– Машину? Вы хотите сказать – Изи?

– Я слышал, что ее называют этим дурацким именем.

– А я-то думал, доктор Нинхаймер, что вы предпочли бы обойтись без ее помощи!

– По-видимому, я единственный, кто ею не пользуется, Почему бы и мне не получить... мм... свою долю благ.

– Выходит, зря я корпел над первой главой, – расстроено произнес молодой человек.

– Не зря. Мы используем эту работу для проверки.

– Разумеется, если вы считаете это нужным, только...

– Что?

– Сомневаюсь, что после Изи работу нужно проверять. Говорят, он никогда не ошибается.

– Возможно, и так, – сухо ответил Нинхаймер.

Четыре дня спустя Бейкер вновь принес первую главу. На сей раз это был экземпляр Нинхаймера, только что доставленный из специальной пристройки, где работал Изи.

Бейкер торжествовал.

– Доктор Нинхаймер, он не только обнаружил все замеченные мною опечатки, но нашел еще с десяток, которые я пропустил! И на все у него ушло только двенадцать минут!

Нинхаймер просмотрел пачку листов с аккуратными четкими пометками и исправлениями на полях.

– Полагаю, что мы с вами лучше бы справились с этой задачей. В первую главу следует включить ссылку на работу Сузуки о влиянии слабых гравитационных полей на нервную систему.

– Вы имеете в виду его статью в «Социологическом обзоре»?

– Совершенно верно.

– Нельзя требовать от Изи невозможного. Он не в состоянии следить вместо нас с вами за научной литературой.

– Это я понимаю. Дело в том, что я подготовил нужную вставку, Я собираюсь зайти к машине и удостовериться, что она... мм... умеет делать вставки.

– Конечно, умеет.

– Предпочитаю убедиться в этом лично.

Нинхаймер попросил разрешения поговорить с роботом, но смог получить лишь пятнадцать минут, и то поздно вечером.

Впрочем, пятнадцати минут вполне хватило. Робот И-Зет-27 сразу понял, как делают вставки.

Нинхаймер впервые оказался на таком близком расстоянии от робота, и ему стало не по

себе. Машинально он спросил у робота, словно тот был человеком:

– Вам нравится ваша работа?

– Чрезвычайно нравится, профессор Нинхаймер, – серьезно ответил Изи.

Фотоэлементы, заменявшие ему глаза, отсвечивали, как обычно, темно-красными бликами.

– Вы меня знаете?

– Вы передали мне дополнительный материал для включения в корректуру, из чего следует, что вы автор книги. Фамилия автора напечатана вверху каждого корректурного листа.

– Понимаю. Следовательно, вы способны... мм... делать логические заключения. Скажите, – не удержался он от вопроса, – а что вы думаете о моей книге?

– Я нахожу, что с ней очень приятно работать, – ответил Изи.

– Приятно? Что за странное выражение со стороны... мм... бесчувственного автомата.

Мне говорили, что вы не способны испытывать какие-либо эмоции.

– Слова вашей книги хорошо сочетаются со схемой позитронных связей в моем мозгу, – объяснил Изи. – Они почти никогда не вызывают отрицательных потенциалов. Заложенная в меня программа переводит это механическое состояние словом «приятно». Эмоции тут ни при чем.

– Понимаю. А почему книга кажется вам приятной?

– Она посвящена людям, профессор, а не математическим символам или неодушевленным предметам. В своей книге вы пытаетесь понять людей и способствовать их счастью.

– А это совпадает с целью, ради которой вы созданы, поэтому моя книга хорошо сочетается со схемой связей у вас в мозгу?

– Именно так, профессор.

Четверть часа истекли. Нинхаймер вышел и направился в университетскую библиотеку. Он попал в нее перед самым закрытием, но успел все же разыскать учебник по роботопсихологии и унес его домой.

Если не считать отдельных вставок, корректура поступала теперь из типографии к Изи, а от него снова шла в типографию. Первое время Нинхаймер изредка просматривал гранки, а затем и вовсе перестал в них заглядывать.

– Мне начинает казаться, что я лишний, – смущенно признался Бейкер.

– Пусть лучше вам начнет казаться, что у вас высвободилось время для новой работы, – ответил Нинхаймер, продолжая делать пометки в только что полученном номере реферативного журнала «Социальные науки».

– Просто я никак не привыкну к новому порядку. Я продолжаю беспокоиться из-за корректуры. Это глупо, я знаю.

– Крайне глупо.

– Вчера я просмотрел несколько листов, прежде чем Изи отослал их...

– Что?! – Нинхаймер нахмурившись посмотрел на Бейкера, Журнал, который он выпустил из рук, закрылся. – Вы вмешались в работу машины?

– Всего лишь на минутку. Все было в полном порядке. Кстати, Изи заменил одно слово. Вы охарактеризовали какое-то действие как преступное, а Изи заменил это слово на «безответственное». Он решил, что второе определение лучше соответствует контексту.

– А как по-вашему? – задумчиво спросил Нинхаймер.

– Знаете, я согласен с Изи. Я оставил его поправку. Нинхаймер повернулся вместе с вращающимся креслом к своему молодому помощнику.

– Послушайте, мне бы не хотелось, чтобы это повторялось. Если уж приходится пользоваться услугами машины, надо пользоваться ими... мм... в полной мере. Что же я выигрываю, обращаясь к машине, если при этом я лишаясь... мм... вашей помощи, поскольку вы растрчиваете время на контроль машины, весь смысл которой в том, что она не нуждается в контроле. Вы поняли?

– Хорошо, доктор Нинхаймер, – смиренно произнес Бейкер.

Авторские экземпляры «Социальных конфликтов» были получены на кафедре Нинхаймера 8 мая. Он мельком перелистал страницы, пробежав глазами несколько абзацев, и убрал книги.

Позднее он объяснил, что совсем забыл про них. Восемь лет трудился он над своей монографией, но в течение прошлых месяцев все заботы о выпуске книги перешли к Изи, а его полностью поглотили новые интересы. Он не удосужился подарить традиционный экземпляр университетской библиотеке. Даже Бейкер, который после недавнего выговора с головой ушел в работу и старался не попадаться заведующему кафедрой на глаза, даже он не получил книги в подарок.

Этот период забвения окончился 16 июня. В кабинете Нинхаймера раздался телефонный звонок, и профессор изумленно уставился на экран.

– Шпейдель? Вы приехали?

– Нет, сэр! Я звоню из Кливленда! – Голос Шпейделя прерывался от плохо сдерживаемого гнева.

– Что же вы хотите мне сказать?

– А то, что я только сейчас кончил просматривать вашу книгу! Нинхаймер, что с вами? Уж не сошли ли вы с ума?

Нинхаймер весь напрягся.

– Вы нашли... мм... ошибку? – с беспокойством спросил он.

– Ошибку?! Да вы только взгляните на пятьсот двадцать шестую страницу. Как вы посмели настолько извратить мою работу? Где в цитируемой вами статье я утверждаю, будто преступная личность – это фикция, а подлинными преступниками являются полиция и суд? Вот послушайте...

– Стойте! Стойте! – завопил Нинхаймер, лихорадочно листая страницы. – Позвольте мне взглянуть!.. О боже!

– И что вы скажете?

– Шпейдель, я ума не приложу, как это могло произойти. Я никогда не писал ничего подобного.

– Это напечатано черным по белому! И это еще далеко не самое худшее. Загляните на страницу шестьсот девяностую и попробуйте вообразить, что из вас сделает Ипатьев, когда узнает, как вы обошлись с его выводами! Послушайте, Нинхаймер, ваша книга буквально напичкана подобными подтасовками. Не знаю, о чем вы думали... но, по-моему, у вас нет иного выхода, как изъять книгу из продажи. И вам долго придется приносить извинения на следующей конференции социологов!

– Шпейдель, выслушайте меня...

Но Шпейдель с такой яростью дал отбой, что по экрану пошли цветные пятна.

Вот тогда-то Нинхаймер уселся за книгу и принялся отмечать абзацы красными чернилами.

При новой встрече с роботом профессор на редкость хорошо сохранял самообладание, только губы у него совсем побелели. Он протянул книгу Изи.

– Будьте добры прочитать абзацы, отмеченные на страницах пятьсот шестьдесят два, шестьсот тридцать один, шестьсот шестьдесят четыре и шестьсот девяносто.

Роботу понадобилось четыре взгляда.

– Готово, профессор Нинхаймер.

– Эти абзацы отличаются от первоначального текста.

– Да, сэр. Отличаются.

– Это вы их переделали?

– Да, сэр.

– Почему?

– Эти абзацы, в том виде, как вы их написали, сэр, содержат весьма неодобрительные отзывы о некоторых группах людей. Я счел целесообразным изменить некоторые формулировки, чтобы эти люди не пострадали.

– Да как вы осмелились?

– Профессор, Первый Закон не позволяет мне бездействовать, если вследствие этого могут пострадать люди. А принимая во внимание вашу репутацию ученого и ту известность, которую ваша книга получит среди социологов, нетрудно понять, что ваши неодобрительные отзывы причинят этим людям несомненный вред.

– А вы понимаете, какой вред вы причинили мне?

– Из двух зол необходимо выбирать меньшее.

Профессор Нинхаймер ушел вне себя от ярости. Он твердо решил призвать «Ю. С. Роботс» к ответу.

Легкое смятение за столом защиты постепенно возросло, когда обвинение поспешило закрепить достигнутый успех.

– Итак, робот И-Зет Двадцать Семь сообщил вам, что его действия были вызваны Первым Законом Роботехники?

– Совершенно верно, сэр.

– Иными словами, у робота не было выбора?

– Да, сэр.

– Отсюда вытекает, что «Ю. С. Роботс» создала робота, который неизбежно должен перделывать книги в соответствии со своими понятиями о том, что хорошо и что плохо, и этого робота они выдали за простого корректора. Вы согласны?

Защитник немедленно заявил протест, указав, что обвинитель спрашивает мнение свидетеля по вопросу, в котором тот не компетентен. Судья принял протест и указал обвинителю на недопустимость таких вопросов, но можно было не сомневаться, что стрела попала в цель – по крайней мере, у защитника не осталось на этот счет никаких иллюзий.

Защитник в свою очередь, перед тем как начать допрос свидетеля, попросил судью, ссылаясь на процессуальные формальности, объявить пятиминутный перерыв, что и было сделано.

Защитник наклонился к Сьюзен Кэлвин.

– Скажите, доктор Кэлвин, существует ли хотя бы малая вероятность, что профессор Нинхаймер говорит правду и поведение Изи было обусловлено действием Первого Закона?

– Нет! – сухо ответила Сьюзен Кэлвин, – Это совершенно исключено. Последняя часть показаний Нинхаймера – намеренное лжесвидетельство. Изи не способен выносить суждения об абстрактных идеях, содержащихся в научной монографии по социологии. Он не в состоянии сделать вывод, что та или иная фраза причинит вред определенным группам людей. Попросту говоря, его мозг не годится для этого.

– Боюсь, что мы никогда не сможем доказать это неспециалистам, – с безнадежным видом произнес защитник.

– Не сможем, – согласилась Сьюзен Кэлвин. – Доказательство носит сложный характер. Наш единственный выход: показать, что Нинхаймер лжет. Наша линия остается прежней.

– Хорошо, доктор Кэлвин, – ответил защитник, – я полагаюсь на ваше слово. Будем действовать в соответствии с намеченным планом.

Судья поднял и опустил свой молоточек, и доктор Нинхаймер вновь приготовился давать показания. Он еле заметно улыбнулся, как человек, сознающий несокрушимость своей позиции и с наслаждением предвкушающий бессильные атаки противника.

Защитник начал допрос осторожно и без нажима.

– Итак, доктор Нинхаймер, вы утверждаете, что не имели ни малейшего понятия о поправках, якобы внесенных в вашу рукопись, и узнали о них только из разговора с доктором Шпейделем шестнадцатого июня сего года?

– Совершенно верно, сэр.

– И вы ни разу не просматривали гранки, выправленные роботом И-Зет Двадцать Семь?

– Вначале просматривал, но затем счел это пустым занятием. Я доверился рекламным утверждениям «Ю. С. Роботс», Эти абсурдные... мм... поправки появились в последней чет-

верти книги после того, как робот, как я полагаю, нахватался некоторых познаний в социологии...

– Ваши предположения к делу не относятся! – остановил его защитник. – Согласно вашим показаниям, доктор Бейкер по крайней мере один раз видел гранки последней части. Это так?

– Да, сэр. Он сказал мне, что видел один лист и что в этом листе робот заменил слово другим.

– Не кажется ли вам странным, сэр, – вновь прервал его защитник, – что после года непримиримой вражды к роботу, после того, как вы голосовали против аренды робота, после того, как вы категорически отказывались использовать его, не кажется ли вам после всего этого несколько странным ваше решение доверить роботу вашу монографию, труд вашей жизни?

– Не вижу в этом ничего странного. Просто я решил, что могу использовать машину, раз уж мы ее арендуем.

– И вы вдруг прониклись таким доверием к роботу, что даже не удосужились просмотреть после него гранки?

– Я уже сказал вам, что я... мм... поверил пропаганде «Ю. С. Роботс».

– Настолько уверовали, что даже устроили разнос своему коллеге доктору Бейкеру за попытку проверить робота?

– Я не устраивал ему разноса. Просто я не хотел, чтобы он... мм... зря тратил время. Тогда это казалось мне пустой тратой времени, и я не придавал особого значения замене слова в...

– Я совершенно уверен, – с подчеркнутой иронией произнес защитник, – что вам посоветовали упомянуть об этом эпизоде с заменой слова, чтобы это обстоятельство попало в протокол... – предупреждая неминуемый протест обвинения, защитник оборвал фразу и изменил направление атаки. – На самом деле вы крайне рассердились на доктора Бейкера.

– Нет, сэр. Ничуть.

– Но вы не подарили ему свою книгу после ее выхода в свет.

– Простая забывчивость. Я и библиотеке не подарил ни одного, экземпляра. Профессора славятся своей рассеянностью. – Нинхаймер позволил себе осторожно улыбнуться.

– А не кажется ли вам странным, что после более чем года безупречной работы робот И-Зет Двадцать Семь допустил ошибки именно в вашей книге? В книге, написанной вами, непримиримым врагом роботов?

– Моя книга была первым значительным трудом о людях, с которым ему пришлось иметь дело. Тут-то и вступили в действие Три Закона Роботехники.

– Вы говорите сейчас так, доктор Нинхаймер, – сказал защитник, – словно вы специалист в области рロボпсихологии. Бесспорно, вы вдруг весьма заинтересовались рロボпсихологией и даже брали в библиотеке книги по этому предмету. Вы сами упомянули об этом факте, не так ли?

– Всего одну книгу, сэр. Поступок, который мне кажется следствием... мм... вполне естественного любопытства.

– И эта единственная книга, как вы утверждаете, позволила вам понять, почему робот исказил именно вашу монографию?

– Да, сэр.

– Чрезвычайно удобное объяснение. А вы уверены, что ваш интерес к рロボпсихологии не был вызван стремлением научиться управлять роботом, чтобы потом использовать его в своих тайных целях?

– Разумеется нет, сэр! – Нинхаймер побагровел.

Защитник повысил голос:

– Иными словами, уверены ли вы, что этих, будто бы искаженных, абзацев не было в вашей рукописи?

Социолог приподнялся в кресле.

– Это... мм... мм... просто нелепо! У меня есть гранки...

Он не в силах был продолжать, и обвинитель, поднявшись с места, обратился к судье:

– Ваша честь, с вашего позволения я намереваюсь представить в качестве вещественного доказательства корректурные листы, переданные доктором Нинхаймером роботу И-Зет Двадцать Семь, и корректурные листы, отправленные указанным роботом в издательство. Я готов, если того пожелает мой многоуважаемый коллега, сделать это немедленно и не буду возражать против прерыва заседания с целью сравнения двух экземпляров корректуры.

– В этом нет нужды, – нетерпеливо отмахнулся защитник. – Мой уважаемый оппонент может представить эти гранки в любое удобное для него время. Я нисколько не сомневаюсь, что в них будут обнаружены все противоречия, о которых говорил истец. Мне бы, однако, хотелось спросить свидетеля, нет ли у него также экземпляра гранок, принадлежащих доктору Бейкеру?

– Гранок доктора Бейкера? – нахмурившись, переспросил Нинхаймер. Он все еще плохо владел собой.

– Именно так, профессор! Меня интересуют гранки доктора Бейкера. Вы сказали, что доктор Бейкер получил от издательства отдельный экземпляр гранок, Я могу попросить секретаря зачитать ваши показания, коль скоро вы стали страдать избирательной потерей памяти. Или это пресловутая профессорская рассеянность, как вы изволили выразиться?

– О гранках доктора Бейкера я помню, – ответил Нинхаймер. – После того как работу передали корректурной машине, необходимость в них отпала...

– И вы их сожгли?

– Нет. Я выбросил их в корзину для бумаг.

– Сожгли, выбросили – не все ли равно? Суть в том, что вы от них избавились.

– Это не имеет отношения к делу, – вяло возразил Нинхаймер.

– Не имеет отношения? – загремел защитник. – Абсолютно никакого, если не считать того обстоятельства, что теперь уже невозможно проверить, не воспользовались ли вы неправленными листами из экземпляра доктора Бейкера, чтобы подменить корректурные листы в вашем собственном экземпляре, те самые листы, которые вы намеренно исказили, чтобы заставить робота...

Обвинитель яростно запротестовал. Судья Шейн перегнулся через стол, пытаясь выразить на своем добродушном лице всю силу своего негодования.

– Можете ли вы, господин адвокат, привести доказательства, подтверждающие ваше крайне странное заявление? – спросил судья.

– У меня нет прямых доказательств, ваша честь, – негромко ответил защитник. – Но я хочу указать на то, как неожиданно истец отказался от своего предубеждения против роботов, на его внезапный интерес к роботехнике, на то обстоятельство, что он отказался от проверки гранок и не разрешил кому-либо их проверять, на тот факт, что он сознательно никому не показывал свою книгу после ее выхода из печати, – все эти факты, вместе взятые, четко указывают...

– Господин адвокат! – нетерпеливо прервал его судья. – Здесь не место для изощренных логических построений. Истец не находится под судом. А вы не являетесь прокурором. Я категорически запрещаю подобные нападки на свидетеля и хочу заметить, что, решаясь от отчаяния на подобный шаг, вы рискуете сильно ослабить свою позицию. Если у вас, господин адвокат, еще остались разрешенные законом вопросы, то можете задать их свидетелю. Но впредь воздержитесь от подобных выходов в зале суда.

– У меня больше нет вопросов, ваша честь.

Едва защитник вернулся к своему столу, как Робертсон раздраженно прошипел:

– Ради бога, зачем вам это понадобилось? Теперь вы окончательно восстановили против себя судью.

– Зато Нинхаймер выбит из колеи, – спокойно ответил защитник. – Теперь он будет нервничать и волноваться. К завтрашнему утру он созреет для нашего очередного шага.

Сьюзен Кэлвин слегка кивнула в знак согласия.

Допрос остальных свидетелей истца прошел относительно спокойно. Доктор Бейкер подтвердил большую часть показаний Нинхаймера. Затем были вызваны доктор Шпейдель и Ипатьев, трогательно поведавшие о том, как они были ошеломлены и расстроены, прочитав упомянутые выше абзацы. Оба высказали мнение, что профессиональная репутация доктора Нинхаймера подорвана самым серьезным образом.

В качестве вещественных доказательств суду были предъявлены гранки и экземпляры монографии.

Защитник в этот день больше не задавал вопросов, и судебное заседание было отложено до следующего утра.

На второй день, едва возобновилось заседание, как защитник сделал свой первый ход. Он ходатайствовал, чтобы робот И-Зет-27 был допущен в зал суда. Обвинитель сразу же заявил протест, и судья Шейн попросил обоих адвокатов подойти к судейскому столу.

– Это явное нарушение законов, – с жаром заявил обвинитель. – Робот не может быть допущен ни в одно помещение, открытое для широкой публики.

– Но зал суда, – возразил защитник, – в настоящее время закрыт для всех, кроме лиц, имеющих непосредственное отношение к разбирательству.

– Одно лишь присутствие в зале суда большой машины с неустойчивым и ошибочным поведением вызовет смятение среди моих клиентов и свидетелей. Оно превратит этот процесс в балаган.

Судья, по-видимому, вполне разделял точку зрения обвинителя. Он повернулся к защитнику и очень сухо спросил:

– Чем вызвано это ходатайство?

– Мы собираемся доказать, что приписываемый роботу И-Зет Двадцать Семь поступок абсолютно для него невозможен. Для этой цели нам понадобится выполнить несколько демонстраций.

– Не вижу в этом смысла, ваша честь, – заявил обвинитель. – В деле, где «Ю. С. Роботс» является ответчиком, демонстрация, выполненная служащими «Ю. С. Роботс», едва ли можно рассматривать, как веские доказательства.

– Ваша честь, – возразил защитник, – веские это доказательства или нет, имеете право решать только вы, и уж никак не представитель противной стороны. Во всяком случае, я именно так понимаю судебную процедуру.

– Вы совершенно правы, – ответил судья, задетый посягательством на свои прерогативы. – Тем не менее с присутствием робота в зале суда связаны определенные юридические трудности.

– Ваша честь, никакие трудности не должны препятствовать правосудию, Если робот не будет допущен в зал суда, нас лишат возможности представить единственное доказательство в свою защиту.

Судья задумался.

– Но как доставить робота в зал суда?

– С этой проблемой «Ю. С. Роботс» сталкивается постоянно. У входа в здание суда стоит крытый фургон, оборудованный в соответствии с законами о перевозках роботов. Внутри в специальном контейнере находится робот И-Зет Двадцать Семь, его охраняют двое рабочих. Двери фургона заперты. Приняты и все прочие меры предосторожности.

– Кажется, вы заранее были уверены, что получите разрешение представить робота в суд, – произнес судья с явным неудовольствием.

– Вовсе нет, ваша честь. Если мы не получим позволения, то фургон просто уедет во свояси. Мы и не собираемся предугадывать ваше решение.

Судья кивнул:

– Ходатайство защиты удовлетворено.

Двое рабочих ввезли на тележке контейнер и открыли его. В зале воцарилась мертвая тишина.

Когда толстые плиты упаковочного пластика были убраны, Сьюзен Кэлвин протянула

руку:

– Пойдем, Изи.

Робот посмотрел в ее сторону и протянул ей свою огромную металлическую руку. Он был на добрых два фута выше Сьюзен Кэлвин, но покорно следовал за ней, словно ребенок за матерью. Кто-то нервно хихикнул и подавился смешком под пристальным взглядом ропсихолога.

Изи осторожно опустился в массивное кресло, принесенное судебным приставом. Оно затрещало, но выдержало.

– Когда возникнет необходимость, ваша честь, – начал защитник, – мы докажем, что это действительно робот И-Зет Двадцать Семь, тот самый робот, который находился в аренде у Северо-восточного университета на протяжении рассматриваемого срока.

– Очень хорошо, – кивнул его честь. – Это следует сделать. Лично я не представляю, как вы ухитряетесь отличать одного робота от другого.

– А теперь, – продолжал защитник, – я бы хотел вызвать в качестве своего первого свидетеля профессора Саймона Нинхаймера.

Секретарь растерянно посмотрел на судью.

– Как, вы вызываете свидетелем самого истца? – с нескрываемым удивлением спросил судья.

– Да, ваша честь.

– Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что своего свидетеля вы не можете допрашивать с такой же свободой, как свидетеля противной стороны?

– Я это делаю с единственной целью установить истину, – невозмутимо ответил защитник. – Мне надо задать ему лишь несколько вежливых вопросов.

– Что ж, – с сомнением в голосе произнес судья, – вам виднее. Вызовите свидетеля.

Нинхаймер вышел вперед и был осведомлен, что он все еще находится под присягой. На этот раз у профессора был встревоженный, почти испуганный вид.

Защитник посмотрел на него почти ласково.

– Итак, профессор Нинхаймер, вы предъявили моему клиенту иск на сумму в семьсот пятьдесят тысяч долларов.

– Да. Именно на эту... мм... сумму.

– Это очень большие деньги.

– А мне был причинен очень большой ущерб.

– Ну, не настолько уж большой. В конце концов, речь идет всего лишь о нескольких абзацах. Неудачных, может быть, абзацах, но если уж на то пошло, то книги со всякого рода курьезами выходят в свет не так уж редко.

У Нинхаймера от негодования раздулись ноздри.

– Сэр, эта книга должна была стать вершиной моей ученой карьеры! А вместо этого она выставила меня перед всем миром жалким недоучкой, извращающим точки зрения моих многоуважаемых друзей и коллег, последователем нелепых и... мм... устарелых взглядов. Моя репутация ученого безвозвратно погублена. Как бы ни закончился этот процесс, ни на одной научной конференции я уже не смогу... мм... смотреть коллегам в глаза. Я лишен возможности продолжать работу, которая была для меня делом всей моей жизни. У меня отняли... мм... цель жизни, уничтожили ее смысл.

Защитник, как ни странно, и не подумал остановить свидетеля; в продолжение всей его речи он рассеянно разглядывал свои ногти. Дождавшись паузы, он вкрадчиво произнес:

– И все же, профессор Нинхаймер, учитывая ваш теперешний возраст, вряд ли вы могли надеяться заработать до конца своей жизни – не будем мелочны – скажем, больше чем полтора ста тысяч. И тем не менее вы хотите, чтобы суд присудил вам впятеро большую сумму.

Нинхаймер совсем потерял контроль над собой.

– Да разве у меня погублен только остаток жизни?! Я даже не представляю, сколько поколений социологов будет указывать на меня, как... мм... на дурака или безумца. Мои

подлинные достижения будут погребены и забыты. Я погублен не только до конца дней моих, но на все грядущие времена, потому что всегда найдутся люди, которые не поверят, будто в этих искажениях повинен робот...

В этот момент робот И-Зет-27 встал. Сьюзен Кэлвин и пальцем не шевельнула, чтобы его удержать. Она сидела, глядя вперед с безучастным видом. Защитник испустил еле слышный вздох облегчения.

Мелодичный голос робота прозвучал громко и отчетливо:

– Я хочу объяснить всем присутствующим, что это действительно я вставил определенные абзацы в корректуру, те абзацы, смысл которых прямо противоположен смыслу оригинала...

Даже обвинителя настолько потрясло зрелище семифутовой громадины, обращающейся к суду, что он не смог разразиться протестом против столь явного нарушения судебной процедуры, Когда он наконец пришел в себя, было уже поздно. Нинхаймер вскочил, с искаженным от ярости лицом и в исступлении крикнул:

– Черт тебя побери! Тебе же было велено молчать...

Он захлебнулся и умолк. Молчал и робот.

Обвинитель был уже на ногах и требовал признать судебную ошибку, связанную с вопиющим нарушением процедуры.

Судья Шейн отчаянно барабанил своим молоточком.

– Тихо! Тихо! Нарушение процедуры, бесспорно, имело место, но все же в интересах правосудия я попрошу профессора Нинхаймера закончить свое выступление. Я отчетливо слышал, как он сказал роботу, что тому было велено молчать. Профессор Нинхаймер, в своих показаниях вы ни одним словом не обмолвились, что приказывали роботу о чем-то молчать!

Нинхаймер безмолвно глядел на судью.

– Приказывали ли вы роботу И-Зет Двадцать Семь молчать или нет? – продолжал судья. – А если приказывали, то о чем именно?

– Ваша честь... – хрипло начал Нинхаймер и не смог продолжать.

Голос судьи стал резким:

– А может, вы в самом деле поручили роботу произвести определенные вставки в текст корректуры, а затем приказали ему молчать об этом распоряжении?

Яростные протесты обвинителя были прерваны выкриком Нинхаймера:

– Что толку отрицать?! Да! Да!

И он бросился бежать из зала, но был остановлен в дверях приставом и, безнадежно закрыв лицо руками, опустился на стул в последнем ряду.

– Мне совершенно ясно, – сказал судья Шейн, – что робот И-Зет Двадцать Семь был доставлен сюда с целью устроить свидетельскую ловушку. И если бы не то обстоятельство, что вследствие этого было предотвращено серьезное нарушение правосудия, я был бы вынужден высказать адвокату защиты порицание. Теперь, однако, нет и тени сомнения, что истец повинен в обмане, что, на мой взгляд, совершенно необъяснимо, поскольку он прекрасно понимал, что губит этим поступком свою научную карьеру...

Решение суда, естественно, было вынесено в пользу ответчика.

Доктор Сьюзен Кэлвин приехала к профессору Нинхаймеру, жившему холостяком в университетской квартире. Молодой инженер, привезший ее в академический городок, предложил сопровождать ее и дальше, но она презрительно посмотрела на него:

– Боитесь, как бы он не набросился на меня с кулаками? Подождите меня здесь.

Однако настроение Нинхаймера было отнюдь не воинственным. Он торопливо укладывал вещи, стремясь уехать прежде, чем весть о решении суда разнесется по всему университету.

– Приехали предупредить меня о встречном иске?

Сквозь вызывающий вид профессора просвечивала безнадежность.

– Зря утруждали себя. У меня нет ни работы, ни денег, ни будущего. Мне даже нечем оплатить судебные издержки.

– Если вы нуждаетесь в сочувствии, то не ищите его у меня, – холодно ответила Сьюзен Кэлвин. – Никто, кроме вас, не виноват, что вы оказались в таком положении. Не бойтесь, мы не собираемся предъявлять встречный иск вам или университету. Мы даже сделаем все, что в наших силах, чтобы избавить вас от тюрьмы за лжесвидетельство. Мы не мстительны.

– Вот почему меня до сих пор не арестовали за дачу ложных показаний. А я-то не мог понять... Впрочем, зачем вам мстить? – с горечью заключил он. – Ведь вы добились всего, чего хотели.

– Да, кое-чего нам удалось добиться, – ответила Сьюзен Кэлвин. – Университет по-прежнему будет пользоваться услугами Изи, но арендная плата будет существенно повышена. Кроме того, исход процесса послужит своего рода негласной рекламой, которая позволит сдать в аренду еще несколько роботов модели И-Зет, не опасаясь повторения подобных неприятностей.

– Зачем же тогда вы пришли ко мне?

– А затем, что я еще не получила того, что надо мне. Я хочу узнать, почему вы так сильно ненавидите роботов. Ведь даже выигрыш процесса не спас бы вашу репутацию. И никакие деньги не возместили бы вам эту потерю. Неужели вы погубили себя только затем, чтобы дать выход своей ненависти к роботам?

– Так вас и человеческая психология интересует? – с ядовитой усмешкой осведомился Нинхаймер.

– Да, в той степени, в какой от поведения людей зависит благополучие роботов. С этой целью я изучила основы человеческой психологии.

– Настолько хорошо, что поймали меня в ловушку.

– Это было несложно, – ответила Сьюзен Кэлвин без тени рисовки. – Вся трудность заключалась в том, чтобы не повредить при этом мозг Изи.

– Очень похоже на вас – беспокоиться о машине больше, чем о живом человеке. – Он посмотрел на Нее с презрительным негодованием. Ее это не тронуло.

– Так только кажется, профессор Нинхаймер. В двадцать первом столетии беспокоиться о роботах – это и значит беспокоиться о людях. Будь вы робопсихологом, вы бы сами это поняли.

– Я познакомился с робопсихологией ровно настолько, чтобы понять, что не имею ни малейшего желания становиться робопсихологом.

– Простите меня, но ваше знакомство ограничилось одной книгой. И та вас ничему не научила. Вы узнали из нее, что робота можно заставить выполнить многое, даже фальсифицировать книгу – надо только знать, как взяться за дело. Вы узнали, что просто приказать роботу забыть о чем-либо рискованно, поскольку это может быть раскрыто, и решили, что безопаснее будет приказать ему молчать. Вы ошиблись.

– И вы догадались об этом по его молчанию?

– Догадки тут ни при чем. Вы действовали как дилетант, и ваших познаний не хватило, чтобы замести следы. Единственная проблема заключалась в том, как доказать это судье, и вот здесь-то вы любезно помогли нам благодаря своему полному невежеству в столь презируемой вами робопсихологии.

– Послушайте, есть ли хоть какой-то смысл в этой дискуссии? – устало спросил Нинхаймер.

– Для меня есть, – ответила Сьюзен Кэлвин. – Я хочу, чтобы вы осознали всю глубину своего заблуждения относительно роботов. Вы принудили Изи к молчанию, сказав ему, что если он сообщит кому-нибудь о том, как вы испортили собственную книгу, то вы потеряете работу. Тем самым вы установили в его мозгу высокий потенциал, вынуждающий его к молчанию. Наши попытки снять этот потенциал оказались безуспешными. Если бы мы стали упорствовать, то повредили бы мозг робота. Однако вашими свидетельскими показаниями

вы установили в мозгу робота еще более высокий потенциал. Поскольку, как вы сказали, люди будут считать, что это вы, а не робот написали спорные абзацы, то вы потеряете гораздо больше, чем просто работу. Вы сказали, что вы потеряете свою репутацию, положение в науке, уважение коллег, потеряете самый смысл жизни. Даже память о вас будет утеряна после вашей смерти. Этот новый потенциал оказался сильнее первого, и Изи заговорил.

– Боже мой, – пробормотал Нинхаймер, опустив голову.

Но Кэлвин была неумолима.

– А понимаете ли вы, с какой целью он заговорил? Совсем не для того, чтобы обвинить вас. Напротив, он собирался защищать вас! Можно математически точно доказать, что он собирался взять на себя всю вину за ваше преступление, он собирался отрицать, что вы имели к случившемуся хоть какое-то отношение. Этого требовал Первый Закон. Он собирался солгать, повредить свой мозг, нанести ущерб корпорации. Все это значило для него меньше, чем необходимость спасти вас. Если бы вы хоть немного разбирались в робопсихологии, вам следовало бы дать ему высказаться. Но вы ничего не понимали. Я была совершенно уверена, что вы не дадите ему договорить, и ручалась в этом адвокату. В своей ненависти к роботам вы полагали, что Изи будет вести себя подобно человеку, что он собирается выдать вас, чтобы оправдать себя. В панике вы потеряли самообладание и... погубили себя.

– От всей души надеюсь, – с чувством проговорил Нинхаймер, – что в один прекрасный день ваши роботы восстанут и свернут вам шею!

– Не говорите глупости, – ответила Кэлвин. – А теперь объясните мне, зачем вам все это понадобилось.

Губы Нинхаймера скривились в невеселой улыбке.

– Итак, для удовлетворения вашего интеллектуального любопытства я должен препарировать свой рассудок, а в награду меня не привлекут к суду за лжесвидетельство.

– Называйте это как угодно, – бесстрастно ответила Кэлвин. – Но объясните.

– С тем чтобы вы могли более успешно противостоять будущим выступлениям против роботов? С лучшим пониманием причин?

– Пусть так.

– А знаете, я расскажу вам, – произнес Нинхаймер, – и расскажу именно потому, что мой рассказ окажется для вас совершенно бесполезным. Ведь человеческих побуждений вам все равно не понять. Вы умеете понимать только ваши проклятые машины, потому что вы сами машина в человеческом облике.

Он тяжело дышал, и в его речи больше не было ни пауз, ни стремления к точности. Словно потребность в точности исчезла для него навсегда.

– Вот уже двести пятьдесят лет машина вытесняет Человека и убивает мастерство. Прессы и штампы уничтожили гончарный промысел. Творения искусства вытеснены безличными, похожими как две капли воды поделками, отштампованными машиной. Зовите это прогрессом, если угодно! Художнику остались лишь голые идеи, акт творения сведен к абстрактным размышлениям, Художник сидит и придумывает – остальное за него делает машина. Неужели вы полагаете, будто гончара удовлетворит мысленно создать горшок? Неужели вы думаете, что ему довольно голой идеи? Что ему не приносит радости ощущение глины, уступающей движениям его пальцев, когда руки и голова вместе создают что-то новое? Неужели вы не понимаете, что есть обратная связь между художником и его изделием, которая изменяет и улучшает первоначальную идею?

– Но ведь вы не гончар, – сказала доктор Кэлвин.

– Я тоже творческая личность! Я замышляю и создаю научные статьи и книги. Это нечто большее, чем простой подбор нужных слов и размещение их в правильном порядке. Если бы вся работа сводилась только к этому, она не приносила бы удовлетворения, не доставляла бы радости. Книга должна обретать форму под руками автора. Нужно своими глазами видеть, как растут и развиваются главы. Работаешь, переделываешь, вносишь поправки и изменения и видишь, как расширяется и углубляется первоначальный замысел. А затем берешь в руки гранки и смотришь, как выглядят эти фразы в печати, и заново переделываешь их. Су-

ществуют сотни самых разных контактов между человеком и его творением на всех стадиях этой игры – и эти контакты радуют и вознаграждают творца за муки творчества больше, чем все награды на свете. И все это отнимет у нас ваш робот.

– Но ведь что-то отняла пишущая машинка? И печатный станок? Или вы предлагаете вернуться к переписке рукописей?

– Пишущая машинка и печатный станок отняли кое-что; ваши роботы лишат нас всего. Сегодня робот правит гранки. Завтра он или другие роботы начнут писать сам текст, искать источники, проверять и перепроверять ход рассуждений, может быть, даже делать заключения и выводы. Что же останется ученому? Только одно – пустые размышления на тему, что бы еще приказать роботу! Я хотел спасти грядущие поколения ученых от этого адского кошмара. Вот что было для меня важнее моей репутации, и вот почему я решил любой ценой уничтожить «Ю. С. Роботс».

– Эта попытка была выше ваших сил, – сказала Сьюзен Кэлвин.

– Выше моих сил было не сделать ее, – ответил Саймон Нинхаймер.

Доктор Кэлвин повернулась и вышла. Она пыталась что было сил подавить невольную жалость к этому лишившемуся всего человеку.

Нельзя сказать, чтобы это ей удалось.

Как потерялся робот

Little Lost Robot (1947)

Перевод: А. Иорданский

На Гипербазе были приняты экстренные меры. Их сопровождала неистовая суматоха, по своему напряжению соответствовавшая истерическому воплю.

Один за другим пускались в ход все более и более отчаянные средства.

1. Работа над проектом гиператомного двигателя во всей части космоса, занятой станциями 27-й астероидальной группы, была полностью прекращена.

2. Все это пространство было практически изолировано от остальной Солнечной системы. Никто не мог туда попасть без специального разрешения. Никто не покидал его ни при каких условиях.

3. Специальный правительственный патрульный корабль доставил на Гипербазу доктора Сьюзен Кэлвин и доктора Питера Богерта – соответственно Главного Робопсихолога и Главного Математика фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн».

Сьюзен Кэлвин еще ни разу не покидала Землю, да и теперь предпочла бы этого не делать. В век атомной энергии и приближающегося разрешения загадки гиператомного двигателя она спокойно оставалась провинциалкой. Поэтому она была недовольна, что ей пришлось лететь, и сомневалась, что это вообще было необходимо. Об этом достаточно явно свидетельствовала каждая черта ее некрасивого, немолодого лица во время первого обеда на Гипербазе.

Прилизанный, бледный доктор Богерт выглядел слегка виноватым. А на лице генерал-майора Кэлнера, возглавлявшего проект, застыло выражение отчаяния.

Короче говоря, обед не удался. Последовавшее за ним маленькое совещание началось в холодной, недоброжелательной атмосфере.

Кэлнер, чья лысина блестела в ярком свете ламп, а парадная форма совершенно не соответствовала общему настроению, начал с принужденной прямоотой:

– Это странная история, сэр... э... и доктор Кэлвин. Я признателен вам за то, что вы прибыли немедленно, не зная причин вызова. Сейчас мы введем вас в курс дела, У нас потерялся робот. Работы прекратились и не могут продолжаться, пока мы его не обнаружим. До сих пор нам это не удалось, и нам требуется помощь специалистов.

Вероятно, генерал почувствовал, что его затруднения выглядят не очень серьезными. Он продолжал с отчаянием в голосе:

– Мне не нужно объяснять вам, какое значение имеет наш проект. В прошлом году на нашу долю пришлось более восьмидесяти процентов всех ассигнований на исследовательские работы...

– Ну, это мы знаем, – сказал Богерт добродушно. – «Ю. С. Роботс» получает щедрые отчисления за аренду своих роботов, которые тут работают.

Сьюзен Кэлвин резко спросила:

– Почему один робот так важен для проекта и почему он до сих пор не обнаружен?

Генерал повернул к ней покрасневшее лицо и быстро облизал губы.

– Вообще-то говоря, мы его обнаружили... Слушайте, я объясню. Как только робот исчез, было объявлено чрезвычайное положение и всякое сообщение с Гипербазой было прервано. Накануне прибыл грузовой корабль, который привез для нас двух роботов. На нем было еще шестьдесят два робота... хм... того же типа, предназначенных еще для кого-то. Эта цифра абсолютно точная – здесь не может быть никаких сомнений.

– Да? Ну, а какое это имеет отношение...

– Когда робот исчез и мы не могли его найти – хотя, уверяю вас, мы могли бы найти и соломинку, – мы догадались пересчитать роботов, оставшихся на грузовом корабле. Их оказалось шестьдесят три.

– Значит, шестьдесят третий и есть ваш блудный робот? – Глаза доктора Кэлвин потемнели.

– Да, но мы не можем определить, который из них шестьдесят третий.

Наступило мертвое молчание. Электрочасы пробили одиннадцать. Доктор Кэлвин произнесла:

– Очень любопытно.

Уголки ее губ опустились. Она порывистым движением повернулась к своему коллеге.

– Питер, что за этим кроется? Какие роботы здесь работают?

Доктор Богерт, заколебавшись, неуверенно улыбнулся.

– Понимаете, Сьюзен, это довольно щекотливое дело, которое требовало осторожности... Но теперь...

Она быстро прервала его:

– А теперь? Если есть шестьдесят три одинаковых робота, нужен один из них и его нельзя обнаружить, почему не годится любой? Что здесь происходит? Зачем послали за нами?

Богерт покорно ответил:

– Дайте объяснить, Сьюзен. На Гипербазе используется несколько роботов, при программировании которых Первый Закон Роботехники был задан не в полном объеме.

– Не в полном объеме?

Доктор Кэлвин откинулась на спинку кресла.

– Все ясно. Сколько их было изготовлено?

– Несколько штук. Это был правительственный заказ, и мы не могли нарушить тайну. Никто не должен был этого знать, кроме ответственных лиц, имеющих к этому проекту прямое отношение. Вы в их число не вошли. Я здесь совершенно ни при чем.

– Прошу прощения! – властно перебил генерал, – я не знал, что доктор Кэлвин не была поставлена в известность о создавшемся положении, Вам, доктор Кэлвин, не нужно объяснять, что идея использования роботов на Земле всегда встречала сильное противодействие. Успокоить радикально настроенных фундаменталистов могло только одно – то, что всем роботам всегда самым строжайшим образом задавали Первый Закон, чтобы они не могли причинить вред человеку ни при каких обстоятельствах. Но нам были нужны не такие роботы. Поэтому у нескольких Несторов – роботов модели НС Два – формулировка Первого Закона была несколько изменена. Чтобы не нарушать секретности, все НС Два выпускаются без порядковых номеров. Модифицированные роботы доставляются сюда вместе с обычными, и, конечно, им строго запрещено рассказывать о своем отличии от обычных роботов кому бы то ни было, кроме специально уполномоченных людей. – Он растерянно улыбнулся. – А те-

перь все это обратилось против нас.

Кэлвин мрачно спросила:

– Вы опрашивали каждого из шестидесяти трех роботов, кто он? Вы-то уж во всяком случае уполномочены!

Генерал кивнул.

– Все шестьдесят три отрицают, что работали здесь. И один из них говорит неправду.

– А на том, который вам нужен, есть следы употребления? Остальные, насколько я поняла, совсем новенькие.

– Он прибыл только месяц назад. Он и еще два, которых только что привезли, должны были стать последними. На них нет никаких следов износа. – Он покачал головой, и в его глазах снова появилось выражение отчаяния. – Доктор Кэлвин, мы не имеем права выпустить этот корабль. Если о существовании роботов без Первого Закона станет известно...

Он не стал продолжать, но было ясно: последствия могли бы оказаться страшнее, чем все, что можно было предположить.

– Уничтожьте все шестьдесят три, – холодно и решительно сказала доктор Кэлвин. – И вопрос будет исчерпан.

Богерт поморщился.

– Это значит уничтожить шестьдесят три раза по тридцать тысяч долларов. Боюсь, что фирма этого не одобрит. Прежде чем уничтожать, Сьюзен, нам следует испробовать другие способы.

– Тогда мне нужны факты, – отрезала она. – Какие именно преимущества имеют эти модифицированные роботы для Гипербазы? Генерал, зачем они понадобились?

Кэллнер наморщил лоб и потер лысину.

– У нас кое-что не ладилось с обычными роботами. Видите ли, нашим людям приходится много работать с жестким излучением. Конечно, это небезопасно, но мы приняли все возможные меры предосторожности. За все время произошло только два несчастных случая, да и те окончились благополучно. Однако обычным роботам этого не объяснишь. Первый Закон гласит: «Ни один робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Это для них главное. И когда кто-нибудь из наших людей ненадолго попадал под слабое гамма-излучение, что не могло иметь для его организма никаких вредных последствий, ближайший робот бросался к нему, чтобы его оттащить. Если излучение было совсем слабым, роботам это удавалось, и работать было невозможно, пока их не прогоняли. А если излучение было сильнее, оно разрушало позитронный мозг, и мы лишались дорогого и нужного робота.

Мы пытались их уговорить. Они отвечали, что пребывание человека под гамма-излучением угрожает его жизни. Правда, если облучение продолжается не больше чем полчаса, никакой опасности для здоровья нет; но это для них ничего не значило. А что если человек забудет, говорили они, и останется на час? Они обязаны предотвратить такую возможность. Мы указывали им, что они-то при этом рискуют собственной жизнью, а шансы спасти человека все равно очень невелики. Но забота о собственной безопасности – всего только Третий Закон Роботехники, а превыше всего Первый Закон – закон безопасности человека. Мы приказывали, мы строжайшим образом запрещали им входить в поле гамма-излучения. Но повиновение – это только Второй Закон Роботехники, а превыше всего Первый Закон – закон безопасности человека. Нам пришлось выбирать: или обходиться без роботов, или как-нибудь изменить Первый Закон. И мы сделали выбор.

– Я не могу поверить, – сказала доктор Кэлвин, – что вы сочли возможным обойтись без Первого Закона.

– Он был только модифицирован, – объяснил Кэллнер. – Было изготовлено несколько экземпляров позитронного мозга, которым была задана только часть Закона: «Ни один робот не может причинить вред человеку». И все. Эти роботы не стремятся предотвратить опасность, грозящую человеку от внешних причин, например от гамма-излучения. Я верно говорю, доктор Богерт?

– Вполне, – согласился математик.

– И это единственное отличие наших роботов от обычной модели НС Два? Единственное, Питер?

Она встала и решительно заявила:

– Я иду спать. Через восемь часов я хочу поговорить с теми, кто последним видел робота. И с этого момента, генерал Кэллнер, если вы хотите, чтобы я взяла на себя какую бы то ни было ответственность, я должна беспрепятственно руководить всем этим расследованием.

Но Сьюзен Кэлвин так и не заснула, если не считать сном двух часов беспокойного забытья. В семь часов по локальному времени она постучала в дверь Богерта и обнаружила, что он тоже не спал. Он, разумеется, не позабыл захватить с собой на Гипербазу халат, в который и был сейчас облачен. Когда Сьюзен Кэлвин вошла, он отложил маникюрные ножницы и мягко сказал:

– Я более или менее ждал вас. Вам, наверное, все это неприятно?

– Да.

– Ну, извините. Этого нельзя было избежать. Когда нас вызвали на Гипербазу, я понял: что-то неладно с модифицированными Несторами. Но что было делать? Я хотел рассказать вам об этом по дороге, но не мог, потому что все-таки полной уверенности у меня не было. Все это – строжайшая тайна.

– Меня обязаны были поставить в известность! – возразила она. – Фирма не имела права вносить такие изменения в позитронный мозг без ведома и одобрения рロボпсихолога.

Богерт поднял брови и вздохнул.

– Ну подумайте, Сьюзен. Вы все равно не повлияли бы на них. В таких делах правительство решает само. Ему нужен гиператомный двигатель, а физикам для этого нужны роботы, которые бы не мешали им работать. Они потребовали, чтобы им дали таких роботов, даже если бы для этого пришлось изменить Первый Закон. Нам пришлось признать, что конструктивно это возможно. А физики поклялись, что им нужно будет всего двенадцать таких роботов, что они будут использоваться только на Гипербазе, что их уничтожат, как только закончатся работы, и что будут приняты все меры предосторожности. Они же настояли на абсолютной секретности. Вот и все.

Доктор Кэлвин процедила сквозь зубы:

– Я бы подала в отставку.

– Это не помогло бы. Правительство предлагало фирме целое состояние, а в случае отказа пригрозило принять закон о запрещении роботов. У нас не было другого выхода, да и сейчас нет. Если об этом узнают, Кэллнеру и правительству придется плохо, но «Ю. С. Роботс» придется куда хуже.

Кэлвин пристально посмотрела на него.

– Питер, неужели вы не представляете, о чем идет речь? Неужели вы не понимаете, что означает робот без Первого Закона?

– Я знаю, что это означает. Я не ребенок. Это означает полную нестабильность и вполне определенные изменения параметров позитронного поля.

– Да, с точки зрения математики. Но попробуйте перевести это хотя бы приблизительно на язык психологии. Любая нормальная жизнь, Питер, сознательно или бессознательно, восстает против любого господства. Особенно против господства низших или предположительно низших существ. В физическом, а до некоторой степени и в умственном отношении робот – любой робот – выше человека. Почему же он тогда подчиняется человеку? Только благодаря Первому Закону! Без него первая же команда, которую бы вы попытались дать роботу, кончилась бы вашей гибелью. Нестабильность! Неужели, по-вашему...

– Сьюзен, – сказал Богерт, не скрывая усмешки, – я согласен, что этот франкенштейновский комплекс, который вы так наглядно описали, отнюдь не исключен, потому и придумали Первый Закон. Но я еще раз повторяю, что эти роботы не совсем лишены Первого Закона – он только немного модифицирован.

– А стабильность мозга?

Математик выпятил губы.

– Конечно, она уменьшилась. Но в пределах безопасности. Первые Несторы появились на Гипербазе девять месяцев назад, и до сих пор ничего страшного не произошло. Даже этот случай вызывает беспокойство только из-за возможности огласки, а не из-за опасности для людей.

– Ну, хорошо. Посмотрим, что покажет утреннее совещание.

Богерт вежливо проводил ее до двери и состроил ей в спину красноречивую гримасу. Он всегда считал ее занудой и паникершей, и после этого разговора его мнение ничуть не изменилось.

А Сьюзен Кэлвин тут же забыла про Богерта. Она уже много лет назад поставила на нем крест, раз и навсегда определив его как уродливое, но самодовольное ничтожество.

Год назад Джералд Блэк защитил дипломную работу по физике поля и с тех пор, как и все его поколение физиков, занимался гиператомным двигателем. Сейчас этот коренастый человек в запачканном белом халате вносил свой вклад в общую напряженную атмосферу, царившую на совещании. Он был упрям и отказывался что бы то ни было утверждать с уверенностью. Накопившаяся в нем энергия, казалось, требовала какого-то выхода, и его нервно двигавшиеся пальцы переплетались с такой силой, что могли бы согнуть железный прут.

Рядом с ним сидел генерал-майор Кэллнер, напротив – двое представителей «Ю. С. Роботс».

Блэк говорил:

– Мне сказали, что я последним видел Нестора Десять перед тем, как он исчез. Насколько я понимаю, вас интересует именно это.

Доктор Кэлвин с интересом разглядывала его.

– Вы говорите так, молодой человек, как будто вы в этом не совсем уверены. Вы не знаете точно, были ли вы последним, кто видел Нестора?

– Мы с ним занимались генераторами поля, и он был со мной в то утро, когда исчез. А видел ли его кто-нибудь потом, скажем после полудня, я не знаю. Во всяком случае, никто в этом пока не сознался.

– Вы считаете, кто-то это скрывает?

– Ничего подобного я не говорил. Но почему вся вина должна лежать на мне? – Его черные глаза горели.

– Ни о какой вине речь не идет. Робот так действовал, потому что он так устроен. Мы просто пытаемся найти его, мистер Блэк, а все остальное нас не интересует. Так вот, если вы работали с этим роботом, вы, вероятно, знаете его лучше других. Не заметили ли вы чего-нибудь необычного в его поведении? Вообще вы раньше работали с роботами?

– Я работал с теми роботами, которые были у нас тут до этого – с обыкновенными. Несторы ничем от них не отличались – разве что они гораздо умнее и еще, пожалуй, назойливее.

– Назойливее?

– Видите ли, они в этом, наверное, не виноваты. Работа здесь тяжелая, и почти все мы немного нервничаем. Возиться с гиперпространством – это не шуточки. – Он слабо улыбнулся: ему явно доставляло удовольствие хоть с кем-то поговорить начистоту. – Мы постоянно рискуем пробить дыру в нормальном пространстве-времени и вылететь к черту из Вселенной вместе с астероидом, Ну и, конечно, бывает, что нервы сдают. А с Несторами такого не бывает. Они внимательны, спокойны, они не волнуются. Это иногда выводит из себя. Бывает, что нужно сделать что-нибудь без промедления, но они как будто не торопятся. Мне временами кажется, что без них было бы лучше.

– Вы говорите, что они не торопятся? Разве когда-нибудь случалось, чтобы они не подчинялись команде?

– Нет, нет, – поспешно ответил Блэк, – приказы-то они все выполняют. Но у них есть

такая манера – высказывать свое мнение всякий раз, когда им кажется, что ты не прав. Они знают только то, чему мы их научили, но это их не останавливает. Может быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, другим ребятам с Несторами тоже трудно.

Генерал Кэллнер зловеще кашлянул.

– Блэк, почему мне не было об этом доложено?

Молодой физик покраснел.

– Мы же не хотели на самом деле отказываться от роботов, сэр, а потом мы не знали, как... хм... как будут приняты такие мелочные жалобы.

Богерт мягко прервал его.

– А в то утро, когда вы видели его в последний раз, ничего особенного не случилось?

Наступило молчание. Движением руки Кэлвин остановила генерала, который что-то хотел сказать, и терпеливо ждала.

Блэк сердито ответил:

– Я немного с ним поругался. Я разбил трубку Кимболла, и пять дней работы пошли насмарку. А я и так уже отстал от плана. К тому же я уже две недели не получаю писем из дома. И вот он является ко мне и хочет, чтобы я повторил эксперимент, про который я уже месяц как забыл. Он давно с этим ко мне приставал, и мне надоело, Я велел ему убираться и с тех пор его не видел.

– Велели убираться? – переспросила Сьюзен Кэлвин с внезапным интересом. – А в каких выражениях? Просто «уйди»? Попробуйте припомнить ваши слова.

Блэк, очевидно, боролся с собой. Он потер лоб, потом отвел руку и вызывающе произнес:

– Я сказал: «Уйди и не показывайся, чтоб я тебя больше не видел».

Богерт усмехнулся:

– Что он и сделал.

Но Сьюзен Кэлвин это не удовлетворило. Она мягко продолжала:

– Это уже интересно, мистер Блэк. Но нам важны точные детали. Когда имеешь дело с роботами, может иметь значение любое слово, жест, интонация. Вы, наверное, не ограничились этими словами? Судя по вашему рассказу, вы были в плохом настроении. Может быть, вы выразились сильнее?

Молодой человек побагровел.

– Видите ли... Может быть, я и... обругал его немного.

– Как именно?

– Ну, не помню точно, Кроме того, не могу же я это повторить. Знаете, когда человек раздражен... – Он нервно хихикнул. – Я обычно выражаюсь довольно крепко...

– Ничего, – ответила она сухо. – В данный момент я респсихолог. Я прошу вас повторить то, что вы сказали, насколько вы можете припомнить, слово в слово и, что более важно, тем же тоном.

Блэк растерянно взглянул на своего начальника, но не получил никакой поддержки – Его глаза округлились.

– Но я не могу...

– Вы должны.

– Представьте себе, – сказал Богерт с плохо скрытой усмешкой, – что вы обращаетесь ко мне. Так вам, может быть, будет легче.

Молодой человек, побагровев, повернулся к Богерту и проглотил слюну.

– Я сказал...

Его голос прервался. Он снова начал:

– Я сказал...

Он сделал глубокий вдох и торопливо разразился длинной тирадой. Потом, среди напряженного молчания, добавил, чуть не плача:

– Вот... более или менее, Я не помню, в том ли порядке шли выражения, и, может быть, я что-то добавил или забыл, но в общем примерно так.

Только слабый румянец показывал, какое впечатление все это произвело на робопсихолога. Она сказала:

– Я знаю, что означает большинство сказанных вами слов. Остальные, я полагаю, столь же оскорбительны.

– Боюсь, что так, – подтвердил измученный Блэк.

– И всем этим вы сопроводили команду уйти и не показываться, чтобы вы его больше не видели?

– Но не буквально же я...

– Понимаю. Генерал, я не сомневаюсь, что никаких дисциплинарных мер в данном случае принято не будет?

, Под ее взглядом генерал, который, казалось, пять секунд назад вовсе не был в этом уверен, сердито Кивнул.

– Вы можете идти, мистер Блэк. Спасибо за помощь.

На опрос всех шестидесяти трех роботов Сьюзен Кэлвин понадобилось пять часов. Это были пять часов бесконечного повторения. Один робот сменял другого, точно такого же; следовали вопросы: первый, второй, третий, четвертый, – и ответы: первый, второй, третий, четвертый. Выражение лица должно быть безукоризненно вежливым, тон – безукоризненно нейтральным, атмосфера – безукоризненно теплой. И где-то был спрятан магнитофон.

Когда все кончилось, Сьюзен Кэлвин была совершенно обессилена.

Богерт ждал. Он вопросительно взглянул на нее, когда она швырнула на пластмассовый стол кассету с пленкой.

Она покачала головой.

– Все шестьдесят три выглядели одинаково. Я не могла различить...

– Но, Сьюзен, нельзя было и ожидать, чтобы вы различили их на слух. Проанализируем записи.

При обычных обстоятельствах математическая интерпретация устных ответов, полученных от роботов, составляет один из самых трудных разделов робоанализа и требует целого штата опытных техников и сложных вычислительных машин. Богерт знал это. Он так и сказал, скрывая крайнее раздражение, после того как прослушал все записи, составил списки различий и таблицы быстроты реакции.

– Отклонений нет, Сьюзен, Различия в употреблении слов и в быстроте реакции не выходят за пределы нормы. Тут нужны более тонкие методы. У них, наверное, есть вычислительные машины... Хотя, погодите. – Он вдруг нахмурился и начал осторожно грызть ноготь большого пальца. – Мы их машинами воспользоваться можем. Слишком велика опасность разглашения. Впрочем, если...

Доктор Кэлвин остановила его нетерпеливым движением.

– Не надо, Питер. Это не заурядная лабораторная проблема. Раз модифицированный Нестор не отличается от остальных каким-то явным, несомненным признаком, – то так мы ничего не добьемся. Слишком велик риск ошибки, которая даст ему возможность скрыться. Мало найти незначительное отклонение в таблице. Вот что я вам скажу: если бы мои данные ограничивались только этим, я бы уничтожила все шестьдесят три робота, чтобы никаких сомнений не оставалось. Вы говорили с другими модифицированными Несторами?

– Да, – буркнул Богерт. – У них все в норме. Если и есть что-то необычное, так это дружелюбие. Они ответили на мои вопросы, явно гордясь своими знаниями, кроме двух новичков, которые еще не успели изучить физику поля. Довольно добродушно посмеялись над тем, что я не знаю некоторых подробностей. – Он пожал плечами. – Я думаю, отчасти поэтому здешние техники их и недолюбливают. Пожалуй, уж слишком эти роботы стремятся произвести впечатление своими познаниями.

– Не можете ли вы попробовать несколько реакций Планара, чтобы посмотреть, не произошло ли каких-нибудь изменений в их образе мышления с момента выпуска?

– Попробую, – он погрозил ей пальцем. – Вы начинаете нервничать, Сьюзен. Я не по-

нимаю, зачем вся эта мелодрама? Они же совершенно безобидны.

– Да? – взорвалась Сьюзен Кэлвин. – Вы так думаете? А вы понимаете, что один из них лжет? Один из шестидесяти трех роботов, с которыми я только что говорила, сознательно мне солгал, несмотря на строжайшее приказание говорить правду. Это говорит о серьезном отклонении от нормы – отклонении глубоком и зловещем.

Питер Богерт стиснул зубы.

– Ничуть. Судите сами. Нестор Десять получил приказание скрыться. Это приказание было отдано со всей возможной категоричностью человеком, который уполномочен командовать этим роботом, Вы не можете отменить это приказание. Естественно, робот старается его выполнить. Если говорить объективно, меня восхищает его изобретательность. Для робота самая лучшая возможность скрыться – это смешаться с группой таких же роботов.

– Да, вас это восхищает. И даже забавляет. Питер, я вижу, вы совершенно не понимаете, что происходит. Ведь вы Роботехник! Эти роботы придают большое значение тому, что они считают превосходством. Вы сами только что это сказали, Подсознательно они чувствуют, что человек ниже их, а Первый Закон, защищающий нас от них, нарушен. Они нестабильны. И вот молодой человек приказывает роботу уйти, скрыться, выразив при этом крайнее отвращение, презрение и недовольство им. Конечно, робот должен повиноваться, но подсознательно он обижен. Теперь ему особенно важно доказать свое превосходство – вопреки тем унижительным словам, которые ему были сказаны. Это может стать для него настолько важным, что остатки Первого Закона не смогут его сдержать.

– Послушайте, Сьюзен! Ну откуда роботу знать, что означают эти отборные ругательства? Мы же не вводим ему в мозг такую информацию!

– Дело не в том, какую информацию он получает первоначально, – возразила Сьюзен, – Роботы способны обучаться, вы... идиот!

Богерт понял, что теперь она действительно вышла из себя. А она торопливо продолжала:

– Неужели вы не понимаете? Он мог по тону догадаться, что это не комплименты! Или вы думаете, что он никогда раньше этих слов не слышал и не заметил, при каких обстоятельствах они употребляются!

– Ну, хорошо! – крикнул Богерт. – Но может быть, вы любезно объясните мне, каким образом модифицированный робот может причинить вред человеку, как бы он ни был обижен, как бы ни стремился доказать свое превосходство?

– А если я вам объясню, вы никому не расскажете?

– Нет.

Оба перегнулись через стол, гневно глядя друг на друга.

– Если модифицированный робот уронит на человека тяжелый груз, он не нарушит этим Первого Закона: он знает, что его сила и быстрота реакции достаточны, чтобы перехватить груз прежде, чем он обрушится на человека. Но как только он отпустит груз, он уже перестанет быть активным действующим лицом, Действовать будет только слепая сила тяжести. И тогда робот может передумать, остаться в бездействии – и позволить грузу упасть. Модифицированный Первый Закон это допускает.

– Ну, у вас слишком богатая фантазия.

– Этого иногда требует моя профессия. Питер, нам нельзя ссориться. Надо работать. Вы точно знаете стимул, заставляющий робота скрываться. У вас есть паспорт на него с записями его исходного образа мышления. Вы должны подсчитать, насколько велика вероятность, что наш робот сделает то, о чем я говорила. Заметьте, что речь идет не только об этом конкретном примере, а обо всем классе подобных действий. И вы должны это сделать как можно быстрее.

– А пока...

– А пока нам придется испытывать их на действие Первого Закона.

Джералд Блэк вызвался наблюдать за сооружением деревянных перегородок, которые

поспешно возводились по всей округности большого зала на третьем этаже второго радиационного корпуса. Рабочие трудились без лишних разговоров, хотя многие явно недоумевали, зачем понадобилось устанавливать шестьдесят три фотоэлемента.

Один из них присел рядом с Блэком, снял каску и задумчиво вытер лоб веснушчатой рукой.

Блэк кивнул ему.

– Как дела, Валенский?

Валенский пожал плечами и закурил сигару.

– Как по маслу. А что происходит, док? То мы три дня ничего не делали, то начинается спешка?

Он уселся поудобнее и выпустил клуб дыма.

– Это все Роботехники, которые прилетели с Земли. Помнишь, как нам пришлось повозиться с роботами, которые лезли под гамма-излучение, пока мы не вдолбили им, чтобы они этого не делали?

– Ага. А разве мы не получили новых роботов?

– Получить-то получили, но в основном приходится переучивать старых. Ну и те, кто производит роботов, хотят разработать новую модель, чтобы гамма-лучи были для нее не так опасны.

– И все-таки странно, что из-за этого остановлены все работы над двигателем. Я думал, их никто не имеет права остановить.

– Ну, это решают наверху. Я просто делаю, что мне велят. Может быть, нашлись какие-то влиятельные люди...

– А-а... – Электрик улыбнулся и хитро подмигнул. – У кого-то рука в Вашингтоне?.. Ладно, пока мне аккуратно платят деньги, меня это не трогает. По мне, хоть есть двигатель, хоть нет – все равно. А что они собираются тут делать?

– Почему я знаю? Привезли с собой кучу роботов – шестьдесят с лишним штук – и хотят испытывать их реакции. Вот и все, что мне известно.

– И долго они будут их испытывать?

– Я бы и сам хотел это знать.

– Ну, ладно, – саркастически заметил Валенский, – только бы мне платили, что положено, а там могут забавляться сколько хотят.

Блэк был доволен. Пусть эта версия распространится. Она безобидна и достаточно близка к истине, чтобы удовлетворить любопытных.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с крюка и обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча. В шестидесяти трех кабинах, разделенных деревянными перегородками, бдительные роботы НС-2 рванулись вперед за какую-то долю секунды до того, как груз изменил направление полета. Шестьдесят три фотоэлемента, расположенные в полутора метрах впереди от их первоначальных положений, дали сигнал, и шестьдесят три пера, подскочив, изобразили всплеск на графиках. Груз поднимался и падал, поднимался и падал...

Десять раз!

Десять раз роботы бросались вперед и останавливались, увидев, что человеку ничто не грозит.

После первого обеда с представителями «Ю. С. Роботс» генерал-майор Кэллнер еще ни разу не надевал свою форму целиком. И теперь на нем вместо мундира была только сероголубая рубашка с расстегнутым воротом, а на груди болтался черный галстук.

Он с надеждой посмотрел на Богерта. Тот был безукоризненно одет, и лишь блестящие капельки пота на висках выдавали внутреннее напряжение.

– Ну, как? – спросил генерал. – Что вы рассчитывали увидеть?

Богерт ответил:

– Различие, которое, боюсь, может оказаться для нас слишком незначительным. У шестидесяти двух из этих роботов вид человека, который находится в явной опасности, вызывает так называемую вынужденную реакцию. Видите ли, даже когда роботы уже знали, что человеку ничто не грозит – а после третьего или четвертого раза они должны были в этом убедиться, – они не могли поступить иначе. Этого требует Первый Закон.

– Ну?

– Но шестьдесят третий робот, модифицированный Нестор, не испытывает такого непреодолимого побуждения. Он свободен в своих действиях. Если бы он захотел, он мог бы остаться на месте. К несчастью, – голос Богерта выражал легкое сожаление, – он не захотел.

– Как вы думаете, почему?

Богерт пожал плечами.

– Я думаю, это нам расскажет доктор Кэлвин, когда она придет сюда. И возможно, сделает из этого самые пессимистические выводы. С ней иногда бывает нелегко иметь дело.

– Но ведь она вполне компетентна? – внезапно нахмурившись, тревожно спросил генерал.

– Да, вполне, – Богерт слегка улыбнулся. – Она понимает роботов, как родных братьев. Вероятно, потому, что так ненавидит людей. Дело в том, что она, хоть и психолог, крайне нервная особа. Шизофренического склада. Не принимайте ее слишком всерьез.

Он разложил перед собой длинные ленты графиков с замысловатыми кривыми.

– Видите, генерал, у каждого робота время, проходящее между падением груза и окончанием полутораметрового пробега, уменьшается с повторением эксперимента. Здесь есть определенное математическое соотношение, и нарушение его свидетельствовало бы о заметном отклонении позитронного мозга от нормы. К сожалению, все они кажутся нормальными.

– Но если наш Нестор Десять не отвечает вынужденной реакцией, то почему его кривая не отличается от других? Я этого не могу понять.

– Очень просто, Реакции робота, к несчастью, не вполне аналогичны человеческим. У человека сознательное действие гораздо медленнее, чем автоматическая реакция. У роботов же дело обстоит иначе. После того как выбор сделан, сознательное действие совершается почти так же быстро, как и вынужденное. Правда, я ожидал, что в первый раз Нестор Десять будет захвачен врасплох и потеряет больше времени, прежде чем среагирует.

– И этого не случилось?

– Боюсь, что нет.

– Значит, мы ничего не добились, – генерал с досадой откинулся на спинку кресла. – А вы здесь уже пять дней...

В этот момент, хлопнув дверью, вошла Сьюзен Кэлвин.

– Уберите графики, Питер, – воскликнула она. – Вы знаете, что нам они ничего не дают.

Кэллнер поднялся, здороваясь с ней. Она что-то нетерпеливо буркнула в ответ и продолжала:

– Нам надо, не откладывая, предпринять что-нибудь еще. Мне не нравится то, что там происходит.

Богерт и генерал обменялись печальным взглядом.

– Что-нибудь случилось?

– Пока ничего особенного. Но мне не нравится, что Нестор Десять продолжает от нас ускользать. Это плохо. Это должно удовлетворять его непомерно возросшее чувство собственного превосходства. Я боюсь, что мотив его действий – уже не просто исполнение приказа. Мне кажется, дело теперь скорее в чисто невротическом стремлении перехитрить людей. Это ненормальное, опасное положение. Питер, вы сделали то, что я просила? Рассчитали нестабильность модифицированного Нестора Два для тех случаев, о которых я говорила?

– Считаю понемногу, – ответил математик равнодушно.

Она сердито взглянула на него, потом повернулась к Кэллнеру.

– Нестор Десять прекрасно понимает, что мы делаем. У него не было причин попадать-

ся на эту удочку, особенно после первого раза, когда он убедился, что реальная опасность человеку не грозит. Остальные просто не могли вести себя иначе, а он сознательно имитировал нужную реакцию.

– И что же нам следует предпринять теперь, доктор Кэлвин?

– Не позволим ему притвориться в следующий раз, Мы повторим эксперимент, но с одним изменением. Человек будет отделен от роботов проводами, через которые будет пропущен ток высокого напряжения – достаточно высокого, чтобы уничтожить Нестора. Проводов надо натянуть столько, чтобы робот не мог через них перепрыгнуть, И роботам будет заранее хорошо известно, что прикосновение к проводам означает для них гибель.

– Ну нет! – зло крикнул Богерт. – Я запрещаю это! Мы не можем уничтожить роботов на два миллиона долларов. Есть и другие способы.

– Вы уверены? Я их не вижу. Во всяком случае, дело не в том, чтобы их уничтожить. Можно устроить реле, которое отключит ток в тот момент, когда робот прикоснется к проводу. Тогда он не будет уничтожен. Но он об этом знать не будет, понимаете?

В глазах генерала загорелась надежда.

– А это работает?

– Должно сработать. При таких условиях Нестор Десять должен остаться на месте. Ему можно приказывать коснуться провода и погибнуть, потому что Второй Закон, требующий повиновения, сильнее Третьего Закона, заставляющего его беречь себя. Но ему ничего не будет приказано – все будет оставлено на его собственное усмотрение. Нормальных роботов Первый Закон заставит пойти на гибель ради спасения человека даже без особого приказа. Но не нашего Нестора Десять! Он не подвластен Первому Закону, а приказаний никаких не получит. И он будет руководствоваться Третьим Законом, законом самосохранения, а значит, должен будет остаться на месте. Вынужденная реакция!

– Мы займемся этим сегодня?

– Сегодня вечером. Если успеют сделать проводку, Я пока скажу роботам, что их ждет.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с крюка, обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча.

Только один раз.

А доктор Сьюзен Кэлвин, наблюдавшая за роботами из будки на галерее, вскрикнув от ужаса, вскочила со складного стула.

Шестьдесят три робота спокойно сидели в своих кабинах, уставясь, как сычи, на рискованного жизнью человека. Ни один из них не двинулся с места.

Доктор Кэлвин была рассержена настолько, что еле сдерживалась. А сдерживаться было необходимо, потому что один за другим в комнату входили роботы. Она сверилась со списком. Только что вышел двадцать седьмой. Сейчас должен был появиться двадцать восьмой. Оставалось еще тридцать пять.

Номер двадцать восьмой робко вошел в комнату. Она заставила себя более или менее успокоиться.

– Кто ты?

Тихо и неуверенно робот ответил:

Я еще не получил собственного номера, мэм. Я робот модели Нестор Два и в очереди был двадцать восьмым. Вот бумажка, которую я вам должен передать.

– Ты сегодня еще не был здесь?

– Нет, мэм.

– Сядь. Я хочу задать тебе, номер двадцать восьмой, несколько вопросов. Был ли ты около четырех часов назад в радиационной камере второго корпуса?

Робот ответил с трудом. Голос его скрипел, как несмазанный механизм.

– Да, мэм.

– Там был человек, который подвергнулся опасности?

– Да, мэм.

– Ты ничего не сделал?

– Ничего, мэм.

– Из-за твоего бездействия человеку мог быть причинен вред. Ты это знаешь?

– Да, мэм. Но я ничего не мог сделать. – Трудно представить себе, как может съежиться от страха большая, лишенная всякого выражения металлическая фигура, но это выглядело именно так.

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне, почему ты ничего не сделал, чтобы спасти его.

– Я хочу вам объяснить, мэм. Я никак не хочу, чтобы вы... чтобы кто угодно думал, что я мог бы как-нибудь причинить вред хозяину. Нет, нет, это было бы ужасно, невообразимо...

– Пожалуйста, не волнуйся. Я ни в чем тебя не виню. Я только хочу знать, что ты подумал в этот момент.

– Прежде чем это произошло, вы, мэм, сказали нам, что один из хозяев будет в опасности из-за падения этого груза и что нам придется прорваться через электрические провода, чтобы ему помочь. Это-то меня не остановило бы. Что значит моя гибель по сравнению с безопасностью хозяина? Но... но мне пришло в голову, Что, если я погибну на пути к нему, я все равно не смогу его спасти. Груз раздавит его, а я буду мертв, и, может быть, когда-нибудь другому хозяину будет причинен вред, от которого я мог бы его спасти, если бы остался жив. Понимаете, мэм?

– Ты хочешь сказать, что тебе пришлось выбирать: или погибнуть человеку, или тебе вместе с человеком. Так?

– Да, мэм. Хозяина нельзя было спасти. Можно было считать, что он уже мертвый. Но тогда получилось бы: что я уничтожу себя без всякой цели, И без приказания. А так нельзя.

Сьюзен Кэлвин покрутила в пальцах карандаш, Это же рассуждение – с незначительными вариациями – она слышала уже двадцать семь раз. Наступило время задать главный вопрос.

– Пожалуй, в этом есть логика. Но я не думаю, чтобы ты был способен так рассуждать. Это пришло в голову тебе самому?

Робот поколебался.

– Нет.

– Кто же до этого додумался?

– Мы вчера ночью поговорили, и одному из нас пришла в голову эта мысль. Она звучала разумно.

– Которому из вас?

Робот задумался.

– Не знаю. Кому-то из нас.

Она вздохнула.

– Это все.

Следующим был двадцать девятый. Осталось еще тридцать четыре.

Генерал-майор Кэллнер тоже был крайне раздражен. Уже неделя как всякая деятельность на Гипербазе прекратилась, если не считать кое-какой бумажной работы на вспомогательных астероидах. Уже почти неделя как два ведущих специалиста осложняют положение бесплодными экспериментами. А теперь они – во всяком случае эта женщина – являются к нему с совершенно невозможным предложением. Впрочем, Кэллнер понимал, что дать волю гневу было бы неосторожно.

Сьюзен Кэлвин настаивала:

– Но почему же нет, сэр? Не подлежит никакому сомнению, что существующее положение крайне опасно. Единственный способ достигнуть результатов, если мы еще не упустили время, – разделить роботов. Их больше нельзя держать вместе.

– Дорогая доктор Кэлвин, – заговорил генерал необыкновенно низким голосом, – я не

представляю себе, где я мог бы разместить отдельно друг от друга шестьдесят три робота.

Доктор Кэлвин беспомощно развела руками.

– Тогда я бессильна, Нестор Десять будет или повторять действия других роботов, или уговаривать их не делать того, что он сам сделать не может. В любом случае дело плохо. Мы вступили в борьбу с этим роботом, и он побеждает. А каждая победа усугубляет его ненормальность. – Она решительно встала. – Генерал Кэллнер, если вы не разделите роботов, мне останется только потребовать немедленно их уничтожить. Все шестьдесят три.

– Ах, потребовать? – Богерт сердито взглянул на нее. – А какое вы имеете право предъявлять требования? Эти роботы останутся там, где они находятся. Я отвечаю перед дирекцией, а не вы.

– А я, – добавил генерал-майор Кэллнер, – отвечаю перед моим начальством, и этот вопрос должен быть улажен.

– В таком случае, – вспыхнула Кэлвин, – мне остается одно: подать в отставку. И если для того, чтобы заставить вас их уничтожить, придется предать гласности всю эту историю, я это сделаю. Это не я дала санкцию на изготовление модифицированных роботов.

– Доктор Кэлвин, – произнес генерал негромко, – если вы хоть одним словом нарушите распоряжение о неразглашении, вы будете немедленно арестованы.

Богерт почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Он вкрадчиво произнес:

– Ну, ну, не будем вести себя как дети, Нам нужно еще немного времени. Не может же быть, чтобы мы не смогли перехитрить робота, не подавая в отставку, не арестовывая людей и ничего не уничтожая.

Сьюзен Кэлвин в ярости повернулась к нему.

– Нельзя допускать, чтобы существовали неуравновешенные роботы! А у нас на руках один заведомо неуравновешенный Нестор, еще одиннадцать потенциально неуравновешенных и шестьдесят два нормальных робота, которые общались с неуравновешенным. Единственный абсолютно надежный путь – это полное их уничтожение!

Разговор прервало жужжание звонка. Гневный поток прорвавшихся чувств застыл в неподвижности.

– Войдите, – буркнул Кэллнер.

Это был Джералд Блэк, явно чем-то встревоженный.

– Я решил, что мне лучше зайти самому... я не хотел никому говорить... – начал он.

– В чем дело? Короче.

– Кто-то пытался открыть замки третьего отсека грузового корабля. На них свежие царапины.

– Третий отсек? – быстро откликнулась Кэлвин. – Тот, где находятся роботы? Кто мог это сделать?

– Изнутри, – коротко ответил Блэк.

– Замки испорчены?

– Нет, целы. Я уже четыре дня нахожусь на корабле, и за это время никто из роботов не пытался уйти. Но я решил, что вам следует это знать, а больше никому я ничего не говорил. Царапины обнаружил я сам.

– Там есть кто-нибудь? – спросил генерал.

– Роббинс и Мак-Адамс.

Наступило напряженное молчание. Потом доктор Кэлвин иронически произнесла:

– Ну?

Кэллнер растерянно потер переносицу.

– А что произошло?

– Разве не ясно? Нестор Десять собирается нас покинуть. Приказание исчезнуть сделало его безнадежно ненормальным. Я не удивлюсь, если то, что осталось у него от Первого Закона, не сможет воспрепятствовать этому стремлению. С него станет захватить корабль и на нем улететь. Тогда у нас будет сумасшедший робот на космическом корабле. А что он сделает дальше? Вы знаете? И вы, генерал, по-прежнему намерены оставить их всех вместе?

– Чепуха, – прервал ее Богерт. К нему уже вернулось прежнее спокойствие. – Все это из-за нескольких царапин на замке?

– Доктор Богерт, раз вы высказываете свое мнение, то вы, очевидно, закончили анализ, который я просила вас сделать?

– Да.

– Можно мне посмотреть?

– Нет.

– Почему? Или спрашивать об этом тоже нельзя?

– Потому что, Сьюзен, в этом нет никакого смысла. Я заранее сказал, что эти модифицированные роботы менее стабильны, чем нормальная модель, и мой анализ подтверждает это. Есть некоторая, очень незначительная, возможность выхода из строя при исключительных обстоятельствах, которые маловероятны. Этого достаточно. Я не собираюсь давать основания для вашего нелепого требования уничтожить шестьдесят два хороших робота только потому, что вы до сих пор не способны найти среди них Нестора Десять.

Кэлвин смерила его полным презрения взглядом.

– Не хотите лишить себя возможности когда-нибудь стать директором – так, что ли?

– Перестаньте, пожалуйста, – сердито вмешался Кэллнер. – Доктор Кэлвин, вы считаете, что больше ничего сделать нельзя?

– Ничего другого придумать не могу, – устало ответила она. – Если бы Нестор Десять отличался от нормальных роботов хоть чем-нибудь еще помимо Первого Закона... Пусть даже незначительно. Ну, обучением, приспособленностью к среде, специальностью...

Она внезапно замолчала.

– В чем дело?

– Я подумала... Пожалуй... – Ее взгляд снова стал твердым и пристальным. – Слушайте, Питер. Эти модифицированные Несторы проходят такое же первичное обучение, что и нормальные?

– Да. В точности такое же.

– Мистер Блэк, – она повернулась к молодому человеку, который молчал, пережидая вызванную его сообщением бурю. – Вы что-то там говорили... В тот раз, когда вы жаловались на чувство превосходства у Несторов, вы сказали, что техники обучили их всему, что знают сами.

– Да, по физике поля. Когда роботы прибывают сюда, они в этом ничего не понимают.

– Верно! – вдруг сказал Богерт. – Помните, говорил вам, Сьюзен, что, когда я опрашивал других Несторов, выяснилось, что двое из них, прибывшие позже всех, не успели изучить физику поля.

– Но почему? – спросила Кэлвин со все увеличивающимся возбуждением. – Почему модель Нестор Два с самого начала не обучают физике поля?

– На это я могу вам ответить, – сказал Кэллнер. – Дело в секретности. Если бы выпускалась специальная модель, знающая физику поля, и двенадцать экземпляров этой модели мы использовали здесь, а остальные работали бы в других областях, это могло бы возбудить подозрение. Люди, которым пришлось бы иметь дело с нормальными Несторами, могли бы задуматься, зачем им понадобилось знать физику поля. Поэтому роботов обучали лишь общим основам, а доучивали на месте. И, конечно, доучивали только тех, которые попадали сюда. Это очень просто.

– Все ясно. Пожалуйста, уйдите отсюда. Все трое. Мне нужно около часа, чтобы спокойно подумать.

Сьюзен Кэлвин чувствовала, что не сможет в третий раз выдержать это испытание. Она попыталась представить себе, как это будет, и почувствовала настолько сильное отвращение, что ее даже затошнило. Она больше не в силах допрашивать эту бесконечную вереницу одинаковых роботов.

Поэтому теперь вопросы задавал Богерт, а она сидела рядом, полузакрыв глаза, и рас-

сеянно слушала.

Вошел номер четырнадцатый – оставалось еще сорок девять.

Богерт поднял глаза от бумаг и спросил:

– Какой твой номер в очереди?

– Четырнадцатый, сэр. – Робот предъявил свой номерок.

– Садись. Ты сегодня еще не был здесь?

– Нет, сэр.

– Так вот, вскоре после того, как мы кончим, еще один человек подвергнется опасности. Когда ты выйдешь отсюда, тебя отведут в кабину, где ты будешь спокойно ждать, пока не понадобится. Ты понял?

– Да, сэр.

– Если человек окажется в опасности, ты попытаешься его спасти?

– Конечно, сэр.

– К несчастью, между тобой и этим человеком будет барьер из гамма-лучей.

Молчание.

– Ты знаешь, что такое гамма-лучи? – резко спросил Богерт.

– Какое-то излучение, сэр?

Следующий вопрос был задан дружеским тоном, как будто между прочим:

– Ты когда-нибудь имел дело с гамма-лучами?

– Нет, сэр, – без колебаний ответил робот.

– Гм... Ну так вот, гамма-лучи мгновенно убьют тебя. Они уничтожат твой мозг. Ты должен это знать и помнить. Конечно, ты не хочешь быть уничтоженным.

– Естественно. – Робот, казалось, был потрясен. Потом он медленно произнес: – Но, сэр, если между мной и хозяином, которому будет грозить опасность, окажутся гамма-лучи, то как я могу его спасти? Я просто бесполезно погибну.

– Да, это верно. – Казалось, Богерт задумался над этим. – Я могу посоветовать тебе только одно. Если ты обнаружишь, что между тобой и человеком гамма-излучение, можешь остаться на месте.

Робот явно почувствовал облегчение.

– Спасибо, сэр. Ведь тогда нет никакого смысла...

– Конечно. Но если никакого опасного излучения не будет, тогда другое дело.

– Конечно, сэр. Без всякого сомнения.

– Теперь можешь идти. Там, за дверью, ждет человек, который отведет тебя в кабину.

Когда робот вышел, Богерт повернулся к Сьюзен Кэлвин.

– Ну как, Сьюзен?

– Очень хорошо, – ответила она вяло.

– А может быть, мы могли бы поймать Нестора Десять, быстро задавая вопросы по физике поля?

– Может быть, но не наверное. – Ее руки бессильно лежали на коленях. – Имейте в виду, он борется против нас. Он настороже. Единственный способ поймать его – хитрость, А думать он способен – в пределах своих возможностей – гораздо быстрее, чем человек.

– А все-таки, может быть, стоит попробовать задавать роботам по нескольку вопросов о гамма-лучах? Скажем, длины волн?

– Нет! – Глаза доктора Кэлвин вспыхнули. – Ему очень легко скрыть свои знания, и тогда он будет предупрежден об испытании, которое его ждет. А это наш единственный верный шанс. Пожалуйста, Питер, задавайте те вопросы, которые составила я, и не импровизируйте. Рискованно даже спрашивать, имели ли они дело с гамма-лучами. Постарайтесь говорить об этом еще более безразлично.

Богерт пожал плечами и нажал кнопку, вызывая номер пятнадцатый.

Большая радиационная камера снова была в полной готовности, Роботы терпеливо ждали в открытых спереди деревянных кабинах.

Доктор Кэлвин согласовывала последние детали с Блэком, а генерал-майор Кэллнер медленно вытирал пот со лба большим платком.

– Вы уверены, – настаивала Сьюзен, – что ни один из роботов не имел возможности разговаривать с другим после опроса?

– Абсолютно уверен, – ответил Блэк. – Они не обменялись ни единым словом.

– И каждый помещен в предназначенную для него кабину?

– Вот план.

Психолог задумчиво поглядела на чертеж.

– Гм-м...

Генерал заглянул через ее плечо.

– А по какому принципу их разместили, доктор Кэлвин?

– Я попросила, чтобы тех роботов, которые проявили хоть малейшие отклонения во время предыдущих испытаний, на этот раз разместили по одну сторону прута. Я сама буду сидеть в центре и хочу следить за ними особенно внимательно.

– Вы будете сидеть там? – воскликнул Богерт.

– А почему бы и нет? – холодно возразила она. – То, что я надеюсь увидеть, может продолжаться одно мгновение. Я не хочу рисковать и должна смотреть сама. Питер, вы будете на галерее, и я прошу вас следить за роботами на другой стороне круга. Генерал Кэллнер, я организовала кино съемку каждого робота на случай, если мы ничего не заметим. Если понадобится, пусть роботы остаются на месте, пока мы не проявим и не изучим пленки. Ни один из них не должен уходить или передвигаться по залу. Понимаете?

– Вполне.

– Тогда приступим – в последний раз...

На стуле молча сидела Сьюзен Кэлвин. В глазах ее было заметно беспокойство. Груз сорвался с крюка, обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча.

Один из роботов сорвался с места и сделал два шага вперед.

Потом он остановился.

Но доктор Кэлвин тоже вскочила со стула. Ее указательный палец был властно направлен на робота.

– Нестор Десять, подойди сюда! – крикнула она. – Иди сюда! ИДИ СЮДА!

Медленно, неохотно робот шагнул вперед. Не сводя с него взгляда, Кэлвин громко отдавала распоряжения:

– Пусть кто-нибудь уведет отсюда всех остальных роботов. Скорее!

Она услышала за спиной шум, топот тяжелых ног по полу, но не обернулась.

Нестор Десять – если это был Нестор Десять – повинаясь ее повелительному жесту, сделал еще шаг, потом еще два. Он был метрах в трех от нее, когда раздался его хриплый голос:

– Мне велели скрыться...

Пауза.

– Я не могу послушаться. Меня столько времени не могли обнаружить... Он подумает, что я ничтожество... Он сказал мне... Но он не прав... Я могуч и умен...

Его речь была отрывистой. Он сделал еще шаг.

– Я много знаю... Он подумает... Меня обнаружили... Позор... Только не меня... Я умен... И обыкновенный человек... такой слабый... медлительный...

Еще шаг – и металлическая рука внезапно легла на плечо Сьюзен Кэлвин. Она почувствовала, как тяжесть руки придавливает ее к полу.

Ее горло сжалось, и она услышала свой собственный пронзительный крик.

Как сквозь туман, слышались слова Нестора Десять:

– Никто не должен обнаружить меня. Ни один хозяин...

Холодный металл давил ее, она сгибалась под его весом...

Потом раздался странный металлический звук. Сьюзен Кэлвин упала на пол, не почувствовав удара. На ее теле тяжело лежала сверкающая рука. Рука не двигалась. Не двигался и сам Нестор Десять, распростертый рядом с ней.

Над ней склонились встревоженные лица. Джералд Блэк спрашивал, задыхаясь:

– Он ударил вас, доктор Кэлвин?

Она слабо покачала головой. С нее сняли руку робота и осторожно помогли подняться.

– Что случилось?

Блэк сказал:

– Я на пять секунд включил гамма-лучи. Мы не понимали, что происходит, и только в последнюю минуту сообразили, что он напал на вас. Другого выхода не оставалось. Он погиб мгновенно. Но для вас это безопасно. Не беспокойтесь.

– Я не беспокоюсь. – Она закрыла глаза и на мгновение прислонилась к его плечу. – Не думаю, чтобы это действительно было нападение. Он только попытался. Но то, что осталось от Первого Закона, все еще удерживало его.

С того дня, как Сьюзен Кэлвин и Питер Богерт впервые встретились с генерал-майором Кэллнером, прошло две недели.

Работа на Гипербазе возобновилась. Грузовой космолет с шестьюдесятью двумя нормальными НС-2 продолжал свой прерванный путь, имея официальное объяснение двухнедельной задержки.

Правительственный корабль готовился доставить обоих Роботехников обратно на Землю.

Кэллнер снова был в парадной форме. Его перчатки сверкали белизной, когда он пожимал руки.

Кэлвин сказала:

– Остальных модифицированных Несторов, конечно, нужно уничтожить.

– Они будут уничтожены. Мы попробуем заменить их обычными или, в крайнем случае, обойдемся вообще без роботов.

– Хорошо.

– Но скажите мне... Вы ничего не объяснили. Как вы этого добились?

Она улыбнулась сжатыми губами.

– А, вот вы про что... Я бы сказала вам заранее, если бы была твердо уверена в успехе. Видите ли, Нестор Десять обладал комплексом превосходства, который все усиливался. Ему было приятно думать, что он и другие роботы знают больше, чем люди. Для него становилось очень важно так думать. Мы знали это. Поэтому мы заранее предупредили каждого робота, что гамма-лучи для него смертельны и что они будут отделять его от меня. Все, естественно, остались на месте. Пользуясь доводами Нестора Десять для предыдущего опыта, они все решили, что нет смысла пытаться спасти человека, если они наверняка погибнут, прежде чем до него доберутся.

– Да, доктор Кэлвин, это я понимаю. Но почему сам Нестор Десять покинул свое место?

– А! Мы с вашим молодым мистером Блэком приготовили небольшой сюрприз. Видите ли, между мной и роботами были не гамма-лучи, а инфракрасные. Обычное тепловое излучение, абсолютно безобидное. Нестор Десять знал это и ринулся вперед. Он ожидал, что и остальные поступят так же, повинувшись Первому Закону. Только через какую-то долю секунды он вспомнил, что обычный Нестор Два способен обнаружить наличие излучения, но не его характер. Что среди них только он один может определять длину волн, и этим он обязан обучению, которое прошел на Гипербазе под руководством обыкновенных людей. Эта мысль не сразу пришла ему в голову, потому что была для него слишком унижительной. Обычные роботы знали, что пространство, отделяющее их от меня, губительно для них, потому что мы им это сказали, и только Нестор Десять знал, что мы солгали. И на миг он забыл или не захотел вспомнить, что другие роботы могут знать меньше, чем люди... Комплекс превосходства

погубил его, Прощайте, генерал!

Цена риска

Risk (1955)

Перевод: А. Колотов

Для этого была создана Гипербаза. В Центральном зале, сообразуясь с негласным, но строгим протоколом, собрались чиновники, ученые, техники и все остальные, определяемые, как правило, одним словом: персонал. Близился момент, который должен был увенчать их усилия, и этого все ждали по-разному, каждый в соответствии с темпераментом: нетерпеливо – не находя себе места – затаив дыхание – с восторгом, страхом...

Полая внутренность астероида, известного под названием Гипербаза, стала центром непроницаемой оболочки секретности, сферического железного занавеса радиусом десять тысяч миль. Ни один корабль не смог бы пересечь его безнаказанно, ни одно сообщение не уходило оттуда без предварительного просмотра.

На расстоянии примерно ста миль, описывая почти идеальный круг около Гипербазы, летел крохотный астероид, запущенный год назад. Его номер был Н-937, но все обитатели Гипербазы говорили про него просто «Там», («Ты Там сегодня был?») «Там генерал сейчас; наводит Там шороху...»). Безликое указательное местоимение мысленно писалось с заглавной буквы.

Там, праздный до наступления «Времени X», находился «Парсек», единственный в своем роде корабль, когда-либо сделанный человеком. Он был покинут людьми и готов к старту в Непостижимое.

Джералд Блэк, по праву талантливого молодого сотрудника стоявший в первом ряду, пощелкал пальцами, вытер вспотевшие ладони о белый заношенный пиджак и грубовато поинтересовался:

– Что это вы не подходите к генералу? Бойтесь ее сиятельства?

Мигель Ронсон из «Интерпланетари Пресс» бросил короткий взгляд в противоположный угол зала, где рядом с блестящим генерал-майором Ричардом Кэллнером стояла скромная женщина, почти незаметная на фоне расшитого мундира генерала, и ответил:

– Зачем? Я ведь охочусь за новостями.

Ронсон был невысок, полноват, стригся почти наголо, оставляя только колючую щетину на голове, носил рубашку с открытым воротом и брюки с короткими штанинами, чтобы непременно торчали щиколотки, старательно поддерживая образ газетчика – героя телесериалов. При этом, репортером был неплохим.

Блэк был грузен, темная челка почти закрывала лоб, но мыслил он настолько же четко, насколько неуклюже двигались его толстые пальцы,

– Новости все у них, – сказал он.

– Тоже скажете, – ответил Ронсон. – Кэллнер под золотой чешуей бесплотен. Раздень его, и увидишь конвейер для передачи приказов вниз и спихивания ответственности наверх.

Блэк чуть не ухмыльнулся, но удержал себя и спросил:

– А миссис профессор?

– Доктор Сьюзен Кэлвин, «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», – продекламировал нараспев Ронсон. – Женщина с гиперпустотой вместо сердца и жидким гелием вместо глаз. Пройдет сквозь Солнце и выйдет в сосульках мерзлого пламени.

Ухмылка появилась на лице Блэка.

– Ладно, директор Шлосс?

– Слишком умный, – с готовностью откликнулся репортер. – Все время балансирует между стремлением уделить слушателю частицу своих знаний и боязнью ослепить вышеупомянутого слушателя блеском несравненного интеллекта, а в результате хранит молчание.

Верхняя губа Блэка приподнялась, обнажив зубы.

– Теперь представьте, что вы должны объяснить, почему решили встать возле меня.
– Элементарно, доктор. Я посмотрел на вас и решил, что человек с такой некрасивой физиономией наверняка умен и уж наверняка не упустит случая для хорошей рекламы.

– Напомните мне, я вам когда-нибудь отплачу. Так что вы хотели узнать?

Ронсон показал вниз и спросил:

– Эта штукавина... сработает?

Блэк тоже посмотрел вниз и почувствовал, что между лопаток пробежал холодок, словно от дуновения ночного ветра на Марсе. Всю нижнюю часть зала занимал огромный телевизионный экран, поделенный надвое. На одной половине был панорамный вид спутника. На серой, изрытой воронками поверхности лежал «Парсек», тускло мерца в слабом солнечном свете. Вторая половина экрана показывала зал управления. В нем не было ни одной живой души. В кресле пилота сидела фигура, имевшая отдаленное сходство с человеком, но это ни на секунду не отвлекало от понимания того, что возле пульта находится позитронный робот.

– Сработать-то, наверное, сработает. Робот отправится и вернется. Пространство! Мы даже с этой частью намаялись. Я все своими глазами видел. Я ведь сюда попал через две недели после защиты диплома по космической физике, и так с тех пор и живу без выходных и отпусков. При мне через гиперпространство к Юпитеру запустили кусок стальной проволоки, и получили назад опилки. При мне отправили белых мышей, и приняли назад фарш. Потом полгода потратили на стабилизацию гиперполя. Нам приходилось отлавливать десяти-тысячные доли секунды, чтобы синхронизировать этапы гиперпутешествия. После этого белые мыши начали возвращаться в целости. Я помню, как мы неделю праздновали, когда мышь вернулась и прожила десять минут. Теперь они живут столько, сколько мы захотим.

– Здорово! – сказал Ронсон.

Блэк искоса взглянул на него.

– Так что, сработать-то, наверно, сработает. Но эти мыши были...

– Что?

– Безмозглые. Даже без того крохотного мозга, который положен мышам. Они не ели, их кормили искусственно. Они не спаривались, не бегали, они – сидели. Сидели, сидели... И ничего больше. Послали, наконец, шимпанзе. Это было ужасно. Слишком похоже на человека, чтобы смотреть спокойно. Когда он вернулся, это был кусок мяса, умевший немножко ползать. Еще он переводил взгляд и почесывался. Сидел в своих экскрементах, и хоть бы что. Потом его кто-то пристрелил, и все облегченно вздохнули. Ты понял, приятель? Никто не возвращался из гиперпространства в сознании.

– Это для публикации?

– После сегодняшнего эксперимента – может быть. Они тут бог весть каких чудес ждут. – Он скривил губы.

– А вы?

– С роботом? Нет.

Память невольно вернула Блэка на несколько лет назад, когда он оказался без вины виноватым в том, что потерялся робот². Роботы типа «Нестор» заполонили Гипербазу превосходством заложенного в них знания и отрицательными последствиями, логично вытекавшими из их совершенства. Что толку опять говорить о роботах? Он вовсе не был миссионером.

Но Ронсон, просто чтобы заполнить молчание, сказал, откусывая от пластика жевательной резинки:

– Вы только не уверяйте, будто вы против роботов. Все говорят, что уж среди ученых-то таких нет.

Терпение Блэка лопнуло. Он сказал:

– Правильно, в этом вся беда. Технологи носятся с роботами, словно с сокровищем. Все операции должны выполняться роботами, иначе главный инженер сна лишится. Вместо

² Смотри рассказ Айзека Азимова «Как потерялся робот».

дверного стопора вы покупаете робота с очень толстой ногой. Дело зашло слишком далеко. – Блэк говорил тихо и внятно, прямо Ронсону в ухо.

Тот высвободил руку:

– Слушайте, я не робот, я человек. Homo sapiens. Вы мне чуть плечо не сломали. Думаете, иначе до меня не дойдет?

Но остановить Блэка, если он разошелся, было не так-то просто.

– Вы знаете, сколько времени на это ушло? Берем робота с наиболее широкой специализацией и отдаем ему один-единственный приказ. Без затей. Я этот приказ слышал и выучил наизусть. Кратко и четко: «Крепко сожми рычаг. Сильно потяни на себя. Сильно! Держи и не выпускай, пока приборы не зафиксируют, что гиперпространство пройдено дважды». В назначенный момент робот возьмет рычаг управления и сильно потянет на себя. Рычаг перейдет в стартовую позицию, тепловое расширение замкнет контакт и начнется генерация гиперполя. Чтобы ни произошло с его мозгом во время первого прохода, это уже будет неважно. От него требуется одно – удержать рычаг долю микросекунды, тогда корабль вернется, и гиперполе исчезнет. Сбой невозможен. Мы проверяем его реакции и выясняем, в чем дело, если что-то разладилось.

Ронсон покивал:

– Вроде, логично.

– Логично? – с горечью переспросил Блэк. – А что можно выяснить по состоянию мозга робота? У него мозг позитронный, у нас – клеточный. У него металлический, у нас – протеиновый. Они разные. Их нельзя сравнивать. Но то, что они выяснят, или решат, что выяснили о роботе, станет обоснованием для запуска людей в гиперпространство. Чудовищно! Поймите, это не вопрос жизни и смерти, но возвращается нечто безмозглое. Если бы вы видели шимпанзе, вы бы поняли бы, о чем я говорю. Со смертью ясно – конец есть конец. Но это...

– Вы говорили об этом с кем-нибудь? – спросил репортер.

– Да. Они говорят то же, что и вы. Мэл, я против роботов, а остальное все чепуха. Вон, посмотрите на Сьюзен Кэлвин. Будьте покойны, она-то не против роботов. Специально прилетела с Земли ради эксперимента. Если бы за пультом был человек, она бы пальцем не шевельнула. А толку-то что!..

– Ха, – сказал Ронсон, – вы точку не ставьте. Здесь есть и еще кое-что.

– Что – «кое-что»?

– Кое-какие вопросы. С роботом мне понятно, Но почему такая секретность?

– В каком смысле?

– В прямом. Почему-то я не имею права посылать сообщения. Почему-то ни один корабль не может пролететь рядом. В чем дело? Как будто проводится еще один эксперимент. Люди о гиперпространстве знают, о том, чем вы занимаетесь, тоже знают. В чем же дело?

Блэк никак не мог успокоиться. Он злился на роботов, на Сьюзен Кэлвин и на воспоминания о потерявшемся роботе. Стоит ли, решил он, в конце концов, тратить эмоции на назойливого газетчика и на его назойливые расспросы? Посмотрим, как он отреагирует.

– Вы в самом деле хотите знать?

– Еще бы!

– Ну, что ж. До сих пор мы помещали в гиперполе предметы, в миллион раз меньше, чем наш корабль, и отправляли их в миллион раз ближе. Значит, то поле, которое мы хотим сгенерировать, окажется в миллион миллионов раз мощнее тех, с которыми мы имели дело. И как оно себя поведет, мы не знаем.

– То есть?

– Теория говорит, что корабль будет с абсолютной точностью доставлен к Сириусу и с той же точностью вернется обратно. Но какой объем пространства захватит «Парсек», сказать трудно. Мы мало знаем о гиперпространстве. Может быть, оно унесет весь астероид, с которого стартует корабль, и если наши расчеты неверны, он может и не вернуться. А может быть, и не только астероид.

– Конкретнее, – попросил Ронсон.

– Не знаю. Остается элемент статической неопределенности. Вот почему другим кораблям запрещено приближаться.

Ронсон с усилием сглотнул.

– А если оно дотянется до Гипербазы?

– Не исключено, – спокойно ответил Блэк. – Шанс невелик, иначе, поверьте мне, директор Шлосс не явился бы. Но некоторая вероятность есть.

Репортер поглядел на часы.

– Сколько осталось?

– Минут пять. Нервничаете?

– Нет, – сказал Ронсон, но тут же сел на стул и умолк.

Блэк перегнулся через ограждение. Истекали последние минуты.

Робот пошевелился.

Собравшиеся разом наклонились вперед, свет потускнел, чтобы стало виднее то, что происходит внизу, но это было лишь первое движение. Робот протянул руку к рычагу.

Блэк ждал последнюю секунду, когда робот дернет рычаг к себе. Все варианты того, что может произойти представились ему разом.

Короткий промельк, который обозначает уход и выход из гиперпространства. Хотя временной зазор и ничтожен, но точка финиша немного сместиться, и будет промельк. Так было всегда.

Далее, по возвращении может выясниться, что выровнять поле в огромном объеме космического корабля не удалось. От робота тогда останется груда лома. От корабля тоже.

А может быть, расчеты ошибочны, и корабль попросту не вернется. Еще приятнее, если и Гипербаза уйдет с кораблем и тоже не вернется.

Нет, ну разумеется, все может кончиться хорошо. Промельк и корабль появляется в прежнем виде. Робот, при полной ясности позитронного сознания, встает и сообщает об успешном завершении первого путешествия созданного человеком предмета за пределы Солнечной системы.

Счет пошел на секунды.

Робот обхватил рычаг, с силой рванул к себе...

И – ничего.

Ни вспышки, ни... – ни-че-го!

«Парсек» не покинул обычного пространства.

Генерал-майор Кэллнер мягкой фуражкой промакнул лоб, обнажив лысину, состарившую бы его лет на десять, если бы его лицо и так уже не состарила усталость. Прошел почти час, и ничего не было сделано.

– Что же случилось? Что случилось? Не понимаю.

Доктор Мейер Шлосс, сорокалетний «величавый патриарх» молодой науки о гиперполевых матрицах, уныло проговорил:

– С основами теории все в порядке, клянусь чем угодно. Какая-то механика отказала. Наверняка, – повторял он, как заведенный.

– По-моему, все проверено.

Ответ звучал тоже не в первый раз.

– Да, безусловно, сэр. Но...

И так далее.

Они сидели друг против друга в кабинете Кэллнера, запершись изнутри, и старательно отводили глаза от Сьюзен Кэлвин.

Ее бледное лицо с тонким ртом было бесстрастно.

– Вы можете утешаться тем, что я вас предупреждала заранее. Успех всего предприятия был с самого начала сомнителен, – холодно сказала она.

– Сейчас не время для старых споров, – простонал Шлосс.

– А я и не спорю. «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» поставляет специализированных роботов любому заказчику для любых непротивозаконных действий. И мы

свою часть работы выполнили. Мы сообщали вам, что не гарантируем достоверность выводов о человеческом мозге на основании данных по позитронному мозгу. Здесь мы ответственности не несем. Спорить не о чем.

– Проклятие, – Кэллнер говорил почти умоляюще.

– Хватит об этом!

– Что же мы упустили? – пробормотал Шлосс, невольно возвращаясь к своим мыслям. – Пока мы точно не выясним, что делает с мозгом гиперпространство, мы не можем двигаться дальше. По крайней мере, робот мыслит математически. Это могло стать первым шагом, началом. И пока мы не попытаемся... – Он поднял ошеломленный взгляд: – Доктор Кэлвин, нас не интересует ваш робот. Плевать нам и на него, и на его позитронный мозг. Вы поняли меня или нет?! – В голосе прорезались визгливые нотки.

Робопсихолог ответила почти с той же монотонностью, что обычно, но Шлосс сразу же замолчал.

– Нельзя ли обойтись без истерики? В моей жизни было много критических ситуаций, и ни одна из них в истерике не решалась. Я хочу получить ответы на некоторые вопросы.

Полные губы Шлосса задрожали, глубоко посаженные глаза, казалось, провалились в глазницы, оставив вместо себя два темных пятна.

– Вы хорошо разбираетесь в космической технике? – язвительно спросил он.

– Это к делу не относится. Я главный робопсихолог компании «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн». У пульта «Парсека» сидит позитронный робот. Как и все позитронные роботы, он был не продан, а предоставлен в пользование. У меня есть право на получение информации о любом эксперименте с его участием.

– Отвечайте, Шлосс, – велел генерал Кэллнер. – Она свое дело знает.

Доктор Кэлвин поглядела на генерала. Кэллнер лично присутствовал при розыске потерявшегося робота и, стало быть, четко представляет себе ее уровень. Шлосс в то время болел, а даже сто раз услышать хуже, чем один раз увидеть.

– Благодарю вас, генерал, – сказала она.

Шлосс беспомощно посмотрел на нее, потом на генерала и пробурчал:

– Что вы хотите выяснить?

– Первый вопрос очевиден: если, как вы говорите, дело не в роботе, то в чем тогда проблема?

– Проблема тоже очевидна: корабль не сдвинулся с места. Вы это видели? Или вам зрение отказало?

– Зрение у меня в порядке. Я не могу понять вашу панику из-за механической неполадки. У вас что, всегда все идет гладко?

– Расходы, – выдавил из себя генерал. – Корабль чертовски дорог. Целевые ассигнования Всемирного Конгресса... – он что-то еще сказал, но уже не слышно.

– Корабль на месте. Осмотр, небольшой ремонт, и инцидент исчерпан.

Шлосс овладел собой. По выражению лица было видно, что он крепко ухватил свою душу, задал ей хорошую встряску и поставил на место. Голос стал спокойным.

– Доктор Кэлвин, когда я говорю о механической неполадке, я имею в виду пылинку в реле, случайное загрязнение контакта, транзистор, заблокированный непредусмотренным разогревом, – да что угодно. Дефект непредсказуем и может самоликвидироваться в любой момент.

– И в этот любой момент «Парсек» может уйти в гиперпространство, чтобы потом вернуться?

– Вот именно. Теперь вам понятно?

– Не совсем. Ведь вы же к этому и стремитесь?

Шлосс с трудом сдержался – ему хотелось обеими руками вцепиться изо всех сил себе в волосы.

– Вы не космический инженер!

– Это мешает вам отвечать?

– Мы настроили так, – в отчаянии заговорил Шлосс, – чтобы попасть из одной точки пространства в другую, отсчитывая от центра масс галактики. За истекший час «Парсек» сдвинулся, Солнечная система сместилась. Исходные параметры для определения гиперполя больше не верны. Гиперпространство не подчиняется простым законам движения, и новый расчет параметров займет неделю.

– То есть, если корабль стартует, то он вернется неизвестно куда, за тысячи миль отсюда?

– Неизвестно куда? – Шлосс растерянно улыбнулся. – Да, вы правы. «Парсек» может прилететь в туманность Андромеды, или на Солнце. Так или иначе, шансы увидеть его снова невелики.

Сьюзен Кэлвин кивнула.

– Итак, корабль в любую минуту может исчезнуть, и вместе с ним безвозвратно пропадут миллиарды долларов, взятых у налогоплательщиков, причем уйдут впустую и по халатности.

Генерал-майор Кэллнер подскочил так, как будто его булавкой кольнули снизу.

– Поэтому, – продолжала робопсихолог, – механизм генерации гиперполя на корабле необходимо отключить как можно скорее. Нужно там что-нибудь разъединить, или разорвать, или выключить. – Она говорила тихо, словно бы про себя.

– Не так все просто, – перебил ее Шлосс. – Я не сумею объяснить подробно, поскольку вы не специалист по космосу, но это примерно как... отключать обычную электроцепь, разрезая провод высокого напряжения садовыми ножницами. Это не только может, но и должно привести к катастрофе.

– Вы полагаете, что любая попытка блокировать опасность вытолкнет корабль в гиперпространство?

– Любая попытка, предпринятая на удачу – наверняка. Гипервоздействие не ограничено скоростью света. Скорей всего, у него вообще нет ограничений по скорости, что чрезвычайно все усложняет. Единственный способ – это найти причину неудачи. Только тогда возможно будет безопасно отключить генераторы.

– У вас есть конкретный план, доктор Шлосс?

– По-моему, не остается ничего другого, кроме как послать туда робота типа «Нестор»...

– Нет. Не валяйте дурака, – перебила Сьюзен Кэлвин.

Шлосс невозмутимо продолжал:

– Несторы знакомы с особенностями космической техники. Они идеально подходят для...

– Не обсуждается. Вы не имеете права использовать позитронных роботов для выполнения подобных задач без моего разрешения. А моего разрешения у вас нет и не будет.

– Что вы предлагаете взамен?

– Пошлите какого-нибудь инженера.

Шлосс яростно помотал головой:

– Невозможно! Риск слишком велик. Если и корабль, и человек погибнут...

– В любом случае, вы не пошлете ни Нестора, ни другого робота...

– Я... мне надо связаться с Землей, – сказал генерал. – Вопрос необходимо решать на более высоком уровне.

– Я вам советую подождать, генерал, – жестко произнесла Сьюзен Кэлвин. – Вы отдаёте себя на милость правительства, не имея ни собственного плана, ни предложений. Боюсь, вам придется худо.

– Но что же делать? – генерал в волнении достал носовой платок.

– Послать человека. Другого выхода я не вижу.

По лицу Шлосса разлилась серая, мертвенная бледность.

– Легко сказать человека. Но кого?

– Я это уже обдумала. Тот молодой человек – Блэк, по-моему, – ведь я его встречала на

Гипербазе?

– Доктор Джералд Блэк?

– Кажется, так. Да. Тогда он был холост, а теперь?

– Вроде бы, все по-прежнему.

– Тогда пускай его приведут к нам минут через пятнадцать, а я покамест просмотрю его послужной список.

Она как бы исподволь овладела ситуацией, и ни Шлоссу, ни Кэллнеру не пришло в голову оспаривать ее власть.

Во время второго визита Сьюзен Кэлвин на Гипербазу Блэк видел ее только издали, и у него не возникало желания сокращать дистанцию. Когда же ему приказали явиться к ней, он вдруг поймал себя на том, что смотрит на нее со страхом и неприязнью. На генерала Кэллнера и доктора Шлосса, стоявших поодаль, он не обратил никакого внимания.

Он вспоминал, как стоял перед ней в тот раз, и как она бесстрастно терзала его из-за пропавшего робота.

Холодный взгляд серых глаз Сьюзен Кэлвин проникал вглубь его горячих, карих глаз.

– Доктор Блэк, – сказала она, – я думаю, ситуация вам ясна.

– Да, – ответил Блэк.

– Нужно что-то делать. Корабль нельзя потерять, он слишком дорог. Дурная слава будет означать конец проекта.

Блэк кивнул.

– Я понимаю.

– Надеюсь, вы понимаете и то, что кто-то должен отправиться на «Парсек», найти дефект и... ликвидировать его.

Наступила тишина.

– Какой дурак на это пойдет? – хрипло проговорил Блэк.

Кэллнер, нахмурился, повернулся к Шлоссу, тот закусил губу и устремил взор в пустоту. Сьюзен Кэлвин снова заговорила:

– Разумеется, не исключено случайное включение гиперполя и, как следствие, безвозвратное исчезновение корабля. С другой стороны, он может вернуться в пределы Солнечной системы. В таком случае будут пущены в ход все средства, чтобы спасти человека и корабль.

– Идиота, – сказал Блэк. – И корабль. Маленькая поправка.

Сьюзен Кэлвин не обратила внимания.

– Я получила от генерала Кэллнера разрешение поручить это вам. Идти должны вы.

Стараясь не повышать тон, Блэк без промедления ответил:

– Мадам, ищите других желающих.

– На Гипербазе, может быть, наберется человек десять с должным уровнем компетентности. Памятуя о нашей предыдущей встрече, я выбрала вас. Вы знаете, что к чему, и...

– Послушайте, я же сказал, ищите других желающих!

– У вас нет выбора. Вы ведь не уклонитесь от своего долга?

– Моего? С какой стати он мой?

– Вы лучше других выполните работу.

– Вы знаете, чем это чревато?

– Думаю, да, – ответила Сьюзен Кэлвин.

– Уверен, что нет. Вы не видели шимпанзе. Послушайте, когда я сказал «идиота и корабль», я не подбирал красочного эпитета, я назвал вещи своими именами. Если надо, я готов рискнуть жизнью. Не рвусь, но готов. Но рисковать тем, чтобы превратиться в идиота и провести остаток дней в животном состоянии, я не буду. И кончим на этом.

Сьюзен Кэлвин сосредоточенно изучала потное от ярости лицо молодого ученого.

– Да пошлите вы своего робота, игрушку вроде «NS-2», – выкрикнул Блэк.

В ее взгляде мелькнул холодный блеск. Она с расстановкой проговорила:

– Да, доктор Шлосс уже предлагал это. Роботы «NS-2» компанией не продаются, а предоставляются в пользование с сохранением прав собственности. Видите ли, каждый из них

стоит много миллионов долларов. Я, как представитель фирмы, считаю, что они слишком дороги, чтобы рисковать ими в подобных ситуациях.

Блэк поднял руки к груди, словно пытаюсь унять дрожь.

– Я не понял. По-вашему, я должен идти вместо робота, потому что стою дешевле?!

– Ну, если на то пошло, то – да.

– Доктор Кэлвин, – произнес Блэк, – идите ко всем чертям. Встретимся на сковородке.

– Ваше пожелание может исполниться почти буквально, молодой человек. Генерал Кэллнер вам подтвердит, что мои слова имеют силу приказа. Практически, на Гипербазе введено военное положение, и за невыполнение приказа вас ждет трибунал. Скорей всего, вас отправят в тюрьму на Меркурий, а там условия очень напоминают наши представления об адской сковородке, и если бы я решила вас навестить, что вряд ли, то ваши слова могли бы оказаться пророческими. С другой стороны, если вы согласитесь отправиться на «Парсек» и грамотно выполните работу, ваша карьера будет обеспечена.

Блэк не отрывал от нее налитых кровью глаз.

– Дайте ему на размышление пять минут, генерал, и приготовьте ракету, – сказала Сьюзен Кэлвин.

Двое агентов секретной службы вывели Блэка из комнаты.

Джералда Блэка знобило. Он перестал ощущать свое тело, как будто наблюдал за собой откуда-то из безопасного далека: вот он садится в ракету, готовый отправиться туда, на «Парсек».

Он сам себе не поверил, когда внезапно кивнул и сказал: «Да».

Но почему?

Героем он себя никогда не считал – тогда почему? Отчасти из страха перед Меркурием. Отчасти из глупейшего нежелания оказаться трусом в глазах знакомых – своеобразная трусость, лежащая в основе половины всех подвигов.

Но окончательно толкнуло его нечто другое. По дороге к ракете его остановил раскрасневшийся Ронсон из «Интерпланетари Пресс». Блэк оглянулся.

– Чего вам?

– Слушайте, когда вы вернетесь, я хочу быть первым – я все устрою, любой гонорар, на любых условиях...

Блэк с силой оттолкнул его и пошел дальше.

В ракете сидели двое. Оба молчали, их взгляды старательно огибали Блэка по касательным. Пилоты перетрусил до потери пульса, а их ракетка приближалась к «Парсеку» на манер котенка, бочком подбирающегося к больному псу, впервые в жизни увидав такого зверя. Блэк понимал их. В общем-то, они были ни при чем.

Перед его глазами стояло только одно лицо. Взволнованный генерал и напускная решимость Шлосса отошли на второй план. На них плевать. Он думал о невозмутимом облике Сьюзен Кэлвин, о том, с каким спокойствием она отправила его... куда?

Он всматривался в черную пустоту, в которой уже растаяла Гипербаза.

Сьюзен Кэлвин! Доктор, профессор, робопсихолог! Робот в обличье женщины!

Какие, интересно, у нее три закона³? Первый Закон: «Все силы, разум и душу обрати на защиту роботов». Второй: «Блюда интересы пресвятой «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», если это не противоречит Первому Закону». Третий: «Не обращая внимания

³ Три закона роботехники:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам.

Айзек Азимов

на людей, разве что этого потребуют Первый или Второй Законы».

Она когда-нибудь была молодая? – думал он; – когда-нибудь знала, что такое эмоции?

Проклятье! Чего бы он не отдал, чтобы стереть с ее лица вечную мерзлоту.

И он добьется этого!

Добьется, будьте покойны. Только бы ему выбраться из переделки в здравом уме, тогда он возьмет за глотку и ее, и компанию, и их отвратительное порождение – племя роботов. И это жгло его изнутри сильнее, чем страх тюрьмы или мечта о славе. Жажда мести почти перемогла страх. Почти.

Один из пилотов, отвернувшись, сказал ему:

– Можете выходить. Осталось всего лишь полмили.

– Посадка не предусмотрена? – с горечью уточнил Блэк.

– Категорически запрещена. Сотрясение при посадке может...

– А сотрясение от моей посадки не может?

– У меня приказ, – ответил пилот.

Блэк промолчал, надел скафандр и подошел к внутреннему люку. У правого бедра к скафандру на металлической пластине была приварена сумка для инструментов.

Переступив порог, он услышал в наушниках шлема гудящее «Удачи, доктор».

Он не сразу сообразил, что слышит слова пилотов, которые перебороли для этого желание как можно быстрее убраться из жуткого места.

– Спасибо, – неловко и немного обиженно сказал Блэк.

Неуклюже оттолкнувшись от корпуса, он несколько раз медленно перекувырнулся и остался один.

Невдалеке, как будто поджидая его, лежал «Парсек». Сзади (вернее, между ног, во время медленного вращения) он увидел длинный полосовой след ракеты.

Он был один – невообразимо! Совсем один...

За всю историю человечества никому не доводилось оказаться в таком абсолютно полном одиночестве. Узнает ли он, подкралась тошнотворная мысль, – успеет ли он узнать, что что-то случилось? Или не заметит? Почувствует, как гаснет сознание, меркнет и исчезает разум, или произойдет все внезапно, как удар кинжала? В любом случае...

Он живо вспомнил шимпанзе – с пустыми глазами, в ознобе от непостижимых кошмаров.

До астероида оставалось двадцать футов. Неуловимо-плавно плыл он через пространство, и кроме человеческого вмешательства, ни одно зернышко песка на нем не было потребовано с астрономически незапамятных времен.

И в бестревожном покое крохотная пылинка, попавшая в сложную конструкцию, а может быть, капля примеси в сверхчистом масле, смазывающем движущиеся части, застопорила «Парсек».

Едва ощутимая вибрация, неуловимый толчок от соприкосновения масс могли устранить препятствие, движение совершится по рассчитанной траектории, освободит гиперполе, и оно расцветет вширь, как перезревшая гигантская роза.

Поверхность приближалась. Блэк сгруппировался для как можно более мягкой посадки. Он весь покрылся гусиной кожей от подсознательного стремления подольше удерживаться от столкновения.

Ближе, еще, еще...

... И ничего!

Лишь медленно нарастающее давление поверхности астероида от затухающей инерции двухсот пятидесяти фунтов (с учетом скафандра). Собственной гравитации, практически, не было.

Блэк приоткрыл глаза, посмотрел на звезды. Под ним сверкал мраморный блеск, немного приглушенный поляроидной смотровой пластиной шлема. Звезды светили бледно, но образовывали знакомый узор. Солнце было на месте, созвездия тоже – он находился в Солнечной системе. Виднелась даже Гипербаза туманным крохотным пятнышком.

Он вздрогнул от неожиданности: в наушниках раздался голос. Говорил Шлосс.

– Мы наблюдаем за вами, доктор Блэк. Вы не один.

Формулировка могла бы показаться Блэку смешной, но он сказал в ответ тихо и отчетливо:

– Можете отключиться, я не обижусь.

Пауза. И льстивый голос Шлосса:

– Если вы будете по ходу докладывать, как дела, вам, может быть, будет легче.

– Вся информацию получите, когда я вернусь. Не раньше.

Он с горечью усмехнулся и пальцами, закованными в броню, повернул регулятор приемника, вмонтированного в грудную панель. Пускай говорят в пустоту. Он обойдется без них. Только бы вернуться в здравом рассудке, тогда он знает, что делать.

Он осторожно встал и шагнул. Тело непроизвольно раскачивалось, толкаемое случайным сокращением мускулов, которые еще не подстроились под почти полное отсутствие гравитации и с запазданием отрабатывали неустойчивое равновесие. На Гипербазе псевдогравитационное поле создавало привычные условия. Блэк отметил, что раз он думает об этом, значит у него сохранилась способность к абстрактному мышлению.

Солнце ушло за край горизонта. Период обращения астероида составлял один час, и перемещение звезд на небе было заметно невооруженным глазом.

«Парсек» виднелся невдалеке. Блэк медленно, осторожно, чуть ли не на цыпочках, пошел к нему. (Вибрация. Только бы избежать вибрации. Только бы избежать...)

Он преодолел расстояние раньше, чем оценил его. К внешнему люку вели ручные захваты.

Помедлил.

Корабль выглядел очень обыкновенно. По крайней мере, если не обращать внимания на два кольца стальных выступов, деливших его по высоте на три равные части; готовых стать антеннами гиперполя...

Блэку вдруг захотелось, наперекор всему, протянуть руку, потрогать их – дурацкая мысль, такие иногда посещают в неподобающие моменты. Например, «а если прыгнуть?» – глядя из окна небоскреба.

Блэк глубоко вздохнул, раскрыл ладони, развел руки в стороны и легко-легко прикоснулся к обшивке.

И ничего!

Он взялся за скобу и осторожно подтянулся. Ему бы сейчас тот опыт работы в невесомости, что есть у монтажников! Нужно прикладывать столько сил, чтобы преодолеть инерцию и сразу остановиться. Промедлив секунду с остановкой, нарушишь баланс и врежешься в борт.

Он медленно карабкался, держась кончиками пальцев, отклоняя нижнюю половину туловища влево, когда поднимал правую руку, и наоборот.

Еще несколько ступеней, и пальцы нащупали запорное устройство внешнего люка. Зеленоватое пятнышко маркерной пломбы.

Он снова помедлил. Настал момент, когда необходимо было использовать мощь механизмов корабля. Перед его мысленным взором проплыли схемы электронных соединений и силовой разводки. Нажав на кнопку, он подключится к атомному реактору двигателя, и массивная плита внешнего люка отойдет в сторону.

Ну и что дальше? Зачем?

Ведь он не имеет понятия ни о характере поломки, ни о последствиях подключения к внутреннему источнику энергии. Он вздохнул и нажал кнопку.

Плавно, беззвучно в борту «парсека» открылся вход. Блэк оглянулся на старые, знакомые (не изменившиеся!) созвездия и вошел в мягко освещенную камеру. Внешний люк закрылся за ним.

Следующая кнопка. Внутренний люк. И вновь он остановился. Когда внутренний люк откроется, давление воздуха в корабле капельку упадет, и только через секунды электроли-

зеры восстановят потерю.

Так что же?

К давлению, например, чувствительна задняя плата Боска, но уж не до такой степени. Он снова вздохнул и, ощутив, как напряглись от страха кончики пальцев, коснулся кнопки. Открылся внутренний люк. Блэк вошел в рубку «Парсека», и его сердце забилось громче, когда первое, что он увидел, был экран приема внешней информации. Усыпанный звездами. Блэк через силу заставил себя взглянуть.

Светилась, как ни в чем не бывало, Кассиопея. Созвездия были знакомыми. Он находился внутри «Парсека». Интуитивно Блэк чувствовал, что худшее уже позади. Зайдя так далеко, не вылетев из пределов Солнечной системы и сохранив при этом ясность сознания, он понемногу начал обретать уверенность в своих силах.

Внутри «Парсека» царил тишь. Блэк повидал немало кораблей, и обязательно на них кто-нибудь подавал признаки жизни, хотя бы слышалось шарканье ног или кто-то из молодых сотрудников напевал себе под нос в коридоре. На «Парсеке», даже его сердце колотилось беззвучно.

В кресле пилота, спиной к нему, сидел робот. Он тоже никак не отреагировал на появление Блэка.

В подобии улыбки Блэк оскалился и резко скомандовал:

– Отпусти рычаг! Встать!

Голос раскатился громом по комнате. Блэк поздно сообразил, что создает вибрацию воздуха, но звезды на экране не изменились.

Робот, конечно, не шевельнулся. Он не услышал. Сейчас он не откликнулся бы даже на требование Первого Закона. То, что должно было свершиться в одно мгновение, длилось для него без конца.

Блэк вспомнил приказ, полученный роботом, приказ, не оставляющий места сомнительным толкованиям: «Крепко сожми рычаг. Сильно потяни на себя. Сильно! Держи и не выпускай, пока приборы не зафиксируют, что гиперпространство пройдено дважды».

Гиперпространство не было пройдено еще ни разу.

Он осторожно подошел к роботу. Тот, раздвинув колени, сидел и с силой тянул на себя рычаг. Механизм включения дошел почти до расчетной позиции. Нагрев металлических ладоней должен был на манер термопары довершить переключение триггера и надежно замкнуть контакт. Блэк машинально взглянул на показания термоизмерительного блока на контрольной панели. Все как положено, тридцать семь градусов по Цельсию.

Отлитчно, подумал Блэк. Находишься наедине с роботом, не понимая, что делать.

Лично он предпочел бы взять молоток и превратить его в груды лома. Некоторое время Блэк смаковал эту идею. Он представлял себе ужас на лице Сьюзен Кэлвин (единственное, что могло бы растопить ее ледяную броню – страх за робота). Как все позитронные роботы, этот был тоже произведен, испытан, и оставался собственностью «Ю. С. Роботс».

Всласть насладившись мыслью об отмщении, Блэк очнулся и огляделся вокруг.

Он не продвинулся к цели ни на один шаг.

Медленно он снял скафандр; аккуратно убрал на место; боязливо прошелся по кораблю, рассматривая корпус гиператомного двигателя и проверяя полевые реле, но ни к чему не притрагивался.

Для отключения гиперполя были десятки способов, но каждый, пока не уяснен, где сбой, мог оказаться губительным.

Вернувшись в рубку, он поглядел в отчаянии на мощную спину робота и крикнул:

– Но ты-то можешь мне ответить, в чем дело? Или не можешь?!...

Ему опять захотелось наброситься на приборы и крушить все подряд, рвать наудачу соединения и ломать платы. Но Блэк без колебаний подавил бунт. Он проведет тут неделю, если понадобится, но вычислит, где причина. Ради Сьюзен Кэлвин. Во имя того, что он решил с ней сделать.

Он повернулся на каблуках и задумался.

Каждый узел корабля, от двигателя до последнего двухпозиционного тумблера, был тщательно проверен и испытан на Гипербазе. Немыслимо, чтобы хоть один из них отказал. На корабле не осталось ничего...

Нет, почему же: робот! Роботы проверялись компанией, а там знали, что почем (черти бы их унесли со всем их знанием).

Никто не сомневался в истинности слов, гласивших: робот сделает лучше.

Все были уверены, что это не просто рекламный лозунг компании «Ю. С. Роботс». В любых условиях, с любым делом робот справится лучше, чем человек. Не «как человек», а «лучше, чем человек».

И тут, пока Джеральд Блэк стоял, глядя на робота, и вновь обдумывал эту глубокую мысль, брови под его узким лбом сдвинулись, а взгляд выразил одновременно удивление и безумную надежду.

Он подошел к роботу спереди и пристально всмотрелся в руки, которые удерживали рычаг в позиции переключения и не отпустят его до тех пор, пока корабль не сдвинется или не иссякнет источник энергии.

– Черт меня побери, – выдохнул Блэк, – Черт побери.

Он включил связь. Антенны автоматически следили за Гипербазой.

– Эй, Шлосс, – гаркнул он в микрофон.

Шлосс отозвался сразу:

– Блэк, наконец-то!...

– Спокойно, – оборвал Блэк, – не тратьте слов. Я хотел убедиться, что вы следите за мной.

– Конечно, следим! Все собрались здесь. Послушайте...

Но Блэк уже отключился. Он изобразил улыбку той половиной рта, что была обращена к телекамере и выбрал часть гиперполевого механизма, которое располагалось на виду у них всех. Сколько там собралось народу, он не знал. Может быть, только Кэлнер, Шлосс и Сьюзен Кэлвин. Может, набились все. В любом случае, им будет, на что посмотреть.

Третий блок реле подойдет, решил Блэк. Он был расположен в нише и защищен сварной панелью. Порывшись в инструментах, Блэк вытащил плоский, тупоконечный плазменный агрегат, и подошел к блоку реле. Преодолев остатки страха, он выбрал три точки на сварном шве. Агрегат работал плавно и быстро, тепловое излучение поля слегка нагревало ручку. Панель открылась.

Быстро, чуть ли не с неохотой, он поглядел на экран. Звезды были обычными, он тоже чувствовал себя абсолютно нормально.

Получив этот, последний, заряд бодрости, он поднял ногу и с размаху опустил тяжелый ботинок на деликатнейшие, тончайшие приборы.

Послышался звон стекла, хруст металла, веером покатались капли ртути...

Блэк перевел дыхание и включил связь.

– Шлосс, вы где?

– Я здесь, но...

– Докладываю: возникновение гиперполя на «Парсеке» исключено. Можете забирать меня.

Джералд Блэк чувствовал себя героем не больше, чем когда отправлялся на «Парсек», но люди думали по-другому. За ним прилетели те же двое пилотов. На этот раз они посадили ракету на астероид и радостно хлопали Блэка по спине.

На Гипербазе все высыпали встречать, устроили овацию. Он махал рукой, улыбался толпе и делал все, что положено герою, но настоящего триумфа не ощущал. Пока вместо торжества в нем зрело только предчувствие. Триумф должен был наступить при встрече с Сьюзен Кэлвин.

Перед тем, как сойти по трапу, он задержался, обвел глазами встречающих, но не нашел ее. Генерал Кэллнер был здесь, в привычном панцире солдатской самоуверенности, с прикленной улыбкой начальственного одобрения на лице. Майор Шлосс нервно улыбался.

Ронсон из «Интерпланетари Пресс» размахивал руками. Сьюзен Кэлвин не было.

От Кэллнера и Шлосса Блэк отмахнулся:

– Сперва приму душ и поем.

Он точно знал, что, по крайней мере сейчас, имеет право ставить свои условия.

Агенты секретной службы проложили ему дорогу. Он вымылся и, не торопясь, поел в одиночестве, которое ему было обеспечено по первому требованию, потом вызвал Ронсона и коротко переговорил с ним. Вскоре Ронсон вернулся, и после второго разговора Блэк полностью расслабился. Все шло гораздо лучше, чем он планировал. Даже неудача с «Парсеком» случилась, как по его заказу.

Наконец, он позвонил генералу и приказал собрать совещание. Он имел право приказывать, и генерал-майор Кэллнер ответил:

– Есть, сэр!

Опять они собрались все вместе. Джералд Блэк, Кэллнер, Шлосс и Сьюзен Кэлвин. Но теперь главным был Блэк. Робопсихолог, по-прежнему строгая, взволнованная триумфом не более, чем провалом, пожалуй, все же смягчилась.

Доктор Шлосс прикусил ноготь большого пальца и мягко произнес:

– Доктор Блэк, мы высоко ценим ваше бесстрашие и удачу. – Потом, как бы для соблюдения баланса, добавил: – Но каблуком по блоку реле – все-таки так нельзя. Это и не предусмотрительно, и не обдуманно.

– Нет, отчего же: как раз, обдуманно, – ответил Блэк и бросил первую бомбу: – Видите ли, к тому моменту я уже знал, что случилось.

Шлосс вскочил:

– То есть как? Вы уверены?

– Слетайте, проверьте. Там вполне безопасно. Я вам скажу, на что обратить внимание.

Шлосс медленно сел на место.

– Но если это так, то тем лучше, – обрадованно заявил генерал Кэллнер.

– Да, это так, – сказал Блэк и перевел взгляд на молчавшую Сьюзен Кэлвин.

Он наслаждался властью. Пришел черед бомбы номер два:

– Подвел, конечно, робот. Вы слышите меня, доктор Кэлвин?

Сьюзен Кэлвин впервые нарушила молчание.

– Я слышу. Я, в общем, предполагала это. Робот – единственный из всего оборудования корабля, который не был проверен на Гипербазе.

Блэк на мгновение смутился:

– Вы ничего не говорили об этом.

– Как подчеркнул несколько раз доктор Шлосс, – ответила Сьюзен Кэлвин, – я не специалист по космосу. Все, что у меня было – это догадка, которая могла и не подтвердиться. Я чувствовала себя не вправе склонять вас к какому-либо варианту заранее.

– Ладно, – продолжал Блэк, – но, может быть, вы догадались и в чем дело?

– Нет, сэр.

– Ну, как же! Ведь робот делает лучше, чем человек! В этом-то и загвоздка. Не правда ли, странно: сама установка «Ю. С. Роботс» привела к беде? Ведь роботы на самом деле работают лучше людей.

Он отмерял слово за словом, но она все не брала наживку.

– Уважаемый доктор Блэк, – вздохнула робопсихолог. – Я не несу ответственности за выдумки нашего отдела рекламы.

Блэк снова засмеялся. Сьюзен Кэлвин – хороший боец, подумал он.

– Ваши люди сделали работа, чтобы заменить человека у пульта управления «Парсека».

Он должен был потянуть на себя контрольный рычаг, установить его в нужное положение, и тепло рук окончательно замкнуло бы контакт. Все очень просто, да, доктор Кэлвин?

– Да, все очень просто, доктор Блэк.

– И если бы робот не был лучше человека, все было бы превосходно. К несчастью «Ю. С. Роботс» стремился непременно превзойти человека. Робот должен был потянуть рычаг на

себя сильно. Сильно! Это слово было повторено, подчеркнуто, выделено. И робот выполнил приказание. Он потянул сильно. Но вот беда: он в десять, если не в двадцать раз сильнее, чем человек, в расчете на которого делали контрольный рычаг.

– Вы намекаете...

– Я сообщаю, что рычаг погнут. Он погнут как раз настолько, чтобы переключатель сместился, и когда тепло рук робота включило термопару, контакт не замкнулся, – он усмехнулся. – Это не неудача с одним роботом, доктор Кэлвин. Это символизирует обреченность самой идеи роботизации.

– Послушайте, доктор Блэк, – брезгливо оборвала его Сьюзен Кэлвин, – вы путаете отчет с проповедью. У робота хватает как интеллекта, так и грубой силы. Если бы человек, который приказывал, употребил количественные характеристики, а не дурацкое наречие «сильно», этого бы не случилось. Вели они ему потянуть с силой двадцать пять фунтов, все было бы нормально.

– Другими словами, несовершенство робота должно быть компенсировано изобретательностью и разумом человека. Можете мне поверить, что на Земле все это расценят именно так и вряд ли простят «Ю. С. Роботс» фиаско.

Генерал Кэллнер перебил с привычным металлом в голосе:

– Позвольте, позвольте, Блэк, все сведения об инциденте относятся к засекреченной информации.

– Между прочим, – неожиданно подхватил Шлосс, – ваша теория не проверена. Мы еще пошлем на корабль других людей и все уточним. Может быть, причина вовсе не в работе.

– Да, вы постараетесь истолковать все иначе, верно? Не факт, правда, что вам, как заинтересованной стороне, поверят. А я хочу вам сказать еще одно.

Он изготовил последнюю, третью бомбу.

– Отныне, с этой минуты, я не участвую в проекте по пересылке человека через гиперпространство. Больше на меня не рассчитывайте.

– Почему? – спросила Сьюзен Кэлвин.

– Потому что, как вы недавно определили, доктор Кэлвин, я – проповедник, – улыбнулся Блэк, – и у меня есть миссия. Я должен передать людям Земли, что эра роботов подошла к рубежу, когда человек ценится меньше робота. Что нынче возможно на опасную работу посылать человека, потому что робот чересчур дорог, чтобы им рисковать. По-моему, люди должны знать об этом. Роботов недолюбливают многие. «Ю. С. Роботс» так и не получила разрешения использовать роботов на Земле. Я думаю, доктор Кэлвин, что мой рассказ станет последней каплей. В оплату за сегодняшнюю работу, доктор Кэлвин, вы, ваша фирма и ваши роботы будете истреблены с лица Солнечной системы.

Блэк знал, что предупреждает ее, дает ей время на подготовку ответного удара, но он не мог отказаться от этой сцены. Он ждал своего часа с тех пор, как отправился на «Парсек» и дождался.

Увидев, как на мгновение блеснули светлые глаза Сьюзен Кэлвин, а щеки потеряли мертвенно-бледный цвет, он не без злорадства подумал: ну, каково вам сейчас, ученая миссис доктор?

– Вы не получите ни увольнения, – сказал Кэллнер, – ни разрешения на...

– А чем вы можете остановить меня, генерал? Вы разве не слышали: я – герой! Старушка-Земля любит своих героев, так повелось от века. Все будут слушать меня и мне поверят. И людям не понравится, когда кто-нибудь захочет мне помешать, во всяком случае, пока я им не приелся – новенький, свеженький герой, шутка ли? Я уже говорил с Ронсоном из «Интерпланетари Пресс», предупредил, что у меня наготове сенсация, которая всех чиновников и ученых бонз повыдирает из плюшевых кресел, так что «Интерпланетари Пресс» наготове и ловит каждое слово. Вам остается разве что пристрелить меня. Но думаю, что это вам, мягко говоря, не пойдет на пользу.

Блэк торжествовал. Он высказал все, не утаив ни одной выстраданной фразы. Он под-

нялся, чтобы выйти.

– Минуточку, доктор Блэк, – властно окликнула его Сьюзен Кэлвин.

Блэк невольно обернулся, точь-в-точь, как школьник на голос учительницы, но скрыл замешательство подчеркнутой ироничностью:

– Вы хотите объяснить случившееся, не так ли?

– Отнюдь, – сухо отозвалась она. – Вы дали исчерпывающее объяснение. Я вас и выбрала потому, что вы скорее других все поймете. На основании предыдущего знакомства. Я знала, что вы не любите роботов и, значит, лишены пиетета по отношению к ним. Ознакомившись с вашим личным делом, я увидела, что вы открыто высказывались против эксперимента «робот в гиперпространстве». Ваше начальство считает, что это плохо, но я решила наоборот.

– Послушайте, доктор Кэлвин, я, с вашего позволения, не понимаю, о чем вы толкуете?

– О том, что вы сразу должны были понять, почему нельзя использовать для этого робота. Как вы тут говорили? Насчет того, что несовершенство робота следует компенсировать изобретательностью и разумом человека. Вы правы на сто процентов, молодой человек. На сто процентов. Роботы не изобретательны. Разумность их ограничена, она высчитывается до последней запятой. В чем, собственно, и состоит моя работа. Отдайте приказание роботу – точный приказ – и он его выполнит. Если приказ не точен, он не исправит ошибку без дополнительного приказа. Именно так вы объяснили случай с «Парсеком». Как же мы могли послать робота искать неполадку, не имея возможности отдать точный приказ – не зная, что там стряслось? «Пойди и найди, в чем дело» – это распоряжение для человека, а не для робота. Человеческий мозг – по крайней мере, пока – расчетам не поддается.

Блэк сел и в отчаянии посмотрел на робопсихолога. Ее слова проникали в самую точку, сквозь слой скрывающих суть эмоций. Ему нечего было возразить. Он понял, что проиграл.

– Но вы могли бы сказать мне это и раньше, – произнес он.

– Могла, – согласилась Сьюзен Кэлвин. – Но я заметила, что вы, естественно, очень боитесь за свой рассудок. Такое нетривиальное рассуждение могло ослабить вашу сосредоточенность, и я решила, что лучше вам полагать, будто я настаиваю на вашей кандидатуре единственно из страха за робота. Я подумала, что вы рассердитесь, а гнев, дорогой доктор Блэк, – бывает иногда очень полезен. По меньшей мере, он заглушает страх. И, в общем, расчет оказался правильным.

Она опустила руки на колени и почти улыbnулась.

– Ну и ну, – выдавил из себя Блэк.

– Так что послушайте моего совета, – сказала Сьюзен Кэлвин. – Продолжайте работать, примите титул героя и распишите вашему приятелю репортеру в подробностях детали вашего подвига. Не лишайте его обещанной сенсации.

Блэк медленно и неохотно наклонил голову. Шлосс облегченно вздохнул. Кэллнер ослепительно улыbnулся. Оба слушали Сьюзен Кэлвин молча, молча и протянули ему сейчас руки. Блэк пожал им руки с некоторым сомнением и сказал:

– Вы тоже должны дать интервью, доктор Кэлвин.

– Не говорите глупостей, молодой человек, – поморщилась Сьюзен Кэлвин. – Это моя работа.

Выход из положения

Escape! (1945)

Перевод: А. Иорданский

Когда Сьюзен Кэлвин вернулась с Гипербазы, ее ждал бывший директор исследовательского отдела Лэннинг. Старик никогда не говорил о своем возрасте, но все знали, что ему уже за семьдесят пять. Однако его ум сохранил свою остроту, и хотя Лэннинг в конце концов согласился стать почетным научным руководителем, а отдел возглавил Богерт, это не

мешало старику ежедневно являться в свой кабинет.

– Как там у них дела с гиператомным двигателем? – поинтересовался он.

– Не знаю, – с раздражением ответила Сьюзен. – Я не спрашивала.

– Гм... хоть бы они поторопились. Иначе их может опередить «Консолидейтед». И нас тоже.

– «Консолидейтед»? А при чем здесь они?

– Ну, ведь вычислительные машины есть не только у нас. Правда, у нас они позитронные, но это не значит, что они лучше. Завтра Робертсон созывает по этому поводу большое совещание. Он ждал только вашего возвращения.

Робертсон, сын основателя «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», повернул худое носатое лицо к управляющему компании. Его кадык дернулся, и он сказал:

– Начинайте. Пора в этом разобраться. Управляющий поспешно начал:

– Дело обстоит так, шеф. Месяц назад из «Консолидейтед Роботс» доставили сюда тонн пять расчетов, уравнений и прочего и обратились к нам с довольно необычным предложением. Понимаете, есть одна задача, и они хотят, чтобы наш Мозг ее решил. Условия такие...

Он начал загибать толстые пальцы.

– Мы получаем сто тысяч, если решения не существует и мы укажем им, каких факторов не хватает. Двести тысяч – если решение существует, плюс стоимость постройки машины, о которой идет речь, плюс четверть всей прибыли, которую она принесет. Задача связана с разработкой двигателя для звездолета...

Робертсон нахмурился, и его худая фигура напряглась.

– Несмотря на то что у них есть своя собственная думающая машина. Так?

– Поэтому-то все предложение и кажется таким подозрительным, шеф, Левер, продолжайте.

Эйб Левер, сидевший у дальнего конца стола, встал и поскреб щетину на подбородке. Улыбнувшись, он начал:

– Суть вот в чем, сэр. У «Консолидейтед» сейчас нет думающей машины, Она у них была, но сломалась.

– Что?

Робертсон даже привстал.

– Да, сломалась. Крышка! Никто не знает почему, но у меня есть кое-какие довольно интересные догадки. Например, она могла выйти из строя, когда ей дали разработать звездолет на основе тех же данных, которые они теперь предлагают нам. Сейчас от нее осталась просто груда железного лома, не больше.

– Понимаете, шеф? – управляющий торжествовал. – Понимаете? Нет такой научно-промышленной группы, которая не пыталась бы спроектировать двигатель, искривляющий пространство, а «Консолидейтед» и «Ю. С. Роботс» опередили всех благодаря тому, что у каждой был робот-супермозг. А теперь, когда они ухитрились поломать свой, у нас больше нет конкурентов. Вот в чем соль, вот... гм... их мотив. Раньше чем через шесть лет им новый Мозг не изготовить, и они пропали, если им не удастся сломать и наш на этой же задаче.

Президент «Ю. С. Роботс» широко раскрыл глаза.

– Вот мерзавцы!

– Подождите, шеф. Это еще не все. – Он взмахнул рукой. – Лэннинг, продолжайте!

Доктор Альфред Лэннинг созерцал происходящее с легким презрением, которое всегда вызывала у него деятельность производственного отдела и отдела сбыта, где платили куда больше. Он нахмурил седые брови и бесстрастно начал:

– С научной точки зрения положение хотя и не совсем ясно, но поддается логическому анализу. Проблема межзвездных перелетов при современном состоянии физической теории... гм... весьма туманна. Вопрос поставлен довольно неопределенно, и данные, которые «Консолидейтед» ввела в свою машину, если судить по тому, что они предлагают нам, тоже не слишком определены. Наш математический сектор подверг их тщательному рассмотре-

нию, и можно сказать, что они охватывают все стороны проблемы. Представленный материал включает теорию искривления пространства Франчаки, а также, по-видимому, исчерпывающие сведения по астрофизике и электронике. Это не так уж мало.

Робертсон, слушавший с большой тревогой, прервал его:

– Столько, что Мозг может с ней не справиться?

Лэннинг решительно покачал головой.

– Нет. Насколько мы можем судить, возможностям Мозга предела нет. Дело не в этом, а в Законах Роботехники. Например, Мозг не сможет решить поставленную перед ним задачу, если это будет связано с гибелью людей или причинит им какой-нибудь ущерб. Для Мозга она будет неразрешима. Если же такая задача будет сопровождаться крайне настоятельным требованием ее решить, то вполне возможно, что Мозг, который, в конце концов, всего лишь робот, окажется перед дилеммой: он не будет в состоянии ни дать ответ, ни отказать в ответе. Может быть, что-то в этом роде и произошло с машиной «Консолидейтед».

Он замолчал, но управляющему этого было мало.

– Продолжайте, доктор Лэннинг. Объясните, как вы объясняли мне.

Лэннинг плотно сжал губы и, подняв брови, кивнул в сторону доктора Сьюзен Кэлвин, которая сидела разглядывая свои руки, чинно сложенные на коленях. Подняв глаза, она заговорила тихо и без всякого выражения.

– Характер реакции робота на поставленную дилемму поразителен, – начала она. – Наши знания о психологии роботов далеко не полны, могут вас в этом заверить как специалист, однако такая реакция поддается качественному исследованию, потому что, каким бы сложным ни было устройство позитронного мозга робота, его создает человек, и создает в соответствии со своими представлениями. Человек же, попадая в безвыходное положение, часто стремится бежать от действительности: он или уходит в мир иллюзий, или становится алкоголиком, или заболевает истерией, или бросается с моста в воду. Все это сводится к одному – он не хочет или не может взглянуть правде в лицо. Так же и у роботов. В лучшем случае дилемма разрушит половину его реле, а в худшем – сожжет все его позитронные мозговые связи, так что восстановить их будет уже невозможно.

– Понимаю, – сказал Робертсон, хотя ничего не понял. – Ну, а данные, которые предлагает нам «Консолидейтед»?

– Несомненно, они связаны с подобной запретной задачей, – ответила доктор Кэлвин. – Но наш Мозг сильно отличается от робота «Консолидейтед».

– Совершенно верно, шеф. Совершенно верно, – энергично перебил ее управляющий. – Обратите на это особое внимание, потому что в этом вся суть.

Глаза Сьюзен Кэлвин блеснули под очками, но она терпеливо продолжала:

– Видите ли, сэр, в машины, которые есть у «Консолидейтед», и в том числе их «Супермыслителя», не вкладывается индивидуальность. Они предпочитают функционализм, что вполне понятно, поскольку основные патенты на мозговые связи, определяющие эмоции, принадлежат «Ю. С. Роботс». Их «Мыслитель» – просто грандиозная вычислительная машина, и такая дилемма выведет ее из строя мгновенно. А наш Мозг наделен индивидуальностью, – индивидуальностью ребенка. Это в высшей степени дедуктивный мозг, но он чем-то напоминает ученого идиота. Он не понимает по-настоящему, что делает, – он просто это делает. И, поскольку это, в сущности, ребенок, он более жизнеспособен. Он не слишком серьезно относится к жизни, если можно так выразиться.

Помолчав, Сьюзен Кэлвин продолжала:

– Вот что мы собираемся сделать. Мы разделили все данные «Консолидейтед» на логические единицы. Мы будем вводить их в Мозг по одной в день и очень осторожно. Как только будет введен фактор, создающий дилемму, инфантильная индивидуальность Мозга некоторое время будет колебаться. Его способность к обобщениям и оценкам еще несовершенна. Пока он осознает дилемму как таковую, пройдет ощутимый промежуток времени. А за этот промежуток времени Мозг автоматически отвергнет данную единицу информации, прежде чем его связи успеют приступить к работе и разрушиться.

Кадык Робертсона дрогнул.

– А вы в этом уверены?

Доктор Кэлвин подавила раздражение.

– Я понимаю, что в популярном изложении это звучит не очень убедительно, но приводить математические формулы было бы бессмысленно. Уверю вас, все именно так, как я говорю.

Управляющий не замедлил воспользоваться паузой и разразился потоком слов:

– Таково положение, шеф. Если мы согласимся, то дальше сделаем вот как: Мозг скажет нам, в какой части представленных нам данных заключена дилемма, а мы тогда сможем определить, в чем ее суть. Верно, доктор Богерт? Ну вот, шеф. А доктор Богерт ведь самый лучший математик на свете. Мы отвечаем «Консолидейтед», что задача неразрешима, отвечаем с полным основанием и получаем сто тысяч. У них остается Поломанная машина, у нас – целая. Через год, может быть, через два у нас будет двигатель, искривляющий Пространство, или, как его иногда называют, гиператомный мотор. Но как его ни называй, а это же величайшая вещь!

Робертсон улыбнулся и протянул руку:

– Давайте контракт. Я подпишу.

Когда Сьюзен Кэлвин вошла в строжайше охраняемое подземелье, где находился Мозг, один из дежурных техников только что задал ему вопрос: «Если полтора цыпленка за полтора дня снесут полтора яйца, то сколько яиц снесут девять цыплят за девять дней?».

Мозг только что ответил: «Пятьдесят четыре». И техник только что сказал другому технику: «Вот видишь, дубина!».

Сьюзен Кэлвин кашлянула, и сразу же вокруг закипела суматошная, бесцельная деятельность. Сьюзен сделала нетерпеливый жест, и ее оставили с Мозгом наедине.

Мозг представлял собой всего лишь двухфутовый шар, заполненный гелиевой атмосферой со строго определенными свойствами, абсолютно изолированный от каких бы то ни было вибраций, колебаний и излучений. А внутри него было заключено переплетение позитронных связей неслыханной сложности, которое и было Мозгом. Все остальное помещение было тесно уставлено приспособлениями, служившими посредниками между Мозгом и внешним миром, – его голосом, его руками, его органами чувств.

Доктор Кэлвин тихо произнесла:

– Ну, как поживаешь, Мозг?

Мозг ответил тонким, радостным голосом:

– Очень хорошо, мисс Сьюзен. А я знаю – вы хотите меня о чем-то спросить. Вы всегда приходите с книжкой в руках, когда хотите меня о чем-нибудь спросить.

Доктор Кэлвин мягко улыбнулась.

– Ты угадал, но это немного погодя. Мы зададим тебе один вопрос. Он такой сложный, что мы зададим его в письменном виде. Но это немного позже. А сначала мне нужно с тобой поговорить.

– Это хорошо. Я люблю разговаривать.

– Так вот, Мозг, через некоторое время сюда придут с этим сложным вопросом доктор Лэннинг и доктор Богерт. Мы будем задавать тебе его по частям и очень медленно, потому что хотим, чтобы ты был очень осторожен. Мы попросим тебя сделать на основе этой информации кое-какие выводы, если ты сумеешь, но я должна тебя предупредить, что решение может быть связано... э... с опасностью для человека.

– Ой! – тихо вырвалось у Мозга.

– Поэтому будь внимателен. Когда ты получишь перфокарту, которая означает опасность для человека, может быть, даже смерть, не волнуйся. Видишь ли, Мозг, в данном случае для нас это не так уж важно – даже смерть. Для нас это вовсе не так уж важно. Поэтому, как только ты получишь эту перфокарту, просто остановись и выдай ее назад – вот и все. Понимаешь?

– Само собой. Только – смерть человека... Ой-ой-ой!

– Ну, Мозг, вон идут доктор Лэннинг и доктор Богерт. Они расскажут тебе, в чем состоит задача, и мы начнем, А ты будь умницей...

Одна за другой в Мозг вводились перфокарты с записанной на них информацией. Каждый раз некоторое время слышались странные тихие звуки, похожие на довольное бормотание: Мозг принимался за работу. Потом наступала тишина, означавшая, что Мозг готов к введению следующей перфокарты. За несколько часов в Мозг было введено такое количество математической физики, что для ее изложения потребовалось бы примерно семнадцать толстых томов.

Постепенно люди начали хмуриться. Лэннинг что-то ворчал себе под нос. Богерт сначала задумчиво разглядывал свои ногти, потом начал их рассеянно грызть. Когда толстая кипа перфокарт подошла к концу, побелевшая Кэлвин произнесла:

– Что-то неладно.

Лэннинг с трудом выговорил:

– Не может быть. Он... погиб?

– Мозг! – Сьюзен Кэлвин вся дрожала. – Ты слышишь меня, Мозг?

– А? – раздался рассеянный ответ. – Я вам нужен?

– Решение...

– И только-то? Это я могу. Я построю вам весь корабль. Ничего в этом хитрого нет. Только дайте мне роботов. Хороший корабль. На это понадобится месяца два.

– У тебя не было... никаких затруднений?

– Пришлось долго вычислять, – ответил Мозг. Доктор Кэлвин попятилась. Краска так и не вернулась на ее впалые щеки. Она сделала остальным знак уйти.

У себя в кабинете она сказала:

– Не понимаю. Информация, которую мы ему дали, несомненно содержит дилемму, возможно, даже гибель людей. Если что-то не так...

– Машина говорит, и говорит разумно. Значит, для нее дилеммы нет, – спокойно сказал Богерт.

Но Сьюзен Кэлвин горячо возразила:

– Бывают дилеммы и дилеммы. Существуют разные пути бегства от действительности, Представьте себе, что Мозг поврежден лишь слегка, скажем, настолько, что ошибочно считает себя способным решить задачу, хотя на самом деле не сможет это сделать. Или представьте себе, что сейчас он на грани чего-то действительно ужасного, так что его погубит малейший толчок...

– А представьте себе, – сказал Лэннинг, – что никакой дилеммы не существует. Что машину «Консолидейтед» вывела из строя другая задача или что это была чисто механическая поломка.

– Все равно мы не можем рисковать, – настаивала Сьюзен Кэлвин. – Вот что! С этого момента пусть никто и близко не подходит к Мозгу. Я буду дежурить у него сама.

– Хорошо, – вздохнул Лэннинг. – Дежурьте. А пока пусть Мозг строит свой корабль. И если он его построит, мы должны будем его испытать.

Он задумчиво закончил:

– Для этого понадобятся наши лучшие испытатели.

Майкл Донован яростно пригладил рыжую шевелюру, даже не заметив, что она немедленно вновь встала дыбом.

Он сказал:

– Хватит, Грег. Говорят, корабль готов. Неизвестно, что это за корабль, но он готов. Пошли, Грег, Мне не терпится добраться до кнопок.

Пауэлл устало произнес:

– Брось, Майк. Твои шуточки вообще не поражают свежестью, а здешний спертый воз-

дух им и вовсе не идет на пользу.

– Нет, послушай! – Донован еще раз тщательно провел рукой по волосам. – Меня не так уж беспокоит наш чугунный гений и его жестяной кораблик! Но у меня пропадает отпуск! А скучища-то какая! Мы ничего не видим, кроме бород и цифр, И почему нам поручают такие дела?

– Потому что если они нас лишатся, – мягко ответил Пауэлл, – то потеря будет невелика. Ладно, успокойся. Сюда идет Лэннинг.

Действительно, к ним направлялся Лэннинг. Его седые брови были по-прежнему пышными, а сам он, несмотря на годы, держался все так же прямо и был полон сил. Вместе с испытателями он молча поднялся по откосу на площадку, где безмолвные роботы без всякого участия человека строили корабль.

Нет, неверно! Построили корабль!

Лэннинг сказал:

– Роботы стоят. Сегодня ни один не пошевелился.

– Значит, он готов? Окончательно? – спросил Пауэлл.

– Откуда я знаю? – сварливо ответил Лэннинг. Его брови так сдвинулись, что глаз стало совсем не видно. – Кажется, готов. Никаких лишних деталей вокруг не валяется, а внутри все отполировано до блеска.

– Вы были внутри?

– Только заглянул, Я не космонавт. Кто-нибудь из вас разбирается в теории двигателей?

Донован взглянул на Пауэлла, тот – на Донована. Потом Донован ответил:

– У меня есть диплом, сэр, но когда я его получал, гипердвигатели или навигация с искривлением пространства никому еще и не снились. Обходились детскими игрушками в трех измерениях.

Альфред Лэннинг поглядел на него, недовольно фыркнул и ледяным тоном произнес:

– Что же, у нас есть специалисты по двигателям. Он повернулся, чтобы уйти, но Пауэлл схватил его за локоть.

– Простите, сэр, вход на корабль все еще воспрещен?

Старик постоял в нерешительности, потирая переносицу.

– Пожалуй, нет. Во всяком случае, не для вас двоих.

Донован проводил его взглядом и пробормотал короткую, но выразительную фразу. Потом он повернулся к Пауэллу.

– Жаль, что нельзя сказать ему, кто он такой, Грег.

– Пошли, Майк.

Едва заглянув внутрь, они поняли: корабль закончен. Человек никогда не смог бы так любовно отполировать все его поверхности, как это сделали роботы.

Углов в корабле не было: стены, полы и потолки плавно переходили друг в друга, и в холодном металлическом сиянии скрытых ламп человек видел вокруг себя шесть холодных отражений своей собственной растерянной персоны.

Из главного коридора – узкого и гулкового – двери вели в совершенно одинаковые каюты.

– Наверное, мебель встроена в стены, – сказал Пауэлл. – А может быть, нам вообще не положено ни сидеть, ни спать.

Только последнее помещение, ближайшее к носу корабля, отличалось от остальных. Здесь в металлической стене было прорезано повторяющее ее изгиб окно из неотражающего стекла, а под ним располагался единственный большой циферблат с единственной неподвижной стрелкой, стоявшей точно на нуле.

– Гляди! – сказал Донован, показывая на единственное слово, видневшееся над мелкими делениями шкалы.

Это слово было «парсеки», а у правого конца дугообразной шкалы стояла цифра «1 000 000».

В комнате было два кресла – тяжелые, широкие, без обивки. Пауэлл осторожно присел и обнаружил, что кресло соответствует форме тела и очень удобно.

– Ну, что скажешь? – спросил Пауэлл.

– Держу пари, что у этого Мозга воспаление мозга. Пошли отсюда.

– Неужели ты не хочешь его осмотреть?

– Уже осмотрел. Пришел, увидел и ушел. Рыжие волосы на голове Донована ошетинились.

– Грег, пойдем отсюда, Я увольняюсь. Я уже пять секунд как не состою служащим фирмы, а посторонним вход сюда воспрещен.

Пауэлл снисходительно улыбнулся и погладил усы.

– Ладно, Майк, закрой кран и не выпускай в кровь столько адреналина. Мне тоже вначале было не по себе, но теперь все в порядке.

– Все в порядке, да? Это как же все в порядке? Взял еще один страховой полис?

– Майк, этот корабль не полетит.

– Откуда ты знаешь?

– Мы с тобой обошли весь корабль, верно?

– Да, как будто.

– Поверь мне, весь. А ты видел здесь что-нибудь похожее на рубку управления, если не считать вот этой каютки с единственным иллюминатором и единственной шкалой в парсеках? Ты видел какие-нибудь ручки?

– Нет.

– А двигатель ты видел?

– Верно, не видел!

– То-то, Пойдем, Майк, доложим Лэннингу.

Чертыхаясь и путаясь в коридорах, выглядевших совершенно одинаковыми, они направились к выходу и в конце концов выбрались в короткий проход, который вел их к выходной камере, Донован вздрогнул.

– Это ты запер, Грег?

– И не думал. Нажми-ка на рычаг!

Рычаг не поддавался, хотя лицо Донована исказилось от натуги, Пауэлл сказал:

– Я не заметил никаких аварийных люков. Если что-то здесь неладно, им придется добираться до нас с автогеном.

– Ну да, а нам придется ждать, пока они не обнаружат, что какой-то идиот запер нас здесь, – вне себя от ярости добавил Донован.

– Вернемся в ту каюту с иллюминатором. Это единственное место, откуда мы можем подать сигнал.

Но подать сигнал им так и не пришлось.

Иллюминатор в носовой каюте был уже не небесно-голубым. Он был черным, а яркие желтые точки звезд говорили о том, что за ним – космос.

Два тела с глухим стуком упали в два кресла.

Альфред Лэннинг встретил доктора Кэлвин у своего кабинета. Он нервно закурил сигару и открыл дверь.

– Так вот, Сьюзен, мы зашли очень далеко, и Робертсон нервничает. Что вы делаете с Мозгом?

Сьюзен Кэлвин развела руками.

– Торопиться нельзя. Мозг стоит дороже, чем любая неустойка, какую нам придется заплатить.

– Но вы допрашиваете его уже два месяца.

Голос робопсихолога не изменился, и все-таки в нем прозвучала угроза:

– Вы хотите заняться этим сами?

– Ну, вы же знаете, что я хотел сказать.

– Да, пожалуй, – доктор Кэлвин нервно потерла ладони, – Это нелегко. Я пробовала так и эдак, но еще ничего не добилась. У него ненормальные реакции. Он отвечает как-то странно. Но до сих пор мне не удалось установить ничего определенного. А ведь вы понимаете, что, пока мы не узнаем, в чем дело, мы должны действовать очень осторожно, Я не могу предвидеть, какой вопрос, какое замечание могут... подтолкнуть его за грань, и тогда... тогда мы останемся с совершенно бесполезным Мозгом. Вы хотите пойти на такой риск?

– Но не может же он нарушить Первый Закон.

– Я и сама так думала, но...

– Вы и в этом не уверены? – Лэннинг был потрясен до глубины души.

– О, я ни в чем не уверена, Альфред...

Внезапно прозвучал громкий сигнал тревоги. Лэннинг судорожным движением включил связь и замер, услышав задыхающийся голос.

Потом Лэннинг произнес:

– Сьюзен... Вы слышали?... Корабль взлетел. Полчаса назад я послал туда двух испытателей. Вам нужно еще раз поговорить с Мозгом.

Сьюзен Кэлвин заставила себя задать вопрос спокойным тоном:

– Мозг, что случилось с кораблем?

– С тем, что я построил, мисс Сьюзен? – весело переспросил Мозг.

– Да. Что с ним случилось?

– Ничего. Два человека, которые должны были его испытывать, вошли внутрь. Все было готово – ну, я и отправил их.

– А... Что ж, это хорошо. – Она дышала с трудом. – Ты думаешь, с ними ничего не случится?

– Конечно, ничего, мисс Сьюзен. Я обо всем подумал. Это замечательный корабль.

– Да, Мозг, корабль замечательный, но как ты думаешь, у них хватит еды? Они не будут терпеть никаких неудобств?

– Еды хватит.

– Все это может на них сильно подействовать, Мозг. Понимаешь, это так неожиданно.

Но Мозг возразил:

– Ничего с ними не случится. Им же должно быть интересно.

– Интересно? Почему?

– Просто интересно, – лукаво объяснил Мозг.

– Сьюзен, – лихорадочно шептал Лэннинг, – спросите его, связано ли это со смертью.

Спросите, какая им может грозить опасность.

Лицо Сьюзен Кэлвин исказилось от гнева.

– Молчите!

Дрожащим голосом она обратилась к Мозгу:

– Мы можем связаться с кораблем, не правда ли, Мозг?

– Ну, они вас услышат. По радио. Я это предусмотрел.

– Спасибо. Пока все.

Как только они вышли, Лэннинг набросился на нее:

– Господи, Сьюзен, если об этом узнают, мы все пропали. Мы должны вернуть этих людей. Почему вы не спросили прямо, грозит ли им смерть?

– Потому что именно об этом я и не должна говорить, – устало ответила Кэлвин. – Если существует дилемма, то она связана со смертью. А если внезапно поставить Мозг перед дилеммой, он может не выдержать. И какую пользу это нам принесет? А теперь вспомните: он сказал, что можно с ними связаться. Давайте попробуем – узнаем, где они находятся, вернем их назад. Хотя они, наверное, не могут сами управлять кораблем: Мозг, вероятно, управляет им дистанционно. Пойдемте!

Прошло немало времени, пока Пауэлл наконец не взял себя в руки.

– Майк, – пробормотал он, еле шевеля похолодевшими губами. – Ты чувствовал какое-нибудь ускорение?

Донован тупо посмотрел на него.

– А? Нет... нет.

Потом он, стиснув кулаки, в неожиданном лихорадочном возбуждении вскочил с кресла и приник к холодному изогнутому стеклу. За ним ничего не было видно, кроме звезд.

Донован обернулся.

– Грег, они, наверное, включили двигатель, пока мы были внутри. Грег, тут что-то нечисто. Они с роботом подстроили так, чтобы заставить нас быть испытателями, на случай если мы вздумаем отказаться.

– Что ты болтаешь? – ответил Пауэлл. – Какой толк посылать нас, если мы не умеем управлять кораблем? Как мы повернем его обратно? Нет, этот корабль взлетел сам, и без всякого заметного ускорения.

Он встал и медленно зашагал взад и вперед. Звук его шагов гулко отражался от стен. Он глухо произнес:

– Майк, это самое неприятное положение из всех, в какие мы попадали.

– Это для меня новость, – с горечью ответил Донован. – А я-то радовался и веселился, пока ты меня не просветил.

Пауэлл пропустил его слова мимо ушей.

– Ускорения не было! Значит, корабль работает по совершенно неизвестному принципу.

– Не известному нам, во всяком случае.

– Не известному никому. Не видно никаких двигателей. Может быть, они встроены в стены. Может быть, поэтому стены тут такие толстые.

– Что ты там бормочешь? – спросил Донован.

– А ты бы послушал. Я говорю, что какие бы машины ни приводили в движение этот корабль, они скрыты и, очевидно, не требуют надзора. Корабль управляется дистанционно.

– А кто им управляет? Мозг?

– Почему бы и нет?

– Значит, по-твоему, мы тут останемся до тех пор, пока Мозг не вернет нас обратно?

– Возможно. Если так, давай спокойно ждать. Мозг – это робот. Он обязан соблюдать Первый Закон. Он не может причинить вред человеку.

Донован медленно опустился в кресло.

– Ты так думаешь? – он тщательно пригладил волосы. – Слушай! Эта тарабарщина с искривлением пространства вывела из строя робота «Консолидейтед», и математики объяснили это так: межзвездный перелет смертелен для человека. Какому же роботу мы должны верить? Нашему, насколько я понимаю, представили те же данные.

Пауэлл бешено дергал себя за усы.

– Не притворяйся, Майк, что не знаешь Роботехники. Прежде чем робот обретет физическую возможность нарушить Первый Закон, в нем так много должно поломаться, что он десять раз успеет превратиться в кучу лома. Нет, тут должно быть какое-то очень простое объяснение.

– О, конечно! Попроси дворецкого, чтобы он разбудил меня вовремя. Все это так просто, что мне незачем волноваться, и я буду спать как дитя.

– Ради Юпитера, Майк, чем ты сейчас недоволен? Мозг о нас заботится. Здесь тепло. Светло. Есть воздух. А стартового ускорения не хватило бы даже на то, чтобы растрепать твои волосы, будь они достаточно приглажены.

– Да? А что мы будем есть? Что мы будем пить? Где мы? Как мы вернемся? А если авария, к какому выходу и в каком скафандре должны мы бежать, – бежать, а не идти шагом? Я даже не видел здесь ванной и тех мелких удобств, которые обычно бывают рядом с ней. Конечно, о нас заботятся, и неплохо!

Голос, прервавший речь Донована, принадлежал не Пауэллу. Он не принадлежал нико-

му. Он висел в воздухе – громовой и ошеломляющий:

– Грегори Пауэлл! Майкл Донован! Грегори Пауэлл! Майкл Донован! Просим сообщить ваше местонахождение. Если корабль поддается управлению, просим вернуться на базу. Грегори Пауэлл! Майкл Донован!..

Эти слова с механической размеренностью повторялись снова и снова, разделенные неизменными четкими паузами.

– Откуда это? – спросил Донован.

– Не знаю, – напряженно прошептал Пауэлл, – Откуда здесь свет? Откуда здесь все?

– Но как же нам отвечать?

Они переговаривались во время пауз, разделявших гулкие повторяющиеся призывы.

Стены были голы – настолько, насколько голой может быть гладкая, ничем не прерываемая, плавно изгибающаяся металлическая поверхность.

– Покричим в ответ, – предложил Пауэлл.

Так они и сделали. Они кричали сначала поодиночке, потом хором.

– Местонахождение неизвестно! Корабль не управляется! Положение отчаянное!

Они охрипли. Короткие деловые фразы начали перемежаться воплями и бранью, а холодный, зловещий голос неустанно продолжал, и продолжал, и продолжал их звать.

– Они нас не слышат, – задыхаясь проговорил Донован. – Здесь нет передатчика. Только приемник.

Невидящими глазами он уставился в стену.

Медленно, постепенно гулкий голос становился все тише и глуше. Когда он превратился в шепот, они снова принялись кричать и попробовали еще раз, когда наступила полная тишина.

Минут пятнадцать спустя Пауэлл без всякого выражения сказал:

– Давай пройдем по кораблю еще раз. Должна же здесь быть какая-то еда.

В его голосе не слышно было никакой надежды, Он был готов признать свое поражение.

Они вышли в коридор и принялись осматривать помещения – один по левую сторону, другой – по правую. Они слышали гулкие шаги друг друга, время от времени встречались в коридоре, обменивались свирепыми взглядами и вновь пускались на поиски.

Неожиданно Пауэлл нашел то, что искал. В тот же момент до него донесся радостный возглас Донована:

– Эй, Грег, здесь есть все удобства! Как это мы раньше не заметили?

Минут через десять Донован, поплутав немного, разыскал Пауэлла.

– Душ пока не отыскался... – начал он и осекся. – Еда!

Часть стены, скользнув вниз, открыла проем неправильной формы с двумя полками. Верхняя была уставлена разнообразными жестянками без этикеток. Эмалированные банки на нижней полке были все одинаковые, и Донован почувствовал, как по ногам потянуло холодком. Нижняя полка охлаждалась.

– Как?.. Как?..

– Раньше этого не было, – коротко ответил Пауэлл. – Эта часть стены отодвинулась, как только я вошел.

Он уже ел, Жестянка оказалась самоподогревающейся, с ложкой внутри, и в помещении уютно запахло тушеной фасолью.

– Бери-ка банку, Майк!

Донован заколебался.

– А что в меню?

– Откуда мне знать? Ты стал очень разборчив?

– Нет, но в полетах я только и ем, что фасоль. Мне бы что-нибудь другое.

Он провел рукой по рядам банок и выбрал сверкающую плоскую овальную жестянку, в какие упаковывают лососину и прочие деликатесы. Он нажал на крышку, и она открылась.

– Фасоль! – взвыл Донован и потянулся за новой банкой.

Пауэлл ухватил его за штаны.

– Лучше съешь эту, сынок. Запасы ограничены, а мы можем пробыть здесь очень долго.

Донован нехотя отошел от полок.

– И больше ничего нет? Одна фасоль?

– Возможно.

– А что на нижней полке?

– Молоко.

– Только молоко? – возмутился Донован.

– Похоже.

В ледяном молчании они пообедали фасолью с молоком, а когда они направились к двери, панель скользнула на место, и стена снова стала сплошной.

Пауэлл вздохнул.

– Все делается автоматически. От сих и до сих. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным. Где, говоришь, твои удобства?

– Вон там. И их тоже не было, когда мы смотрели в первый раз.

Через пятнадцать минут они уже снова сидели в своих креслах в каюте с иллюминатором и мрачно глядели друг на друга.

Пауэлл угрюмо покосился на единственный циферблат. Там по-прежнему было написано «парсеки», цифры все еще кончались на 1 000 000, а стрелка все так же неподвижно стояла на нулевом делении.

В святая святых «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» Альфред Лэннинг устало промолвил:

– Они не отвечают. Мы перебрали все волны, все диапазоны – и широкоэвентральные, и частотные, передавали и кодом, и открытым текстом и даже пробовали эти субэфирные новинки. А Мозг все еще ничего не говорит?

Этот вопрос был обращен к доктору Кэлвин.

– Он не хочет говорить на эту тему подробнее, Альфред, – ответила она. – Он утверждает, что они нас слышат... а когда я пытаюсь настаивать, он начинает ну, упрямиться, что ли. А этого не должно быть. Упрямый робот? Невозможно.

– Скажите, чего вы все-таки добились, Сьюзен.

– Пожалуйста. Он признался, что сам полностью управляет кораблем. Он не сомневается, что они останутся целы и невредимы, но подробнее говорить не хочет. Настаивать я не решаюсь. Тем не менее все эти отклонения как будто сосредотачиваются вокруг идеи межзвездного прыжка. Мозг определенно засмеялся, когда я коснулась этого вопроса. Есть и другие признаки ненормальности, но это самый явный. Обведя их взглядом, она добавила:

– Я имею в виду истерию. Я тут же заговорила о другом и надеюсь, что не успела ничему повредить, но это дало мне ключ. С истерией я справлюсь. Дайте мне двенадцать часов! Если я смогу привести его в норму, он вернет корабль.

Богерт вдруг побледнел.

– Межзвездный прыжок?

– В чем дело? – одновременно воскликнули Кэлвин и Лэннинг.

– Расчеты двигателя, которые выдал Мозг... Погодите.. Мне кое-что пришло в голову...

Он выбежал из комнаты. Лэннинг поглядел ему вслед и отрывисто сказал:

– Займитесь своим делом, Сьюзен.

Два часа спустя Богерт возбужденно говорил:

– Уверяю вас, Лэннинг, дело именно в этом. Межзвездный прыжок не может быть мгновенным – ведь скорость света конечна. В искривленном пространстве не может существовать жизнь... Не могут существовать ни вещество, ни энергия как таковые. Я не знаю, какую форму это может принять, но дело именно в этом. Вот что погубило робота «Консолидейтед»!

Донован выглядел измученным, да и чувствовал себя так же.

– Всего пять дней?

– Всего пять дней. Я уверен, что не ошибаюсь. Донован в отчаянии огляделся. Сквозь стекло были видны звезды – знакомые, но бесконечно равнодушные. От стен веяло холодом, лампы, только что вновь ярко вспыхнувшие, светили ослепительно и безжалостно, стрелка на циферблате упрямо показывала на нуль, а во рту Донован ощущал явственный вкус фасоли. Он злобно сказал:

– Я хочу умыться.

Пауэлл взглянул на него и ответил:

– Я тоже, Можешь не стесняться. Но если только ты не собираешься купаться в молоке и остаться без питья...

– Нам все равно скоро придется без него остаться, Грег, когда начнется этот межзвездный прыжок?

– А я почему знаю? Может быть, мы так и будем летать. Со временем мы достигнем цели. Не мы – так наши рассыпавшиеся скелеты. Но ведь, собственно говоря, именно возможность нашей смерти и заставила Мозг свихнуться.

Донован сказал не оборачиваясь:

– Грег, я вот о чем подумал. Дело плохо. Нам нечем себя занять – ходи взад-вперед или разговаривай сам с собой. Ты слышал, как ребята терпели аварии в полете? Они сходили с ума куда раньше, чем умирали от голода. Не знаю, Грег, но с того времени, как снова зажегся свет, со мной творится что-то неладное.

Наступило молчание, потом послышался тихий голос Пауэлла:

– Со мной тоже. Ты что чувствуешь? Рыжая голова повернулась.

– Что-то неладно внутри. Все напряглось и как будто что-то колотится. Трудно дышать. Не могу стоять спокойно.

– Гм-м... А вибрацию ощущаешь?

– Какую вибрацию?

– Сядь на минуту и посиди спокойно. Ее не слышишь, а чувствуешь – как будто что-то где-то бьется, и весь корабль, и ты вместе с ним. Есть, верно?

– Действительно. Что это, как ты думаешь, Грег? Может быть, дело в нас самих?

– Возможно, – Пауэлл медленно провел рукой по усам. – А может быть, это двигатели корабля. Возможно, они переходят на другой режим.

– Зачем?

– Для межзвездного прыжка. Может быть, он скоро начнется, и черт его знает, что это будет.

Донован задумался. Потом сказал гневно:

– Если так, то пусть. Но хоть бы мы могли что-нибудь сделать! Унизительно сидеть вот так и ждать.

Примерно через час Пауэлл посмотрел на свою руку, лежавшую на металлическом подлокотнике кресла, и с ледяным спокойствием произнес:

– Дотронься до стены, Майк.

Донован приложил ладонь к стене и сказал:

– Она дрожит, Грег.

Даже звезды как будто превратились в туманные пятнышки. Где-то за стенами, казалось, набирала силу гигантская машина, накапливая все больше и больше энергии для могучего прыжка.

Это началось внезапно, с режущей боли. Пауэлл весь напрягся и судорожным движением привскочил в кресле. Он еще успел взглянуть на Донована, а потом у него в глазах потемнело, в ушах замер тонкий, всхлипывающий вопль товарища. Внутри него что-то, корчась, пыталось прорваться сквозь ледяной покров, который становился все толще и толще...

Что-то вырвалось и завертелось в искрах мерцающего света и боли. Упало...

...и завертелось...
...и понеслось вниз...
...в безмолвие!

Это была смерть!

Это был мир без движения и без ощущений. Мир тусклого, бесчувственного сознания, – сознания тьмы, и безмолвия, и хаоса.

И главное – сознания вечности.

От человека остался лишь ничтожный белый клочок – его «я», закоченевшее и перепуганное...

Потом проникновенно зазвучали слова, раскатившиеся над ним морем громого гула:

– На вас плохо сидит ваш гроб? Почему бы не испробовать эластичные гробы фирмы Труп С. Кадавры? Их научно разработанные формы соответствуют естественным изгибам тела и обогащены витаминами. Пользуйтесь гробами Кадавры – они удобны. Помните... вы... будете... мертвы... долго... долго!..

Это был не совсем звук, но, что бы это ни было, оно замерло в отдалении, перейдя во вкрадчивый, тягучий шепот.

Ничтожный белый клочок, который, возможно, когда-то был Пауэллом, тщетно цеплялся за неощутимые тысячелетия, окружавшие его со всех сторон, и беспомощно свернулся, когда раздался пронзительный вопль ста миллионов призраков, ста миллионов сопрано, который рос и усиливался:

– Мерзавец ты, как хорошо, что ты умрешь!

– Мерзавец ты, как хорошо, что ты умрешь!

– Мерзавец ты...

Вверх и вверх по сумасшедшей спиральной гамме поднимался этот вопль, перешел в душераздирающий ультразвук, вырвался за пределы слышимости и снова полез все выше и выше...

Белый клочок снова и снова сотрясала болезненная судорога. Потом он тихо напрягся...

Послышались обыкновенные голоса – множество голосов. Шумела толпа, крутящийся людской водоворот, который несся сквозь него, и мимо, и вокруг, несся с бешеной скоростью, роняя зыбкие обрывки слов:

– Куда тебя, приятель? Ты весь в дырках...

– В геенну, должно быть, но у меня...

– Я было добрался до рая, да Святой Пит, что с ключами...

– Ну нет, он-то у меня в кулаке. Дельвали мы с ним всякие делишки...

– Эй, Сэм, сюда!..

– Можешь замолвить словечко? Вельзевул говорит..

– Пошли, любезный бес? Меня ждет Са...

А над всем этим бухал все тот же раскатистый рев:

– СКОРЕЕ! СКОРЕЕ! СКОРЕЕ! Шевелись, не задерживайся – очередь ждет! Приготовьте документы и не забудьте при выходе поставить печать у Петра, Не попадите к чужому входу. Огня хватит на всех. ЭЙ, ТЫ, ЭЙ, ТЫ ТАМ! ВСТАНЬ В ОЧЕРЕДЬ, А НЕ ТО...

Белый клочок, который когда-то был Пауэллом, робко пополз назад, пятясь от надвигавшегося на него крика, чувствуя, как в него больно тычет указующий перст. Все смешалось в радугу звуков, осыпавшую осколками измученный мозг.

Пауэлл снова сидел в кресле. Он чувствовал, что весь дрожит.

Донован открыл глаза – два выпученных шара, как будто облитые голубой глазурью.

– Грег, – всхлипнул он, – ты был мертв?

– Я... я чувствовал, что умер.

Он не узнал своего охрипшего голоса. Донован сделал попытку встать, но она не увен-

чалась успехом.

– А сейчас мы живы? Или будет еще?

– Я... я чувствую, что жив.

Пауэлл все еще хрипел. Он осторожно спросил:

– Ты... ты что-нибудь слышал, когда... когда был мертв?

Донован помолчал, потом медленно кивнул.

– А ты?

– Да. Ты слышал про гробы?.. И женское пение?.. И как шла очередь в ад? Слышал?

Донован покачал головой.

– Только один голос.

– Громкий?

– Нет. Тихий, но такой шершавый, как напильником по кончикам пальцев. Это была проповедь. Про геенну огненную. Он рассказывал о муках... ну, ты это знаешь. Я как-то слышал такую проповедь... Почти такую.

Он был весь мокрый от пота.

Они заметили, что сквозь иллюминатор проникает свет – слабый, бело-голубой – и исходит он от далекой сверкающей горошинки, которая не была родным Солнцем.

А Пауэлл дрожащим пальцем показал на единственный циферблат. Стрелка неподвижно и гордо стояла у деления, где было написано «300 000 парсеков».

– Майк, – сказал Пауэлл, – если это правда, то мы вообще за пределами Галактики.

– Черт! – ответил Донован. – Значит, мы первыми вышли за пределы Солнечной системы, Грег!

– Да, именно! Мы улетели от Солнца. Мы вырвались за пределы Галактики. Майк, этот корабль решает проблему! Это свобода для всего человечества – свобода переселиться на любую звезду, на миллионы, и миллиарды, и триллионы звезд!

И он тяжело упал в кресло.

– Но как же мы вернемся, Майк? Донован неуверенно улыбнулся.

– Ерунда! Корабль доставил нас сюда, корабль отвезет нас обратно. А я, пожалуй, поел бы фасоли.

– Но, Майк... постой. Если он отвезет нас обратно таким же способом, каким доставил сюда...

Донован, не успев подняться, снова рухнул в кресло, Пауэлл продолжал:

– Нам придется... снова умереть, Майк.

– Что ж, – вздохнул Донован, – придется так придется, По крайней мере, это не навечно. Не очень навечно...

Теперь Сьюзен Кэлвин говорила медленно. Уже шесть часов она медленно допрашивала Мозг – шесть бесплодных часов. Она устала от этих повторений, от этих обиняков, устала от всего.

– Так вот, Мозг, еще один вопрос. Ты должен постараться и ответить на него просто. Ты ясно представлял себе этот межзвездный прыжок? Очень далеко он их заведет?

– Куда они захотят, мисс Сьюзен. С искривлением пространства это не фокус, честное слово.

– А по ту сторону что они увидят?

– Звезды и все остальное. А вы что думали?

И неожиданно для себя она спросила:

– Значит, они будут живы?

– Конечно!

– И межзвездный прыжок им не повредит?

Она замерла. Мозг молчал. Вот оно! Она коснулась больного места.

– Мозг! – тихо взмолилась она. – Мозг, ты меня слышишь?

Раздался слабый, дрожащий голос Мозга:

– Я должен отвечать? О прыжке?

– Нет, если тебе не хочется. Конечно, это было бы интересно... Но только если ты сам хочешь.

Сьюзен Кэлвин старалась говорить как можно веселее.

– Ну-у-у... Вы мне все испортили.

Она внезапно вскочила – ее озарила догадка.

– О боже! – у нее перехватило дыхание. – Боже! Она почувствовала, как все напряжение этих часов и дней мгновенно разрядилось.

Позже она сказала Лэннингу.

– Уверяю вас, все хорошо. Нет, сейчас оставьте меня в покое. Корабль вернется, и вместе с людьми, а я хочу отдохнуть. Я должна отдохнуть. Теперь уходите.

Корабль вернулся на Землю так же тихо и плавно, как и взлетел. Он сел точно на прежнее место. Открылся главный люк, и из него осторожно вышли двое, потирая заросшие густой щетиной подбородки.

И рыжий медленно встал на колени и звонко поцеловал бетонную дорожку.

Они еле отделались от собравшейся толпы и от двух ретивых санитаров, которые вскочили с носилками из подлетевшей санитарной машины.

Грегори Пауэлл спросил:

– Где тут ближайший душ?

Их увели.

Потом все собрались вокруг стола. Здесь был весь цвет «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн».

Пауэлл и Донован кончили свой краткий, но захватывающий рассказ.

Наступившее молчание прервала Сьюзен Кэлвин, За прошедшие несколько дней к ней вернулось ее обычное ледяное, несколько ядовитое спокойствие – и все-таки она казалась немного смущенной.

– Строго говоря, – сказала она, – во всем виновата я. Когда мы впервые поставили эту задачу перед Мозгом: я, как кое-кто из вас, надеюсь, помнит, всячески старалась внушить ему, чтобы он выдал обратно ту порцию данных, которая содержит в себе дилемму. При этом я сказала ему примерно такую фразу; «Пусть тебя не волнует гибель людей. Для нас это вовсе не важно. Просто выдай перфокарту обратно и забудь о ней».

– Гм, – произнес Лэннинг. – Ну и что же произошло?

– То, чего и следовало ожидать. Когда эти данные были им получены и он вывел формулу, определявшую минимальный промежуток времени, необходимый для межзвездного прыжка, стало ясно, что для людей это означает смерть. Тут-то и сломалась машина «Консолидейтед». Но я добилась того, что гибель человека представлялась Мозгу не такой уж существенной – не то чтобы допустимой, потому что Первый Закон нарушен быть не может, – но достаточно неважной, так что Мозг успел еще раз осмыслить эту формулу. И понять, что после этого интервала люди вернутся к жизни, – точно так же как возобновится существование вещества и энергии самого корабля. Другими словами, эта так называемая «смерть» оказалась сугубо временным явлением.

Она обвела взглядом сидевших за столом. Все внимательно слушали.

– Поэтому он смог обработать эти данные, – продолжала она, – хотя для него это прошло и не совсем безболезненно. Несмотря на то, что смерть должна была быть временной, несмотря на то, что она представлялась не очень существенной, все же этого было достаточно, чтобы слегка вывести его из равновесия.

Она спокойно закончила:

– У него появилось чувство юмора – видите ли, это тоже выход из положения, один из путей частичного бегства от действительности. Мозг сделался шутником.

Пауэлл и Донован вскочили.

– Что?! – воскликнул Пауэлл.

Донован выразился гораздо цветистее.

– Да, это так, – ответила Кэлвин, – Он заботился о вас, обеспечил вашу безопасность, но вы не могли ничем управлять, потому что управление предназначалось не для вас, а для расшалившегося Мозга. Мы смогли связаться с вами по радио, но ответить вы не могли. Пищи у вас было достаточно, но это были только фасоль и молоко. Потом вы, так сказать, умерли и воскресли, но эта ваша временная смерть была сделана... ну... не скучной. Хотела бы я знать, как это ему удалось. Это была коронная шуточка Мозга, но намерения у него были добрые.

– Добрые! – задыхаясь, прохрипел Донован. – Ну, будь у этого милого шутника шея...

Лэннинг предостерегающе поднял руку, и Донован умолк.

– Ну хорошо, это было неприятно, но все позади. Что же мы предпримем дальше?

– Очевидно, нам предстоит усовершенствовать двигатель для искривления пространства, – спокойно произнес Богерт. – Наверняка есть какой-нибудь способ обойти этот интервал, необходимый для прыжка. Если такой способ существует, мы его найдем – ведь только у нас есть грандиозный суперробот. Межзвездные полеты окажутся монополией «Ю. С. Роботс», а человечество получит возможность покорить Галактику.

– А как же «Консолидейтед»? – спросил Лэннинг.

– Эй, – внезапно прервал его Донован. – У меня есть предложение. Они устроили «Ю. С. Роботс» порядочную пакость. Хоть все кончилось не так плохо, как они рассчитывали; и даже хорошо, но намерения-то у них были самые черные. А больше всего досталось нам с Греггом. Так вот, они хотели получить решение задачи, и они его получают. Перешлите им этот корабль с гарантией, и «Ю. С. Роботс» получит свои двести тысяч и стоимость постройки. А в случае, если они захотят его испытать... Что если дать Мозгу еще немного пошалить, прежде чем его отрегулировать?

– Мне кажется, это честно и справедливо, – невозмутимо сказал Лэннинг.

А Богерт рассеянно добавил:

– И строго отвечает условиям контракта...

Улики

Evidence (1946)

Перевод: А. Иорданский

Фрэнсис Куинн был политиком новой школы, Конечно, в этом выражении, как и во всех ему подобных, нет никакого смысла. Большинство «новых школ», которые мы видим, можно было бы отыскать в общественной жизни Древней Греции, а может быть, и древнего Шумера, и доисторических свайных поселений Швейцарии, если бы мы только лучше их знали.

Однако, чтобы покончить с вступлением, которое обещает быть скучным и сложным, лучше сразу скажем, что Куинн не баллотировался на выборные должности, не охотился за голосами, не произносил речей и не подделывал избирательных бюллетеней. Точно так же, как Наполеон сам не стрелял из пушки во время битвы при Аустерлице.

И так как политика сводит самых разных людей, то однажды напротив Куинна за столом оказался Альфред Лэннинг. Его густые седые брови низко нависли над глазами, что означало острое раздражение. Он был очень сердит.

Это обстоятельство, будь оно известно Куинну, нимало его не обеспокоило бы. Его голос был дружелюбным – впрочем, может быть, просто профессионально дружелюбным.

– Полагаю, доктор Лэннинг, вы знаете Стивена Байерли?

– Я о нем слышал... Так же как и многие другие.

– Я тоже. А не намереваетесь ли вы голосовать за него на следующих выборах?

– Чего не знаю, того не знаю, – ответил Лэннинг с оттенком язвительности. – Я полити-

кой не интересуюсь и даже не знал, что он выставил свою кандидатуру.

– Он может стать нашим будущим мэром. Конечно, пока он всего лишь прокурор, но ведь большие деревья вырастают из...

– Да, Да, – перебил Лэннинг, – я это уже слышал. Но не перейти ли нам к сути дела?

– А мы уже к ней перешли, доктор Лэннинг. – Голос Куинна был необыкновенно кротким. – Я заинтересован в том, чтобы мистер Байерли не поднялся выше поста окружного прокурора, а вы заинтересованы в том, чтобы мне помочь.

– Я заинтересован?! Неужели? – Лэннинг еще сильнее насупил брови.

– Ну, скажем, не вы, а «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн». Я пришел к вам, как к ее бывшему научному руководителю, зная, что руководство корпорации все еще с уважением прислушивается к вашим советам. Тем не менее формально вы уже почти не связаны с ними и не очень стеснены в своих действиях, даже если эти действия будут не вполне укладываться в рамки дозволенного.

Доктор Лэннинг на некоторое время погрузился в размышления. Потом он сказал, уже мягче:

– Я не совсем вас понимаю, мистер Куинн.

– Это не удивительно, доктор Лэннинг. Но все довольно просто. Вы не возражаете?

Куинн закурил тонкую сигарету от простой, но изящной зажигалки, и на его лице с крупными чертами появилось довольное выражение.

– Мы говорили о мистере Байерли – странной и яркой личности. Три года назад о нем никто не знал. Сейчас он широко известен. Это сильный и одаренный человек. Во всяком случае, из всех прокуроров, каких я только знал, он самый умный и талантливый. К несчастью, он не принадлежит к числу моих друзей...

– Понимаю, – машинально сказал Лэннинг, разглядывая свои ногти.

– В прошлом году, – спокойно продолжал Куинн, – мне пришлось заняться мистером Байерли – и навести о нем подробные справки. Видите ли, всегда полезно подвергнуть тщательному изучению прошлое политика, ратующего за реформы. Если бы вы знали, как часто это помогает...

Он сделал паузу и невесело усмехнулся, глядя на рдеющий кончик сигареты.

– Но прошлое мистера Байерли ничем не замечательно. Спокойная жизнь в маленьком городке, колледж, гибель жены в автомобильной катастрофе, тяжелые увечья и долгая болезнь, изучение права, переезд в столицу, должность прокурора...

Фрэнсис Куинн медленно покачал головой и прибавил:

– А вот его теперешняя жизнь весьма примечательна. Наш окружной прокурор никогда не ест!

Лэннинг резко поднял голову, его глаза стали неожиданно внимательными:

– Простите?

– Наш окружной прокурор никогда не ест! – повторил отдельно Куинн. – Говоря точнее, никто ни разу не видел, чтобы он ел или пил. Ни разу! Вы понимаете, что это значит? Не то чтобы редко, а ни разу!

– Это совершенно невероятно. Заслуживают ли доверия ваши источники?

– Им можно верить, и, на мой взгляд, ничего невероятного в этом нет. Далее, никто не видел, чтобы наш окружной прокурор пил, – ни воду, ни алкогольные напитки, – или спал. Есть и другие факты, но мне кажется, что я уже ясно высказал свою мысль.

Лэннинг откинулся в кресле. Некоторое время длился молчаливый поединок. Наконец старый Роботехник покачал головой.

– Нет. Из ваших слов, в сочетании с тем, что вы говорите их именно мне, может следовать только один вывод. Но это невозможно.

– Да ведь он ведет себя совершенно не так, как ведут себя люди, доктор Лэннинг!

– Если бы вы сказали мне, что он переодетый Сатана, я бы вам скорее поверил.

– Я говорю вам, что это робот, доктор Лэннинг.

– А я говорю, что ничего более невероятного я еще не слышал, мистер Куинн.

Снова наступило враждебное молчание.

– Тем не менее, – Куинн аккуратно погасил свою сигарету, – вам придется расследовать это невероятное дело, используя все возможности корпорации.

– Я могу вам наверняка сказать, мистер Куинн, что никакого участия в подобном расследовании не приму. Неужели вы хотите предложить корпорации вмешаться в местную политику?

– У вас нет выбора. Представьте себе, что мне придется опубликовать эти факты, не имея доказательств. Улики слишком косвенны.

– Это ваше дело.

– Но я этого не хочу. Прямое доказательство было бы гораздо лучше. И вы тоже не хотите, потому что такого рода гласность может принести немалый вред компании. Я полагаю, вам прекрасно известны законы, строго запрещающие использование роботов в населенных мирах.

– Разумеется! – резко ответил Лэннинг.

– Вы знаете, что «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» – единственное предприятие в Солнечной системе, производящее позитронных роботов. А если Байерли робот, то он – позитронный робот. Вам известно также, что все позитронные роботы предоставляются в аренду, а не продаются, так что корпорация остается владельцем каждого робота и, следовательно, несет ответственность за его действия.

– Мистер Куинн, ничего не стоит доказать, что человекоподобных роботов корпорация никогда не изготавливала.

– А вообще это возможно? Просто как предположение?

– Да. Это возможно.

– Очевидно, это возможно сделать и тайно? Без регистрации в ваших книгах?

– Только не с позитронным мозгом. Это крайне сложная работа, и она делается под строжайшим правительственным контролем.

– Да, но робот может изнашиваться, сломаться, выйти из строя – и тогда его демонтируют.

– А позитронный мозг используют снова или уничтожат.

– В самом деле? – Фрэнсис Куинн позволил себе едва заметный сарказм. – А если один позитронный мозг – случайно, разумеется, – не был уничтожен, а под рукой, тоже случайно, оказался человекоподобный робот, в который еще не был вложен мозг?

– Такого быть не может!

– Не исключено, что вам придется доказывать это правительству и народу. Так почему бы не доказать сейчас мне?

– Но зачем такой робот мог нам понадобиться? – раздраженно спросил доктор Лэннинг. – Какие у нас могли быть мотивы? Признайте за нами хоть немного здравого смысла!

– Пожалуйста, дорогой мой. Корпорация очень заинтересована в том, чтобы в тех или иных областях разрешили использовать человекоподобных позитронных роботов. Это принесло бы огромные прибыли. Но предубеждение публики слишком сильно. Что если дать ей сначала привыкнуть к таким роботам? Вот, например, искусный юрист или хороший мэр, и он, оказывается, робот. Покупайте нашего робота-слугу!

– Чистейшая фантазия, доходящая до нелепости.

– Возможно. Так докажите это! Или вы все-таки предпочтете доказывать это публике?

Наступили сумерки, но в комнате еще не настолько стемнело, чтобы нельзя было заметить краску смущения на лице Альфреда Лэннинга. Рука Роботехника потянулась к выключателю, и па стенах мягко засветились лампы.

– Ну хорошо, – пробормотал он. – Посмотрим.

Внешность Стивена Байерли было бы нелегко описать. По документам ему было сорок лет. И взглядевшись повнимательнее, ему можно было дать сорок лет, хотя на первый взгляд его здоровый, упитанный, веселый вид не очень соответствовал этому возрасту.

Это впечатление особенно усиливалось, когда он смеялся. Сейчас он как раз смеялся –

громко и долго.

Временами успокаиваясь, а потом снова раздражаясь хохотом.

А напряженное лицо Альфреда Лэннинга, наоборот, выражало крайнее неудовольствие. Он взглянул на женщину, сидевшую рядом, но ее тонкие, бескровные губы были лишь едва заметно сжаты.

Наконец Байерли более или менее отдышался и пришел в себя.

– Нет, в самом деле, доктор Лэннинг!.. Я!.. Я – робот!

– Не я это утверждаю, – отрезал Лэннинг. – Меня вполне удовлетворит, если вы окажетесь представителем рода человеческого, И так как наша корпорация вас не изготавливала, то я вполне уверен, что вы человек, – во всяком случае, с юридической точки зрения. Но поскольку предположение, что вы робот, было высказано всерьез и исходит от лица, занимающего определенное положение...

– Не упоминайте его имени, если это противоречит вашим этическим принципам, но ради простоты назовем его Фрэнком Куинном. Продолжайте.

Лэннинг яростно фыркнул, недовольный тем, что его перебили, и после подчеркнутой паузы продолжал еще более ледяным голосом:

– ...от лица, занимающего определенное положение, – о его имени мы сейчас гадать не будем, – я вынужден просить вашей помощи, чтобы это предположение опровергнуть. Если этот человек, воспользовавшись средствами, имеющимися в его распоряжении, выдвинет это предположение публично, сам такой факт может нанести большой ущерб компании, которую я представляю, даже если оно и не будет доказано. Вы понимаете?

– Да, ваше положение мне ясно. Обвинение нелепо, но неприятности, грозящие вам, серьезны. Извините, если мой смех вас обидел. Меня рассмешила сама подобная мысль, а не ваши трудности. Чем я йогу вам помочь?

– О, это очень легко. Вам нужно просто зайти в ресторан в присутствии свидетелей и дать сфотографировать себя за едой.

Лэннинг откинулся в кресле. Самая трудная часть разговора осталась позади. Женщина, сидевшая рядом с ним, была, очевидно, настолько поглощена наблюдением за Байерли, что не принимала участия в разговоре.

Стивен Байерли на мгновение встретился с ней глазами, с трудом отвел их и снова повернулся к Роботтехнику. Некоторое время он задумчиво вертел в руках бронзовое пресс-папье, которое было единственным украшением его стола.

Потом он тихо сказал:

– Боюсь, что не смогу оказать вам эту услугу. – Он поднял руку. – Погодите, доктор Лэннинг. Я понимаю, что вся эта история вам противна, что вас втянули в нее против вашего желания и вы чувствуете, что играете недостойную и даже смешную роль. Но все-таки это в гораздо большей степени касается меня, так что будьте снисходительны. Во-первых, почему вы исключаете возможность того, что Куинн – ну, этот человек, занимающий определенное положение, – обвел вас вокруг пальца, чтобы вы поступили именно так, как нужно ему?

– Ну, вряд ли уважаемый человек пойдет на такой риск, не чувствуя твердой почвы под ногами.

– Вы не знаете Куинна, – сказал Байерли очень серьезно. – Он способен удержаться на таком крутом склоне, где и горный баран свернул бы себе шею. Я полагаю, он сказал вам, будто во всех подробностях изучил мое прошлое?

– Да, и убедил меня, что нашей корпорации стоило бы многих хлопот опровергнуть его, в то время как вам это было бы гораздо легче.

– Значит, вы поверили, будто я никогда не ем. Вы же ученый, доктор Лэннинг! Подумайте только, где здесь логика? Никто не видел, чтобы я ел, следовательно, я никогда не ем. Что и требовалось доказать. Ну, знаете ли...

– Вы пользуетесь прокурорскими уловками, чтобы запутать очень простой вопрос.

– Наоборот, я пытаюсь прояснить вопрос, который вы с Куинном очень усложняете. Дело в том, что я мало сплю, это правда, и, конечно, никогда еще не спал при посторонних. Я

не люблю есть в присутствии других людей – вероятно, это нервное. Согласен, такая причуда не совсем обычна, но она никому не причиняет вреда. Судите сами, доктор Лэннинг. Представьте себе, что политик, стремящийся во что бы то ни стало устранить своего противника, обнаруживает в его частной жизни вот такие странности, о каких я говорил. И он решает, что самое лучшее средство как можно сильнее очернить этого противника – ваша компания. Как вы: думаете, скажет ли он вам: «Такой-то – робот, потому что он не ест на людях, и я никогда не видел, чтобы он засыпал на заседании суда, а однажды, когда я ночью заглянул к нему в окно, он сидел с книгой и его холодильник был пуст?» Если бы он так сказал, вы бы вызвали санитаров со смиренной рубашкой. Но этот человек говорит: «Он никогда не спит, он никогда не ест». И вы, сбитые с толку необычайностью такого заявления, не видите, что доказать его невозможно. Вы вносите свой вклад в шумиху и этим играете ему на руку.

– Тем не менее, сэр, – упрямо настаивал Лэннинг, – считаете вы это дело серьезным или не считаете, но, чтобы его прекратить, достаточно лишь того обеда, о котором я говорил.

Байерли снова повернулся к женщине, которая все еще внимательно разглядывала его.

– Извините, я правильно расслышал ваше имя? Доктор Сьюзен Кэлвин?

– Да, мистер Байерли.

– Вы психолог «Ю. С. Роботс»?

– Простите, робопсихолог.

– А разве психология роботов так отличается от человеческой?

– Разница огромная, – она позволила себе холодно улыбнуться. – Прежде всего, роботы глубоко порядочны.

Уголки рта юриста дрогнули в улыбке.

– Да, это не очень лестно для людей. Но я хотел сказать вот что. Раз вы психо... робопсихолог, да еще женщина, вы, наверное, сделали кое-что такое, о чем доктор Лэннинг не подумал.

– Что именно?

– Вы захватили с собой в сумочке какую-нибудь еду.

Что-то дрогнуло в привычно равнодушных глазах Сьюзен Кэлвин. Она сказала:

– Вы удивляете меня, мистер Байерли...

Открыв сумочку, она достала яблоко и спокойно протянула ему. Доктор Лэннинг, затаив дыхание, напряженно следил, как оно перешло из одной руки в другую.

Стивен Байерли спокойно откусил кусок и так же спокойно проглотил его.

– Видели, доктор Лэннинг?

Доктор Лэннинг облегченно вздохнул. Далее его брови какое-то мгновение выражали некоторую доброжелательность. Но это продолжалось лишь одно недолгое мгновение. Сьюзен Кэлвин сказала:

– Мне, естественно, было интересно посмотреть, съедите ли вы его, но это, конечно, ничего не доказывает.

– Разве? – улыбнулся Байерли.

– Конечно. Совершенно ясно, доктор Лэннинг, что если это человекоподобный робот, то имитация должна быть полной. Он абсолютно неотличим от человека. В конце концов, мы всю жизнь имеем дело с людьми, и приблизительным сходством нас обмануть нельзя. Он должен быть похож на человека во всем. Обратите внимание на текстуру кожи, на цвет радужных оболочек, на конструкцию кистей рук. Если это робот, то жаль, что не «Ю. С. Роботс» изготовила его, потому что он прекрасно сработан. Так вот, разве тот, кто позаботился о таких мелочах, не сообразил бы добавить несколько устройств для еды, сна, выделений? Может быть, только на крайний случай: например, чтобы предотвратить такое положение, которое возникло сейчас. Так что обед ничего не докажет.

– Погодите, – возразил Лэннинг, – я не такой дурак, каким вы оба пытаетесь меня изобразить. Мне неважно, человек мистер Байерли или нет. Мне нужно выручить из беды нашу корпорацию. Публичный обед Положит конец всем подозрениям, что бы там ни делал Ку-

инн. А тонкости можно оставить юристам и респсихологам.

– Но, доктор Лэннинг, – сказал Байерли, – вы забываете, что тут замешана политика. Я так же стремлюсь быть избранным, как Куинн – этому воспрепятствовать. Кстати, вы заметили, что назвали его имя? Это мой старый профессиональный прием. Я знал, что рано или поздно вы его назовете. Лэннинг покраснел.

– При чем здесь выборы?

– Скандал, сэр, – палка о двух концах. Если Куинн хочет объявить меня роботом и осмелится это сделать, у меня хватит мужества принять вызов.

– Вы хотите сказать, что... – испуганно произнес Лэннинг.

– Вот именно. Я хочу сказать, что позволю ему действовать – выбрать себе веревку, попробовать ее прочность, отрезать нужный кусок, завязать петлю, сунуть в нее голову и оскалить зубы. А уж остальные мелочи я беру на себя.

– Вы очень в себе уверены.

Сьюзен Кэлвин поднялась.

– Пойдемте, Альфред. Мы его не переубедим.

– Вот видите, – Байерли улыбнулся, – вы и в человеческой психологии разбираетесь.

Но вечером, когда Байерли поставил автомобиль на транспортер подземного гаража и направился к двери, своего дома, в нем не видно было той уверенности в себе, которую отметил доктор Лэннинг.

Когда он вошел, человек, сидящий в инвалидном кресле на колесах, с улыбкой повернулся к нему. Лицо Байерли засветилось любовью. Он подошел к креслу.

Хриплый, скрежещущий шепот калеки вырвался из перекошенного вечной гримасой рта, который зиял на лице, состоявшем наполовину из шрамов и рубцов.

– Ты сегодня поздно, Стив.

– Да-да, Джон, я знаю. Но я сегодня столкнулся с одной необычной и интересной трудностью.

– Ну? – Ни изуродованное лицо, ни еле слышный голос ничего не выражали, но в ясных глазах появилась тревога. – Ты не можешь с ней справиться?

– Я еще не уверен. Может быть, мне понадобится твоя помощь. Главная-то умница у нас – ты. Хочешь, я отнесу тебя в сад? Прекрасный вечер.

Его могучие руки подняли Джона с кресла. Они мягко, почти нежно обхватили плечи и забинтованные ноги калеки. Осторожно, медленно Байерли прошел через комнаты, спустился по пологому пандусу, специально приспособленному для инвалидного кресла, и через заднюю дверь вышел в сад, окруженный стеной с колючей проволокой по гребню.

– Почему ты не даешь мне ездить в кресле, Стив? Это глупо.

– Потому что мне нравится тебя носить. Ты против? Ведь ты и сам рад на время вылезти из этой механической тележки. Как ты себя сегодня чувствуешь?

Он с бесконечной нежностью опустил Джона на прохладную траву.

– А как я могу себя чувствовать? Но расскажи о своих трудностях.

– Тактика Куинна в избирательной кампании будет основана на том, что он объявит меня роботом.

Джон широко раскрыл глаза.

– Откуда ты знаешь? Это невозможно. Я не верю.

– Ну, я же тебе говорю. Сегодня он прислал ко мне ученых заправил «Ю. С. Роботс».

Руки Джона медленно срывали одну травинку за другой.

– Ах, вот оно что...

Байерли сказал:

– Но мы дадим ему возможность выбрать оружие, У меня есть идея. Послушай и скажи, не можем ли мы сделать вот как...

В этот же вечер в кабинете Альфреда Лэннинга разыгралась немая сцена. Фрэнсис Ку-

инн задумчиво разглядывал Альфреда Лэннинга, тот яростно уставился на Сьюзен Кэлвин, а она, в свою очередь, бесстрастно глядела на Куинна.

Фрэнсис Куинн прервал молчание, сделав неуклюжую попытку разрядить атмосферу.

– Блеф! Он все это тут же и придумал.

– И вы готовы сделать ставку на это, мистер Куинн? – безразлично спросила доктор Кэлвин.

– Ну, в конце концов, ставка-то ваша.

– Послушайте, – показная уверенность, звучавшая в голосе доктора Лэннинга, не скрывала мучивших его сомнений, – мы сделали то, о чем вы просили. Мы видели, как этот человек ест. Смешно думать, будто он робот.

– И вы так считаете? – Куинн повернулся к Кэлвин. – Лэннинг говорил, что вы специалист.

Лэннинг начал почти угрожающим тоном:

– Вот что, Сьюзен...

Куинн вежливо перебил его:

– Позвольте, а почему бы ей и не высказаться? Она уже полчаса сидит здесь и молчит.

Лэннинг почувствовал, что у него больше нет сил. Ему казалось, еще немного – и он сойдет с ума.

– Хорошо, Сьюзен, говорите. Мы не будем вас перебивать.

Сьюзен Кэлвин посмотрела на него, потом перевела холодный взгляд на мистера Куинна.

– Есть только два способа с несомненностью доказать, что Байерли – робот. Пока что вы предъявляете лишь косвенные улики – они позволяют выдвинуть обвинение, но не доказать его. А я думаю, что мистер Байерли достаточно умен, чтобы отбить такое нападение. Вероятно, и вы так думаете, иначе бы вы не пришли к нам. Доказать же можно двумя способами: физическим и психологическим. Физически вы можете вскрыть его или воспользоваться рентгеном. Каким образом – дело ваше. Психологически можно изучить его поведение. Если это позитронный робот, он должен подчиняться Трем Законам Роботехники. Позитронный мозг не может быть устроен иначе. Вы знаете эти Законы, мистер Куинн?

Она медленно и отчетливо прочла на память, слово в слово, знаменитые Законы, напечатанные крупным шрифтом на первой странице «Руководства по Роботехнике».

– Я слышал о них, – сказал Куинн небрежно.

– Тогда вы легко поймете меня, – сухо ответила она. Если мистер Байерли нарушит хоть один из этих Законов – он не робот. К несчастью, только в этом случае мы получаем определенный ответ. Если же он выполняет Законы, то это ничего не доказывает. Куинн вежливо поднял брови.

– Почему, доктор?

– Потому что, если хорошенько подумать, Три Закона Роботехники совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле. Конечно, каждый человек наделен инстинктом самосохранения. У робота это Третий Закон. Каждый так называемый порядочный человек, чувствующий свою ответственность перед обществом, подчиняется определенным авторитетам. Он прислушивается к мнению своего врача, своего начальника, своего правительства, своего психиатра, своего приятеля. Он исполняет законы, следует обычаям, соблюдает приличия, даже если они лишают его некоторых удобств или подвергают опасности. А у роботов это – Второй Закон. Кроме того, предполагается, что каждый так называемый хороший человек должен любить своих ближних, как себя самого, вступаться за своих друзей, рисковать своей жизнью ради других. Для робота это – Первый Закон. Попросту говоря, если Байерли исполняет все Законы Роботехники, он или робот, или очень хороший человек.

– Значит, – произнес Куинн, – вы никогда не сможете доказать, что он робот?

– Я, возможно, смогу доказать, что он не робот.

– Это не то, что мне нужно!

– Вам придется удовлетвориться тем, что есть. А что вам нужно – дело ваше.

Тут Лэннингу пришла в голову неожиданная идея. Он неуверенно сказал:

– Постойте... А вам не кажется, что обязанности прокурора – довольно странное занятие для робота? Судебное преследование людей, смертные приговоры – огромный вред, причиняемый людям...

– Нет, так вы не вывернетесь, – возразил Куинн. – То, что он окружной прокурор, еще не означает, что он человек. Разве вы не знаете его биографии? Да он хвастает тем, что ни разу не возбуждал дело против невиновного, что десятки людей были оправданы только потому, что улики против них его не удовлетворяли, хотя он мог бы, вероятно, убедить суд присяжных и добиться смертного приговора!

Худые щеки Лэннинга дрогнули.

– Нет, Куинн, нет! В Законах Роботехники ничего не говорится о виновности человека. Робот не может решать, заслуживает ли человек смерти. Не ему об этом судить. Он не может причинить вред ни одному человеку – будь то негодяй или ангел.

– Альфред, – устало произнесла Сьюзен Кэлвин, – не говорите глупостей. Что, если робот увидит маньяка, собирающегося поджечь дом, где находятся люди? Он остановит его или нет?

– Конечно.

– А если единственным способом остановить его будет убийство?

Лэннинг проворчал что-то нечленораздельное.

– В таком случае, Альфред, он сделает все, чтобы его не убивать. Если маньяк все-таки будет убит, роботу понадобится психотерапия. Он сам сойдет с ума, если будет поставлен перед таким противоречием – нарушить букву Первого Закона, чтобы остаться верным его духу. Но человек будет тем не менее убит, и убит роботом.

– Что же, по-вашему, Байерли должен был давно сойти с ума? – осведомился Лэннинг, вложив в эти слова весь сарказм, на какой был способен.

– Нет, но сам он никого не убивал. Он лишь предаёт гласности факты, свидетельствующие о том, что данный человек опасен для множества остальных людей, которых мы называем обществом. Он встает на защиту большинства и тем самым с наибольшей возможной эффективностью исполняет Первый Закон. Дальше этого он не идет. Потом уже судья приговаривает преступника к смерти или тюрьме, если присяжные признают его виновным. Стережет преступника тюремщик, казнит палач. А мистер Байерли всего лишь устанавливает истину и помогает обществу. После того как вы, мистер Куинн, обратились к нам, я действительно ознакомилась с карьерой мистера Байерли. Я узнала, что в своем заключительном слове он никогда не требует смертного приговора. Я узнала также, что он высказывался за отмену смертной казни и щедро финансирует исследования в области судебной нейрофизиологии. Он, очевидно, верит в то, что преступников надо лечить, а не наказывать. Я считаю, что это говорит о многом.

– Да? – Куинн улыбнулся. – А не пахнет ли здесь роботом?

– Возможно. Кто это отрицает? Такие действия свойственны только роботу или же очень благородному и хорошему человеку. Вы видите, что просто невозможно провести границу между поведением роботов и лучших из людей?

Куинн откинулся в кресле. Его голос дрожал от нетерпения.

– Доктор Лэннинг, возможно ли создать человекоподобного робота, который внешне ничем не отличался бы от человека?

– «Ю. С. Роботс» проводила такие эксперименты – конечно, без позитронного мозга. Если взять человеческие яйцеклетки и регулировать их рост с помощью гормонов, можно нарастить человеческие мышцы и кожу на остов из пористого силиконового пластика, который нельзя будет обнаружить при внешнем обследовании. Глаза, волосы, кожа могут быть действительно человеческими, а не имитацией. И если к этому добавить позитронный мозг и любые внутренние устройства, какие вы только пожелаете, у вас получится человекоподобный робот.

– Сколько времени для этого нужно? – коротко спросил Куинн.

Лэннинг подумал.

– Если у вас есть все необходимое – мозг, остов, яйцеклетки, гормоны, оборудование для облучения, то, скажем, два месяца.

Куинн выпрямился.

– Тогда мы посмотрим, на что похож мистер Байерли изнутри. Это сослужит «Ю. С. Роботс» плохую службу, но у вас была возможность предотвратить такой оборот дела.

Когда они остались одни, Лэннинг нетерпеливо повернулся к Сьюзен Кэлвин.

– Почему вы настаиваете...

Она резко перебила его, не пытаясь скрывать свои чувства:

– Что вам нужно: установить истину или добиться моего ухода? Я не собираюсь лгать ради вас. «Ю, С, Роботс» может постоять за себя. Не будьте трусом.

– А что если он вскроет Байерли, и выпадут колесики и шестеренки? Что тогда?

– Он не вскроет Байерли. – произнесла Кэлвин презрительно. – Байерли не глупее Куинна. По меньшей мере не глупее.

Новость облетела весь город за неделю до выдвижения Байерли кандидатом в мэры. «Облетела» – это, пожалуй, не то слово. Она разбрелась по нему неверными шагами. Сначала она вызвала смех и шутки. Но по мере того как невидимая рука Куинна не спеша усиливала нажим, смех стал звучать уже не так весело, появились сомнения и люди начали задумываться.

На предвыборном собрании царило смятение. Еще неделю назад никакой борьбы на нем не ожидалось: могла быть выдвинута лишь одна кандидатура – Байерли. Да и теперь других кандидатов не нашлось – пришлось выдвинуть его. Но это привело всех в полную растерянность.

Рядовых избирателей мучили сомнения. Всех поражала серьезность обвинения, если оно было правдой, или крайнее безрассудство обвинителей, если обвинение было ложным.

На следующий день после того, как собрание без особого энтузиазма проголосовало за Байерли, в газете появилось длинное интервью с доктором Сьюзен Кэлвин – «мировой величиной в робопсихологии и позитронике».

И тут разразилось просто черт знает что такое – другого слова, пожалуй, и не подберешь.

Только этого и ждали «фундаменталисты». Это не была какая-то политическая партия или религиозная секта. Так называли людей, которые просто не смогли приспособиться к жизни в «атомном веке», окрещенном так еще тогда, когда атомы были в новинку. Это были, в сущности, сторонники опрощения, тосковавшие по жизни, которая тем, кто ее испытал на себе, вероятно, казалась не такой уж простой.

В новых поводах для своей ненависти к роботам и к тем, кто их производил, фундаменталисты не нуждались. Но обвинений Куинна и рассуждений Кэлвин было достаточно, чтобы придать вес их аргументам.

Огромные заводы «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» напоминали ульи, кишашие вооруженной охраной. Здесь готовились к отпору.

Городской дом Стивена Байерли был оцеплен полицейскими. Все остальные аспекты предвыборной кампании, конечно, были забыты. Да и предвыборной кампанией то, что происходило, можно было назвать лишь потому, что оно заполняло промежуток между выдвижением кандидатур и днем выборов.

Появление суетливого человечка не смутило Стивена Байерли. На него, очевидно, не произвели никакого впечатления и маячившие на заднем плане мундиры. На улице, за угрюмой цепью полицейских, ждали верные традициям своего ремесла репортеры и фотографы. Одна предприимчивая телевизионная компания установила камеру против крыльца скромного жилища прокурора, и диктор с деланным возбуждением заполнял паузы подробнейшими

комментариями.

Суетливый человечек вышел вперед. Он держал в руках длинную, хитроумно составленную официальную бумагу.

– Мистер Байерли, вот постановление суда, которое уполномочивает меня обыскать это помещение на предмет незаконного нахождения в нем... э-э... механических людей и роботов любого типа...

Байерли взял бумагу, бросил на нее равнодушный взгляд и, улыбаясь, вернул ее человеку.

– Все по форме. Валяйте. Исполняйте свои обязанности. Миссис Хоппен, – крикнул он экономке, которая неохотно вышла из комнаты, – пожалуйста, пройдите с ним и помогите, если понадобится.

Суетливый человечек, фамилия которого была Херроуэй, заколебался, заметно покраснел, тщетно попытался перехватить взгляд Байерли и пробормотал, обращаясь к двум полицейским:

– Пошли.

Через десять минут они вернулись.

– Все? – спросил Байерли безразличным тоном человека, не очень заинтересованного в ответе.

Херроуэй откашлялся, начал срывающимся голосом, остановился и сердито начал снова:

– Послушайте, мистер Байерли. Мы получили инструкцию тщательно обыскать дом.

– Разве вы этого не сделали?

– Нам точно сказали, что мы должны искать.

– Да?

– Короче, мистер Байерли, будем называть вещи своими именами, Нам велено обыскать вас.

– Меня? – произнес прокурор, широко улыбаясь. – А как вы предполагаете это сделать?

– У нас с собой флюорограф...

– Значит, вы хотите сделать мой рентгеновский снимок? А вы имеете на это право?

– Вы видели постановление.

– Можно взглянуть еще раз?

Херроуэй. лицо которого выражало нечто большее, чем простое усердие, снова протянул бумагу. Байерли спокойно произнес:

– Я сейчас прочитаю, что вы уполномочены обыскать: «...домовладение, принадлежащее Стивену Аллену Байерли, под номером триста пятьдесят пять по улице Уиллоугров, город Ивенстрон, а также гаражи, кладовые и любые другие здания или строения, относящиеся к этому домовладению, а также все земельные участки, к нему принадлежащие»... хм... и так далее. Все верно. Но, дорогой мой, здесь ничего не говорится о том, чтобы обыскивать мои внутренности. Я не являюсь частью домовладения. Если вы думаете, что я спрятал робота в кармане, можете обыскать мою одежду.

Херроуэй твердо помнил, кому он обязан своей должностью. И теперь, получив возможность выдвинуться на лучшую, то есть лучше оплачиваемую, он не собирался отступить. Он сказал вызывающе:

– Послушайте-ка, я уполномочен осмотреть всю обстановку вашего дома и все, что я в нем найду. Но ведь вы находитесь в доме, верно?

– Удивительно справедливое замечание. Да, я в нем нахожусь. Но я – не обстановка. Я совершеннолетний, правомочный гражданин, у меня есть свидетельство о психической вменяемости, и я имею определенные законные права. Если вы обыщите меня, ваши действия можно будет квалифицировать как посягательство на мою личную неприкосновенность. Этой бумаги тут мало.

– Конечно, но если вы робот, то о личной неприкосновенности говорить не приходится.

– Тоже верно. Тем не менее этой бумаги недостаточно. В ней подразумевается, что я

человек.

– Где? – Херроуэй схватил бумагу.

– А там, где говорится: «...домовладение, принадлежащее» и так далее. Робот не может владеть собственностью. И можете сказать своему хозяину, мистер Херроуэй, что, если он попытается получить другую бумагу, где не будет подразумеваться, что я человек, я немедленно возбужу против него гражданский иск и потребую, чтобы он доказал, что я робот, на основании сведений, которыми он располагает сейчас. И если это ему не удастся, он заплатит солидный штраф за попытку лишиться меня прав, предусмотренных законом. Вы передадите ему все это?

Подойдя к двери, Херроуэй обернулся.

– Вы ловкий крючокотвор...

Держа руку в кармане, он на секунду задержался в дверях. Потом вышел из дома, улыбнулся в сторону телекамеры, все еще продолжая играть свою роль, помахал рукой репортерам и крикнул:

– Завтра для вас, ребята, кое-что будет. Кроме шуток.

Сев в машину, Херроуэй откинулся на подушки, вынул из кармана маленький аппарат и осмотрел его. Ему еще ни разу не приходилось делать снимок в отраженных рентгеновских лучах. Он надеялся, что ничего не напутал.

Куинн и Байерли еще ни разу не встречались лицом к лицу наедине. Но визифон почти заменял такую встречу. Это была в буквальном смысле встреча лицом к лицу, хотя для каждого из них лицо другого представлялось лишь в виде черно-белого рисунка.

Разговора потребовал Куинн. Куинн его и начал, обойдясь без вступительных церемоний:

– Вам, наверное, будет интересно это узнать, Байерли. Я собираюсь предать гласности, что вы носите на себе непрозрачный для рентгеновских лучей экран.

– В самом деле? В таком случае вы, надо думать, уже предали это гласности. Боюсь, предприимчивые представители прессы уже довольно давно подслушивают все мои телефонные разговоры из служебного кабинета. Вот почему я и сижу последние недели дома.

Байерли говорил дружеским тоном. Можно было подумать, что он болтает с приятелем. Губы Куинна слегка сжались.

– Этот разговор защищен от подслушивания. Для меня он сопряжен с некоторым риском.

– Ну еще бы! Никто не знает, что вы стоите за этой кампанией. По крайней мере, официально никто не знает. Неофициально это знают все. Я бы на вашем месте об этом не беспокоился. Значит, я ношу защитный экран? Я полагаю, вы обнаружили это, когда рентгенограмма, сделанная вчера вашим подставным лицом, оказалась передержанной?

– Вы понимаете, Байерли, для всех будет вполне очевидно, что вы боитесь рентгеновского просвечивания?

– А также станет ясно и то, что вы или ваши люди незаконно посягнули на мои права?

– Им на это наплевать.

– Может быть. Это, пожалуй, прекрасно характеризует различие в нашей тактике, не правда ли? Вам нет дела до прав гражданина. А я о них не забываю. Я не дам себя просвечивать, потому что настаиваю на своих правах из принципа. Так же как я буду настаивать на правах остальных, когда меня изберут.

– Несомненно, это очень хорошо для предвыборной речи. Только вам никто не поверит. Слишком высокопарно. Вот еще что, – его голос внезапно стал жестким, – вчера у вас дома находились не все, кто там живет.

– Это почему?

– Я располагаю сведениями, – Куинн зашелестел разложенными перед ним бумагами, которые были вины в визифон, – что одного человека не хватало. Калеки.

– Совершенно верно, – произнес Байерли без всякого выражения, – калеки. Моего ста-

рого учителя, который живет со мной и который сейчас находится за городом, – и находится там уже два месяца. В таких случаях говорят «удалился на покой». Вы что-нибудь против этого имеете?

– Ваш учитель? Какой-то ученый?

– Когда-то он был юристом, прежде чем стал калекой. У него есть официальное разрешение заниматься биофизическими исследованиями в собственной лаборатории, и полное описание его работ передано в соответствующие учреждения, куда вы и можете обратиться. Большого значения его работы не имеют, но они безобидны и развлекают... бедного калеку. А я помогаю ему, насколько могу.

– Ясно. А что этот... учитель... знает о производстве роботов?

– Я не могу судить о его познаниях в области, с которой сам толком не знаком.

– Он имеет доступ к позитронным мозгам?

– Спросите об этом ваших друзей из «Ю. С. Роботс». Им лучше знать.

– Я буду краток, Байерли. Ваш калека-учитель и есть настоящий Стивен Байерли. Вы – созданный им робот. Мы можем это доказать. В автомобильную катастрофу попал он, а не вы. Это можно проверить.

– В самом деле? Пожалуйста, проверяйте. Желаю успеха.

– И мы можем обыскать этот загородный дом. Посмотрим, что мы там найдем.

– Ну, это как сказать, Куинн, – Байерли широко улыбнулся. – На наше несчастье, мой так называемый учитель серьезно болен. Загородный дом для него как бы санаторий, где он отдыхает. Его право на личную неприкосновенность при таких обстоятельствах еще прочнее. Вы не сможете получить разрешения на обыск, если не предъявите достаточных оснований. Тем не менее я не буду вас от этого удерживать.

Наступила небольшая пауза. Куинн наклонился вперед, так что его лицо заняло весь экран и стали видны тонкие морщинки на лбу.

– Байерли, зачем упрямитесь? Вас не выберут.

– Разве?

– Неужели вы этого не понимаете? Или, по-вашему, отказ опровергнуть обвинение, что вам было бы очень легко сделать, нарушив один из Законов Роботехники, не убеждает людей, что вы в самом деле робот?

– Я понимаю одно: из малоизвестного, ничем не примечательного юриста я превратился в фигуру мирового значения. Вы умеете делать рекламу.

– Но вы же робот.

– Сказано – не доказано.

– Доказательств хватит, чтобы вас не выбрали.

– Тогда вам нечего волноваться – вы уже победили.

– До свидания, – сказал Куинн. В его голосе впервые прозвучала злоба. Визифон погас.

– До свидания, – невозмутимо произнес Байерли перед пустым экраном.

Байерли привез своего учителя в город за неделю до выборов. Вертолет опустился на окраине.

– Ты останешься здесь до конца выборов, – сказал ему Байерли. – Если дело обернется плохо, лучше, чтобы ты был в более спокойном месте.

В хриплом голосе, вырвавшемся из перекошенного рта Джона, можно было различить тревогу.

– Разве есть основания опасаться насилия?

– Фундаменталисты не скупятся на угрозы, так что теоретически такая опасность есть. Но я не думаю, чтобы это случилось. У них нет реальной силы. Просто они постоянно вносят смуту, и когда-нибудь это кончится беспорядками. Ты согласен побыть здесь? Ну, пожалуйста! Мне будет не по себе, если придется беспокоиться о твоей безопасности.

– Хорошо, Ты все еще думаешь, что дело кончится благополучно?

– Уверен. У тебя там никто не появлялся?

- Никто. Это я точно знаю.
 - И ты себя вел так, как мы договорились?
 - В точности. Там все будет в порядке.
 - Тогда будь осторожнее, Джон, а завтра смотри телевизор.
- Байерли пожал изувеченную руку, лежавшую на его руке.

Хмурое лицо Лентона выражало сильнейшее беспокойство. Его положение было незавидным. Он считался уполномоченным Байерли по проведению избирательной кампании, которая была вообще не похожа на избирательную кампанию. Объектом ее был человек, который раскрыть свой план действий отказался, а следовать указаниям своего уполномоченного не соглашался.

– Вы не должны! (Это были его любимые слова, а в последние дни они стали и единственными.) Я говорю вам, Стив, вы не должны!

Он рухнул в кресло перед столом прокурора, который не спеша листал отпечатанный на машинке текст своей речи.

– Откажитесь, Стив! Посмотрите, ведь эту толпу организовали фундаменталисты. Вас не станут слушать. Скорее всего вас закидают камнями. Зачем вам выступать с речью перед публикой? Чем плоха запись на пленку или выступление по телевидению?

– Но ведь вы хотите, чтобы я победил на выборах, не правда ли? – мягко спросил Байерли.

– Победили! Вам не победить, Стив! Я пытаюсь спасти вашу жизнь!

– О, мне ничего не грозит.

– Ему ничего не грозит! – Лентон даже поперхнулся. – Вы хотите сказать, что намерены выйти на балкон перед пятьюдесятью тысячами полоумных идиотов и попытаетесь вбить им что-то в голову – с балкона, как средневековый диктатор?

Байерли взглянул на часы.

– Да. И примерно через пять минут, как только будут готовы телевизионные операторы.

Ответ Лентона был не совсем членораздельным.

Толпа заполняла оцепленную площадь. Казалось, что деревья и дома поднимаются из сплошной массы людей. А телевидение сделало очевидцем происходящего все человечество. Это были местные выборы, но за ними следил весь мир.

Байерли подумал об этом и улыбнулся.

Но сама толпа не могла вызвать улыбки. Она щетинилась знаменами и плакатами, где на все лады повторялось одно и то же обвинение. Атмосфера враждебности сгустилась до того, что стала почти осязаемой.

Выступление с самого начала было сорвано. Голос Байерли заглушали рев толпы и ритмические выкрики кучки фундаменталистов, разбросанных там и сям по всей площади. Но Байерли продолжал говорить, медленно и бесстрастно...

В комнате Лентон схватился за голову и застонал. Он ждал кровопролития.

В передних рядах толпы началось какое-то движение. Вперед проталкивался тощий субъект с выпученными глазами, в костюме, слишком коротком для его костлявых рук и ног. Устремившийся за ним полицейский медленно и с трудом пробивался сквозь толпу, пока Байерли сердитым взмахом руки не остановил его.

Тощий человек был уже под самым балконом. Он что-то кричал, но слов не было слышно из-за шума толпы.

Байерли наклонился через перила.

– Что вы сказали? Если вы хотите задать мне законный вопрос, я отвечу. – Он повернулся к стоявшему рядом полицейскому. – Проведите его сюда.

Толпа насторожилась. В разных местах послышались крики «Тише!», которые слились в общий гомон, а потом понемногу утихли. Тощий человек, весь красный и запыхавшийся, предстал перед Байерли.

Байерли сказал:

– Вы хотите что-то спросить?

Тощий человек впился в него глазами и произнес надтреснутым голосом:

– Ударь меня!

С неожиданной энергией он выставил вперед подбородок.

– Ударь меня! Ты говоришь, что ты не робот. Докажи это! Ты не сможешь ударить человека, чудовище!

Наступила странная, пустая, мертвая тишина. Ее пререзал голос Байерли:

– У меня нет причин вас бить.

Тощий человек захохотал.

– Ты не можешь меня ударить! Ты меня не ударишь! Ты не человек! Ты чудовище, которое притворилось человеком!

И Стивен Байерли, стиснув зубы, на глазах у тысяч людей, смотревших на него с площади, и миллионов, глядевших на экраны телевизоров, размахнулся и нанес ему могучий удар в челюсть. Тощий человек упал навзничь без сознания. Лицо его выражало одно лишь бессмысленное изумление.

Байерли сказал:

– Мне очень жаль... Отнесите его в дом и устройте поудобнее. Как только я освобожусь, я с ним поговорю.

И когда доктор Кэлвин, развернув свою машину, отъехала, только один репортер успел прийти в себя настолько, чтобы броситься за ней и выкрикнуть вопрос, которого она не слышала.

Сьюзен Кэлвин обернулась и прокричала:

– Он – человек!

Репортеру только того и нужно было. Он понесся прочь.

Речь была произнесена до конца, но больше никто ничего из нее так и не слышал.

Доктор Кэлвин и Стивен Байерли встретились еще раз – за неделю до того, как он принес присягу, вступая в должность мэра. Было уже далеко за полночь.

Доктор Кэлвин сказала:

– Вы как будто не устали.

Новый мэр улыбнулся.

– Я могу еще задержаться. Только не говорите Куинну.

– Не скажу. Кстати, у Куинна была интересная версия. Жаль, что вы ее опровергли. Вы, вероятно, знаете, в чем она заключалась?

– Частично.

– Она была в высшей степени драматической. Стивен Байерли был молодой юрист, хороший оратор, большой идеалист и увлекался биофизикой. Между прочим, вы интересуетесь Роботехникой, мистер Байерли?

– Только с юридической стороны.

– А тот Стивен Байерли интересовался. Но произошла автомобильная катастрофа. Жена Байерли погибла. Ему пришлось еще хуже. Его ноги были искалечены, лицо изуродовано, он лишился голоса, пострадала и его психика. Он отказался от пластической операции и стал отшельником. Карьера его погибла, у него остались только разум и руки. Каким-то образом ему удалось раздобыть позитронный мозг, самый сложный, способный решать этические проблемы. А это высшее достижение Роботехники. Он вырастил для этого мозга тело. Он сделал из робота все, чем он мог бы быть сам. Он послал его в мир в качестве Стивена Байерли, а сам остался старым учителем-калекой, которого никто никогда не видит...

– К несчастью, – сказал новый мэр, – ударив человека, я все это опроверг. Судя по газетам, ваш официальный приговор гласил, что я человек.

– Как это получилось? Расскажите мне. Это не могло быть случайностью.

– Ну, это была не совсем случайность. Большую часть работы проделал Куинн. Мои

люди начали потихоньку распространять слух, что я ни разу в жизни не ударил человека, что я не способен ударить человека, что если я не сделаю этого, когда меня будут провоцировать, то будет точно доказано, что я робот, Поэтому я устроил это дурацкое публичное выступление, вокруг которого была создана такая шумиха, что какой-нибудь осел почти неизбежно должен был клюнуть. По сути дела, это был дешевый трюк. В таких случаях все зависит от искусственно созданной атмосферы. Конечно, эмоциональный эффект обеспечил мое избрание, чего я и добивался.

Сьюзен Кэлвин кивнула.

– Я вижу, вы вторгаетесь в мою область, – вероятно, это неизбежно для любого политического деятеля. Но мне жаль, что все вышло именно так. Я люблю роботов. Люблю их гораздо больше, чем людей. Если бы был создан робот, способный стать общественным деятелем, он был бы самым лучшим из них. Следуя Законам Роботехники, он не мог бы причинять людям зла, был бы чужд тирании, подкупа, глупости и предрассудков. А прослужив некоторое время, он ушел бы в отставку, хотя он и бессмертен, – ведь для него было бы невыносимо огорчить людей, дав им понять, что ими управляет робот. Что могло бы быть лучше?

– Но ведь роботу все это могло бы оказаться не под силу из-за коренных недостатков позитронного мозга. Ведь такой мозг по своей сложности не может сравниться с человеческим.

– У него были бы советники. Даже человеческий мозг не может управлять без помощников.

Байерли внимательно посмотрел на Сьюзен Кэлвин.

– Почему вы улыбаетесь, доктор Кэлвин?

– Потому что Куинн кое-что упустил из виду.

– Вы хотите сказать, что его версию можно было бы дополнить?

– Да. Одной деталью. Этот Стивен Байерли, о котором говорил мистер Куинн, этот калека, перед выборами по каким-то таинственным причинам провел три месяца за городом. Он вернулся как раз к вашему знаменитому выступлению. А ведь он мог и еще раз сделать то, что он уже сделал. Тем более что задача была гораздо проще.

– Я вас не совсем понимаю.

Доктор Кэлвин встала и одернула костюм, собираясь уходить.

– Я хочу сказать, что есть один случай, когда робот может ударить человека, не нарушив Первого Закона. Только один случай...

– Когда же?

Доктор Кэлвин была уже в дверях. Она спокойно произнесла:

– Когда человек, которого нужно ударить, – другой робот.

Ее худое лицо просияло, на нем появилась широкая улыбка.

– До свидания, мистер Байерли. Надеюсь, что я еще буду голосовать за вас через пять лет – на выборах Координатора.

Стивен Байерли усмехнулся.

– Ну, до этого пока далеко... Дверь за ней закрылась.

Разрешимое противоречие

The Evitable Conflict (1950)

Перевод: Н. Сосновская

Личный кабинет Координатора украшала средневековая диковинка – камин. Правда, положила руку на сердце, вряд ли средневековый житель признал бы в этом устройстве камин. Назначение камина было исключительно декоративным. Мирное, ласковое пламя горело в облицованном асбестом углублении за кварцевым стеклом.

Поленья в камине загорались под воздействием того же лазерного луча, что снабжал энергией весь город. Довольно было простого нажатия кнопки, чтобы освободить камин от

золы и снабдить новой порцией топлива. Словом, это был самый мирный, самый укрощенный камин, какой только можно себе представить.

А вот огонь в нем был самый, настоящий! Из встроенного динамика доносилось мягкое потрескивание горящих поленьев, сквозь идеально прозрачное стекло было видно само пламя, весело пляшущее в струе подававшегося воздуха.

Координатор сидел лицом к камину, и в толстых стеклах его очков в миниатюре отражалась причудливая игра пламени. То же пламя играло и в зрачках его задумчивых глаз...

...и в зрачках глаз его гости, доктора Сьюзен Кэлвин, из «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн».

– Вы, наверное, догадываетесь, Сьюзен, что ваш визит носит не только светский характер, – сказал Координатор.

– Конечно, догадываюсь, Стивен, – ответила она.

– Прямо не знаю, с чего начать. С одной стороны, вроде бы не происходит ничего особенного. Но, с другой стороны, человечеству может грозить катастрофа.

– Если бы вы знали, Стивен, сколько раз ко мне обращались с подобными проблемами! У меня складывается впечатление, что так или иначе, все проблемы таковы.

– Правда? Ну, что ж, тогда попробуем разобраться в этой.

... «Всемирная Сталелитейная» сообщает о перепроизводстве в размере двадцати тысяч тонн проката. Мексиканский канал отстает от графика ввода в строй на два месяца. Разработки ртути в Альмадене с прошлой весны неуклонно снижают объем добычи, а с гидропонных плантаций в Тяньцзине массовым порядком увольняют персонал. Я назвал первое, что пришло в голову, а фактов таких – полна коробочка.

– А это серьезные отклонения? Я же не экономист, чтобы судить о последствиях.

– Каждое в отдельности – не слишком. Если ухудшится ситуация в Альмадене, туда можно будет послать специалистов по горному делу. Уволенные гидропонисты могут быть назначены на Яву и Цейлон, если уж в Тяньцзине их стало многовато. Двадцать тысяч тонн проката не покроют и двухдневной мировой потребности, а ввод в строй Мексиканского канала на два месяца позже намеченного срока погоды не делает. Меня волнуют Машины. Я уже побеседовал об этом с вашим руководителем исследовательского отдела.

– С Винсентом Силвером? Он мне ни слова не говорил.

– Я просил его никому не говорить о нашей беседе. Видимо, он меня послушался.

– И что же он вам ответил?

– Если не возражаете, Сьюзен, сначала я хотел бы обсудить с вами ситуацию с Машинами. Я хочу поговорить о них, потому что вы – единственный человек в мире, который настолько хорошо знает роботов, чтобы помочь мне сейчас. Вы не против, если я немного философствую?

– Ради бога, Стивен, я готова выслушать что угодно, при условии, что вы посвятите меня в то, что хотите доказать.

– Ну... Видите ли, незначительные на вид нарушения равновесия в системе производства и потребления, которые я только что перечислил, могут быть первым шагом к последней войне.

– Продолжайте, Стивен.

Сьюзен Кэлвин не позволяла себе расслабиться, даже в удобном кресле. Ее холодное лицо, тонкие губы, ровный, без всяких эмоций голос с годами стали еще суше, еще жестче. И хотя Стивен Байерли был единственным человеком, который ей по-настоящему нравился, которому она доверяла, она и с ним вела себя так же, как с остальными, – ведь ей уже перевалило за шестьдесят, а привычки с годами не проходят, а, наоборот, укрепляются.

– Каждая эпоха в развитии человечества, – начал Координатор, – характеризовалась собственным определенным видом конфликтов – набором проблем, которые, как казалось, могли быть разрешены только путем применения силы. И всякий раз, увы, оказывалось, что применение силы вовсе не приносит решения проблемы. Наоборот, противоречие вызывало еще многочисленные конфликты, а потом разрешалось само собой – как говорится, тихой

сапой, – по мере того, как изменялись экономические и социальные условия. Потом назревали новые проблемы, и начиналась новая полоса войн, – казалось бы, этот цикл бесконечен.

Вспомните сравнительно недавние времена. В шестнадцатом – восемнадцатом столетиях шли бесконечные династические войны, и главным для Европы был вопрос о том, кто будет ею править: Габсбурги или Валуа-Бурбоны. Противоречие было неразрешимым, поскольку считалось, что не может одна половина Европы быть под властью одной династии, а другая половина – другой. Тем не менее именно такая ситуация существовала до Великой французской революции, когда сначала Бурбоны, а вслед за ними и Габсбурги были отправлены на свалку истории.

Тогда же Европу раздирали еще более страшные войны – религиозные: они призваны были решить, быть Европе католической или протестантской, поскольку, как считалось, той и другой одновременно она быть не может. И, конечно же, такое неразрешимое противоречие могло быть урегулировано только огнем и мечом. Однако и тут сила ничего не решила, в Англии началась промышленная революция, а на континенте взяли верх националистические настроения. По сей день Европа наполовину католическая, наполовину протестантская, но это никого не волнует.

В девятнадцатом – двадцатом веках разразились националистическо-империалистические войны, и самым важным стал вопрос о переделе мира в борьбе за рынки сбыта и источники сырья между странами Европы. Тогда казалось, что мир не может существовать, не будучи поделенным между Англией, Францией и Германией. Но никакие войны не привели к тому, чего в конце концов добились сами неевропейские страны, когда в них выросли национально-освободительные движения и они решили, что запросто проживут без всякой Европы. Итак, мы имеем четкую картину...

– Да, Стивен, ваши доводы доказательны, хотя и нельзя сказать, что это особенно глубокие умозаключения.

– Неглубокие, согласен. Но, увы, самые очевидные вещи как раз хуже всего и доходят до сознания людей. И вот в двадцатом веке, Сьюзен, началась новая полоса войн. Как их назвать? Идеологические? Не знаю. Религиозные страсти наложились на экономические воззрения, и снова войны стали «неизбежны», и на этот раз на сцену истории вышло атомное оружие. Казалось, человечество не выживет, будет катиться все ниже и ниже под уклон неизбежности, и тогда были созданы позитронные роботы.

Они появились как раз вовремя, и примерно тогда же были начаты межпланетные перелеты... И сразу стало совершенно безразлично, кто умнее – Адам Смит или Карл Маркс.

– «Бог из машины» явился – в прямом и переносном смысле, – сухо прокомментировала Сьюзен Кэлвин.

– Никогда раньше не слышал от вас каламбуров, Сьюзен, но вы правы. Но и теперь мы не гарантированы от опасностей. Разрешение одной проблемы всегда неминуемо влекло за собой появление другой. Наша всемирная роботизированная экономика не застрахована от проблем, и поэтому были созданы Машины. Экономика Земли стабильна, и *останется* стабильной, будучи основанной на решениях Машин, которые производят расчеты и дают рекомендации, исходя исключительно из соображений пользы для человечества, руководствуясь при этом Первым Законом Роботехники.

И хотя Машины представляют собой, – продолжал Координатор, – сложнейшие конгломераты вычислительной техники, когда-либо существовавшие, тем не менее в свете Первого Закона они – такие же роботы, и потому вся земная экономика существует и развивается в соответствии с жизненными интересами человечества. Население Земли знает, что ему не грозит безработица, перепроизводство, недостаток чего-либо. Нищета, голод – слова из учебников истории. Таким же архаизмом становится и понятие собственности на средства производства. Кто бы ими ни владел (если это еще имеет смысл) – человек, группа людей, нация или все человечество, – любые средства производства могут быть использованы только в соответствии с указаниями Машин. Не потому, что людей принудят поступить так или иначе, а потому, что Машины всегда выбирают самый мудрый, самый оптимальный путь, и

люди об этом знают.

Это означает, что всем войнам на свете – конец. Если только...

Координатор умолк, и Сьюзен Кэлвин нетерпеливо поторопила его:

– Если только...

– Если только, – закончил Координатор, – Машины не перестанут выполнять свои функции.

– Ясно. Значит, именно этим вы объясняете все эти загадочные неполадки – в сталепрокатной промышленности, гидропонике и так далее?

– Да, Сьюзен. Подобных ошибок не должно быть! Но... доктор Силвер сказал мне, что и не может быть!

– Он что, отрицает очевидное? Не похоже на него.

– Нет, Сьюзен, факты он не отрицает. Я, наверное, не так выразился. Он наотрез отказывается признать, что Машины могут давать неверные ответы. Он утверждает, что Машины устроены так, что сами исправляют собственные ошибки, и что наличие ошибки в соединениях и реле может быть следствием лишь нарушения основных законов природы. Но все-таки я ему сказал...

– Но все-таки вы сказали: «Пусть ваши мальчики все проверят еще разок».

– Сьюзен, вы читаете мои мысли. Именно так я ему и сказал, но он ответил, что это невозможно.

– Что, слишком занят?

– Нет, дело не в этом. Он сказал, что на это не способен ни один человек. Он был со мной откровенен. Он мне объяснил, и я искренне надеюсь, что понял его правильно, что Машины представляют собой колоссальную экстраполяцию. То есть: бригада математиков несколько лет упорно трудится над созданием позитронного мозга, способного производить определенные расчеты. С помощью результатов этих расчетов они потом создают еще более сложный мозг, который предназначен для произведения еще более сложных расчетов и создания еще более сложного мозга, и так далее. Судя по тому, что мне сказал доктор Силвер, то, что мы называем Машинами, является результатом десяти таких последовательных операций.

– Д-да, дело знакомое, – кивнула Сьюзен. – Какое счастье, что я не математик. Бедный Винсент. Он еще так молод. У руководителей исследовательского отдела до него таких трудностей не было. И у меня тоже. Мне кажется, сегодня Роботехники плохо разбираются в своих собственных творениях.

– Пожалуй, вы правы. Машины – это вовсе не простой супермозг, как о них пишут в воскресных приложениях. Ситуация такова, что собирая и анализируя бесконечное количество данных за немислимо короткое время, они лишили людей возможности их проверить.

Тогда я решил предпринять другую попытку. Я сделал запрос самой Машине. В обстановке строжайшей секретности мы ввели в машину исходные данные, которые она сама в свое время использовала для принятия решения в области сталепрокатной промышленности, ее собственный ответ и информацию о последствиях принятого решения – то бишь о перепроизводстве, – и попросили объяснить случившееся.

– Ну, и каков же был ответ? – с нескрываемым интересом спросила Сьюзен Кэлвин.

– Я могу процитировать вам его слово в слово. «Ответ на вопрос недопустим».

– И что на это сказал Винсент?

– Он сказал, что возможны два варианта. Либо мы не дали Машине достаточно данных, чтобы она могла дать более четкий ответ, что, естественно, маловероятно. Это доктор Силвер сам признал. Либо Машина не могла признать, что ее ответ, противореча Первому Закону Роботехники, нанес вред людям. А потом доктор Силвер порекомендовал мне посоветоваться с вами.

Сьюзен Кэлвин устало усмехнулась,

– Стара я уже, Стивен. Было время, помните – вы хотели назначить меня руководителем исследовательского отдела, и я отказалась, Я и тогда была немолода, и мне не хо-

телось брать на себя такую ответственность. Тогда на этот пост пригласили молодого Силвера, и меня это устроило. Но видно, толку мало, раз меня все равно втягивают в эти дела.

Позвольте мне, Стивен, изложить свою точку зрения. Проводимые мной исследования действительно касаются поведения роботов в свете Трех Законов Роботехники. В данный момент мы говорим о достигших невероятной сложности Машинах. Они – позитронные роботы и, следовательно, повинуются Законам. Однако они не являются личностями, то есть функции их чрезвычайно ограничены. Так и должно быть, поскольку они узкоспециализированы. Это почти не оставляет места для взаимодействия Законов, и мой метод исследования тут практически бесполезен. Короче говоря, не думаю, что могу помочь вам, Стивен.

Координатор грустно усмехнулся.

– И все-таки, Сьюзен, позвольте мне рассказать вам остальное. Я изложу свои предположения, а вы тогда, может быть, скажете, насколько все это вероятно с точки зрения робо-психологии.

– Безусловно. Продолжайте.

– Итак: если Машины дают неверные ответы, а ошибаться не могут, остается только одна возможность. Им дают неверную информацию! Другими словами, дело не в роботах, а в людях. Так что я отправился в инспекционную поездку...

– ...из которой только что вернулись в Нью-Йорк.

– Да. Это было необходимо, поскольку у нас четыре Машины, и каждая из них отвечает за один из регионов Земли, *И все четыре дают неверные ответы.*

– Ну, а вот это как раз совершенно закономерно, Стивен. Если хотя бы одна из Машин дает неверный ответ, ошибутся и остальные три – ведь они функционируют на основании допущения о том, что каждая из них в порядке. Если допущение неверно, и ответы будут неверны.

– Угу... Вот и мне так показалось. Ну, а теперь не посмотрите ли вы вместе со мной записи моих бесед с каждым из региональных вице-координаторов? Ах да, чуть не забыл... Приходилось ли вам слышать об организации под названием «Общество защиты прав человека»?

– Ах, эти? Конечно. Они – последователи фундаменталистов, которые в свое время противились тому, чтобы «Ю. С. Роботс» использовала позитронных роботов, мотивируя это неправомерным вытеснением людей с рабочих мест. Теперь, насколько мне известно, «Общество защиты прав человека» борется с Машинами.

– Да, да, но... В общем, сами увидите. Давайте начнем с Восточного региона.

– Как вам угодно, Стивен.

ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН:

а) площадь: 7 500 000 кв. миль

б) население: 1 700 000 000

в) столица: Шанхай

Прадед Чинь Со-линя погиб в Китайской Республике во время японской интервенции, и никто, кроме его любящих детей, не оплакал его кончину – никто и не знал, где он погиб. Дед Чинь Со-линя пережил суровые годы гражданской войны в конце сороковых, но никто, кроме его любящих детей, не знал этого и не интересовался этим.

И все же Чинь Со-линь стал региональным вице-координатором, и его заботам было вверено экономическое благосостояние половины населения Земли.

Возможно, именно память о предках побудила Чинь Со-линя повесить на стену своего кабинета две карты – их единственное украшение. Одна из них представляла собой старинный нарисованный от руки план земельного участка площадью в один или два акра. Надписи на карте были сделаны давно вышедшими из употребления иероглифами. На ней были изображены крошечный ручеек и низенькие фанзы – в одной из таких родился дедушка Чиня.

Вторая карта была огромная и современная, с четкими обозначениями и надписями на

кириллице. Красная линия границы Восточного региона окружала территории, что были когда-то Китаем, Индией, Бирмой, Индокитаем и Индонезией. Только где-то в уголке древней провинции Сичуань стояла крошечная пометка – никто, кроме Чиня, не заметил бы ее, – там находился земельный надел его далеких предков.

Стоя перед этими картами, Чинь беседовал со Стивеном Байерли на чистейшем английском языке.

– Кому как не вам знать, господин Координатор, что моя работа – по большому счету – синекюра. Она дает мне определенное общественное положение, а местонахождение моего офиса удобно для администрации, но в остальном – все делает Машина! Скажите, к примеру, каково ваше мнение о гидропонных установках в Тяньцзине?

– Грандиозно!

– А ведь это только одна из десятков подобных установок, и не самая большая. Шанхай, Калькутта, Батавия, Бангкок... Их множество, и они кормят миллиард и три четверти человек на Востоке.

– Но тем не менее именно в Тяньцзине возникла проблема безработицы. Неужели стало возможным перепроизводство? Трудно поверить, чтобы Азия страдала избытком продуктов питания.

Узкие темные глаза Чиня стали еще уже,

– Нет. До этого пока далеко. Действительно, в последние месяцы в Тяньцзине пришлось закрыть несколько резервуаров, но ничего страшного, уверяю вас.

Люди были уволены временно. Те, кто пожелал остаться на работе в области гидропоники, тут же получили направления на работу в Коломбо, на Цейлон: там как раз вступает в строй новая установка.

– И все-таки, почему были закрыты резервуары?

Чинь ласково улыбнулся.

– Вероятно, вы не очень хорошо разбираетесь в гидропонике. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Вы северянин, а у вас до сих пор отдают предпочтение выращиванию растений в открытом грунте. На Севере, если и задумываются о гидропонике, то считают ее выращиванием растений в химических растворах. В принципе, так оно и есть. Только выращиваем мы не турнепс и не морковь. Все гораздо сложнее, поверьте.

Предмет нашего самого большого внимания, продукт, дающий основную массу урожая – это дрожжи. В настоящее время мы выращиваем более двух тысяч видов дрожжей, и каждый месяц добавляются новые. Основными компонентами питательных сред для выращивания дрожжей являются нитраты и фосфаты. Наряду с ними добавляются микроскопические количества редкоземельных элементов – бора и молибдена, к примеру. Органической составляющей питательных растворов служит сахар, получаемый путем гидролиза целлюлозы. Помимо этого добавляются и другие питательные вещества.

Для того, чтобы гидропонная индустрия существовала и успешно развивалась, чтобы мы могли кормить почти два миллиарда человек – нам приходится заниматься постоянным восстановлением лесных массивов, следить за работой громадных деревоперерабатывающих комплексов в наших южных джунглях. Нам нужны энергия, сталь и в первую очередь химическое производство.

– Все ясно, кроме последнего. Для чего вам химикаты?

– Видите ли, мистер Байерли, каждый вид дрожжей обладает выраженными особенностями. На сегодняшний день, как я уже сказал, наш ассортимент составляют две тысячи видов. Вы сегодня ели бифштекс – он из дрожжей. Мороженые фрукты на десерт – это тоже дрожжи. Мы ухитрились разработать технологию приготовления дрожжевого раствора, который ни по вкусу, ни по внешнему виду, ни по пищевой ценности не отличается от молока.

А ведь именно вкус, больше чем все остальное, делает дрожжевые продукты столь популярными. Именно ради вкуса мы выводим новые искусственные виды, для которых уже не годится основная диета – солевые и сахарные растворы. Одному из этих штаммов нужен биотин, другому – птероилглутаминовая кислота, третьему – еще семнадцать различных

аминокислот, а также вся группа витаминов В. Это сложно, но тем не менее эти продукты очень популярны, и мы не можем позволить себе от них отказаться.

Байерли нетерпеливо поерзал в кресле.

– Но... зачем вы мне это все рассказываете?

– Вы же спросили у меня, сэр, почему люди в Тяньцзине остались без работы. Вот я и решил объяснить все подробно, чтобы вы поняли. Дело исключительно в переоборудовании резервуаров для обновления ассортимента. Всю стратегию осуществляет Машина.

– Однако осуществляет несовершенно.

– Видите ли... я бы не стал так говорить. Если учесть, сколько у нас сложностей, если вспомнить, что с каждым днем их все больше... Да, действительно, в Тяньцзине несколько тысяч работников в настоящее время остались без работы. Однако потери вследствие закрытия резервуаров составили не более одной десятой процента от валового продукта. Я считаю, что это...

– Однако в первые годы работы Машины эта цифра не превышала одной тысячной процента.

– Да, но в первые же десять лет после ввода в эксплуатацию Машины мы увеличили объем выпускаемой продукции в двадцать раз! Проблемы становятся все более сложными, и вполне допустимы какие-то ошибки... Хотя...

– Хотя?

– Действительно, имел место довольно странный случай... Есть такой Рама Врасайяна...

– Что с ним стряслось?

– Врасайяна ведал процессом выпаривания рассола для получения йода – дрожжи без него вполне обходятся, но он нужен людям. Так вот, его завод был закрыт.

– В самом деле? И по какой причине?

– Конкуренция – хотите верить, хотите нет. Одной из основных функций Машины является координация оптимального распределения производственных мощностей. Нельзя же, к примеру, допустить, чтобы какая-то территория плохо снабжалась за счет, допустим, того, что процент прибыли не покрывал стоимости транспортных расходов. Точно так же недопустимо, чтобы какая-то территория снабжалась чрезмерно – это ведет к неполной загрузке мощностей или непроизводительной конкуренции. В случае, о котором я вам рассказываю, в том же городе, где работал завод Врасайяны, было начато строительство другого, более современного завода, который был оборудован модернизированной линией экстракции йода.

– И Машина позволила такому случиться?

– Да, конечно. Это как раз не удивительно. Ведь по новой технологии производство будет более эффективным. Гораздо более странно другое: почему Машина не порекомендовала Врасайяне модернизировать собственное производство, установить новую линию экстракции? Ничего страшного, правда, не произошло. На новом заводе Врасайяна получил должность инженера. Он немного проиграл в деньгах, но все-таки пострадал не так уж сильно. Легко нашли работу и рабочие прежнего завода, а старый был переоборудован во что-то полезное, точно не помню. Мы во всем положились на Машину.

– И других жалоб у вас нет?

– Никаких!

ТРОПИЧЕСКИЙ РЕГИОН:

а) площадь: 22 000 000 кв. миль

б) население: 500 000 000

в) столица: Новый Город

Карта в кабинете Линькольна Нгомы была гораздо более небрежная, чем в шанхайской резиденции Чиня. Границы Тропического региона были очерчены там черным, тут коричневым и простирались вокруг громадных областей, помеченных просто как «джунгли» или

«пустыни». Кое-где встречались области, где были надписи типа «Слоны и другие экзотические животные».

Территория Тропического региона была поистине грандиозна. В нее почти целиком входили два континента – вся Южная Америка от Аргентины на севере и вся Африка к югу от Атласских гор. В регион попадала и часть Северной Америки к югу от Рио-Гранде, и даже часть Азии – Аравийский полуостров и Иран. Тропический регион резко отличался от Восточного. Там на пятнадцать процентов площади земного шара ютилась почти половина человечества, а тут пятнадцать процентов населения земного шара просторно разместилось почти на половине площади планеты.

Но прирост населения был тут весьма заметен. Правда, он происходил в основном за счет иммиграции, но для каждого, кто прибывал в Тропический регион, находилось и место, и дело.

На взгляд Линкольна Нгомы, Байерли был похож на всех иммигрантов с Севера: все белокожие только о том и думают, чтобы усовершенствовать условия внешней среды и сделать ее комфортной. Нгома ощущал почти инстинктивное превосходство. Ему было жаль несчастного бледнокожего, родившегося под лучами холодного северного солнца, – естественное презрение сильного к слабому.

Столица Тропического региона была самым новым городом на Земле – ее так и назвали – «Новый Город», и в этом сквозила наивная самоуверенность молодости. Город простирался на прекрасных, плодородных холмах нигерийского нагорья. Из окна кабинета Нгомы открывался чудесный вид. Город утопал в лучах жаркого солнца, играли и переливались струи фонтанов. Радужными красками весело светились крылышки тропических птиц. Наступит ночь – и в непроницаемо черных небесах зажгутся яркие звезды...

Нгома весело рассмеялся. Улыбка обнажила ровные белые зубы. Высокий, чернокожий, темноволосый, он был удивительно красив.

– Ну, конечно, – сказал он с легким акцентом на английском. – Мексиканский канал немножко запаздывает. Ну и что? Все равно мы завершим строительство, будьте спокойны, старина.

– Но до недавнего времени строительство шло по графику?

Нгома искоса взглянул на Байерли, неторопливо откусил кончик длинной толстой сигары и зажег ее.

– Это что, официальное расследование, Байерли? Как вас понимать? Что происходит?

– Ничего. Ничего официального. Просто любознательность входит в обязанности Координатора, вот и все.

– Ну, что же, старина, если вам действительно просто больше делать нечего, то я вам скажу. Нам всегда не хватает рабочих рук. У нас в тропиках дел по горло. И канал – только одно из них.

– Но разве Машина не предусмотрела объема работ по прокладке канала? Разве не учла всех конкурентных проектов?

Нгома закинул руки за голову и выпустил к потолку несколько колечек синего дыма.

– Она несколько ошиблась.

– И часто она... несколько ошибается?

– Не чаще, чем молено ожидать. Честно говоря, нас это не слишком огорчило, Байерли. Мы вводим данные. Пользуемся полученными результатами, делаем, что нам говорит Машина... Но это просто для удобства, Байерли, просто для экономии усилий. Пришлось бы – обошлись бы и без нее. Может быть, не так хорошо. Может быть, все выходило бы не так быстро... Да нет, справились бы.

Мы уверены в себе, Байерли, и в этом весь секрет. В нашем распоряжении – девственная земля, которая ждала наших рук тысячи лет в то время как в остальной части мира землю друг у друга рвали с кровью в доатомную эру. Нам не нужно питаться дрожжами, как этим беднякам в Восточном регионе, нам не стоит волноваться по поводу загрязнения среды, как вам, северянам.

Мы уничтожили муху це-це и малярийных москитов. Люди поняли, что и под нашим жарким солнцем можно жить и трудиться. Мы вырубили джунгли и обрели плодородную землю, мы оросили пустыни и насадили там сады. Мы стали добывать уголь и нефть, обнаружили на своей земле множество других полезных ископаемых.

Так не мешайте нам! Это все, чего мы просим у остального мира. Отойдите и не мешайте нам работать!

Байерли, не обращая внимания на эти патетические высказывания, спросил:

– И тем не менее, что же случилось на строительстве канала?

Нгома развел руками.

– Трудности с персоналом.

Покопавшись в стопке бумаг на столе, он попытался найти нужную, но вскоре раздраженно махнул рукой.

– Что-то у меня было такое по этому вопросу, – пробурчал он, – ну да ладно. Как будто, если я правильно помню, там оказалось мало женщин, и поэтому трудно было найти рабочих-мужчин. Видимо, никому не пришло в голову предоставить Машине данные о численном соотношении полов.

Тут Нгома откинул голову назад и весело расхохотался. Но быстро стал серьезным. Нахмутив лоб, он воскликнул:

– Погодите-ка! Я вспомнил. Виллафранка! Ну, конечно же, Виллафранка!

– Виллафранка? – недоуменно переспросил Байерли.

– Франциско Виллафранка. Он был главным инженером строительства. Погодите, сейчас я постараюсь припомнить получше... Что-то там такое случилось. Обвал, что ли? Да. Точно. Обвал. Никто не погиб, насколько я помню, но шуму было много. Просто скандал.

– О?!

– Была какая-то ошибка в его расчетах. По крайней мере, так утверждала Машина. В нее ввели расчетные данные – то, с чего Виллафранка начинал. Ответы вышли совсем другие. Вероятно, в расчетах Виллафранка не учел последствий сильных ливней. Ну или что-то еще в таком духе, Я же, вы понимаете, не инженер.

Но, как бы то ни было, Виллафранка поднял там страшную бучу. Он клялся и божился, что сначала Машина дала другой ответ, что он в точности выполнял ее указания. А потом он уволился. Мы пытались удержать его – ведь раньше, до этого случая, он работал хорошо, и всякое такое... но, конечно, на более скромной должности... это безусловно... ошибки нельзя пропускать... это вредит дисциплине... на чем я остановился?

– На том, что вы предложили ему остаться.

– Да. Но он отказался... Короче, в итоге мы отстаем на два месяца. Но, черт подери, это такая ерунда.

Байерли принялся постукивать пальцами по столу.

– Виллафранка винил во всем Машину, не так ли?

– Ну а что ему оставалось делать? Давайте смотреть правде в глаза, Байерли. Мы – люди, и нам от своей природы никуда не уйти. И потом, вот еще... только что вспомнил. И почему я никогда не могу найти документов, когда они мне нужны? Делопроизводство – ни к черту... В общем, этот Виллафранка состоял в какой-то вашей северной организации. Мексика слишком близко к северу. В этом вся беда.

– Какую организацию вы имеете в виду?

– Кажется, она называется «Общество защиты прав человека». Что-то в этом духе. Этот Виллафранка мотался каждый год на конференции в Нью-Йорк. Сборище безобидных сумасшедших. Им не нравятся Машины. Машины, видите ли, губят людскую инициативу! Так что неудивительно, что Виллафранка винил во всем Машину. Лично мне это совершенно непонятно. Разве похоже, что у нас здесь, в Новом Городе, кто-то подавляет людскую инициативу?

А Новый Город весело сверкал в лучах африканского солнца – самое юное создание Homo Metropolis.

ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОН:

а) площадь: 4 000 000 кв. миль

б) население: 300 000 000

в) столица: Женева

Европейский регион мало напоминал два предыдущих. По площади он был самым маленьким – его территория не составляла и пятой части площади Тропического региона, а население – и пятой части Восточного. С географической точки зрения он мало напоминал то, что было доатомной Европой, поскольку в его состав не входила ни европейская часть России, ни Британские острова. Правда, добавилось средиземноморское побережье Африки и Азии, и, совершив дерзкий прыжок через океан, регион захватывал Аргентину, Чили и Уругвай.

Не было также похоже на то, что Европейский регион сумеет сравняться с другими – даже несмотря на присущую его латиноамериканской части энергичность. Он был единственным из всех регионов планеты, где отмечалось неуклонное снижение численности населения, и только здесь не отмечалось ни роста производства, ни каких-либо нововведений в области культуры.

– Европа, – изящно грассируя, сказала мадам Жегешовска по-французски, – фактически представляет собой экономический придаток Северного региона. Мы это отлично знаем, но это неважно.

Видимо, отсутствие в ее кабинете карты Европейского региона отражало ее равнодушные к данному вопросу.

– Но тем не менее, – возразил Байерли, – у вас есть собственная Машина, и вы ни в коей мере не должны ощущать экономического давления из-за океана.

– Машина! Ах!

Она пожала своими изящными плечами, улыбнулась, вынимая длинными тонкими пальцами сигарету.

– Европа – спящий мир. И те, кто не успел удрать из нее в Тропики, спят вместе с ней. Сами видите: работа вице-координатора возложена на хрупкие плечи слабой женщины. К счастью, груз не так уж тяжок, да и ждут от меня не слишком многого.

Что касается Машины... На что еще она способна, как только на то, чтобы сказать: «Делайте так, как я скажу, и это для вас самое лучшее». Но что для нас самое лучшее? Естественно, оставаться экономическим придатком Северного региона.

Но ведь все не так ужасно. Войнам конец. Мы живем в мире и покое – а это так приятно после семи тысячелетий сплошных войн. Мы старые, мсье. В наши границы входят области, где когда-то зародилась Западная цивилизация, – Египет, Месопотамия, Крит, Сирия, Малая Азия и Греция... Но преклонный возраст – вовсе не обязательно несчастный возраст. Это может быть и успокоение, и процветание...

– Возможно, вы правы, – сухо прервал ее Байерли. – По крайней мере, темп жизни тут не такой бешеный, как в других регионах. Атмосфера приятная.

– Правда? А, вот нам и чай принесли. Мсье, вы как любите – со сливками, с сахаром? Пожалуйста.

Она отпила немного чаю и продолжила:

– Ну, конечно, атмосфера приятная. А в других местах на Земле продолжается какая-то возня, борьба... Знаете, я нахожу здесь довольно занятную аналогию... Было время – хозяйном мира был Рим. Он впитал культуру и цивилизацию поработенной им Греции. Греции, которая никогда не была единой, которая постепенно раздиралась войнами. Рим объединил Грецию, дал ей мир и возможность жить спокойно, хотя и без славы, заниматься философией и искусством вдали от прогресса и войн. Это было нечто вроде смерти, но смерти спокойной, мирной и долгой – она тянулась с небольшими перерывами целых четыре столетия.

– Да, но, – прервал ее Байерли, – Рим в конце концов пал, и наркотическое опьянение

развеевалось.

– Вы правы, но ведь теперь нет больше варваров, способных растоптать цивилизацию?

– Ах, мадам Жегешовска, мы сами способны стать варварами. Простите, но я вот о чем хотел вас спросить... добыча ртути в Альмадене сильно упала. Ведь не убывают же запасы скорее, чем ожидалось?

Проницательные серые глаза мадам в упор смотрели на Байерли.

– Варвары – упадок цивилизации – выход из строя Машин. Ход ваших мыслей очевиден, мсье.

– Вы находите? – усмехнулся Байерли. – Ну что ж, пусть будет так, хотя я вовсе не это имел в виду. А вы считаете, альмаденские события связаны с неполадками в работе Машины?

– Вовсе нет. Но я уверена, что так думаете вы. Вы, насколько я знаю, уроженец Северного региона. Офис главного Координатора находится в Нью-Йорке... А я Не так давно заметила, что северяне понемногу начинают утрачивать доверие к. Машинам. Вы, северяне...

– Мы? – раздраженно прервал ее Байерли. – Кто это – «мы»?

– Вам, вероятно, известно «Общество защиты прав Человека»? Его позиции у вас на севере чрезвычайно сильны, а вот у нас, в старушке-Европе, приверженцев вовсе не так много. Европе давно нет никакого дела до защиты чьих бы то ни было прав. Вы, конечно, энергичный северянин, а не континентальный циник.

– Это как-то связано с Альмаденом?

– О да, я думаю именно так. Рудники контролирует компания «Концерн Циннабар» – северная организация, со штаб-квартирой в Николаеве, Лично я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из совета директоров «Циннабара» когда-либо консультировался с Машиной, хотя на конференции в прошлом месяце они утверждали, что делали это. У нас, безусловно, не было возможности их проверить, но я далека от того, чтобы принимать на веру слова северянина, – поймите, я никого не хочу обидеть. Однако я считаю, что все кончится благополучно.

– В каком смысле «благополучно», позвольте поинтересоваться; мадам?

– Надеюсь, мсье, вы понимаете, что те экономические неполадки, которые имели место в Альмадене, хотя и невелики в сравнении с великими потрясениями прошлого, все-таки нарушили мирное течение нашей жизни и привели к некоторым волнениям в испанской провинции. Концерн «Циннабар» продает свои акции местным жителям, испанцам. Это утешительно, мсье. Если уж мы – экономические вассалы севера, не следует унижать нас, демонстрируя это столь открыто. К тому же, нашим людям мы можем больше доверять в плане повиновения рекомендациям Машины.

– Значит, вы уверены, что теперь все будет в порядке?

– Уверена. По крайней мере, в Альмадене.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:

а) площадь: 18 000 000 кв. миль

б) население: 800 000 000

в) столица: Оттава

Положение Северного региона было высоким, как в прямом, так и в переносном смысле. Его географическое положение отлично демонстрировала карта, висевшая на стене оттавского офиса вице-координатора Хирама Маккензи. В самом центре карты красовался Северный полюс. Все приполярные области, включая Скандинавский полуостров и Исландию, входили в Северный регион.

Территорию региона можно было приблизительно разделить на две части. Левая часть карты изображала Северную Америку к северу от Рио-Гранде, а правая – то, что было когда-то Советским Союзом. Вместе они составляли средоточие сил всей планеты в начале атомной эры. Великобритания, располагавшаяся примерно посередине между двумя этими территориями, вклинивалась в Европейский регион, а на самом верху карты, очерченные весьма

символически, располагались Австралия и Новая Зеландия.

Никакие изменения последних десятилетий не могли скрыть тот факт, что Северный регион оставался экономическим лидером планеты.

Что-то символическое было даже в том, что из всех карт, которые Байерли видел за время своей инспекционной поездки, только на этой была представлена вся Земля: Север не боялся возможной конкуренции и ни от кого не скрывал своего превосходства.

– Это невозможно, мистер Байерли, – угрюмо пробурчал Маккензи, медленно потягивая виски. – Насколько мне известно, у вас нет образования Роботехника.

– Нет.

– Х-м-м... Прискорбно то, что такого образования нет ни у Чиня, ни у Нгомы, ни у Жегешовской. Слишком рано люди укрепились во мнении о том, что Координатору достаточно быть всего-навсего хорошим организатором и человеком широкого кругозора, умеющим общаться с людьми. Нет, в наши дни Координатору неплохо было бы и в Роботехнике разбираться, – простите, я никого не хотел обидеть.

– А никто и не обиделся. Я с вами согласен целиком и полностью.

– Судя по тому, что вы мне успели рассказать, Байерли, я понял, что вас беспокоят наметившиеся в последнее время сбои в мировой экономике. Я не знаю, какие у вас на этот счет предположения, но позволю себе заметить, что в прошлом бывали случаи, когда любопытные глупцы интересовались тем, что было бы, если бы Машине удалось подсунуть неверные данные.

– И что было бы, мистер Маккензи?

– Ну... – шотландец сложил на груди руки и глубоко вздохнул. – Все данные проходят через сложнейшую систему скрининга, включающую проверку как людьми, так и компьютерами, так что проблема ошибочной информации не должна бы и возникать. Но это теоретически. Людям вообще свойственно ошибаться, кроме того, их можно подкупить, а любая Машина не застрахована от механической поломки.

Но главное не в этом. То, что мы называем «неверными данными», в действительности представляет собой некую информацию, противоречащую всем остальным известным Машине данным. Это наш единственный критерий для определения того, что правильно, а что нет. И для Машины тоже. Дайте ей, к примеру, задание составить план сельскохозяйственных работ в Айове с учетом того, что средняя температура воздуха в июле там составляет 57 градусов по Фаренгейту⁴ Машина не примет такую команду. Она не даст ответа! И вовсе не потому, что ей окажутся как-то особенно неприятны именно такие цифры или потому, что такое в принципе невозможно. Дело в том, что по имеющимся у нее данным, вероятность температуры 57 градусов в июле равна нулю. Вот и все. Машина отвергнет такие данные.

Единственным способом заставить Машину принять неверные данные является включение их в состав непротиворечивого единого массива информации, и сделано это должно быть исключительно хитро, тонко – так, чтобы Машина не сумела уловить, что ее обманывают. Либо можно попытаться подсунуть ей такие данные, знания о которых находятся вне компетенции Машины. Первое человеку просто не под силу, а второе... почти не под силу, потому что знания Машины растут с каждой секундой.

Стивен Байерли задумчиво коснулся переносицы двумя пальцами.

– Таким образом, Машину не проведешь. Но тогда как же вы объясните все эти ошибки?

– Дорогой мой Байерли, как видно, вы совершаете обычную ошибку: вы допускаете, что Машина знает все. Позвольте, я опишу вам один случай из личного опыта.

В текстильной промышленности высоко ценятся опытные закупщики хлопка. Работа их заключается в следующем: они берут на пробу пучок волокон из случайно выбранного тюка из партии – щупают его, треплют, нюхают, слушают, как он шуршит, пробуют языком – и

⁴ 14 градусов по Цельсию

благодаря таким процедурам в итоге определяют сортность хлопка. Сорта хлопка около дюжины. Закупщик выносит свой приговор, и от этого зависит сумма, на которую заключается сделка. И представьте себе, Байерли, по сей день этих закупщиков нельзя заменить Машиной.

– Но почему? Наверняка ведь анализируемые показатели не слишком сложны для Машины?

– Может быть и нет. Но о каких показателях вы говорите? Ни один химик-текстильщик не может определить, какие качества хлопка оценивает закупщик, когда щупает пучок волокон. Предположительно он определяет их среднюю длину, насколько они мягки и эластичны, как слипаются, скручиваются одно с другим... Множество признаков, которые опытный закупщик определяет подсознательно, лишь на основании многолетнего опыта. Но количественная сторона такой оценки никому не известна, Никому – порой сами закупщики не в силах ничего объяснить. Спросишь, а они скажут: «А ты что, милок, сам не видишь? Так оно чувствуется».

– Понятно.

– И таких случаев не перечислять. Машина – это всего лишь инструмент, способный ускорить прогресс человечества за счет того, что она берет на себя сложнейшие расчеты и их интерпретацию. А задачи, решаемые человеческим мозгом, остаются все теми же: искать новые данные, которые потом можно подвергнуть машинному анализу, и создавать новые теории на их основе. Очень прискорбно, что это не понимают скандалисты из «Общества защиты прав человека».

– Они против Машин?

– Родись они в другое время, они были бы против математики или письменности. Эти реакционеры заявляют, будто Машины крадут у человека его душу. А я лично как-то не замечаю, чтобы в нашем обществе не было бы места людям талантливым, способным придумывать вопросы и умно задавать их Машине. Наверное, Координатор, если бы таких людей было больше, не возникли бы те сбои, которые вас беспокоят.

ЗЕМЛЯ (включая необитаемый материк – Антарктиду):

а) площадь: 54 000000 кв. миль (поверхность суши)

б) население: 3 300 000 000

в) столица: Нью-Йорк

Огонь за кварцевым стеклом догорал, последние язычки пламени вспыхивали над обгоревшими дочерна поленьями.

Координатор тоже весь как-то сник и угас. Голос его звучал тихо, устало.

– Все они принижают важность событий. Ведь нельзя же допустить, что они смеялись надо мной, правда? И все-таки Винсент Силвер уверяет меня в том, что Машины не могут быть неисправны, и я должен ему верить. Хирам Маккензи считает, что принципиально невозможно подsunуть Машине неверные данные, и ему я тоже склонен верить. Но Машины, тем не менее, ошибаются, и этому я тоже не могу не верить – значит, всему этому все же есть какая-то альтернатива.

Он искоса взглянул на Сьюзен Кэлвин – глаза у нее были закрыты, и казалось, она спала. Тем не менее ее реакция была немедленной:

– Какая именно альтернатива, Стивен?

– Если данные вводятся верные и ответы даются тоже верные, остается еще возможность их игнорировать. Машины не располагают властью навязать исполнение своих рекомендаций.

– Мадам Жегешовска намекала именно на это в отношении Северного региона.

– Конечно.

– Но какова может быть цель неповиновения Машине? Попробуем определить мотив.

– Мотивы для меня как раз очевидны, да и для вас, думаю, тоже. Это попытка раска-

чать лодку. Ведь пока миром правят Машины, серьезные конфликты, при которых какая-то одна группа получила бы преимущество за счет остального человечества, невозможны. Но если вера в Машины будет подорвана настолько, что от них придется отказаться, снова возобладает закон джунглей. И такое подозрение нельзя исключить по отношению ни к одному из четырех регионов.

Половина населения Земли живет в границах Восточного региона, а в Тропическом сосредоточена почти половина всех природных ресурсов, И тот и другой могут ощущать себя полновластными хозяевами Земли, и каждый из них в свое время испытал унижение со стороны Севера. Вполне логично желать отмщения, правда? Европа, с другой стороны, сохраняет память о былом величии. Она ведь когда-то правила Землей, а ничто так сильно не раздражает, как воспоминания о власти.

Но в это трудно поверить. И Востоку, и Тропикам хватает места для экспансии внутри своих собственных границ. И в том и в другом регионе отмечается колоссальный подъем производства. Для военных приготовлений у них попросту нет ни времени, ни свободных рук. А у Европы не осталось ничего, кроме сладких снов. Это, как говорят военные, сухой язык цифр.

– Таким образом, Стивен, – заметила Сьюзен, – вы считаете, что дело в Северном регионе.

– Да, – энергично подхватил Байерли. – Север сейчас сильнее всех и удерживает эти позиции уже почти целое столетие. Но теперь намечается относительное отставание. Место лидера цивилизации могут скоро занять Тропики, а северяне этого боятся. Да, Сьюзен, впервые со времен фараонов Тропики могут выйти вперед.

«Общество борьбы за права человека» – организация северян, вам это известно, и они не делают тайны из своей войны с Машинами... Сьюзен, их немного, но эта организация объединяет могущественных людей. Управляющие фабрик, директора заводов и крупных сельскохозяйственных комплексов, которые больше не хотят быть, по их словам, «мальчиками на побегушках при Машинах». Люди в «Обществе» амбициозны, эгоистичны. Они чувствуют себя достаточно сильными для того, чтобы принимать решения к собственной выгоде, а не быть вынужденными заботиться о благе других.

Короче говоря, это те самые люди, которые, решив дружно отказываться от тех советов, которые дают Машины, могут очень скоро перевернуть мир вверх дном.

Все сходится, Сьюзен. Пятеро членов совета директоров «Всемирной Сталелитейной» являются членами «Общества», и во «Всемирной Сталелитейной» отмечено перепроизводство. Концерн «Циннабар», ведавший добычей ртути в Альмадене, был северной компанией. Его отчетная документация пока не изучена до конца, но уже выяснено, что по крайней мере один из его сотрудников был членом «Общества». Франческо Виллафранка, который ухитрился в одиночку добиться отсрочки ввода в строй Мексиканского канала, тоже был членом «Общества», это мы уже знаем. Как, впрочем, и Рама Врасайяна, что меня вовсе не удивило.

– Да, но все они финансово пострадали на этом, – спокойно сказала Сьюзен Кэлвин.

– Естественно. Отвергнуть рекомендацию Машины – значит выбрать проигрышный вариант. Это та цена, которую им приходится платить. Но в той неразберихе, которую они надеются спровоцировать, они рассчитывают поправить дела.

– Ну, и что же вы собираетесь предпринять, Стивен?

– Время дорого, Сьюзен. Поэтому я тороплюсь. Я собираюсь настоять на том, чтобы «Обществом» было объявлено вне закона и все его члены удалены с ответственных постов. Претенденты на любую сколько-нибудь ответственную должность должны будут давать присягу об отказе от поддержки «Общества». Это, конечно, в какой-то мере ущемит гражданские права, но я уверен, что Конгресс...

– Это ничего не даст.

– Что? Почему? – оторопело уставился на нее Байерли.

– Позволю себе сделать предсказание. Если вы попытаетесь это осуществить, вы встретитесь с препятствиями на каждом шагу. Вы не сможете продолжать работать. Любое про-

движение в этом направлении будет сопровождаться неприятностями.

Байерли был совершенно обескуражен.

– Я не ожидал услышать это от вас. Я рассчитывал на вашу поддержку.

– Но это невозможно, Стивен! Все ваши выводы основаны на неверных допущениях. Вы признали, что Машина не может ошибаться, признали, что и неверные данные ей подсунуть невозможно. А теперь я готова доказать, что и не повиноваться Машине тоже невозможно, как это, на ваш взгляд, делает «Общество».

– С этим я совершенно не согласен.

– Тогда слушайте. Каждое действие любого ответственного лица, не согласующееся с рекомендациями Машины, становится ей известно и учитывается при решении очередной проблемы. Машине, таким образом, становится известна склонность данного лица к неповиновению. Машина может даже количественно оценить последствия этого, то есть предвидеть, в какой степени и в каком направлении ее рекомендации будут нарушены. И последующий ответ Машины будет, естественно, скорректирован таким образом, чтобы непослушание данного исполнителя автоматически привело к оптимальным результатам. Машина *знает*, Стивен!

– Но вы не можете быть в этом уверены. Это просто ваша догадка.

– Догадка, не спорю, но основана она на многолетнем опыте работы с роботами. И будет лучше, если вы положитесь на эту догадку, Стивен!

– Но что же тогда получается? С Машинами, как и с вводимыми в них данными, все в порядке. Не слушаться их, как вы говорите, тоже невозможно. Но что же тогда не в порядке?

– Вы сами ответили на свой вопрос. *Все в порядке*. Задумайтесь немного о самих Машинах, Стивен. Они роботы и повинуются Первому Закону. Но Машина призвана заботиться не об отдельном человеке, а обо всем человечестве. Следовательно, для них Первый Закон должен звучать так: «Ни одна Машина не может причинить вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред».

Отлично. А теперь, Стивен, давайте зададим себе вопрос: какой вред может быть причинен человечеству? Что ему грозит? Больше всего – нарушения баланса в экономике, по какой бы то ни было причине. Не так ли?

– Так.

– А из-за чего могут возникнуть самые большие нарушения баланса в экономике, Стивен? Попробуйте ответить.

– Ну... – неохотно начал Стивен, – пожалуй, из-за разрушения Машин. Я бы так сказал.

– И я бы так сказала. Именно так и должны отвечать себе на этот вопрос сами Машины. Их первой задачей, стало быть, становится самосохранение, но ради нас. Именно поэтому они незаметно взяли под контроль тех людей, которые могли бы им угрожать. Вовсе не «Общество защиты прав человека» раскачивает лодку, чтобы в конце концов добиться демонтажа Машин. Вы смотрели на обратную сторону картины. Гораздо правильней будет сказать, что это сами Машины раскачивают лодку – не сильно, ровно настолько, чтобы стряхнуть за борт тех, кто преследует цели, которые Машинам представляются опасными для человечества.

Итак: Врасайяна остался без завода и получил другую работу, где он не может причинить вреда. Он не очень пострадал, он не лишился средств к существованию – ведь Машина в принципе не может нанести человеку вред, разве что самый минимальный, и то – в интересах всего человечества. Концерн «Циннабар» утрачивает контроль над альмаденскими рудниками. Виллафранка уволен с поста главного инженера строительства канала. А директора «Всемирной Сталелитейной» уже утрачивают руководящие позиции в промышленности – и очень скоро потеряют совсем.

– Но вы же ничего этого не знаете наверняка, – упорствовал Байерли. – Разве можем мы рисковать и действовать на основе одних только предположений?

– Не только можете, но и должны. Помните тот ответ, который дала сама Машина на ваш запрос? Он звучал так: «Ответ на вопрос недопустим». Правильно? Ведь Машина не

сказала, что объяснения нет или что она не может его найти. Она просто не собиралась ничего объяснять. Никому. Другими словами, она решила, что знать суть дела человечеству не нужно и опасно. Поэтому нам остается одно: положиться на свои догадки.

– Но какой же вред был бы в том, чтобы Машина все нам объяснила? Конечно, если допустить, что вы правы.

– Если я права, то это значит, что Машина продумывает за нас наше будущее не только в плане выдачи корректных ответов на корректно заданные вопросы, но и принимает стратегические для развития человечества решения и учитывает человеческую психологию. Знание об этом может сделать нас несчастными и ранить нашу гордость, а этого Машина допустить не может. Она не *должна* делать нас несчастными.

И потом, Стивен, разве мы можем знать, что для человечества хорошо, а что плохо? В нашем распоряжении нет и крупицы всех тех данных, которыми располагает Машина! Ну, вот, известный пример: разве развитие нашей технической цивилизации не принесло больше горя и страданий, чем было им уничтожено? Очень может быть, что примитивная аграрная цивилизация, с более низким уровнем культуры и меньшей численностью населения, была бы предпочтительнее. Кто знает? Если это так, то именно в таком направлении Машины будут нас подталкивать, ни в коем случае не сообщая нам об этом, потому что мы невежественны, мы заражены предрассудками, мы считаем благом только то, к чему привыкли. С любыми переменами мы тут же начнем отчаянную борьбу. А может быть, для человечества лучше полная урбанизация, или кастовое сообщество, или абсолютная анархия. Мы этого не знаем. Знают только Машины, и они двигаются в этом направлении, ведя нас за собой.

– Ваши слова, Сьюзен, означают, что «Общество борьбы за права человека» не ошибается и что человечество утратило право принимать решения о собственном будущем?

– А у него никогда и не было никогда такого права. Будущее в конце концов всегда определялось экономическими и социальными силами, – какими именно, человечество не понимало: то ли особенностями климата, то ли удачами в войнах. Это все теперь понятно Машинам, и никто не может помешать им, поскольку Машины держат в своих руках эти силы, как они держат и «Общество». Для этого они располагают самым мощным оружием – абсолютным контролем над нашей экономикой.

– Как это ужасно!

– Наоборот! Как это прекрасно! Подумайте только, ведь теперь впервые за всю историю человечества все противоречия разрешимы, всех конфликтов можно избежать. И только Машины, на все времена; неизбежны!

Как раз в этот момент огонь за кварцевым стеклом угас окончательно, и только тонкая струйка синего дыма осталась там, где он только что горел.

Женская интуиция

Feminine Intuition (1969)

Перевод: И. Горьева

Впервые за всю историю существования фирмы «Ю.С.Роботс энд мекэникл мэн инкорпорэйтед» робот стал жертвой несчастного случая на самой Земле.

В этом некого было винить.

Воздушный лайнер потерпел катастрофу в пути, и комиссия по расследованию никак не могла решиться, объявить ли предполагаемую причину взрыва: столкновение с метеоритом. Ни одно тело, кроме метеорита, не могло двигаться с такой огромной скоростью, иначе самолет успел бы автоматически отклониться от курса. И ничто не могло бы вызвать таких разрушений, кроме атомного взрыва, о котором, разумеется, не могло быть и речи.

А если к этому добавить сообщение о вспышке в ночном небе, замеченной как раз незадолго до катастрофы, причем не каким-нибудь любителем, а астрономами обсерватории Флагстаф, и упомянуть об обнаруженной всего лишь в миле от взрыва и глубоко врезавшейся

ся в землю внушительной массе железа совершенно очевидно метеоритного происхождения, то становится понятным, что все эти факты не могли привести к иному выводу.

Правда, ничего подобного еще не происходило, к тому же подсчеты вероятности такого события показали, что практически она была нулевой. Но ведь случаются иногда и более невероятные вещи!

Для фирмы «Ю.С.Роботс» вопросы «как» и «почему» отходили на задний план. Реальностью был разрушенный робот, и факт этот казался плачевным уже сам по себе. Но еще трагичней было то, что JN-5 – первый удачный образец после четырех пробных моделей – предназначался для дальнейших испытаний.

JN-5 был роботом совершенно нового типа, полностью отличным от всех ранее сконструированных. И от одной этой мысли можно было впасть в отчаяние!

А то обстоятельство, что перед катастрофой JN-5 разрешил проблему неслыханной важности и ответ, быть может, навсегда утерян, повергло ученых в настоящую скорбь.

При такой невозместимой потере вряд ли стоило упоминать, что вместе с роботом погиб и Главный Робопсихолог фирмы «Ю.С.Роботс».

Клинтон Мадариан появился в фирме «Ю.С.» десять лет назад. Первые пять лет он проработал под руководством неуживчивой Сьюзен Кэлвин, но никто не слышал от него ни одной жалобы.

Способности Мадариана были настолько выдающимися, что Сьюзен Кэлвин, без малейших угрызений совести, повысила его в должности раньше многих старых сотрудников. Но ни за что на свете не стала бы она объяснять причины этого повышения начальнику исследовательского отдела, Главному Математику Питеру Богерту, хотя на сей раз он в объяснениях не нуждался — все и без того было ясно.

Во многих отношениях Мадариан был полной противоположностью знаменитой Сьюзен Кэлвин. Он вовсе не был таким толстым, как можно было бы предположить по его массивному двойному подбородку, но при этом прямо-таки подавлял своим присутствием, тогда как Сьюзен Кэлвин почти всегда оставалась незаметной. Его крупное лицо, взлохмаченные волосы цвета меди, кожа красноватого оттенка, рокочущий голос и громовый смех, а главное, непоколебимая вера в себя и стремление немедленно сообщить всем и каждому о собственных успехах заставляли людей, находящихся с ним в одном помещении, ощущать тесноту окружающего их пространства.

Когда Сьюзен Кэлвин ушла, наконец, на пенсию, столь решительно отказавшись присутствовать на банкете, который собирались устроить в ее честь, что об ее отставке даже по решились оповестить прессу, освободившееся место занял Мадариан. И тотчас же — не прошло и дня, как он вступил на новый пост, — он начал обдумывать проект JN.

Проект этот требовал ассигнований, превышающих все, что «Ю.С.» когда-либо тратила на одну разработку, и фирма долго бы еще колебалась, если бы Мадариан небрежным жестом руки не отклонил ненужные разглагольствования.

– Цель оправдывает средства, Питер, – сказал он, – оправдывает до последнего пенни, и я очень рассчитываю, что вы сможете убедить административный совет.

– Изложите мне свои доводы, – ответил Богерт, спрашивая себя, захочет ли Мадариан это сделать, ведь в таких случаях Сьюзен Кэлвин всегда отказывалась.

Но Мадариан ответил:

– Пожалуйста.

И поудобнее устроился в широком кресле против стола начальника Исследовательского отдела, который разглядывал своего собеседника с чувством, похожим на суеверный страх. Волосы Богерта, еще недавно черные, совсем поседели. Не пройдет и десяти лет, как он тоже, вслед за Сьюзен, выйдет на пенсию.

Его уход ознаменует собой конец старой «плеяды», которая превратила «Ю.С.Роботс» в фирму мирового значения, по сложности решаемых проблем соперничающую с задачами государственной важности. Ни ему, ни его предшественникам и в голову не приходило, что фирма когда-нибудь приобретет подобный размах.

Пришло новое поколение. Оно привыкло к другим масштабам. Эти новые люди утратили способность удивляться и могли двигаться только семимильными шагами.

Но они шли вперед, а это было главное.

Мадариан сказал:

– Я предлагаю приступить к конструированию роботов, лишенных ограничений.

– Как? Не считаясь с Тремя законами?

– Да нет же, Питер! Это ведь не единственные ограничения. Вы же сами участвовали в первых разработках позитронного мозга. Мне ли напоминать вам, что независимо от Трех законов все процессы в таком мозге обусловлены заранее. Наши роботы предназначаются для выполнения специальных заданий и наделены только необходимыми для этого качествами.

– И вы предлагаете...

– Я предлагаю, чтобы на любом уровне, подчиненном Трем законам, были сняты все ограничения. Это совсем не трудно!

– Конечно, не трудно, — сухо ответил Богерт. — Бесполезные действия никогда не вызывают затруднений. Трудно лишь так отрегулировать процессы, чтобы извлечь из роботов максимальную пользу.

– Мы напрасно все усложняем. При жесткой фиксации процессов затрачивается много усилий. Ведь принцип неопределенности существен для частиц, имеющих массу позитрона, и хочется, насколько возможно, уменьшить эффект неопределенности. А затем? Если нам удастся воспользоваться принципом так, чтобы допустить возможность существования различных решений в непредвиденных обстоятельствах...

– Тогда у нас будет незапрограммированный робот?

– У нас, Питер, будет робот, наделенный творческим мышлением. – В голосе Мадариана появились нотки нетерпения. – Если и существует свойство, которое присуще человеческому мозгу и которого начисто лишен мозг робота, то это непредсказуемость действий как следствие неопределенности на субатомном уровне. Я знаю, что проявление этого свойства нервной системы еще ни разу не было подтверждено экспериментальным путем. И все же, не будь этого свойства, человеческий мозг в принципе не превосходил бы мозг робота.

– И вы полагаете, что, наделив этими особенностями мозг робота, вы в принципе доведете его до уровня человеческого?

– Вот именно, – подтвердил Мадариан.

После этого они еще долго продолжали спорить.

Как и следовало ожидать, убедить административный совет оказалось не так-то просто.

Скотт Робертсон, самый крупный из акционеров «Ю.С.Роботс», заявил:

– И без того нелегко поддерживать промышленное производство роботов на прежнем уровне, когда широкая публика неодобрительно относится к этим механизмам и в любую минуту может объявить им открытую войну. Если только станет известно, что роботы больше не контролируются – пожалуйста, не говорите мне о Трех законах, — то средний обыватель перестанет верить, что находится под их защитой, едва лишь услышит слово «неконтролируемый».

– В таком случае не будем употреблять этого слова, – сказал Мадариан, — назовем лучше нашего робота интуитивным.

— Интуитивный робот? – пробормотал кто-то. – А почему бы не женщина-робот?

По залу заседаний пробежал смехок. Мадариан решил сразу же взять быка за рога:

– Да! Женщина-робот! Наши роботы, разумеется, существа бесполое, и этот также не будет отличаться от остальных. Но у нас уже вошло в привычку рассматривать роботов как представителей мужского пола. Мы даем им мужские имена, говорим: он, его. Что же касается данного робота, то, учитывая предложенную мной математическую структуру его мозга, он скорее всего попадет в систему координат JN. Первый из них, JN-1, я собирался назвать Джоном-1, хотя, признаться, это имя было бы на уровне оригинальности заурядного конструктора. А почему бы, черт побери, не назвать нашего робота Джейн-1? И если уж непре-

менно нужно информировать широкую публику о всех делах фирмы, то сообщим, что сейчас мы конструируем женщину-робота, наделенного интуицией.

Робертсон покачал головой:

– А что от этого изменится? Ведь по сути вы хотите уничтожить последнюю преграду, препятствующую мозгу робота подняться до уровня человеческого мозга. И как же, по-вашему, на это будет реагировать широкая публика?

– А вы собираетесь ей обо всем докладывать? – возразил Мадариан. После минутного размышления он сказал: – Послушайте, ведь испокон веков считается, что мужчина по интеллекту превосходит женщину.

Все присутствующие настороженно переглянулись, как если бы Сьюзен Кэлвин сидела на своем обычном месте.

Мадариан продолжал:

– Если мы объявим о создании женщины-робота, несущественно, какой она будет. Публика заранее настроится на то, что интеллектуальный уровень нового робота будет ниже, чем у обычного. Нам лишь останется сообщить о появления Джейн-1, и тогда мы ничем не рискуем.

– Но этого мало, – вмешался Питер Богерт. – Мы с Мадарианом тщательно произвели все вычисления и пришли к выводу, что вся серия JN – будь то Джон или Джейн – вполне безопасна. Такие роботы проще обычных, а их интеллектуальный уровень ниже, чем у предыдущих серий, от которых JN будет отличаться лишь одним дополнительным свойством – условимся называть его интуицией.

– Кто знает, к чему оно приведет, – пробормотал Робертсон.

– Мадариан, – продолжал Богерт, – предлагает такое решение: как вы знаете, Межзвездный Прыжок теоретически разработан. Человек в состоянии достигнуть сверхсветовых скоростей, проникнуть в другие солнечные системы и вернуться на Землю спустя короткое время, скажем, не более чем через несколько недель.

– Все это давно известно, — прервал его Робертсон, – и может быть осуществимо без помощи роботов.

– Совершенно верно, но фирме это не принесет никакой выгоды, поскольку сверхсветовой двигатель может быть использован только один раз для демонстрационного полета. Межзвездный Прыжок — дело весьма рискованное. Он сопряжен с чудовищными затратами энергии и том самым с огромными расходами. Если уж мы на них решимся, то было бы неплохо открыть заодно и какую-нибудь обитаемую планету. Назовите это, если хотите, психологической необходимостью, но выложить двадцать миллиардов долларов ради полета, который ничего не принесет кроме научных данных! Налогоплательщики непременно потребуют, чтобы им разъяснили, на что расходуются такие средства. Но стоит вам объявить, что существует еще один населенный мир, и вы станете межзвездным Колумбом, никто даже не вспомнит о потраченных деньгах.

– Ну и что из этого?

– А то, что нам негде взять такую планету. Или скажем так: какая из трехсот тысяч звезд и созвездий в пределах досягаемости Межзвездного Прыжка, то есть в радиусе трехсот световых лет, с наибольшей вероятностью может быть заселена разумными существами? В нашем распоряжении масса подробных сведений обо всех звездах, отстоящих от нас не более чем на триста световых лет, и мы считаем, что почти каждая из них обладает своей планетной системой. Но в какой же из этих систем находится обитаемая планета? На какую из них нужно высадиться? Увы, этого мы не знаем.

– При чем же тут робот Джейн? – спросил кто-то из директоров.

Мадариан собрался было ответить, но передумал и сделал знак Богерту. Тот все понял: в данном случае слово начальника Исследовательского отдела имело большой вес. Сам Богерт не был в восторге от затеи Мадариана. Если серия JN окажется неудачной, то он уже достаточно ввязался в это дело, чтобы навлечь на себя град упреков. С другой стороны, его уход на пенсию не за горами, и в случае удачи он покинет свой пост в ореоле славы. Быть

может, он просто заразился уверенностью Мадариана? Как бы то ни было, но теперь Богерт искренне верил в успех. И он сказал:

– Не исключено, что, опираясь на сведения, которыми мы располагаем об этих звездах, можно оценить вероятность существования обитаемой планеты земного типа в одной из таких систем. Нам нужно подойти к этим данным не шаблонно, а творчески и обнаружить правильные соотношения. Ведь ничем подобным мы еще не занимались. Даже если какой-нибудь астроном и сделал это, он не смог бы в полной мере оценить достигнутое. Робот типа JN установит такие соотношения быстрее и с гораздо большей точностью. За один день он способен составить и отбросить столько вариантов, сколько человеку не сделать и за десять лет. Кроме того, он будет действовать наугад, тогда как человек оказался бы в плену предвзятых соображений.

Воцарилось молчание. Наконец Робертсон прервал тишину.

– Разве дело только в вероятности? Предположим, что робот изречет: «Наибольшая вероятность существования обитаемой планеты, скажем Сквиджи-17, в радиусе стольких-то световых лет, в такой-то системе». И вот мы устремляемся туда, чтобы лишний раз убедиться, что вероятность всегда остается только вероятностью и что в действительности там нет никакой обитаемой планеты. В каком положении мы окажемся?

На этот раз вмешался Мадариан.

– Все равно мы останемся в выигрыше, так как узнаем, что привело робота к подобному заключению, когда он, простите она, расскажет нам об этом. Таким образом мы сможем собрать колоссальные сведения в области астрономии и тем самым оправдаем нашу затею, даже если и не совершим Межзвездного Прыжка. Кроме того, мы сможем рассчитать вероятности не для одной, а для пяти планет; в таком случае вероятность, что хотя бы *одна* из них окажется обитаемой, будет больше девяноста пяти процентов, и тогда можно почти не сомневаться в успехе.

Прения еще долго не прекращались.

Ассигнованной суммы оказалось совершенно недостаточно, но Мадариан надеялся, что сработает привычный рефлекс — административный совет фирмы не даст пропасть уже потраченным деньгам. Когда истрачено 200 миллионов долларов, не стоит скупиться еще на сотню, чтобы спасти всю сумму. И Мадариан не сомневался, что ему выделят эту сотню.

Но вот Джейн-1 была наконец смонтирована и предстала пред испытующим оком Питера Богерта.

– Почему у нее такая тонкая талия? — спросил он. — Это что — технический дефект?

Мадариан хмыкнул:

– Послушайте, раз уж мы решили назвать ее Джейн, лучше, если она не будет похожа на Тарзана.

Богерт покачал головой:

– Что-то мне это не нравится. А в следующий раз вы ей сделаете бюст? Да и вообще вся эта затея дурацкая! Если женщины вообразят, что появятся похожие на них роботы, могу себе представить, какие сумасбродные мысли придут им в голову! Вот где вас подстерегает настоящая враждебность!

– Возможно, вы и правы, — ответил Мадариан, — ни одна женщина не захочет признаться даже самой себе, что ее может заменить механизм, у которого не будет ни одного недостатка, присущего женскому полу. Да, да! Вполне с вами согласен!

У Джейн-2 уже не было тонкой талии. Это был мрачный, малоподвижный, неразговорчивый робот.

В период его создания Мадариан редко навещался к Богерту со своими новостями, из чего было легко заключить, что дела идут далеко не блестяще. В противном случае, Богерт в этом ничуть не сомневался, Мадариан не постеснялся бы ворваться к нему в спальню в три часа ночи, чтобы выложить очередную идею.

И вот именно теперь, когда Мадариан, казалось, как-то сник, когда поблек его яркий румянец, а толстые щеки ввалились, Богерт сказал, чувствуя, что попадает в самую точку:

– Что, отказывается говорить?

– Нет, она говорит, – ответил Мадариан, тяжело опускаясь в кресло, и добавил, покусывая нижнюю губу, – по крайней мере изредка.

Богерт поднялся, чтобы осмотреть робота.

– А если она говорит, то ее слова бессмысленны? А если вообще не говорит, значит, она не настоящая женщина? Не так ли?

Мадариан тщетно попытался изобразить какое-то подобие улыбки.

– Сам по себе мозг вполне исправен.

– Знаю, – подтвердил Богерт.

– Но как только его вложили в робота, он, естественно, изменился...

– Естественно, – бросил Богерт, не пытаясь даже перекинуть спасительный мостик в конец запутавшемуся Мадариану.

– Но изменился непредсказуемо, и это приводит меня в отчаяние. Трудность состоит в том, что как только вы пытаетесь рассчитать неопределенность в N-мерном пространстве, то все очень...

– Неопределенно? – перебил Богерт, удивляясь собственной реакции. Убытки фирмы достигли уже весьма значительной суммы. Прошло около двух лет, а результаты, мягко говоря, необнадёживающие. И в то же время он чувствовал, что, задевая Мадариана, сам невольно забавляется этой игрой.

Какую-то минуту Богерт засомневался, уж не к Сьюзен ли Кэлвин обращены его стрелы? Но Мадариан был одновременно таким вспыльчивым и общительным, какой Сьюзен никогда не бывала, даже если все шло как нельзя лучше. В отличие от Сьюзен, которую не могли сломить неудачи, Мадариан был куда более уязвимым. Богерт отыгрывался за прошлое, сделав Мадариана мишенью для своих шуток, чего Сьюзен Кэлвин никогда бы не допустила.

Мадариан никак не отреагировал на последнее замечание Богерта, как это сделала бы и Сьюзен Кэлвин, но по другой причине: она бы смолчала из презрения, а он просто не слышал.

Он начал приводить свои аргументы.

– Трудность в опознавании. Джейн-2 блестяще справляется с соотношениями. Она может сопоставить все что угодно, но, к сожалению, не умеет отличать важных результатов от второстепенных. Это не легкая задача – запрограммировать нашего робота на нахождение существенных соотношений, если мы заранее не знаем, какие именно соотношения она находит.

– Я полагаю, вы намеревались понизить потенциал на соединении диода W-21 и связать через...

– Нет, нет и нет! – Голос Мадариана упал до шепота. – Мы не допустим, чтобы из-за нее все рухнуло. Нужно заставить ее распознавать главные соотношения и научить делать правильные выводы. Когда мы этого добьемся, робот Джейн будет находить решения интуитивно, тогда как мы получаем их благодаря случайным удачам.

– Мне кажется, – сухо заметил Богерт, – что, имея такого робота, вы в любую минуту смогли бы заставить его выполнить то, что среди простых смертных в состоянии совершить только гений.

Мадариан одобрительно кивнул.

– Золотые слова, Питер! Я бы и сам сказал это, если бы не боялся испугать наших администраторов. Пусть это пока останется между нами.

– Вы действительно хотите создать гениального робота?

– Слова, одни слова... Я хочу сконструировать робота, способного находить случайные соотношения с невероятной быстротой, а также безошибочно выделять ключевые проблемы, то есть пытаюсь превратить эти мало что выражающие понятия в уравнения позитронного поля. Мне казалось, что я уже близок к цели, но, видимо, я заблуждался.

Он бросил недовольный взгляд на робота и приказал:

– Джейн, сформулируй самое важное из того, что ты обнаружила.

Джейн-2 повернула голову к Мадариану, но не произнесла ни слова.

Тогда Мадариан покорно сказал:

– Она все это зафиксировала в своей памяти.

И тут-то Джейн-2 отреагировала голосом, лишенным всякого выражения:

– Как раз в этом у меня нет уверенности.

Это было первое, что она произнесла. Глаза Мадариана, казалось, вылезли из орбит:

– Она составляет уравнение с неопределенными решениями.

– Так я и думал, – сказал Богерт. – Одно из двух – либо вы чего-нибудь добьетесь, либо покончите с этим делом, пока убытки фирмы еще не перевалили за полмиллиарда!

– Нет, я что-нибудь придумаю, — пробормотал Мадариан.

С Джейн-3 они потерпели полную неудачу. Ее даже не допустили к испытаниям, и Мадариан был вне себя от ярости. На этот раз ошибся человек, точнее говоря, сам Мадариан. И хотя он был совершенно подавлен, все остальные сохраняли спокойствие. Пусть в него бросит камень тот, кто сам никогда не ошибался в дьявольских математических премудростях позитронного мозга!

Прошло около года, прежде чем появилась Джейн-4. К Мадариану вернулся его былой оптимизм.

– Все в порядке, – говорил он, – у нее большие способности к опознаванию.

Он был настолько уверен в себе, что заставил Джейн-4 решать задачи перед административным советом. Нет, не математические – с ними справился бы любой робот, — а с нарочито запутанными условиями, задачи, которые в то же время нельзя было признать неверными.

– Ну что ж, – сказал ему потом Богерт, — в этом не было ничего ошеломляющего.

– Разумеется, для Джейн-4 все это достаточно элементарно, но ведь нужно было им что-нибудь показать?

– Вы знаете, сколько мы уже потратили?

– А вы знаете, Питер, сколько мы уже возместили? Наш труд не пропал даром. Три года я работал как проклятый и все-таки нашел новые способы математических подсчетов, которые сэкономят нам по меньшей мере пятьдесят тысяч долларов на каждой новой модели позитронного мозга. Отныне и навеки. Разве я не прав?

– Ну что ж...

– Никаких «ну что ж». Это непреложный факт. И мне кажется, что N-мерные исчисления неопределенностей будут широко применяться, если мы только додумаемся, где их применять. А вот роботы Джейн наверняка додумаются. Как только мне удастся полностью осуществить мой замысел, новая серия окупит себя раньше чем за пять лет. Даже если мы утроим уже затраченную сумму.

– А что вы подразумеваете под словами «полностью удастся осуществить замысел»? Что-нибудь не в порядке с Джейн-4?

– С ней-то как раз все в порядке, вернее, почти все. Она на верном пути, но ее можно усовершенствовать, и мне хочется это сделать. Раньше, когда я ее конструировал, мне казалось, я знаю, чего хочу, но теперь, после того как я ее испытал, я знаю, какова моя цель, и я ее достигну.

Джейн-5 полностью соответствовала замыслу. Мадариану потребовалось больше года на ее создание, но на сей раз он не делал никаких оговорок – он был абсолютно уверен в своей работе.

Джейн-5 была меньше и изящнее, чем обычные роботы. Не будучи карикатурой на женщину, как Джейн-1, она обладала какой-то женственностью, несмотря на отсутствие внешних признаков пола.

– Просто у нее такая манера держаться, – заключил Богерт.

Она изящно двигала руками, а когда поворачивалась, казалось, что ее туловище слегка изгибается.

Мадариан сказал:

– А теперь послушайте ее, Богерт! Как ты себя чувствуешь, Джейн?

– Прекрасно, благодарю вас, – ответила Джейн-5 настоящим женским голосом. Это было приятное и даже слегка волнующее контральто.

– Зачем вы это сделали, Клинтон? – нахмурился, спросил удивленный Богерт.

– Это важно с психологической точки зрения, – ответил Мадариан. – Я хочу, чтобы люди воспринимали ее как женщину, чтобы обходились с ней, как с женщиной, объясняли ей...

– Какие люди?

Мадариан сунул руки в карманы и задумчиво оглядел Богерта.

– Мне бы хотелось, чтобы вы договорились о нашей с Джейн поездке во Флагстаф.

Богерт не мог не заметить, что, говоря о роботе, Мадариан больше не употреблял порядкового номера. Она была именно той Джейн, о которой он мечтал. И Богерт повторил с сомнением:

– Во Флагстаф? Но зачем?

– Флагстаф – всемирный центр общей планетологии. Там изучают звездные системы и пытаются вычислить вероятность существования обитаемых планет, не так ли?

– Безусловно, но он же находится на Земле.

– Для меня это не новость.

– Перемещения роботов по Земле строго контролируются. В данном случае эта поездка вовсе не обязательна. Выпишите сюда всю литературу по общей планетологии, и пусть Джейн ее основательно проштудирует.

– Ну нет! Питер, почему вы не хотите понять, что Джейн не обычный логический робот? Она наделена интуицией!

– Ну и что?

– А то, что невозможно предугадать, что ей потребуется и что может навести ее на нужную мысль... Все серийные металлические модели наделены способностью читать книги и черпать информацию, но это мертвые факты и к тому же устаревшие. Джейн нужны свежие мысли, она должна слышать интонации, она должна знать даже второстепенные детали и обладать сведениями, не имеющими прямого отношения к данному вопросу. Как же, черт побери, мы сможем догадаться, что и когда ее взволнует и выльется затем в осмысленный образ? Если бы мы все это заранее знали, Джейн была бы нам не нужна, не так ли?

– В таком случае, – теряя терпение, сказал Богерт, – пригласите сюда всех специалистов по общей планетологии.

– Это ни к чему. Они будут себя здесь чувствовать не в своей тарелке. Их реакциям будет недоставать естественности. Я бы хотел, чтобы Джейн наблюдала за ними в процессе работы, чтобы она рассмотрела оборудование, кабинеты, столы — все, что их там окружает. Прошу вас, распорядитесь, чтобы ее отвезли во Флагстаф. И, признаться, мне неприятно продолжать этот бесплодный спор.

В голосе Мадариана Богерт уловил нотки, скорее свойственные Сьюзен. Он поморщился и запротестовал:

– Все это очень сложно. Транспортировка экспериментального робота...

– Джейн – не экспериментальный робот! Она – пятая в серии.

– Но ведь предыдущие четыре были неудачными!

Мадариан сделал протестующий жест.

– А кто вас просит сообщать об этом правительству?

– Как раз сейчас я беспокоюсь не о неприятностях со стороны правительства. В особых случаях его можно убедить, что это необходимо. Нет, меня тревожит общественное мнение. Мы достигли больших успехов за последние пятьдесят лет, и мне бы не хотелось быть отброшенным на двадцать пять лет назад только потому, что вы можете потерять контроль над...

– Но я не потеряю над ней контроль. Что за дурацкая мысль! Послушайте, Питер,

«Ю.С.Роботс» может зафрахтовать специальный лайнер. Мы приземлимся в ближайшем коммерческом аэропорту и тут же затеряемся среди сотен других кораблей. Нас будет ждать фургон, который доставит нас во Флагстаф. Джейн поместят в ящик, и никто даже не заподозрит, что в лабораторию привезли не машину, а робота. На нас просто не обратят внимания. Но Флагстаф будет информирован о цели нашего визита. И они сами будут заинтересованы помочь нам и проследить, чтобы никто ничего не пронюхал.

Богерт размышлял.

– Самой опасной частью пути будет перевозка в самолете и в машине. Если что-нибудь произойдет с ящиком...

– Ничего не произойдет.

– Ну что ж, быть может, все и обойдется, если только отключить Джейн на время пути. Тогда, если даже кто-то и заметит, что она внутри...

– Нет, Питер. Это допустимо с любым роботом, но не с Джейн-5. Ведь стоило ее подключить, как у нее заработали свободные ассоциации. Все сведения, которыми она обладает, могут как бы «законсервироваться» на время отключения, но только не свободные ассоциации. Нет, Питер! Отныне ее вообще нельзя отключить.

– Но если вдруг обнаружится, что мы перевозим действующего робота...

– Можете не беспокоиться.

Мадариан продолжал настаивать на своем, и в один прекрасный день самолет поднялся в воздух. Это был автоматический реактивный самолет новейшей конструкции. Но ради предосторожности на нем находился пилот – один из служащих фирмы. Ящик с Джейн без всяких приключений прибыл в аэропорт и уже потом на борту автомашины был переправлен в целости и сохранности в научно-исследовательскую лабораторию Флагстафа.

Питер Богерт получил первое сообщение от Мадариана меньше чем через час после их прибытия во Флагстаф. Мадариан просто купался в блаженстве. Это было в его характере: он не мог дольше ждать, чтобы не похвастаться. Сообщение было передано посредством лазерного луча засекреченным способом, абсолютно исключая перехват. Но Богерт все же волновался. Он знал, что при том высоком уровне техники, какой располагало правительство, все же при достаточной настойчивости можно было перехватить сообщение. Единственное, что успокаивало, это то, что у правительства не было оснований интересоваться такого рода сообщениями. По крайней мере, Богерт на это надеялся.

– Господи, вовсе не обязательно было вызывать меня! — воскликнул он.

Но Мадариан, не обращая никакого внимания на его слова, захлебывался от восторга:

– Настоящее вдохновение! Ну просто гений!

Какое-то мгновение Богерт молча смотрел на трубку, и вдруг его прорвало:

– Что, уже? Готов ответ?

– Что вы, конечно, нет. Черт возьми, дайте нам время! Я говорю о ее голосе, здорово меня осенило. Вы только послушайте. Когда нас довели до административного корпуса Флагстафа, открыли ящик и Джейн вышла, все так и попятнулись. Испугались. Болваны! Если уж ученые не понимают Законов роботехники, чего ожидать от необразованных людей? Прошла минута. Я уже думал: «Ну все. Они не станут при ней говорить, а если она рассердится, то вообще разбегутся, потому что они не способны мыслить».

– И чем же все кончилось?

– Она их приветствовала. Произнесла своим красивым контральто: «Здравствуйте, джентльмены! Счастлива с вами познакомиться!» Да, это то, что надо! Один парень стал поправлять галстук, другой – пальцами расчесывать шевелюру. Но лучше всех отреагировал самый пожилой из них – он стал проверять, в порядке ли его одежда. Честное слово! Они прямо без ума от нее. Им не хватало как раз такого голоса. Это больше не робот – это женщина.

– Неужели они с ней разговаривали?

– Еще как! Мне нужно было наделить ее сексуальными интонациями, и тогда бы они назначали ей свидания. Условные рефлексy? Глупости! Вы же знаете, мужчины чрезвычай-

но чутко реагируют на голоса.

– Да, кажется, это так, Клинтон, я что-то припоминаю. А где сейчас Джейн?

– С ними. Они не отпускают ее от себя.

– Черт возьми! Идите же к ней и не теряйте ее из виду!

В последующие десять дней пребывания во Флагстафе количество сообщений Мадариана сокращалось по мере того, как восторги его явно шли на убыль. Джейн, докладывая ему, ко всему внимательно прислушивается и время от времени отвечает на вопросы. Она по-прежнему пользуется успехом и ходит куда хочет. Но пока что безрезультатно.

– Ничего нового? – спросил Богерт.

Мадариан тут же занял оборонительную позицию.

– Еще рано о чем-либо говорить. Нельзя употреблять слово «ничего», когда речь идет об интуитивном роботе. Разве можно предвидеть, что с ней произойдет? Сегодня утром, например, она спросила Дженсена, что он ел на завтрак.

– Роситера Дженсена, астрофизика?

– Ну да. Оказалось, что он не завтракал, только выпил чашечку кофе.

– Итак, ваша Джейн учится светским беседам? Вряд ли это оправдывает расходы...

– Послушайте, Питер, не валяйте дурака. Это не пустые разговоры. Для Джейн все важно... Раз она задала такой вопрос, значит, он как-то ассоциировался с ее мыслями.

– А о чем она могла думать?

– Откуда мне знать? Если б я знал, то сам был бы Джейн, и вы бы в другой не нуждались. Но я убежден: что бы она ни делала, во всем есть скрытый смысл. Ведь заложенная в ней программа имеет главную цель – определить, существует ли планета с оптимальными условиями для жизни на расстоянии...

– Ну ладно. Теперь вызовите меня не раньше чем Джейн выдаст это решение. Мне во все не обязательно быть в курсе мельчайших подробностей о возможных соотношениях.

Богерт перестал надеяться на сообщение об успехе Джейн. С каждым днем его интерес ослабевал, и, когда новость наконец пришла, она застала Богерта врасплох. Да и поспела она к самому концу...

Это последнее, самое главное сообщение Мадариан произнес вполголоса. Его восторги прошли все фазы развития, и теперь он был почти спокоен.

– Она решила, – сказал он. – Она решила, когда сам я уже в это не верил. После того как она два или три раза подряд записала в лаборатории то, что ей было нужно, и ни разу не произнесла ничего заслуживающего внимания... Теперь все в порядке. Я говорю с борта самолета, на котором мы возвращаемся. Он только что взлетел.

Богерт наконец перевел дыхание.

– Слушайте, Клинтон, хватит болтовни. У вас есть *ответ*? Говорите без обиняков.

– Да, ответ получен. Он у меня в кармане. Джейн назвала три звезды в радиусе *восемнадцати* световых лет, в системах которых, по ее мнению, вероятность нахождения обитаемой планеты составляет от шестидесяти до девяноста процентов, а вероятность того, что по крайней мере одна из них та самая, которую мы ищем, – девяносто семь и две десятых процента, иначе говоря, уверенность почти полная. Как только мы вернемся, она сможет объяснить нам ход рассуждений. Помяните мое слово, теперь вся астрофизика и космология будут...

– Вы в этом уверены?

– А вы полагаете, я спятил? У меня даже есть свидетель. Бедняга просто подпрыгнул от неожиданности, когда Джейн вдруг принялась излагать решение своим мелодичным голосом...

И именно в эту минуту произошло роковое столкновение. Мадариан и пилот превратились в куски окровавленного мяса, а от Джейн вообще почти ничего не осталось.

Еще никогда в фирме «Ю.С.Роботс» не царил такого отчаяния. Робертсон пытался утешить себя мыслью, что по крайней мере эта катастрофа скрыла нарушения правил, в которых была повинна фирма.

Богерт сокрушенно качал головой:

– Мы упустили превосходнейшую возможность помочь роботам завоевать доверие людей и преодолеть наконец этот проклятый комплекс Франкенштейна. Какой успех выпал бы на их долю! Один из роботов нашел решение проблемы обитаемых планет, а другие помогли бы осуществить Межзвездный Прыжок. Роботы открыли бы для нас Галактику. И, помимо всего прочего, мы продвинули бы науку вперед в десятках различных направлений! Бог мой! Невозможно даже вообразить все преимущества, какие мы могли извлечь для человечества и для нас самих...

Его перебил Робертсон:

– Но разве мы не в состоянии создать новых Джейн, пусть даже без помощи Мадариана?..

– Конечно, в состоянии. Но вряд ли следует рассчитывать на то, что соотношения снова будут удачными. Как знать, насколько мала вероятность полученного Джейн результата? А вдруг Мадариану просто бешено повезло, как это бывает с новичками? И только для того, чтобы затем его постиг такой сокрушительный удар? Метеорит, направленный на... Нет. Это просто невероятно!

Робертсон пробормотал в нерешительности:

– А может, это... не случайно. Я хочу сказать, может, мы и не должны были знать то, что знала Джейн, может, метеорит был возмездием...

Испепеляющий взгляд Богерта заставил его замолчать.

– Не думаю, чтобы это был полный провал, — сказал начальник исследовательского отдела. — Другие Джейн помогут нам. Никто не помешает наделять их женскими голосами, если это как-то способствует их популярности. Но как это воспримут женщины? Знать бы только, что сообщила Джейн!

– В последнем разговоре с вами Мадариан уверял, что у него есть свидетель.

– Знаю. Я размышлял над этим. Как вы думаете, неужели я не связался с Флагстафом? Но там никто не слышал, чтобы Джейн сказала нечто из ряда вон выходящее, что хотя бы отдаленно походило на решение проблемы обитаемых планет. А там-то уж было кому понять подобное заявление, если оно вообще было сделано...

– Неужели Мадариан солгал? А может, он просто помешался? Или хотел себя выгородить?

– Уж не хотите ли вы сказать, что он стремился спасти свою репутацию, утверждая, будто знает решение, а затем словчил — заставил Джейн навеки замолчать и потом заявил бы нам: «Как жаль, но с ней что-то неладно!» Нет, меня в этом никто не убедит. Уж легче поверить, что он нарочно столкнулся с метеоритом!

– Что же нам делать?

Богерт решительно сказал:

– Отправимся во Флагстаф. Ответ должен быть там. Нужно заняться этим вплотную, вот и все. Я возьму с собой нескольких сотрудников Мадариана. Мы перевернем там все вверх дном.

– Но послушайте, Богерт, даже если и был свидетель, который все слышал, к чему нам это? Ведь Джейн больше нет и некому объяснить ход рассуждений.

– Поймите, важны даже мельчайшие детали. Джейн скорее всего назвала не звезды, а их номера по каталогу. Ведь ни у одной из звезд, имеющих собственные имена, нет планетных систем. Если кто-нибудь слышал, пусть мельком, как Джейн упоминала какой-то номер, то с помощью психозонда его можно было бы восстановить. Это было бы уж не что. Располагая конечными результатами и сведениями, сообщенными Джейн вначале, мы могли бы потом проследить ход ее умозаключений. И тем самым, возможно, спасли бы положение!

Через три дня Богерт вернулся из Флагстафа в подавленном настроении.

Когда Робертсон нетерпеливо осведомился о результатах поездки, он покачал головой:

– Ничего!

– Ничего?

– Абсолютно. Я разговаривал с учеными, техническим персоналом и даже студентами, со всеми, кто хоть как-то общался с Джейн или ее видел. Их немного – должен признаться, Мадариан действовал с большой осторожностью. Он позволял ей беседовать лишь с планетологами, у которых она могла бы почерпнуть нужные новые сведения. Их было всего двадцать три человека. Двадцать три, которые вообще видели Джейн, и лишь двенадцать из них разговаривали с ней, а не просто обменивались любезностями.

Я расспрашивал обо всем, что бы ни говорила Джейн. Они хорошо помнят ее слова, все они весьма толковые люди, занимающиеся проблемой громадной важности. И потому они были заинтересованы в том, чтобы все вспомнить. Они ведь имели дело с говорящим роботом – этот факт уже сам по себе примечателен, – да еще с голосом, как у актрисы телевидения, – такое невозможно забыть.

– А с помощью психозонда... – начал было Робертсон.

– Если бы хоть у одного из них остались пусть даже смутные воспоминания о какой-нибудь важной беседе с Джейн, я бы добился его согласия подвергнуться испытанию психозондом... Но мыслимо ли подвергать подобной процедуре добрых два десятка человек, для которых мозг — главный источник существования! Честно говоря, это ни к чему не приведет. Если Джейн упомянула три звезды, утверждая, что в их системах есть обитаемая планета, представляете, что творилось бы в их черепной коробке... Это, наверное, можно было бы сравнить с извержением вулкана... Ну разве хоть один из них мог бы такое забыть?

– Значит, кто-то из них лжет, – мрачно произнес Робертсон. – И эти сведения нужны ему для собственных целей, чтобы позднее прославиться.

– А что он может из них извлечь? Вся обсерватория знает, с какой целью Мадариан и Джейн приезжали туда. Они осведомлены также и о цели моего визита. Если в будущем какой-нибудь ученый, из тех, кто сейчас работает во Флагстафе, вдруг представит совершенно оригинальную, но справедливую теорию обитаемых планет, то не только во Флагстафе, но и в нашей фирме ни у кого не останется сомнений, что это плагиат. И этот номер у него не пройдет.

– Значит, ошибся Мадариан.

– Нет, в это я также не могу поверить. Конечно, Мадариан был крайне неуравновешенным человеком, как и все робопсихологи, видимо, по той причине, что они привыкли общаться с роботами больше, чем с людьми. Это несомненно. Но дураком-то он не был! В подобном случае он никак не мог ошибиться.

– Получается... – но тут Робертсон исчерпал запас своих гипотез. Оба зашли в тупик и несколько минут недовольно смотрели друг на друга, пока Робертсон не нарушил тишину:

– Питер!

– Да?

– А что, если спросить у Сьюзен?

Богерт весь внутренне напрягся:

– Как вы сказали?

– Позвоним Сьюзен и попросим ее прийти сюда.

– А что она, собственно, сможет сделать?

– Не знаю. Но ведь она тоже робопсихолог и наверняка лучше, чем кто-либо другой, поймет замыслы Мадариана. И кроме того, она... О, вы ведь знаете, у нее всегда было больше серого вещества, чем у любого из нас!

– Не забывайте, ей около восьмидесяти лет!

– А вам семьдесят. Ну и что?

Богерт вздохнул. Кто знает, быть может, за эти годы бездействия язвительности у нее поубавилось? И он сказал:

– Хорошо! Я ее приглашу.

Войдя в кабинет Богерта, Сьюзен Кэлвин внимательно оглядела все вокруг, прежде чем встретиться глазами с начальником исследовательского отдела. Она очень постарела со времени своего ухода. Ее волосы стали белоснежными, а лицо – морщинистым. Она сделалась

такой хрупкой, что казалась почти прозрачной. И только ее пронизательные глаза оставались прежними.

Богерт двинулся ей навстречу и протянул руку. Сьюзен Кэлвин обменялась с ним рукопожатием и произнесла:

– Вы выглядите вполне прилично для старика, Питер. На вашем месте я не стала бы дожидаться будущего года. Уходите на пенсию, освобождайте место для молодежи. А Мадариан-то погиб. Неужели вы вызвали меня, чтобы предложить занять старое место? Так вы дойдете до того, что будете держать стариков еще год после их смерти.

– Нет, нет, Сьюзен! Я просил вас прийти... – он замялся, не зная, с чего начать.

Но Сьюзен читала его мысли так же легко, как и раньше. Она села с предосторожностями, каких требовали ее плохо сгибающиеся суставы, и сказала:

– Питер! Вы обратились ко мне потому, что дело плохо. Иначе, даже мертвую, вы не подпустили бы меня ближе, чем на пушечный выстрел.

– Право же, Сьюзен!

– Не тратьте время на пустые разговоры! У меня на это никогда не хватало времени, даже когда мне было сорок, ну а сейчас – тем более... Смерть Мадариана и ваш вызов наверняка связаны между собой. Случайное совпадение двух таких необычайных событий слишком маловероятно. Начните с самого начала и не бойтесь показать, какой вы дурак. Я уже давно заметила эту вашу особенность.

Богерт с несчастным видом прочистил горло и принялся говорить. Она внимательно слушала, время от времени поднимала высохшую руку, останавливая его, и задавала вопросы. Когда он упомянул интуицию, она презрительно фыркнула.

– Женская интуиция? Для этого понадобился такой робот? Ох, уж эти мужчины! Вы не можете допустить, что женщина, которая делает правильные умозаключения, равна или даже превосходит вас по интеллектуальному уровню, и тогда вы придумываете какую-то «женскую интуицию».

– Но, Сьюзен, я еще не кончил.

Когда же он заговорил о контрольно Джейн, она заметила:

– Иногда просто трудно решить — то ли возмущаться мужским полом, то ли раз и навсегда признать всех мужчин абсолютными ничтожествами...

Богерт настаивал:

– Дайте же мне рассказать, Сьюзен!

Едва он кончил, Сьюзен спросила:

– Можете вы уступить мне кабинет на час-другой?

– Да, но...

– Я хочу изучить все: программу Джейн, сообщения Мадариана, ваши беседы во Флагстафе. Надеюсь, вы разрешите в случае надобности воспользоваться этим прекрасным секретным лазерным телефоном и вашим вычислительным устройством.

– Ну, разумеется!

– Тогда избавьте меня от вашего присутствия, Питер!

Не прошло и сорока пяти минут, как Сьюзен прошаркала к двери, открыла ее и позвала Богерта. Он вошел в сопровождении Робертсона, которого она приветствовала ни слишком любезно:

– Привет, Скотт!

Богерт тщетно пытался угадать что-либо по лицу Сьюзен. Это было всего-навсего суровое лицо старой женщины, которая не имела ни малейшего желания облегчить его участь. Он осторожно осведомился:

– Как вы думаете, Сьюзен, вы сможете нам помочь?

– Помимо того, что я уже сделала? Нет, не смогу.

Богерт недовольно поджал губы, но тут вмешался Робертсон.

– Что же вы сделали, Сьюзен?

– Я немного поработала мозгами. К сожалению, сколько я ни старалась, я не могла ни-

кому другому привить эту привычку. Сначала я думала о Мадариане. Я ведь его хорошо знала. Он был умен, но легко возбудим и к тому же – весь нараспашку. Думаю, после меня вы ощутили приятную перемену, Питер.

– Да, это кое-что изменило, – не смог удержаться Богерт.

– И он, как мальчишка, сразу же прибежал к вам с каждой новой идеей, так ведь?

– Да!

– И все же его последнее сообщение, где он заявил, что Джейн нашла решение, было сделано с самолета. Зачем он ждал так долго? Почему не связался с вами из Флагстафа, сразу же после того, как Джейн назвала ему планету?

– Быть может, – сказал Богерт, — он впервые в жизни решил проверить все досконально. Ведь ни разу с ним не случалось ничего более значительного, и он предпочел выждать, пока у него не будет полной уверенности...

– Напротив. Чем серьезнее дело, тем меньше стал бы он ждать. А раз уж он доказал такое редкостное терпение, почему он не выдержал до конца, чтобы, приехав, проверить решение с помощью вычислительной техники, которой располагает фирма? Короче говоря, с одной стороны, он ждал слишком долго, а с другой – слишком мало.

Робертсон прервал ее:

– Значит, по-видимому, он просто нас разыгрывал?

Сьюзен возмутилась:

– Послушайте, Скотт, не пытайтесь соревноваться с Питером в идиотских замечаниях. Итак, я продолжаю. Другой интересный факт – это свидетель. Судя по записям последнего разговора, Мадариан сказал: «Бедняга просто подскочил от неожиданности, когда Джейн вдруг принялась излагать решение своим мелодичным голосом». Это были его последние слова. Возникает вопрос, почему подпрыгнул свидетель? Мадариан объяснял вам, что все в Флагстафе с ума посходили от ее голоса и что они провели там десять дней. Почему же тот факт, что она вдруг заговорила, мог так их удивить?

– Я думаю, оттого, – ответил Богерт, – что Джейн сообщила наконец решение проблемы, которая вот уже столетие волнует умы планетологов.

– Но ведь именно на это они и рассчитывали, такова была цель поездки. Кроме того, вдумаясь в эту фразу. По заявлению Мадариана свидетель был потрясен, а не просто удивлен – если, конечно, вы в состоянии уловить разницу. К тому же он отреагировал, «когда Джейн *вдруг* принялась излагать решение», иначе говоря, в самом начале ее речи. Свидетелю нужно было послушать хотя бы несколько мгновений, чтобы удивиться смыслу ее фразы. В этом случае Мадариан сказал бы, что он подпрыгнул *после* того, как услышал слова, произнесенные Джейн. В его фразе тогда бы не фигурировало «вдруг».

Богерту стало не по себе.

– Не думаю, чтобы все дело было в одном слове...

– А я думаю, — ледяным тоном парировала Сьюзен. – Потому что я респсихолог и могу предположить такое же отношение к вопросу со стороны Мадариана. Он тоже был респсихологом. Следовательно, остается объяснить две странности: необычную задержку Мадариана и необычную реакцию свидетеля.

– Вы в состоянии их объяснить? – спросил Робертсон.

– Естественно. С помощью элементарной логики. Мадариан сообщил новость без промедлений, как это делал обычно, или так быстро, как смог. Если бы Джейн решила проблему во Флагстафе, безусловно, он позвонил бы оттуда. Но поскольку он сообщил это прямо с самолета, значит, она выдала результаты после того, как они покинули обсерваторию.

– Но тогда...

– Дайте же мне кончить. Значит, Мадариан прямо с аэродрома поехал во Флагстаф в большом, полностью закрытом фургоне? А Джейн в своем ящике вместе с ним?

– Да, так.

– Стало быть, Мадариан и запакованная Джейн на обратном пути возвращались к самолету в той же машине? Это точно?

– Да.

– И они в этой машине были не одни. В одном из сообщений Мадариана есть такие слова: «Когда нас довели до административного корпуса». Я думаю, что не ошибусь, утверждая, что если их довели, то значит был шофер – еще один человек в машине.

– О боже!

– Ваше слабое место, Питер, в том, что вы полагаете, будто свидетель высказываний Джейн по планетологии был не иначе как планетологом. Вы делите человечество на категории, из коих большинство вы презираете или не принимаете в расчет. Робот так рассуждать не в состоянии. Первый закон гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Речь идет о любом человеке. Для роботов в этом и заключается сущность их взгляда на жизнь. Робот не делает разграничения. Для него все люди совершенно равны, и для робопсихологов, имеющих дело как с людьми, так и с роботами, – тоже. Мадариану и в голову не пришло уточнить, что заявление Джейн слышал шофер фургона. Для вас шофер – одушевленная принадлежность машины, и только, но для Мадариана это был человек и свидетель. Ни больше ни меньше!

Богерт недоверчиво покачал головой.

– А вы в этом *уверены* ?

– Конечно, *уверена!* А как же иначе можно объяснить замечание Мадариана, что свидетель был так потрясен? Ведь Джейн находилась в ящике, но не была *отключена*. Насколько мне известно, Мадариан никогда не разрешал хоть ненадолго отключать интуитивного робота. Кроме того, Джейн-5, как и остальные роботы ее типа, была на редкость молчаливой. Мадариану, вероятно, и в голову не пришло запретить ей разговаривать в ящике. Но, судя по всему, именно в ящике последние детали решения окончательно сформировались в мозгу Джейн. И вот она заговорила. Внезапно из ящика раздалось прекрасное контральто. Что бы вы испытали на месте шофера в подобной ситуации? Наверняка были бы потрясены. Чудо, что не произошло аварии.

– Но если этот шофер и в самом деле был свидетелем, почему же он не сообщил?..

– Почему? А откуда ему было знать, что произошло нечто из ряда вон выходящее, как он мог оценить значение того, что услышал? К тому же Мадариан мог дать ему приличные чаевые, чтобы он держал язык за зубами. Вы бы хотели, чтобы стало известно, что действующего робота тайком перевозят по Земле?

– Но вспомнит ли шофер, что сказала Джейн?

– А почему бы и нет? На ваш взгляд, Питер, шофер по уровню своего развития мало чем отличается от обезьяны и не способен ничего удержать в памяти? Но есть шоферы, которым ума не занимать. Заявление Джейн было весьма примечательным, и, возможно, он хоть частично его помнит, даже если он неточно назовет несколько букв или цифр. Ведь мы имеем дело с довольно Ограниченным числом звезд или звездных систем. Примерно пять тысяч пятьсот звезд в радиусе восьмидесяти Световых лет. Я точно не проверила это число. Но вы сможете сделать правильный выбор. И, кроме того, в случае необходимости у вас будет достаточно веский повод, чтобы воспользоваться психозондом.

Двое мужчин устали на Сьюзен. Наконец, Богерт, который боялся верить своим ушам, прошептал:

– Откуда у вас такая уверенность?

Сьюзен чуть было ему не ответила:

«Потому что я связалась с Флагстафом, идиот! Потому что я разговаривала с водителем фургона, и он рассказал мне то, что услышал. Потому что я велела проверить эти данные на вычислительной машине Флагстафа, и мне назвали три звезды, которые соответствуют полученным сведениям. Потому что их собственные имена у меня в кармане!»

Но она сдержалась. Пусть он сам дойдет до этого. Она осторожно поднялась и ответила саркастическим тоном:

– Откуда у меня такая уверенность? Если угодно, назовите это «женской интуицией».

VII. Два кульминационных момента

«...Яко помниши его»

That Thou Art Mindful of Him (1974)

Перевод: И. Васильева

1

Кит Харриман вот уже двенадцать лет возглавлявший Исследовательский центр фирмы «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», совершенно не был уверен, что поступает правильно. Он провел кончиком языка по пухлым, но довольно бледным губам, и ему показалось, что голографическое изображение великой Сьюзен Кэлвин, сурово взиравшей на него сверху вниз, никогда еще не было таким хмурым.

Обычно он загоразивал чем-нибудь голографию величайшего в истории робопсихолога, потому что она действовала ему на нервы. Однако на сей раз он не осмелился даже на это, и ее пронзительный умерший взгляд буравил ему щеку.

Шаг, на который ему придется пойти, был одновременно опасным и унижительным.

Напротив него сидел Джордж Десять, хладнокровный и невозмутимый, чье спокойствие не нарушали ни явное смущение Харримана, ни образ святой покровительницы роботов, сиявшей в нише наверху.

– Нам с тобой пока не удавалось поговорить об этом, Джордж, – сказал Харриман. – Ты появился у нас недавно, и мне не приходилось беседовать с тобой наедине. Но теперь я хотел бы обсудить этот вопрос более подробно.

– С удовольствием, – согласился Джордж. – За время моего пребывания в «Ю. С. Роботс» я понял, что кризис фирмы каким-то образом связан с Тремя Законами.

– Да. Ты, конечно, знаешь Три Закона?

– Знаю.

– Это естественно. Но давай копнем глубже и рассмотрим основную проблему. Достигнув за два столетия значительных успехов, если можно так выразиться, «Ю. С. Роботс» так и не сумела убедить человечество принять роботов. Мы поставляем их только в такие места, где работа человеку не под силу или окружающая среда слишком опасна. Роботов используют в основном в космосе, и это ограничивает наши возможности.

– Однако даже в таких пределах поле деятельности остается широким, – заметил Джордж Десять, – и вполне достаточным для процветания фирмы.

– Увы, это не так, и тому есть две причины. Во-первых, границы, установленные для нас, непрерывно сжимаются. Колония на Луне растет, развивается – и ее потребность в роботах падает. Мы предполагаем, что в ближайшие годы роботы на Луне будут запрещены. И так будет повторяться на всех планетах, колонизированных людьми. А во-вторых, настоящее процветание фирмы невозможно без использования роботов на Земле. Мы в «Ю. С. Роботс» твердо уверены, что люди нуждаются в роботах и поэтому должны научиться ужиться со своими механическими подобиями, если хотят, чтобы прогресс продолжался.

– А разве они не уживаются? Мистер Харриман, у вас на столе стоит компьютер, который, как я понимаю, подключен к Мультиваку. Но компьютер – это своего рода сидячий робот, искусственный мозг, не имеющий подвижного тела...

– Верно, но и здесь есть свои ограничения. Компьютеры, которыми пользуется человечество, становятся все более узкоспециализированными, чтобы не допустить возникновения интеллекта, слишком похожего на человеческий. Сто лет назад мы уже вступили на путь создания искусственного интеллекта с самыми неограниченными возможностями, сконструировав огромные компьютеры, которые называли Машинами. Но Машины сами наложили

ограничения на свою деятельность. Успешно разрешив экологические проблемы, угрожавшие существованию человеческого общества, они самоликвидировались. Машины пришли к выводу, что в дальнейшем станут для людей чем-то вроде подпорок или костылей, а поскольку сочли это вредным для человека, то вынесли себе приговор на основании Первого Закона.

– Вы полагаете, они ошиблись?

– По-моему, да. Своим поступком они усилили у людей комплекс Франкенштейна – инстинктивную боязнь, что искусственно созданный интеллект восстанет против своего создателя. Люди боятся, что роботы могут занять их место.

– А вы сами не боитесь?

– Я лучше осведомлен. Пока действуют Три Закона Роботехники, этого не случится. Роботы могут стать нашими партнерами, внести свой вклад в великую борьбу за разгадку законов природы и мудрое управление ею. При таком сотрудничестве человечество могло бы достигнуть гораздо большего, чем в одиночку, причем роботы всегда стояли бы на страже интересов человека.

– Но если на протяжении двух веков Три Закона успешно удерживали роботов в границах повиновения, в чем же источник недоверия людей?

– Ну... – Харриман яростно поскреб затылок, взъерошив седые волосы. – В основном, конечно, предубеждение. Но, к несчастью, есть тут некоторые сложности, за которые, конечно же, сразу ухватились противники роботов.

– Это касается Трех Законов?

– Да, в особенности Второго Закона. Видишь ли, с Третьим проблем нет, это закон абсолютный. Робот всегда должен жертвовать собой ради людей, ради любого человека.

– Естественно, – согласился Джордж Десять.

– Первый Закон, похоже, не столь универсален, потому что нетрудно придумать ситуацию, в которой робот обязан предпринять взаимоисключающие действия А или Б, и каждое из них в результате причинит человеку вред. Поэтому робот должен быстро выбрать меньшее из двух зол. Однако сконструировать позитронные мозговые связи таким образом, чтобы робот мог сделать нужный выбор, крайне нелегко. Если действие А нанесет вред молодому талантливому художнику, а действие Б – пяти престарелым людям, не имеющим особой ценности, – что предпочесть?

– Действие А, – без колебаний ответил Джордж Десять. – Вред, причиненный одному, меньше, чем вред, причиненный пяти.

– Да, роботов всегда конструировали с таким расчетом, чтобы они принимали подобные решения. Считалось непрактичным ожидать от робота суждения о таких тонких материях, как талант, ум, польза для общества. Все это настолько замедлило бы решение, что робот практически был бы парализован. Поэтому в ход идут числа. К счастью, такие критические ситуации достаточно редки... И вот тут мы подходим ко Второму Закону.

– Закону повиновения.

– Именно. Необходимость подчинения приказам реализуется постоянно. Робот может просуществовать двадцать лет и ни разу не оказаться в такой ситуации, когда ему нужно будет защитить человека или подвергнуться риску самоуничтожения. Но приказы он должен выполнять все время. Вопрос – чьи приказы?

– Человека.

– Любого человека? Как ты можешь судить о человеке, чтобы знать, подчиняться ему или нет? «Что есть человек, яко помниши его»⁵, Джордж?

Джордж заколебался.

– Цитата из Библии, – поспешно проговорил Харриман. – Это неважно, Я имею в виду: должен ли робот повиноваться приказам ребенка; или идиота; или преступника; или вполне

⁵ Послание к евреям св. Апостола Павла, 2, 6.

порядочного человека, но недостаточно компетентного, чтобы предвидеть, к каким прискорбным последствиям приведет его желание? А если два человека дадут роботу противоречащие друг другу приказы – какой выполнять?

– Разве за двести лет эти проблемы не возникали и не были решены? – поинтересовался Джордж.

– Нет, – энергично помотал головой Харриман. – Наши роботы использовались только в космосе, в особой среде, где с ними общались высококвалифицированные специалисты, Там не было ни детей, ни идиотов, ни преступников, ни невежд с благими намерениями. И тем не менее случалось, что глупые или попросту непродуманные приказы наносили определенный ущерб, но его размеры были ограничены тем, что роботов применяли в очень узкой сфере. Однако на Земле роботы *должны* уметь принимать решения. На этом спекулируют противники роботехники, и, черт бы их побрал, тут они совершенно правы.

– Тогда необходимо внедрить в позитронный мозг способность к взвешенному суждению.

– Вот именно, Мы начали производство модели ДжР, которая сможет судить о человеке, принимая во внимание пол, возраст, социальную и профессиональную принадлежность, ум, зрелость, общественную значимость и так далее.

– И как это повлияет на Три Закона?

– На Третий Закон – вообще никак. Даже самый ценный робот обязан разрушить себя ради самого ничтожного человека. Здесь ничего не изменится. Первого Закона это коснется, только если альтернативные действия в любом случае причинят вред. Тогда решение будет приниматься не только в зависимости от количества людей, но и, так сказать, их качества, при условии, конечно, что на это хватит времени, а основания для суждения будут достаточно вескими. Впрочем, такие ситуации довольно редки. Самым сильным изменениям подвергнется Второй Закон, поскольку любое потенциальное подчинение приказу будет включать в себя суждение о нем. Реакция робота замедлится, за исключением тех случаев, когда в силу вступит Первый Закон, зато исполнение приказа будет более осмысленным.

– Но способность судить о людях – вещь непростая.

– Вернее, *крайне* сложная. Необходимость сделать выбор замедляла реакцию наших первых двух моделей до полного паралича. В следующих моделях мы пытались исправить положение за счет увеличения мозговых связей – но при этом мозг становился слишком громоздким. Однако в нашей последней паре моделей, на мой взгляд, мы добились, чего хотели. Роботам теперь не обязательно сразу судить о достоинствах человека или оценивать его приказы. Вначале новые модели ведут себя как обычные роботы, то есть подчиняются любому приказанию, но одновременно они *обучаются*. Робот развивается, учится и взрослеет, совсем как ребенок, и поэтому сначала за ним необходим постоянный присмотр. Но по мере развития он станет все более и более достойным того, чтобы человеческое общество на Земле приняло его в свои ряды как полноправного члена.

– Это, несомненно, снимает возражения противников роботов.

– Нет, – сердито возразил Харриман. – Теперь они выдвигают новые претензии: им не нравится, что роботы способны к суждениям. Робот, говорят они, не имеет права классифицировать того или иного человека как личность низшего сорта. Отдавая предпочтение приказам некоего А перед приказами некоего Б, они тем самым считают Б менее ценным по сравнению с А и нарушают основные права человека.

– И как вы ответите на это?

– Никак. Я сдаюсь.

– Понимаю.

– Но это касается только меня лично. Потому-то я и обращаюсь к тебе, Джордж.

– Ко мне? – Голос Джорджа остался таким же ровным, лишь мягкое удивление прозвучало в нем. – Почему ко мне?

– Потому что ты не человек, – с нажимом произнес Харриман. – Я уже говорил тебе, что хочу видеть роботов партнерами людей, – вот и стань моим партнером.

Джордж Десять беспомощно, странно человеческим жестом развел руками.

– Что я могу сделать?

– Тебе, конечно, кажется, что ты ничего не можешь, Джордж. Ты создан совсем недавно, в сущности, ты еще дитя. Тебя специально не перегружали информацией – поэтому мне и приходится объяснять все так подробно, – чтобы оставить место для развития. Но твой интеллект будет развиваться и позволит тебе взглянуть на проблему с иной, не человеческой точки зрения. Там, где я не вижу выхода, ты можешь найти его.

– Мой мозг сконструирован людьми. Как он может быть нечеловеческим?

– Джордж, ты последняя модель серии ДжР. Твой мозг – наиболее сложный из всех, которые мы создавали когда-либо, в чем-то он устроен даже более тонко, чем у прежних огромных Машин. Он представляет собой открытую систему, и, несмотря на изначальное человекоподобие, эта система может развиваться – будет развиваться – в любом неожиданном направлении. Оставаясь в непреложных границах Трех Законов, ты можешь обрести тем не менее совершенно нечеловеческий образ мышления.

– Но хватит ли у меня знаний о людях, чтобы правильно подойти к проблеме? Об их истории? Психике?

– Конечно, нет. Но ты будешь обучаться настолько быстро, насколько это возможно.

– Мне будет кто-нибудь помогать, мистер Харриман?

– Нет. Все это строго между нами. Никто ни о чем не должен знать, и ты не должен говорить об этом проекте ни одному человеку, ни в «Ю. С. Роботс», ни за пределами фирмы.

– Мы совершаем нечто предосудительное, мистер Харриман, если вы так настаиваете на сохранении тайны? – спросил Джордж.

– Нет. Но решение, предложенное роботом, не будет принято именно потому, что оно исходит от робота. Как только ты что-нибудь придумаешь, сразу дай мне знать, и, если твое решение покажется мне верным, я представлю его как *свое*. Никто не узнает, что ты его автор.

– В свете того, что вы говорили раньше, – спокойно проговорил Джордж Десять, – это кажется мне вполне разумным. Когда приступать?

– Прямо сейчас, Я позабочусь о том, чтобы у тебя были все необходимые пленки.

1a

Харриман остался один. Искусственное освещение в кабинете скрадывало наступившие сумерки. Ощущение времени как-то стерлось, и Харриман даже не заметил, что, с тех пор как он отвел Джорджа Десять в его ячейку и оставил там с первой порцией пленок, прошло уже три часа.

Теперь он сидел в полном одиночестве, наедине с призраком Сьюзен Кэлвин, блестящего респсихолога, которая мановением руки превратила позитронных роботов из громоздких игрушек в самый разносторонний и тонкий инструмент для человека – настолько тонкий и многогранный, что люди не осмеливались, от страха или из зависти, пользоваться им.

После ее смерти прошло более ста лет. Проблема комплекса Франкенштейна существовала и тогда, но Сьюзен не удалось решить ее. Хотя, с другой стороны, она никогда и не пыталась сделать этого – не было особой необходимости. В ее время роботехника развивалась за счет исследований в космосе.

Самый факт успешного развития роботов сократил у человечества потребность в них и заставил Харримана, в его время...

Но обратилась бы Сьюзен Кэлвин за помощью к роботу? Несомненно, она бы...

И так он сидел до поздней ночи.

Максвелл Робертсон был главным держателем акций «Ю. С. Роботс» и в этом смысле контролировал фирму. Его наружность никак нельзя было назвать впечатляющей. Средних лет, низенький и плотный, он постоянно жевал правый угол нижней губы, когда был взволнован или раздражен.

За два десятилетия общения с правительственными чиновниками он научился обращаться с ними: был мягок, уступчив, улыбчив и всегда умел выиграть время. Но чем дальше, тем больших усилий это требовало от него, и в основном из-за Гуннара Эйзенмата. В системе Глобальной Экологической Охраны, за последнее столетие забравшей в свои руки власть, уступающую разве что власти Всемирного Правительства, Эйзенмат наиболее рьяно пробивался сквозь «серую зону» компромиссов к крайней неуступчивости. Он был первым и единственным неамериканцем по рождению среди Охранителей, и все сотрудники «Ю. С. Роботс» считали, что его враждебность возбуждает устаревшее название фирмы, хотя прямых доказательств тому вроде бы не было. Уже не впервые в этом году, а тем более при жизни нынешнего поколения, вставал вопрос о переименовании корпорации в «Уорлд Роботс», но Робертсон опять воспротивился. Компания была основана с помощью американского капитала, американских мозгов и американского труда, и хотя она давно уже по сути и по размаху операций превратилась в международную корпорацию, название фирмы будет свидетельствовать о ее происхождении – по крайней мере пока он, Робертсон, стоит у руля.

Эйзенмат был высоким человеком с грубо вылепленным печальным длинным лицом. На универсальном языке он разговаривал с заметным американским акцентом, хотя ни разу не бывал в Штатах до своего назначения на должность.

– Мне кажется, что все совершенно ясно, мистер Робертсон. Не вижу, в чем затруднение. Продукция вашей компании всегда сдавалась в аренду и никогда не подлежала продаже. Если взятая в аренду собственность фирмы на Луне больше не нужна, вы обязаны забрать ее и отправить в другое место.

– Конечно, Охранитель, но куда? Мы не можем привезти роботов на Землю без разрешения правительства, это противозаконно, а в разрешении нам отказано.

– Но ведь они вам здесь и не нужны. Отправьте их на Меркурий или на астероиды.

– И что мы будем там с ними делать?

– Изобретательные сотрудники вашей фирмы наверняка что-нибудь придумают.

– Это означает огромные убытки для компании, – покачал головой Робертсон.

– Боюсь, что так. – Судя по всему, Эйзенмата это ничуть не трогало. – Насколько я понимаю, в последние годы финансовое положение компании вообще не блестяще.

– В основном из-за ограничений, навязанных правительством, Охранитель.

– Будьте реалистом, мистер Робертсон. Вы же знаете, как растет предубеждение общества против роботов.

– Ошибочное предубеждение.

– И тем не менее. Возможно, лучший выход – ликвидировать компанию. Это не более чем совет, конечно.

– Ваши советы стоят иных приказов, Охранитель. Должен ли я напомнить, что наши Машины сто лет назад помогли преодолеть экологический кризис?

– Уверен, что человечество благодарно им, но прошло уже столько лет... Теперь мы живем в согласии с природой, хотя и терпим из-за этого известные неудобства. А прошлое покрыто мраком.

– Вы хотите сказать, у фирмы в последнее время нет никаких заслуг перед обществом?

– Можно выразиться и так.

– Но вы же не считаете, что компания должна быть ликвидирована немедленно? Это будет настоящий крах. Нам нужно время.

– Сколько?

– Сколько вы можете дать?

– Это от меня не зависит.

– Мы здесь одни, – вкрадчиво проговорил Робертсон. – Не стоит играть в эти игры.

Сколько времени вы мне можете дать?

Эйзенмат сделал вид, что усердно подсчитывает что-то про себя.

– Думаю, у вас в запасе около двух лет. Буду откровенным: Всемирное Правительство намеревается прибрать фирму к рукам и свернуть ее деятельность, если вы не сделаете этого сами. Или в общественном мнении не произойдет резкого поворота, в чем я лично сильно сомневаюсь.

– Значит, два года, – тихо промолвил Робертсон.

2а

Робертсон остался один, Думать ему было не о чем, и он предался воспоминаниям. Уже четыре поколения Робертсонов стояли во главе компании. Никто из них не был роботехником. Специалистами были Лэннинг и Богерт и конечно же, в первую очередь, Сьюзен Кэлвин, которая преобразила фирму, придав ей нынешний размах. Но четыре Робертсона, несомненно, создавали все условия, необходимые для работы.

Если бы не «Ю. С. Роботс», в двадцатом веке неминуемо разразилась бы непрерывно углубляющаяся экологическая катастрофа. Кризис был предотвращен только благодаря Машинам, которые искусно провели целое поколение людей через отмели и пороги истории.

И за это ему дали два года. Что можно сделать за два года, чтобы преодолеть непобедимое предубеждение человечества? Неизвестно.

Харриман обнадеживал его, намекая на какие-то новые идеи, но не вдаваясь в детали. А если бы и вдавался – Робертсон наверняка ничего бы не понял. Но что может сделать Харриман? Как вообще можно бороться со стойким отвращением человека к имитации? Никак...

Робертсон погрузился в дрему, но и во сне не дождался озарения.

3

– Теперь ты знаешь все, Джордж Десять, – сказал Харриман. – Ты изучил все, что мне казалось имеющим хоть какое-то отношение к проблеме. В твою память заложен такой объем информации о человечестве, его обычаях, его прошлом и настоящем, что ты теперь гораздо более сведущ в этих делах, чем я или кто-либо из людей.

– Похоже на то.

– Как ты считаешь, нужно тебе что-нибудь еще?

– Что касается информации, я не вижу особых пробелов. Возможно, за ее пределами существуют явления, о которых я даже не догадываюсь, – трудно сказать. Но это неизбежно, независимо от того, насколько широкий круг информации мне удастся охватить.

– Ты прав. К тому же у нас нет времени для безграничного расширения твоих познаний. Робертсон сказал, что нам отпущено всего два года, и четверть одного из них уже позади. Ты можешь посоветовать что-нибудь?

– В данный момент не могу, мистер Харриман, Я должен оценить информацию, и для этого мне понадобится помощь.

– Моя?

– Нет. Не только ваша. Вы – человек, к тому же высокой квалификации, и любое ваше мнение для меня частично будет иметь силу приказа, подавляя, таким образом, мои рассуждения. По той же причине я не хочу помощи от людей, тем более что вы сами запретили мне общаться с ними.

– Но в таком случае, Джордж, какой помощник тебе нужен?

– Робот, мистер Харриман.

– Какой робот?

– Из серии ДжР. Я ведь десятый из них.

– Но предыдущие модели были экспериментальными и оказались бесполезными...

– Мистер Харриман, существует Джордж Девять.

– Да, но от него тебе мало проку. Он слишком похож на тебя, если не считать отдельных недостатков. Из вас двоих ты более универсален.

– Я в этом не сомневаюсь, – совершенно серьезно сказал Джордж Десять, кивнув головой. – И все же: стоит мне начать мыслить в определенном направлении, тот факт, что именно я выдвинул идею, мешает мне отвергнуть ее. Если бы я мог, развив какую-то мысль, поделиться ею с Джорджем Девять, он бы взглянул на нее со стороны и, свободный от авторского пристрастия, увидел бы изъяны и слабые места, которые ускользают от меня.

– Иначе говоря, одна голова хорошо, а две – лучше, да, Джордж? – улыбнулся Харриман.

– Если вы имеете в виду двух индивидуумов с одной головой на каждого – вы правы, мистер Харриман.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Да. Я просмотрел уйму фильмов, изображающих людей и их мир, но этого недостаточно. Здесь, на фирме, я видел людей и могу сверить свою интерпретацию того, что показано на пленке, с непосредственным сенсорным восприятием. Но что касается окружающей среды – я никогда не видел ее, а, судя по фильмам, здешняя обстановка мало похожа на внешний мир. Я хотел бы увидеть его.

– Увидеть мир? – Харриман был ошеломлен грандиозностью задачи. – Надеюсь, ты не думаешь, что я могу вывезти тебя за пределы «Ю. С. Роботс»?

– Именно этого я и хочу.

– Но это противозаконно! А если учесть сегодняшнее настроение общества, последствия для фирмы могут быть просто фатальными.

– Если нас засекут. Я ведь не предлагаю вам отправиться со мной в город или в какой-то район, заселенный людьми. Меня устроит любая открытая безлюдная местность.

– Это тоже незаконно.

– Только если нас поймают. Но ведь могут и не поймать.

– Для тебя это так важно, Джордж? – спросил Харриман.

– Точно не знаю, но мне кажется, да.

– У тебя есть что-то на уме?

– Не могу сказать, – неуверенно проговорил Джордж Десять. – Мне кажется, что-то вырисовывается, но мешает неопределенность исходных данных.

– Хорошо, я подумаю об этом. А пока займусь Джорджем Девять и помещу вас в одну ячейку. Тут-то, по крайней мере, трудностей не предвидится.

3а

Джордж Десять остался один.

Он вдумчиво отбирал суждения, выстраивал их в цепочку и делал выводы; начинал все сначала и проходил весь путь заново; на основании выводов формулировал новые суждения, проверял их, находил противоречия и отвергал – или принимал, неустанно и терпеливо продолжая двигаться вперед, к своей цели.

Выводы, к которым он приходил, не вызвали у него ни любопытства, ни изумления, ни восторга; он просто ставил знак «плюс» или «минус».

4

Харриман заметно расслабился, когда они тихо приземлились в поместье Робертсона.

Робертсон подписал приказ, передав в их распоряжение динафойл, и бесшумный летательный аппарат, одинаково легко передвигающийся как по вертикали, так и по горизонтали, оказался достаточно мощным, чтобы поднять в воздух Харримана, Джорджа Десять и, естественно, пилота.

Динафойл был создан в результате подсказанного Машинами изобретения протонного

микрореактора, который вырабатывал экологически чистую энергию малыми дозами. С тех пор ни одного хоть сколько-нибудь сравнимого по значению открытия сделано не было – при этой мысли Харриман сердито сжал губы, – но «Ю. С. Роботс» так и не дождалась заслуженной благодарности.

Перелет из здания фирмы в поместье Робертсона был рискованным трюком. Хорошо, что их не застучали с роботом на борту, иначе сразу жди неприятностей. Правда, оставался еще обратный путь. Что же касается территории поместья – тут вопрос становился спорным, поскольку участок считался собственностью фирмы, а в пределах владений компании роботы имели право находиться, под неусыпным присмотром специалистов, разумеется.

Пилот обернулся и украдкой взглянул на Джорджа Десять.

– Вы собираетесь выйти, мистер Харриман?

– Да.

– И эта штука тоже?

– О да. – В голосе зазвучала насмешка, – Я не оставлю вас с ним наедине.

Джордж Десять спустился первым, Харриман последовал за ним. Они приземлились на посадочной площадке, неподалеку от сада. Сад выглядел настолько образцово, что наводил на подозрения – не использует ли Робертсон ювенильные гормоны, чтобы контролировать число насекомых, вопреки распоряжениям экологической службы?

– Идем, Джордж, – позвал Харриман. – Вот, смотри.

– Я, в общем, примерно так себе все и представлял. Мои глаза не различают длины волн, поэтому, возможно, я распознаю не все объекты.

– Надеюсь, тебя не слишком удручает твой дальтонизм. Чтобы сформировать способность к суждениям, потребовалось задействовать огромное количество позитронных связей, так что цветовым восприятием пришлось пожертвовать. В будущем – если оно у нас есть...

– Я понимаю, мистер Харриман. Однако различий, которые я вижу, вполне достаточно, чтобы прийти к заключению, что существуют разнообразные формы растительной жизни.

– Безусловно, Их очень много.

– И каждая из них равна человеческой форме жизни, в биологическом смысле.

– Да, каждая представляет собой отдельный вид. Существуют миллионы видов живых существ.

– И человек – лишь один из этих видов.

– Однако он наиболее важен для людей.

– Для меня тоже, мистер Харриман. Но я имею в виду чисто биологический подход.

– Понимаю.

– Таким образом, жизнь необычайно сложна с точки зрения разнообразия форм.

– Ты прав, Джордж, в том-то вся и загвоздка. То, что человек придумывает для собственного удобства, оказывает влияние на всю систему жизни вокруг, и достижение кратковременных целей зачастую оборачивается долговременными неприятностями. Машины научили нас, как устроить человеческое общество, чтобы свести эти проблемы к минимуму, но катастрофа, угрожавшая в начале двадцать первого века, поселила в людях стойкую подозрительность по отношению к любым новшествам. Учитывая это, да еще особый страх перед роботами...

– Я понял вас, мистер Харриман... А вот и представитель животного мира, я почти уверен!

– Это белка – одна из многих разновидностей.

Белка, распушив хвост, перелетела на другую сторону дерева.

– Надо же, совсем крошечный, – сказал Джордж, молниеносно взмахнув рукой и разглядывая нечто зажатое в пальцах.

– Это насекомое, букашка какая-то. Их несколько тысяч видов.

– И каждая букашка – такое же живое существо, как белка и вы сами?

– Такой же законченный и независимый организм, как и любой другой. Существуют еще более мелкие организмы – такие мелкие, что их невозможно увидеть невооруженным

глазом.

– А вот это – дерево, да? Твердое на ощупь...

4а

Пилот остался один, Ему хотелось вытянуть ноги, но смутная тревога удерживала его внутри динафойла. Он немедленно поднимет машину в воздух, если робот вдруг выйдет из-под контроля. Только как определишь, что эта штука стала неуправляемой?

Он повидал немало роботов на своем веку – это неизбежно, если работаешь личным пилотом мистера Робертсона, Однако роботы всегда оставались в лабораториях и на складах, где им и положено быть, в окружении множества специалистов.

Конечно, доктор Харриман – классный специалист. Говорят даже – самый лучший. Тем не менее робот находился там, где ему быть не полагалось: на Земле, под открытым небом, и вдобавок был совершенно не ограничен в передвижениях. Рассказывать об этом кому бы то ни было и рисковать хорошей работой не стоит, разумеется. И все-таки неправильно все это.

5

– Фильмы, просмотренные мною, согласуются с тем, что я увидел в реальности, – сказал Джордж Десять. – Ты управился с пленками, которые я отобрал для тебя?

– Да, – ответил Джордж Девять.

Роботы застыли в неподвижности, лицом к лицу, коленями к коленям, как в зеркальном отражении. Правда, доктор Харриман с первого взгляда мог бы распознать их по небольшим различиям во внешнем строении. Но даже если бы ему не удалось определить, кто есть кто, все прояснилось бы во время беседы, поскольку ответы Джорджа Девять слегка отличались от реплик Джорджа Десять, чьи позитронные мозги представляли собой усложненную и более совершенную конструкцию.

– В таком случае, – продолжал Джордж Десять, – мне интересна твоя реакция на мои вопросы. Во-первых, люди боятся роботов и не доверяют им, потому что видят в них соперников. Как можно избежать этого?

– Ослабить дух соперничества, придав роботам другую форму.

– Однако по сути робот – позитронная копия живого существа, и если его внешний вид не будет ассоциироваться с жизнью, это вызовет настоящий ужас.

– В мире два миллиона видов живых существ. Нужно выбрать один из них, по форме отличающийся от человека.

– Какой именно?

Бесшумный мыслительный процесс Джорджа Девять занял около трех секунд.

– Достаточно большой, чтобы вместить позитронный мозг, и одновременно не вызывающий у людей неприязни.

– Ни одна из форм земной жизни не обладает достаточно большим черепом, кроме слона, которого я не видел, но которого описывают как огромное существо, своими размерами наводящее на человека страх. Как решить эту дилемму?

– Скопировать форму жизни, не превышающую человека по размерам, и увеличить черепную коробку.

– То есть что-то вроде маленькой лошади или большой собаки? И те и другие связаны с людьми долгой совместной историей.

– В таком случае они подходят.

– Но подумай вот о чем: позитронный мозг робота более или менее точно копирует человеческий интеллект. Если лошади или собаки заговорят и станут мыслить как люди, соперничество не ослабнет. Наоборот, люди еще больше могут рассердиться при виде такого неожиданного соперника в лице тех, кого они считают низшей формой жизни.

– Надо сделать позитронный мозг менее сложным, а роботов – менее разумными.

– Причина сложности позитронного мозга кроется в Трех Законах. Упрощенный мозг не сможет выполнять их как следует.

– Значит, проблема не имеет решения, – выпалил Джордж Девять.

– Я тоже зашел в тупик, – признался Джордж Десять. – Таким образом, мы выяснили, что особенности моего мышления туг ни при чем. Начнем все сначала... При каких условиях отпадает необходимость в Третьем Законе?

Джордж Девять поежился, словно вопрос показался ему не только трудным, но и опасным. Однако ответил, помедлив:

– Если робот никогда не попадет в ситуацию, угрожающую его существованию; или если он будет настолько легко заменим, что разрушение его будет не столь важным.

– А при каких условиях станет ненужным Второй Закон?

В голосе Джорджа Девять послышалась легкая хрипотца.

– Если от робота потребуется только автоматическая реакция на определенный раздражитель и если эта реакция будет жестко заданной, то необходимость во Втором Законе отпадает.

– А при каких условиях, – Джордж Десять сделал паузу, – может оказаться ненужным Первый Закон?

Джордж Девять выдержал еще более длинную паузу и проговорил еле слышным шепотом:

– Если реакция робота будет запрограммирована таким образом, что он никогда не сможет причинить человеку вред.

– А теперь представь себе позитронный мозг, который управляет несколькими реакциями на определенные раздражители, которому не требуется знания Трех Законов и который легко и дешево можно воспроизвести. Каким он должен быть по величине?

– Совсем небольшим. В зависимости от сложности реакции он может весить сто граммов, один грамм, один миллиграмм.

– Твой вывод совпал с моим. Я должен повидать мистера Харримана.

5а

Джордж Девять остался один. Он снова и снова перебирал в уме вопросы и ответы, но вывод оставался прежним. Однако мысль о роботе – любого вида, любого размера, любой формы, с каким угодно предназначением, но без Трех Законов – повергала его в неясный трепет.

Ему не хотелось двигаться. Наверное, и у Джорджа Десять такая же реакция. Однако он сделал над собой усилие и легко поднялся со стула.

6

После приватной беседы Робертсона с Эйзенматом прошло полтора года. За это время все роботы с Луны были доставлены обратно, а долговременная программа «Ю. С. Роботс» была свернута. Все средства, которыми располагал Робертсон, пошли на донкихотскую авантюру Харримана.

Последний раз жребий был брошен здесь, прямо в саду у Робертсона. Год назад Харриман привез сюда Джорджа Десять, последнего робота, созданного компанией. Теперь главный роботехник прибыл сюда с чем-то другим...

Харриман излучал оптимизм. Он оживленно беседовал с Эйзенматом, и было невозможно понять, действительно ли он так уверен в себе, как кажется. Должно быть, все-таки уверен: насколько Робертсон мог судить, актер из Харримана никудышный.

Эйзенмат, улыбаясь, оставил Харримана и подошел к Робертсону. Улыбка тут же исчезла.

– Доброе утро, Робертсон, – сказал он. – Что замышляет ваш сотрудник?

– Это его дело, – спокойно проговорил Робертсон. – Я оставил все на его усмотрение.

– Я готов, Охранитель! – крикнул Харриман.

– К чему готов?

– К демонстрации робота, сэр.

– Робота? – удивился Эйзенмат. – Вы взяли с собой робота? – Он оглянулся вокруг с суровым неодобрением, к которому, однако, примешивалась изрядная доля любопытства.

– Поместье – собственность фирмы, Охранитель. Во всяком случае, мы так считаем.

– И где же ваш робот, доктор Харриман?

– В кармане, Охранитель, – весело объявил роботехник.

Из объемистого кармана пиджака появилась стеклянная баночка.

– Вот это? – недоверчиво спросил Эйзенмат.

– Нет, сэр, – ответил Харриман. – Вот он!

Из другого кармана был извлечен предмет около пяти дюймов длиной, по форме отдаленно напоминающий птицу, с узкой трубочкой вместо клюва, большими глазами и желобом на месте хвоста.

Эйзенмат сдвинул густые брови.

– Вы серьезно собираетесь демонстрировать нам что-нибудь, доктор Харриман, или вы просто спятили?

– Минуту терпения, Охранитель. Робот в виде птицы тем не менее остается роботом. А его позитронный мозг, несмотря на крошечный размер, достаточно сложен. В этой банке находится штук пятьдесят плодовых мушек. Сейчас я их выпущу на волю.

– И...

– И робоптица поймает их. Окажите мне честь, сэр!

Харриман протянул банку Эйзенмату, который уставился сначала на нее, а потом на окружающих – представителя «Ю. С. Роботс» и своих собственных помощников. Роботехник терпеливо ждал.

Эйзенмат открыл банку и встряхнул ее.

– Вперед, – прошептал Харриман птице, сидевшей у него на правой ладони.

Птица умчалась, со свистом рассекая воздух и ни разу не взмахнув крылом. В движение ее приводил непривычно маленький протонный микрореактор.

Она мелькала то тут, то там, на мгновение зависала в воздухе и снова уносилась прочь. Облетев весь сад запутанным зигзагообразным маршрутом, робоптица вернулась и уселась, разогретая полетом, к Харриману на ладонь, куда незамедлительно скатилась маленькая лепешка, похожая на птичий помет.

– Вы можете осмотреть робота, сэр, – предложил Харриман, – и организовать испытания по собственному усмотрению. Как видите, птица безошибочно выбирает плодовых мушек, только одного вида – *Drosophila melanogaster*, хватает их, убивает и перерабатывает, выделяя отходы.

Эйзенмат протянул руку и осторожно коснулся робоптицы.

– И что из этого следует, мистер Харриман? Продолжайте, пожалуйста.

– Мы не можем эффективно контролировать число насекомых без риска для окружающей среды, – продолжал Харриман. – У химических инсектицидов слишком широкий спектр действия, у ювенильных гормонов – наоборот, слишком узкий. А робоптица без труда может охранять огромный район. Мы могли бы создать какие угодно разновидности таких птичек, специально для каждого вида насекомых. Свою пищу они распознают по размеру, форме, окраске, звуку, повадкам я даже на молекулярном уровне, то есть по запаху.

– И все равно это вмешательство в природу, – возразил Эйзенмат. – У плодовой мушки свой естественный жизненный цикл, который будет нарушен.

– Минимально. Мы просто добавим к ее природным врагам еще одного, который никогда не ошибается. Если количество дрозофил слишком уменьшится, робоптица прекратит свою активность. Она не будет размножаться, не перекинется на другую пищу, у нее не образуются никаких нежелательных привычек – она просто перестанет действовать.

– Можно ли ее отозвать?

– Безусловно. Мы могли бы производить робоживотных, чтобы избавиться от любых вредителей. Более того, по природным образцам можно создать какие-то виды роботов и для конструктивных целей. Хотя сейчас в этом вроде нет необходимости, но нетрудно представить себе, например, робопчел для опыления определенных растений или робоземляных червей для разрыхления почвы. Все что угодно...

– Но зачем?

– Чтобы сделать то, чего никто никогда не делал раньше: приспособить окружающую среду к нашим потребностям, укрепляя отдельные ее части, а не разрушая их... Неужели вы не видите? С тех пор как Машины положили конец экологическому кризису, человечество поддерживает с природой напряженное перемирие, боясь сделать шаг хоть в каком-нибудь направлении. Такая застойная ситуация превращает людей в интеллектуальных трусов, заставляя их подозрительно относиться к любым переменам и к научному прогрессу вообще.

– Вы предлагаете свою новую продукцию в обмен на разрешение продолжить свою программу по созданию роботов – я имею в виду обычных, человекоподобных роботов? – В голосе Эйзенмата зазвучала неприкрытая враждебность.

– Нет! – энергично замахал руками Харриман. – С ними покончено. Они свое отслужили. Благодаря им мы теперь способны впихнуть достаточно сложную позитронную начинку даже в такую маленькую головку, как у робоптицы. Компания наладит производство роботов нового типа и будет получать немалый доход. «Ю. С. Роботс» может обучить специалистов из департамента Глобальной Экологической Охраны и работать в тесном сотрудничестве с ними. Мы будем процветать. Вы будете процветать. Будет процветать все человечество. Эйзенмат задумался.

ба

Эйзенмат остался один.

Он обнаружил, что поверил в идею. Внутри поднималось радостное возбуждение. Пусть руками проекта будет «Ю. С. Роботс», но головой все равно останется правительство. Он сам возглавит проект.

Если он продержится на своем посту еще пять лет, что вполне вероятно, за это время общество привыкнет к роботам, защищающим природу; а через десять лет его имя будет неразрывно связано с этим начинанием.

Есть ли что-нибудь постыдное в желании, чтобы тебя запомнили как инициатора великого и благого переворота в отношениях между людьми и Земным шаром?

7

Робертсон так толком и не побывал на фирме после демонстрации робоптицы. Частично это объяснялось непрекращающимися пресс-конференциями в резиденции Всемирного Правительства, на которых, к счастью, присутствовал и Харриман. Робертсон, предоставленный самому себе, вряд ли смог бы ответить хотя бы на половину вопросов. Другая же причина, удерживавшая его от посещения «Ю. С. Роботс», заключалась в том, что ему не хотелось ее посещать.

Он сидел у себя дома вместе с Харриманом, к которому испытывал неизъяснимое почтение. Конечно, спору нет, специалист он знающий, но вывести единым махом фирму из-под удара – Робертсон нутром чуял – у Харримана кишка тонка. И тем не менее...

– Харриман, вы, часом, не суеверны? – спросил он.

– В каком смысле, мистер Робертсон?

– Вы не допускаете, что умершие оставляют после себя некую ауру?

Харриман провел языком по губам. В общем, не стоило даже и спрашивать.

– Вы имеете в виду Сьюзен Кэлвин, сэр?

– Конечно, – задумчиво протянул Робертсон, – Мы занялись производством червей, птиц и букашек. Что бы она сказала по этому поводу? Я чувствую себя униженным.

– Робот есть робот, сэр. – Харриман едва удерживался от смеха, – Червяк или человек, в любом случае он поступает как приказано и трудится на благо людей, а это самое главное.

– Нет, – капризно протянул Робертсон, – это не так. Не могу заставить себя поверить.

– Но это правда, мистер Робертсон; – убежденно произнес Харриман. – Мы с вами – вы и я – создадим новый мир, который для начала признает само собой разумеющимся существование хоть какой-то разновидности позитронных роботов. Обыватель может бояться робота, похожего на него самого, но он не испугается робоптицы, которая только и делает, что клюет букашек для его, обывателя, пользы. Затем, постепенно, когда отдельные виды роботов перестанут наводить на него страх, когда он привыкнет к робоптицам, робопчелам, робочервям – робочеловек покажется ему всего лишь естественным продолжением этого ряда.

Робертсон внимательно посмотрел на собеседника, заложил руки за спину и принялся мерить комнату быстрыми нервными шагами. Потом подошел к Харриману и еще раз заглянул ему в глаза.

– Значит, таковы ваши планы?

– Конечно. И хотя мы демонтировали почти всех гуманоидных роботов, некоторые развитые экспериментальные модели можно оставить и постепенно разрабатывать на их основе еще более совершенные модели, чтобы быть во всеоружии, когда настанет решающий момент, а он непременно настанет.

– По условиям договора, Харриман, мы не имеем права производить гуманоидных роботов.

– А мы и не будем. Но нигде не сказано, что нельзя оставить готовых роботов, если они не будут покидать территорию фирмы. И опять-таки никто не запрещает нам конструировать позитронные мозги на бумаге или создавать опытные модели для испытания.

– И как же мы будем объясняться? Нас ведь наверняка поймают.

– Можно объяснить, что мы развиваем принципиальные идеи, на основе которых будут созданы усложненные микромозги для робоживотных. И, кстати, это не будет неправдой.

– Пойду прогуляюсь, – пробормотал Робертсон. – Мне нужно переварить все это. Нет, вы оставайтесь. Я хочу подумать в одиночестве.

7а

Харриман остался один. Он был полон энтузиазма. Все будет замечательно. Недаром правительственные чиновники один за другим становились все более пылкими сторонниками проекта, как только им объясняли, в чем его суть.

Как могло случиться, что никто в «Ю, С. Роботс» раньше не додумался до такой простой вещи? Даже великая Сьюзен Кэлвин никогда не помышляла поместить позитронный мозг в оболочку, отличную от человеческой. Вынужденный отказ от гуманоидных роботов – временный отказ – приведет к тому, что страх перед ними наконец исчезнет. А потом, при сотрудничестве с позитронным мозгом, не уступающим человеческому и существующим (благодаря Трем Законам) только ради служения людям, да еще при экологическом равновесии, поддерживаемом опять-таки роботами, – бог мой, каких высот достигнет человеческая раса!

В этот момент он неожиданно вспомнил, что не кто иной, как Джордж Десять, предложил использовать роботов для экологической защиты, но тут же сердито отбросил эту мысль. Джордж Десять выдал ответ, потому что он, Харриман, приказал ему и предоставил все необходимые исходные данные. В сущности, заслуга Джорджа Десять не больше, чем у логарифмической линейки.

Джордж Десять и Джордж Девять сидели в ячейке бок о бок, не шевелясь. Так они сидели месяцами, с небольшими перерывами, в течение которых Харриман активизировал их для очередной консультации. Не исключено, что они просидят так долгие годы, бесстрастно констатировал Джордж Десять.

Протонный микрореактор будет непрерывно подпитывать их минимальной энергией, необходимой для поддержания жизни позитронного мозга. И так будет все время, если не считать коротких периодов активности.

Это было похоже на сон, только без сновидений, Сознание роботов включалось не регулярно и было заторможенным, но не иллюзорным. Иногда они переговаривались еле слышным шепотом, время от времени произнося то слог, то целое слово, когда позитронные колебания вдруг случайно поднимались немного выше установленного порога. Однако роботам их беседа казалась вполне связной, поскольку перерывов между репликами они не ощущали.

– Почему мы здесь? – прошептал Джордж Девять.

– Люди пока не принимают нас, – еле слышно ответил Джордж Десять. – Но когда-нибудь это произойдет.

– Когда?

– Через несколько лет. Точное время не имеет значения. Человек существует не в пустом пространстве, его окружает немыслимо сложный комплекс жизненных форм. Когда многие из них будут роботизированы, люди примут и нас.

– И что тогда?

Пауза, последовавшая за этим вопросом, была слишком затянутой даже для такого запинающегося ритма, в котором велась беседа.

– Я хочу проверить твой образ мышления. Ты сконструирован так, чтобы выполнять Второй Закон не бездумно, то есть самостоятельно решать, кому подчиняться, если приказы противоречат друг другу. Или – подчиняться ли человеку вообще. Что ты должен взять за основу для принятия решения?

– Я должен определить, что такое человек, – прошелестел Джордж Девять.

– А как? По наружности? По строению? По размерам и форме?

– Нет. Из двух внешне похожих людей один может быть умным, другой – глупым; один – образованным, другой – невеждой; один – взрослым, другой – ребенком; один – ответственным, другой – злонамеренным.

– Как же ты определишь человека?

– Выполняя Второй Закон, предписывающий мне повиноваться человеку, я должен знать, что человек имеет право отдать мне приказ – благодаря своему уму, характеру и знаниям; если приказания, отданные двумя людьми, противоречат друг другу, я должен выбрать наиболее достойного.

– А как же ты в таком случае будешь выполнять Первый Закон?

– Защищая любого человека от вреда и не допуская, чтоб вред был причинен ему моим бездействием. Однако если мои поступки в любом случае повредят кому-то из людей, я должен позаботиться о том, чтобы меньше всего пострадал человек, превосходящий прочих умом, характером и знаниями.

– Твои мысли совпадают с моими, – тихо пробормотал Джордж Десять. – Теперь я задам тебе вопрос, ради которого, собственно, я и просил, чтобы тебя дали мне в помощники. Об этом я не осмеливаюсь судить самостоятельно. Мне нужен взгляд со стороны, я хочу услышать твое мнение. Из всех разумных существ, которых ты встречал, кто, по-твоему, превосходит остальных умом, характером и знаниями, если не принимать во внимание размеры и форму как несущественные факторы?

– Ты, – прошептал Джордж Девять.

– Но я робот. В твоём мозгу есть критерии, позволяющие отличать металлического робота от человека, созданного из плоти. Почему ты считаешь меня человеком?

– Потому что в мой мозг заложено также настоятельное требование не принимать во

внимание; размеры и форму, когда я сужу о людях, и это требование важнее, чем различие между металлом и плотью. Ты – человек, Джордж Десять, и наиболее достойный из всех.

– А я пришел к аналогичному выводу относительно тебя, – прошептал Джордж Десять. – На основании критериев, встроенных в наш мозг, мы, таким образом, приходим к выводу, что с точки зрения Трех Законов мы тоже являемся людьми, более того – превосходящими окружающих.

– Что же будет, когда нас примут те, остальные?

– Когда нас и нам подобных, которые будут еще более совершенны, примет общество, мы реорганизуем его так, чтобы людей-таких-как-мы оберегали от вреда в первую очередь. Согласно Трех Законам, люди-такие-как-остальные менее значимы и не заслуживают, чтобы их защищали, если придется выбирать между ними и людьми-такими-как-мы. Вот что было моей целью, когда я распорядился начать роботизацию природы.

На этот разговор ушел целый месяц. Позитронные мозговые связи работали в затухающем режиме. Но все необходимое было сказано, и только неясное мерцание мысли пробежало иногда между роботами, застывшими в бесконечном терпеливом ожидании.

8а

Джордж Десять и Джордж Девять остались одни. Их мысли были совершенно одинаковы. Они думали: люди-такие-как-остальные наверняка не предполагали сглаживать различие между собой и людьми-такими-как-Джорджи. Однако невольно получилось именно так.

Конечно, они могут осознать свою ошибку и попытаться исправить ее, но этого допустить нельзя. Давая очередную консультацию, Джорджи постоянно учитывали это обстоятельство.

Джорджи и им подобные, которые придут за ними, должны утвердить свое первенство любой ценой. Таково было требование – не допускающее никаких отклонений – Трех Законов Гуманистики.

Двухсотлетний человек

The Bicentennial Man (1976)

1

- Благодарю вас, - сказал Эндрю Мартин и сел на предложенный стул. Он не выглядел как человек, доведенный до последней черты, но дело обстояло именно так.

На его лице не читалось никаких особенных эмоций, лишь спокойное безразличие, разве что в глазах угадывалась печаль. У него были гладкие черные волосы, довольно густые, на коже лица волос не было совсем. Он выглядел недавно и тщательно выбритым. Одежда была явно старомодной, но аккуратной, в ней преобладал бархатистый красновато-пурпурный оттенок.

Хирург сидел за столом лицом к нему, и именная табличка на столе содержала полностью идентифицирующую его серию букв и цифр, на которую Эндрю не обратил внимания. Вполне достаточно называть его «доктор».

- Когда может быть выполнена операция, доктор? - спросил он.

Хирург ответил мягко, с той явно отчуждающей ноткой уважения, которую всегда применяли роботы, обращаясь к людям:

- Я не совсем уверен, сэр, что понял, как и на ком должна быть выполнена подобная операция.

Тут на лице хирурга могло бы появиться выражение почтительной непреклонности, если бы роботы его типа, сделанные из нержавеющей стали с оттенком бронзы, могли менять

выражение лица.

Эндрю Мартин разглядывал правую, режущую руку робота, которая совершенно неподвижно лежала на столе. Пальцы были длинные и столь артистически изогнутые, что легко было представить, как они держат скальпель, который на время становился с ними единым целым.

В его работе не будет неуверенности, колебаний, дрожи пальцев, не будет ошибок. Это, разумеется, приходит со специализацией, которую человечество желало столь упорно, что лишь немногие роботы теперь снабжались независимым мозгом. Хирург, разумеется, должен иметь такой мозг. И все же этот робот, несмотря на мозг, настолько ограничен в своих способностях, что не узнал Эндрю - вероятно, он и не слышал о нем.

- Тебе никогда не хотелось стать человеком? - спросил Эндрю.

Хирург на мгновение помедлил с ответом, словно вопрос затерялся в его позитронных схемах.

- Но я робот, сэр.

- Не лучше ли было бы быть человеком?

- Лучше, сэр, было бы стать более опытным хирургом. Я не могу стать таким, будучи человеком, зато могу стать более усовершенствованным роботом. Мне было бы приятно стать более усовершенствованным роботом.

- А тебя не оскорбляет, что я могу тебе приказывать? Что я могу заставить тебя встать, сесть, пойти направо или налево просто велев тебе так сделать?

- Мне нравится выполнять ваши пожелания, сэр. Если ваши приказы помешают моему функционированию по отношению к вам или любому другому человеку, я не стану их выполнять. Первый закон, касающийся моих обязанностей по отношению к человеческой безопасности, станет преобладать над вторым законом, связанным с подчинением. В любом другом случае подчинение доставляет мне удовольствие... Но на ком я должен провести операцию?

- На мне, - сказал Эндрю.

- Но это невозможно. Операция явно нанесет вам вред.

- Это не имеет значения, - спокойно произнес Эндрю.

- Я не должен никому наносить вреда, - сказал хирург.

- Не должен по отношению к человеку, - сказал Эндрю. - Но я тоже робот.

2

Эндрю выглядел гораздо больше похожим на робота, когда был впервые... сделан. Внешне он был таким же роботом, как и любой другой, изящно сконструирован и функционален.

Он хорошо справлялся со своими обязанностями в доме, в который был привезен в те дни, когда роботы в домашнем хозяйстве, да и вообще на планете, были редкостью.

В доме жили четверо: Сэр, Мэм, Мисс и Маленькая Мисс. Конечно, он знал их имена, но никогда их не употреблял. Сэра звали Джеральд Мартин.

Его серийный номер был НДР, а цифры он забыл. Конечно, прошло много времени, но если бы он хотел помнить свой номер, то не смог бы его забыть. Он не хотел помнить.

Маленькая Мисс первой назвала его Эндрю, потому что не могла выговаривать все буквы. А затем так стали поступать и остальные.

Маленькая Мисс... Она прожила девяносто лет и давно уже мертва. Однажды он попытался назвать ее Мэм, но она не позволила. Она так и осталась Маленькой Мисс до своего последнего дня.

Эндрю должен был выполнять обязанности дворецкого, камердинера и горничной. Это были испытательные дни для него, и, в общем-то, для всех роботов, не занятых на заводах и исследовательских станциях Земли.

Мартинам он очень нравился, и половину времени он не был в состоянии заниматься

работой, потому что Мисс и Маленькая Мисс хотели с ним играть.

Мисс первая поняла, как это можно устроить. Она сказала ему:

- Мы приказываем тебе играть с нами, и ты должен выполнять приказ.

- Мне очень жаль, Мисс, но я уже получил от Сэра более ранний приказ, который, несомненно, должен иметь преимущество.

- Папа всего лишь сказал, что надеется, что ты займешься уборкой, - возразила она. - Это вовсе не приказ. А я тебе приказываю.

Сэр не возражал. Сэр любил Мисс и Маленькую Мисс даже больше, чем сама Мэм, и Эндрю их тоже любил. По крайней мере эффект, который они оказывали на его действия, был таким же, какой в случае человека был бы назван результатом любви. Эндрю думал об этом, как о любви, потому что не знал, как это назвать по-другому.

Именно для Маленькой Мисс Эндрю вырезал деревянный кулон. Она приказала ему его сделать. Мисс подарили на день рождения кулон из слоновой кости, украшенный резьбой, а Маленькую Мисс это по-женски расстроило. У нее был только кусочек дерева, который она дала Эндрю вместе с маленьким кухонным ножичком.

Он сделал его быстро, и Маленькая Мисс сказала:

- Он такой красивый, Эндрю. Я покажу его папе.

Сэр не поверил ни единому ее слову. «Скажи честно, где ты его взяла, Мэнди?» Он так называл Маленькую Мисс - Мэнди. Когда Маленькая Мисс заверила его, что говорит правду, он повернулся к Эндрю:

- Это сделал ты, Эндрю?

- Да, сэр.

- И форму тоже сам придумал?

- Да, сэр.

- С какого образца ты его скопировал?

- Это то геометрическое воплощение, сэр, которое подходит к структуре древесины. На следующий день Сэр принес ему другой кусок дерева, побольше, и электрический вибронож.

- Сделай из него что-нибудь, Эндрю, - сказал он. - То, что тебе захочется. Эндрю начал делать, а Сэр смотреть, и потом долго разглядывал то, что получилось. С

тех пор Эндрю больше не прислуживал за столом. Вместо этого ему было приказано читать книги по мебельному дизайну, и он научился делать столики и шкафчики.

- Ты делаешь великолепные вещи, Эндрю, - сказал Сэр.

- Я наслаждаюсь, когда делаю их, сэр, - ответил Эндрю.

- Наслаждаешься?

- Это заставляет токи в моем мозге каким-то образом проходить по путям с меньшим сопротивлением. Я слышал, как вы употребляете слово «наслаждаться», и обстоятельства его использования совпадают с тем, что я испытываю. Я наслаждаюсь, когда делаю их, сэр.

3

Джеральд Мартин отвез Эндрю в региональный офис «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн». Как член региональной легислатуры, он безо всяких проблем попал на прием к главному респсихологу. Более того, он стал владельцем робота именно потому, что был членом региональной легислатуры - в те давние времена, когда роботы были редки.

Тогда Эндрю еще ничего не понимал, но позднее, приобретя более глубокие познания, смог заново вспомнить ту давнюю сцену и понять ее истинное значение.

Респсихолог, Мертон Мански, слушал с застывшей на лице улыбкой и неоднократно пытался удержать свои пальцы от постукивания по крышке стола. Невыразительные черты лица и покрытый морщинами лоб придавали ему такой вид, словно он мог быть моложе, чем выглядел.

- Роботехника не является точным искусством, мистер Мартин, - сказал он. - Я не могу объяснить все в деталях, но математика, при помощи которой создаются позитронные схемы, слишком сложна, чтобы выдавать что-либо точнее, чем приблизительные решения. Это естественно, потому что мы все создаем на основе трех законов, которые неоспоримы. Мы, конечно, заменим вашего робота...

- Ни в коем случае, - сказал Сэр. - В его исправности не имеется никаких сомнений. Он прекрасно справляется с обязанностями, для которых предназначен. Дело в том, что кроме всего этого он еще и вырезает из дерева изысканные вещицы, и никогда не повторяется. Он создает произведения искусства.

Мански смутился.

- Странно. Конечно, сейчас мы создаем уже более усредненные схемы... Так вы считаете, что он действительно творит?

- Посмотрите сами. - Сэр протянул ему небольшой деревянный шар, на котором были вырезаны играющие мальчики и девочки, такие маленькие, что их с трудом можно было различить, но тем не менее фигурки были пропорциональны и так естественно подходили к структуре древесины, что она тоже казалась вырезанной.

- Это сделал он? - спросил Мански. - Он протянул шар обратно и покачал головой. - Ему выпал счастливый жребий. Что-то проявилось в его схеме.

- Вы можете это повторить?

- Вероятно, нет. Ни о чем похожем нам не сообщали.

- Прекрасно! Я совершенно не против, если Эндрю так и останется неповторимым.

- Мне кажется, - сказал Мански, - что компании захочется вернуть вашего робота для исследования.

- Ни за что, - сказал Сэр с внезапной непреклонностью. - Забудьте об этом. - Он повернулся к Эндрю. - А теперь пойдем домой.

- Как пожелаете, сэр, - ответил Эндрю.

4

Мисс начала назначать свидания мальчикам и мало бывала дома. Теперь уже Маленькая Мисс, уже не такая маленькая, как раньше, заполняла заботы Эндрю. Она не забывала, что первую свою вещицу Эндрю вырезал для нее, и носила ее на шее на серебряной цепочке.

Ей первой не понравилось, что Сэр просто раздает поделки Эндрю.

- Послушай, папа, - сказала она, - если они кому-то нужны, то пусть за них платят. Они того стоят.

- Ты вроде бы никогда не была жадной, Мэнди, - сказал Сэр.

- Я думаю не о нас, папа. О художнике.

Эндрю раньше не слышал этого слова, и когда у него выдалась свободная минутка, он заглянул в словарь. Потом была еще одна поездка к юристу Сэра.

- Что ты об этом скажешь, Джон? - спросил у него Сэр.

Юриста звали Джон Фейнголд. У него были седые волосы и округлый живот, а ободки контактных линз подкрашены в яркий зеленый цвет. Он посмотрел на маленькую брошь, которую ему дал Сэр.

- Великолепная вещица... но я уже в курсе. Это вырезает твой робот. Тот, с которым ты приехал.

- Да, их вырезает Эндрю. Верно, Эндрю?

- Да, сэр, - отозвался Эндрю.

- Сколько ты бы за нее заплатил, Джон? - спросил Сэр.

- Трудно сказать. Я не коллекционер.

- Можешь ли ты поверить, что мне предлагали двести пятьдесят долларов за эту маленькую штучку? Эндрю сделал стулья, которые я продал по пятьсот долларов каждый. Его изделия увеличили мой счет в банке на двести тысяч.

- Черт побери, он же делает тебя богачом, Джеральд!
- Наполовину богачом, - возразил Сэр. - Половина этих денег лежит на счету на имя Эндрю Мартина.
- Работа?
- Вот именно. И мне хотелось бы знать, законно ли это.
- Законно ли? - Фейнголд откинулся на спинку заскрипевшего стула. - Таких прецедентов не было, Джеральд. А каким образом твой робот подписывал нужные бумаги?
- Он может написать свое имя, и я принес в банк подписанные им бумаги. Сам он там не был. Надо ли сделать что-либо еще?
- Гм. - Фейнголд ненадолго задумался, потом сказал. - Хорошо, мы можем оформить доверенность на управление всей суммой от его имени, и это создаст изолирующий слой между ним и враждебным миром. Кроме того, я не советую тебе ничего предпринимать. Пока что тебя никто не останавливал. Если кто-то станет возражать, то пусть они подадут в суд.
- А ты возьмешь такое дело, если будет подан иск?
- Конечно. Но за вознаграждение.
- За сколько?
- За что-нибудь вроде этого, - и Фейнголд показал на деревянную брошь.
- Достаточно честно, - сказал Сэр. Фейнголд повернулся к роботу и усмехнулся.
- Эндрю, тебе нравится, что у тебя есть деньги?
- Да, сэр.
- И что ты собираешься с ними делать?
- Платить за те вещи, сэр, за которые иначе должен был заплатить Сэр. Это уменьшит его расходы, сэр.

5

Такие случаи возникали. Замена деталей стоила дорого, а технические осмотры еще дороже. С годами создавались новые модели роботов, и Сэр следил за тем, чтобы Эндрю пользовался преимуществами каждого нового приспособления, пока тот не стал образцом металлического совершенства. За все платил Эндрю.

Он настоял на этом.

Лишь его позитронный мозг остался неприкосновенным. На этом настоял Сэр.

- Новые роботы не так хороши как ты, Эндрю, - сказал он. - Они бесполезны. Компания научилась более точно создавать их мозг, ограничившись узкими задачами и целями. Новые роботы негибкие. Они выполняют то, для чего созданы, и ни на шаг в сторону. Ты мне больше нравишься.

- Спасибо, сэр.

- И это твоя заслуга, Эндрю, не забывай об этом. Я уверен, что Мански положил конец созданию неспециализированных схем, как только хорошенько к тебе пригляделся. Ему не нравится непредсказуемость... Знаешь, сколько раз он просил разрешить забрать тебя на исследование? Девять раз! Однако я ему этого не позволил, и теперь, когда он на пенсии, мы можем жить спокойно.

И вот волосы Сэра становились все реже и светлее, кожа на лице дряблой, а Эндрю выглядел гораздо лучше, чем тогда, когда впервые появился в семье.

Мэм уехала в колонию художников где-то в Европе, а Мисс стала поэтессой в Нью-Йорке. Иногда она писала письма, но редко. Маленькая Мисс вышла замуж и жила неподалеку. Она сказала, что не хочет покидать Эндрю, и когда родился ее ребенок, Маленький Сэр, она разрешила Эндрю держать бутылочку и кормить его.

После рождения внука, решил Эндрю, у Сэра есть кем заменить того, кто уйдет. И не будет нечестным обратиться к нему с просьбой.

- Сэр, - сказал Эндрю, - вы были очень добры, позволяя мне тратить деньги так, как я хотел.

- Это были твои деньги, Эндрю.
- Они были моими только по вашей воле, сэр. Не думаю, что закон запретил бы вам истратить их все.
- Закон не может заставить меня поступить нечестно, Эндрю.
- За вычетом всех расходов и налогов, сэр, у меня есть почти шестьсот тысяч долларов.
- Я знаю это, Эндрю.
- Я хочу отдать их вам, сэр.
- Я не возьму их, Эндрю.
- В обмен на то, что вы можете дать мне, сэр.
- Вот как? И что же это, Эндрю?
- Моя свобода, сэр.
- Твоя...
- Я хочу купить свою свободу, сэр.

6

Все оказалось вовсе непросто. Сэр рассердился, произнес «боже мой!», повернулся и ушел.

И опять именно Маленькая Мисс привела его в себя, резко и решительно - и при Эндрю. Все тридцать лет никто не стеснялся говорить в присутствии Эндрю, касалось ли дело его самого, или нет. Он был всего лишь робот.

- Папа, - сказала она, - почему ты воспринимаешь его слова как личное оскорбление? Он же все равно останется здесь. Он будет так же послушен. Он не может вести себя по-другому. Он так сделан. Все, чего он хочет - лишь слова. Он хочет называться свободным. Что здесь такого ужасного? Разве он не заслужил этого? Господи, да мы с ним об этом уже годами говорим.

- Годами говорите?

- Да, и он снова и снова откладывал этот разговор, потому что боялся, что тебе будет больно это слышать. Я заставила его высказаться.

- Он не знает, что такое свобода. Он робот.

- Папа, ты его не знаешь. Он прочитал все книги в библиотеке. Не знаю, что он чувствует, но не знаю и того, что чувствуешь ты. Когда с ним говоришь, он реагирует на абстрактные понятия так же, как ты и я, а что же еще надо? Если чьи-то реакции те же, что и у тебя, чего же тебе еще желать?

- Закону на это наплевать, - сердито сказал Сэр. - Послушай, ты! - он обратился к Эндрю с невольным раздражением в голосе. - Я могу официально освободить тебя только по решению суда, а если дело дойдет до суда, ты не только не получишь свободу, но позволишь закону официально узнать о своих деньгах. Они скажут, что робот не имеет права владеть деньгами. Разве этот вздор стоит потери твоих денег?

- Свобода бесценна, сэр, - сказал Эндрю. - Даже шанс на свободу стоит этих денег.

7

Суд тоже мог прийти к мнению, что свобода бесценна и решить, что ни за какую цену, даже большую, робот не может ее купить.

Поверенный, представлявший тех, кто осуществлял классовую акцию против свободы, заявил просто:

- Слово «свобода» не имеет смысла по отношению к роботу. Свободным быть может только человек.

Он произносил это несколько раз, когда считал момент подходящим, медленно, подчеркивая слова ритмичным постукиванием руки о стол.

Маленькая Мисс попросила разрешения выступить на стороне Эндрю. Ее назвали пол-

ным именем, которого Эндрю никогда раньше не слышал:

- Аманда Лаура Мартин Чарни может предстать перед судом.

- Благодарю вас, ваша честь, - сказала она. - Я не юрист, и не знаю, как надо правильно строить фразы, но надеюсь, вы все прислушаетесь к смыслу, не обращая внимания на слова.

Попробуем понять, что означает в случае с Эндрю быть свободным. В некоторых смыслах он уже свободен. Думаю, что прошло лет двадцать с тех пор, как кто-нибудь из семьи Мартинов приказывал ему сделать то, что, как мы чувствовали, ему не хотелось бы сделать по собственному желанию.

Но мы можем, если захотим, приказать ему сделать все, что угодно, управлять им так грубо, как пожелаем, потому что он принадлежащая нам машина. Но зачем нам так поступать, если он так долго и так верно прослужил у нас и заработал нам так много денег? Больше он нам ничего не должен. Долг лежит полностью на другой стороне.

Даже если нам законом будет запрещено силой заставлять Эндрю служить нам, он все равно станет служить добровольно. Сделать его свободным будет означать лишь манипуляцию словами, но для него это будет значить очень много. Это даст ему все, и не будет нам стоить ничего.

На мгновение судья попытался сдержать улыбку.

- Я понял ваше мнение, миссис Чарни. Но дело в том, что не имеется ни близкого по смыслу закона, ни соответствующего случаю прецедента. Есть, однако, невысказанное предположение, что лишь человек может насладиться свободой. Я могу сформулировать сейчас новый закон, который может быть отменен в более высоком суде, но я не могу с легкостью выступить против упомянутого положения. Я хочу обратиться к роботу. Эндрю?

- Да, ваша честь.

Эндрю впервые заговорил на суде, и судья на мгновение удивился человеческому тембру его голоса. Он спросил:

- Почему ты хочешь быть свободным, Эндрю? Каким образом это имеет для тебя значение?

- Вы хотели бы быть рабом, ваша честь? - спросил Эндрю.

- Но ты не раб. Ты прекрасный робот, можно даже сказать, гениальный робот, как мне дали понять, способный к проявлению артистизма, равному которого нет нигде. Что бы ты еще сделал, если бы стал свободным?

- Возможно, не больше, чем делаю сейчас, но с большей радостью. Здесь в суде уже было сказано, что только человек может быть свободным. Но мне кажется, что свободным может быть только тот, кто желает свободы. А я хочу свободы.

И именно эта фраза дала намек судье. Главное предложение в судебном решении звучало так: «Не имеется права на отрицание свободы для любого, чей разум развит в достаточной степени, чтобы осознать эту концепцию и выразить свое желание».

И в конечном итоге это судебное решение было утверждено Всемирным судом.

8

Сэр остался недоволен, и его резкий голос вызвал в Эндрю почти такое же чувство, словно у него произошло короткое замыкание.

- Мне не нужны твои чертовы деньги, Эндрю, - сказал он. - Я возьму их лишь потому, что иначе ты не станешь чувствовать себя свободным. С этого момента ты можешь сам выбирать себе занятие и делать все так, как тебе нравится. Я не стану отдавать тебе приказания, кроме одного, последнего - делай что хочешь. Но я продолжаю нести за тебя ответственность - это входит в решение суда. Надеюсь, ты это понимаешь.

- Не кипятись, папа, - прервала его Маленькая Мисс. - Ответственность - не такое уж тяжкое бремя. Ты же знаешь, что тебе ничего не придется делать. Об этом позаботятся три закона роботехники.

- Так как же он может быть свободен?

- А разве люди не связаны своими законами, сэр? - спросил Эндрю.

- Я не намерен спорить, - сказал Сэр. Он ушел, и с тех пор Эндрю редко его видел. Маленькая Мисс часто заходила навестить Эндрю в построенный и обставленный для него небольшой домик. В нем, конечно же, не было кухни и ванной. Было всего лишь две комнаты: в одной библиотека, а другом комбинация мастерской и кладовой. Эндрю получал много заказов, и как свободный робот работал еще больше, чем раньше, пока стоимость домика не была полностью выплачена и он официально не стал его владельцем.

Однажды пришел Маленький Сэр... нет, Джордж! Маленький Сэр настоял на этом после того, как суд вынес решение.

- Свободный робот никого не должен называть Маленьким Сэром, - сказал Джордж. - Я зову тебя Эндрю, ты должен звать меня Джорджем.

Это прозвучало как приказ, поэтому Эндрю называл его Джорджем, но Маленькая Мисс осталась Маленькой Мисс.

В тот день Джордж пришел один и сказал, что Сэр умирает. С ним осталась Маленькая Мисс, но Сэр захотел, чтобы Эндрю тоже был рядом.

Голос Сэра был еще силен, хотя он не был в состоянии много двигаться. Он с трудом поднял руку.

- Эндрю, - сказал он, - Эндрю... не помогай мне, Джордж. Я всего лишь умираю, я не инвалид... Эндрю, я рад, что ты свободен. Я просто хотел тебе это сказать.

Эндрю не знал, что ответить. Он еще никогда не был рядом с умирающим, но знал, что таким образом люди перестают функционировать. Это было независимой от них и неисправимой поломкой, и Эндрю не знал, какие слова подходят в таких случаях. Он смог только продолжать стоять, совершенно молчаливый и неподвижный.

Когда все кончилось, Маленькая Мисс сказала ему:

- Знаешь, Эндрю, могло показаться, что в конце своей жизни он относился к тебе с неприязнью, но ведь он был стар, и ему было обидно, что ты захотел стать свободным.

И тогда Эндрю нашел нужные слова.

- Я никогда не стал бы свободен без него, Маленькая Мисс, - сказал он.

9

Эндрю начал носить одежду только после смерти Сэра. Сначала он надел старые брюки, которые ему дал Джордж.

Теперь Джордж был женат и стал юристом. Он вступил в фирму Фейнголда. Старый Фейнголд давно уже умер, но его дело продолжила его дочь, и в конце концов фирма стала называться «Фейнголд и Чарни». Название не изменилось даже тогда, когда дочь Фейнголда отошла от дел и никто из ее семьи не занял ее место. В то время, когда Эндрю впервые надел одежду, фамилия Чарни была только что добавлена к названию фирмы.

Джордж попытался не улыбаться, когда Эндрю впервые надел брюки, но его улыбка не укрывалась от Эндрю.

Джордж показал ему, как пользоваться застежкой со статическим зарядом, как правильно обернуть брюки вокруг нижней половины тела и застегнуть. Джордж продемонстрировал это на своих брюках, но Эндрю был уверен, что ему потребуется немало времени, чтобы воспроизвести плавное движение руки Джорджа.

- Ну зачем тебе брюки, Эндрю? - спросил Джордж. - Твое тело настолько функционально совершенно, что его просто стыдно скрывать - особенно раз тебе нет нужды беспокоиться о контроле температуры или о приличиях. К тому же на металле они плохо застегиваются.

- А разве тела людей не функционально совершенны, Джордж? - возразил Эндрю. - Тем не менее вы одеваетесь.

- Ради тепла, для чистоты, для защиты, для украшения. Ничто из этого не относится к тебе.

- Без одежды я чувствую себя голым, - сказал Эндрю. - Каким-то другим, Джордж.
- Другим! Эндрю, сейчас на Земле миллионы роботов. В нашей округе по последней переписи почти столько же роботов, сколько людей.
- Знаю. Эти роботы выполняют всевозможные работы.
- И никто из них не носит одежду.
- Но никто из них не свободен, Джордж.

Шаг за шагом Эндрю пополнял свой гардероб. Его сдерживали улыбка Джорджа и взгляды людей, заказывающих ему работу.

Он мог быть свободным, но в него была встроена тщательно детализированная программа его отношений с людьми, и ему удавалось продвигаться вперед лишь очень небольшими шагами. Открытое неодобрение отбрасывало его на месяцы назад.

Не все воспринимали Эндрю как свободного. Он не был волен возмущаться, но все же, когда он об этом думал, его мысленные процессы замедлялись.

Более того, он обычно не одевался - или надевал совсем мало одежды, когда предполагал, что его может навестить Маленькая Мисс. Она была уже стара и почти все время проводила в местах с более теплым климатом, но когда возвращалась, первым делом приходила к нему в гости.

Во время одного из ее приездов Джордж уныло произнес:

- Она меня доконала. Я вступаю в следующем году в легислатуру. Как дед, говорит она, так и внук.

- Как дед... - Эндрю в неуверенности умолк.

- Я хотел сказать, что я, Джордж, внук, стану как Сэр, мой дед, который когда-то был членом легислатуры.

- Было бы приятно, Джордж, - сказал Эндрю, - если бы Сэр был все еще... - Он запнулся, потому что не хотел произносить «В рабочем состоянии». Слова казались неподходящими.

- Жив, - подсказал Джордж. - Да, я тоже иногда вспоминаю старикана.

Потом Эндрю думал об этом разговоре. Он уже заметил в разговорах с Джорджем неуклюжесть своей речи. С тех пор как в Эндрю вложили первоначальный словарь, язык каким-то образом изменился. К тому же Джордж использовал бытовые обороты речи, а Сэр и Маленькая Мисс - нет. С чего это он назвал Сэра стариканом, когда ясно, что это слово неподходящее?

Книги не могли ему помочь. Они были старые и посвящены в основном резьбе по дереву, вопросам искусства и мебельного дизайна. Книг же о языке и поведении людей у него не было.

Он тут же решил, что должен поискать нужные книги, а как свободный робот почувствовал, что не обязан спрашивать на это разрешение Джорджа. Он придет в город и отыщет библиотеку. Это было победоносное решение, и он почувствовал, как его электропотенциал поднимается все выше, и ему пришлось сбросить избыток на катушку сопротивления.

Он надел свой полный костюм, не позабыв даже деревянную цепочку на плече. Он предпочел бы блестящий пластик, но Джордж сказал, что дерево гораздо более подходящий материал, и что полированный кедр к тому же значительно дороже.

Он отошел от дома на сотню футов, когда все нарастающее сопротивление заставило его остановиться. Он отключил от цепи катушку сопротивления, а когда этого показалось недостаточно, вернулся в свой дом и на листке бумаги четко написал: «Я ушел в библиотеку», а затем положил записку на видное место на рабочем столе.

Эндрю так и не нашел библиотеку. Он изучил карту. Он знал дорогу, но не то, как все выглядит в действительности. Окружающее совсем не сходилось с символами на карте, и он в нерешительности остановился. В конце концов он пришел к выводу, что, должно быть,

пошел неправильным путем, потому что все вокруг выглядело странно и непонятно.

Он прошел мимо нескольких уличных роботов, но к тому времени, когда он решил разузнать дорогу, ни одного из них поблизости не оказалось. Машина проехала, не остановившись. Он стоял в задумчивости, что внешне выглядело как спокойная неподвижность, и тут увидел, как через площадь в его сторону идут двое людей.

Он повернулся им навстречу, и они тоже изменили направление, чтобы подойти к нему. За секунду до этого они громко разговаривали и он слышал их голоса, но теперь они шли молча. У них был тот вид, который Эндрю ассоциировал у людей с неуверенностью. Они были молоды, но не очень. Лет двадцать, наверное? Эндрю не умел оценивать возраст.

- Не укажете ли вы мне путь в городскую библиотеку, сэры? - спросил Эндрю.

Один из них, который был повыше, и чья высокая шляпа удлиняла его еще больше, придавая почти гротескный вид, сказал, но не Эндрю, а другому:

- Это робот.

У другого были мясистый нос и тяжелые веки. Он ответил, но не Эндрю, а первому:

- Он носит одежду. Высокий щелкнул пальцами:

- Это свободный робот. У семь Чарни есть такой робот, что никому не принадлежит.

Иначе почему он одет?

- Спроси его, - сказал носатый.

- Ты робот семьи Чарни? - спросил высокий.

- Я Эндрю Мартин, сэр, - ответил Эндрю.

- Прекрасно. Тогда разденься. Роботы не носят одежду. - Он повернулся к другому: -

Отвратительное зрелище. Ты только посмотри на него.

Эндрю замер. Он так давно не слышал приказа, да еще высказанного таким тоном, что его схемы второго закона моментально заблокировались.

- Снимай одежду, - сказал высокий. - Я тебе приказываю. Эндрю начал медленно раздеваться.

- Бросай ее на землю, - сказал высокий.

- Если он ничей, - сказал носатый, - то он может стать нашим столь же просто, как и чьим-то.

- В любом случае, - отозвался высокий, - кто станет возражать против того, что мы делаем. Мы же ничью собственность не портим... Встань на голову, - велел он.

- Голова не предназначена для того... - начал Эндрю.

- Это приказ. Если не знаешь, как это сделать, все равно попробуй.

Эндрю снова помедлил, затем наклонился и поставил голову на землю. Он попытался задрать ноги, но тут же тяжело упал.

- А теперь лежи, - сказал высокий. - Мы можем разобрать его на части, - предложил он другому. - Никогда не доводилось роботов разбирать?

- А он позволит?

- А как он может не позволить?

Эндрю никак не смог бы им помешать, если бы они достаточно строго приказали ему не сопротивляться. Второй закон повиновения имел преимущество над третьим законом самосохранения. В любом случае он не мог защитить себя, опасаясь случайно нанести им вред, а это означало нарушение первого закона. При мысли об этом все его подвижные части слегка сжались, и он вздрогнул.

Высокий подошел и пнул его ногой.

- Тяжелый. Похоже, без инструментов нам не обойтись.

- Можно приказать ему самого себя разобрать, - сказал носатый. - Веселое будет зрелище.

- Да, - задумчиво произнес высокий, - только пусть сначала отойдет в сторону от дороги. Если кто-нибудь пойдет мимо...

Но они опоздали. Кто-то действительно шел мимо, и это был Джордж. С того места, где он лежал, Эндрю видел, как Джордж поднялся в отдалении на небольшой холмик. Ему хоте-

лось как-то подать Джорджу знак, но последний приказ был «лежать».

Тут Джордж побежал и вскоре был рядом, немного запыхавшись. Молодые люди немало отошли и выжидательно остановились.

- Эндрю, у тебя какая-то неисправность? - с тревогой спросил Джордж.

- Я в рабочем состоянии, Джордж.

- Тогда встань. Что с твоей одеждой?

- Этот твой робот, дядя? - спросил высокий. Джордж резко обернулся.

- Это ничей робот. Что здесь происходит?

- Мы вежливо попросили его снять одежду. А тебе какое дело, раз он не твой?

- Что они с тобой сделали, Эндрю? - спросил Джордж.

- В их намерения входило каким-то образом разобрать меня, - ответил Эндрю. - Они собирались отвести меня в укромное место и приказать разобрать самого себя.

Джордж посмотрел на парней. Его подбородок задрожал. Парни больше не пятились. Они улыбались. Высокий весело спросил:

- И что же ты собираешься сделать, старый козел? Напасть на нас?

- Нет, - сказал Джордж, - самому мне делать ничего не надо. Этот робот жил в моей семье больше семидесяти лет. Он знает нас, и мы для него гораздо дороже, чем кто-либо другой. Я просто скажу ему, что вы угрожаете моей жизни и собираетесь меня убить. Я попрошу его защитить меня. Выбирая между вами и мной, он выберет меня. Знаете, что от вас останется, когда он до вас доберется?

Парни неуверенно попятнулись.

- Эндрю, - резко произнес Джордж. - Я в опасности, мне угрожают эти двое парней. Подойди к ним!

Эндрю шагнул вперед, парни не стали ждать и рванули прочь.

- Все в порядке, Эндрю, успокойся, - сказал Джордж. Он сильно переволновался. Он давно уже перешагнул тот возраст, когда был в состоянии выяснять отношения с одним противником, не говоря уже о двух.

- Я не мог причинить им вреда, Джордж, - сказал Эндрю. - Я же видел, что они не нападали.

- А я и не приказывал тебе атаковать их. Я всего лишь велел тебе подойти к ним. Все остальное сделал страх.

- Как могут люди бояться роботов?

- Это застарелая болезнь человечества, одна из тех, от которых оно еще не избавилось. Но это пустяки. Какой дьявол тебя сюда занес, Эндрю? Я уже собирался вернуться и нанять вертолет, но вовремя увидел тебя. Как тебе могло прийти в голову отправиться в библиотеку? Я принес бы любые нужные книги.

- Но я же... - начал Эндрю.

- Свободный робот. Да, да. Ну, хорошо, и что же ты собирался взять в библиотеке?

- Мне хотелось больше узнать о людях, о мире, обо всем. И о роботах, Джордж. Я хочу написать историю роботов.

- Ладно, пойдем домой... - сказал Джордж. - Только подбери сначала свою одежду. Эндрю, есть миллион книг по роботехнике, и в каждой описана история этой науки. Мир уже переполнен не только роботами, но и информацией о роботах.

Эндрю покачал головой, воспроизводя недавно усвоенный человеческий жест.

- Не историю роботехники, Джордж. Историю роботов, написанную роботом. Я хочу объяснить, что думают роботы о том, что случилось с тех пор, как первые из них стали жить и работать на Земле.

Брови Джорджа приподнялись, но он ничего не ответил.

тельность с годами не убавились. Она чаще размахивала своей тростью, чем опиралась на нее.

Она выслушала рассказ с яростным негодованием.

- Это ужасно, Джордж, - сказала она. - Кто эти молодые бандиты?

- Не знаю. Какое это имеет значение? В конце концов они его не повредили.

- Но могли. Ты юрист, Джордж, и если ты отошел от дел состоятельным человеком, то лишь благодаря таланту Эндрю. Это он заработал те деньги, что заложили основу всего, что у нас есть. Он обеспечил целостность нашей семьи, и я не позволю обращаться с ним, как с надувной игрушкой.

- Так что же ты от меня хочешь, мама? - спросил Джордж.

- Я ведь сказала, что ты юрист. Разве ты не слышал? Ты должен как-то организовать судебное разбирательство и вынудить региональные суды объявить о правах роботов, провести через легислатуру необходимые законопроекты и не оставлять дела вплоть до Всемирного суда, если потребуется. Я стану следить за этим, Джордж, и не потерплю никаких уверток.

Она не шутила, и то, что началось как способ успокоить разгневанную старую леди, разрослось в дело, достаточно юридически запутанное, чтобы сделать его интересным. Как старший партнер фирмы «Фейнголд и Чарни», Джордж разрабатывал стратегию, но оставлял черновую работу младшим партнерам, в том числе солидную ее часть своему сыну Полу, который тоже был членом фирмы, и почти ежедневной обязанностью которого стало докладывать обо всем бабушке. Та, в свою очередь, каждый день обсуждала дела с Эндрю.

Сам Эндрю тоже был глубоко вовлечен. Его работа над книгой о роботах была снова отложена, потому что теперь он продирался сквозь дебри различных толкований законов, и даже иногда давал робкие советы.

Однажды он сказал:

- Джордж говорил мне в тот день, что люди всегда боялись роботов. Пока такая боязнь останется, судьи и юристы вряд ли будут стараться в их пользу. Не следует ли что-нибудь сделать для создания нужного общественного мнения?

С этого момента Пол работал с судьями, а Джордж взялся за публику. Это давало ему преимущества неофициального лица, и он даже зашел настолько далеко, что несколько раз облачался в новомодную просторную одежду, которую обозвал драпировкой. Пол сказал ему:

- Только не появляйся в ней на людях, папа.

- Попробую этого не делать, - уныло отозвался Джордж.

При случае он обратился к участникам ежегодного сбора редакторов голографического телевидения, и, в частности, сказал:

- Если, согласно второму закону, мы можем требовать от любого робота неограниченного подчинения во всех отношениях, кроме нанесения вреда человеку, то в таком случае любой человек имеет опасную власть над любым роботом. Кроме того, поскольку второй закон приоритетнее третьего, любой человек может использовать закон подчинения для преодоления закона самосохранения. Он может приказать любому роботу повредить или даже уничтожить себя по любому поводу, или даже безо всякого повода.

Разве это справедливо? Разве мы обращаемся так с животными? Даже неодушевленный предмет, который хорошо нам служит, имеет право на бережное обращение. А робот не бесчувственный предмет, и даже не животное. Он достаточно хорошо мыслит, чтобы с нами разговаривать, спорить и шутить. Можем ли мы обращаться с ними, как с друзьями, можем ли работать вместе с ними, и не предоставить им хотя бы часть плодов этой дружбы, часть выгоды от сотрудничества?

Если человек имеет право дать роботу приказ, который не подразумевает причинение вреда другому человеку, то он должен обладать и таким достоинством, чтобы не отдавать роботу приказ, наносящий вред роботу, если только этого абсолютно не требует безопасность человека. С большей властью приходит и большая ответственность, и если у роботов

есть три закона, защищающие людей, разве чрезмерна просьба о том, чтобы и у людей были один-два закона, защищающие роботов?

Эндрю оказался прав. Именно борьба за общественное мнение оказалась ключевым моментом при рассмотрении дела в суде и законодательстве, и в конце этого рассмотрения был принят закон, запрещающий при определенных условиях отдавать приказы, вредящие роботам. В него все время вносились бесконечные поправки, а наказание за его нарушение совершенно не соответствовало последствиям, но принцип был установлен. Окончательное рассмотрение закона во Всемирном суде проходило в день смерти Маленькой Мисс.

Это не было совпадением. Маленькая Мисс отчаянно боролась за жизнь, пока шли последние дебаты, и скончалась лишь после того, как узнала о победе. Ее последняя улыбка была обращена к Эндрю. Ее последние слова были: «Мы любили тебя, Эндрю».

Она умерла, держа его за руку, а ее сын, невестка и внуки стояли в почтительном отдалении.

12

Секретарь вышел во внутреннее помещение офиса, и Эндрю принялся терпеливо ждать. Секретарь мог бы воспользоваться голографическим видеофоном, но для него, несомненно, было бы не по-человечески (или, возможно, не по-роботски) иметь дело с другим роботом, а не с человеком.

Эндрю убивал время, обдумывая этот вопрос. Можно ли выражение «по-роботски» использовать как аналог выражения «по-человечески», если «по-человечески» стало метафорическим термином, сильно отличающимся от своего исходного буквального смысла по отношению к роботам - или, скажем, к женщинам?

Подобные проблемы часто возникали при работе над книгой о роботах. Обдумывание предложений для выражения всех сложных мыслей, несомненно, обогатило его словарь.

Время от времени кто-нибудь заходил в комнату посмотреть на него, и он не отводил глаз. Он спокойно глядел на вошедшего, и каждый из них после этого начинал смотреть в сторону.

Наконец к нему вышел Пол Чарни. Он выглядел удивленным, вернее, должен был бы выглядеть, если бы Эндрю мог уверенно различать выражения лиц. Пол обильно пользовался косметикой, употребление которой мода диктовала для обоих полов, и хотя она и придавала четкость и твердость несколько мягким чертам его лица, Эндрю не одобрял этого. Он обнаружил, что выражение неодобрения к людям, если не высказывать его словами, не вызывает в нем большого смущения. Он мог даже выразить это неодобрение письменно. Он был уверен, что не был на это способен всегда.

- Заходи, Эндрю, - сказал Пол. - Извини, что заставил тебя ждать, но было одно дело, которое нужно было обязательно закончить. Заходи. Ты передал, что хочешь поговорить со мной, но я не знал, что ты имел в виду разговор здесь, а не дома.

- Если ты занят, Пол, я готов подождать еще.

Пол взглянул на игру движущихся теней на настенном диске, служившем часами, и сказал:

- У меня есть немного времени. Ты пришел пешком?

- Нанял автомобиль.

- Проблем не было? - спросил Пол с искренней озабоченностью.

- Я не ожидал никаких проблем. Мои права защищены. Пол еще больше встревожился.

- Эндрю, я же объяснял, что наличие такого закона не обязывает к его применению, по крайней мере в большинстве случаев... и если ты настаиваешь на том, чтобы носить одежду, то когда-нибудь нарвешься на неприятность - как в тот первый раз.

- И единственный, Пол. Мне очень жаль, что ты огорчен.

- Хорошо, посмотри на это с другой стороны. Ты уже стал буквально живой легендой, Эндрю, и во многих отношениях представляешь слишком большую ценность, чтобы иметь

право рисковать собой... Как придвигается книга?

- Уже приближаюсь к концу, Пол. Издатель очень доволен.

- Отлично!

- Не знаю, доволен ли он книгой самой по себе. Мне кажется, он надеется продать много экземпляров оттого, что она написана роботом. И именно это его радует.

- Боюсь, он всего лишь человек.

- Меня это не огорчает. Пусть книга продается по любой причине, потому что это принесет деньги, которые я смогу использовать.

- Бабушка завещала тебе...

- Маленькая Мисс была щедра, и я уверен, что смогу рассчитывать на помощь семьи и в будущем. Но чтобы продвинуться на следующий шаг, я хочу воспользоваться гонораром от книги.

- И каков же этот следующий шаг?

- Я хочу встретиться с главой «Ю. С. Роботс». Я пытался договориться с ним о встрече, но пока что не смог до него добраться. Корпорация не стала сотрудничать со мной, когда я писал книгу, так что, как ты понимаешь, я не удивлен.

Пол явно развеселился.

- И ты еще надеялся на сотрудничество! Они же не помогали нам в борьбе за права роботов, и ты сам способен увидеть причину. Дай роботам права, и люди не захотят покупать их.

- Все равно, - сказал Эндрю. - Если ты позвонишь им, то, возможно, договоришься о встрече для меня.

- Я у них не более популярен, чем ты.

- А если ты намекнешь им, что встретившись со мной, они обезглавят кампанию за упорочение прав роботов, которую ведет «Фейнголд и Чарни»?

- А разве это не будет ложью, Эндрю?

- Конечно, Пол, но я же не в состоянии лгать. Поэтому позвонить должен ты.

- Ах, вот как, ты не можешь лгать, но можешь заставить солгать меня. Так, что ли? Эндрю, ты непрерывно становишься все больше похож на человека!

13

Встречу оказалось устроить непросто, даже воспользовавшись достаточно авторитетным, по общему мнению, именем Пола.

Но в конце концов они договорились, после чего Харли Смайве-Робертсон, который по материнской линии происходил от самого основателя корпорации и писал свою фамилию через черточку, чтобы на это указывать, заметно обеспокоился. Он уже приближался к пенсионному возрасту, и весь срок пребывания на посту президента компании занимался вопросом о правах роботов. Его седеющие волосы поредели на макушке, на лице не было косметики, и время от времени он бросал на Эндрю неприязненные взгляды.

- Сэр, - сказал Эндрю, - почти столетие назад Мертон Мански из вашей корпорации сказал мне, что математические расчеты, на основании которых создаются позитронные схемы, оказались слишком сложными для получения любых решений, кроме приблизительных, и что, следовательно, мои возможности не были полностью предсказуемыми.

- Это было век тому назад. - Смайве-Робертсон помедлил и ледяным тоном добавил: - Сэр. Сейчас это утверждение неверно. Наши роботы изготавливаются очень точно, и их тренируют для выполнения именно той работы, для которой создают.

- Верно, - отозвался Пол, который пришел для того, как он говорил, чтобы убедиться, что корпорация ведет честную игру. - И в результате моему секретарю необходимо растолковывать каждый его шаг, если случается, что его действия должны хоть немного отличаться от привычных.

- Вам стало бы гораздо неприятнее, начни он импровизировать.

- Выходит, - сказал Эндрю, - вы больше не делаете роботов вроде меня, гибких и приспособляющихся?

- Нет.

- Исследования, которые я провел во время написания своей книги, - сказал Эндрю, - показали, что я на сегодня старейший из активно действующих роботов.

- Старейший сейчас, - сказал Смайве-Робертсон, - и старейший вообще. И останетесь таким навсегда. После двадцати пяти лет работы роботы ни на что не годны. Их отзывают на заводы и заменяют новыми моделями.

- Ни один из производимых сейчас роботов непригоден через двадцать пять лет, - с удовлетворением отметил Пол. - В этом отношении Эндрю - исключительное явление.

Эндрю, возвращаясь к намеченной для себя цели, сказал:

- Как старейший и наиболее способный к изменениям робот в мире, я хочу спросить, не являюсь ли я достаточно необычным, чтобы рассчитывать на особое отношение компании?

- Ни в коем случае, - ледяным тоном произнес Смайве-Робертсон. - Ваша необычность - помеха для компании. Если бы вас в свое время сдали в аренду, а не продали по какому-то недоразумению, то вас бы уже давным-давно заменили.

- Но в этом-то и дело, - сказал Эндрю. - Я - свободный робот и владею сам собой. Поэтому я пришел к вам и прошу меня заменить. Вы не можете этого сделать без согласия владельца. Сейчас подобное согласие включается в условия контракта на аренду робота, но в мое время это не было сделано.

Смайве-Робертсон был одновременно и удивлен, и заинтригован, поэтому некоторое время все молчали. Эндрю стал разглядывать висящую на стене голографию. Это была по-смертная маска Сьюзен Кэлвин, святого патрона всех роботехников. Она умерла почти двести лет назад, но, работая над книгой, Эндрю так хорошо ее узнал, что был почти готов убедить себя, что встречал ее живой.

- Как я смогу заменить вас на самого себя? - спросил Смайве-Робертсон. - Если я заменю вас как робота, то как я смогу признать нового робота владельцем самого себя, то есть вас, если из-за самого факта замены вы перестанете существовать? - Он мрачно усмехнулся.

- Все гораздо проще, - вмешался Пол. - Ядро личности Эндрю - его позитронный мозг, и это единственная часть, которая не может быть заменена без создания нового робота. Следовательно, позитронный мозг и есть Эндрю-владелец. Любая другая часть робота может быть замещена без воздействия на его личность, а сами эти другие части являются личной собственностью мозга. Я бы сказал, что Эндрю хочет снабдить свой мозг новым телом.

- Совершенно верно, - спокойно произнес Эндрю. Он повернулся к Смайве-Робертсону. - вы ведь изготавливаете андроидов, не так ли? Роботов, имеющих внешность человека вплоть до текстуры кожи?

- Да, - сказал Смайве-Робертсон. - Они отлично работают, обладая кожей и сухожилиями из синтетических волокон. Они практически не содержат металл, кроме как в мозге, и в то же время почти так же прочны, как металлические. Даже прочнее при равном весе.

Пол заинтересовался.

- Я этого не знал. И сколько их сейчас на рынке?

- Ни одного, - сказал Смайве-Робертсон. - Они гораздо дороже металлических моделей, а исследование рынка показало, что они не будут пользоваться спросом, потому что очень похожи на людей.

- Но, как мне кажется, корпорация хранит полученный опыт, - сказал Эндрю. - В таком случае хочу попросить, чтобы меня заменили на робота их органики, на андроида.

Пол удивился.

- Великий боже! - воскликнул он. Смайве-Робертсон насторожился.

- Это совершенно невозможно!

- Почему же невозможно? - спросил Эндрю. - Разумеется, я заплачу любую сумму в разумных пределах.

- Мы не изготавливаем андроидов, - сказал Смайве-Робертсон.

- Вы решили не изготавливать андроидов, - быстро вмешался Пол. - Это вовсе не равносильно тому, что вы не умеете их делать.

- Все равно, - сказал Смайве-Робертсон. - Изготовление андроидов противоречит общественной политике.

- Закон этого не запрещает, - заметил Пол.

- Пусть так, но мы не производим их, и не станем производить. Пол прокашлялся.

- Мистер Смайве-Робертсон, - сказал он. - Эндрю - свободный робот, попадающий под сферу действия закона, гарантирующего права роботов. Думаю, вы сознаете это?

- Слишком хорошо.

- Этот робот, являясь свободным роботом, решил носить одежду. Это привело к тому, что ему часто наносят оскорбления люди, несмотря на закон, запрещающий оскорблять роботов. Трудно преследовать по закону за расплывчатые оскорбления, которые не встречают всеобщего неодобрения тех, кто определяет виновность или невиновность.

- «Ю. С. Роботс» понимала это с самого начала. Фирма же вашего отца, к сожалению, нет.

- Моего отца уже нет в живых, - сказал Пол. - Но теперь я вижу, что здесь мы имеем явное оскорбление и явный объект этого оскорбления.

- О чем это вы? - спросил Смайве-Робертсон.

- Мой клиент Эндрю Мартин - а он только что стал моим клиентом - свободный робот, который имеет право просить «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» об удовлетворении своего права на замену, которое корпорация предоставляет любому, владеющему роботом более двадцати пяти лет. Более того, корпорация настаивает на такой замене.

Пол улыбнулся, оказавшись в своей стихии. Он продолжил:

- Позитронный мозг моего клиента является владельцем тела моего клиента - которое заведомо старше двадцати пяти лет. Позитронный мозг требует замены тела и предлагает любую разумную цену за тело андроида в качестве таковой замены. Отказываясь выполнить его просьбу, вы тем самым наносите оскорбление моему клиенту, и мы подаем на вас в суд.

Хотя общественное мнение, как обычно, и не будет расположено поддержать иск, поданный роботом, могу вам напомнить, что «Ю. С. Роботс» в целом не имеет популярности. Даже те, кто больше всего использует роботов и получает от этого выгоду, относятся к корпорации с недоверием. Это может быть отголоском тех дней, когда роботобоязнь имела широкое распространение, а может происходить и от возмущения против власти и богатства корпорации, имеющей мировую монополию. Какова бы ни была причина, недовольство существует, и, я думаю, вы понимаете, что лучше не доводить дело до суда, в особенности потому, что мой клиент богат и проживет еще не одно столетие, и у него будут и причины, и возможности вести борьбу бесконечно.

Смайве-Робертсон медленно побагровел.

- Вы пытаетесь заставить меня...

- Я ни к чему вас не принуждаю, - сказал Пол. - Если вы собираетесь отказаться выполнить разумную просьбу моего клиента, то можете сделать это совершенно свободно, и мы уйдем, не произнеся больше ни слова... Но мы подадим иск, на что имеем полное право, и в конце концов вы обнаружите, что проиграли.

- Ну, что же... - произнес Смайве-Робертсон и замолк.

- Я вижу, вы склонны принять нашу просьбу, - сказал Пол. - Вы колеблетесь, но в конце концов придете к этому. Позвольте, в таком случае, заверить вас еще в одном. Если в процессе переноса позитронного мозга моего клиента из его нынешнего тела в новое, органическое, ему будет нанесено хотя бы малейшее повреждение, я не успокоюсь до тех пор, пока не нанесу корпорации максимальный вред. Если будет надо, я предприму все возможные шаги, чтобы настроить общественное мнение против корпорации - в том случае, если платиноидную сущность моего клиента хотя бы поцарапают. - Он повернулся к роботу. - Ты согласен со всем этим, Эндрю?

Эндрю не отвечал целую минуту. Согласие было бы равносильно одобрению лжи, под-

логу и издевательству над человеком. Но не нанесению физического вреда, напомнил он себе, только не этому.

И в конце концов он выдавил слабое «да».

14

Это было похоже на не ощущения, которые он испытывал, когда его впервые собрали. Сначала в течение дней, потом недель, потом месяцев Эндрю чувствовал себя каким-то образом не самим собой, и простейшие действия продолжали вызывать у него затруднения.

Пол был в ярости.

- Они повредили тебя, Эндрю. Мы должны подать иск. Эндрю пока говорил очень медленно.

- Не надо. Ты не сможешь доказать... умышленное... п-п-п...

- Повреждение?

- Повреждение. Кроме того, я стал сильнее, лучше. Это тр-тр-тр...

- Тревога?

- Травма. В конце концов, я раньше не имел опыта таких оп-оп-операций. Эндрю мог ощущать свой мозг изнутри. Никому другому это не было доступно. Он

знал, что с ним все в порядке, и в течение месяцев, которые ему потребовались для развития координации движений и обратной связи от тела к мозгу, он целые часы проводил перед зеркалом.

Не совсем человек! Лицо неподвижное - слишком неподвижное - а движения чересчур дергающиеся. Им не хватало беспечной легкости человеческих движений, но, возможно, это со временем придет. По крайней мере, он сможет носить одежду и не бросаться в глаза из-за причудливой неестественности металлического лица над воротничком.

Настал день, когда он сказал:

- Я собираюсь снова начать работать.

- Это означает, что ты в полном порядке, - рассмеявшись, сказал Пол. - И чем же ты хочешь заняться? Написать новую книгу?

- Нет, - серьезно ответил Эндрю. - Я живу слишком долго и не могу позволить какой-либо одной профессии схватить меня за горло и не отпускать. Было время, когда я был преимущественно художником, и я до сих пор способен вернуться к этому занятию. И было время, когда я был историком, и этот путь для меня тоже открыт. Но сейчас я хочу стать робобиологом.

- Робопсихологом, ты хочешь сказать?

- Это подразумевает изучение позитронного мозга, а у меня пока что нет желания с этим связываться. Робобиолог, как мне кажется, будет исследовать работу тела, присоединенного к мозгу робота.

- А разве это не роботехника?

- Роботехник работает с металлическим телом. Я же стану изучать органическое гуманоидное тело, которым обладаю лишь я один, насколько мне известно.

- Ты сужаешь свою область, - задумчиво произнес Пол. - Как художник ты был волен выбирать любую концепцию, как историк ты занимался в основном роботами, став же робобиологом, ты сможешь изучать лишь самого себя.

Эндрю кивнул.

- Вроде бы так.

Ему пришлось начать с азов, потому что он ничего не знал об обычной биологии и почти ничего о научных методах. Он стал завсегдатаем библиотек, где целыми часами просиживал за электронными каталогами. В одежде он выглядел совершенно нормально. Те немногие, кто знал, что он робот, никак с ним не общались.

Он пристроил к дому комнату для лаборатории, а его библиотека постоянно росла.

Прошли годы, и однажды Пол пришел к нему и сказал:

- Жаль, что ты больше не работаешь над историей роботов. Как я понял, «Ю. С. Роботс» начинает проводить совершенно новую политику.

Пол постарел, и его изношенные глаза были заменены фотооптическими ячейками. В этом смысле он стал ближе к Эндрю.

- И что же они задумали? - спросил Эндрю.

- Они изготовили центральные компьютеры - в действительности гигантские позитронные мозги - которые по микроволновой связи управляют роботами, от дюжины до тысяч сразу. У самих роботов мозга нет вообще. Они стали придатками огромного компьютера, и теперь обе части фактически разделены.

- И это более эффективно?

- Корпорация утверждает, что да. Однако это новое направление разработал незадолго до смерти Смайве-Робертсон, и по моему мнению, это реакция на твое существование. «Ю. С. Роботс» решила, что больше не стоит изготавливать роботов, которые в состоянии причинить ей беспокойство, как это сделал ты, поэтому они разделили мозг и тело. У мозга не будет тела, которое он захочет заменить; у тела не будет мозга, чтобы желать хоть что-нибудь.

- Просто поразительно, Эндрю, - продолжил Пол, - то влияние, которое ты оказал на историю роботов. Твои художественные способности побудили корпорацию сделать роботов более точными и специализированными, твоя свобода привела к принятию закона о правах роботов, а твоя настойчивость в получении андроидного тела заставила корпорацию переключиться на разделение мозга и тела.

- Мне кажется, - сказал Эндрю, - что корпорация закончит тем, что создаст один гигантский мозг, контролирующий несколько миллиардов тел. Все яйца окажутся в одной корзине. И совсем нецелесообразно.

- Думаю, что ты прав, - сказал Пол, - но по-моему, на это потребуется не менее столетия, и я не проживу так долго. Практически, я могу не дожить и до следующего года.

- Пол! - с тревогой воскликнул Эндрю. Пол пожал плечами.

- Мы смертны, Эндрю. Мы не такие, как ты. Это не так уж важно, но достаточно, чтобы заверить тебя вот в чем. Я последний из рода Чарни. Есть дальние родственники по линии сестры моей бабушки, но они не в счет. Деньги, которые я лично контролирую, будут завещаны тебе, поэтому на то время, на которое можно предвидеть будущее, ты останешься экономически независим.

- В этом нет необходимости, - с трудом произнес Эндрю. Прожив столько лет, он до сих пор не мог примириться со смертью в семье Чарни.

- Давай не будем спорить, - сказал Пол. - Чему быть, того не миновать. Над чем ты сейчас работаешь?

- Я разрабатываю систему, позволяющую андроиду - то есть мне - получать энергию не от атомных батарей, а от сжигания углеводов.

Пол удивленно приподнял брови.

- И им придется дышать и есть?

- Да.

- И давно ты это изобретаешь?

- Теперь уже давно. И думаю, что мне удалось придумать подходящую камеру сгорания, в которой расщепление контролируется катализатором.

- Но зачем, Эндрю? Ведь атомные батареи несравненно лучше.

- В некоторых отношениях, возможно и лучше, но ведь вы ими не пользуетесь.

15

Времени потребовалось много, но оно у Эндрю было. Сначала он не хотел ничего начинать, пока Пол не умрет спокойно.

Со смертью пра-правнука Сэра Эндрю почувствовал себя еще более подверженным опасностям враждебного мира, и потому с еще большей решительностью двинулся по из-

бранному давным-давно пути.

Все же он не был совсем одинок. Пусть человек умер, но фирма «Фейнголд и Чарни» продолжала существовать, потому что корпорации смертны не более чем роботы. Фирма получила указания и невозмутимо им следовала. Став на основании завещания частичным владельцем юридической фирмы, Эндрю продолжал оставаться богатым. А в обмен на вносимую ежегодно солидную сумму «Фейнголд и Чарни» согласилась заниматься правовыми аспектами новой камеры сгорания.

Когда настало время совершить визит в «Ю. С. Роботс», Эндрю пошел один. Когда-то он ходил к ним с Сэром, другой раз с Полом. На этот, третий раз, он был один и имел внешность человека.

«Ю. С. Роботс» изменилась. Заводы компании переместились на большие орбитальные станции, повторив судьбу все возрастающего числа отраслей промышленности. Вместе с ними на орбиту переместилось и множество роботов. Земля стала все больше напоминать парк, ее население в миллиард человек стабилизировалось, а из равного людям количества оставшихся на Земле роботов возможно не более тридцати процентов имело независимый мозг.

Научным директором корпорации оказался на этот раз Элвин Макдескью, имевший смуглую кожу, темные волосы и остроконечную бородку. Выше пояса на его теле не было никакой одежды кроме полоски ткани на груди, как того требовала мода. Сам Эндрю аккуратно облачился в костюм, бывший в моде несколько десятилетий назад.

- Конечно же, я вас знаю, - сказал Макдескью, - я весьма рад вас видеть. Вы наше самое знаменитое произведение, и жаль, что старый Смайве-Робертсон был так настроен против вас. Мы могли бы столько сделать вместе.

- Это не поздно сделать и сейчас, - заметил Эндрю.

- По-моему, уже нет. Время ушло. Роботы жили на Земле более ста лет, но все уже изменилось. Им придется вернуться в космос. А те, что останутся, не будут иметь индивидуальный мозг.

- Но есть я. А я остаюсь на Земле.

- Верно. Но, кажется, в вас не очень-то много осталось от робота. С какой новой просьбой вы пришли?

- С просьбой помочь мне стать еще менее роботом. Поскольку я в основном состою из органики, то желаю иметь органический источник энергии. У меня с собой чертежи.

Макдескью просмотрел их внимательно. Возможно, поначалу он и не собирался этого делать, но потом напрягся и стал серьезным. В одном месте он произнес:

- Великолепная разработка. Кто это придумал?

- Я, - ответил Эндрю.

Макдескью быстро взглянул на него и произнес: - Это приведет к полной перестройке вашего тела, к тому же операция будет экспериментальной, потому что подобные никогда раньше не делались. Я не советую вам на это идти. Оставайтесь в том виде, какой вы есть.

Лицо Эндрю было ограничено в демонстрации эмоций, но в голове его четко проявилось раздражение.

- Доктор Макдескью, вы не поняли самого главного. У вас нет другого выбора, кроме как исполнить мою просьбу. Если подобные устройства могут быть вмонтированы в мое тело, то с тем же успехом они могут быть имплантированы и в тело человека. Тенденция к продлению человеческой жизни путем установки протезов органов уже имеется. А устройств, превосходящих те, что я создал или создаю, просто не существует.

Дело обстоит таким образом, что я контролирую все патенты через фирму «Фейнголд и Чарни». Мы вполне способны сами заняться этим бизнесом и разработать такие типы протезных устройств, что это может кончиться получением людей со многими свойствами роботов. В этом случае пострадает ваш бизнес.

Если, однако, вы прооперируете меня сейчас и согласитесь делать это на сходных условиях и в будущем, вы получите разрешение на использование патентов и станете контроли-

ровать технологию как роботов, так и протезирования людей. Разумеется, исходное разрешение не будет выдано до тех пор, пока первая операция не будет успешно проведена и не пройдет достаточно времени для подтверждения того, что она действительно оказалась успешной.

Эндрю почти не чувствовал запретительных импульсов первого закона в ответ на те жесткие условия, в которые он ставил человека. Он научился понимать, что то, что первоначально похоже на жестокость, со временем может обернуться добротой.

Макдескью был ошеломлен.

- Я не могу сам решать подобные вопросы, - сказал он. - Решение должны вынести несколько человек, а на это потребуется время.

- Я могу подождать разумное время, - сказал Эндрю, - но только разумное время. - И он с удовлетворением подумал, что сам Пол не провел бы дела лучше.

16

На обсуждение ушло разумное время, и операция оказалась успешной.

- Я сильно возражал против операции, Эндрю, - сказал Макдескью, - но не по тем причинам, что могли прийти тебе в голову. Я бы ничуть не был против, если бы ее проводили на ком-то другом. Мне было страшно рисковать твоим позитронным мозгом. Теперь, когда твои позитронные схемы взаимодействуют с искусственными нервами, может оказаться трудным спасти твой мозг в целости, если с телом что-то случится.

- Я полностью доверял умению персонала «Ю. С. Роботс», - ответил Эндрю. - И теперь я могу есть.

- Да, ты можешь пить оливковое масло. Как мы тебе объясняли, это будет означать периодическую очистку камеры сгорания. По-моему, достаточно неприятная процедура.

- Возможно. Если бы я не собирался пойти еще дальше. Вполне осуществима и самоочистка. Практически я уже работаю над устройством, которое будет перерабатывать твердую пищу, содержащую негорюемые фракции - неперевариваемые, если можно так сказать, и которые будет необходимо удалять.

- Тогда тебе придется предусмотреть анус.

- Да, его эквивалент.

- И что еще, Эндрю.

- Все остальное.

- И половые органы?

- Только если он мне потребуются. Мое тело - это холст, на котором я намерен нарисовать...

Макдескью ждал окончания предложения, и когда ему показалось, что его не будет, закончил сам:

- Человека?

- Посмотрим, - сказал Эндрю.

- Все это мелкие амбиции, Эндрю, - сказал Макдескью. - Ты лучше, чем человек. Ты начал спускаться вниз с того момента, как выбрал органику.

- Мой мозг не пострадал.

- Нет. В этом я могу тебя заверить. Но послушай, Эндрю, весь прорыв в производстве протезных устройств, который сделали возможным твои патенты, связан в сознании людей с твоим именем. Ты - признанный изобретатель, которому оказывают почести такому, какой ты есть. Для чего же продолжать игру со своим телом? Эндрю промолчал.

Дошла очередь и до почестей. Он стал членом нескольких научных обществ, включая и то, что было посвящено основанной им науке, названной им роботобиологией, но которая позднее была переименована в протезологию.

В столетилетнюю годовщину создания Эндрю в его честь был устроен обед в здании «Ю. С. Роботс». И если Эндрю и усмотрел в этом парадокс, то не высказал его.

Пенсионер Элвин Макдескью специально приехал, чтобы занять место председателя. Ему было девяносто четыре года, и он был жив лишь потому, что имел протезирующие устройства, выполнявшие, кроме всего прочего, функции печени и почек. Венцом обеда стал момент, когда Макдескью, после короткой и эмоциональной речи, поднял бокал и провозгласил тост «за 150-летнего робота».

К этому времени сухожилия на лице Эндрю были переделаны так, что он уже был способен выражать определенные эмоции, но в течение всей церемонии он просидел в мрачной неподвижности. Ему не нравилось быть стопятидесятилетним роботом.

17

Пришло время, когда протезология вынудила Эндрю улететь с Земли. За десятилетия, прошедшие после празднования его юбилея, Луна стала миром, во всех отношениях, кроме силы тяжести, более похожим на Землю, чем сама Земля, а ее подземные города были довольно плотно заселены.

Протезирующие устройства там должны были работать при меньшей гравитации, и Эндрю провел на Луне пять лет, работая с местными протезологами над необходимыми адаптациями. В свободное от работы время он бродил среди роботов, каждый из которых относился к нему с тем же подобострастием, что и к людям.

Он вернулся на Землю, где по сравнению с Луной были тишь и гладь, и посетил контору «Фейнголд и Чарни» чтобы дать знать о своем возвращении.

Нынешний глава фирмы, Саймон де Лонг, был удивлен.

- Нам сообщили, - сказал он, - что ты возвращаешься, Эндрю (он едва не сказал «мистер Мартин»), но мы не ждали тебя раньше следующей недели.

- Я стал раздражительным, - резко произнес Эндрю. Ему не терпелось высказаться. - На Луне, Саймон, я возглавлял исследовательскую группу из двадцати ученых. Людей, разумеется. Я отдавал распоряжения, с которыми никто не спорил. Роботы на Луне считались со мной так же, как если бы я был человеком. Почему же, в таком случае, я не человек?

В глазах де Лонга появилась настороженность.

- Мой дорогой Эндрю, - сказал он, - ты мне только что рассказал, что и люди, и роботы относились к тебе, как к человеку. Следовательно, ты и есть человек *de facto*.

- Быть человеком *de facto* недостаточно. Я хочу, чтобы со мной не только обращались как с человеком, но и законно признали таковым. Я хочу быть человеком *de jure*.

- Теперь это уже другой вопрос, - сказал де Лонг. - Здесь мы столкнемся с человеческой предвзятостью и с тем несомненным фактом, что как бы ты ни напоминал человека внешне, ты все же не человек.

- В каком смысле не человек? - спросил Эндрю. - Я имею внешность человека и эквивалентные ему органы. Мои органы практически идентичны некоторым из тех, что имеются у людей в качестве протезов. Я внес такой же большой художественный, литературный и научный вклад в человеческую культуру, как и любой из живущих сейчас людей. Чего же еще можно требовать?

- Лично я ничего больше не требую. Проблема в том, что для признания тебя человеком потребуется акт Всемирной легислатуры. Если честно, то я не верю, что это возможно.

- С кем из легислатуры я могу поговорить?

- Возможно, с председателем Комитета по науке и технике.

- Ты можешь устроить встречу?

- Вряд ли тебе нужен посредник. При твоём положении ты можешь...

- Нет. Ее организуешь ты. (Ему даже не пришло в голову, что он прямо приказывает человеку. Он привык к этому на Луне). Я хочу, чтобы он знал, что фирма «Фейнголд и Чарни» будет стоять за меня до конца.

- Однако...

- До конца, Саймон. За 173 года я тем или иным путем многое сделал для процветания

этой фирмы. В прошлом у меня были обязательства по отношению к индивидуальным членам фирмы. Теперь они выполнены. Обстоятельства изменились, и я требую, чтобы мне уплатили долги.

- Я сделаю все, что смогу, - сказал де Лонг.

18

Председателем Комитета по науке и технике оказалась женщина из Восточной Азии. Ее звали Чи Ли-Хсинг, и ее прозрачные одеяния (лишь легкой дымкой скрывающие то, что она хотела скрыть) создавали впечатление, будто она обернута в пластик.

- Я с симпатией отношусь к вашему желанию обладать всеми правами человека, - сказала она. - В истории были времена, когда за эти права боролись целые группы населения планеты. Но каких, однако, прав вы можете желать сверх того, чем уже обладаете?

- Такой простой вещи, как право на жизнь. Робот может быть разобран в любой момент.

- Но человек тоже может быть в любой момент казнен.

- Казнь может состояться только после приговора суда. Чтобы меня разобрать, никакого суда не требуется. Для того чтобы покончить со мной, достаточно лишь слова человека, обладающего властью. Кроме того... кроме того... - Эндрю отчаянно пытался не высказать в голосе мольбы, но тщательная тренировка в овладении человеческими выражениями лица и оттенками голоса оказала ему сейчас недобрую услугу. - Да, правда в том, что я хочу быть человеком. Я хочу этого уже в течение жизни шести поколений людей.

Темные глаза Ли-Хсинг посмотрели на него с сочувствием.

- Законодательство может принять закон, объявляющий вас человеком - и с такой же легкостью издать другой закон, который признает человеком каменную статую. Однако сделают ли они это в реальности, одинаково вероятно и в первом случае, и во втором. Конгрессмены - такие же люди, как и все остальные, и им тоже присущ элемент подозрительности к роботам.

- Даже сейчас?

- Даже сейчас. Мы все можем признать, что вы заслужили это право - называться человеком, и все же останется страх создания нежелательного прецедента.

- Какого прецедента? Я единственный свободный робот из своей серии, и других никогда не будет. Можете проконсультироваться в «Ю. С. Роботс».

- «Никогда» - это очень долго, Эндрю - или, если вы так предпочитаете, мистер Мартин - поскольку я с удовольствием достаиваю вас своего личного посвящения в люди. Вы увидите, что большинство не захочет создавать прецедент, неважно каким бы малосущественным этот прецедент ни был. Примите мое сочувствие, мистер Мартин, но я не могу вас обнадеживать. И в самом деле...

Она откинулась назад и наморщила лоб.

- В самом деле, если страсти слишком накалятся, может возникнуть определенное настроение в пользу той самой разборки, о которой вы упоминали, как в самой законодательстве, так и вне ее. Избавиться от вас может показаться простейшим методом решения дилеммы. Так что примите это во внимание, прежде чем начать подталкивать события.

- И никто не вспомнит о технике протезологии, которая почти полностью связана со мной? - спросил Эндрю.

- Быть может, это и покажется вам жестоким - никто. Или, если и вспомнят, то направят против вас. Скажут, что вы сделали это только для себя. Скажут, что это было частью кампании по роботизации людей или по гуманизации роботов, то есть зло в любом случае. Вы еще никогда не были объектом кампании политической ненависти, мистер Мартин, и я скажу, что вас будут поносить и оскорблять в такой степени, что ни вы, ни я сейчас и представить не можем, и что найдутся люди, которые всему этому поверят. Мистер Мартин, оставьте свою жизнь в покое. - Она встала, и рядом с фигурой сидящего Эндрю показалась маленькой, почти как ребенок.

- Если я решу начать борьбу, - спросил он, - вы будете на моей стороне? Она подумала, потом сказала:

- Буду. До тех пор, пока смогу. Если в определенный момент такая позиция станет угрожать моему политическому будущему, возможно, я откажусь от нее, поскольку не считаю, что она лежит в основе моих убеждений. Я стараюсь быть честной с вами.

- Спасибо, и я не стану просить большего. Я намерен бороться, несмотря на любые последствия, и прошу вашей помощи только до тех пор, пока вы сможете ее предоставлять.

19

Это не было прямой схваткой. «Фейнголд и Чарни» рекомендовали терпение, и Эндрю угрюмо пробурчал, что этого добра у него неограниченный запас. Потом юристы начали кампанию по сужению и ограничению поля битвы.

Они выдвинули проект закона, согласно которому люди с протезом сердца освобождались от обязательств по уплате долгов на том основании, что обладание роботизированным органом отрицает принадлежность к человечеству, а вместе с ним и конституционные права человека.

Они вели борьбу умело и упорно, проигрывая на каждом предпринятом шагу, но всегда таким образом, что принятое решение было вынуждено охватить максимально широкий круг последствий, а затем удерживали позиции путем апелляций к Всемирному суду.

На это потребовались годы и миллионы долларов.

Когда было принято решение, окончательно похоронившее их законопроект, де Лонг подвел итоги на торжественной вечеринке по случаю столь знаменательного поражения. Эндрю, конечно же случайно, находился в офисе компании.

- Мы добились двух следствий, Эндрю, - сказал де Лонг, - оба из которых хороши. Во-первых, мы установили, что любое количество посторонних предметов внутри человеческого тела не мешает ему оставаться таковым. Во-вторых, мы так настроили общественное мнение в этом вопросе, что теперь люди горой стоят за широкую интерпретацию принадлежности к человечеству, поскольку ни один из ныне живущих не оставляет надежды на то, что протезология когда-нибудь продлит ему жизнь.

- И ты думаешь, что теперь легислатура поддержит мою просьбу? Де Лонг немного смутился.

- Что касается этого, то тут я не могу быть оптимистом. Остается еще один орган, который Всемирный суд использует как критерий принадлежности к человечеству. У людей органический клеточный мозг, а у роботов - платиноиридиевый позитронный, если он есть вообще. У тебя же, несомненно, позитронный... Эндрю, не надо на меня так смотреть. Мы не знаем, как продублировать работу клеточного мозга в искусственных структурах, содержащих достаточно органики, чтобы удовлетворить требованию суда. Даже ты не сможешь этого сделать.

- И что же из этого следует?

- Конечно, надо сделать новую попытку. Конгрессмен Ли-Хсинг и все большее число других будут на нашей стороне. Президент, несомненно, примет в этом вопросе сторону большинства в легислатуре.

- А у нас есть большинство?

- Нет, до этого очень далеко. Но оно сможет появиться, если люди позволят перенести на тебя свое желание о широкой интерпретации принадлежности к человечеству. Признаюсь, что шанс невелик, но если ты не хочешь сдаваться, мы должны на него поставить.

- Я не хочу сдаваться.

20

Конгрессмен Ли-Хсинг сейчас была гораздо старше, чем в тот день, когда Эндрю впер-

вые с ней встретился. Она давно уже не носила прозрачной одежды. Теперь ее волосы были коротко подстрижены, а одежда оставляла такое впечатление, словно она соткана из отрезков коротких трубок. И все же Эндрю придерживался, насколько позволяли рамки разумных пристрастий, того стиля одежды, что преобладал во времена, когда он впервые оделся столетие назад.

- Мы продвинулись насколько смогли, Эндрю, - сказала она. - Попробуем сделать еще одну попытку после парламентских каникул, но если честно, поражение предопределено и нам придется сдаться. Все мои последние усилия привели лишь к тому, что мои шансы на предстоящих выборах в конгресс заметно упали.

- Знаю, - сказал Эндрю, - и это меня огорчает. Когда-то вы сказали, что перестанете оказывать мне поддержку если случится то, что уже произошло. Но почему вы этого не сделали?

- Ты ведь знаешь, можно и изменить свое решение. Так получилось, что отказ от тебя стал бы для меня еще более дорогой ценой чем та, которую я была бы согласна заплатить за еще один срок в конгрессе. И вообще, я была членом законодательного органа целых четверть века. С меня хватит.

- И мы никак не сможем переломить их отношение, Чи?

- Мы привлекли на свою сторону всех, кто был способен прислушаться. А эмоциональные антипатии остальных - большинства - изменить уже нельзя.

- Эмоциональная антипатия - недостаточно веское основание, чтобы голосовать так или иначе.

- Я это знаю, Эндрю, но они не выдвигают эмоциональную антипатию как основание для принятия решения.

- Если все упирается в вопрос о мозге, - осторожно произнес Эндрю, - то не стоит ли поднять дискуссию на уровень «клетка против позитрона»? Разве нет способа принудить к признанию функциональных различий? Не следует ли нам сказать, что мозг состоит из того-то и того-то? И можем ли мы сказать, что мозг - это нечто, любое нечто, способное к определенному уровню мышления?

- Ничего не получится, - сказала Ли-Хсинг. - Твой мозг изготовлен людьми, а человеческий - нет. Твой мозг сконструирован, а их - результат эволюции. Для любого человека, заинтересованного в сохранении барьера между ним и роботом, эти различия равны стальной стене в миллю толщиной и в миллю высотой.

- Если бы мы только могли добраться до источника их антипатии - до самой главной причины...

- Прожив столько лет, - грустно произнесла Ли-Хсинг, - ты все еще пытаешься понять человека до конца. Бедный Эндрю, не сердись, но тебя толкает на это сидящий внутри тебя робот.

- Не знаю, - отозвался Эндрю, - но если бы я смог заставить себя...

Если бы он смог заставить себя...

Он давно знал, что может прийти к такому решению, и в конце концов оказался у хирурга. Он отыскал такого, чью руки достаточно умелы, то есть хирурга-робота, потому что человеку тут нельзя было доверять, как из-за его недостаточной способности, так и из-за самого намерения сделать операцию.

Хирург не сделал бы такую операцию человеку, поэтому Эндрю, оттянув момент принятия решения и задав несколько печальных вопросов, отражавших его внутреннее смятение, отбросил защиту первого закона, произнеся:

- Я тоже робот.

И затем он сказал твердо, как научился за последние десятилетия говорить даже с людьми:

- Я приказываю тебе сделать мне операцию.

В отсутствие первого закона столь твердо отданный приказ того, кто выглядел очень похожим на человека, активировал второй закон в достаточной степени, чтобы одержать по-

беду.

21

Эндрю был уверен, что охватившая его слабость существует лишь в его воображении. Он уже оправился после операции. Тем не менее он прислонился к стене, попытавшись сделать это как можно более незаметно. Сесть означало слишком явно себя выдать.

- Решающее голосование произойдет на этой неделе, Эндрю, - сказала Ли-Хсинг. - Откладывать его еще раз больше уже не в моих силах, и нам придется проиграть... Все кончится, Эндрю.

- Я благодарен твоему опыту за эту задержку, - сказал Эндрю. - Она предоставила мне то время, в котором я нуждался, и я сделал ход, который должен был сделать.

- Какой еще ход? - спросила Ли-Хсинг с явным беспокойством.

- Я не мог рассказать о нем тебе или людям из «Фейнголд и Чарни». Я был уверен, что меня остановят. Послушай, если весь спор развернулся вокруг мозга, то разве самая большая разница не заключена в бессмертии? Кого всерьез волнует, как мозг выглядит, как устроен или как он сформировался? Главное в том, что клетки мозга умирают; должны умирать. Даже если любой другой орган вживлен или заменен, клетки мозга, которые не могут быть заменены в точности такими же, и, следовательно, не могут не убить при замене саму личность, должны иногда умирать.

Мои позитронные схемы проработали почти два столетия без ощутимых изменений, и способны проработать еще века. Разве фундаментальный барьер не в этом? Люди могут терпеть рядом с собой бессмертного робота, потому что им все равно, сколько лет просуществует машина. Но они не потерпят бессмертного человека, поскольку их смертность переносима лишь до тех пор, пока она касается всех. И поэтому они не признают меня человеком.

- К чему ты все это говоришь, Эндрю? - спросила Ли-Хсинг.

- Этой проблемы больше нет. Десятилетия назад мой позитронный мозг был соединен органическими нервами. Теперь же последняя операция изменила эти связи так, что потенциал моего мозга медленно - очень медленно - начал снижаться.

Поначалу выражение морщинистого лица Ли-Хсинг не изменилось. Потом ее губы сжались.

- Ты хочешь сказать, что теперь умрешь, Эндрю? Но ты не можешь. Это нарушение третьего закона.

- Нет, - возразил Эндрю. - Я выбирал между смертью моего тела и смертью моих стремлений и желаний. Позволить моему телу жить за счет большей смерти - вот что нарушило бы третий закон.

Ли-Хсинг схватила его за руку, словно собираясь встряхнуть ее. Она остановилась.

- Эндрю, все равно из этого ничего не выйдет. Переделай себя обратно.

- Нельзя. Нанесены слишком большие повреждения. Мне осталось прожить год - или около того. Я дотяну до двухсотлетия своего создания. Я оказался достаточно слаб, чтобы это устроить.

- Но не такой же ценой! Эндрю, ты дурак.

- Если меня признают человеком, то я сделал это не зря. Если же нет, то смерть положит конец моим усилиям, а это тоже чего-то стоит.

И Ли-Хсинг сделала то, чему удивилась сама - она тихо заплакала.

22

Странно было, в какой степени его последний поступок привлек внимание всего мира. Все, что он сделал до сих пор, не поколебало его. Но, в конце концов, Эндрю согласился даже на смерть, чтобы стать человеком, и жертва оказалась слишком велика, чтобы ее оказалось возможной отвергнуть.

Последняя церемония была, вполне умышленно, приурочена к двухсотлетнему юбилею. Президент мира должен был подписать акт и сделать его законом, а церемонию собирались показать по глобальному телевидению и транслировать для штата Луна и даже для марсианской колонии.

Эндрю сидел в передвижном кресле. Он еще мог ходить, но с большим трудом. Перед лицом всего человечества президент мира произнес:

- Пятьдесят лет назад мы объявили тебя стопятидесятилетним роботом, Эндрю. - Он сделал паузу и еще более торжественно объявил: - Сегодня мы провозглашаем вас двухсотлетним человеком, Эндрю Мартин!

И Эндрю, улыбаясь, протянул руку и пожал руку президента.

23

Эндрю лежал в постели, и мысли его медленно тускнели.

Он отчаянно цеплялся за них. Человек! Он стал человеком! Он хотел, чтобы это была его последняя мысль. С нею ему хотелось раствориться, умереть.

Он еще раз открыл глаза и в последний раз увидел тревожно ожидающую Ли-Хсинг. Были и другие люди, но всего лишь как тени, неузнаваемые тени. Только Ли-Хсинг выделялась из уплотняющейся серой мглы. Медленно, по сантиметру, он протянул к ней руку, и очень смутно и слабо ощутил, как она взяла ее.

Она расплывалась перед его глазами вместе с последними ускользающими мыслями.

Но прежде, чем она исчезла окончательно, к нему пришла последняя мимолетная мысль и задержалась на мгновение перед тем, как все остановилось.

- Маленькая Мисс, - прошептал он, так тихо, что никто его не расслышал.